Рохинтон Мистри

XX ВСК
The BEST

Хрупкое равновесие

[роман]

Хрупкое равновесие
Рохинтон Мистри

Аннотация
Рохинтон Мистри. Хрупкое равновесие
Пролог: 1975 год
Глава первая. Город у моря
Глава вторая. Чтобы мечты взрастали
Глава третья. В деревне у реки
Глава четвертая. Временные трудности
Глава пятая. Горы
Глава шестая. День в цирке, ночь в трущобе
Глава седьмая. Время перемен
Глава восьмая. Благоустройство
Глава девятая. Закон есть закон
Глава десятая. Все в одной лодке
Глава одиннадцатая. Светлое будущее затягивают тучи
Глава двенадцатая. След судьбы
Глава тринадцатая. Свадьба, глисты и санньяси
Глава четырнадцатая. Снова одиночество
Глава пятнадцатая. Планирование семьи
Глава шестнадцатая. Круг замкнулся
Эпилог: 1984

Аннотация

Рохинтон Мистри (р. 1952 г.) — известный канадский писатель индийского происхождения, лауреат нескольких престижных национальных и международных литературных премий, номинант на Букеровскую премию. Его произведения переведены на множество языков, а роман «Хрупкое равновесие», впервые опубликованный в 1995 году, в 2003 году был включен в список двухсот лучших книг всех времен и народов по версии Би-би-си.

…Индия 1975 года — в период чрезвычайного положения, введенного Индирой Ганди. Индия — раздираемая межкастовыми, межрелигиозными и межнациональными распрями, пестрая, точно лоскутное покрывало, которое шьет из обрезков ткани молодая вдова Дина Далал, приютившая в своем доме студента и двух бедных портных из касты неприкасаемых. Снаружи гремят политические бури, вспыхивают волнения и беспорядки, но в их крошечном доме царят мир и согласие. Они дарят друг другу любовь

и поддержку, помогая удерживать хрупкое равновесие на грани отчаяния и надежды…

Рохинтон Мистри
Хрупкое равновесие

Погрузившись в мягкое кресло и держа в руках эту книгу, вы, возможно, подумаете: а вдруг чтение развлечет меня? Тем не менее, прочитав эту грустную историю, вы, без сомнения, с аппетитом отобедаете, а свою бесчувственность спишете на автора, обвинив того в чудовищных преувеличениях и приступах необузданной фантазии. Но уверяю вас: настоящая трагедия — не вымысел. Здесь все — чистая правда.

Оноре де Бальзак. Отец Горио

Rohinton Mistry
A FINE BALANCE

Пролог: 1975 год

Переполненный под завязку утренний экспресс замедлил ход, а потом неожиданно с силой дернулся, словно задумал вернуть себе прежнюю скорость. Из-за его обманного движения пассажиры не устояли на ногах. Выступ из облепивших подножки людей раздулся, как готовый лопнуть пузырь на кипящем супе.

Манек Кохлах держался за поручень, и потому не упал. Чей-то локоть выбил у него из рук учебники. Рядом худощавый юноша повалился на сидящего напротив него мужчину. Сверху на них упали книги.

Толстый том стукнул юношу по спине.

— Ух! — вырвалось у него.

Юноша и мужчина — его дядя — со смехом возились, пытаясь освободиться друг от друга. Ишвар Даржи — человек с изуродованной левой щекой — помог племяннику сесть.

— Ты в порядке, Ом?

— Все хорошо, если не считать моей бедной спины, — ответил Омпракаш Даржи, поднимая две книги в оберточной бумаге. Прикинув на

руках их вес, он огляделся, ища владельца.

Манек поспешил признаться, что книги его. От мысли, что тяжелые учебники обрушились на хрупкую спину юноши, ему стало не по себе. Припомнился вдруг воробушек, которого он в детстве зашиб камнем; позже, каждый раз, когда он вспоминал этот случай, его начинало тошнить.

Манек стал горячо извиняться:

— Простите, книги выскользнули и…

— Ничего страшного, — успокоил его Ишвар. — Твоей вины тут нет. — И прибавил, обращаясь к племяннику: — Хорошо, что так вышло. Грохнись я на тебя, ты бы точно костей не собрал. — Они снова рассмеялись. К ним из вежливости присоединился и Манек.

Ишвар Даржи не был тучным мужчиной; поводом для шуток был только контраст между ним и костлявым Омпракашем. Они постоянно беззлобно подшучивали друг над другом. За ужином Ишвар всегда накладывал племяннику порцию побольше, а зайдя в придорожную дхабу[1], выжидал, когда тот пойдет помыть руки или в уборную, и тогда быстро перекладывал часть своей еды на тарелку племянника.

---

[1] Примечания: 1

Дхаба — дешевая закусочная в Индии, где обычно подают комплексные обеды.

Если Омпракаш возражал, Ишвар говорил: «Что скажут, когда мы вернемся в деревню? Что я морил племянника в городе голодом, а сам ел за двоих? Ешь, давай! Чтобы спасти мою честь, ты должен нарастить жирок!»

— Не бери в голову, — отшучивался Омпракаш. — Если твоя честь равна хотя бы половине твоего веса, ее надолго хватит.

Однако телосложение Омпракаша сопротивлялось настойчивым усилиям дяди, и племянник по-прежнему оставался худым, как спичка. Да и деньги упорно не шли в руки, так что триумфальное возвращение в деревню пока оставалось для них несбыточной мечтой.

Направлявшийся на юг экспресс снова замедлил ход, а потом со свистом и лязгом остановился. Некоторое время еще слышался свистящий звук пневмотормозов, но вскоре затих и он.

Омпракаш глянул в окно, чтобы понять, где они находятся. По другую сторону железнодорожного заграждения стояли убогие хижины, вдоль по канавке стекали нечистоты. Дети играли с палками и камнями. Щенок с лаем носился рядом, надеясь, что и его примут в игру. Голый до пояса мужчина доил корову. Такую картину можно увидеть где угодно.

До поезда донесся едкий запах горящего кизяка. Впереди, на пересечении железнодорожного пути и шоссе, собралась толпа. Несколько мужчин спрыгнули с поезда и пошли по шпалам.

— Надеюсь, мы доберемся вовремя, — сказал Омпракаш. — Если кто-то придет раньше, нам — конец.

Манек Кохлах поинтересовался, далеко ли им ехать. Ишвар назвал станцию.

— Мне туда же, — сказал Манек, поглаживая жидкие усики.

В надежде увидеть циферблат, Ишвар обвел взглядом череду запястий, тянувшихся к поручням.

— Простите, сколько времени? — обратился он к одному из мужчин.

Тот элегантным жестом отдернул манжету и показал часы. Было без четверти девять.

— Ну, давай же, двигай! — сказал Омпракаш, похлопывая по сиденью.

— Волы у нас в деревне послушнее будут, — заметил дядя, и Манек рассмеялся. Так оно и есть, заверил его Ишвар: он помнит с детства, что их деревня ни разу не уступила призовое место в праздничных состязаниях воловьих упряжек.

— От опиума и поезд понесся бы не хуже во-

лов, — сказал Омпракаш.

Продавец расчесок и украшений для волос с трудом прокладывал путь между людьми, бренча пластиковыми зубьями большого гребня. Потревоженные пассажиры сердито ворчали.

— Эй! — окликнул продавца Ом.

— Обручи для волос, надежные, пластиковые зажимы в виде цветка или бабочки, разноцветные гребни, прочные. — Голос продавца звучал монотонно и безучастно — он сомневался, что его позвали не зря и это не розыгрыш, а покупатель действительно настоящий. — Гребни большие и маленькие — розовые, оранжевые, красные, зеленые, синие и желтые, — и все не ломкие.

Омпракаш перепробовал несколько расчесок и наконец выбрал красную — карманного размера. Порывшись в карманах брюк, он вытащил монету. Пока продавец искал сдачу, ему приходилось терпеть со всех сторон враждебные толчки и тычки. Рукавом он обтер отвергнутые гребешки и положил в сумку, оставив в руках только большой гребень с двумя зубьями, и возобновил свое бренчание.

— А куда делась твоя желтая расческа? — спросил Ишвар.

— Разломилась пополам.

— С чего бы?

— Она лежала в заднем кармане. Я сел на нее.

— Плохое место для расчески. Она все-таки для головы, Ом, а не для задницы. — Ишвар обычно звал племянника Омом, называя Омпракашем только когда сердился.

— Будь это *твоя* задница, от расчески ничего бы не осталось, — парировал племянник, вызвав у Ишвара приступ смеха. Изуродованная щека нисколько не мешала этому смеху; застыв, словно на якоре, она позволяла улыбкам вволю журчать и струиться.

Он дружески пощекотал Омпракаша под подбородком. Разница в возрасте — сорок шесть и семнадцать — обычно давала неправильное представление об их действительных отношениях.

— Улыбнись, Ом. Надутые губы никак не вяжутся с прической героя. — Ишвар подмигнул Манеку, как бы приглашая того принять участие в шутливой беседе. — Этот завиток сведет с ума не одну девушку. Да ты не волнуйся, Ом. Выберу тебе девушку что надо. Большую и сильную, чтобы тела на двоих хватило.

Омпракаш заулыбался и провел расческой по волосам, как бы прихорашиваясь. Поезд по-прежнему не двигался с места. Вышедшие на разведку

мужчины вернулись с известием, что на путях впереди опять нашли труп. Манек незаметно придвинулся к двери, чтобы лучше слышать. «Легкий способ уйти из жизни, — подумал он, — при условии, что поезд сбивает прямо в лоб».

— Может, это связано с чрезвычайным положением? — предположил кто-то.

— С чем-чем?

— Так сегодня утром премьер-министр произнесла по радио речь. Вроде стране угрожает внутренний враг.

— Очередная правительственная тамаша[2].

— Зачем самоубийцы выбирают смерть на рельсах? — проворчал кто-то. — Никто не думает о людях вроде нас. Убийства, самоубийства, теракты наксалитов[3], смерти в полицейских участках — все приводит к задержке поездов. Почему бы не выбрать яд, нож или прыгнуть с высоты?

Наконец долгожданный грохот пробежал по вагонам — поезд разминал длинную стальную

---

[2] Примечания: 2

Тамаша — индийское песенное (часто юмористическое) представление.

[3] Примечания: 3

Наксалиты — участники вооруженных революционных группировок, поддерживающих маоизм. В Индии приравнены к террористам.

спину. Облегчение проступило на лицах пассажиров. Когда поезд дошел до развилки, все вытянули шеи, пытаясь увидеть, что задержало состав. Трое полицейских стояли рядом с небрежно покрытым телом, дожидаясь его отправки в морг. Некоторые пассажиры коснулись рукой лба или, сложив ладони, прошептали: «О, Рама, Рама».

Манек Кохлах вышел из поезда следом за дядей и племянником, и они вместе покинули перрон. «Извините, — сказал он, извлекая из кармана письмо. — Я первый раз в этом городе, не скажете ли вы, как мне добраться вот сюда?»

— Ты не тех людей спрашиваешь, — сказал Ишвар, не взглянув на письмо. — Мы тоже здесь впервые.

Но Омпракаш, приглядевшись, воскликнул:

— Взгляни, та же фамилия!

Ишвар вытащил из кармана клочок бумаги и сравнил адреса. Племянник оказался прав: и тут и там было написано одно и то же: Дина Далал, и ниже — адрес.

Омпракаш с неожиданной неприязнью оглядел Манека.

— Зачем тебе Дина Далал? Ты что, портной?

— Портной? Вовсе нет. Она подруга моей ма-

тери.

Ишвар похлопал племянника по плечу.

— Не впадай раньше времени в панику. Пойдем искать это место.

Манек не понимал сути разговора. Только когда они вышли из вокзала, Ишвар объяснил ему, в чем дело.

— Видишь ли, мы с Омом портные. А у Дины Далал есть работа как раз для двух портных. Вот мы и хотим предложить свои услуги.

— И вы решили, что я перейду вам дорогу, — улыбнулся Манек. — Не беспокойтесь. Я просто студент. Дина Далал училась в одной школе с моей мамой. И она разрешила несколько месяцев пожить у нее.

Они спросили дорогу у торговца пана[4] и пошли по указанной им улице. У Омпракаша все еще оставались подозрения.

— Если ты собираешься жить у нее несколько месяцев, тогда где твой чемодан, где твои вещи? У тебя что, ничего нет, кроме двух книжек?

— Сегодня я всего лишь познакомлюсь с ней. А вещи из университетского общежития перевезу в следующем месяце. — Они обогнали нищего.

---

[4] Примечания: 4

Пан — жевательная смесь, в которую входят орехи и листья бетелевой пальмы.

Тот неуклюже передвигался на деревянной платформе на колесиках — она приподнимала его на четыре дюйма над землей. На руках у нищего отсутствовали пальцы, а ноги были ампутированы почти до ягодиц. «*O Babu, ek paisa day-ray!* — тянул он, потряхивая консервной банкой в забинтованных культях. — *O babu! Hai Babu! Aray babu, ek paisa day-ray!*[5]»

— За все время, что живу в городе, еще не встречал такого жалкого нищего, — сказал Ишвар, и все с ним согласились. Омпракаш опустил в банку монету.

Они перешли на противоположную сторону и снова спросили дорогу.

— Я живу здесь уже два месяца, — сказал Манек, — но город такой большой и запутанный, что я знаю только несколько больших улиц. А те, что поменьше, все на одно лицо.

— Мы в городе уже полгода, и у нас та же проблема. Поначалу у нас прямо крыша поехала. Первое время никак не могли сесть на поезд — пропускали два или три состава, прежде чем научились протискиваться внутрь.

Манек признался, что ему здесь все ненавист-

---

[5] Примечания: 5
О, господин! Подайте денежку!.. О, господин! *(хинди)*

но. Ждет не дождется, когда закончит обучение и вернется домой, в горы.

— Мы тоже приехали ненадолго, — сказал Ишвар. — Вот заработаем немного денег и уедем в свою деревню. Что хорошего в таком большом городе? Шум, толпы людей, жить негде, с водой проблемы, повсюду мусор. Просто кошмар.

— Наша деревня отсюда далеко, — уточнил Омпракаш. — Надо ехать на поезде целый день — только утром доберешься.

— Доберемся, обязательно доберемся, — уверенно произнес Ишвар. — Нет ничего лучше родного дома.

— А я родом с севера, — сказал Манек. — Туда ехать сутки и еще день. Из окна нашего дома видны снежные вершины гор.

— Рядом с нашей деревней течет речка, — продолжал Ишвар. — Слышно, как журчит вода, и видно, как сверкает она на солнце. Там очень красиво.

Некоторое время они шли молча, охваченные мыслями о доме. Нарушил молчание Омпракаш, указав на ларек, где продавали арбузный шербет.

— Неплохо выпить чего-нибудь холодненького в такую жару.

— Хорошая мысль, — сказал Манек. — И выглядит он замечательно.

— Нам не надо, — быстро осадил племянника Ишвар. — Мы утром плотно позавтракали.

Выражение лица Омпракаша тут же изменилось.

— Ну, как хотите, — недоверчиво произнес Манек, заказывая себе большой стакан и поглядывая на портных. Те отвели глаза в сторону, стараясь не глядеть на вожделенный кувшин и запотевший стакан. Какие у них усталые лица, какая бедная одежда, изношенные сандалии!

Манек выпил половину стакана и сказал: «Я напился. Хотите теперь вы?»

Портные отрицательно замотали головами.

— Смотрите. Пропадет зря.

— Раз так, тогда давай, — согласился Омпракаш и взял стакан. Сделав большой глоток, он передал шербет дяде.

Ишвар осушил стакан и вернул его продавцу.

— Как вкусно! — сказал он, радостно улыбаясь. — Очень любезно с вашей стороны угостить нас. Нам очень понравилось, спасибо. — Неодобрительный взгляд племянника заставил его замолчать.

«Столько благодарности за глоток шербета, —

подумал Манек, — как изголодались эти бедняги по обычной доброте!»

Латунная табличка с позеленевшими от времени буквами на двери веранды гласила: Мистер и миссис Рустам К. Далал. Открыла дверь сама Дина Далал. На клочке мятой бумаги она разглядела надпись, сделанную собственной рукой.

— Вы портные?

— Да, — сказал Ишвар, вежливо кланяясь. По приглашению хозяйки все трое вошли на веранду и стояли, ощущая неловкость.

Веранда, задуманная как открытая галерея, была позже перестроена и стала отдельной комнатой еще в то время, когда покойный муж Дины Далал был ребенком. Родители решили сделать ее детской, чтобы как-то увеличить площадь маленькой квартирки. Открытые места заложили кирпичом, оставив просвет для зарешеченного окна.

— Но я приглашала только двух портных, — сказала Дина Далал.

— Простите, я не портной. Мое имя — Манек Кохлах. — И Манек выступил из-за спин Ишвара и Омпракаша.

— Ах, так ты Манек! Добро пожаловать! Извини, что не признала. Я уже сто лет не видела твою

маму, а тебя — и вовсе никогда.

Она пригласила Манека в гостиную, оставив портных на террасе.

— Подожди меня здесь, пока я разберусь с теми двумя.

— Конечно.

Манек осмотрелся. Мебель в комнате старая: разбитый диван, два стула с потертыми сиденьями, весь в царапинах и щербинках чайный столик, обеденный стол, покрытый выцветшей и потрескавшейся скатертью из искусственной кожи. «Хозяйка вряд ли живет здесь сама, — решил Манек, — наверное, просто сдает квартиру». Краска на стенах облезла. Некоторые места, где отвалилась штукатурка, напомнили Манеку, как он, рассматривая облака, любил угадывать в их очертаниях животных и пейзажи. Здесь ему тоже привиделись картинки. Вот собака подняла лапу. Резко пикирует ястреб. Мужчина с палкой карабкается в гору.

На веранде Дина Далал пригладила рукой свои черные, еще не тронутые сединой волосы и подошла к портным. Хотя ей исполнилось сорок два года, на лбу не было ни единой морщинки. Уже шестнадцать лет она сама обеспечивала себя, но это не ожесточило женщину и не испортило кра-

сивого лица, которое прежде заставляло друзей брата соперничать за ее внимание.

Дина Далал спросила у портных, как их зовут и насколько они опытны в своем деле. Портные заверили ее, что знают все о женской одежде.

— Надо только снять мерки с клиентки, и тогда мы сошьем все, что угодно, — уверенно заявил Ишвар. Переговоры вел он, в то время как Омпракаш только кивал.

— Мерки снимать не придется, — сказала Дина Далал. — Шьем по выкройкам. Каждую неделю будете сдавать две или три дюжины изделий — как захочет компания — в одном стиле.

— Работа для детей, — сказал Ишвар. — Но мы согласны.

— А что ты на это скажешь? — обратилась Дина Далал к Омпракашу, который с явным пренебрежением следил за беседой. — Ты ни слова не проронил.

— Мой племянник открывает рот, только если не согласен, — сказал Ишвар. — Его молчание — добрый знак.

Дине Далал понравилось лицо Ишвара — такие люди располагают к себе, с ними легко вести беседу. Но племянник отпугивал — неразговорчивый парень. У него был слишком маленький подбо-

родок, и лицо становилось пропорциональным, только когда он улыбался.

Она назвала свои условия: работа сдельная, и еще — нужно принести свои швейные машины. «Чем больше одежды сошьете, тем больше заработаете», — прибавила Дина Далал, и Ишвар согласился, что это справедливо. Расценки устанавливаются в зависимости от сложности фасона. Часы работы: с восьми утра до шести вечера — не меньше; дополнительные часы приветствуются. И никакого курения и жевания пана в рабочее время.

— Пан мы не жуем, — сказал Ишвар. — Но любим иногда покурить биди[6].

— Тогда придется курить на улице.

Условие было принято.

— Где мы будем работать? — спросил Ишвар. — Куда нам нести швейные машины?

— Прямо сюда. Приходите на следующей неделе, и я покажу, куда их поставить. Будете работать в задней комнате.

— О'кей! Спасибо. В понедельник обязательно придем. — Уходя, мужчины помахали Манеку. — Скоро увидимся.

---

[6] Примечания: 6

Биди — распространенные в Индии тонкие азиатские сигареты, набитые необработанными листьями табака с примесью разных трав.

— Непременно увидимся, — помахал в ответ Манек. Уловив в глазах Дины Далал немой вопрос, он рассказал о знакомстве в поезде.

— Надо быть осторожнее, — посоветовала женщина. — Можно наткнуться и на жуликов. Город — не твой поселок в горах.

— Они вроде люди хорошие.

— Похоже на то, — сдержанно отозвалась Дина Далал и еще раз извинилась, что приняла его за портного. — Ты стоял за их спинами, и я тебя толком не разглядела — у меня слабые глаза. — «Разве можно сравнить этого красивого юношу с каким-нибудь кривоногим портняжкой, — подумала она. — Как глупо с моей стороны! На вид крепкий парень. Наверное, на пользу пошли горный воздух, здоровая пища и чистая вода».

Склонив голову набок, она внимательно разглядывала юношу.

— Прошло больше двадцати лет, но я вижу в твоем лице материнские черты. Ведь мы с Абан учились в одной школе.

— Мне это известно. — От ее пристального взгляда Манеку было не по себе. — Мама писала об этом в письме. Она хотела бы, чтоб я поселился у вас со следующего месяца. Чек за аренду жилья она вышлет.

— Да, да, разумеется, — сказала Дина Далал, отмахиваясь от этих деталей и уносясь мыслями в прошлое. — В школе мы были маленькими разбойницами. С нами дружила еще Зенобия. Нашу троицу учителя звали «Бедой» с большой буквы «Б». — При этом воспоминании по лицу женщины пробежала грустная улыбка. — А теперь позволь я покажу тебе мой дом и твою комнату.

— Вы здесь живете?

— А где же еще?

Познакомив Манека с планировкой маленькой запущенной квартиры, она спросила, что он изучает в колледже.

— Рефрижерацию и кондиционирование.

— Тогда надеюсь, тебе удастся что-нибудь сделать, чтобы в квартире было не так жарко.

Манек слабо улыбнулся. Убогость обстановки поразила его. «Не намного лучше, чем в студенческом общежитии, — подумал он. — И все же — скорей бы переехать! После того, что там произошло, все сойдет». При воспоминании о случившемся его бросило в дрожь, и он поспешил переключить внимание на другое.

— Комната очень уютная. Спасибо, миссис Далал.

В углу стоял уродливый, обшарпанный буфет

с чемоданом на самом верху. Рядом притулился небольшой письменный стол. Здесь, как и в гостиной, потолок был грязный, побелка кое-где облупилась, краска на стенах выцвела, а в нескольких местах обвалилась штукатурка. Несколько замазанных цементом мест казались недавно залеченными ранами. Две односпальные кровати стояли под прямым углом вдоль стен. «Она что — будет спать в той же комнате?» — подумал Манек.

— Одну кровать я передвину к себе.

Через приоткрытую дверь он увидел комнату еще меньше своей и вдобавок в худшем состоянии. Помимо буфета (тоже с чемоданом наверху), там теснились два стула, шаткий стол и три старых сундука, поставленные друг на друга.

— Не хотелось бы стеснять вас, — пробормотал Манек, на которого квартира произвела гнетущее впечатление.

— Не говори глупости. — Голос женщины звучал весело. — Я и раньше собиралась сдавать комнату, а теперь счастливый случай помог мне заполучить в жильцы замечательного юношу-парса[7], сына школьной подруги.

---

[7] Примечания: 7

Парсы — последователи зороастризма (религии, сложившейся из откровений пророка Заратустры) в Индии.

— Вы очень добры, миссис Далал.

— И одна к тебе просьба. Зови меня тетя Дина.

Манек согласно кивнул.

— Свои вещи можешь принести в любое время. Не понравится в общежитии — милости прошу. Ждать следующего месяца не обязательно.

— Нет, что вы, но благодарю вас, миссис…

— Изволь поправиться.

— Я хотел сказать — тетя Дина. — Оба улыбнулись.

После ухода Манека она во внезапно нахлынувшем волнении, словно перед долгим путешествием, бродила по квартире. Теперь не нужно ехать к брату и выпрашивать деньги. Дина Далал глубоко вздохнула. В очередной раз ей удалось сохранить хрупкую независимость.

Завтра она привезет первую партию ткани из «Оревуар экспортс».

Глава первая. Город у моря

Дина Далал редко позволяла себе с сожалением и горечью вспоминать былые годы или задаваться вопросом, почему жизнь сложилась именно так, лишив ее того блестящего будущего, какое сулили ей в школьные годы, когда она была еще Диной Шроф. Но если она изредка и погружалась в такое состояние, то поспешно из него выбиралась. «Какой смысл ворошить давнюю историю, — говорила она себе, — если все равно все закончится тем же самым: какой путь ни выберешь, все равно окажешься на том же месте».

Отец Дины был врачом, терапевтом со скромной практикой, исполнявшим клятву Гиппократа с большей горячностью, чем прочие представители этой профессии. В начале карьеры сверстники, родственники и старшие товарищи приписывали его преданность работе юношескому рвению и задору. «Как бодрит этот энтузиазм молодости», — говорили они с улыбкой и со знанием дела кивали головой, не сомневаясь, что со временем здоровая доля цинизма и обязанности главы семейства умерят идеалистический пыл.

Но ни брак, ни рождение сына, а спустя одиннадцать лет и дочери никак не изменили доктора Шрофа. Время только усугубило дисбаланс между горячим стремлением облегчить людские страдания и желанием заработать приличные деньги.

«Какая жалость, — качали головами родные и друзья. — Какие на него возлагались надежды! А он трудится, как раб на галерах, не получая никакого удовольствия от жизни. Бедная миссис Шроф! Ни развлечений, ни вечеринок — безрадостное существование!»

В пятьдесят один год, когда большинство врачей стараются перейти на неполный рабочий день, нанимая дешевого помощника, или даже продают практику, уходя пораньше на пенсию, доктор Шроф не имел ни солидного банковского счета, ни стремления его иметь. Вместо этого он добровольно возглавил кампанию по распределению выпускников медицинских колледжей во внутренние районы страны. Там, где ни наука, ни техника не вступили в единоборство с тифом и холерой и болезни косили всех подряд, доктор Шроф вознамерился остановить смертельный серп или хотя бы притупить его.

Миссис Шроф в свою очередь тоже начала кампанию, которая сводилась к тому, чтобы убедить

мужа отказаться от затеи, грозившей ему, по ее разумению, неминуемой гибелью. Она пыталась убедить дочь повлиять на отца. Ведь двенадцатилетняя Дина была его любимицей. Миссис Шроф знала, что сын Нусван здесь ничем не поможет. Его вмешательство только испортит дело.

Поворотный момент в отношениях отца и сына произошел семь лет назад, в день, когда Нусвану исполнилось шестнадцать. На праздничный обед созвали тетушек и дядюшек, и кто-то из них сказал: «Ну, Нусван, скоро ты пойдешь по стопам отца и тоже станешь доктором».

— Я не хочу быть доктором, — отозвался Нусван. — Я займусь бизнесом — импортом и экспортом.

Кое-кто из родственников понимающе кивнул. Другие отпрянули в притворном ужасе.

— Это правда? Преемственности не будет? — насели они на доктора Шрофа.

— Конечно, правда, — ответил он. — Я не давлю на детей.

Однако пятилетняя Дина уловила на лице отца обиду, которую тот не успел скрыть. Она подбежала к нему и забралась на колени: «Папочка, я хочу, как ты, стать врачом, когда вырасту».

Все засмеялись и зааплодировали, говоря: какая

смышленая девчонка, знает, как своего добиться, даром что маленькая. А позже перешептывались между собой: да, сын не из того теста, что отец — никакой цели, многого не добьется.

Дина не утратила этого желания и в последующие годы, продолжая видеть в отце своего рода божество, которое дает людям здоровье, побеждает болезни, а иногда даже спасает от смерти. Доктор Шроф был в восторге от своей умненькой дочки. Директор и учителя монастырской школы всегда превозносили ее на родительских собраниях. Доктор Шроф не сомневался: дочь добьется успеха, если захочет.

Миссис Шроф тоже была уверена: только дочь может помешать отцу осуществить глупейший филантропический план, и не даст тому уехать в глухомань. Однако Дина отказалась участвовать в заговоре — ей не нравилось, что любимого папочку хотят удержать дома насильно.

Тогда миссис Шроф пошла другим путем. Теперь она уже не говорила о деньгах, об опасностях или о семье, понимая, что так она ничего не добьется. Она напомнила мужу о его пациентах — старых, больных и немощных: «Что будет с ними, если ты уедешь? Они доверяют тебе и надеются на тебя. Как можно быть таким жестоким?

Ты даже не представляешь, как много значишь для них».

«Ничего плохого не случится», — сказал доктор Шроф. Он знал, что любовь жены может подсказать ей самые невероятные аргументы, и потому терпеливо объяснил, что в городе достаточно терапевтов, которые способны справиться с самыми разными болезнями, а в тех местах, куда он едет, врачей совсем нет. Но это всего лишь временная командировка, утешал доктор жену, обнимая и целуя ее больше обычного. «Обещаю, что скоро вернусь, — сказал он. — Ты даже не успеешь соскучиться».

Но доктор Шроф не сдержал обещания. Он умер через три недели после начала медицинской кампании, но не от тифа или холеры, а от укуса кобры — смертельного из-за отсутствия сыворотки.

Миссис Шроф с удивительным спокойствием приняла печальное известие. «Это потому, что она жена врача и ближе знакома со смертью, — говорили люди. — Наверное, она не раз слышала от мужа о смерти пациентов, и таким образом как бы приготовилась к неизбежному для всех концу».

Но, когда она проворно занялась подготовкой к похоронам, с поразительной деловитостью

вникая в каждую мелочь, окружающие задались вопросом, все ли с ней в порядке. Миссис Шроф открывала и закрывала сумочку, оплачивая всевозможные расходы, а в перерывах принимала соболезнования, утешала скорбящих родственников, поддерживала огонь в масляной лампе у изголовья ложа доктора Шрофа, стирала и гладила белое сари[8], следила за тем, чтобы в доме было достаточное количество благовоний и сандалового дерева. Она лично давала наставления кухарке по приготовлению специальных вегетарианских блюд на каждый день.

После полных четырех дней похоронных церемоний[9] Дина все еще плакала. Миссис Шроф, подсчитывающая расходы на молитвы у «башни молчания»[10], сказала ей: «Ну-ка, перестань, дочка! Будь умницей. Папе это не понравилось бы». И Дина изо всех сил старалась сдержать слезы.

Но миссис Шроф рассеянно прибавила, выписы-

---

[8] Примечания: 8

Белое сари — символ верности и аскетизма — носят вдовы. *(Примеч. ред.)*

[9] Примечания: 9

Похороны у зороастрийцев (парсов) совершаются на четвертый день.

[10] Примечания: 10

«Башня молчания», или дахма — погребальное сооружение, где зороастрийцы оставляют мертвых на растерзание стервятникам. Этот обряд связан с убеждением, что мертвецы «нечистые», и такое захоронение должно препятствовать загрязнению стихий — Земли или Огня.

вая очередной чек: «А ведь ты могла остановить его, если бы захотела. Тебя бы он послушал».

После этих слов Дина разрыдалась в голос. Теперь она не только горевала по отцу, но испытывала жгучую ярость, почти ненависть к матери. Потребовалось несколько месяцев, чтобы она осознала: в словах матери не было ни злобы, ни обвинения — простая констатация печального факта.

Спустя шесть месяцев после смерти доктора, опора, какой стала для близких миссис Шроф, стала понемногу крошиться. Замкнувшись в себе, она теряла интерес и к домашнему хозяйству, и к себе самой.

На двадцатитрехлетнем Нусване, уже строящем планы будущей жизни, это почти не отразилось. Однако Дина, которой было только двенадцать, остро нуждалась в родительской опеке. Она отчаянно скучала по отцу. А отчуждение матери только ухудшило ее состояние.

* * *

Нусван Шроф стал самостоятельно зарабатывать на жизнь за два года до смерти отца. Он был еще холост, жил в семье и откладывал деньги, подыскивая подходящее жилье и подходящую

жену. Когда умер отец и мать ушла в добровольное затворничество, он понял, что искать жилье теперь необязательно, а вот жену надо найти поскорее.

Он возложил на себя обязанности главы семьи, став законным опекуном Дины. Все родственники приняли это как само собой разумеющееся. Они хвалили его за бескорыстный порыв и говорили, что раньше ошибались на его счет. Нусван взял в свои руки и семейные финансы, дав обещание, что мать и сестра не будут ни в чем нуждаться — его жалованья хватит на все. Но он лукавил, понимая, что получит достаточно денег от продажи амбулатории доктора Шрофа.

Первым решением Нусвана в роли главы семьи было сокращение прислуги. Он оставил кухарку, приходившую на полдня и готовившую два основных блюда, и уволил Лили — служанку с проживанием. «Мы не можем, как прежде, жить на широкую ногу, — заявил он. — Моего жалованья не хватит».

Миссис Шроф выразила сомнение в правильности решения сына.

— А кто будет следить за порядком в доме? Мои руки и ноги уже не те, что раньше.

— Не волнуйся, мама. Обязанности мы раз-

делим между собой. Ты будешь делать легкую работу — смахивать пыль с мебели, например. Каждый будет мыть за собой посуду — чашки, блюдца. А Дина — молодая девушка, кровь с молоком. Ей только пойдет на пользу, если ты научишь ее, как держать в порядке дом.

— Возможно, ты прав, — согласилась миссис Шроф, не совсем убежденная в необходимости такой экономии.

Но Дина знала, что дело в другом. Неделей раньше она, направляясь ночью в туалет, проходила мимо кухни. Там она увидела Лили на столе с раздвинутыми ногами и брата, который втиснулся меж ее ног — пижамные штаны болтались на икрах — и крепко прижимал к себе бедра служанки. Дина с любопытством разглядывала его голые ягодицы, потом тихонько прокралась к себе, так и не зайдя в туалет. Щеки ее пылали. Наверно, она чуть замешкалась, и Нусван заметил ее.

Никто не проронил о случившемся ни слова. Лили (получив скромное вознаграждение, о котором не узнала миссис Шроф) покинула дом со слезами, заявив, что таких замечательных хозяев ей больше не найти. Дина жалела ее и в то же время презирала.

В доме установился новый порядок. Все стара-

лись, как могли. Эксперимент по самообслуживанию поначалу казался просто забавой. «Словно живешь в кемпинге», — сказала миссис Шроф.

— Тот же дух товарищества, — согласился Нусван.

С каждым днем у Дины появлялось все больше обязанностей. Участие Нусвана в эксперименте сводилось к мытью чашки и тарелки после завтрака. Других обязанностей у него не было.

Однажды утром, допивая чай, он сказал: «Сегодня я что-то припозднился. Пожалуйста, Дина, помой за мной».

— Я тебе не служанка. Сам мой свою грязную посуду! — Копившееся неделями возмущение девочки выплеснулось наружу. — Ты говорил, что каждый будет делать свою работу! А теперь заставляешь меня убирать за тобой!

— Вы только взгляните на эту тигрицу. — Нусвана позабавила выходка сестры.

— Нельзя так говорить со старшим братом, — мягко упрекнула Дину миссис Шроф. — Не забывай — мы все должны участвовать в хозяйстве.

— Он все врет! Он ничего не делает! Все делаю я!

Нусван обнял мать.

— Пока, мама.

Дину он дружелюбно похлопал по плечу, но та отпрянула от него.

— А, тигрица все еще в ярости, — сказал он на прощанье.

Миссис Шроф постаралась успокоить Дину, обещая поговорить с Нусваном и убедить его взять служанку хотя бы на неполный рабочий день, но ее решимость к концу дня пропала. Все осталось, как было. А с течением времени она не только не восстановила справедливость, а, напротив, прибавила забот своей и без того загруженной дочери.

Теперь с миссис Шроф приходилось обращаться как с ребенком. Она ела, только если перед ней ставили наполненную тарелку. Но еда не шла впрок — мать с каждым днем все больше худела. Ей приходилось напоминать, чтобы она помылась и сменила одежду. Она чистила зубы, только если на зубную щетку выдавливали пасту. Помогать матери мыть голову стало самой неприятной обязанностью для Дины. Волосы женщины клочьями падали на пол ванной. При расчесывании дело обстояло не лучше.

Раз в месяц миссис Шроф ходила в храм огня — возносить молитвы за душу покойного мужа. Она говорила, что для нее утешительно слышать,

как старый дастур[11] Фрамжи молится за него. В эти дни Дина сопровождала мать, опасаясь, как бы она не заблудилась.

Перед началом церемонии дастур Фрамжи вкрадчиво пожимал руку миссис Шроф, а Дину одаривал продолжительным объятием, какое приберегал для девушек и молодых женщин. Любовь к «обнимашкам» принесла ему прозвище «дастур Обними Меня», а также враждебность коллег, которые не столько осуждали его за эту слабость, сколько порицали за отсутствие тонкости, за неумение придать этим ласкам отеческий или духовный характер. Жрецы боялись, что однажды он не сумеет сдержать свой пыл и опозорит священный храм.

Дина испытывала неловкость, когда дастур обнимал ее, проводил рукой по волосам, гладил шею, похлопывал по спине и крепко к себе прижимал. Короткая щетинистая бородка, похожая на хлопья тертого кокосового ореха, царапала щеки и лоб. Дастур отпускал ее как раз в тот момент, когда она набиралась решимости и делала попытку вырваться из цепкой западни его рук.

Весь оставшийся после посещения храма день

---

[11] Примечания: 11
Дастур — высший зороастрийский религиозный чин.

Дина старалась вызвать мать на разговор — просила совета в хозяйственных вопросах или спрашивала какой-нибудь рецепт, а когда это не действовало, заводила разговор об отце и о первых месяцах их супружеской жизни. Молчание погруженной в неведомые грезы матери ставило Дину в тупик — девочка чувствовала свое бессилие.

Но вскоре ее беспокойство за мать ослабело — молодость брала свое. Будет время, и она получит свою порцию боли и печали, так зачем раньше срока взваливать на себя эту ношу?

Миссис Шроф выражалась теперь односложно или просто вздыхала, глядя на Дину в ожидании ответа. Вытирая мебель, она никогда не забывала смахнуть пыль с рамки, в которую была вставлена фотография мужа, сделанная в день окончания колледжа. Бóльшую часть времени она проводила у окна.

Нусван предпочитал видеть в постепенной деградации матери всего лишь приличествующий вдове отказ от мирской суеты и тягу к духовной жизни. Свое внимание он сосредоточил на воспитании Дины. Его не оставляла мысль о тяжелой ответственности, лежащей на его плечах.

Нусван всегда считал отца поборником строгой

дисциплины, испытывал перед ним благоговейный трепет и даже немного боялся его. Если он хочет занять его место, то должен вызывать такой же страх в других, считал он, и часто молился, испрашивая мужества и помощи. Он признавался родственникам — дядюшкам и тетушкам, что неповиновение Дины, ее упрямство сводят его с ума. И только помощь богов дает ему силы для исполнения долга.

Родственников трогала его искренность. Они обещали молиться за него: «Не тревожься, Нусван. Все будет хорошо. Мы зажжем лампу в храме огня».

Воодушевленный их поддержкой, Нусван стал раз в неделю брать с собой в храм Дину. Там он совал ей в руку сандаловую палочку и яростно шептал в ухо: «Молись хорошенько! Проси Великого Отца сделать тебя хорошей и послушной девочкой».

Пока она молилась перед священным огнем, Нусван бродил у наружных стен жертвенного помещения, разглядывая портреты дастуров и жрецов. Он переходил от одного изображения к другому, трогал гирлянды, касался рамок, целовал стекло, пока не подходил к величественному изображению Заратустры, и на целую минуту

припадал к нему губами. Потом брал немного пепла из сосуда, стоявшего у входа в святилище, мазал себе лоб, горло и, расстегнув две верхние пуговицы рубашки, натирал грудь.

«Словно тальком себя присыпает», — думала Дина. Склонившись в молитве, она уголком глаза следила за братом и еле удерживалась от смеха. Но голову не поднимала, пока брат не прекращал свои смешные манипуляции.

— Молилась усердно? — спрашивал он при выходе из храма.

Дина кивала.

— Это хорошо. Теперь дурные мысли покинут твою голову, а на сердце будет легко и спокойно.

Дине не разрешалось навещать в каникулы подружек. «В этом нет необходимости, — сказал Нусван. — Ты достаточно видишь их в школе». Приходить к ней можно было тоже только с его разрешения. Визиты подруг не доставляли Дине радости — ведь брат все время следил за ними.

Однажды он подслушал ее разговор с Зенобией: девочки смеялись над его зубами. Это укрепило Нусвана в убеждении, что за этими чертовками нужен глаз да глаз. Зенобия говорила, что он похож на лошадь.

— На лошадь с плохими зубами, — прибавила

Дина.

— Таким бивням и слон бы позавидовал, — продолжала Зенобия.

Когда Нусван вошел в комнату, девочки изнемогали от смеха. Он окинул их грозным взглядом и со зловещим видом покинул комнату, оставив за собой гробовую тишину. «Ага, сработало! — удивился он, почувствовав удовлетворение. — Страх работает!»

Нусван всю сознательную жизнь страдал из-за кривых зубов и в ранней юности даже сделал попытку их исправить. Тогда Дине было лет шесть-семь, и она без конца дразнила его. Лечение у ортодонта было болезненным, и он от него отказался, но никогда не упускал возможности пожаловаться, что отец-врач не позаботился о его зубах. И указывал на идеальные зубы сестры — свидетельство явной несправедливости.

Мать, видя его переживания, пыталась оправдаться: «Это я виновата, сынок. Я не сразу узнала, что детям надо каждый день массировать зубы. Меня этому научила только няня Дины, и тебе помочь я не успела».

Но обида у Нусвана так и не прошла. После ухода подруги Дине крепко досталось. Он попросил сестру повторить то, что она говорила. Девушка

смело повторила.

— У тебя есть привычка болтать все, что приходит в твою глупую голову. Пойми, ты уже не ребенок. Кто-то должен научить тебя хорошим манерам. Полагаю, этим человеком являюсь я. — И, вздохнув, Нусван принялся неожиданно сильно хлестать ее по лицу, остановившись только когда рассек ей нижнюю губу.

— Свинья! — зарыдала Дина. — Хочешь, чтоб я стала такой же уродливой, как ты? — После этих слов Нусван схватил линейку и стал лупить девочку изо всех сил, а та уклонялась от ударов и бегала по комнате.

На этот раз миссис Шроф обратила внимание, что с дочерью что-то не так.

— Почему ты плачешь, дочка?

— Подлый Дракула! Он избил меня до крови!

— Тс-с… Бедняжка. — Мать обняла Дину и тут же вернулась на свое место у окна.

Через два дня после ссоры Нусван, желая загладить вину, принес Дине набор лент.

— Они будут хорошо смотреться в твоих косичках, — сказал он.

Дина вытащила из школьного ранца ножницы для рукоделья и изрезала ленты на мелкие кусочки.

— Ты только взгляни, мама! — воскликнул Нусван чуть ли не в слезах. — Взгляни на свою злую дочь! Мне деньги нелегко даются. Я потратил их на нее — и вот благодарность.

В борьбе за дисциплину линейка стала любимым орудием Нусвана. Чаще всего причиной наказания был непорядок с его одеждой. Прогладив, отутюжив и разложив вещи на четыре стопки, Дине надлежало убрать их в комод: белые рубашки, цветные рубашки, белые брюки, цветные брюки. Иногда она специально перекладывала рубашку в тонкую полоску в стопку с белыми рубашками или брюки в клетку в стопку с белыми. Несмотря на наказания, Дина никогда не уставала провоцировать брата.

— Она так ужасно себя ведет, что, наверное, в ее сердце поселился сам сатана, — отвечал устало Нусван на расспросы родственников. — Может, стоит отправить ее в интернат?

— Нет, не надо! Не делай этого опрометчивого шага, — взмолились родственники. — Подумай, как много девушек-парси погубил интернат! Будь уверен, Бог вознаградит тебя за терпение. Да и сама Дина, когда вырастет и поймет, что ты думал о ее благе, тоже поблагодарит тебя. — Уходя, они переговаривались между собой, называя

Нусвана святым: иметь такого брата — счастье для каждой девушки.

Получив одобрение родственников, Нусван не сменил тактику. Он сам покупал Дине одежду, считая, что лучше знает, как следует одеваться юной девушке. Обычно купленная им одежда сидела на Дине плохо: Нусван не брал сестру за покупками. «Не хочу спорить с тобой в присутствии продавца, — говорил он. — Ты всегда ставишь меня в неловкое положение». Если сестра нуждалась в новой форме, он вместе с ней приходил в школу в тот день, когда там были портные, чтобы присутствовать при снятии мерок. Он вытягивал из портных сведения, касающиеся расценок и материалов, чтобы получить скидку. Дина ненавидела этот ежегодный ритуал, предвидя, что в очередной раз испытает стыд перед одноклассницами.

Все ее подруги уже носили короткую стрижку, и Дина умоляла брата разрешить ей обрезать волосы. «Разреши мне подстричься, и я обещаю мыть пол в столовой ежедневно, а не через день, — торговалась она. — А хочешь, буду каждый вечер чистить твою обувь?»

— Нет, — отрезал Нусван. — В четырнадцать лет рано носить фасонные стрижки. Косички

— в самый раз. Кроме того, я не могу тратиться на парикмахера. — Однако не замедлил внести чистку обуви в список обязанностей сестры.

Спустя неделю после решительного разговора с братом Дина с помощью Зенобии отрезала косички в школьном туалете. Зенобия мечтала о карьере стилиста и радовалась, что ей так повезло — может попрактиковаться на подруге.

— Давай снимем волосы по-максимуму, — предложила она. — Подстрижем тебя «под мальчика».

— Ты с ума сошла? — испугалась Дина. — Нусвана удар хватит.

Они остановились на стрижке «паж» — сантиметра на два выше плеч, и Зенобия, не моргнув глазом, отрезала Дине косички. Получилось слегка неровно, но девочки остались довольны результатом.

Дина не решилась выбросить косички в мусорный ящик и, положив их в ранец, пошла домой. Она гордо расхаживала по дому и каждый раз, проходя мимо зеркала, ловила в разных ракурсах свое отражение. Потом зашла к матери и остановилась, ожидая удивления, восторга или вообще какой-нибудь реакции. Но миссис Шроф ничего не заметила.

— Мама, тебе нравится моя новая прическа? — спросила наконец Дина.

Миссис Шроф остановила на ней невидящий взгляд.

— Очень мило, дочка. Очень мило.

В тот вечер Нусван поздно вернулся домой. Поздоровавшись, он сказал матери, что сегодня было много работы. И только потом увидел Дину. Тяжело вздохнув, он приложил руку ко лбу. Нусван очень устал, и ему хотелось на этот раз обойтись без ссоры. Но разве можно оставить без наказания такую дерзость и неповиновение? Тогда он не сможет себя уважать.

— Подойди ко мне, Дина. Объясни, почему ты ослушалась меня.

Девочка почесала шею, зудевшую от оставшихся после стрижки волосков.

— Как это ослушалась?

Брат влепил ей пощечину.

— Не отвечай вопросом на вопрос.

— Ты сказал, что у тебя нет денег на парикмахера. Так вот — я подстриглась сама.

Он снова ее ударил.

— Говорю тебе — не дерзи!

Взяв линейку, он больно ударил ее по ладоням, а потом, сочтя ее проступок слишком серьезным,

стал бить по костяшкам пальцев.

— Я тебя проучу. Ведешь себя как шлюха.

— Посмотри на себя в зеркало. У тебя прическа, как у клоуна, — огрызнулась Дина, и не думая сдаваться.

Сам Нусван считал, что его прическа — образец элегантности и достоинства. Он носил волосы на прямой пробор — аккуратно уложенные и сильно напомаженные. Язвительная насмешка сестры вызвала в нем взрыв негодования. Он стегал Дину линейкой по плечам и ногам, а потом загнал в ванную, где стал срывать с нее одежду.

— Больше ни слова! Молчи! Сегодня ты превзошла самое себя! Помойся хорошенько ты, грязная тварь! Смой с себя обрезки волос, а то растрясешь их по всему дому и навлечешь на нас несчастье.

— Уж кому нечего волноваться, так это тебе! Твое лицо и смерть отпугнет. — Дина стояла совершенно голая на кафельной плитке, но брат не уходил. — Мне холодно, — сказала она.

Сделав шаг назад, Нусван окатил ее холодной водой из ведра. Дина дрожала всем телом, но во взгляде по-прежнему был вызов. Нусван коснулся соска на ее груди, и девочка вздрогнула.

— У тебя не грудь, а два пупырышка. Не думай, что ты уже женщина. Тебе надо их подрезать,

как и язычок.

Брат смотрел на нее как-то странно, и Дина испугалась. Она понимала, что ее дерзкие ответы разозлили его, но это никак не увязывалось с тем взглядом, с каким он уставился на нежный пушок в том месте, где соединялись ее ноги. Благоразумнее прикинуться покорной — так гнев его быстрее утихнет. Дина отвернулась и заплакала, закрыв лицо руками.

Нусван удалился, чувствуя себя победителем. Но тут его внимание привлек лежащий на кровати ранец. По сложившейся привычке контролировать жизнь сестры он открыл его и увидел поверх учебников злополучные косички. Стиснув зубы, Нусван брезгливо взял одну косичку большим и указательным пальцами, и ярость на его лице внезапно сменилась слабой улыбкой.

Когда Дина вышла из ванной, Нусван достал моток изоляционной ленты и приклеил косички к ее волосам.

— Так будешь ходить, — сказал он. — Повсюду — даже в школу, пока волосы опять не отрастут.

Ну почему она не спустила эти мерзкие косички в школьный унитаз? Теперь они свисали с ее головы, словно хвосты дохлых крыс.

На следующее утро Дина тайком взяла с собой в школу изоляционную ленту. Перед тем как войти в класс, она отцепила ненавистные косички. Довольно болезненная процедура — Нусван их крепко примотал. После школы Дина с помощью Зенобии снова приклеила косички. Так ей удавалось день за днем избегать наказания.

Через некоторое время в городе начались беспорядки, вызванные Разделом[12] и уходом англичан, и Дина оставалась дома вместе с Нусваном. В округе был введен комендантский час. Офисы, предприятия, колледжи, школы — все было закрыто, и от гадких косичек спасения не было. Нусван разрешал снимать их только на время купания и строго следил, чтобы после они сразу же возвращались на место.

Чувствуя себя в квартире, как в западне, Нусван постоянно ворчал, скорбя о постигших страну напастях.

— Сидя дома, я каждый день теряю деньги. Эти дикари не заслуживают независимости. Если им не терпится перерезать друг другу глотки, сделали бы это тихо и, желательно, подальше отсюда.

---

[12] Примечания: 12

Раздел Индии — процесс разделения в 1947 году бывшей британской колонии Британская Индия на независимые государства: Доминион Пакистан и Индийский Союз.

Где-нибудь в своих деревнях. А наш тихий город у моря оставили бы в покое.

Когда волнения утихли, Дина почувствовала себя птичкой, выпущенной из клетки на волю: восемь часов в школе вдали от неусыпного надзора Нусвана казались ей счастьем. Да и он был рад вернуться в свой офис.

В первый вечер после воцарения в городе нормальной жизни Нусван вернулся домой в приподнятом настроении.

— Комендантский час отменен, и твое наказание тоже. Можешь выбросить косички, — сказал он и великодушно прибавил: — А тебе идет короткая стрижка.

Открыв портфель, он извлек оттуда обруч для волос.

— Носи его вместо изоленты, — пошутил брат.

— Сам носи, — огрызнулась она.

* * *

Прошло три года со смерти отца, и Нусван женился. А спустя еще несколько недель мать полностью замкнулась в себе. Если раньше она послушно следовала инструкциям — поднимайся, пей чай, мой руки, глотай лекарство, то теперь между ней и окружением выросла стена

непонимания.

Дине стало трудно справляться со своими обязанностями по уходу за матерью. Когда запах из комнаты миссис Шроф уже нельзя было игнорировать, Нусван робко заговорил об этой проблеме с женой. Он не осмеливался открыто просить ее о помощи, но надеялся, что она сама захочет помочь.

— Руби, дорогая, маме все хуже. Она нуждается в постоянной заботе.

— Помести ее в дом престарелых, — посоветовала Руби. — Там ей будет лучше.

Нусван согласно кивнул, но остановился на более дешевом и более гуманном варианте — не спихнул мать в богадельню, как, без сомнения, поступили бы жестокие люди, а нанял на полный день сиделку.

Но та надолго не задержалась: миссис Шроф не прожила и года, и тогда все поняли, что жена доктора ничем не отличается от прочих смертных и не застрахована от обычной участи всех людей. Она умерла в тот же день по шахиншахскому[13] календарю, что и муж. Поминальные молитвы по ним последовательно возносил в храме огня

[13] Примечания: 13

Зороастрийский календарь, по этому календарю новый год начинается в весеннее равноденствие 21 марта.

все тот же дастур Фрамжи. К этому времени Дина уже научилась уклоняться от его более чем дружеских объятий. Когда он приближался, она вежливо протягивала ему руку и отступала на шаг, потом еще на один и так далее. Не имея возможности преследовать ее в молитвенном зале среди чаш с горящим сандалом, дастур только глупо улыбался и прекращал охоту. После того, как истек первый месяц молитв в память миссис Шроф, Нусван решил, что Дине нет смысла продолжать учебу. Ее последние оценки оставляли желать лучшего. Дину могли отчислить, если бы директор школы в память о докторе Шрофе не закрыла на это глаза.

— Со стороны мисс Ламб очень любезно пойти навстречу и перевести тебя в следующий класс. Но факт остается фактом — твои оценки из рук вон плохи. Я не стану еще год зря тратить деньги.

— По твоему приказу я целыми днями скребу и чищу весь дом. И часу не остается в день на занятия. Чего ты ждешь?

— Не оправдывайся. Такой сильной молодой девушке ничего не стоит сделать кое-что по дому. К учебе это не имеет никакого отношения. Ты хоть понимаешь, как тебе повезло? В нашем

городе тысячи детей чистят ботинки на вокзалах, собирают бумагу, стекло, пластиковые бутылки, а вечером учатся. И ты еще жалуешься? У тебя просто нет интереса к учебе. Поэтому я забираю тебя из школы.

Дина не собиралась сдаваться без борьбы. Она надеялась, что жена Нусвана ее поддержит. Руби, однако, предпочла остаться в стороне, и на следующий день Дина, когда ее послали со списком на рынок за продуктами, побежала к дедушке.

Дедушка жил у одного из сыновей в комнате, пропахшей лекарствами. Стараясь не дышать, Дина обняла старика и торопливо выплеснула на него свои горести.

— Дедушка, прошу тебя! — взмолилась она. — Пожалуйста, скажи, чтоб он меня не мучил!

Дряхлевшему не по дням, а по часам дедушке потребовалось время, чтобы понять, кто перед ним стоит, и еще какое-то время, чтобы сообразить, чего от него хотят. Старик не надел вставную челюсть, и разобрать его речь было трудно.

— Принести тебе зубы, дедушка? — предложила Дина.

— Нет, нет! — яростно замахал руками дед. — Не хочу зубы! Они корявые, от них десны болят. Проклятый дантист. Ни на что не годится. Мой

плотник сделал бы зубы лучше.

Дина еще раз, очень медленно, повторила свой рассказ, и старик наконец понял, в чем дело.

— Аттестат? Тебе? Конечно, нужен. Ты должна окончить школу и поступить в колледж. Я потребую, чтобы этот негодяй не мешал тебе. Велю этому Нозеру, нет, Невину, то есть Нусвану, ну конечно, Нусвану, определить тебя в колледж.

Старик послал к Нусвану слугу с приказом явиться к нему как можно скорее. Нусван не посмел ослушаться деда — он очень дорожил мнением семьи. Ссылаясь на дела, он отправился к деду только через несколько дней, прихватив с собой союзника в лице Руби. Ей был дан наказ — понравиться старику.

Со времени визита Дины дед успел позабыть внучку. Из их разговора он ничего не помнил. На этот раз вставная челюсть была на месте, но это не помогло. Старик с трудом, после многочисленных подсказок, похоже, признал родственников. Не обратив внимания на Руби, он вдруг решил, что Нусван и Дина муж и жена, и, несмотря на ласки и уговоры Дины, остался при своем мнении.

Руби тем временем сидела на диване, держа старика за руку. Она предложила помассировать ему ступни и, не дожидаясь ответа, ухватила его

за левую ногу и стала ее растирать. У старика были длинные желтые ногти, которые давно стоило подстричь.

Дед в ярости вырвал ногу из ее цепких пальцев. «*Kya karta hai? Chalo, jao!*»[14]

Пораженная тем, что к ней обратились на хинди, Руби в изумлении таращилась на старика. Дед повернулся к Нусвану:

— Она что, слов не понимает? На каком языке говорит твоя *ayah*[15]? Пусть сойдет с моего дивана и подождет на кухне.

Оскорбленная Руби встала и пошла к двери.

— Грубый старик! — прошипела она. — Да, моя кожа немного темновата. Ну и что?

Нусван сухо попрощался и последовал за женой, но на пороге обернулся и бросил торжествующий взгляд на Дину, которая пыталась сгладить ситуацию. Она осталась с дедом, надеясь, что тот мобилизует скрытые ресурсы и придет ей на помощь. Спустя час она поцеловала старика в лоб и тоже ушла.

Больше Дина его не видела. Через месяц он умер во сне. На похоронах ей стало интересно, на-

---

[14] Примечания: 14
Что ты делаешь? *(хинди).*

[15] Примечания: 15
Служанка *(хинди).*

сколько отросли за это время дедушкины ногти, но белая простыня скрывала все, кроме его лица.

* * *

В течение четырех лет Нусван методично откладывал деньги на свадьбу Дины. Собралась уже достаточная сумма, и он решил выдать ее замуж в ближайшее время. Нусван с гордостью говорил себе, что трудностей здесь не будет. За это время Дина выросла в красивую девушку и, несомненно, заслуживала самого хорошего мужа. Свадьба будет пышной, какую и заслуживает сестра удачливого бизнесмена, и люди еще долго будут о ней говорить.

Когда Дине исполнилось восемнадцать, Нусван стал приглашать домой подходящих женихов. Все они вызывали у нее отторжение: молодые люди были друзьями Нусвана и напоминали его своими словами и поступками.

Нусван не сомневался: рано или поздно ей кто-нибудь да понравится. Теперь он не следил, когда и куда сестра уходит: она уже не подросток и не нуждается в тотальном контроле. Если Дина убиралась в доме и покупала по данному Руби списку продукты, в доме царило спокойствие. Если в семье и возникали ссоры, то только между Диной

и Руби, как будто Нусван передал эстафету жене.

Иногда Дина проявляла на рынке инициативу и покупала цветную капусту вместо обыкновенной, или ей вдруг безумно хотелось цыплят, и тогда она жертвовала апельсинами. Дома Руби отчитывала ее за такую самодеятельность: «Негодяйка, ты испортила моему мужу обед!» Однако эти слова шли не от души — просто ей надо было соответствовать образу заботливой жены.

Но женщины не всегда ссорились и бранились. Постепенно они все больше сближались. Среди прочих вещей Руби принесла в дом после свадьбы небольшую ручную швейную машину. Она показала Дине, как ею пользоваться, и научила шить такие простые вещи, как наволочки, простыни, занавески.

Когда у Руби родился первый ребенок — мальчик, которого назвали Ксерксом, — Дина помогала за ним ухаживать. Она шила детскую одежду и вязала шапочки и кофточки. На первый день рождения малыша она связала пинетки. Утром этого счастливого дня они украсили Ксеркса гирляндами из роз и лилий и нарисовали большую красную точку в центре его лобика.

— Ну что за малыш! — умилялась Дина.

— А какие ты связала пинетки — просто чу-

до! — сказала Руби, крепко ее обнимая.

Но это был редкий день без споров. Покончив с хозяйственными делами, Дина предпочитала проводить время вне дома. На личные траты отводились деньги, которые удавалось сэкономить на покупках. Ее совесть была чиста: эти деньги — пусть частичная, но все же компенсация за тяжелый домашний труд, считала она.

Руби заставляла ее отчитываться до последней пайсы[16].

— Покажи мне чеки. На все, что ты купила. — И она ударяла по кухонному столу с такой силой, что на кастрюле подпрыгивала крышка.

— Где ты видела, чтобы торговки рыбой или зеленью у дороги выписывали чеки? — огрызалась Дина, швыряя чеки из магазинов и часть мелочи, оставшуюся от покупок с рук. С этими словами она покидала кухню, а невестка ползала по полу, отыскивая и подсчитывая монеты.

На автобусные билеты денег хватало. Дина ездила в парки, бродила по музеям и рынкам, подходила к кинотеатрам, чтобы полюбоваться на афиши, и робко заглядывала в публичные

[16] Примечания: 16

Пайса — разменная монета в Индии, Непале и Пакистане, одна сотая рупии.

библиотеки. Вид склоненных над книгами голов наводил на мысль, что она здесь лишняя. Похоже, все они тут образованные, а она даже школу не кончила.

Страхи развеялись, когда она увидела, что эти серьезные люди читают самую разную литературу — не только трудно произносимую «Ареопагитику» Джона Мильтона, но и «Иллюстрированный индийский еженедельник». Со временем эти большие старые читальные залы с высокими потолками, скрипучим полом и темными панелями стали ее излюбленным убежищем. Свисающие на длинных штангах внушительного вида вентиляторы бесшумно гоняли воздух, а кожаные кресла, ни с чем не сравнимый запах старых книг и шелест переворачиваемых страниц вносили в душу спокойствие. И что самое лучшее — люди переговаривались шепотом. Только однажды Дина услышала окрик — то швейцар прогонял бродягу, пытавшегося проникнуть внутрь. Сама она проводила там часы, пролистывая энциклопедии, разглядывая альбомы по искусству, с интересом открывая пыльные медицинские справочники, а под конец просто сидела несколько минут с закрытыми глазами в темном углу старинного здания, где время по

желанию могло останавливаться.

В более современных библиотеках были музыкальные комнаты. А еще там были пластиковые столы, флуоресцентное освещение, кондиционеры, ярко окрашенные стены, и всегда много народу. Дине эти библиотеки казались холодными и негостеприимными, и она заходила туда, только если хотелось послушать музыку. Музыку она знала плохо. Несколько имен — Брамса, Моцарта, Шумана и Баха — она помнила с детства: тогда отец сажал ее на колени, включал приемник или ставил пластинку и говорил: «Музыка помогает забыть тревоги этого мира, правда?» И Дина серьезно кивала головой.

Пластинки в библиотеке она выбирала наугад, стараясь запомнить те, которые ей нравились, чтобы послушать их еще раз. Дело было не из легких: симфонии, концерты и сонаты отличались только номерами, перед которыми стояли буквы Op., или K., или BWV[17], и она не знала, что это значит. Если ей везло, она находила пластинку с именем, отзывавшимся в ее памяти, и, когда начинала звучать знакомая музыка, на какое-то время погружалась в прошлое, и ее пронзала

---

[17] Примечания: 17

BWV — «Каталог работ Баха», общепринятое сокращение с немецкого.

боль узнавания, будто к ней возвращалась некая утраченная часть.

Дина и жаждала, и одновременно страшилась этих острых музыкальных переживаний. Блаженные минуты в музыкальной комнате сменялись безотчетным гневом при возвращении домой — к Нусвану и Руби. Самые болезненные ссоры происходили после прослушивания музыки.

Журналы и газеты упрощали дело. Из газет Дина узнала, что в городе есть несколько культурных центров, спонсирующих концерты и сольные программы. На многие представления, особенно местных коллективов или малоизвестных иностранных, вход был свободный. Дина стала тратить часть своих денег на концерты и выяснила, что они являются приятной альтернативой библиотеке. Исполнители, без сомнения, тоже были благодарны ей за присутствие в полупустых залах.

В фойе Дина жалась к стенам, ощущая себя лишней. Казалось, все вокруг хорошо знают музыку и исполнителей — с таким умным видом они разглядывали программки и что-то в них отмечали. Она не могла дождаться, когда распахнутся двери и тусклый свет скроет от чужих глаз ее невежество.

В концертном зале музыка не имела над ней той власти, что во время уединенных часов в библиотеке. Здесь музыка шла рука об руку с «человеческой комедией». Со временем Дина начала узнавать постоянных посетителей.

Один старик всегда засыпал на четвертой минуте после начала концерта; опоздавшие из вежливости обходили ряд, где он сидел, чтобы случайно его не потревожить. На седьмой минуте у старика сползали очки. На одиннадцатой (если произведение было достаточно длинным, и его не будили аплодисменты) рот старика приоткрывался и становились видны зубы. Дине он напоминал дедушку.

В первом ряду всегда сидели две сестры, обе на пятом десятке, высокие, худые, с заостренными подбородками, они хлопали невпопад, прерывая сон старика. Дина сама не разбиралась в сонатной форме, однако понимала, что пауза в музыке не всегда означает конец произведения. Она аплодировала, только когда это делал мужчина с козлиной бородкой, носивший очки в круглой проволочной оправе, — тот выглядел знатоком и всегда знал, когда нужно хлопать.

Еще один постоянный посетитель, занятный мужчина средних лет, всегда в одном и том же ко-

ричневом костюме, был знаком почти со всеми. В фойе он метался от одного человека к другому, крутил головой в разные стороны и убеждал, что их ждет замечательный концерт. Его галстуки наводили на размышления. Иногда они занимали господствующее положение на груди и были такие длинные, что хлестали по брюкам. А порой еле дотягивали до живота. Узлы также варьировались от почти микроскопических до размеров гигантской самосы[18]. От одной группы к другой он не переходил, а, скорее, перепрыгивал, обмениваясь двумя-тремя словами, потому что, говорил он, до начала концерта всего несколько минут, а поприветствовать нужно всех.

В фойе Дина приметила молодого человека, который, подобно ей, разглядывал издали веселое содружество любителей музыки. Обычно, стремясь поскорей удрать из дома, она приезжала раньше других и видела, как юноша подкатывает к входу на велосипеде, аккуратно слезает с него и вводит велосипед в ворота. За небольшую плату охранник позволял ему эту вольность. Молодой человек ставил велосипед у стены, вешал на него замок и снимал с багажника портфель. Затем

[18] Примечания: 18
Самоса — индийский пирожок с овощами.

освобождал брюки от прищепок и засовывал их в портфель. И только потом устраивался в полюбившемся уголке фойе, чтобы посмотреть программку и поглазеть на публику.

Иногда они встречались глазами, и в их взглядах сквозило молчаливое понимание. Забавный мужчина в коричневом костюме не замечал Дину, но включил юношу в разряд тех, кого всегда приветствовал.

— Привет, Рустам! Как поживаешь? — крикнул он. Так Дина узнала имя молодого человека.

— Хорошо, спасибо! — ответил тот, глядя через плечо человека в коричневом костюме на Дину, с удивлением наблюдавшую за ними.

— Скажи, что ты думаешь о сегодняшнем пианисте? Сможет ли он достичь той глубины, что требуется в медленной части? Как ты считаешь, ларго… О, прости меня, прости, я вернусь через минуту, только поздороваюсь с мистером Медора. — И мужчина исчез. Рустам улыбнулся Дине и покачал головой с притворным отчаянием.

Раздался звонок, и двери зрительного зала призывно распахнулись. Две рослые сестры синхронной прыгающей походкой заторопились в первый ряд, опустили обитые красно-коричневой тканью сиденья и с ликующим видом плюхну-

лись в кресла, радостно улыбаясь друг другу, как люди, в очередной раз одержавшие победу. Дина заняла привычное место в центре зала, ближе к проходу.

Зал постепенно наполнялся, и к ней подошел Рустам.

— Это место свободно?

Она кивнула.

Молодой человек сел.

— Занятный человек, этот мистер Тоддивалла, правда?

— Его так зовут? Да, он забавный.

— Даже если концерт так себе, он не даст скучать.

Свет понемногу померк, и на сцену вышли два исполнителя, встреченные аплодисментами.

— Кстати, меня зовут Рустам Далал, — сказал молодой человек и, наклонившись, протянул руку, а в это время флейта в ответ на серебристое фортепианное «ля» послала свое — золотистое.

— Дина Шроф, — шепнула она, собираясь ответить на рукопожатие, но, не сразу заметив его движение, несколько опоздала: Рустам уже отвел руку.

В антракте Рустам спросил, что она желает — кофе или что-нибудь из прохладительных

напитков.

— Ничего, спасибо.

Они смотрели, как слушатели расходятся: кто в буфет — освежиться, кто в туалет. Рустам закинул ногу на ногу и сказал: «А я часто вижу вас здесь на концертах».

— Да, я получаю от них большое удовольствие.

— Вы сами играете? Ну, на фортепьяно или?..

— Нет.

— Жаль. У вас такие красивые пальцы. Я был уверен, что играете.

— Нет, не играю, — повторила Дина. Щеки ее слегка раскраснелись, и она мельком глянула на свои пальцы. — Я ничего не смыслю в музыке. Просто люблю ее слушать.

— Думаю, это самое главное.

Не совсем понимая, что он имеет в виду, Дина согласно кивнула.

— А вы? Играете?

— Родители, как всякие добросовестные парсы, заставили меня в детстве играть на скрипке, — засмеялся он.

— А теперь вы ее забросили?

— Не совсем. Иногда у меня возникает желание помучить себя, и тогда я вынимаю скрипку из футляра и извлекаю из нее ужасный скрежет

и визг.

Дина улыбнулась.

— Зато ваши родители довольны.

— Они умерли. Я живу один.

Улыбка застыла на ее губах, и она уже собиралась сказать, как сожалеет, но Рустам опередил ее.

— Теперь от моей игры страдают только соседи. — И молодые люди дружно засмеялись.

С тех пор они всегда сидели на концертах рядом, и через неделю Дина позволила угостить себя во время антракта водой «Магнолия». Когда они потягивали в фойе питье из холодных бутылок, глядя как причудливо оседают на стекле пузырьки, к ним подошел мистер Тоддивалла.

— Как тебе, Рустам, первое отделение? На мой взгляд, спорное исполнение. Флейтисту, если он и впредь собирается концертировать, надо основательно заняться дыхательной гимнастикой. — Мистер Тоддивалла не уходил, дожидаясь, чтоб его представили Дине. Собственно, для этого он и подошел. Потом он запрыгал к следующей жертве.

После концерта Рустам проводил Дину до автобусной остановки, ведя рядом велосипед. Остальные слушатели провожали их глазами.

Чтобы прервать молчание, Дина спросила:

— Вам не страшно ездить на велосипеде при таком движении?

Рустам покачал головой.

— Я много лет так езжу. Это уже стало моей второй натурой.

Он дождался, пока она войдет в салон, а потом долго ехал за красным двухэтажным автобусом, пока их пути не разошлись. Дина следила в темноте за фигуркой, которая то пропадала, то вдруг возникала в свете фонаря снова, а потом превратилась в точку, которую только ее воображение могло считать Рустамом.

Через несколько недель постоянные посетители концертов уже воспринимали молодых людей как пару. За каждым их движением следили с сочувствием и любопытством. Такое внимание забавляло Рустама и Дину, но они предпочитали относиться к нему примерно так же, как к фиглярству мистера Тоддивалла.

Однажды, приехав на концерт, Рустам не увидел среди собравшихся Дину. Одна из двух сестер, узурпировавших первый ряд, тут же подошла к нему и стыдливо шепнула: «Не волнуйтесь. Она здесь. Просто отошла в дамскую комнату».

Прошел сильный дождь, и промокшая до нитки

Дина пыталась обсушиться в дамской комнате, однако миниатюрный носовой платок плохо подходил для этой цели. Висевшее на крючке полотенце выглядело в высшей степени непривлекательно. Сделав, что смогла, Дина вышла в фойе. С волос у нее по-прежнему капало.

— Что случилось? — спросил Рустам.

— Вывернуло зонтик. А я не смогла быстро с ним справиться.

Он предложил ей воспользоваться своим большим платком. Наблюдатели вокруг замерли, следя с интересом: примет она предложение или нет?

— Нет, спасибо, — отказалась она, проводя рукой по мокрым волосам. — Они скоро высохнут. — Меломаны затаили дыхание.

— Не беспокойтесь — платок чистый, — улыбнулся он. — Вернитесь и как следует высушитесь. А я тем временем закажу нам горячий кофе. — Дина все еще колебалась, и он пригрозил, что снимет рубашку и прямо здесь станет сушить ей волосы. Тогда она со смехом взяла у него платок и вернулась в дамскую комнату. Собравшиеся облегченно вздохнули.

Внутри Дина изо всех сил терла платком волосы. «Приятный запах у платка, — подумала

она. — И это не одеколон, а просто запах чистой кожи. Его запах». Этот запах она иногда ощущала, когда сидела рядом с Рустамом. Она прижала платок к лицу, глубоко вдохнула и тут же в смущении отняла.

Когда концерт закончился, дождь еще накрапывал. Молодые люди шли к автобусу. От звука сбегавших капель, листья деревьев словно шипели. Дину била дрожь.

— Вам холодно?

— Немного.

— Надеюсь, вы не простудились. Видно, что промокли до костей. Может, наденете мой плащ, а я возьму ваш зонтик?

— Что вы такое говорите! Он же сломан! Да и как вы тогда поедете на велосипеде?

— Прекрасно поеду. На велосипеде я могу передвигаться даже стоя на голове. — Рустам настаивал, и на автобусной остановке обмен все же произошел. Он помог ей надеть свой плащ — мужская рука слегка задержалась на ее плече. На холодной коже пальцы казались особенно теплыми. Плащ подошел — только рукава были длинноваты. Девушка понемногу согревалась, наверное потому, думала она, что плащ все еще хранит тепло владельца.

Они стояли близко друг к другу и глядели, как в свете фонаря мелькают дождевые нити. Тогда они впервые взялись за руки — это казалось так естественно. Когда подошел автобус, им было трудно оторваться друг от друга.

С тех пор Рустам ездил на велосипеде только на работу. На концерты он приезжал на автобусе, и теперь они могли гулять, а потом он провожал Дину домой.

Дина была этому рада. Ей хотелось, чтобы он вообще прекратил ездить на велосипеде — опасное занятие, учитывая городское движение.

* * *

— Я собираюсь выйти замуж, — заявила Дина за обедом.

— Вот как! — обрадовался брат. — Прекрасно, прекрасно. Кто счастливец — Солли или Порус? — Этих джентльменов он недавно представил сестре.

Дина покачала головой.

— Тогда, должно быть, Дара или Фирдош, — сказала Руби, понимающе улыбнувшись. — Они оба без ума от тебя.

— Его зовут Рустам Далал.

Нусван выглядел удивленным: человека с та-

ким именем не было среди многочисленных кандидатов, которых в последние годы он приводил в дом. Может, она встретила его на одном из семейных сборищ — их он ненавидел всей душой.

— И где же *мы* с ним познакомились?

— *Мы* нигде не знакомились. Только я.

Ответ Нусвану не понравился. Его оскорбило, что сестра с презрением отвергла всех его кандидатов, наплевала на его мнение — и все ради какого-то незнакомца.

— Значит, ты вот так сразу хочешь выйти замуж за этого парня? А что ты знаешь о нем и его семье? И что он знает о тебе и твоей семье?

— Все, — ответила Дина тоном, от которого ему стало не по себе. — Я знакома с Рустамом уже полтора года.

— Ясно. Ну и конспирация. — Нусван постарался подпустить в голос сарказма. — А чем занимается этот Далал, твой таинственный Рустам?

— Он фармацевт.

— Ага! Фармацевт! Жалкий составитель порошков! Так его и называй! Потому что он таков и есть — весь день за прилавком готовит разные смеси по рецептам.

Нусван спохватился: пока нет смысла выходить из себя.

— Ну и когда мы увидим твоего миллионера?

— Зачем? Чтобы его оскорблять?

— У меня нет повода для этого. Я просто считаю своим долгом познакомиться с ним, а потом сказать, что я о нем думаю. Но решать, конечно, тебе.

В назначенный день Рустам явился к ним в дом с коробкой засахаренных фруктов для Нусвана и Руби и вручил ее Ксерксу, которому к этому времени было почти три года. Дине он подарил новый зонтик. Она поняла смысл подношения и улыбнулась. Когда на них не смотрели, Рустам подмигнул ей.

— Какой красивый! — восхитилась Дина, раскрывая зонтик. — Будто очаровательная пагода! — Ткань была цвета морской волны, а ручка из нержавеющей стали, с заостренным концом.

— Опасное оружие, — пошутил Нусван. — Будь осторожна.

Они пили чай с сырными сандвичами и сливочным печеньем, приготовленным Руби и Диной. Встреча прошла гладко. Но вечером, после ухода гостя Нусван сказал, что не понимает — мозги в голове у сестры или опилки.

— Выбрала не пойми кого — как говорится, ни рожи, ни кожи, ни денег, ни перспектив. Женихи обычно дарят невесте кольцо с бриллиантом. Или золотые часы, или, на худой конец, брошь. А твой что принес? Жалкий зонтик! А ведь я потратил кучу времени и сил, знакомя тебя с адвокатами, аудиторами, крупными полицейскими чинами, инженерами-строителями. Все они из лучших семей. Что скажут люди, когда узнают, что моя сестра выходит замуж за ничем не примечательного идиота-фармацевта? Не жди от меня бурного ликования, и на свадьбу я не приду. Для меня это будет день глубокого траура.

Как печально, сокрушался он, что сестра в пику ему разрушает собственную жизнь.

— Попомни мои слова, твоя злоба рикошетом ударит по тебе. Я не в силах ничего сделать: тебе уже двадцать один год, ты больше не маленькая девочка, которую я опекал. И если ты сознательно коверкаешь свою жизнь, все, что я могу — с грустью на это взирать.

Дина других слов не ждала. Но они словно обтекали ее и, журча, исчезали, никак ее не затрагивая. Так дождь струился по плащу Рустама, вспоминала она, в тот памятный вечер. Дина в очередной раз задалась вопросом, где брат на-

учился так искусно, с таким пылом выражать свое негодование? Ни отец, ни мать этого не умели.

Через несколько дней Нусван стал понемногу успокаиваться. Если уж Дина решила выйти замуж и уйти из семьи, то будет лучше, если все произойдет мирно, без ссор. В глубине души он был рад, что Рустам Далал птица невысокого полета. Было бы куда хуже, если б Дина отвергла его друзей ради какой-нибудь шишки.

В подготовке к свадьбе Нусван проявил больший энтузиазм и щедрость, чем Дина ожидала. Он хотел заказать зал для торжества и оплатить все расходы из собранных для нее денег.

— Брачная церемония состоится после заката, а потом — свадебный ужин. Мы покажем высший класс — все будут тебе завидовать. Оркестр из четырех музыкантов, цветы, свечи. Думаю, триста гостей — мне по карману. Но никакого спиртного — и дорого, и рискованно. Полиция по надзору за выполнением «сухого закона» не дремлет, и если дашь взятку одному из полицейских, сразу же выстроится очередь из десяти.

Этим вечером, лежа в постели, Руби, беременная вторым ребенком, выразила недовольство экстравагантным поведением Нусвана.

— Если они хотят пожениться, оплачивать свадьбу должен Рустам Далал. Это не твоя обязанность — тем более что Дина выходит замуж против твоей воли. Она никогда не ценила того, что ты для нее делаешь.

Однако у Рустама и Дины были более скромные планы. Брачная церемония прошла утром. По желанию Дины церемония состоялась в том же храме огня, где возносились молитвы за родителей в дни их кончин. Дастур Фрамжи, старый и ссутулившийся, наблюдал ритуал со стороны, недовольный тем, что не его пригласили свершить свадебный обряд. Время наложило на него свой отпечаток, и теперь молодые женщины редко оказывались в его когда-то цепких объятиях. Однако, несмотря на солидный возраст, его продолжали звать «дастур Обними Меня».

— Какой позор! — пожаловался он коллеге. — Ведь с семьей Шроф меня многое связывает. Они приходят ко мне, когда кто-то умирает — для совершения обрядов, чтения молитв. А в счастливые моменты их жизни, вроде свадебных церемоний, я не нужен. Стыд — да и только.

Вечером в доме Шрофов был праздничный прием. На нем настоял Нусван, он же обеспечил обслуживание. Присутствовало сорок восемь

гостей, из которых шестеро были друзьями Рустама; пришли также его тетя Ширин и дядя Дараб. Остальные были со стороны Нусвана, включая дальнюю родню, которую нельзя было не пригласить, не вызвав порицания родственников — вкрадчивых намеков, к которым он был очень чувствителен.

Столовая, гостиная, кабинет Нусвана и четыре спальни были оборудованы для праздника — расставлены столы с закусками и напитками, оставлено место для общения гостей. Ксеркс и его маленькие друзья, охваченные азартом, с визгом и смехом бегали из комнаты в комнату. Дети наслаждались внезапно обрушившейся свободой в доме, где раньше чувствовали себя как в тюрьме под суровым надзором строгого папочки. Нусван ворчал про себя, когда кто-то из детей сталкивался с ним, но виду не подавал — напротив, улыбался и ласково похлопывал ребенка по спине.

Во время приема Нусван под общие аплодисменты достал четыре бутылки шотландского виски. «Теперь праздник пойдет веселее, и веселье передастся молодоженам!» — говорили между собой гости, понимающе кивая и посмеиваясь, и тихо отпускали шуточки, не предназначенные

для женских ушей.

— Ну, зятек, — сказал Нусван, позвякивая перед Рустамом двумя пустыми стаканами. — Покажи свое умение — приготовь нам нужную дозу лекарства под названием «Джонни Уокер».

— С радостью, — добродушно ответил Рустам и взял стаканы.

— Да я пошутил, пошутил, — сказал Нусван, не выпуская из рук бутылку. — Нельзя заставлять жениха работать на собственной свадьбе. — Это была единственная колкая шутка, какую он отпустил по поводу профессии жениха.

Через час после подачи виски Руби отправилась на кухню: пришло время подавать обед. Большой стол придвинули к стене, на нем стояли закуски. Официанты, слегка покачиваясь под тяжестью блюд с горячей едой, покрикивали, прокладывая себе дорогу: «Пожалуйста, посторонитесь! Пожалуйста, посторонитесь!» Все почтительно расступались перед такой великолепной процессией.

Аппетитные запахи, доносившиеся из кухни и раньше, теперь внезапно заполнили весь дом, они щекотали ноздри, дразнили нёбо. На какое-то время воцарилась тишина. Кто-то громко пошутил, что у парсов еда всегда на первом месте и

только потом беседа. Другой его поправил: нет, беседа — на третьем, а о том, что на втором, не принято говорить при дамах и детях. Те, кто стоял ближе, встретили эту избитую шутку заливистым смехом.

Руби хлопнула в ладоши: «Прошу! Обед подан! Пожалуйста, угощайтесь без стеснения! Еды на всех хватит». Она играла традиционную роль доброй хозяйки, никого не забывала и каждому говорила: «Простите, мы не смогли приготовить ничего достойного вас».

— Что ты говоришь, Руби, все просто замечательно, — отвечали ей. С аппетитом угощаясь, гости не забывали о беременности хозяйки и спрашивали, когда ждут малыша.

Нусван поглядывал на тарелки, шутливо поругивая тех гостей, которые мало ели.

— Что с тобой, Мина, ты шутишь! Воробушек и тот больше съест! — И он подложил Мине еще бириани[19]. — Послушай, Хоза, возьми еще один кебаб — они вкуснейшие, поверь, ну еще один, будь умницей! — Несмотря на протесты гостя, Нусван ловко уронил в тарелку целых два. — Захочешь еще — прошу!

---

[19] Примечания: 19
Бириани — пряный индийский плов.

Когда тарелки у всех наполнились, Дина заметила, что тетя Ширин и дядя Дараб — родственники Рустама — сидят на веранде, в некотором отдалении от остальных, и подошла к ним.

— Ешьте, пожалуйста! У вас все есть?

— Более чем достаточно, дитя мое, более чем достаточно. — Тетя Ширин поманила Дину к себе, а потом сделала ей знак наклониться и сказала на ухо: «Если тебе что-нибудь будет нужно — помни, все что угодно, — ты можешь обратиться ко мне и Дарабу».

Дядя Дараб согласно кивнул — слух у него был отменный.

— Обращайся с любой проблемой. Рустам для нас — как сын. А ты — как дочь.

— Спасибо, — поблагодарила их Дина, понимая, что это не пустые слова. Она посидела с ними, пока они ели. Со своего места Нусван, помахивая тарелкой и вилкой, звал ее, приглашая тоже что-нибудь поесть. Немного позже, ответила жестом Дина, оставаясь с тетей Ширин и дядей Дарабом, которые и во время еды не спускали с нее любящих глаз.

Когда Нусван дал сигнал официантам наводить порядок, в доме еще оставалось несколько гостей. Они поняли намек и, поблагодарив хозяев, рас-

прощались.

Уходя, один из гостей ухватил Рустама за лацкан пиджака и со смехом шепнул ему, обдав запахом виски, что им несказанно повезло: нет ни тещи, ни свекрови.

— Просто нечестно! Счастливец! Никто не станет спрашивать, все ли гладко прошло! И простыню не будут осматривать! — Гость ткнул Рустама пальцем в живот. — Ничего не скажешь, легко отделался!

— Всем спокойной ночи, — говорили Нусван и Руби. — Спокойной ночи! Спасибо, что пришли.

Когда дверь закрылась за последним гостем, Рустам сказал: «Это был чудесный вечер. Спасибо вам обоим за труды».

— Да, правда, все прошло замечательно. Большое спасибо, — прибавила Дина.

— Не стоит благодарности, — ответил Нусван, и Руби кивнула, соглашаясь с мужем. — Это наш долг.

Первоначально Дина и Рустам приняли предложение Нусвана переночевать у них. Но потом поняли, что комнаты после праздника нужно основательно приводить в порядок. Было удобнее сразу ехать на квартиру Рустама.

— Пусть вас ничего не беспокоит. Здесь все приберут — за это заплачено, — успокоил их Нусван. — А вы езжайте себе. — И он крепко обнял каждого из них. Второй раз за этот день он обнимал Дину. Первый раз — утром, когда дастур благословил новобрачных. За семь лет впервые он одарил ее лаской.

У Дины комок встал в горле. Она нервно сглотнула, видя, как Нусван тайком смахнул с глаз слезу.

— Желаю вам большого счастья! — сказал он.

Дина взяла чемоданчик с вещами на первую ночь. Остальное ей привезут позже. Нусван собирался отдать ей часть родительской мебели. Брат проводил их по вымощенной булыжником мостовой до такси и помахал на прощанье рукой. Дина с удивлением отметила, что голос его дрогнул, когда он сказал: «Всего хорошего! Да благословит вас Бог!»

На следующее утро они проснулись поздно. Рустам взял на работе недельный отпуск, хотя свадебного путешествия они не могли себе позволить.

Рустам нервно следил, как Дина готовит чай на темной кухне. Кухня была самым запущенным местом в квартире, ее потолок и стены почер-

нели от дыма. Мать Рустама всю свою жизнь топила плиту углем и готовила на ней. Краткое знакомство с керосином не было приятным: пролившись, он воспламенился и обжег ей бедра. И мать пришла к выводу, что с углем гораздо удобнее.

Рустам собирался до свадьбы покрасить кухню и остальные комнаты, но на все не хватило денег. Сейчас он стал извиняться за плохое состояние квартиры:

— Ты не привыкла жить в таких условиях. Вид этих стен ужасен.

— Это не имеет значения. Все отлично, — сказала Дина со счастливой улыбкой. — Мы все здесь приведем в порядок.

Возможно, из-за присутствия в квартире Дины, да еще в столь необычное время, Рустам открывал все новые изъяны в своем быту.

— После смерти родителей я избавился от многих вещей. Понимаешь, они словно сеяли беспорядок, и я решил жить как садху[20], оставив скрипку в качестве единственного компаньона. Словом, для подавления страстей вместо ложа из доски с гвоздями — визг кишечной струны.

---

[20] Примечания: 20
Садху *(инд.)* — аскет.

— А что, струны правда делают из кошачьих кишок?

— В далеком прошлом — да. А еще раньше скрипачам самим приходилось выходить на охоту за струнами. Тогда ведь не было музыкальных магазинов вроде «Л.М. Фуртадо» или «Годин энд Компани». Во всех консерваториях Европы студентов обучали не только музыке, но и извлечению внутренностей у животных.

— Не говори такие ужасы с самого утра, — пожурила молодого мужа Дина, которой на самом деле нравились его чудачества.

— Но теперь я обрел прекрасного ангела, и время садху кануло в прошлое. Да и скрипка может отдохнуть.

— Я люблю слушать, как ты играешь. Тебе надо больше практиковаться.

— Ты шутишь? У меня звук хуже, чем у того типа, что играл на прошлой неделе в «Паткар-Холл». А он играл так, будто у него резонаторные отверстия засорились.

— Звучит как-то не очень.

Дина скорчила гримасу, и Рустам засмеялся.

— Звучит неблагозвучно, но ничего не поделаешь. Хочешь, я тебе их покажу? — Он снял с буфета футляр со скрипкой. — Видишь, на верх-

ней деке два отверстия?

— Да, похоже на бегло написанную «f». — Дина провела пальцем по изгибам эфы и нежно тронула струны. — Сыграй что-нибудь, раз ты ее снял.

Рустам закрыл футляр, слегка приподнялся на цыпочки и задвинул его на буфет: «Играть, играть, — говорили отец и мать».

Взяв руку Дины, он прижал ее к губам.

— Жаль, что я не оставил родительскую двуспальную кровать. — И робко ее спросил: — Тебе было удобно ночью?

— Да, — ответила Дина и покраснела при воспоминании, как они лежали, тесно прижавшись друг к другу на односпальной кровати.

После завтрака из омлета и тостов Рустам открыл входную дверь и сказал, что у него есть для нее сюрприз.

— Вчера было темно, и я не показал тебе.

— Что это?

— Выйди наружу.

На двери в солнечном свете поблескивала латунная табличка «Мистер и миссис Рустам К. Далал». Он так и засветился от доставленной ей радости.

— Я прикрутил ее позавчера.

— Смотрится красиво.

— Изменить имя на табличке нетрудно, сложнее изменить его на договоре об аренде.

— О чем это ты?

— Квартира арендована на имя отца, хотя его нет в живых уже девять лет. Владелец надеется, что я проявлю нетерпение и заплачу деньги, чтобы перевести квартиру на свое имя. Он давно намекает.

— А ты собираешься?

— Конечно, нет. Владелец ничего не может сделать, нас охраняет закон об аренде. Неважно, на чье имя оформлен договор. Ты как моя жена тоже можешь здесь жить. Даже если я завтра умру.

— Рустам! Не говори так!

Он рассмеялся.

— Когда приходят за арендной платой с договором на имя отца, меня иногда так и подмывает сказать, чтоб обращались на небеса. Жилец живет теперь по новому адресу.

Дина положила голову ему на плечо.

— Для меня небеса здесь, в этой квартире.

Рустам крепко ее обнял.

— И для меня. — Он почистил рукавом табличку, отчего она заблестела еще ярче. Пока супруги ею любовались, к дому подкатили две ручные тележки с вещами от Шрофов.

Сначала Нусван заказал грузовик, потому что Дина просила брата отдать ей большой отцовский гардероб, отделанный палисандровым деревом с резьбой в виде солнца с лучами и цветов. Она сказала, что ничего другого ей не надо. Нусван поначалу вроде не возражал, но потом передумал. По его словам, гардероб сильно пострадает при вталкивании в узкую дверь квартиры Рустама, и царапины омрачат память об отце. Кроме того, огромный шкаф будет странно смотреться в крошечной квартирке.

Поэтому он отдал сестре другой шкаф — меньше и проще, письменный стол и две односпальные кровати. Привезли также большой ящик с кухонной утварью, собранной Руби после осторожных выспрашиваний, насколько хорошо оборудована кухня Рустама. Чтобы было с чего начать вести хозяйство, она положила в него кастрюли, сковородки, плитку, столовые приборы, разделочную доску и скалку.

Тележки разгрузили и поставили вместе парные кровати. Один из рабочих предложил купить у них старую — односпальную. Рустам уступил ему кровать за тридцать рупий, а второму рабочему матрас — за десять.

Видя, что Дина провожает взглядом кровать, он

сказал: «Я знаю, что ты чувствуешь. Но у нас нет места для лишней кровати». Интересно, подумала она, будут ли они так же близко спать теперь, когда их две.

Но ночь прошла замечательно, и одна из кроватей так и осталась не смятой ко второму утру их семейной жизни. Успокоившись, Дина провела день, обустраивая дом по своему желанию. Первым делом она связалась с поставщиком ужинов для Рустама и отменила их доставку. А со следующей недели, когда он выйдет на работу, она станет собственноручно готовить ему и упаковывать ланч.

— Никаких перекусов вне дома и никаких голодовок, — заявила Дина, взобравшись на стул, чтобы обследовать верхнюю полку на кухне. Там она обнаружила латунные и медные сосуды, чайник, набор кухонных ножей.

— Они никуда не годятся, — сказал Рустам. — Я все собираюсь продать их старьевщику. Обещаю сделать это завтра.

— Какая ерунда! Все вещи добротные, старинные. Их можно привести в порядок, запаять оловом. Таких качественных вещей сейчас не делают.

И когда под их окном послышался крик лу-

дильщика, Дина позвала его, попросив запаять прохудившуюся посуду и заклепать ручку у чайника. Она не отходила от мастерового и следила, чтобы тот не халтурил. Когда он закончил работу, Дина проверила всю утварь под водой.

Точильный камень свисал на ремне с плеча лудильщика. Дина хлопнула дважды в ладоши, чтобы привлечь его внимание, и тогда тот тоже включился в работу.

Тупые ножи вскоре засверкали острыми лезвиями. Дина наслаждалась этой энергией, трудом, постукиванием и позвякиванием, которые превращали квартиру в уютное жилище на долгие годы их благословенной жизни с Рустамом. Совместную жизнь надо творить, как все прочее, понимала она, ее надо лепить, ковать и шлифовать, чтобы добиться лучших результатов.

Точильный камень искрился, и мастеровой отвернулся. «Как на Дивали[21]», — подумала Дина, а молоток мастера тем временем радостно стучал в ее ушах.

Первую годовщину семейной жизни Дина и Рустам отметили походом в кино и ужином в

[21] Примечания: 21

Дивали — главный индийский и индуистский праздник, «Фестиваль огней». Ему сопутствуют светящиеся фонарики, фейерверки и зажженные свечи.

ресторане. Они смотрели «Командир подводной лодки» с Уильямом Холденом в роли американского адмирала в Корее. Во время фильма они держались за руки, а после в придорожном ресторанчике ели бириани с курицей.

На следующую годовщину Дина захотела пойти на фильм повеселее. Они остановились на «Высшем обществе» — последней комедии с Бингом Кросби. Дина для этого случая купила новое платье — синее, украшенное яркой баской, переливающейся при ходьбе.

— Не знаю, стоит ли тебе это надевать, — сказал Рустам, стоя сзади и обнимая ее.

— Это еще почему? — улыбнулась Дина и, дразня его, качнула бедрами.

— Ты сведешь с ума всех мужчин на улице. Захвати для обороны свой зонтик с заостренной ручкой.

— Разве ты не защитишь меня?

— Хорошо. Тогда с этим копьем пойду я. Да еще прихвачу с собой скрипку — ее визг и вой скорее прогонят нахалов.

От фильма супруги получили большое удовольствие. Синее платье весь вечер было предметом шуток: они представляли себе, как завистливые женщины и похотливые мужчины жадно тянут

к нему руки. Обедать по обоюдному согласию отправились в «Монгини» — это заведение славилось своими десертами.

На третью годовщину они решили пригласить к обеду Нусвана и Руби с детьми (их было уже двое). После свадьбы отношения между семьями сложились самые сердечные. Дину и Рустама всегда приглашали на дни рождения детей, а также на Новруз и Хордад Сал[22]. Иногда Дина одна или с Рустамом забегала, чтобы побаловать племянников конфетками или просто поздороваться. Вражда настолько отступила, что представить себе прежнюю неприязнь было просто невозможно. Закрадывалось предположение, что она была просто игрой воображения.

Скромное застолье явно удалось. Дина не смогла позволить себе новый наряд и надела прошлогоднее синее платье. Руби пришла от него в восторг. Хвалила она и кулинарные способности Дины, а пулао-дал[23] признала просто отменным.

---

[22] Примечания: 22

Новруз — один из семи главных праздников зороастрийцев, отмечается в первый день нового года, в день весеннего равноденствия, символизирует обновление мира. Хордад Сал — день рождения Заратустры, основателя зороастризма.

[23] Примечания: 23

Пулао-дал — вегетарианский плов, смесь риса с различными овощами, травами.

Дина любезно ответила, что многому научилась у невестки: «Но мне еще до тебя далеко».

Для мальчиков, одному из которых было шесть, а другому — три, Дина стряпала отдельно — без специй. Однако Ксеркс и Зарир настаивали, чтоб им дали взрослую еду. Руби разрешила детям немного попробовать, но они не отставали и требовали еще, хотя во рту у них все горело.

— Ничего страшного, — сказала со смехом Дина. — Мороженое потушит огонь.

— А можно нам мороженого прямо сейчас? — хором запросили дети.

— Дядя Рустам должен за ним сходить, — сказала Дина. — У нас нет такого холодильника, как у вас. А пока попробуйте вот это, — и она сунула в маленькие ротики леденцы с ритуального подноса с гирляндами и кокосом.

Позже, когда Дина и Руби убирали со стола, Рустам сказал, что пора ехать в магазин «Кволити», где лучшее мороженое.

— Если не будет клубничного, какое брать — шоколадное или ванильное?

— Шоколадное, — сказал Ксеркс.

— Ланильное, — сказал Зарир, и все рассмеялись.

— Ланильное! — шутливо передразнил маль-

чика Рустам. — Всегда-то тебе надо перечить.

— Не пойму, от кого у него эта черта, — сказал Нусван. — Уж точно не от отца. — Все опять рассмеялись. А Нусван, воспользовавшись подходящей ситуацией, прибавил: — А что же вы, Рустам? Думаю, пора создавать настоящую семью. Три года — достаточный срок, чтоб пожить для себя.

Рустам только улыбнулся, не желая вступать в дискуссию. Он уже открыл дверь, чтобы уходить, но тут поднялся Нусван:

— Давай пойдем вместе.

— Нет, нет, отдыхай, ты же гость. Кроме того, пешком идти долго. А на велосипеде я сгоняю за десять минут.

Дина разложила чистые тарелки, ложечки для мороженого и поставила чайник.

— К приходу Рустама чай будет готов.

Прошло пятнадцать минут, а Рустама все не было.

— Куда он подевался? Чай уже заварился. Может, я налью вам уже?

— Нет, дождемся Рустама, — сказала Руби.

— Должно быть, в магазине очередь за мороженым, — предположил Нусван.

Дина вскипятила еще воды, чтобы распарить

заварку. И вернулась к гостям с чайником под стеганым чехольчиком.

— Его нет уже сорок пять минут.

— Возможно, в первом магазине мороженого не оказалось, — успокоил сестру Нусван. — На клубничное большой спрос, оно всегда быстро заканчивается. Он мог пойти в другое место.

— Нет, он знает, что я буду волноваться.

— Рустам мог проколоть шину, — предположила Руби.

— Но и с проколотой шиной велосипед можно прикатить сюда за двадцать минут.

Дина вышла на веранду, надеясь увидеть подъезжающего мужа. Ей припомнились вечера, когда они расставались после концерта, и она с верхнего этажа автобуса провожала Рустама взглядом, пока его велосипед не растворялся во тьме.

Она улыбнулась от этого воспоминания, но тревога быстро стерла улыбку с ее лица.

— Пойду — постараюсь узнать, в чем дело.

— Давай лучше я, — предложил Нусван.

— Ты не знаешь, где магазин, и дорогу, по которой ездит Рустам. Вы можете разойтись.

В результате пошли оба. Видя, в каком напряжении Дина, Нусван все время повторял: «Вот

увидишь, найдется какое-нибудь простое объяснение». Она кивала и ускоряла шаг. Нусван с трудом за ней поспевал.

Уже перевалило за девять, и на улицах было тихо. В конце улицы, у магазина, где продают мороженое, на тротуаре стояли люди. Подойдя ближе, Нусван и Дина заметили среди них полицейских.

— Интересно, что здесь происходит? — сказал Нусван, тщательно скрывая свое волнение.

Дина первая увидела велосипед.

— Это велосипед Рустама, — произнесла она чужим голосом, прозвучавшим непривычно для ее ушей.

— Ты уверена? — Ответ Нусвану не требовался. На искореженном велосипеде целым осталось только седло. Нусван протиснулся сквозь толпу к полицейским. В голове у Дины что-то взревело, слова полицейских еле слышались, как будто они находились далеко от нее.

— Чертов водитель, — говорил помощник инспектора. — Сбил на грузовике человека и удрал. А несчастному, видно, конец. Голова всмятку. Но скорая все-таки повезла его в больницу.

Бродячая собака жадно лакала подле велосипеда густую розовую жижу. «Значит, в магазине

было мороженое», — тупо подумала Дина. Полицейский пнул ногой рыжую дворняжку. Она взвизгнула и отпрыгнула, но потом снова вернулась. Когда он опять ее пнул, собака отчаянно завизжала.

— Да прекратите же! Что она вам сделала? Пусть ест!

Удивленный полицейский только сказал: «Хорошо, мадам» — и отошел. Собака стала жадно, с хлюпаньем есть, поскуливая от удовольствия, и в то же время не отрывала глаз от ног полицейского.

Нусван выяснил у помощника инспектора адрес больницы. Тот, в свою очередь, спросил адрес Дины, не сводящей взгляда с того, что раньше было велосипедом Рустама. Велосипед придется на некоторое время оставить у них как вещественное доказательство, осторожно объяснил полицейский, вдруг удастся отыскать шофера грузовика. Он предложил довести их до больницы.

— Спасибо, — поблагодарил его Нусван. — Но, боюсь, дома будут волноваться.

— Это мы уладим. Пошлем к вам констебля, он скажет, что произошел несчастный случай, и вам пришлось ехать в больницу, — предложил

помощник инспектора. — Остальное расскажете при встрече.

Благодаря помощи любезного полицейского, с необходимыми формальностями покончили быстро, и Нусван с Диной могли ехать домой.

— Давай возьмем такси, — сказал Нусван.

— Нет, я хочу пешком.

Когда они подошли к дому, по щекам Дины уже ручьями струились слезы. Нусван обнял ее и погладил по голове.

— Моя бедная сестренка, — прошептал он. — Если б я был в силах вернуть его тебе. Поплачь, это хорошо, плачь, сколько надо. — Когда он рассказывал Руби о случившемся, на глазах у него самого выступили слезы.

— О боже! — разрыдалась Руби. — Какой ужас! Счастье Дины разрушилось в одно мгновение! Как такое может быть? Как Он допустил это? — Руби постаралась успокоиться и только потом разбудила детей. Дина за это время переоделась, сняв с себя синее платье.

— Пора есть клубничное мороженое? — спрашивали Ксеркс и Зарир сонными голосами.

— Дядя Рустам плохо себя чувствует. Нам надо ехать домой, — сказала Руби, решив пока ничего не говорить детям.

Вскоре из своей комнаты вышла Дина, и к ней тут же обратился Нусван:

— Ты поедешь с нами — тут тебе оставаться нельзя.

— Конечно, — поддержала его Руби, пожимая руку невестки.

Дина согласно кивнула, пошла на кухню и собрала остатки плова. Руби с любопытством и даже с некоторым страхом следила за ней, а потом спросила: «Тебе помочь?»

Дина покачала головой.

— Зачем пропадать еде? По дороге домой отдадим ее нищему на углу.

Позднее Нусван, рассказывая о событиях этого дня, говорил, что его потрясло то достоинство, какое проявила сестра в тот страшный вечер.

— Она не выла, не била себя в грудь, не рвала на себе волосы, не делала ничего такого, что ожидаешь от женщины, пережившей такой шок, такую потерю. — Нусван припомнил и то, как мужественно вела себя в подобной ситуации мать, и какой распад, какая быстрая утрата личности последовали потом. Он надеялся, что с Диной такого не случится.

Дина сложила чемодан, положив в него белое сари и прочие вещи, которые потребуются

в ближайшие несколько дней. Именно с этим чемоданом она пришла сюда после свадебного пира три года назад.

* * *

После похорон и четырех дней вознесения молитв Дина решила вернуться на старую квартиру.

— К чему такая спешка? — спросил Нусван. — Поживи еще.

— Конечно, — подхватила Руби. — Здесь твоя семья. Что тебе делать одной?

Дина недолго колебалась: она не была готова возвращаться на прежнее место. Труднее всего ей давались предрассветные часы. Дина спала, положив руку на подушку рядом. Иногда она слегка подталкивала локтем подушку — знак Рустаму, чтобы он ее обнял. Не чувствуя тяжести его рук, она просыпалась и, осознав, что мужа рядом нет, в очередной раз оплакивала свою утрату во тьме перед рассветом. Время от времени она выкрикивала его имя, и Руби или Нусван, услышав крик, вбегали к ней, обнимали и гладили по голове.

— Живи у нас. Ты нам не в тягость, — сказал Нусван. — И Руби будет веселее.

И Дина осталась. Прошел слух, что она вре-

менно живет у брата, и родственники ручейком потекли к ней со словами утешения. После формального выражения соболезнований разговор обычно принимал характер дружеского общения, чему были рады Нусван и Руби. «Это как раз то, что нужно Дине», — говорили они в один голос.

Тетя Ширин и дядя Дараб все четыре дня посещали молитвенные церемонии в «башне молчания», а через неделю снова навестили Дину. Они немного посидели, выпили по стакану воды с лимонным сиропом, а потом сказали: «Мы как будто потеряли сына. Но помни, ты по-прежнему наша дочь. Будет в чем нужда, приходи к нам. Помни об этом».

Случайно услышавшая эти слова Руби не выдержала: «Очень любезно с вашей стороны, но у нее есть мы, Нусван и я. О ней есть кому позаботиться».

— Да, конечно, слава богу, — сказали старики, обескураженные резкостью ее тона. — Да будет ваша жизнь долгой и счастливой. Дине повезло, что у нее есть вы. — Вскоре они ушли в надежде, что им удалось умилостивить Руби.

Прошел месяц, и Дина вернулась к прежней жизни, взяв на себя часть хозяйственных забот. Служанку уволили. Дина не возражала — ей хо-

телось хоть чем-нибудь заполнить долгие пустые дни. Ксеркс и Зарир были только рады, что тетя Дина теперь будет жить с ними. Ксеркс учился во втором классе, а Зарир только пошел в детский сад. Дина отводила их утром на занятия, труда тут особого не требовалось: она делала это по дороге на рынок.

Воскресными вечерами Нусван затевал карточную игру. Трое взрослых часа два играли в рамми, а дети внимательно следили за игрой. В семь часов женщины начинали готовить ужин, а Нусван развлекался с детьми, строя домики из карт, или второй раз проглядывал воскресную газету.

Раз в неделю Дина ездила на свою квартиру, убиралась, смахивала пыль. Она поддерживала все в том же порядке, какой завела при жизни Рустама. После уборки она заваривала себе чай. И здесь, в этой прокопченной кухне она подолгу сидела с чашкой в руке, предавалась воспоминаниям, иногда тихонько плакала, пока чай совсем не остывал. Оставшийся чай она выливала в раковину.

После нескольких недель этой тайной скорби Дина пошла на небольшое лукавство: она стала притворяться, что все осталось по-прежнему — в квартире живут они с мужем и их расставание

временное. «В такой игре нет никакого вреда, — думала Дина, — а она так утешает».

Но однажды вечером, с наступлением сумерек, когда зажглись фары автомобилей, она поймала себя на мысли, что, стоя на веранде, высматривает велосипед Рустама. По спине Дины пробежали мурашки. «Хватит, — решила она. — Когда ты заигрываешь с безумием — это одно, но когда безумие начинает заигрывать с тобой — это знак прекратить игру».

Ритуалу по уборке квартиры был положен конец. Если возникала необходимость ехать туда, Дина обычно брала с собой племянников. Ксеркс и Зарир обожали исследовать нежилую территорию. Знакомые комнаты неожиданно превращались в неизвестное, загадочное место — пустое, несмотря на находящуюся в них мебель. Их сбивала с толку музейная тишина помещения. Они кричали, бегали и прыгали по квартире в надежде изгнать эту тишину.

Однажды, когда Дина в очередной раз приехала на старое место, чтобы забрать кое-какие вещи, она обнаружила письмо от домовладельца. Дети как раз затеяли что-то вроде бега по пересеченной местности, Ксеркс даже начертил маршрут.

— Мы начнем с веранды, добежим до кухни,

оттуда до туалета, а потом вернемся назад, пробежав по всем комнатам. Понял, Зарир?

— Понял, — ответил Зарир. Дина скомандовала: «На старт, внимание, марш!» Она открыла окна в гостиной и принялась за письмо. В нем говорилось, что квартира пустует, и потому квартиросъемщику следует освободить квартиру от вещей в течение тридцати дней и вернуть ключи.

Вечером, когда Дина показала письмо Нусвану, он пришел в ярость.

— Твой домовладелец — сущий разбойник! Со дня смерти Рустама и трех месяцев не прошло, а этот змий уже к прыжку готовится. Номер не пройдет! Квартиру надо сохранить.

— Хорошо, на следующей неделе я перееду туда, — сказала Дина.

— Я не это имел в виду. Живи здесь и год, и два — сколько пожелаешь. Но не теряй право на жилье! Попомни мои слова, недалеко время, когда квартиру в нашем городе ни за какие деньги не найдешь. А жилье в старом доме, вроде твоего, будет на вес золота.

— Ты прав, — сказала Руби. — Я слышала, что сыну Путли Мааси один залог обошелся в двадцать тысяч рупий. И ежемесячная плата — еще

пятьсот.

— А моя плата… — начала Дина.

— Об этом не беспокойся, я заплачу, — перебил ее Нусван. — А мой адвокат ответит на письмо.

Нусван заглядывал в будущее: рано или поздно Дина вновь выйдет замуж. И тогда отсутствие квартиры может стать серьезным препятствием для брака. Ему совсем не хотелось, чтобы молодожены поселились у него. Тогда проблем не оберешься.

В первую годовщину смерти зятя Нусван не пошел на работу. За день до этого он написал записки в школу и детский сад с просьбой «разрешить детям пропустить занятия, чтобы они могли присутствовать в Храме Огня на богослужении в память о покойном дяде». Дина была благодарна, что все родные пришли в храм.

— Невозможно представить, что уже год прошел, — сказал Нусван, когда они вернулись домой. — Как летит время!

Через несколько дней он пригласил на чай друзей, тем самым как бы объявив о конце траура.

Среди приглашенных были Порус и Солли, двое из тех удовлетворявших всем требованиям холостяков, к которым Нусван настойчиво рекомендовал Дине присмотреться несколько лет

назад. Они — по-прежнему неженатые — были, по мнению Нусвана, вполне приемлемы в качестве женихов — особенно если закрыть глаза на небольшие животики и легкую седину.

Гордясь своим умением вести дела, Нусван сказал Дине наедине:

— Хочу тебе сказать, что и Порус, и Солли мечтали бы стать твоими мужьями. У Поруса — процветающая юридическая контора, а Солли теперь — полноправный партнер в бухгалтерской фирме. Они не посмотрят на то, что ты вдова.

— Как великодушно с их стороны!

Нусвану ее сарказм не понравился. Эти слова вызвали в нем воспоминание о прежней Дине — упрямой, дерзкой, непокорной, а он так надеялся, что она изменилась к лучшему. Но брат сдержался и продолжил в прежнем спокойном тоне:

— Твоя выдержка, Дина, произвела на меня сильное впечатление. Никто не упрекнет тебя в легкомыслии во время траура. Весь этот год ты вела себя безупречно.

— Я не притворялась. Это было не трудно.

— Знаю, знаю, — поспешно согласился Нусван, мысленно ругая себя за неточные слова. — Я только хотел сказать, что восхищаюсь достоинством, с каким ты перенесла постигшее тебя горе. Но

ты еще так молода. Прошел год, и теперь надо подумать о своем будущем.

— Не волнуйся за меня. Я ценю твое участие.

— Вот и хорошо. Это все, что я хотел сказать. А теперь пришло время картишек. Руби! — крикнул он в сторону кухни. — Пора садиться за рамми. — Нусван не сомневался, что со временем Дина уступит.

Все следующие недели он неизменно приглашал на чай холостяков из прежнего списка.

— Дина, позволь познакомить тебя… — И тут, словно неожиданно вспомнив: — Да, что я говорю? Что у меня с памятью? Ты ведь знаешь Темтона. Ну да ладно, познакомишься еще раз.

В результате создавалось впечатление, что возобновляются некогда серьезные отношения, вновь разжигается былая страсть. Дину это злило, но она старалась сдерживать эмоции, разливая чай и ставя на стол блюдо с сандвичами. После ухода гостей Нусван возобновлял свои топорные намеки, хвалил внешность одного, карьерный рост другого, говорил о наследстве, ожидающем третьего.

После четырех месяцев возни с возможными кандидатами в женихи, на которых Дина не обращала никакого внимания, Нусван потерял

терпение.

— Я был тактичен, добр, разумен, наконец. Ты что, ждешь сына раджи? Воротишь нос от всех, с кем я тебя знакомлю, шарахаешься от каждого. Чего тебе еще надо?

— Ничего.

— Как можно ничего не хотеть? Тогда вся твоя жизнь пойдет прахом. Будь разумной!

— Я понимаю, ты хочешь мне добра, но меня замужество не интересует.

Ее ответ снова вызвал в памяти Нусвана образ прежней Дины — неблагодарной младшей сестры. Ему казалось, что она смотрит свысока на его друзей. А все они замечательные люди. Ладно, он все равно не позволит разозлить себя.

— Хорошо. Сказано — я человек разумный. Если не нравятся мои друзья, твоя воля. Никто не станет тебя принуждать. Ищи сама. Или можно обратиться к свахе. У миссис Гинваллы хорошая репутация в этом вопросе. Только назови свои предпочтения.

— Я не хочу пока замуж.

— Пока? Ты сказала — пока? Тебе двадцать шесть лет. На что ты надеешься? Что произойдет чудо, и Рустам вернется? Берегись — как бы тебе не свихнуться, как тетя Бапси. Но у той хоть было

оправдание: после взрыва в доке тело ее мужа так и не нашли.

— Какие ужасные вещи ты говоришь! — Дина с отвращением отвернулась и покинула комнату.

Она была еще ребенком, когда случилась беда, но этот день помнила хорошо. Тогда, во время войны, два английских судна с боеприпасами взорвались при входе в док. В гавани погибли тысячи людей. Взрывы еще продолжались, а уже поползли слухи о том, что это работа немецких шпионов. Власти объявили, что многие пропавшие без вести просто стерты с лица земли чудовищными взрывами. Однако тетя Бапси отказывалась этому верить. Она чувствовала, что муж жив и где-то бродит, утратив память, и рано или поздно его найдут. Тетя также допускала, что мужа могли загипнотизировать или чем-то накормить бессовестные садху, превратив в раба. Как бы то ни было, она не сомневалась, что мужа отыщут. Со времени взрыва прошло семнадцать лет, но тетя так и не утратила эту веру. Она подолгу беседовала с его фотографией в тяжелой серебряной рамке, стоявшей у ее кровати, подробно пересказывая мужу события текущего дня и разные слухи.

— О тете Бапси мне напоминает твое по-

стоянное уныние, — сказал Нусван, следуя за Диной. — Но у тебя нет оправданий. Ты была на похоронах, видела тело Рустама, слышала молитвы. Он мертв и переварен больше года назад. — После последних слов Нусван воздел глаза к небу и мысленно попросил прощения за такое бестактное выражение.

— Ты даже не понимаешь, насколько тебе повезло, что ты принадлежишь к нашему сообществу. В среде непросвещенных к вдовам относятся как к отбросам. В старой Индии ты стала бы примерной сати[24] и прыгнула бы в погребальный костер, чтобы изжариться вместе с мужем.

— Я могу хоть сейчас отправиться в «башню молчания» и отдать себя на растерзание стервятникам, если это доставит тебе удовольствие.

— Бесстыдница! Как можешь ты такое говорить! Это богохульство! Я всего лишь хочу, чтобы ты поняла, как тебе повезло. Ты можешь жить полной жизнью, вновь выйти замуж, иметь детей. Или ты предпочитаешь всю жизнь просидеть на моей шее?

Дина промолчала. А на следующий день, когда Нусван был на работе, она стала перевозить свои

---

[24] Примечания: 24

Сати — настоящая, честная *(санскр.)*. Ритуал в индуизме, когда вдова сжигает себя вместе с умершим мужем.

пожитки на квартиру Рустама.

Руби пыталась остановить золовку, бегала за ней из комнаты в комнату и умоляла:

— Ты ведь знаешь, какой твой брат вспыльчивый. Иногда он не думает, что говорит.

— И говорит не всегда то, что думает, — ответила Дина, продолжая паковать вещи.

Вечером Руби рассказала обо всем мужу.

— Ха! — язвительно фыркнул Нусван — достаточно громко, чтобы его слышала Дина. — Пусть уходит, если хочет. Посмотрим, на что она будет жить.

После обеда, когда все еще сидели за столом, Нусван, откашлявшись, заговорил:

— Мой долг как главы семьи сказать, что я не одобряю твои действия. Ты совершаешь большую ошибку, о которой потом пожалеешь. Знай, мир суров, но я не стану умолять тебя остаться. Если образумишься, двери моего дома всегда открыты для тебя.

— Благодарю тебя за эту речь, — сказала Дина.

— Ну что ж, издевайся надо мной. Ты всю жизнь этим занималась, к чему теперь прекращать? Помни, это твое решение, никто тебя не гонит. Я сделал все, что в моих силах, и родственникам не в чем меня упрекнуть. Я и в дальнейшем готов

тебе помогать.

Вскоре и дети узнали, что тетя Дина уезжает. Поначалу они растерялись, а потом разгневались. Ксеркс спрятал ее сумку с криком: «Нет, тетя! Ты не бросишь нас!» Когда же она пригрозила, что уедет без сумки, Зарир в слезах вынул ее из тайника.

— Вы всегда сможете меня навещать, — успокаивала Дина племянников, обнимала их и утирала слезы. — По субботам и воскресеньям. Или на каникулах. Вот будет веселье! — Эта перспектива привела их в восторг, но они сказали, что хотели бы видеть ее каждый день.

На следующее утро после переезда Дина навестила родственников Рустама — дядю Дараба и тетю Ширин.

— Дараб! Только посмотри, кто к нам пришел! — взволнованно закричала тетя Ширин. — Наша дорогая Дина! Проходи, дитя мое, проходи!

Дядя Дараб вышел к ним еще в пижаме и обнял Дину, говоря, как они долго ждали ее.

— Прости за мой вид, — извинился он, садясь напротив и широко улыбаясь.

Дину, как обычно, тронула та радость, с какой старики ее встречали. Она словно купалась в их любви. Так в детстве мать в день рождения Дины

устраивала ей молочную ванну, поливая дочь из чашки теплым молоком, а на его поверхности плавали лепестки розы. Молоко стекало по лицу, шее и груди девочки тонкими струйками — казавшимися особенно белыми на смуглой коже.

— Тяжелее всего, — рассказывала она, — было расставаться с мальчиками. Я очень привязалась к ним.

— Да, это всегда тяжело, — согласилась тетя Ширин. — Но Рустам говорил нам, что до твоего замужества брат часто унижал тебя.

— Нусван — не плохой человек, — слабо возразила Дина. — Просто у него свой взгляд на вещи.

— Да, конечно. — Тетя Ширин оценила ее преданность семье. — Но ты можешь остаться у нас. Мы всегда рады тебе.

— Нет, спасибо, — заторопилась Дина, боясь, что ее неправильно поймут. — Я приняла решение отныне жить в квартире Рустама. А к вам пришла за советом. Не могли бы вы помочь мне найти работу?

Дядя Дараб зашевелил губами, силясь проглотить разочарование от этих слов. Тихие, хлюпающие звуки нарушили тишину, в то время как тетя Ширин нервно теребила тряпку для вытирания пыли.

— Работу, — машинально повторила она, не в силах сосредоточиться. — Милая девочка… да, работу, ты должна работать. Дараб… какую работу? Что за работу мы можем найти?

Дина виновато ждала, что скажет дядя. Но тот по-прежнему не произнес ни слова.

— Пойди переоденься, — сердито проговорила тетя Ширин. — Почти полдень, а ты все в пижаме.

Дядя послушно встал и вышел из комнаты. Тетя Ширин отложила тряпку, провела руками по лицу и выпрямила спину. К моменту возвращения дяди Дараба, сменившего пижаму в синюю полоску на штаны цвета хаки и футболку, она уже кое-что придумала.

— Скажи мне, дочка, ты шить умеешь?

— Немного. Руби научила меня пользоваться швейной машинкой.

— Прекрасно. Тогда для тебя найдется работа. У меня есть лишний «зингер», я тебе его дам. Машинка старая, но служит хорошо.

Все годы, что муж служил в государственной железнодорожной компании, тетя Ширин обшивала соседей, тем самым пополняя семейный бюджет. Вещи она шила простые — пижамы, ночные рубашки, детские кофточки, простыни,

наволочки, скатерти.

— Мы можем работать на пару, — предложила она Дине. — Работы хватит. Я уже не справляюсь со всеми заказами — ослабели глаза. Завтра и начнем.

Дина обняла тетю Ширин и дядю Дараба, взяла в руки сумочку и собралась уходить. Старики проводили ее до дверей, но шум на улице заставил их выйти на балкон. Марш протеста собрал много народа, толпа бурлила, заполнив все уличное пространство.

— Опять эта глупая демонстрация из-за языка, — разглядел дядя Дараб призывы на транспарантах. — Эти дураки хотят разделить страну по языковому принципу.

— Все хотят перемен, — сказала тетя Ширин. — Почему люди не научатся довольствоваться тем, что имеют. А сейчас вернемся в дом. Дине нельзя выходить. Весь транспорт стоит. — В ее голосе звучала чуть ли не радость. Ведь она могла наслаждаться общением с Диной еще два часа, пока на улицах не воцарился покой.

В течение нескольких дней тетя Ширин знакомила Дину с будущими клиентами. В каждом доме Дина с волнением стояла рядом с тетей, робко улыбалась и старалась запомнить имена и

наставления по работе. Почти все новые заказы тетя Ширин передала ей.

Через неделю Дина запротестовала:

— Я не могу взять столько заказов и лишить вас заработка.

— Дитя мое, ничего ты меня не лишаешь. Нам двоим хватает и пенсии Дараба. Я и без того собиралась бросить шитье — трудно становится. Смотри, не забудь эту новую выкройку.

Помимо заказов, тетя Ширин снабдила Дину информацией о клиентах, которая могла бы помочь ей в общении с ними.

— Лучше всего иметь дело с семейством Мунши — всегда расплачиваются сразу. Парех — тоже ничего, но они торгуются. Проявляй твердость — говори, что это я устанавливаю расценки. Кто там еще? Ах да, мистер Савукшоу. У него проблемы со спиртным. К концу месяца у его несчастной жены почти не остается денег. Поэтому старайся получить аванс.

У семейства Сурти ситуация была уникальная. Когда супруги ссорились, жена переставала готовить, вытаскивала из шкафа белье мужа, все сжигала и, когда тот возвращался с работы, подавала ему на тарелке угольки и золу.

— В результате этих ссор у тебя появляется ра-

бота, — говорила тетя Ширин. — Каждые два-три месяца, после примирения, миссис Сурти заказывает в большом количестве новые пижамы. Делай вид, что это в порядке вещей, иначе заказов тебе больше не видать.

Собрание семейных портретов постепенно росло. Давар, Котвал, Мехта, Паврис, Ватча, Сервес — все эти семейства тетя Ширин подробно описала, составилось настоящее портфолио.

— Тебе, наверное, надоели эти подробности, — сказала она. — И последний совет, но самый важный: никогда не снимай мерки у мужчин на брюки. Лучше попроси образец для работы. Если это невозможно, снимай мерки в чьем-то присутствии — жены, матери или сестры. Иначе и опомниться не успеешь, как он покрутится туда-сюда и ткнется тебе в руку тем, чего ты не ждешь. Поверь мне, я однажды, когда была молодая и невинная, пережила очень неприятные минуты.

Эти слова не шли у Дины из головы, когда она познакомилась с Фредоном, одиноким холостяком. Тетя Ширин предупредила, чтобы Дина не ходила одна в его квартиру: «Хоть он и настоящий джентльмен, не забывай о злых языках. Наговорят всякого — и твоя репутация подмочена».

Злых языков Дина не боялась, да и Фредон не

давал повода для беспокойства. Впрочем, попроси он ее снять мерки на брюки, она пулей бы вылетела из квартиры. Но для спокойствия тети Ширин, Дина говорила, что, кроме нее, в доме всегда есть кто-то из близких. Не уточняя, однако, что этот «кто-то» сам Фредон. Потому что он действительно скоро стал ей близким человеком. Чаще всего она шила ему короткие халаты, трусы, фартуки. Чтобы помочь Дине, Фредон заказывал ей одежду для детей друзей и родственников, которую дарил именинникам вместо конвертов с деньгами.

Их дружба крепла. Дина часто ходила с ним по магазинам, помогая выбрать ткани для подарков. Потом они пили в кондитерской чай с пирожными. Иногда Фредон приглашал ее к себе на обед, купив по дороге жареные бараньи отбивные или виндалу[25]. И уговаривал ее не бояться шить по новым выкройкам, увереннее держаться с клиентами и повышать расценки.

Прошло несколько месяцев, и Дина уже не сомневалась в своих способностях. Благодаря урокам невестки, шить было легко. А если возникали сложности, ей на помощь приходила тетя

---

[25] Примечания: 25

Виндалу — маринованная в уксусе свинина, потушенная с чесноком.

Ширин. Ее визиты доставляли старикам такую радость, что она навещала их регулярно, притворяясь, что испытывает затруднения то в одном, то в другом: иногда это был рюш на воротничках, или покрой реглан, или плиссировка.

Каждый день у Дины оставались после работы обрезки тканей, и тетя Ширин посоветовала их сохранять.

— Ничего не выбрасывай — помни, все может сгодиться. И эти обрезки тоже. — И она на глазах у Дины смастерила гигиеническую прокладку.

— Прекрасная мысль! — восхитилась Дина. Лишние траты были ей ни к чему. Прокладки из ткани не так хорошо впитывают влагу, как те, что она покупает, но домашние поделки можно чаще менять, ведь они ничего не стоят. Для пущей предосторожности в эти дни Дина носила темную юбку.

За работой время в маленькой квартирке летело быстро. Глаза и пальцы Дины были поглощены шитьем, но уши открыты разным звукам, долетавшим из соседних квартир. Дина собирала эти звуки, сортировала, возвращалась к ним снова и в конце концов создавала картину жизни чужих людей, подобно тому, как из выкроек создают одежду.

В отношении соседей Рустам придерживался твердого правила — не входить с ними в тесный контакт. Краткого приветствия при встрече («сахиби-салям») достаточно, говорил он, а то начнутся сплетни и слухи, и ситуация выйдет из-под контроля. Но мытье кухонной утвари, звонки в дверь, торговля с продавцами, звуки стирки — шлепанье и отбивание белья в мыльной воде, семейные ссоры, пререкания со слугами — это тоже походило на сплетни. Дина поняла, что звуки из ее квартиры могут рассказать и о ней кое-что соседям, если они станут к ним прислушиваться. Частной жизни нет, человеческое существование — непрерывный сольный концерт, которому внимает подневольная аудитория.

Иногда Дине приходила в голову мысль возобновить посещение бесплатных концертов, но что-то мешало ей. Нельзя цепляться за прошлое. Путь к обретению себя не проходит через прошлое.

Со временем, когда шитье одежды стало для Дины привычным занятием, тетя Ширин показала ей, как вязать свитера.

— На вязаные вещи небольшой спрос, — сказала она, — однако есть люди, которые заказывают их ради шика или отправляясь на отдых в го-

ры. — По мере того, как модели усложнялись, тетя Ширин подарила Дине целую стопку журналов мод и спицы для вязания.

И еще она научила Дину вышивать, но при этом предупредила: «Вышивка на салфетках и кухонных полотенцах пользуется спросом и хорошо оплачивается. Но такая работа — большое напряжение для глаз. Не бери часто заказы, иначе это отзовется после сорока».

В результате, спустя три года, когда тетя Ширин отошла в мир иной, а через несколько месяцев за ней последовал и дядя Дараб, Дина уже твердо стояла на ногах. Однако никогда она не чувствовала себя такой одинокой. Дина словно второй раз потеряла родителей.

Нусван был убежден, что за уход Дины никто его не осудит, но родственники немедленно разделились на два лагеря. Некоторые, вроде бы занимавшие нейтральную позицию, хорошо себя чувствовали в обоих лагерях, но по меньшей мере половина безусловно поддерживала Дину. Одобряя ее стремление к независимости, они наперебой предлагали разные способы заработка.

— Масляное печенье — вот что приносит доход.

— Почему бы тебе не устроить частные ясли?

Матери скорее доверят детей тебе, чем служанкам.

— Научись готовить хороший розовый шербет и позабудешь вздыхать о прошлом.

Дина с благодарностью внимала всем и вежливо прислушивалась, когда ей излагали программу действий. Она очень преуспела в уклончивом кивании головой. Если шитье одежды давало сбой, она готовила пирожки и прочие сладости.

Потом Зенобии пришла в голову блестящая идея стричь детей на дому. Сама Зенобия добилась того, о чем мечтала в школе — стала старшим парикмахером в салоне красоты. После закрытия салона она обучала Дину стрижке на парике, надетом на гипсовый череп. Гребень застревал в дешевом подобии локонов.

— Не волнуйся, — утешала подруга Дину. — С настоящими волосами проще. — Из салона Зенобия притащила лишний комплект ножниц, машинку для стрижки волос, щетку, гребень, тальк и пуховку. Подруги составили список детей друзей и родственников, которых можно использовать как подопытных кроликов. Ксеркс и Зарир не вошли в этот список — Дина теперь чувствовала себя неуютно в когда-то родном доме, хотя Нусван с радостью воспользовался бы

возможностью сэкономить на стрижке.

— Так и стриги одного за другим, пока не перестрижешь всех подряд, — сказала Зенобия. — Все дело в практике. — Она контролировала работу подруги и вскоре объявила, что та готова пуститься в свободное плавание. И Дина стала предлагать свои услуги.

Но через несколько дней эта инициатива лопнула, ни одной стрижки Дина так и не сделала. Ни она, ни Зенобия не знали, что люди считают плохой приметой стрижку в своем доме. Дина рассказала подруге о своей неудаче: при одной только мысли, что на полу могут валяться срезанные волосы, потенциальные клиенты приходили в ярость.

— Мадам, о чем вы только думаете? В чем дело? Почему вам не терпится навлечь беду на наш дом?

Некоторые соглашались на стрижку, но при условии, что Дина подстрижет ребенка на улице. Дина отказывалась. Всему есть предел. Она детский парикмахер на дому, а не какой-нибудь уличный брадобрей.

Впрочем, окончательно парикмахерское дело Дина не забросила. Друзья, у которых были дети, продолжали пользоваться ее услугами. Иногда

малыши, вспоминая первую стрижку, прятались, когда приходила тетя Дина. Но по мере роста ее мастерства это случалось все реже.

И все-таки бывали в ее жизни трудные дни, когда она не могла оплатить вовремя квартиру или счет за электричество. Когда были живы тетя Ширин и дядя Дараб, они всегда выручали ее, подкидывая сорок-пятьдесят рупий. Теперь остался только Нусван.

— Конечно, помогу. Это мой долг, — говорил он с ханжеским видом. — Ты уверена, что шестидесяти тебе хватит?

— Да, спасибо. Я верну деньги в следующем месяце.

— Я тебя не тороплю. Скажи, ты еще не нашла себе жениха?

— Нет, не нашла, — отвечала Дина, задаваясь вопросом, не узнал ли он о Фредоне. Вдруг кто-то видел их вместе и доложил Нусвану?

За два года, прошедшие после смерти тети Ширин, этот холостяк из друга превратился в любовника. Хотя мысль о новом супружестве была все еще невыносима для Дины, ей нравилось общество Фредона. Ему тоже было приятно находиться в ее обществе, он не стремился заводить беседы на «умные» темы или придумывать

развлечения — обычные для влюбленных парочек. Им обоим нравилось проводить время в его квартире или гулять в парке.

Рискнув вступить в более близкие отношения, они столкнулись с некоторыми трудностями. Кое-что оставалось для Дины невозможным. Постель — любая постель — была под запретом, это священное ложе предназначалось только для супругов. Поэтому для ласк использовался стул. Но однажды, когда Дина собралась оседлать Фредона, эта поза вдруг вызвала в ее памяти Рустама, закидывающего ногу на велосипед. Теперь и стул, как прежде кровать, стал запретным местом.

— О боже! — простонал Фредон. Натянув штаны, он приготовил чай.

Спустя несколько дней Фредон предложил заниматься любовью стоя, и Дина согласилась. Фредон постарался добавить в новое положение как можно больше изящества — приготовил для Дины небольшую платформу, учитывавшую разницу в росте, что было важно при объятиях. Затем купил табурет, сделал кое-какие измерения, отпилил ровно два с четвертью дюйма, чтобы Дине было удобно ставить ногу. Иногда она поднимала левую ногу, иногда правую. Все эти приспособления Фредон поставил у стены,

а с потолка спустил на разную высоту подушки — для головы, для спины и для бедер.

— Тебе удобно? — нежно спросил он, и Дина кивнула.

Но до кровати это сооружение все-таки не дотягивало. Вместо того чтобы стать острой приправой, оно превратилось в основное блюдо и либо перебивало аппетит, либо вообще не насыщало.

На противоположной стене было маленькое окно. За ним на улице стоял фонарь. Однажды, когда они, стиснув друг друга в крепком объятии, занимались любовью стоя, пошел дождь. Запах влажной листвы проник в комнату. Сквозь полуприкрытые глаза Дина видела, как морось, словно туманом, окружала лампу. Иногда кисть, локоть или плечо соскальзывали с подушек, и тогда цементная стена казалась жаркой плоти божественно холодной.

Наслаждалась каждая клеточка ее тела; Дина застонала от удовольствия, и это доставило радость Фредону. Дождь усилился. Теперь лампа фонаря освещала его косые струи.

Некоторое время Дина смотрела на дождь, а потом вдруг напряглась.

— Остановись, пожалуйста, — прошептала она,

но мужчина продолжал двигаться.

— Перестань, прошу! Пожалуйста, Фредон, перестань!

— Но почему? — взмолился он. — Почему? Что не так?

Дину била дрожь.

— Дождь…

— Дождь? Хочешь, закрою окно?

Она покачала головой.

— Прости. Что-то заставило меня вспомнить Рустама.

Фредон взял ее лицо в свои руки, но она их отбросила. Выскользнув из его объятий, она прямиком шагнула в воспоминания о той давней ночи, когда на ней был плащ Рустама. Тогда в грозу у нее сломался зонтик. А после концерта на автобусной остановке они впервые соединили руки, и их ладони были мокрые от моросящего дождя.

В том их соединении было столько чистоты, что Дина ужаснулась: близость с Фредоном показалась ей грязным, унизительным действием. Дина содрогнулась, почувствовав стыд и раскаяние.

Фредон молча подал ей лифчик и трусики. Она шарахнулась к подушкам и оделась, отвернувшись от него. Он натянул брюки и приготовил

чай.

Позже Фредон пытался ее успокоить.

— Во всех проклятых индийских фильмах дождь соединяет героя и героиню, — недовольно произнес он. — А для меня теперь он как бич божий. — Улыбка Дины слегка подняла ему настроение. — Ладно, разберу это сооружение и придумаю для нас что-нибудь новенькое.

И Фредон принялся за дело. Несмотря на его творческое горение и тайное изучение всевозможных пособий по технике секса, бороться с прошлым было трудно. Оно оказалось очень увертливым и при каждом удобном случае проскальзывало в настоящее, преодолевая самую крепкую защиту.

Однако он не жаловался, и Дина была ему за это благодарна. В ее планы входило, чтобы о существовании Фредона брат узнал как можно позже.

— Ну как, еще не нашла мужчину своей мечты? — спрашивал Нусван, отсчитывая ей деньги. — Не забывай, тебе уже тридцать. Так и детей не успеешь завести. Я пока еще могу найти тебе приличного мужа. Неужели не надоело ишачить самой?

Дина засовывала в сумочку шестьдесят рупий и давала брату наговориться всласть. «Словно

проценты берет за свои деньги», — подумала она. Может, они слишком высоки, но это единственная валюта, какую она может дать, а он взять.

* * *

Скрипку все пять лет никто не доставал со шкафа. Во время генеральной уборки, которую Дина устраивала дважды в год, она, перед тем как обмахнуть стены и потолок щеткой на длинной палке, укрывала скрипку белой тканью, а потом, не передвигая футляр, протирала влажной тряпочкой верх шкафа.

Последующие шесть лет Дина придерживалась той же практики и словно не замечала существования скрипки. И вот наступила двенадцатая годовщина со дня смерти Рустама. «Пора продать инструмент, — решила Дина. — Нечего скрипке пылиться на шкафу, пусть лучше кто-то на ней играет, занимается музыкой». Она придвинула к шкафу стул и сняла скрипку. Проржавевший металлический замочек скрипнул под ее пальцами. Дина подняла крышку футляра и обомлела.

Там, где располагались эфы, дека полностью провалилась. Четыре струны болтались между подставкой и колками, а внутренняя фетровая обивка футляра, изгрызенная неизвестными

насекомыми, свисала клочьями. Руки Дины обсыпала красноватая труха. К горлу подкатила тошнота. Дрожащей рукой она вынула из специального отделения смычок. Конский волос свисал с одного конца, наподобие женской прически «хвост». Не потревоженными остались лишь с десяток волосков. Дина сложила все как было и решила отнести скрипку в «Л.М. Фуртадо».

По дороге ей пришлось укрыться в библиотеке от демонстрантов, которые толпой прокатились по улице, громя витрины и выкрикивая лозунги против пришельцев с Юга, отнимавших у них рабочие места. Полицейские джипы прибыли, когда демонстранты уже сделали свое дело и скрылись. Дина подождала еще несколько минут и только тогда вышла из библиотеки.

В «Л.М. Фуртадо» мистер Маскаренхас надзирал, как идет уборка разнесенной вдребезги большой витрины. Осколки зеркального стекла блестели рядом с двумя гитарами, банджо, бонго и нотами последних песен Клиффа Ричарда[26]. Когда Дина вошла в магазин со скрипкой, мистер Маскаренхас вернулся за прилавок.

— Какой позор! — сказала Дина, указывая на

[26] Примечания: 26

Клифф Ричард (род. 1940, Лакхнау, Индия) — британский исполнитель популярной музыки.

витрину.

— В наши дни это плата за бизнес, — сказал мистер Маскаренхас и открыл поставленный перед ним футляр. Содержимое привело его в состояние ступора. — Как такое случилось? — Дину он не узнал. Рустам однажды представил жену, когда заходил вместе с ней в магазин, чтобы купить струну *ми*. — На ней что, никто не играл?

— Давно не играл.

Мистер Маскаренхас почесал правое ухо и сурово свел брови над черной оправой очков.

— Струны надо ослаблять во время хранения, смычок тоже не должен быть натянут, — сказал он строго. — Придя домой, мы ведь ослабляем ремни и отдыхаем, разве не так?

Дина пристыженно кивнула.

— А починить ее можно?

— Все можно починить. Вопрос в том, как она будет потом звучать.

— И как она будет звучать?

— Ужасно. Визг дерущихся котов. Но футляр хороший, его можно обить новым фетром.

Дина продала футляр мистеру Маскаренхасу за пятьдесят рупий и оставила ему испорченную скрипку. Продавец сказал, что восстановленный инструмент может по дешевке купить какой-ни-

будь новичок.

— У всех поначалу инструмент скрипит и визжит, так что тембр здесь не так важен. Если скрипку купят, я дам вам еще пятьдесят рупий.

Дина ушла от него с легким сердцем — хорошо, если скрипку купит молодой энтузиаст. Рустама позабавила бы мысль, что его скрипка будет и впредь мучить людей.

Время от времени к Дине возвращалось острое чувство вины из-за погубленной скрипки. Как глупо держать инструмент на шкафу целых двенадцать лет и дать ему разрушиться! Могла, по крайней мере, отдать скрипку Ксерксу и Зариру — может, это подвигло бы их учиться музыке.

Как-то утром в дверь квартиры позвонили, а когда Дина открыла, ей сказали, что доставлена вещь для миссис Далал.

— Я миссис Далал.

Молодой человек в модных узких брюках и ярко-желтой рубашке с тремя расстегнутыми верхними пуговицами вернулся к машине за посылкой. «Может, это скрипка», — подумала Дина. Прошло уже шесть месяцев, как она отнесла ее в «Л.М. Фуртадо». Возможно, мистер Маскаренхас, убедившись, что надежды на восстановление нет, отправил скрипку обратно.

Молодой человек вернулся, таща за собой искореженный велосипед Рустама.

— Прислали из полицейского участка, — сказал посыльный.

Не успел он протянуть Дине на подпись квитанцию, как рука ее скользнула по косяку, и она, теряя сознание, мягко опустилась на пол.

— Вот это да! — запаниковал посыльный. — Может, вызвать вам скорую помощь? — Он изо всех сил махал перед ее лицом бумагами под разным углом — в надежде, что поток воздуха поможет привести женщину в сознание.

Дина шевельнулась, и молодой человек замахал еще яростнее. Ободренный улучшением, он приложил пальцы к ее запястью, как будто нащупывал пульс. Он не знал точно, как это делается, но видел подобную сцену несколько раз в кино, где героем был врач, а героиней преданная и пышногрудая медсестра.

Дина снова пошевелилась, и тогда посыльный, очень довольный своим первым успехом в медицине, оставил в покое ее запястье.

— Что с вами? Я что-то сделал не так?

Дина покачала головой.

— Всему виной жара… Мне уже лучше.

Ей снова бросились в глаза искривленные

руль и рама велосипеда. «Зачем, — мелькнула мысль, — полиции потребовалось перекрашивать велосипед из черного цвета в красно-коричневый?»

Но тут головокружение прошло, и зрение стало нормальным.

— Да он весь проржавел, — сказала Дина.

— Полностью, — согласился молодой человек и взглянул на бирку с регистрационным номером и датой. — Ничего удивительного. Велосипед простоял двенадцать лет в хранилище для улик, а там окна разбиты и потолок течет. За двенадцать сезонов дождей и человеческие кости ржавчиной покроются.

Смятение Дины сменилось гневом.

— Вот, значит, как вы обращаетесь с важными уликами! Даже если б преступника поймали, его вину с такой испорченной уликой никто бы не доказал.

— Я с вами согласен. Но течет все здание. Сотрудники мокнут не меньше улик. Гибнут документы, чернила расплываются. Только у главного начальника сухой кабинет.

Видя, что эти объяснения мало утешают женщину, посыльный зашел с другого конца:

— Я вот что расскажу вам, мадам. Однажды у

нас хранился мешок с зерном — как улика. Кто-то убил хозяина, чтобы его украсть. На мешковине были кровавые следы. Когда дело дошло до суда, крысы прогрызли мешковину и съели почти все зерно. Судья прекратил дело из-за отсутствия улик. — Молодой человек рассмеялся, надеясь, что Дину позабавила эта история.

— И вам кажется это смешным? — сердито сказала Дина. — Преступник остался на свободе. Что происходит с правосудием?

— Да, ужасно, ужасно, — согласился посыльный, подсовывая Дине квитанцию на подпись. Поблагодарив ее, он ушел.

Она изучила копию квитанции. Там говорилось, что дело закрыто, и собственность возвращена ближайшему родственнику.

Дина не была суеверной. Но появление велосипеда сразу после случая со скрипкой навело ее на определенные мысли. Она увидела в этом знак для себя. Выполнив последний заказ Фредона — нарядное платье для племянницы, она пожала мужчине руку и сказала, что не сможет больше с ним встречаться, ибо перестает шить и выходит замуж.

* * *

Больше она Фредона не видела. Чтобы случайно не столкнуться с ним, она отказала и другим клиентам из этого дома. Ей и без них хватало работы.

Прошло еще пять лет. И словно по расписанию сбылось пророчество тети Ширин. В сорок два года у Дины стало портиться зрение. За год ей пришлось дважды сменить очки. Зрение катастрофически падало.

— Если продолжите напрягать глаза — ослепнете, — вынес приговор доктор. У этого жилистого плюгавого человека была забавная манера, проверяя периферическое зрение, выписывать пальцами волнистые линии по всей комнате. Дине это напомнило детскую игру в бабочек.

Грубоватая прямота доктора возмутила ее, а прогнозы испугали. Она не знала, как будет жить, если расстанется с шитьем.

К счастью, как часто бывает, пришло и решение. Подруга Зенобия рассказала ей, что знакома с менеджером по экспортным продажам в текстильной компании.

— Миссис Гупта — моя постоянная клиентка. Она у меня в долгу и, конечно, найдет для тебя

работу.

На той же неделе Дина в салоне красоты «Венера», вдыхая неприятный запах пергидроля и прочих сопутствующих красоте химикатов, ожидала разговора с миссис Гупта, уютно расположившейся под феном.

— Еще несколько минут, — шепнула Зенобия. — Я сделаю ей такую шикарную прическу, что она сразу растает.

Дина, сидя на стуле в приемной, следила за руками Зенобии, сооружавшей некую поистине скульптурную композицию из волос менеджера по экспортным продажам. Поглядывая искоса, как идет работа, Дина прикидывала, как смотрелась бы эта конструкция на ее голове.

Вскоре все подручные средства вроде заколок и бигуди были сняты, и прическа предстала во всем великолепии. Женщины вышли в приемную. Миссис Гупта лучезарно улыбалась.

— Как красиво! — Дина почувствовала необходимость похвалить прическу после того, как Зенобия их познакомила.

— Спасибо, — поблагодарила ее менеджер по экспорту. — Но это заслуга Зенобии, ее талант. Я всего лишь поставляю сырье.

Женщины рассмеялись, а Зенобия возразила:

она тут ни при чем!

— Все дело в строении лица миссис Гупта. Только взгляните на ее скулы, на элегантную манеру держаться — вот в чем причина успеха.

— Перестаньте! Вы вгоняете меня в краску, — захихикала миссис Гупта.

Женщины заговорили о волшебном действии импортных шампуней и лаков для укладки, и Зенобия так же умело, как крутила локоны и завитки, направила разговор на производство одежды. Миссис Гупта была рада поговорить о своих успехах в «Оревуар экспортс».

— Только за один год я удвоила оборот, — сказала она. — Известные международные компании заказывают мои изделия. — Ее компания — миссис Гупта постоянно подчеркивала свое главенство — поставляет женскую одежду в модные американские и европейские бутики. Шьют одежду небольшими партиями местные портные по европейским стандартам.

— Так мне выгоднее. Это лучше, чем иметь одну большую фабрику, на которой может вспыхнуть забастовка. Особенно сейчас, когда в стране неспокойно. Такой лидер как Джаяпракаш На-

раян[27] открыто призывает к гражданскому неповиновению. Призывает практически во всех делах. Он считает себя вторым Махатмой Ганди.

С подачи Зенобии миссис Гупта согласилась, что Дина идеально подходит ей для работы.

— Думаю, вам будет несложно нанять портных и руководить процессом. Самой надрываться не придется.

— Но я никогда не шила вещи сложных и новейших фасонов, — призналась Дина, и Зенобия нахмурилась. — Только простую одежду — детские платья, школьную форму, пижамы.

— Здесь тоже нет особых трудностей, — успокоила ее миссис Гупта. — Все, что требуется, — это скрупулезно придерживаться выкройки и руководствоваться чутьем.

— Так и есть, — сказала Зенобия, раздосадованная нерешительностью Дины. — И не надо никаких вложений: двое портных легко поместятся в твоей задней комнате.

— А как же домовладелец? — недоумевала Ди-

---

[27] Примечания: 27

Джаяпракаш Нараян (1902–1979) — индийский политический деятель, демократический социалист. Активный участник антиколониальной борьбы в 1930–1940-х. Лидер протестного движения против правительства Индиры Ганди в первой половине 1970-х. Был репрессирован в период чрезвычайного положения. Основатель оппозиционной коалиции Джаната.

на. — Если я устрою в квартире пошивочный цех, он может поднять скандал.

— А ему ничего знать не надо, — сказала Зенобия. — Просто держи язык за зубами — не говори соседям и никому другому.

Портные должны иметь собственные швейные машины — таково было условие миссис Гупта. Лучше работать по сдельной системе, это хороший стимул, а дневная оплата труда ведет к потере времени. «И всегда помните: вы главная, и устанавливаете правила тоже вы. Никогда не теряйте самообладания. Портные — особый народ, их орудие — иглы, а важничают они так, словно держат в руках мечи».

Итак, Дину удалось убедить, и она отправилась на поиски двух портных, прочесывая переулок за переулком в грязной утробе города. Каждый день заходила она в полуразрушенные дома и магазины, каждый из которых казался ненадежным карточным домиком. Она видела много портных — в тесных квартирках на чердаках, в подвалах, похожих на подземные норы, в вонючих общежитиях или просто сидящих, поджав ноги, на углу, и все они шили самые разные вещи — от наматрасников до свадебных одежд.

У тех, кто хотел работать с ней, не хватало

умения шить одежду на экспорт. Дина видела их продукцию — кривые воротнички, неровные швы, разные рукава. А те, что были помастеровитее, хотели работать у себя дома. Но у миссис Гупта было строгое правило: работа должна проходить под надзором подрядчика. И никаких исключений, даже для подруги Зенобии, ведь выкройки «Оревуар» держались в секрете.

Все, что могла сделать Дина, — это написать свой адрес на бумажных квадратиках и оставлять их в магазинах, где продавали приличный товар. «Если вы знаете кого-то, кто хорошо шьет и нуждается в работе, присылайте его ко мне», — говорила она. Большинство хозяев выбрасывали адрес сразу после ее ухода. Некоторые сначала туго скатывали бумажку, ковыряли ею в ухе, а уж потом избавлялись от нее.

Зенобия тем временем нашла еще вариант для Дины — пустить жильца. И потребуется всего ничего — кровать, шкаф, ванна, ну и еще готовить еду — не намного больше, чем для самой.

— Ты имеешь в виду жильца с пансионом? — спросила Дина. — Ну уж нет. Такой квартирант — настоящий геморрой. Я помню тот случай в «Фиросша Бааг». Что пережили эти несчастные люди!

— Не будь параноиком! Ты же не пустишь мошенника или психа домой. Подумай о ежемесячной квартирной плате — гарантированном доходе.

— Ты с ума сошла! Не хочу рисковать! Рассказывают, что многих стариков и одиноких женщин изводили таким образом.

Но по мере того, как таяли ее скудные сбережения, Дина понемногу сдавалась. Зенобия ее заверила, что квартиру они сдадут надежному человеку, лучше тому, кто имеет свой дом, а в городе бывает наездами.

— Ты ищи портных, а я займусь жильцом, — предложила она.

Дина по-прежнему оставляла свои координаты в магазинах, но границы поисков расширила и теперь ездила на поезде по северным окраинам — в этих местах она ни разу не была за свои сорок два года. Часто в пути поезд задерживался из-за процессий и демонстраций против правительства. Иногда она хорошо видела с верхнего этажа автобуса шумные толпы. Люди несли плакаты, обвиняющие премьер-министра в плохом руководстве и коррупции и призывающие ее уйти в отставку на основании судебного решения о нечестных выборах.

«А станет ли лучше, если премьер-министр уйдет со своего поста?» — думала Дина.

Однажды вечером, когда пригородный поезд остановился у семафора, Дина увидела в окно, как за железнодорожным заграждением из проходящей под землей канализационной трубы бьет струей черная жижа. Несколько мужчин тянули на себя уходящую в землю веревку. Их руки были по локоть черны, грязь капала с рук и одежды. Позади них в городской трущобе готовили пищу, удушливый дым отравлял воздух. Мужчины пытались починить трубу, которую прорвало.

Из ямы, держась за конец веревки, выбрался юноша. Когда он встал во весь рост, его тело в скользкой грязи вдруг засверкало на солнце, мерцая какой-то жуткой красотой. Вставшие дыбом волосы словно превратились в корону из языков черного пламени. Поднимавшийся ввысь дым от трущобных очагов завершал это адское зрелище.

Дина не могла оторвать глаз от этой сцены, потрясенная видом юноши. Она прикрывала нос от страшной вони до тех пор, пока поезд не вырвался на свежий воздух. Но память об этой ожившей преисподней не оставляла Дину ни в этот вечер, ни в последующие дни.

Долгие, тягостные поездки, вид грязных, убогих

районов основательно ее измотали. Дина совсем упала духом. Зенобия прочла это в ее глазах.

— Почему у нас такое грустное личико? — спросила она, слегка ущипнув подругу за щеку.

— Я устала бороться. Больше нет сил.

— Тебе нельзя сдаваться. Ко мне обратилось много людей с просьбой о пансионе. Один из них — Манек Кохлах, сын Абан. Помнишь ее? Она училась с нами в школе. Абан написала мне, что Манек в ужасе от студенческого общежития и мечтает оттуда съехать. А ты как раз хотела заполучить хорошего жильца.

— Железнодорожные билеты — пустая трата денег, — продолжала Дина, не слушая Зенобию. Она ждала, что подруга поддержит ее в желании покончить с этими изматывающими поездками.

— Только подумай, насколько легче станет твоя жизнь, когда ты найдешь портных. Или тебе надоела независимость, и ты решила жить у Нусвана?

— Даже не заикайся об этом. — Такая жуткая перспектива заставила ее продолжить поиски, по-прежнему оставляя в магазинах свой адрес. Она вспоминала детей из волшебной сказки, название которой забыла. Те крошили хлеб в надежде отыскать дорогу домой. Но птицы скле-

вали крошки. Интересно, удастся ли ей самой отыскать дорогу, думала Дина. Клочки бумаги может унести ветер, они могут сгинуть в черной канализационной трубе или оказаться в мешке сборщика мусора…

Усталая, потерявшая всякую надежду Дина свернула в переулок, посреди которого текли сточные воды. На поверхности плавали овощные очистки, бычки, яичная скорлупа. Впереди переулок сужался, превращаясь в канаву. Дети пускали в ручеек бумажные кораблики и вылавливали их дальше в луже. Через канаву перебросили доски — проходы в лавки и дома. Когда кораблик проплывал под доской и выныривал в сохранности по другую сторону, дети от радости хлопали в ладоши.

Из-за одной двери доносилось знакомое потрескивание и жужжание швейной машины. — На сегодняшний день это последний портной, — решила Дина, осторожно ступая на доску. Потом она сразу же отправится домой.

На полпути подгнившая доска треснула. Дина коротко вскрикнула, равновесие удержала, но туфля с ноги свалилась. Дети с веселыми криками бросились за туфлей, они шарили в темных помоях, соревнуясь, кто быстрее ее нащупает.

Задыхающийся от волнения мальчуган подал ей у дверей магазина мокрую туфлю, а она дала ему двадцать пять пайсов. Стук швейной машины смолк — портной открыл дверь, привлеченный шумом на улице.

— Что вы опять затеяли, сорванцы? — прикрикнул он на ребят.

— Они помогали мне, — сказала Дина. — Я шла к вам, и у меня свалилась в воду туфля.

— Ну-ну, — проворчал мужчина, несколько разочарованный. — А то они всегда здесь озорничают. — Увидев в Дине возможного заказчика, он сменил тон. — Пожалуйста, заходите.

Ее расспросы о надомных портных разочаровали мужчину. Он оборвал их равнодушным: «хорошо, буду иметь в виду» — и, пока она писала свою фамилию и адрес, крутил в руке сантиметр.

Вдруг лицо его оживилось.

— А ведь вы пришли куда надо. Есть двое прекрасных портных. Завтра я пришлю их к вам.

— Правда? — переспросила Дина, удивившись такой резкой перемене.

— О да! Двое прекрасных портных — или меня зовут не Наваз. Дело в том, что у них нет своей мастерской, и им приходится искать работу на стороне. Они вас не разочаруют.

— Хорошо. Тогда я жду их завтра. — Дина ушла, не питая никаких особых надежд. За последние недели ей не раз такое обещали.

Придя домой, она вымыла ноги и тщательно вычистила туфли. При воспоминании о переулке с детьми и бумажными корабликами ее затошнило. Ничто не сможет поднять ей дух: ни обещания портного, ни уверенность Зенобии в скором появлении жильца — Манека Кохлаха, сына их школьной подруги, который на днях зайдет посмотреть комнату.

И когда на следующее утро в дверь позвонили, Дина не могла поверить своему счастью. В дверях стоял будущий жилец, а рядом двое портных, Ишвар и Омпракаш Даржи, которых привел вчерашний клочок бумаги.

Как сказала бы Зенобия, все трио разом появилось у ее дверей.

Глава вторая. Чтобы мечты взрастали

Офисы «Оревуар экспортс» выглядели как помещения для товарного склада, и запах в них был соответствующий. Повсюду высокими штабелями лежали тюки с тканями, прикрытые сверху дерюгой. В воздухе витал ядовито-химический запах новой ткани. Пыльный пол усеивали обрывки прозрачного пластика, бумаги, шпагата и упаковочного материала. За металлическим стеллажом Дина разглядела фигуру менеджера.

— Добрый день! Да это никак миссис Далал, подруга Зенобии. Как поживаете? — приветствовала ее миссис Гупта.

Они обменялись рукопожатием. Дина сказала, что нашла двух искусных мастеров и готова к работе.

— Замечательно! Просто замечательно! — отозвалась миссис Гупта, но было видно, что ее прекрасное настроение связано, помимо сообщения Дины, и с чем-то другим. Настоящая причина вскоре открылась: во второй половине дня ее ждала Зенобия в салоне красоты. Там

непокорные кудри, вышедшие из повиновения за последнюю неделю, укротят и снова доведут до совершенства.

Одно это могло бы осчастливить миссис Гупта, но были и другие хорошие новости, устраняющие в ее жизни мелкие раздражители: объявленное вчера премьер-министром чрезвычайное положение автоматически отправляло в тюрьму почти всю парламентскую оппозицию, а также тысячи профсоюзных деятелей, студентов и социальных работников.

— Не правда ли хорошие новости? — миссис Гупта так и искрилась радостью.

Дина нерешительно кивнула.

— Мне казалось, суд признал ее виновной в нечестных выборах[28].

— Нет, нет! — возразила миссис Гупта. — Все это ерунда. Будет подана апелляция. А те смутьяны, что ложно обвинили ее, сядут в тюрьму. Больше никаких забастовок, маршей и дурацких беспорядков.

— Это хорошо, — нервно произнесла Дина.

---

[28] Примечания: 28

В 1975 г. Верховный суд признал Индиру Ганди виновной в нарушениях избирательного законодательства на выборах 1971 г. и приказал ей уйти в отставку с запретом политической деятельности на шесть лет. В ответ Ганди объявила о введении в Индии режима чрезвычайного положения.

Менеджер открыла книгу заказов и выбрала выкройку для первого задания.

— Вот вам проверка — сшить по этой выкройке тридцать шесть платьев. Тест на аккуратность, тщательность и слаженность действий. Если ваши портные хорошо себя зарекомендуют, продолжим совместную работу. Будет много больших заказов, — пообещала она. — Как вам уже известно, я предпочитаю работать с частными подрядчиками. Союз бездельников выступает за то, чтобы работать меньше, а получать больше. Лень — проклятье нашей страны. А некоторые безмозглые лидеры еще и подстрекают этих лодырей, призывая полицию и армию не повиноваться незаконным приказам. Нет, объясните мне, как закон может быть незаконным? Бессмыслица какая-то. Таким заводилам самое место в тюрьме.

— Да, в тюрьме, — машинально повторила Дина, поглощенная изучением выкройки. Ей хотелось, чтобы менеджер сосредоточилась на рабочих проблемах, а не углублялась в политику. — Взгляните, миссис Гупта, ширина кромки на платье-образце три дюйма, а согласно выкройке только два.

Миссис Гупта не удостоила вниманием это

несоответствие. Она кивнула и пожала плечами, отчего сари скользнуло вниз, но менеджер быстро поправила ткань.

— К счастью, премьер-министр заявила по радио, что приняла решительные меры. Хорошо, что в такое опасное время у нас есть сильный лидер.

От дальнейших вопросов по существу дела миссис Гупта отмахнулась.

— Я верю в вас, миссис Далал. Просто шейте в соответствии с выкройкой. Кстати, вы видели сегодняшние плакаты? Они повсюду висят.

Дина плакатов не видела. Ей ужасно хотелось измерить ткани, отложенные на тридцать шесть платьев — вдруг не хватит материала? Но, подумав, она решила этого не делать — еще обидит менеджера.

— «Главное сейчас — дисциплина» — девиз премьер-министра на плакатах. И она совершенно права. — Миссис Гупта придвинулась ближе и тихо проговорила: — Было бы неплохо наклеить несколько плакатов у входа в «Оревуар». Только посмотрите на двух бездельников в углу. Безбожно болтают вместо того, чтобы устанавливать полки.

Дина сочувственно хмыкнула и покачала го-

ловой.

— Так я зайду через неделю?

— Да, пожалуйста. Удачи! И не забывайте — держитесь тверже с портными, или они сядут вам на шею.

Дина стала связывать узел, но менеджер остановила ее щелчком пальцев. Явился служащий и перенес ткани в лифт.

— Я сегодня же передам от вас привет Зенобии. Пожелайте и мне удачи, — захихикала миссис Гупта. — Мои бедные волосы опять идут под нож.

— Да, конечно. Удачи!

Дина принесла домой рулоны ткани и освободила для портных заднюю комнату. Жилец поселится только на следующей неделе: у нее будет время разобраться с заказом. Дина внимательно просмотрела листы с выкройками и пакет с лейблами: «Шантал Бутик», Нью-Йорк. Чтобы чем-то заняться, она решила вырезать выкройки, тогда к понедельнику все будет готово. Да еще это чрезвычайное положение. Из-за беспорядков портные могут не приехать. А она даже не знает, где они живут. Если не сделать работу к назначенному дню, это произведет невыгодное впечатление.

В понедельник ровно в восемь часов утра Даржи приехали на такси, захватив с собой швейные машины.

— Купили в рассрочку, — похвастался Ишвар, с гордостью похлопывая по «зингеру». — Через три года выплатим кредит, и они будут наши.

Деньги портные потратили на первый взнос, и Дине пришлось расплатиться с таксистом.

— Вычтите это из нашего недельного жалованья, — сказал Ишвар.

Швейные машины внесли в заднюю комнату. Там мужчины приладили приводные ремни, проверили натяжение, установили катушки и для проверки прострочили несколько швов на свободном лоскуте. Через пятнадцать минут они были готовы к работе.

«И как они работали! Бесподобно», — думала Дина. Педали качались, маховое колесо жужжало, иголки плясали аккуратными, узкими стежками на ткани, и постепенно развертывающиеся рулоны материи преображались в рукава, воротнички, лифы, спинки, складки и юбки.

Дине постоянно приходилось напоминать себе, что она здесь начальник. Я не должна работать наравне с ними. Но держалась она всегда поблизости, осматривала законченные детали,

подбадривала, давала советы. Всматривалась в склонившиеся над шитьем насупленные лица работников. Ее заинтересовали длинные ногти на мизинцах — ими они соединяли швы, загибали складки. «Изуродованная щека Ишвара — просто нелепость, — решила она, — откуда это могло взяться?» Ишвара нельзя было представить участником поножовщины. Его улыбка и забавные усики смягчали впечатление от уродства. Дина перевела взгляд на молчаливого Омпракаша. Тощий, кожа да кости, весь словно из острых углов, он казался механическим продолжением машины. «А ведь он хрупкий, как хрусталь, — подумала Дина с жалостью. — И эти напомаженные волосы — надеюсь, он не испачкает ткань».

Пришло и ушло время обеда, а мужчины все работали и только раз попросили воды.

— Спасибо, — поблагодарил Ишвар, залпом выпив воду. — Вкусная и прохладная.

— А разве не время обедать?

Тот решительно замотал головой, словно сама мысль была нелепой.

— Ужина достаточно. Остальное — трата времени и еды. — Помолчав, он спросил: — Дина-бай, а что такое чрезвычайное положение, о котором говорят?

— Проблемы в правительстве — игры, в которые играют люди наверху. Простых людей, вроде нас, это не касается.

— Вот и я так говорю, — пробормотал Омпракаш. — А дядя беспокоится.

Портные снова принялись за работу, и Дина подумала, что сдельщина отличный вариант. Прополоскав стакан, она поставила его отдельно. Отныне он станет стаканом для портных.

Время шло, и Дине стало казаться, что Ишвару неудобно сидеть за машиной. Он весь как-то съежился и плотно сжал ноги, словно у него колики. Ноги то и дело соскакивали с педали.

— Что случилось? — спросила Дина.

— Ничего, — смущенно ответил тот.

Племянник пришел ему на помощь, подняв мизинец.

— Ему надо выйти.

— Почему ты раньше не сказал?

— Стеснялся, — робко произнес Ишвар.

Дина показала ему, где находится туалет. Дверь захлопнулась, и послышался мощный звук струи, бьющей о стенку унитаза. Струя то слабела, то опять усиливалась: переполненный мочевой пузырь работал прерывисто.

После Ишвара в туалет пошел Омпракаш.

— Слив не работает, — крикнула ему вслед Дина. — Берите воду из ведра.

Запах в туалете ее озадачил. «Я так долго живу одна, что стала слишком придирчивой, — подумала она. — Разная еда, разные привычки — это нормально, что их моча пахнет по-другому».

Стопка готовых платьев росла, а у Дины не было никаких дел, кроме как открывать утром портным двери. У Ишвара всегда были наготове приветствие или улыбка, а худой Омпракаш безмолвной тенью проскальзывал мимо. «Сидит на табуретке, как нахохлившийся, сердитый совенок», — думала Дина.

Все три дюжины платьев были готовы раньше срока. Миссис Гупта пришла в восторг от результата. На этот раз она заказала уже шесть дюжин. В сумочке у Дины зазвенели первые денежки. Она чувствовала легкие угрызения совести, получая деньги ни за что. Разве сравнить с теми тяжелыми днями, когда пальцы и глаза ломило от шитья и вышивки!

У портных груз с плеч свалился, когда они узнали, что экспортная компания одобрила их работу.

— Если первый заказ приняли, с остальными проблем не будет, — с непривычной для него

уверенностью заявил Ишвар в то время, как Дина отсчитывала им жалованье.

— Однако не надо расслабляться, — предостерегла она, — на фирме тщательно проверяют качество. И сдавать заказ надо вовремя.

— Да вы не волнуйтесь, — успокоил ее Ишвар. — Товар будет высшего класса и всегда вовремя. — А Дине было трудно поверить, что наконец закончились ее мытарства.

Портные стали регулярно обедать. Из этого Дина заключила, что провозглашенное на прошлой неделе Ишваром правило «одна еда в день» диктовал пустой кошелек, а не убеждения аскета или строгая рабочая этика. Было приятно, что ее предприятие улучшило их жизнь.

Ровно в час Омпракаш заявлял: «Я голоден. Пойдем». Отложив шитье, они убирали в ящик свои драгоценные фестонные ножницы и уходили.

Ели они в вегетарианской столовой «Вишрам» на углу улицы. В «Вишраме» не было никаких секретов — кухня на виду, все нараспашку: один режет овощи, другой жарит их на огромной сковороде с черным дном, третий моет посуду. В помещении был только один стол, и потому Ишвар и Омпракаш, не дожидаясь, пока освободится место, ели стоя на улице. А потом торопились к

работе, проходя мимо безногого нищего, который разъезжал туда-сюда на платформе со скрипучими колесами.

Вскоре Дина заметила, что портные сбавили рабочий темп. Участились перерывы, во время которых они выходили на улицу и покуривали биди. «Все, как обычно, — подумала она, — как только завелись деньжата, прежний пыл угас».

Дина вспомнила наказ Зенобии и миссис Гупта — быть строгим руководителем. Она собралась с духом и сказала твердым, на ее взгляд, голосом, что работа затягивается.

— Не стоит волноваться, — успокоил ее Ишвар. — Закончим к сроку. Но, если хотите, мы, чтобы не отрываться, можем курить на рабочем месте.

Дина не терпела табачный дым, кроме того, случайная искра могла прожечь дырку в ткани.

— Лучше бы вам нигде не курить, — сказала она. — От табака бывает рак легких.

— Вот уж не повод для беспокойства, — возразил Омпракаш. — Этот город, где все так дорого, сожрет нас живыми.

— Что я слышу? Ты наконец заговорил?

Ишвар рассмеялся.

— Он открывает рот, только если не согласен,

как я и говорил.

— А вопрос денег легко решается, — сказала Дина. — Работайте хорошо и получите их достаточно.

— Но не у вас, — пробормотал Омпракаш.

— Что ты сказал?

— Ничего, ничего, — заторопился Ишвар. — Это он мне. У него болит голова.

Дина предложила Омпракашу выпить аспирин, но тот отказался. Голос его звучал уже громче.

— А работу вам далеко отвозить? — спросил он.

— Не очень, — ответила Дина. — Дорога занимает около часу. — Ей было приятно, что он старается загладить свои слова.

— Если что, мы можем помочь донести платья. Только дайте нам знать.

«Как мило с его стороны», — подумала Дина.

— А как называется фирма, куда вы отвозите платья?

От радости, что закончилось угрюмое молчание портного, Дина чуть не выпалила название фирмы, но вовремя придержала язык, притворившись, что не расслышала вопроса. Омпракаш повторил его.

— К чему мне название, — сказала она. — Меня

интересует только работа.

— И правильно, — согласился Ишвар. — Нас тоже только работа интересует.

Племянник бросил на него сердитый взгляд. Через некоторое время он продолжил расспросы. Она что, работает на одну фирму или на несколько? Платят ей комиссионные, или она на твердой ставке?

Ишвар смутился.

— Меньше разговоров, Омпракаш, и больше работы.

С тех пор Дина следила за молчаливым племянником. Она поняла, куда он клонит, и теперь тщательно проверяла, чтобы на тканях из «Оревуар экспортс» не было никаких «говорящих» лейблов и этикеток. Счета она держала под замком в шкафу. В отношении портных ее оптимизм дал трещину. Она понимала, что дорога становится ухабистой.

* * *

Даржи жили далеко и полностью зависели от расписания железной дороги. И все же Дина всякий раз, когда портные задерживались, не сомневалась, что ее бросили ради более выгодной работы. Чтобы скрыть свой страх, она

прятала радость при их появлении под маской недовольства.

За сутки до дня получки Даржи объявились только в десять часов.

— Несчастный случай на дороге — поезд задержали, — объяснил Ишвар. — Какой-то бедняк опять бросился на рельсы.

— Что-то частенько это происходит, — добавил Омпракаш.

Неприятный запах пустых желудков выплывал наружу в форме слов. Дину не интересовали их оправдания. Чем скорее они сядут за швейные машины, тем лучше.

Но ее молчание могло быть истолковано как слабость, поэтому она сухо произнесла:

— Правительство объявило, что во время чрезвычайного положения поезда будут ходить по расписанию. Странно, что ваш поезд опоздал.

— Если б правительство выполняло свои обещания, боги спустились бы на землю и украсили их всех гирляндами, — сказал Ишвар, посмеиваясь и примиряюще кивая головой.

Его миролюбие развеселило Дину. Она улыбнулась, и у Ишвара отлегло от сердца. Сам он считал, что глупо рисковать устойчивым заработком: им с Омпракашем повезло, что они работают

у Дины Далал.

Портные выдвинули табуреты, заправили новые катушки и стали шить. Небо заволокло тучами, приближался дождь. Мрак с улицы проник и в заднюю комнату. Омпракаш намекнул, что лампочка в сорок ватт маловата.

— Если я превышу ежемесячную квоту, у меня отключат счетчик, — объяснила Дина. — И мы окажемся в полной темноте.

Ишвар предложил перенести швейные машины в гостиную — там светлее.

— Тоже нельзя. Машины увидят с улицы, и домовладелец взбунтуется. Устраивать производство на дому противозаконно — даже если работают всего двое. Он и так цепляется ко мне при всяком удобном случае.

Портные, сами изрядно пострадавшие от домовладельцев, могли это понять. Все утро мужчины работали без перерыва, предвкушая время обеда. Они с утра ничего не ели, и в животах у них бурчало.

— Сегодня возьму двойной чай, — сказал Омпракаш. — И буду макать туда сдобную булочку.

— Не отвлекайся! Следи за машиной! — посоветовал племяннику Ишвар. — А то вместо двойного чая, у тебя будут двойные пальцы. —

Мужчины то и дело поглядывали на часы. Когда наступил час освобождения, их ноги тут же оставили педали и нащупали сандалии.

— Подождите, не уходите, — сказала Дина. — Работа срочная, а вы сегодня опоздали. Менеджер будет недоволен задержкой. — Ее волновало, успеют ли они к сроку. А что, если портные и завтра опоздают? «Прояви твердость», — напомнила она себе.

Ишвар заколебался, но племянник встретил такое предложение в штыки. Его испытующий взгляд, в котором сверкала ярость, являлся тому подтверждением.

— Пойдем, — пробормотал Омпракаш, не глядя на Дину. — Я проголодался.

— Твой племянник вечно голодный, — сказала Дина Ишвару. — Может, у него глисты?

— Да нет. Ом здоров.

Но его слова не убедили Дину. Еще на первой неделе у нее зародились подозрения. Помимо худобы Омпракаша, вечных жалоб на головную боль и чувство голода, она замечала, что он часто почесывает зад, что, по ее мнению, было верным признаком наличия глистов.

— Показать бы его врачу. У него такой изможденный вид — ходячая реклама спичек «Уимко».

— С ним все в порядке. Да и денег на врача нет.

— Упорно работайте — и деньги найдутся. Выполните заказ — вот и весь разговор, — вкрадчиво произнесла Дина. — Чем скорее я отвезу платья, тем скорее получите деньги.

— Пять минут на чай погоды не сделают, — сердито проговорил Омпракаш.

— Ваши пять минут обратятся в тридцать пять. Вот что, я сама приготовлю вам чай чуть позже. Специальный, дорогой чай, а не те спитые помои, которыми вас угощают на углу. Только закончите работу. И тогда все будут довольны — вы, я и менеджер.

— Хорошо, — согласился Ишвар, скинул сандалии и занял свое место. Педаль, нагретая за утро его ногой, даже не успела остыть.

Гневный шепот Омпракаша пробивался к дяде сквозь рокот двух «зингеров»:

— Ты всегда позволяешь обдурить нас. Не знаю, что такое с тобой. Позволь отныне мне с ней объясняться.

Ишвар миролюбиво кивнул. Ему не хотелось при Дине спорить или ругаться с племянником.

В два часа, когда у Дины от шума машин стала раскалываться голова, она решила отвезти сделанную работу. Дина была недовольна собой.

Уговоры и обещанный чай не говорят о строгости руководителя. Для правильного обращения с портными ей не хватает практики

Из-под рабочего стола Дина вытащила полиэтиленовый мешок и оберточную бумагу, в которую паковали рулоны ткани из «Оревуара». У Дины ничего не пропадало зря — как и советовала тетя Ширин. Маленькие лоскутки росли как на дрожжах. «Если шить прокладки, то материала хватит на целый женский монастырь», — думала Дина. Большие лоскуты она клала отдельно, не зная, на что их употребить — может, на лоскутное покрывало?

Дина упаковала готовые платья и взяла сумочку. На миссис Гупта должен произвести впечатление ее приезд на день раньше срока.

Помня о любопытстве Омпракаша, она повесила на дверь замок, чтобы исключить возможность слежки.

* * *

С затекшей спиной и затуманенными глазами портные перебрались в гостиную. После долгого сиденья на жестких табуретках, старый диван с разболтанными пружинами казался им верхом роскоши, а испытываемое удовольствие осо-

бенно острым из-за его запретности. Скованные члены — непременный признак профессии — понемногу распрямлялись на диванных подушках. Положив босые ноги на чайный столик, мужчины вытащили пачку биди и закурили, жадно затягиваясь. Оторванный верх пачки служил им пепельницей.

Омпракаш почесал затылок и внимательно осмотрел задержавшуюся на кончиках пальцев перхоть. Длинными ногтями на мизинцах выковырял маслянистую грязь из-под других ногтей и щелчком отправил на пол. Никогда не признался бы он, что ему скучно — ведь бездарно тратя время, он надувал Дину Далал. Если она думает, что может управлять ими, как парой бессловесных волов, то она жестоко ошибается. «Я все-таки мужчина, — с горечью подумал Омпракаш, — хотя дядя иногда ведет себя не так, как следует мужчине».

Ишвар позволил племяннику побездельничать. Пустые животы подвело с голоду. Он снисходительно смотрел, как Омпракаш ерзал, устраиваясь поудобней в подушках, дабы извлечь максимум удовольствия от дивана Дины Далал, и задумчиво поглаживал ту щеку, которая позволяла ему улыбаться лишь вполовину.

Смеясь, позевывая, потягиваясь, они — временные короли разбитого дивана, хозяева маленькой квартирки — убивали время за курением, когда вдруг этот незаконный отдых прервал стук во входную дверь.

— Я знаю, вы там! — кричал гость. — И замок на двери меня не обманет!

Портные замерли. Стук продолжался.

— Квартплатой тут не отделаетесь! Нам известно, что происходит за этим замком! Вас выбросят на улицу вместе с вашим нелегальным бизнесом!

Портные поняли, что акция исходит от домовладельца. Но при чем тут замок? Стук в дверь прекратился.

— Скорее, на пол! — шепнул Ишвар, боясь, что незваный гость заглянет в окно.

Что-то бросили в прорезь для почты. За дверью воцарилось молчание. На полу лежал большой конверт, адресованный миссис Рустам Далал. Ишвар повернул защелку. Дверь подалась вперед на полдюйма и ударилась обо что-то снаружи. Замок действительно существовал.

— Она нас заперла! — вскипел Омпракаш. — Что эта женщина о себе думает?

— Должна быть причина. Не кипятись!

— Давай вскроем письмо.

Ишвар вырвал письмо из рук племянника и отложил в сторону. Мужчины попытались снова устроиться с комфортом на диване и закурить биди, но настроение уже было испорчено. В провисшем диване вдруг обнаружились твердые комки. К одежде цеплялись ниточки, напоминая о работе, ждущей в соседней комнате. А часы неумолимо предупреждали: хозяйка вот-вот придет. Совсем скоро их вольной жизни придет конец.

— Она грабит нас, — ворчал Омпракаш. — Надо напрямую связаться с этой компанией. Зачем нам посредник? — Тлеющая сигарета свисала с уголка его рта, отчего он произносил слова еле шевеля губами.

Ишвар снисходительно улыбнулся. Нахально свисающая сигарета, как игрушечное ружье, целилась в Дину Далал.

— Смотри, она скоро придет, а у тебя такое кислое лицо, будто ты съел лимон. — И продолжил уже серьезно: — Она посредник, потому что у нас нет своей мастерской. Она дает нам возможность здесь шить, приносит ткани, получает от компании заказы. А сдельная работа делает нас более независимыми…

— Да перестань. Какая независимость? Она обращается с нами как с рабами. Гребет с нас деньги, и пальцем не пошевелив. Посмотри на ее квартиру. И электричество есть, и вода, все есть. А что есть у нас? Вонючая дыра в трущобе. Никогда нам не собрать достаточно денег, чтобы вернуться в деревню.

— Уже сдаешься? Так ничего в жизни не достигнешь. Надо бороться, Ом, даже если жизнь тебя бьет. — Зажав биди между мизинцем и безымянным пальцем, он раскрытой рукой поднес сигарету к губам.

— Вот увидишь, я узнаю, куда она ходит, — сказал Омпракаш, решительно вскинув голову.

— При таком движении у тебя дым красиво закручивается.

— Только подожди, я узнаю адрес компании.

— Каким образом? Думаешь, она тебе скажет?

Омпракаш вернулся в заднюю комнату и вынес оттуда большие, острые ножницы. Сжимая ножницы обеими руками, он театральным движением проткнул ими воздух.

— Приставим эти ножницы к ее горлу, и она все расскажет.

Дядя дал ему подзатыльник.

— Что сказал бы твой отец, услышь он тебя?

Глупые слова вылетают из твоего рта, как строчки из швейной машины. И такие же небрежные.

Омпракаш стыдливо убрал ножницы.

— И все же в один прекрасный день она перестанет быть посредником. Я прослежу ее путь до фирмы.

— Не знал, что ты умеешь проходить сквозь запертые двери, как великий Гогия Паша. Или Омпракаш Паша? — Ишвар прервал речь, чтобы затянуться, выпустил дым через нос и улыбнулся, глядя на сердитое лицо племянника. — Послушай, так устроен мир. Некоторые — в центре, другие — на обочине. Чтобы мечты взрастали и приносили плоды, нужно терпение.

— Терпение нужно, когда отращиваешь бороду. А тех денег, которые она нам платит, не хватит даже на масло и дрова на наши похороны. — Омпракаш яростно почесал голову. — И почему ты в разговоре с ней прибегаешь к такой дурацкой интонации, словно ты неотесанный увалень из глубинки?

— А я такой и есть, — сказал Ишвар. — Человеку нравится чувствовать себя главным. И если мой тон помогает Дине-бай чувствовать себя лучше, что тут плохого? — Наслаждаясь последними затяжками от гаснувшей сигареты, он

повторил: — Терпение, Ом. Некоторые вещи не изменишь, их надо просто принимать.

— Так что ты на самом деле думаешь? Сначала говоришь — борись, не сдавайся. Теперь советуешь, все принимать. Болтаешься туда-сюда, как горшок без задницы.

— Твоя бабушка Рупа часто так говорила, — рассмеялся Ишвар.

— Так что определись, дядя. Выбери что-то одно.

— Не получится. Я всего лишь человек. — И Ишвар вновь рассмеялся. Смех перешел в сильный кашель, сотрясший все его тело. Ишвар подошел к окну, отодвинул штору и сплюнул. Будь он ближе, увидел бы, что это не слюна, а кровь.

Отходя от окна, Ишвар увидел подъезжавшее такси.

— Скорее, она вернулась, — хрипло прошептал он.

Мужчины стали быстро наводить порядок — взбивать подушки, ставить на место чайный столик, засовывать в карманы спички и окурки. Искра отлетела от сигареты во рту Омпракаша, словно насмешливый комментарий к его пышущим гневом словам. Он сдул ее с обивки. Вбегая в

заднюю комнату, они затянулись последний раз, а потом потушили сигареты и выбросили окурки через заднее окно.

Дина расплатилась с таксистом и полезла в сумочку за ключами. Потускневший латунный замок висел грозно и устрашающе. Не будучи по природе тюремщиком, она повернула ключ, испытывая чувство вины.

Омпракаш протянул руки, чтобы помочь ей со свертками.

— Я слышал, как вы приехали.

— Там еще есть, — сказала Дина, указывая на рулоны ткани за дверью. Омпракаш обежал их глазами, пытаясь увидеть название фирмы или адрес.

Когда все внесли в квартиру, Ишвар вручил Дине конверт.

— Кто-то барабанил в дверь и кричал, что замком его не одурачишь. И оставил вот это.

— Наверно, приходили за арендной платой. — Дина отложила письмо, не вскрыв его. — Вас видели?

— Нет, мы спрятались.

— Хорошо. — Она положила на место сумочку и надела тапки.

— Вы что, заперли нас на время вашего отсут-

ствия? — спросил Ишвар.

— Разве вы не поняли? Да, мне пришлось.

— Но почему? — взорвался Омпракаш. — Разве мы воры или еще какой-нибудь сброд? Вы что, так думаете? Заберем ваши вещички — и деру?

— Что за глупости! Что у меня брать? Все дело в домовладельце. Если он заявится, когда меня нет, он выбросит вас на улицу. А замок его остановит. Взломать замок — противозаконно.

— Так и есть, — согласился Ишвар. Ему не терпелось увидеть выкройки новых платьев. Пока племянник кипятился, он быстро стянул с обеденного стола скатерть и разложил бумажные выкройки.

— Сколько на этот раз за платье? — вмешался Омпракаш, щупая новый поплин.

Дина не обратила на него внимания, поглощенная тем, как Ишвар передвигает выкройки. Мужчина вел себя как увлеченный пазлом ребенок.

Омпракаш снова завелся: «Очень сложный фасон. Взгляните на треугольные вставки для клеша. На этот раз оплата должна быть выше».

— Да прекрати ты свое нытье, — взорвалась Дина. — Дай старшим разобраться. Если не уважаешь меня, уважай хотя бы своего дядю.

Ишвар сопоставлял отдельные детали с образцом, бормоча про себя:

— Рукав, ладно. И спинка со швом посредине, несложно. — Племянник только хмурился от таких признаний.

— Да, работа легкая, — сказала Дина. — Легче, чем та, которую вы закончили. Однако новости хорошие: платят все те же пять рупий за платье.

— Пять рупий — это слишком мало, — возмутился Омпракаш. — Вы говорили, что возьмете заказ повыгоднее. Наше время стоит больше.

— Я беру то, что предлагает фирма. Иначе с нами не будут иметь дела.

— Мы выполним заказ. Грешно спорить из-за денег.

— Тогда сам и работай. Я не стану горбатиться за пять рупий, — отрезал Омпракаш, но Ишвар обнадеживающе кивнул Дине.

Та пошла на кухню готовить обещанный чай. Расстановка сил была неплохая: дядя сумеет обуздать племянника. Она бросила взгляд на чашки с блюдцами. Взять те, что с розовой каймой или с красной? Подумав, решила поставить чашки с розовой каймой. Потом они займут отдельное место, как и использованный стакан. Сама она будет пить из чашки с красной каймой.

Дожидаясь, пока закипит вода, Дина осмотрела проволочную сетку, натянутую вместо разбитого стекла, и увидела в ней дыру. «Опять эти несносные кошки, — с раздражением подумала она. — Пробираются сюда украдкой в поисках пищи или прячась от дождя. Кто знает, какую заразу приносят они с помоек».

Она кое-как укрепила сетку, намотав уголок на гвоздь. Чайник объявил о готовности сильной струей пара. Дина лишь слегка приглушила мощное кипение, получая удовольствие от сгущавшейся дымки над пузырящейся водой — некой иллюзии дружеской болтовни, наполненной жизни.

Она неохотно выключила чайник, и белое облако расплылось на отдельные белесые пятна. Налив чай в три чашки, внесла в комнату две с розовой каймой.

— А вот и чай, — сказал Ишвар, с благодарностью беря чашку. Омпракаш продолжал работать, не поднимая головы. Он все еще дулся. Дина поставила чашку подле него.

— Мне не хочется, — буркнул он. Не говоря ни слова, Дина пошла на кухню за своей чашкой.

— Чай восхитительный, — сказал Ишвар, когда она вернулась. Желая привлечь внимание пле-

мянника, он даже причмокнул. — Гораздо лучше, чем в «Вишраме».

— Наверное, он весь день у них кипит, — предположила Дина. — Это вредит чаю. Когда устанешь, ничто так не помогает, как чашка свежезаваренного чая.

— Золотые слова. — Ишвар сделал еще глоток и снова зазывно причмокнул. Омпракаш потянулся за своей чашкой. Остальные сделали вид, что ничего не замечают. Омпракаш жадно выпил чай — все с тем же сердитым выражением лица.

Оставшиеся два часа он провел, согнувшись за машинкой и непрерывно ворча. Ишвар был счастлив, когда часы показали наконец шесть. Становилось трудно сохранять мир между Диной-бай и племянником.

* * *

Утро неумолимо двигалось к полудню, когда Ибрагим, сборщик квартплаты, ковылял по улице, намереваясь посетить Дину Далал и потребовать ответа на вчерашнее письмо. Полный достоинства, в малиновой феске и черном шер-

вани[29], он приветливо улыбался встречным жильцам, говоря «Салям» или «Как поживаете?». Судьба одарила его автоматической улыбкой, она проступала на его лице всякий раз, когда он открывал рот. Это счастливое свойство было ему помехой в тех случаях, когда арендатор задерживал квартплату. Тогда требовалось серьезное выражение лица, лучше даже суровое, с насупленными бровями.

Ибрагим был пожилой человек, но выглядел даже старше своих лет. В левой руке, которая еще ныла от вчерашнего стука в дверь, он нес пластиковую папку, перехваченную двумя резиновыми лентами. В ней хранились квитанции, счета, ордера на ремонт, документы о разногласиях и судебные бумаги, имеющие отношение к тем шести домам, которые он опекал. Некоторые дела тянулись еще с того времени, когда ему было девятнадцать, и он начинал работать на отца нынешнего владельца. Находились и такие, которые достались Ибрагиму от его предшественника.

Документация была настолько подробная, что иногда Ибрагиму казалось, что он тащит с собой не бумаги, а самые настоящие дома. Предыдущая

---

[29] Примечания: 29

Шервани — длинное мужское полупальто или пиджак, одежда в странах Южной Азии.

папка, переданная Ибрагиму почти пятьдесят лет назад его предшественником, была не из пластика, а из двух деревянных досок, скрепленных сафьяновой лентой. Она еще хранила запах своего владельца. Истертая хлопчатобумажная лента на кожаной основе стягивала содержимое папки. Темные, потрескавшиеся доски деформировались и, когда их раскрывали, скрипели, издавая тяжелый запах табака.

Молодой и честолюбивый Ибрагим стеснялся появляться на людях с такой старомодной вещью. Хотя она содержала вполне респектабельную документацию, он понимал, что люди оценивают прежде всего внешний вид, а похожие замызганные папки с картами и лже-таблицами носили имеющие дурную славу — астрологи и предсказатели. Ибрагима приводила в ужас сама мысль, что его могут принять за одного из этих мошенников. В нем поселились серьезные сомнения относительно работы, из-за которой приходится носить пресловутую папку — он чувствовал себя обманутым, словно его обвесил на рынке нечестный продавец.

И вот в один счастливый день сафьяновый корешок совсем истерся и лопнул. Ибрагим отнес поврежденную вещь в офис домовладельца. Там

ее осмотрели, подтвердили, что папка отжила свое, и составили соответствующий бланк заявки на новую. А Ибрагиму временно, пока не будет принято решение, выдали простую бечеву, чтобы перевязывать стопку документов.

Через две недели прислали новую папку из клеенчатого картона благородного коричневого цвета, она выглядела элегантно и современно. Ибрагим пришел в восторг. Теперь он оптимистичнее оценивал рабочие перспективы.

С новой папкой под мышкой он мог высоко держать голову и обходить свой участок с важностью стряпчего. Папка была намного совершеннее старой, с большим количеством кармашков и отделений. Теперь инструкции, жалобы, корреспонденцию можно было бы разложить толковее. Это было очень кстати, потому что к этому времени у Ибрагима прибавилось обязанностей — и на работе, и дома.

Ибрагим, сын стареющих родителей, женился, потом стал отцом. И его работа уже не сводилась только к сбору арендной платы. Теперь он стал тайным агентом домовладельца, шантажистом, миротворцем, улаживающим разнообразные конфликты с жильцами. В круг его обязанностей теперь входили также поиски «грязного белья»

в шести подведомственных ему домах, вроде адюльтеров. Хозяин научил его использовать такие вещи, чтобы добиваться увеличения квартирной платы. Те, у кого рыльце в пушку, никогда не возражают и не ссылаются на закон об аренде. В тех же случаях, когда домовладелец заходил слишком далеко и сам мог быть привлечен к суду, Ибрагим делал все, чтобы умаслить обиженных. Слезы сборщика квартплаты убеждали жильцов пойти на попятную, проявить милосердие к бедному затравленному хозяину, мученику современных законов по домовладению, который никому не желает зла.

Чтобы разные обязанности не перепутались, он использовал многочисленные кармашки и отделения в папке. На этом этапе карьеры Ибрагим, однако, стал ощущать все возрастающее неудобство своей автоматической улыбки. Произносить угрозы и серьезные предупреждения мило улыбаясь, по меньшей мере, дико. Да и хорошей стратегией это не назовешь. Вот если б он умел трансформировать улыбку в грозную гримасу — это было бы то, что надо. Но контроль над мышцами был невозможен. Ему трудно давались ситуации, когда надо было выразить сожаление по поводу вялотекущего ремонта или произнести

слова соболезнования в связи со смертью в семье квартиросъемщика. В самом непродолжительном времени этот тягостный оскал принес ему незаслуженную репутацию черствого, грубого, некомпетентного, умственно отсталого и даже демонического человека.

С этой злополучной улыбкой он износил три клеенчатые папки, все коричневые, как и первая, и прибавил двадцать четыре года к своему возрасту. Двадцать четыре года монотонной работы и лишений, время, когда канула в прошлое юность, а честолюбивые замыслы этого золотого времени обернулись горечью и обидой. Отчаявшийся, уязвленный сознанием, что ему ничего больше не светит, он видел, что жена, два сына и две дочери по-прежнему верят в него, и это лишь усиливало его боль. Ибрагим задавал себе вопрос, чем он заслужил такую унылую, такую безнадежную жизнь. Или всем людям суждено задавать этот вопрос? Неужели Всевышнего не заботит то, что у всех людей разные шансы и на свете нет понятия справедливости?

Теперь он не видел смысла ходить в мечеть так часто, как привык. Пятничные службы посещал нерегулярно. А руководства искал у тех, которых раньше презирал как скопище невежд.

Отраду приносили джиотши и гадалки на базарах. Они давали советы по финансовым вопросам, говорили, как улучшить будущее, которое с пугающей быстротой превращалось в прошлое. Их уверенность была для него как успокоительное снадобье.

Ибрагим не ограничился только гадалками и астрологами. В поисках сильных средств он обратился к не столь традиционным посредникам: голубям, вытаскивающим карты, попугаям, читающим таблицы, к священным коровам, змеям-прорицателям. Волнуясь, что кто-то из знакомых может увидеть его за столь предосудительными занятиями, он с большой неохотой решил не надевать в таких случаях свою заметную феску, хотя у него было чувство, что он бросает дорогого друга. Раньше Ибрагим только раз оставил дома свой неизменный предмет одежды; это было в 1947 году во время Раздела Британской Индии, когда ритуальное убийство на только что созданной границе вызвало повсеместные беспорядки, и носить феску среди индийцев было столь же губительно, сколь быть необрезанным среди мусульман. Были и такие места, где стоило ходить вообще без головного убора: сделав неправильный выбор между фес-

кой, белой шапочкой и тюрбаном можно было лишиться жизни.

К счастью, его посещения гадателей по птицам были относительно замаскированы. Обычно он сидел на корточках где-нибудь на углу улицы рядом с хозяином птицы, задавал вопросы, а голубь или попугай выпрыгивали из клетки с готовым ответом.

А вот коровьи предсказания собирали большие толпы. Корову, покрытую расписной парчой, с серебряными колокольчиками на шее, вводил в круг зевак мужчина с барабаном. Хотя его рубашка и тюрбан были достаточно яркими, он казался скучным пятном рядом с роскошно декорированной коровой. Мужчина обходил с ней круг — один, два, три раза, сколько потребуется, чтобы посвятить зрителей во все аспекты коровьей биографии, сделав основной упор на то, что ее предсказания и пророчества всегда сбываются в срок. Громкий хриплый голос мужчины, налитые кровью глаза, безумная жестикуляция — все это умело противопоставлялось величавому спокойствию коровы. Когда рассказ был закончен, вступал барабан, молчаливо свисавший до поры до времени с плеча мужчины. Эффект здесь достигался не ударами, а трением. Мужчи-

на продолжал водить корову по кругу, потирая кожу палочкой, отчего барабан издавал что-то вроде ноющего мычания или стона. Этот звук мог оживить мертвых и ввести в оцепенение живых. В нем было нечто сверхъестественное. Он взывал к духам и силам нездешнего мира, звал их снизойти, стать свидетелями и помощниками прорицающей коровы.

Барабан смолкал, и мужчина кричал прямо в коровье ухо вопрос заплатившего клиента. Крик был сильный, так что вопрос могли слышать все присутствующие. Корова кивала или качала своей причудливо убранной головой, и крошечные серебряные колокольчики нежно позвякивали на ее шее. Восторженная толпа громко аплодировала. Вновь вступал барабан, и под его звуки собирались подношения.

Однажды, когда вопрос Ибрагима прокричали в нежное, коричневое, беззащитное коровье ухо, никакой реакции не последовало. Тогда мужчина крикнул еще громче. На этот раз корова словно пробудилась. То ли ее доконал барабан, с которым ей приходилось мириться не один год, то ли зычный рев, буравивший ее ухо изо дня в день, только она пронзила хозяина своими раскрашенными рогами.

На мгновение зрителям показалось, что корова просто более ретиво, чем обычно, включилась в работу. Но тут она швырнула мужчину на землю и стала методично топтать его копытами. Только тогда все догадались, что к пророчеству это не имеет никакого отношения, тем более что мужчина истекал кровью.

С криками «Корова рехнулась! Корова рехнулась!» люди разбежались. А она, разделавшись со своим мучителем, спокойно стояла, моргая добрыми глазами с длиннющими ресницами, и отмахивалась хвостом от надоедливых мух, облепивших ее вымя.

Такая эксцентричная смерть убедила Ибрагима, что общение с коровой не самый надежный способ связаться с высшими силами. Спустя несколько дней на углу появился новый тандем из коровы и барабанщика, но Ибрагим не пошел на представление. Ведь были и другие, более безопасные пути получения сверхъестественной помощи.

Еще не улегся в памяти Ибрагима случай с «рехнувшейся» коровой, как он стал свидетелем еще одной смерти. На этот раз жертвой оказался замешкавшийся заклинатель змей. Ибрагим долго не мог без дрожи вспоминать эту картину: ведь

тогда он сидел на корточках рядом в ожидании пророческих знаков, и кобра могла вонзить ядовитые зубы не в хозяина, а в него.

Потрясенный этими двумя смертями, сборщик квартплаты прекратил заглядывать в будущее с помощью представителей фауны. Словно очнувшись от ночного кошмара, он стал снова носить заброшенную феску и понемногу возвращался к обычной жизни. Как много денег из семейного бюджета потратил он на свою нечестивую страсть, думал он, сидя на берегу океана и глядя, как парит в конце дамбы в закатном солнечном свете мечеть. Отлив обнажал лежащие на дне тайны, и он содрогнулся. Из темных глубин смущения и отчаяния всплывали его собственные темные секреты. Сколько не старался он загнать их назад, не давать подняться, утопить наконец, они постоянно ускользали, как угри, и всплывали на поверхность, неотступно преследуя его. Победить их можно было только покаявшись и вернувшись в мечеть с готовностью принять все, что уготовит ему судьба.

Еще возникла пластиковая папка. Двадцать четыре года проходил он с клеенчатой, а теперь в офисе домовладельца воцарился пластик. Ибрагиму было все равно. Он понял, что достоинство

нельзя обрести через аксессуары и прочие внешние атрибуты, оно приходит само, вырастая из способности противостоять ударам судьбы. Если в офисе потребуют, чтобы он держал документы в корзине, которую носят на голове кули, он подчинится этому без возражений.

У пластиковой папки были преимущества — она не страдала в сезон дождей. Теперь Ибрагиму редко приходилось переписывать документы после того, как чернила затевали игру с мощным дождевым потоком. Тем более что теперь у него дрожали руки, и переписывать становилось все труднее. Кроме того, стоило провести по папке мокрой тряпкой, и все пятна, в том числе и от табака — зеленоватые или коричневые, исчезали, и теперь он никогда не испытывал по этому поводу смущения во время разговоров с работодателем.

В семье у него тоже произошли перемены, и он смиренно их принял. А разве была альтернатива? Старшая дочь умерла от туберкулеза, за ней последовала жена. Сыновья связались с преступным миром и, когда изредка появлялись дома, только орали и ругали отца на чем свет стоит. Ибрагим надеялся, что оставшаяся дочь станет его спасением, но она ушла из дома и стала проституткой. Да, думал он, его жизнь похожа

на плохой индийский фильм, только без счастливого конца.

Его самого изумляло, что он продолжает работать, обходит все те же шесть домов и собирает арендную плату. Почему не спрыгнет с крыши одного из них? Почему не устроит костер из квитанций и налички, и сам не бросится туда, предварительно облив себя керосином? Почему его сердце не разорвется, а продолжает биться, и разум остается здравым, а не разлетается на осколки, как разбитое зеркало? Неужели он подобен прочной синтетике, как несокрушимая пластиковая папка? И почему время, этот великий разрушитель, ведет теперь себя так небрежно?

Однако и пластику отпущено определенное число дней и лет. Ибрагим выяснил, что пластик может так же рваться и трескаться, как клеенка. «Или как кожа и кости, — подумал он с облегчением. — Все это вопрос времени». И нынешняя пластиковая папка была третьей за двадцать один год.

Время от времени он внимательно осматривал папку и видел на ее потертой поверхности морщины, вроде тех, что избороздили его лоб. Внутренние перегородки понемногу рвались,

и когда-то аккуратные отделения тоже были готовы взбунтоваться. Его же телесные отсеки уже давно подняли бунт. «Кто победит в этом нелепом состязании пластика и плоти?» — задал себе вопрос Ибрагим и, смахнув нюхательный табак с ноздрей и пальцев, позвонил в дверь, у которой стоял.

Увидев в глазок красно-коричневую феску, Дина велела портным молчать.

— Ни звука, пока он здесь, — прошептала она.

— Здравствуйте, — широко улыбнулся сборщик, открыв почти полностью почерневшие зубы, два из которых отсутствовали. Улыбка была невинная, добрая, улыбка состарившегося ангела.

Не ответив на приветствие, Дина сказала:

— Это вы? Рановато для квартплаты.

Ибрагим переложил папку в другую руку.

— Нет, сестра, дело не в этом. Я пришел за ответом на письмо домовладельца.

— Ясно. Подождите немного. — Дина закрыла дверь и пошла искать так и не вскрытый конверт. — Куда я его положила? — шепнула она портным.

Все трое перебирали вещи, в беспорядке разбросанные по столу. Дина не могла отвести глаз

от Омпракаша — так ловко работали его пальцы, двигались руки. Ее уже не тревожила его костлявость. Она вдруг увидела в нем необычную птичью красоту.

Ишвар извлек конверт из-под куска ткани. Дина вскрыла его и прочла письмо — первый раз быстро, второй медленнее, чтобы разобраться в юридическом жаргоне. Суть прояснилась: занятие бизнесом в месте проживания запрещается, ей надлежит немедленно прекратить коммерческую деятельность, или ее выселят из квартиры по суду.

С раскрасневшимися щеками Дина метнулась к двери:

— Что это за бред? Скажите хозяину, что этот номер у него не пройдет!

Ибрагим со вздохом пожал плечами и повысил голос:

— Вас предупредили, миссис Далал! Нарушение закона недопустимо. В следующий раз вы получите не вежливое письмо, а приказ освободить квартиру. Не думайте, что…

Дина захлопнула дверь. Ибрагим тут же замолк, радуясь, что не пришлось произносить всю речь. Тяжело отдуваясь, он утер лоб и поспешил удалиться.

Дина в испуге перечитала письмо. Портные работают только три недели, и уже неприятности с хозяином. Может, стоит показать письмо Нусвану и попросить совета? Нет, Нусван отнесется к этому слишком серьезно. Лучше не обращать на письмо внимания и осторожно продолжить работу.

Теперь у нее не оставалось выбора — следовало посвятить во все портных, донести до них, как важно соблюдать полную осторожность. Она обсудила ситуацию с Ишваром.

Вдвоем они сочинили байку, которую решили рассказывать сборщику квартплаты, если тот увидит, как портные входят в квартиру или выходят из нее. Они якобы приходят убирать и готовить — вот и весь сказ.

Омпракаш был оскорблен.

— Я портной, а не слуга, который моет полы и сметает пыль, — сказал он, когда они вечером ушли с работы.

— Не будь ребенком, Ом. Эту историю сочинили, чтобы избежать неприятностей с домовладельцем.

— У кого неприятности? У нее. Тогда зачем мне волноваться? Она нам не выплачивает даже достойное жалованье. Умри мы завтра, она тут же

отыщет новых портных.

— Почему ты сначала говоришь, а потом думаешь? Если Дину-бай вышвырнут из квартиры, нам негде будет шить. Что с тобой? С тех пор как мы приехали в этот город, это наша первая приличная работа.

— И что, я должен прыгать до потолка? Разве эта работа спасет нас?

— Но мы работаем всего три недели. Терпение, Ом. В этом городе много возможностей, твои мечты еще сбудутся.

— Меня тошнит от этого города. Здесь одни неприятности. Лучше бы я умер в нашей деревне. Сгорел бы со всей семьей.

Лицо Ишвара затуманилось, боль племянника передалась ему, и изуродованная щека задрожала мелкой дрожью. Он обнял молодого человека за плечи.

— Все наладится, Ом, — умоляюще произнес Ишвар. — Поверь мне, все будет хорошо. И мы скоро вернемся в нашу деревню.

Глава третья. В деревне у реки

В родной деревне наши портные считались сапожниками, это означало, что их семейство принадлежит к «неприкасаемой» касте чамар — кожевников. Однако задолго до рождения Омпракаша, когда его отец Нараян и дядя Ишвар были мальчиками десяти и двенадцати лет, дедушка послал их учиться на портных.

Друзья деда боялись за семью. «Дукхи Мочи сошел с ума, — сокрушались они. — Он не думает о последствиях и навлекает беду на свой дом». Ужас охватил деревню. Если нарушаешь вековой закон деления на касты, кара не заставит себя ждать.

Решение Дукхи Мочи сделать из сыновей портных было действительно смелым поступком, учитывая, что его собственная жизнь проходила в точном соблюдении кастовых традиций. Как и его предки, он с детства знал, что в нынешнем воплощении ему положено заниматься определенным, предназначенным для него делом.

Дукхи Мочи было пять, когда он стал осваивать ремесло отца. В окрестностях жило мало

мусульманских семейств, и потому поблизости не было ни одной скотобойни, где чамары могли бы достать шкуры. Приходилось ждать, когда в деревне сдохнет корова или буйвол. Тогда приглашали чамаров, чтобы освежевать тушу. Иногда туши отдавали даром, иногда за них приходилось платить, все зависело оттого, насколько хозяин, принадлежащий к более высокой касте, был заинтересован в труде чамаров в том году.

Освежевав тушу, чамары поедали мясо, дубили кожу, которая впоследствии превращалась в сандалии, кнуты, упряжь и бурдюки. Дукхи сызмальства осознал, что мертвые животные дают их семье средства к существованию. По мере того как он осваивал ремесло, его кожа незаметно, но неотвратимо пропитывалась запахом, который частично был отцовским запахом, неотъемлемым от всякого кожевенника. Он не исчезал даже после того, как Дукхи отмывал и отскребал себя до чистоты в реке.

Дукхи не догадывался, что запах уже проник в его поры, пока однажды мать, обнимая его, вдруг не сморщила нос и произнесла голосом, в котором были гордость и печаль: «А ведь ты становишься взрослым, сынок. Я чувствую это по запаху».

После этого Дукхи стал время от времени ню-

хать свои подмышки, проверяя, сохраняется ли запах. «Интересно, — думал он, — пахнет ли плоть под кожей? Проникает ли запах глубоко?» Он проколол кожу, чтобы узнать запах своей крови, но опыт был сомнительный: капелька крови на кончике пальца — недостаточно убедительное количество. А мышцы и кости — остается ли запах в них? Впрочем, Дукхи не хотел, чтобы запах исчез: ему было приятно пахнуть, как отец.

Дукхи узнал тонкости работы с кожей, но он также узнал, что значит быть чамаром, неприкасаемым в деревенском обществе. Тут не было никаких особых инструкций. Суть кастовой системы пронизывала все, от нее нельзя было укрыться, как и от отходов туш, с которыми работали они с отцом. А дополняли его образование пересуды взрослых, разговоры отца и матери.

Деревня стояла на реке, и чамарам разрешалось селиться ниже по течению, подальше от брахманов и землевладельцев. Вечерами отец Дукхи сидел с другими мужчинами в отведенной им части деревни под деревом, они курили, вспоминали прошедший день и думали о завтрашнем. Их болтовню сопровождали крики ворон, запахи варившейся еды дразнили ноздри, а мимо медленно проплывали отходы высшей касты.

Дукхи следил за отцом со стороны, дожидаясь, когда он встанет и пойдет домой. В сумерках силуэты мужчин становились расплывчатыми. Вскоре Дукхи различал лишь огоньки биди, которые, как светлячки, перелетали, следуя за движениями рук. Потом огоньки один за другим погасли, и мужчины разошлись.

За едой отец рассказывал жене новости за день.

— У пандита[30] заболела корова. Он хочет успеть ее продать, пока не околела.

— А кому она достанется? Сейчас твоя очередь?

— Нет, Бхолы. Но там, где он работал, его обвинили в воровстве. Даже если пандит отдаст ему тушу, Бхоле понадобится моя помощь: сегодня ему отрубили пальцы на левой руке.

— Бхоле повезло, — сказала мать Дукхи. — В прошлом году Чагану по той же причине оттяпали всю кисть.

Отец сделал глоток воды и, перед тем как проглотить, прополоскал горло. Тыльной стороной руки утер губы.

— Досу выпороли за то, что он близко подошел к колодцу. Никак не запомнит правил. — Неко-

---

[30] Примечания: 30
Пандит — почетное звание ученого брахмана в Индии.

торое время отец ел молча, прислушиваясь к хору квакавших в сырую ночь лягушек, а потом спросил жену: — А ты чего не ешь?

— У меня сегодня пост. — Это значило, что у них плохо с едой.

Отец кивнул и продолжал есть.

— Ты видела в последнее время жену Будху?

Мать покачала головой.

— Давно не видела.

— И еще долго не увидишь. Она, должно быть, прячется в своей хижине. Отказалась пойти в поле с сыном заминдара[31], и тогда ей побрили голову и прогнали голой по площади.

Каждый вечер Дукхи слушал, как отец рассказывает жестокие, не приукрашенные истории из жизни деревни. За детские годы у мальчика сложился целый каталог подлинных и вымышленных преступлений людей из касты неприкасаемых и последующих наказаний. Все они крепко запечатлелись в его памяти. Ко времени отрочества Дукхи хорошо чувствовал ту невидимую грань, какую ни в коем случае нельзя нарушать, если хочешь выжить в деревне, и иметь, как и его предки, в постоянных спутниках

---

[31] Примечания: 31
Заминдар — землевладелец.

терпение и подобострастное унижение.

Вскоре после того, как Дукхи Мочи исполнилось восемнадцать, родители женили его на чамарской девушке по имени Рупа, четырнадцати лет от роду. В течение первых шести лет брака она родила ему трех дочерей. Ни одна не прожила больше года.

Потом на радость родственникам у них родился сын. Ребенка назвали Ишваром, и Рупа ухаживала за ним с особой заботой и преданностью, какие, как она усвоила, требовались для детей мужского пола. У мальчика всегда должна быть еда, и Рупа следила за этим неукоснительно. То, что она ходила голодная, было в порядке вещей, и Рупа часто так делала, чтобы накормить мужа. Но ради сына она, не задумываясь, пошла бы на воровство. Рупа знала, что не только она решится на такое — каждая мать поступит так на ее месте.

Когда у нее кончилось молоко, Рупа стала по ночам наведываться в стойла местных землевладельцев. Когда муж и сын спали, она, в промежуток между полуночью и криком петухов, потихоньку выбиралась из хижины с маленьким латунным кувшинчиком. В темноте, хоть глаз выколи, она, запомнив дорогу днем, шла не

спотыкаясь. Брать с собой фонарь было слишком опасно. Тьма касалась ее щек, словно паутина, а иногда паутина была и настоящей.

Рупа отцеживала молока понемногу от каждой коровы, чтобы хозяин ничего не заподозрил. Утром Дукхи видел молоко и догадывался, откуда оно. А если просыпался ночью, когда жена выскальзывала из дома, он лежал молча и дрожал от страха, пока она не возвращалась. «Может, стоит ходить самому», — иногда думал он.

Когда у Ишвара прорезались молочные зубы, Рупа стала еженедельно в период созревания фруктов наведываться в сады. Она на ощупь выискивала в темноте сочные плоды и только потом рвала их. И здесь она проявляла осторожность: брала несколько плодов с каждого дерева, чтобы не заметили пропажи. Темноту наполняло ее тяжелое дыхание, и мелкие зверюшки, и насекомые торопились убраться с ее пути.

Однажды, когда она набивала мешок апельсинами, луч фонаря осветил деревья. На открытом пятачке сидел на бамбуковой подстилке мужчина и смотрел на нее. «Ну все, конец», — подумала Рупа, бросила мешок и приготовилась бежать.

— Не бойся, — сказал мужчина. Голос у него был тихий, в руке тяжелая палка. — Бери, сколько

надо. Мне все равно. — Рупа обернулась, задыхаясь от страха, она не понимала, можно ли ему верить.

— Бери еще, — повторил мужчина с улыбкой. — Меня наняли, чтобы я охранял апельсиновую рощу. Но мне плевать на добро этого сукина сына. Он от этого не обеднеет.

Рупа нервным движением подняла мешок и принялась снова рвать апельсины. Руки у нее дрожали, и один апельсин скользнул мимо мешка. Она бросила взгляд через плечо. Мужские глаза жадно ощупывали ее тело, отчего Рупе стало не по себе.

— Спасибо, — сказала она.

Он кивнул.

— Тебе повезло, что здесь оказался я, а не какой-нибудь плохой человек. Продолжай! Бери, сколько хочешь. — Мужчина напевал про себя что-то немелодичное, звучащее как смесь стонов и вздохов. Потом перешел на свист. Но и свист был не музыкальным. Зевнув, он замолк, но по-прежнему не спускал с Рупы глаз.

Рупа решила, что собрала достаточно. Пора поблагодарить сторожа и идти домой. Поняв ее намерения, мужчина сказал:

— Стоит мне закричать, и сюда сбегутся.

— Что? — Она видела, как с его лица исчезла улыбка.

— Если я закричу, сюда мигом примчится хозяин с сыновьями. Тебя свяжут и выпорют за воровство.

Рупу бросило в дрожь. Улыбка вернулась на лицо мужчины.

— Не волнуйся. Я не закричу. — Она завязала мешок, а он продолжил: — После порки мужчины могут отнестись к тебе без уважения и даже обесчестить. Будут по очереди проделывать разные постыдные вещи с твоим нежным красивым телом.

Рупа благодарно сложила руки на прощанье.

— Не уходи. Собирай, сколько хочешь, — сказал мужчина.

— Спасибо. Мне хватит.

— Ты уверена? Я могу дать тебе еще больше. — Он отложил палку и поднялся с подстилки.

— Спасибо. Не надо.

— Вот как? Подожди, ты не можешь уйти просто так, — проговорил мужчина со смехом. — Ведь ты ничем не отблагодарила меня. — Он шел к ней.

Отступая, Рупа выдавила из себя смешок.

— Но у меня ничего нет. Потому я и пришла сюда ночью. Только ради сына.

— Кое-что у тебя есть. — И он сжал ее левую грудь. Рупа откинула его руку. — Мне стоит только закричать, — предупредил он и просунул руку под блузку. Женщина содрогнулась, но на этот раз вытерпела.

Мужчина подвел ее, сжавшуюся от ужаса, к подстилке и одним быстрым движением разорвал на груди блузку. Рупа прикрылась руками. Он откинул ее руки и зарылся лицом в груди, посмеиваясь над ее попытками увернуться.

— Я отдал тебе так много апельсинов. Неужели не позволишь насладиться твоими нежными манго?

— Пожалуйста, отпустите меня.

— Сначала ты отведаешь моего баклажана. Раздевайся.

— Прошу вас, отпустите.

— Мне стоит только закричать.

Раздеваясь, она плакала, потом легла на подстилку, как он велел. Она плакала все время, пока он тяжело дыша двигался в ней. Ветер шелестел листвой деревьев, стоявших бесполезными часовыми. Завыла собака, к ней присоединились другие. Кокосовое масло с волос мужчины стекало струйками по ее лицу и шее, оставляло грязные пятна на груди. Рупа задыхалась от этого запаха.

Через несколько минут мужчина скатился с ее тела. Схватив одежду и мешок с апельсинами, Рупа побежала голая по апельсиновой роще. Только убедившись, что ее не преследуют, она остановилась, чтобы одеться.

Когда жена пришла домой, Дукхи притворился, что спит. Ночью он слышал ее приглушенные рыдания и догадывался по шедшему от нее запаху, что произошло. Ему хотелось подойти к ней, поговорить, утешить. Но он не знал, какие тут нужны слова, а еще боялся слишком много узнать. Дукхи молча плакал, избывая в слезах стыд, ярость, унижение, этой ночью ему хотелось умереть.

Утром Рупа вела себя так, будто ничего не случилось. Дукхи тоже промолчал, и они ели апельсины.

Спустя два года после рождения Ишвара, у них родился еще один сын. Его назвали Нараяном. На груди у младенца было темно-красное родимое пятно, и пожилая соседка, принимавшая роды, сказала, что видела такой знак раньше: «Это означает, что у него смелое и великодушное сердце. Вы будете им гордиться».

Новость о рождении у супругов второго сына вызвала зависть у тех представителей высших

каст, что поженились в то же время, что и Дукхи с Рупой. Некоторые женщины оставались бесплодными, другие никак не могли дождаться потомства мужского пола. Они чувствовали себя обделенными: за рождение дочерей их жестоко наказывали мужья и их родственники. Иногда им приказывали потихоньку избавиться от новорожденной. И женщинам приходилось душить дочерей пеленками, травить или изнурять голодом.

— Что случилось с миром? — жаловались они. — Почему в доме неприкасаемого растут два сына, а в нашем ни одного? Что может чамар дать своим сыновьям? За что боги наградили его? Все пошло не так. Кто-то в деревне оскорбил высшие силы, нужно провести обряды, умилостивить богов, чтобы пустые сосуды наполнились мужским семенем.

Но одна из бесплодных жен была сторонницей другой — земной — теории. «Возможно, эти мальчики вовсе не сыновья Дукхи, — говорила она. — Чамары могли похитить новорожденных на стороне, из семьи брахманов например, — это все объясняет».

Когда поползли такие слухи, Дукхи забеспокоился о безопасности семьи. Первым делом он

стал тише воды, ниже травы. Если он видел на дороге кого-то из высшей касты, то мгновенно падал ниц — на некотором расстоянии, чтобы его тень не загрязняла их путь. Он сбрил усы, хотя их длина и форма соответствовала его касте: уголки смиренно свисали, в то время как у высших каст они гордо загибались вверх. Сам он и его дети одевались в худшее тряпье, какое только можно было отыскать среди их убогого скарба. Рупе он запретил появляться вблизи деревенского колодца, дабы избежать обвинений в загрязнении воды. Питьевую воду им приносила Падма, подруга Рупы. Дукхи выполнял любую работу, какую ему давали, не задавал по этому поводу никаких вопросов, не помышлял о вознаграждении и никогда не смотрел в глаза человеку из высшей касты — только на ноги. Он понимал, что любое раздражение может разжечь страсти и уничтожить его семью.

К счастью, большинство представителей высших каст проявили философскую гибкость в отношении бесплодных маток. Говорили, что сейчас мир проходит через Кали-югу[32], века мрака, и бесплодные жены — только часть нарушений

[32] Примечания: 32

Кали-юга — четвертая и последняя эпоха в индуистском временном цикле. Характеризуется распадом и деградацией.

космического порядка. «Вспомните недавнюю засуху, — говорили они. — А ведь мы совершали пуджу как положено. И когда наконец пошли дожди, они изливались мощными потоками; вспомните, как потоп смывал целые хижины. А двухголовый теленок, родившийся в соседнем районе?»

Никто из деревни не видел этого теленка: слишком далеко было до того места: нельзя было успеть вернуться к вечеру домой и убедиться, что в семье все в порядке. Но о рождении чудовища все знали. «Да, — соглашались жители деревни. — Пандиты правду говорят. Причина всех бед — Кали-юга».

«Единственное средство защиты — в соблюдении священных законов дхармы, — советовали пандиты. — В мире каждому отведено определенное место, и если помнить об этом, то можно все вынести и пройти невредимым сквозь Тьму Кали-юги. Но стоит осквернить закон, нарушить порядок, и тогда трудно даже представить, какие беды обрушаться на мир».

Согласие было достигнуто, и в деревне резко участились порки неприкасаемых — таким об-

разом, тхакуры[33] и пандиты пытались навести в мире порядок. Проступки множились и становились все оригинальнее: бхунгхи[34] осмелился встретиться своими нечистыми глазами с глазами брахмана, чамар пошел не по той стороне храмовой дороги и тем самым ее осквернил, еще один неприкасаемый слонялся там, где свершалась пуджа, и его презренные уши слышали священные шлоки[35], а девочка-бхунгхи не стерла отпечатки своих ног в пыли, закончив работу во дворе тхакура. Ее слова, что метла слишком износилась, не были приняты во внимание.

Дукхи тоже своей шкурой заплатил за освобождение мира из когтей Мрака. Его пригласили пасти коз. Хозяин на день уезжал из деревни. «Глаз с них не спускай, — предупредил его хозяин. — Особенно вот с этого козла со сломанным рогом и длинной бородой. Он сущий дьявол». За работу Дукхи пообещали кружку молока.

Все утро Дукхи присматривал за стадом, думая,

---

[33] Примечания: 33

Тхакур — один из титулов в индуистской феодальной иерархии, ими могли быть землевладельцы или брахманы.

[34] Примечания: 34

Бхунгхи — один из низших слоев неприкасаемых, уборщики.

[35] Примечания: 35

Священные гимны в стихах. *(Примеч. ред.)*

какое удовольствие доставит Ишвару и Нараяну это молоко. Но после полудня жара стала невыносимой, и он задремал. Козы тем временем забрели на землю соседа. Вернувшийся вечером хозяин вместо молока задал Дукхи хорошую трепку.

Дукхи понимал, что еще легко отделался, учитывая, к каким последствиям мог привести его проступок. Ночью Рупа тайком своровала немного масла, чтобы смазать кровавые рубцы на спине и плечах мужа.

Масло Рупа стащила без угрызений совести. На самом деле она даже не считала это воровством. Даже сам Кришна не гнушался этим в свои детские годы в Матуре[36].

* * *

Когда подошел срок, Дукхи стал учить сыновей основам ремесла, которым им предстояло заниматься всю жизнь. Ишвару было семь, когда его привели к его первому трупу животного. Нараян тоже рвался идти с ними, но Дукхи сказал: еще не время — ты слишком мал. Правда, пообещал

[36] Примечания: 36

В родном городе Кришны, где правил его дядя, маленькие дети были лишены молочных продуктов; все молоко забирал королевский двор. Кришна и его друзья стали воровать простоквашу и масло, чтобы накормить детей.

сыну, что разрешит кое в чем помогать: солить шкуру, вырезать волоски и кусочки сгнившего мяса тупым ножом и собирать плоды и кору миробалана, чтобы дубить и окрашивать кожу. Это обещание немного успокоило Нараяна.

Дукхи и Ишвар пришли вместе с другими чамарами на ферму тхакура Премжи, откуда их отвели в поле, где лежал буйвол. На темную тушу взгромоздилась цапля и склевывала насекомых со шкуры. Когда подошли люди, она улетела. Тучи мух вились над животным.

— Он сдох? — спросил Дукхи.

— Конечно, сдох, — ответил слуга тхакура. — Ты что, думаешь, мы бросаем живую скотину? — Качая головой и бормоча что-то о глупости далитов[37], он ушел, оставив их делать работу.

Дукхи с друзьями поставили телегу прямо за буйволом и спустили к нему доску. Крепко держа его за ноги, они осторожно стали вкатывать буйвола на доску, поливая ее водой, чтобы туша легче скользила.

— Только взгляните! — кто-то крикнул. — Да он живой! Дышит!

— Послушай, Чхоту, не ори ты! — сказал Дук-

---

[37] Примечания: 37
Далиты — общее название неприкасаемых.

хи. — А то у нас отнимут буйвола. Он не шевелится, еще пара часов — и ему каюк.

Обливаясь потом и ворча, они продолжили работу под ругань Чхоту. «Вот чертов ублюдок, — поносил он тхакура. — Заставил нас надрываться. Насколько легче было бы убить буйвола, освежевать прямо здесь и разрубить на куски.

— Все правильно, — согласился Дукхи. — Но разве этот кусок дерьма из высшей касты разрешил бы такое? Ведь тогда была бы испорчена его земля.

— Все, что в нем есть от высшей касты, это его маленький плотоядный членик, — сказал Чхоту. — Им он каждую ночь потчует свою жену.

Мужчины посмеялись и вновь принялись за работу.

— А его каждую неделю видят в городе, — сказал кто-то. — Жрет там от пуза — кур, баранину, говядину, — что пожелает.

— Все они такие, — согласился Дукхи. — На людях — вегетарианцы, а потихоньку мясом лакомятся. Ну, давай, навались!

Ишвар внимательно прислушивался к разговору мужчин и старался в меру сил помогать, а те подбадривали мальчика: «Ну, теперь дело пойдет! Толкай, Ишвар, толкай! Сильнее толкай!»

Под шутки, брань и насмешки буйвол неожиданно ожил и перед тем, как испустить дух, поднял в последний раз голову. У мужчин вырвались удивленные крики, и они дружно отпрыгнули, страшась острых рогов. Но концом рога буйвол ткнул левую щеку Ишвара, оглушив мальчика. Тот рухнул на землю.

Дукхи схватил сына в охапку и побежал домой. Расстояние до хижины он преодолел одним махом. Укороченная послеполуденная тень двух прильнувших друг к другу тел неслась на одних ногах. Струившийся по лицу отца пот капал на сына. Ишвар пошевелился и слизнул языком соленый пот со своих губ. Дукхи вздохнул с облегчением — его ободрил этот признак жизни.

— О, Бог всемогущий! — вскричала Рупа при виде истекающего кровью сына. — Отец Ишвара, что сотворил ты с моим ребенком? Какая нужда заставила тебя взять его сегодня с собой? Он еще так мал. Мог бы еще подождать!

— Ему семь лет, — спокойно ответил Дукхи. — Меня отец брал с собой уже в пять.

— И что? Если б ты покалечился или убился в пять, ты поступил бы так и со своим сыном?

— Если б я убился в пять, никакого сына у меня бы не было, — сказал Дукхи еще спокойнее. Он

вышел, чтоб нарвать целебных листьев, и мелко их нарубил, превратив почти в кашу. Потом ушел, чтобы вернуться на работу.

Рупа промыла рану и наложила сверху повязку, пропитанную темно-зеленой мазью. Женщина немного успокоилась, и ее злость на мужа улеглась. На руки детям она надела защитные амулеты, решив, что беду на Ишвара накликали жены брахманов.

А бездетные женщины тоже обрели веру: все возвращается на круги своя, рассудили они: мальчик из семьи неприкасаемых лишился хорошенького личика, стал уродом — так и должно быть.

Вечером Дукхи вернулся домой и сел в углу — туда, где обычно ел. Ишвар и Нараян прижались к нему, с удовольствием вдыхая запах биди, который на какое-то время перебивал зловоние от шкур, танина и внутренностей животных. Рупа раскатывала тесто для чапати[38], и от его запаха дети захотели есть.

Рана несколько дней гноилась, потом стала подсыхать, и вскоре оснований для беспокойства не стало. Но левая щека Ишвара навсегда

---

[38] Примечания: 38
Чапати — тонкие блины из пресного теста.

осталась неподвижной. Отец, пытаясь шутить, говорил: «Бог захотел, чтобы мой сын плакал вдвое меньше остальных смертных».

Он предпочитал не думать о том, что и улыбаться Ишвар будет вдвое меньше.

В тот год, когда Ишвару исполнилось десять, а Нараяну восемь, шли сильные дожди. Дукхи по мере сил боролся с обстоятельствами, воруя солому, чтобы подлатать крышу. Луга оправились от засухи, и скот набирал вес. Дукхи тщетно дожидался падежа скота, чтобы заполучить шкуры.

Прекрасная погода продолжалась, обещая богатый урожай заминдарам, но на безземельных неприкасаемых это никак не отражалось. Во время сбора урожая работа появится, но до тех пор приходилось рассчитывать на милостыню или на редкую работенку по усмотрению хозяев.

После длительного простоя Дукхи с радостью согласился поработать у тхакура Премжи. Его отвели в заднюю часть дома, где мешок сухого красного перца чили дожидался, чтобы его перетерли в порошок. «Управишься к закату? — спросил его тхакур Премжи. — Или позвать кого-нибудь в помощь?»

Не желая ни с кем делиться более чем скромным

заработком, Дукхи ответил: «Не беспокойтесь, тхакуржи, все будет сделано в срок». Наполнив массивную каменную ступу перцем, он взял один из трех длинных тяжелых пестиков, лежащих рядом, и стал толочь изо всех сил, часто улыбаясь тхакуру, который задержался, чтобы посмотреть, как пойдут дела.

Когда хозяин ушел, Дукхи умерил пыл. Прежний быстрый ритм можно удерживать, только если работают трое, передавая поочередно друг другу пестик. К обеду Дукхи истолок половину мешка и остановился, чтобы перекусить. Оглянувшись — не видит ли кто? — он засунул руку в ступку и посыпал чапати порошком чили. Ему повезло: тхакур как раз послал слугу за водой.

Несчастье случилось, когда день клонился к вечеру, и мешок уже почти опустел. Неожиданно, когда Дукхи двигал пестиком вверх-вниз, как весь день до этого, ступка треснула и раскололась пополам. Кусок камня упал на левую ступню Дукхи.

Жена тхакура видела все из кухонного окна.

— Муж мой! Скорей беги сюда! — завопила она. — Этот осел чамар расколотил нашу ступку!

Ее вопли разбудили тхакура Премжи, дремавшего под навесом с внуком на руках. Он передал

спящего малыша служанке и побежал в заднюю часть дома. Дукхи валялся на полу, пытаясь забинтовать окровавленную ногу куском ткани, каким обычно обматывал голову наподобие тюрбана.

— Что ты натворил, дурья твоя башка! Разве для этого я тебя нанимал?

Дукхи поднял глаза.

— Простите, тхакуржи, но тут моей вины нет. Должно быть, в камне была трещина.

— Лгун! — Тхакур угрожающе поднял палку. — Расколотил ступку, а теперь еще и врешь прямо в лицо! Как могла она сама разбиться? Такая огромная ступа из прочного камня! Она ведь не стеклянная!

— Клянусь моими детьми, — взмолился Дукхи. — Я всего лишь толок чили — то, что делал весь день. Только взгляните, тхакуржи, мешок почти пустой, работа…

— А ну встань! Убирайся с моей земли! Никогда не хочу больше тебя видеть!

— Но, тхакуржи, работа…

Хозяин оттянул Дукхи палкой по спине.

— Вставай, говорю! И проваливай!

Дукхи с трудом поднялся на ноги и, хромая, попятился от занесенной палки.

— Тхакуржи, сжальтесь, я много дней без работы, я не…

Тхакур с криком набросился на него.

— Слушай, презренный пес! Ты разбил принадлежавшую мне вещь, и все же я отпускаю тебя. Не будь я таким мягкосердечным идиотом, передал бы тебя в руки полиции. А ну вон отсюда! — Говоря это, тхакур продолжал размахивать палкой.

Дукхи уклонялся от ударов, но не мог идти быстро из-за покалеченной ноги. И все же ему основательно перепало, пока он доковылял до калитки. Прихрамывая, Дукхи с трудом притащился домой, проклиная тхакура и все его семейство.

— Отвяжись! — сердито прошипел он, отмахиваясь от испуганных расспросов Рупы. Но жена не отставала и, вцепившись в него, просила разрешения осмотреть рану, и вот тогда он ударил ее. Злой и оскорбленный, он весь вечер молча просидел в хижине. Ишвар и Нараян очень испугались, они никогда не видели отца таким.

Через какое-то время Дукхи позволил Рупе очистить и забинтовать рану, съел еду, которую она принесла, но на вопросы по-прежнему не отвечал. «Тебе будет легче, если поделишься», — сказала жена.

Дукхи рассказал ей о случившемся только через два дня — горечь извергалась из него, как гной из раны. Когда он упустил коз, и его наказали, обидно не было: то была его вина, он заснул на работе. Но в этот раз все было иначе. Он усердно трудился весь день, а его избили палкой и ничего не заплатили. «И в довершение всего мне раздробило ногу, — закончил Дукхи. — Так бы и убил тхакура. Он подлый вор. Все они такие. Обращаются с нами как с животными. И так было всегда, еще во времена наших предков».

— Тс-с, — остановила его жена. — Нельзя мальчикам такое слышать. Тебе просто не повезло — ступка треснула, вот и все.

— Плевал я на эти рожи из высшего класса. Больше не буду вкалывать на них за гроши.

Как только нога зажила, Дукхи перестал работать в деревне. Он ушел из дома на рассвете и был в городе еще до полудня, добравшись туда на воловьих упряжках и грузовике. Найдя место на улице, где не было сапожников, он расположился на углу. Разложив полукругом металлические колодки, шило, молоток, гвозди, набойки и кусочки кожи, Дукхи сидел на тротуаре и ждал горожан, желающих починить обувь.

Туфли, мокасины, тапочки сменяли друг друга

— разных фасонов и цветов. Это мелькание приводило Дукхи в замешательство. А что, если один из владельцев этой обуви остановится? Справится ли он? Сумеет ли починить? Ведь он имел дело с простыми сандалиями, а тут обувь сложнее.

Через некоторое время перед ним остановился клиент, скинул с правой ноги кожаную сандалию и показал на оторванный ремешок у большого пальца.

— За сколько починишь?

Дукхи взял сандалию и покрутил в руках.

— Две анны[39].

— Две анны? Ты в своем уме? Да я за эти деньги куплю новые.

— Нет, господин, никто не продаст вам новые сандалии за две анны.

В результате сторговались за одну анну. Дукхи поскоблил подошву и нашел прорезь, в которую вставлялся ремешок. Грязь отваливалась от подошвы большими плоскими корками. Дукхи не заметил разницы между деревенской грязью и городской — обе выглядели и пахли одинаково.

Дукхи вставил ремешки в прорези и для надежности заново прошил. Перед тем, как надеть

---

[39] Примечания: 39

Анна — индийская монета, одна шестнадцатая рупии.

сандалии, мужчина подергал их руками. Затем сделал несколько пробных шагов, покрутил туда-сюда носками, удовлетворенно хмыкнул и расплатился.

За шесть часов Дукхи обслужил пять клиентов — пора было возвращаться домой. На заработанные деньги он купил немного муки, три луковицы, четыре картофелины, два острых зеленых перца — и пустился в обратный путь. Движение было не таким плотным, как утром. Дукхи долго шел, прежде чем его подсадили. До деревни он добрался поздно вечером. Рупа и дети ждали его с беспокойством.

Прошло уже несколько дней работы Дукхи в городе, когда его заметил шедший по улице Ашраф, его приятель.

— А я и не знал, что ты сапожничаешь по соседству, — удивился он.

Мусульманин Ашраф работал портным. Они с Дукхи были одного возраста, и в тех редких случаях, когда Дукхи мог себе позволить заказать что-то для Рупы или детей, он обращался к нему: портные-хинди не шили для неприкасаемых.

Узнав о бедах, приключившихся с Дукхи в деревне, Ашраф спросил:

— А ты не хочешь попробовать себя в чем-то

новом? Где будут больше платить?

— Ты о чем?

— Пойдем со мной.

Дукхи собрал свои принадлежности и последовал за Ашрафом. Они перешли железнодорожные пути и оказались в другой части города, у склада лесоматериалов. Там Дукхи познакомился с дядей Ашрафа, владельцем склада.

С тех пор для него всегда находилась там работа — нагружать и разгружать грузовики или помогать с доставкой. Дукхи намного больше нравилось поднимать и переносить грузы, ходить во весь рост, как остальные, а не сидеть скрючившись на мостовой, глядя на чужие ноги. Да и запах сырого дерева был не в пример лучше вони от заношенной обуви.

Однажды утром по дороге на склад Дукхи обратил внимание на особенно интенсивное движение. Воловья упряжка тонула в облаках пыли. Вознице часто приходилось съезжать в сторону, а один раз большой автобус чуть не столкнул телегу в канаву.

— Что происходит? — спросил Дукхи у возницы. — Куда все едут? — Тот пожал плечами, стараясь вывернуть телегу на дорогу. Вол заупрямился, и мужчинам пришлось соскочить и

помочь животному.

Городские улицы были увешаны транспарантами и флагами. Дукхи услышал, что ждут кого-то из лидеров Индийского национального конгресса. Он дошел до мастерской Ашрафа и все тому рассказал. Друзья решили присоединиться к толпе.

Лидеры начали говорить речи. Они приехали распространять послание Махатмы[40], где говорилось о борьбе за свободу, за справедливость.

«Мы долгое время были рабами в собственной стране. Наступила пора бороться за свободу. Для этой борьбы нам не нужны ни ружья, ни мечи. Мы обойдемся без брани и ненависти. Вооруженные правдой и ахимсой[41] мы убедим англичан, что им пришло время уйти».

Толпа разразилась аплодисментами. Оратор продолжил: «Бесспорно, надо быть сильными, чтобы сбросить ярмо рабства. Никто не будет с этим спорить. И только истинно сильные люди используют в борьбе принципы правды и ненаси-

---

[40] Примечания: 40

Махатма — обычно это уважительное обращение в Индии к особо почитаемому за мудрость и праведность человеку, в данном случае имеется в виду Махатма Ганди (1869–1948).

[41] Примечания: 41

Ахимса — принцип ненасилия в индийской философии.

лия. Но как стать сильными, если мы поражены болезнью? Сначала надо вылечить эту болезнь, разъедающую наше отечество.

Какую болезнь? — спросите вы. Братья и сестры, эта болезнь — само существование класса неприкасаемых, она лишает наших братьев достоинства и столетиями отравляет нас. Эту болезнь надо вытравить из нашего общества, наших сердец и сознания. Среди нас нет неприкасаемых — все мы дети одного бога. Вспомните слова Ганди: существование касты неприкасаемых отравляет индуизм, как капля мышьяка отравляет молоко».

Потом выступали другие ораторы, говорили о борьбе за свободу, о тех, кто томится в тюрьме за гражданское неповиновение, за отказ соблюдать несправедливые законы. Дукхи и Ашраф стояли до самого конца и слышали, как лидеры обратились к собравшимся с призывом изгнать кастовые предрассудки из своих мыслей, слов и действий: «Мы ездим с этим посланием по стране, призывая людей объединяться и выступать против порочной системы зла и нетерпимости».

Толпа принесла клятву верности заветам Махатмы, с энтузиазмом повторяя его слова. Митинг закончился.

— Интересно, стали бы наши деревенские заминдары хлопать, услышав речи, призывающие покончить с кастовой системой? — сказал Дукхи.

— Похлопали бы, конечно, а жили б по-старому, — отозвался Ашраф. — Чувство справедливости у них давно похитил дьявол — они ничего не видят и не чувствуют. Тебе надо уехать из деревни, перевози семью сюда.

— И где мы будем жить? Там, по крайней мере, у меня есть жилье. Да и мои предки всегда там жили. Разве я могу оставить эту землю? Негоже уезжать далеко от родного места. Тогда забудешь, кто ты есть.

— Это верно, — согласился Ашраф. — Тогда хотя бы присылай на какое-то время сыновей. Научатся здесь ремеслу.

— А кто им разрешит работать в нашей деревне?

Ашраф устал от пессимизма приятеля.

— Времена меняются. Слышал, что говорили на митинге? Присылай сыновей. Будут учиться портняжному делу у меня в мастерской.

На мгновение глаза Дукхи озарились надеждой.

— Нет, — все же ответил он. — Лучше оставаться на родной земле.

Урожай созрел, и Дукхи перестал ездить на склад. Его клятва держаться подальше от богачей понемногу ослабевала: дорога до города была длинная, а транспорт ненадежный. Он еще до рассвета уходил на полевые работы и возвращался поздним вечером с ноющей спиной и новостями из ближайших деревень, которые пропустил за последние месяцы.

Новости были похожи на те, что Дукхи слышал в детстве вечер за вечером, только имена были другие. Зиту побили камнями за то, что она шла не по своей стороне улицы, а по той, что предназначена для высшей касты. Забили не до смерти, а только до первой крови. Гамбхиру повезло меньше: ему залили уши расплавленным свинцом за то, что он осмелился находиться вблизи храма и мог слышать священные молитвы. Даярама, забывшего о договоренности вспахать поле одного землевладельца, заставили при всех съесть на деревенской площади экскременты этого хозяина. Дхирай хотел заранее договориться с пандитом Ганшямом о плате за рубку дров, чтоб не получить в конце дня несколько веточек, это разозлило пандита, он сказал, что Джирай травил его коров, и того повесили.

Дукхи трудился в поле, работы с кожей было

мало, и сыновьям нечем было заняться. Чтобы они не бездельничали, Рупа посылала мальчиков собирать дрова на растопку. Иногда им попадались коровьи лепешки, забытые пастухами, но это случалось не часто: ценный продукт усердно собирали владельцы коров. Рупа не жгла кизяки, а обмазывала навозом вход в хижину. Когда навоз высыхал, становясь твердым и гладким, она какое-то время наслаждалась прочным, как терракота, порогом — так выглядели внутренние дворики у землевладельцев.

Несмотря на хозяйственные поручения, у мальчиков оставалось достаточно времени, чтобы сбегать на речку или поохотиться на диких кроликов. Они хорошо знали, что дозволялось или запрещалось касте, к которой они принадлежали. Инстинкт и обрывки разговоров старших установили в их сознании границы, прочные, как каменные стены. И все же мать тревожилась, как бы с ними не случилось беды. Она с нетерпением дожидалась конца обмолота и веяния, чтобы усадить сыновей за просеивание мякины ради случайных зерен.

Иногда братья околачивались утром около деревенской школы. Они слушали, как дети из высших каст повторяют алфавит и поют песенки

о цветах, цифрах и сезонных дождях. Громкие детские голоса воробышками вылетали из окон. Позже, укрывшись среди деревьев у реки, мальчики пытались по памяти воспроизводить детские песенки.

Если любопытство заставляло Ишвара и Нараяна подходить так близко, что их замечал учитель, они мигом улепетывали. «Бездельники! Ни стыда, ни совести! — кричал учитель. — Вон отсюда, или я все кости вам переломаю!» Впрочем, братья здорово преуспели в слежке за школьным процессом и подползали к самым окнам, так что даже слышали скрип мела по грифельным доскам.

Мел и грифельные доски приводили их в восторг. Они страстно мечтали взять в руки белые палочки, начертить на доске разные закорючки, как делают другие дети, нарисовать хижины, коров, коз и цветы. Разве это не чудо, когда вещи возникают из ниоткуда?

Однажды утром, когда Ишвар и Нараян прятались в кустах, учеников вывели во двор перед школой для репетиции танца на празднике урожая. Небо было чистым, и с полей доносились звуки песни. В этом напеве слышалась боль натруженных спин, потрескавшейся на солнце кожи. Ишвар и Нараян старались распознать

голос отца, но не сумели вычленить его из общего хора.

Школьники взялись за руки и образовали два концентрических круга, двигающихся в противоположных направлениях. Время от времени направление менялось. Появлялся повод для веселья: некоторые дети не успевали повернуться — возникала путаница.

Ишвар и Нараян какое-то время следили за танцем, а потом их осенило: школа-то сейчас пустая. Они проползли вокруг двора и, оказавшись позади дома, влезли в окно.

В одном углу аккуратными рядами стояла детская обувь, в другом, рядом с доской — коробки с завтраками. Запахи еды смешивались с запахом меловой крошки. Мальчики подошли к шкафу, где хранились грифельные доски и мел. Взяв и то и другое, они сели на пол, поджав ноги и положив доски на колени, как поступали другие дети. Но уверенности, что делать дальше, у них не было. Нараян следил за старшим братом.

Ишвар немного нервничал и нерешительно держал мел над доской, боясь сделать следующий шаг. Осторожно коснувшись доски, он провел линию, потом еще и еще. Одобрительно улыбнулся Нараяну — все оказалось легко!

Теперь Нараян дрожащими от волнения пальцами провел белую линию и с гордостью продемонстрировал свое достижение. Осмелев, они пошли дальше, и теперь рисовали не только прямые линии, но и петли, завитки и закорючки самых разных форм и размеров, и останавливались, только чтобы полюбоваться и восхититься той легкостью, с которой все это создают, а потом стирали начерченное рукой и рисовали новое. Их смешили испачканные мелом ладони и пальцы, с их помощью можно было рисовать забавные толстые линии, похожие на символы брахманов.

Братья вернулись к шкафу, чтобы исследовать остальное содержимое — ролики с алфавитом, книжки с картинками. Во власти запретного удовольствия они не услышали ни того, что танцы во дворе прекратились, ни того, что сзади незаметно подкрался учитель. Ухватив мальчиков за уши, он протащил их через класс.

— Чамарово отродье! До того расхрабрились, что в школу пролезли! — Учитель выкручивал им уши, пока братья не завизжали от боли и не разразились рыданиями. Ученики от страха сбились в кучку.

— Так вот чему вас учат родители? Осквернять учебные пособия? Отвечайте! Этому учат? — Он

отпустил уши мальчиков, только чтобы влепить им подзатыльники, и снова вцепился в уши.

Ишвар произнес с рыданиями:

— Нет, господин, не учат.

— Тогда почему вы здесь?

— Мы только хотели посмотреть…

— Хотели посмотреть! Что ж, сейчас я вам покажу! Покажу, на что годятся мои руки! — Не выпуская Нараяна, он влепил Ишвару шесть быстрых пощечин, а затем отвесил столько же брату. — А что это на ваших лбах, бесстыдники? Какое богохульство! — Он поочередно ударил их снова, и на этот раз рука его кровоточила.

— Ну-ка, принеси из шкафа трость, — попросил учитель девочку. — А вы двое спустите штаны. Когда я закончу, ни один из вас, неприкасаемых сосунков, никогда не осмелится дотронуться до вещей, не имеющих к вам отношения.

Трость принесли, и учитель попросил четырех старших учеников прижать нарушителей к полу и удерживать за руки и за ноги. Он наносил мальчикам удары поочередно. Всякий раз, когда трость касалась голых ягодиц, стоящие тут же ученики вздрагивали от страха. Один маленький мальчик заплакал.

Когда каждый из братьев получил по дюжине

ударов, учитель прекратил экзекуцию.

— Это будет вам уроком, — сказал он задыхаясь. — А теперь убирайтесь, и чтобы я никогда больше не видел ваших чумазых рож.

Ишвар и Нараян бросились наутек со спущенными штанами, они спотыкались и падали. Остальные дети не упустили возможность повеселиться и радовались перепавшему им отдыху.

Дукхи до вечера не знал о наказании своих детей. Он мрачно попросил Рупу отложить жарку чапати.

— Почему? — встревоженно спросила она. — Ты не голоден после целого дня работы в поле? И куда это вы все собрались?

— К пандиту Лалураму. Он должен в этом разобраться.

— Не спеши, — взмолилась Рупа. — Не тревожь такого важного человека в обеденное время. — Но Дукхи только смыл с рук дневную пыль и ушел.

Пандит Лалурам был не просто брахман, а читпаван-брахман, чей род восходит к наичистейшим из чистых, к хранителям Священного знания. Он не был главой деревни или правительственным чиновником, но все почитали его за седины, за справедливость и за Священное знание, заключенное в его большом, словно отпо-

лированном черепе. Разные споры — из-за земли, воды или скота — выносились на его суд. Он также рассматривал семейные ссоры из-за строптивых невесток, упрямых жен и погуливающих мужей. Благодаря его безупречной репутации, все уходили от него удовлетворенные: у жертвы складывалась иллюзия, что справедливость восторжествовала; обидчику ничто не мешало вести прежний образ жизни, а пандит Лалурам за свои труды получал от обеих сторон подарки — ткани, зерно, фрукты и сладости.

У ученого пандита была также репутация хранителя общинного согласия. Так, например, во время периодически вспыхивающих протестов против мусульман, убивающих коров, пандит Лалурам убеждал своих единоверцев, что индусам не пристало осуждать мусульман. Согласно их религии, мусульманин (вот бедняга!) должен содержать четырех жен, поэтому ему необходимо есть мясо, иначе не хватит сил всех их ублажать. Плотоядный он по необходимости, а не из особой любви к говядине или из желания насолить индусам. Поэтому его стоит пожалеть и не препятствовать в исполнении религиозных предписаний.

При такой безукоризненной биографии у пан-

дита Лалурама было много сторонников. «Он такой честный и справедливый, — говорили они, — что даже неприкасаемый найдет у него защиту». То, что ни один неприкасаемый не засвидетельствовал подобного факта, значения не имело. Кто-то смутно вспоминал, что когда-то один землевладелец забил до смерти бхунгхи за то, что тот немного задержался и приехал на тележке после восхода солнца забрать хозяйские фекалии. И тогда пандит Лалурам постановил — а может, то был его отец или даже дед — словом, кто-то постановил, что преступление действительно серьезное, но не настолько, чтобы убивать провинившегося, так что землевладелец в качестве компенсации должен обеспечивать едой, кровом и одеждой жену и детей убитого в течение шести лет. Или шести месяцев? А может, шести недель?

Полагаясь на эту легендарную репутацию пандита Лалурама, Дукхи сел у его ног и рассказал, как жестоко избили Ишвара и Нараяна. Ученый муж отдыхал в кресле после обеда и во время рассказа несколько раз громко рыгнул. Дукхи каждый раз вежливо останавливался, а пандит бормотал при этом: «Рама Всемогущий», как бы благодаря высшие силы за то, что его пищевари-

тельный тракт работает так энергично.

— Как он избивал моих сыновей! Видели бы вы их распухшие лица, пандитжи, — рассказывал Дукхи. — А ягодицы… Кажется, что свирепый тигр рвал их когтями.

— Бедные детки, — посочувствовал пандит Лалурам. Он встал и подошел к полке. — Помажь этой мазью больные места. Станет легче.

Дукхи поклонился.

— Спасибо, пандитжи, вы очень добры. — Сняв с головы повязку, он завернул в нее жестяную коробочку. — Пандитжи, не так давно меня крепко избил тхакур Премжи, хотя никакой вины на мне не было. Но я не пошел с жалобой к вам. Мне не хотелось вас тревожить.

Пандит Лалурам удивленно вздернул брови и почесал большой палец ноги. Кивая головой, он скатал катышки из пота и грязи и стряхнул их с пальцев.

— Тогда я страдал молча, — сказал Дукхи. — Я побеспокоил вас только из-за детей. Они не должны безвинно мучиться.

По-прежнему храня молчание, пандит Лалурам понюхал пальцы, которыми тер большой палец, и, откинувшись в кресле, пукнул. Дукхи отпрянул, как бы открывая свободный путь для газов

брахмана, и про себя подумал: «Интересно, какое наказание ожидает того, кто посмеет воспрепятствовать этому потоку».

— Они всего лишь дети, — умоляюще произнес он. — И не делали ничего плохого. — Дукхи помолчал, ожидая ответа. — Ничего плохого не делали, пандитжи, — повторил он, надеясь, что ученый муж, по крайней мере, согласится с ним. — Этого учителя надо наказать.

Пандит Лалурам тяжело вздохнул. Склонившись, он густо высморкался на сухую землю. Упав, слизь подняла крошечное облачко пыли. Пандит вытер нос и опять вздохнул.

— Дукхи Мочи, ты хороший, работящий человек. Я давно тебя знаю. Ты всегда старался исполнить свой долг — не так ли? — согласно предписаниям твоей касты?

Дукхи кивнул.

— И это мудро, — одобрительно произнес пандит Лалурам, — потому что такой путь ведет к счастью. Иначе в мире воцарится хаос. Ты знаешь, что в обществе есть четыре касты: брахманы, кшатрии, вайшьи и шудры. Каждый принадлежит к одной из них, и смешиваться они не могут. Ведь так?

Дукхи снова кивнул, пряча нетерпение. Не для

того он пришел, чтобы слушать лекцию о кастовой системе.

— Ты, чамар, выполняешь свой дхармический долг по отношению к семье и обществу, но и учитель должен выполнять свой. Ты ведь не станешь этого отрицать?

Дукхи согласно кивнул.

— Наказание твоих сыновей за их провинность — часть его учительского долга. У него не было выбора. Ты понимаешь?

— Да, пандитжи, наказание иногда необходимо. Но такое ужасное избиение?

— Проступок тоже ужасный, они…

— Они просто дети, и, как все дети, любопытные…

Пандит закатил глаза — как это его осмелились перебить? — и поднял вверх указательный палец правой руки, призывая Дукхи к молчанию.

— Что сделать, чтобы ты понял? Для этого тебе недостает знаний. — Терпеливое сочувствие в его голосе сменилось суровостью. — Твои дети вошли в класс. Своим присутствием они осквернили место. Трогали учебные пособия. Испортили грифельные доски и мел, которыми пользуются дети из высших каст. Тебе повезло, что в этом шкафу не было священных книг, вроде «Бхагавад-гиты».

Тогда наказание было бы более суровым.

Когда Дукхи на прощанье дотронулся до сандалий пандита Лалурама, он выглядел спокойным.

— Я все понял, пандитжи, спасибо за разъяснение. Я так счастлив, что вы, читпаван-брахман, потратили свое драгоценное время на такого невежественного чамара, как я.

Пандит Лалурам рассеянно поднял в знак прощания руку. В нем зародилось легкое сомнение: что это было — лесть или оскорбление? Но тут новый приступ отрыжки с урчанием вырвался наружу, вытеснив сомнения и приведя его разум и пищеварение в равновесие.

По дороге домой, Дукхи увидел своих друзей, они покуривали, устроившись под деревом у реки.

— Эй, Дукхи, так поздно и в той части деревни?

— Ходил к читпаван-брахману, — ответил Дукхи и описал свой визит во всех подробностях. — Надутый Обжора — вот как его надо называть.

Мужчины радостно загоготали, а Чхоту согласился, что Надутый Обжора звучит гораздо лучше.

— И как в него столько влезает — ведь он съедает фунт топленого масла и два фунта конфет за

каждой едой?

— Он дал мне мазь для детей, — сказал Дукхи. Мужчины пустили жестянку по кругу, разглядывали мазь, принюхивались.

— Похоже на крем для обуви, — определил Чхоту. — Должно быть, полирует свою лысину каждое утро. Вот она и сверкает, как солнце.

— Братья, вы спутали его голову с задницей. Ее-то он и полирует, и оттуда изливается свет на собратьев по касте. И потому каждый хочет поглубже лизнуть.

— У меня есть для них шлока, — сказал Дейарам и, имитируя священное восхваление на санскрите, произнес речь, посвященную совокуплению и содомии.

Мужчины так и покатились со смеху. Дукхи бросил жестянку в реку и пошел домой, предоставив друзьям фантазировать, что на самом деле таится под складками жира на животе пандита Лалурама.

Рупе он сказал, что наутро едет в город.

— Я принял решение. Еду поговорить с портным Ашрафом.

Рупа не спросила зачем. Она была целиком поглощена задуманным предприятием — раздобыть ночью где-нибудь масла, чтобы смазывать

израненную кожу сыновей.

Ашраф отказался от платы за обучение сыновей Дукхи.

— Они будут мне помогать, — сказал он. — И два маленьких мальчика нас не объедят. Будут есть с нами. Идет? Возражений нет?

— Нет, — ответил Дукхи.

Через две недели он привез Ишвара и Нараяна.

— Ашраф мне как брат, — объяснил он детям. — Поэтому всегда зовите его дядя Ашраф. — Портной засветился от радости, польщенный, что его будут звать дядей, а Дукхи продолжил: — Некоторое время вы поживете у дяди Ашрафа, он будет вас учить ремеслу. Внимательно слушайте все, что он говорит, и оказывайте ему такое же уважение, как и мне.

Отец заранее подготовил сыновей к разлуке. Сейчас было просто формальное объявление.

— Да, папа, — ответили мальчики.

— Дядя Ашраф хочет сделать из вас портных — таких, как он сам. С этого момента вы не чамары, и, если кто спросит, кто вы, не говорите — Ишвар Мочи или Нараян Мочи. Теперь вы — Ишвар Даржи и Нараян Даржи.

Дукхи похлопал каждого по спине, а затем слегка подтолкнул, как бы направляя под опеку

другого мужчины. Мальчики сделали шаг к портному, а тот уже тянул к ним руки.

Дукхи видел, с каким теплом Ашраф обнял за плечи его сыновей. Ашраф был добрым, сердечным человеком, и Дукхи знал, что у него мальчикам будет хорошо. И все же сердце его сжала тоска.

Возвращаясь в деревню, он трясся на воловьей упряжке, совершенно обессиленный, не замечая ни ухабов, ни колдобин, на которых подпрыгивала телега. Но иногда его захлестывала энергия, и тогда ему хотелось спрыгнуть с телеги и бежать вперед. Дукхи понимал, что сделал для сыновей все, что только мог, и это вселяло надежду. Но почему тогда он не чувствует облегчения? Почему так теснит в груди?

Под вечер он соскочил с телеги у деревенской дороги. Рупа безучастно сидела в хижине, не сводя глаз с входа, где возникла его тень. Дукхи успокоил ее, сказав, что все прошло хорошо.

Рупа с укоризной смотрела на него. Он проделал в ее жизни брешь, которою ничем не заполнить. Каждый раз, когда она вспоминала, что ее два сына живут далеко, у чужого человека и мусульманина в придачу, боль подкатывала к ее горлу, и она говорила мужу, что задыхается. На это он

с горечью отвечал, что его друг мусульманин обращается с их детьми лучше, чем индийские братья.

Швейное ателье «Музаффар» располагалась на улице мелкого семейного бизнеса. Там были скобяная лавка, лавки угольщика, бакалейщика и мельника — все, как близнецы, похожие друг на друга. Различались они только шумом и запахами. Единственная вывеска висела на лавке «Музаффар».

Мастерская Ашрафа была очень тесная, как и жилое помещение над ней: одна комната и кухня. Ашраф в прошлом году женился, и у него была месячная дочка. Его жена, Мумтаз, была не в восторге от того, что прибавилось еще два рта. Решили, что ученики будут спать в мастерской.

Внезапная перемена в жизни потрясла Ишвара и Нараяна. Большие дома, электричество, водопровод — ничего такого не было в деревне, и все это поражало. В первый день они сидели на каменных ступенях мастерской и с благоговейным трепетом взирали на улицу, которая представлялась им пугающим хаосом. Постепенно движение стало обретать форму реки, в ней просматривались струи ручных тележек, велосипедов, воловьих упряжек, автобусов и изредка

грузовиков. Теперь им открылся характер бурной реки. Они поняли, что в этом шуме и неистовстве есть система.

Мальчики видели, что люди приходят в магазин за солью, специями, кокосами, бобами, свечами, маслом. Видели, как принесенное к мельнику зерно становится мукой. Во время работы руки мельника, а иногда даже лицо и ресницы постепенно становились белыми. А руки и лицо угольщика, напротив, час от часу все больше чернели; его подручные весь день бегали взад-вперед с корзинами угля. Ишвар и Нараян любили смотреть, как соседи вечерами мылись и, смыв дневную грязь, становились просто смуглыми.

Ашраф не трогал братьев два дня, пока их любопытство не насытилось внешними впечатлениями и не обратилось к самой мастерской. Пределом мечтаний для них была швейная машина. Ашраф позволил братьям поочередно работать педалью, в то время как он прошивал кусок ткани. Мальчики пришли в восторг, что могут управлять машиной. Ощущения были такими же острыми, как в тот день, когда они рисовали мелом по грифельным доскам.

Теперь они были готовы осваивать не столь

волнующие вещи, вроде вдевания нитки в иголку или ручных стежков. Их жажда поскорее всему научиться изумляла Ашрафа. И когда в «Музаффар» пришел очередной клиент, Ашраф разрешил Ишвару записать мерки.

Мужчина принес полосатую ткань на рубашку. Ашраф внес на новую страницу в книгу заказов имя заказчика и размотал сантиметр с тем особым шиком, который восхищал мальчиков. Они потихоньку пытались ему подражать, и это забавляло Ашрафа.

— Воротничок — четырнадцать с половиной дюймов, — диктовал Ашраф. — Грудная клетка — тридцать два. — Он бросил взгляд на Ишвара, который с высунутым от усердия языком склонился над книгой. И повернувшись к клиенту, спросил: — А рукава? Короткие или длинные?

— Обязательно длинные, — ответил мужчина. — Я иду на свадьбу к другу. — Когда с формальностями было покончено, клиенту обещали, что рубашка будет готова точно к свадьбе на следующей неделе, и он ушел.

— Теперь взглянем на измерения, — сказал Ашраф.

Горделиво улыбаясь, Ишвар протянул ему книгу заказов. Страница была вся в черных чер-

точках и закорючках.

— Ага, ясно. — Ашраф постарался скрыть свое волнение и похлопал мальчика по спине. — Очень хорошо. — А сам быстро набросал те цифры, что успел запомнить.

После обеда он стал учить братьев алфавиту и цифрам, что вызвало недовольство Мумтаз.

— Теперь ты еще и учитель. Что будет дальше? Может, когда они вырастут, ты им и жен найдешь?

На следующий день Ашраф сшил свадебную рубашку. Заказчик пришел на примерку в конце недели. Ашраф угадал все точно, кроме длины. Рубашка была почти до колен. Мужчина с сомнением рассматривал себя в зеркало, поворачиваясь то одним, то другим боком.

— Сидит замечательно, — нахваливал Ашраф. — Северный патанский[42] стиль, очень модный в наши дни. — После ухода клиента, не до конца убежденного, все трое покатились от хохота.

Через месяц после начала ученичества мальчиков, Ашраф проснулся ночью от приглушенного плача. Он сел, прислушался, но ничего не услы-

---

[42] Примечания: 42

Патаны — индийское название афганских племен. Патаны насчитывают около 15 миллионов человек в Индии, Афганистане, Пакистане.

шал. Снова лег и задремал.

Но через несколько минут тот же звук разбудил его.

— Что с тобой? — спросила Мумтаз. — Ты все время вскакиваешь.

— Какой-то шум. Девочка не плакала?

— Нет, но заплачет, если ты не успокоишься.

Тихий плач возобновился.

— Это внизу. — Ашраф слез с кровати и зажег лампу.

— Куда ты? Разве ты им отец?

Упреки жены сопровождали Ашрафа все время, пока он спускался в мастерскую. Войдя в помещение, он приподнял лампу, осветив заплаканное лицо Нараяна. Опустившись рядом на колени, Ашраф погладил его по спине.

— Что случилось, Нараян? — спросил он, хотя знал ответ. Тоска по дому должна была проявиться рано или поздно. — Я слышал твой плач. У тебя что-то болит?

Мальчик покачал головой. Ашраф обнял его.

— Когда твоего папы нет рядом, я его заменяю. А тетя Мумтаз — маму. Ты можешь обо всем говорить с нами.

Нараян залился слезами. Проснулся Ишвар и стал тереть глаза, заслоняя их от лампы.

— Ты знаешь, почему плачет твой брат?

Ишвар важно кивнул.

— Он каждую ночь вспоминает дом. Я тоже вспоминаю, но не плачу.

— Ты мужественный мальчик.

— Я тоже не хочу плакать, — сказал Нараян. — Но когда становится темно, все засыпают, и я не могу не думать о папе и маме. — Он засопел и стал тереть глаза. — Так и вижу нашу хижину, от этого становится грустно, и слезы сами текут.

Ашраф посадил мальчика на колени, говоря, что это нормально — думать о родителях.

— Но не грусти. Через несколько недель приедет папа и заберет тебя домой погостить. А когда освоишь профессию портного, откроешь свою мастерскую и заработаешь много денег. Представляешь, как будут гордиться тобой родители! Когда вам взгрустнется, — сказал Ашраф, — приходите ко мне и рассказывайте о деревне, реке, полях, друзьях. После таких разговоров грусть сменится радостью, — убежденно сказал он. Пока мальчики не уснули, Ашраф лежал с ними рядом, а потом тихо поднялся по лестнице, притушив лампу.

Мумтаз дожидалась его в темноте.

— Все хорошо? — спросила она с беспокой-

ством.

Он кивнул, обрадованный участием жены.

— Мальчики просто чувствуют себя одинокими.

— Тогда пусть с завтрашнего дня спят с нами наверху.

Ашрафа растрогало ее предложение, глаза его наполнились любовью.

— Они храбрые мальчики и со временем привыкнут спать одни. Нужно вырабатывать характер, это пойдет им на пользу, — сказал он.

В деревне скоро узнали, что сыновья Дукхи осваивают новую профессию — не выделку шкур. В прежние времена выход из своей касты карался смертью. Дукхи не лишили жизни, но сделали ее еще труднее. Ему больше не давали туши скота, и за работой приходилось ездить далеко. Иногда ему тайком приносили шкуры знакомые чамары, но, если б это стало широко известно, им бы не поздоровилось. Изделия из незаконно добытой кожи приходилось продавать в отдаленных местах, где ничего не слышали о Дукхи и сыновьях.

— Какие несчастья навлек ты на наши головы, — чуть ли не ежедневно повторяла Рупа. — Ни работы, ни еды, ни сыновей. Чем я это заслужила? Моя жизнь превратилась в сплошной кошмар.

Однако по мере приближения приезда сыновей Рупа повеселела. Теперь она мечтала, строила планы, ее обуревало желание устроить детям праздник. Однако денег не было, и тогда она решила раздобыть угощения даром, под покровом ночи.

Впервые с рождения сыновей Дукхи признался, что знает о ночных походах жены. Когда она за полночь украдкой поднялась, он внятно произнес: «Послушай, мать Нараяна, не думаю, что тебе стоит идти».

Рупа вздрогнула.

— Как ты меня испугал! Я думала, ты спишь!

— Глупо так рисковать.

— Раньше ты этого не говорил.

— Тогда другое дело. Теперь нет детей, которые будут голодать без масла, или персика, или сахара.

Рупа все-таки ушла, но пообещала себе, что это в последний раз. Все-таки она не видела детей три месяца, нужно угостить их чем-то особенным.

Наступил долгожданный день. Дукхи покинул дом на рассвете и вернулся с сыновьями, забрав их на неделю. Всю дорогу мальчики сидели, прижавшись к отцу с двух сторон, и постоянно к нему прикасались. Нараян держал руку на отцовском

колене, а Ишвар вцепился в плечо. Сыновья говорили не переставая, а потом, когда под вечер приехали домой, рассказали все еще раз матери.

— Швейная машина — просто чудо, — сказал Ишвар. — Большое колесо…

— А ногами делаешь вот так, — перебил брата Нараян и замахал ладонями, показывая, как работает педаль, — и тогда иголка прыгает вверх-вниз, это так здорово…

— У меня получается быстро, но у дяди Ашрафа еще быстрее.

— Маленькая иголочка мне тоже нравится, она плавно входит в ткань и плавно выходит, но она очень острая, однажды я уколол большой палец.

Мать тут же потребовала показать палец. Убедившись, что с ним все в порядке, она стала слушать дальше. К ужину дети совсем осовели и заснули прямо за столом. Рупа вытерла им руки и рты, а Дукхи уложил сыновей на матрасы.

Прежде чем раскатать свои матрасы, родители долго смотрели на спящих детей.

— А они хорошо выглядят, — сказала Рупа. — Смотри, как налились щечки.

— Надеюсь, это здоровая полнота, — заметил Дукхи. — А то у голодающих детей, бывает, животы раздуваются.

— Какую чушь ты несешь! Как мать я бы сразу увидела, если б моим детям было плохо. — Рупа однако понимала: муж сказал так от обиды, что дети набрались сил в чужом доме, а в своем не могли. Ей и самой было не по себе. Они легли спать со смешанным чувством радости и печали.

Утром приятные волнения продолжились. Мальчики привезли с собой сантиметр, чистый лист бумаги и карандаш из «Музаффара», чтобы снять мерки с родителей. Ашраф научил их необходимым измерениям — шеи, талии, груди, длины рук.

Мальчикам не хватало роста, поэтому обоим клиентам приходилось нагибаться или даже садиться на пол — сначала матери, потом отцу. Когда они снимали мерки с Дукхи, Рупа позвала посмотреть на их работу ближайших соседей. Ишвар сразу застеснялся, робко улыбаясь, а Нараян победно размахивал сантиметром, его движения стали картинными, он наслаждался всеобщим вниманием.

Когда братья закончили, все восторженно захлопали. Вечером Дукхи взял лист с мерками и понес к дереву у реки показать друзьям. Всю неделю он не расставался с этим листом.

Наконец пришло время разлуки. Родители уже

предчувствовали пустоту, которая поселится в их хижине после отъезда детей. Ишвар попросил у отца листок с мерками.

— Можно я оставлю его у себя? — сказал Дукхи. Сыновья проявили уважение к просьбе и, оторвав клочок, перенесли на него цифры, а оригинал оставили отцу.

Следующая встреча состоялась через три месяца. На этот раз мальчики приехали с подарками. Ишвар и Нараян решили подшутить над родителями и сказали, что выбирали подарки в большом городском магазине, как состоятельные граждане.

— Что это значит? — спросила с тревогой Рупа. — Откуда вы взяли деньги?

— Да не покупали мы ничего, ма! Сами все сшили! — открылся Нараян, позабыв о розыгрыше. Ишвар возбужденно рассказал, как дядя Ашраф помог им выбрать подходящие куски тканей, оставшиеся после заказчиков. Проще всего было с рубашкой отца: обрезков белого поплина было достаточно. А вот с маминым чоли[43] пришлось покумекать. Спереди блузка была из ткани с красными и желтыми цветами, спина из сплошного

[43] Примечания: 43
Чоли — блузка, надеваемая с сари (традиционная индийская одежда).

красного куска, а рукава багряные.

Надев чоли, Рупа разрыдалась. Ишвар и Нараян с беспокойством посмотрели на отца, но тот их успокоил, сказав, что мать плачет от радости.

— Это правда, — подтвердила Рупа сквозь рыдания слова мужа. Встав на колени перед мальчиками, она поочередно их обняла, а потом заключила в объятия. Дукхи смотрел на эту сцену, и тогда Рупа подвела к нему мальчиков.

— Обнимите и своего отца, — сказала она. — Сегодня особый день.

Рупа побежала за соседями.

— Падма! Савитри! Идите скорей, посмотрите! Амба и Пьяри, идите тоже! Только взгляните, что привезли мои сыновья!

Дукхи улыбнулся мальчикам.

— Сегодня обеда не ждите. Новая чоли свела ее с ума, она весь день будет похваляться обновкой. — Он провел руками по новой рубашке со всех сторон. — В ней мне гораздо удобнее, чем в старой. И ткань лучше.

— Взгляни, папа, здесь еще и карман есть, — сказал Нараян.

Рупа и Дукхи носили новую одежду целую неделю. Когда же сыновья уехали в город, Рупа сняла чоли и потребовала у мужа рубашку.

— Зачем? — удивился он.

— Надо постирать.

Но когда рубашка высохла, Рупа не вернула ее мужу.

— А что, если ты порвешь рубашку или еще что? — Она сложила новую одежду, завернула в мешковину и для надежности обвязала бечевкой. Потом подвесила сверток к потолку, чтобы уберечь от наводнений и грызунов.

Годы ученичества Ишвара и Нараяна делились на трехмесячные циклы, отделенные друг от друга недельным пребыванием в деревне. Теперь одному было восемнадцать, другому — шестнадцать, и их учеба в «Музаффаре» должна была закончиться после сезона дождей. Семья Ашрафа увеличилась — в ней уже росли четверо дочерей, младшей было три, старшей — восемь. Мумтаз проявляла большой интерес к судьбе учеников. «Когда они обретут самостоятельность, в доме будет больше места для собственных детей», — думала она, хотя за эти годы и полюбила спокойных и трудолюбивых мальчиков.

Нараян собирался обосноваться в деревне и шить одежду местным. Ишвар предпочел бы жить в городе — в этом или в другом, работать помощником в ателье по пошиву одежды.

— В деревне много не заработаешь, — говорил он. — Там одни бедняки. А в городе можно развернуться.

Между тем отдельные мятежи, вспыхивающие время от времени из-за слухов о независимости, широко распространились по стране, когда Раздел стал реальностью.

— Может, не стоит пока сниматься с места, — сказал Ашраф под выразительным взглядом Мумтаз. — Дьявол еще не делает свою черную работу в нашем городе. Вы живете здесь много лет, знаете всех соседей. А в деревне, даже если в ней спокойно, трудно начинать новый бизнес.

Ишвар и Нараян передали с кем-то весточку родителям, что они поживут у дяди Ашрафа, пока не стихнут беспорядки. Рупа была в отчаянии: после долгих лет разлуки воссоединение семьи вновь откладывалось. Когда же боги сжалятся над ней, и муки ее прекратятся?

Дукхи тоже был расстроен, но счел такое решение правильным. Странные и волнующие события происходили в их местах. Объявились какие-то люди из индуистской организации в белых рубашках и штанах цвета хаки, натренированные ходить маршем, как солдаты. Они рассказывали, как во многих местах мусульмане

нападали на индусов.

«Нам надо готовиться к защите, — говорили они, — а также к мести. Если прольется кровь наших индуистских братьев, мы затопим эту страну кровью мусульман».

В деревне Дукхи мусульман было слишком мало, и они не могли представлять угрозу, но землевладельцы воспользовались случаем, чтобы пробудить в людях враждебные чувства к ним.

«Лучше покончим с мусульманской угрозой раньше, чем сгорим заживо в наших домах. В течение веков они вторгались в наши земли, разрушали наши храмы, захватывали наши богатства», — говорили они.

Мужчины в белых рубашках еще несколько дней вели упорную пропаганду, но так ничего и не добились. Представителей низших каст не тронула их риторика. Они всегда жили в мире с соседями-мусульманами. К тому же им было не до митингов: они еле сводили концы с концами.

Итак, попытка выселить из деревни мусульман с треском провалилась. В конце концов, проклиная жителей за то, что они заодно с предателями, главный из которых Мохандас Карамчанд Ганди, люди из индуистской организации двинулись дальше. Густонаселенные города с магазинами и

развитой коммерцией давали им больше шансов на успех; там легче соблюсти анонимность, а слухи и прямой обман находят благодатную почву.

По вечерам Дукхи с друзьями обсуждали эти события у реки. Их сбивали с толку противоречивые сведения о том, что происходит в дальних городах и деревнях.

— Заминдары всегда обращались с нами как со скотом.

— Даже хуже.

— А что, если все правда? Что, если мусульманская орда сметет нашу деревню, как говорили те, что в хаки?

— Мусульмане никогда нас не беспокоили. Так почему начнут теперь? Зачем ссориться с ними из-за каких-то баек?

— Да уж. Неожиданно мы все стали братьями-индусами.

— Мусульмане были нам больше братьями, чем проклятые брахманы и тхакуры.

Но слухи множились: кого-то пырнули ножом на городском базаре, на автобусной станции зарезали садху, небольшой поселок сровняли с землей. В округе нагнетались страсти. Слухи казались правдоподобными, ведь о похожих случаях писали в газетах — поджоги и беспорядки в

городах не были редкостью, так же как драки и убийства, зачинщиками которых были обе стороны. А через новую границу в ту и другую сторону шли потоки переселенцев.

* * *

Первые убийства произошли в беднейшем районе и быстро охватили весь город — уже на следующий день базар был пустым. Не продавались ни фрукты, ни овощи, молочники тоже носу не показывали, а единственную пекарню, где хозяин был мусульманин, сожгли дотла.

— Хлеб стал дороже золота, — сказал Ашраф. — Какое безумие! Люди жили веками рядом, вместе смеялись и плакали. А теперь убивают друг друга. — В этот день он не работал и часами смотрел из дверей на пустынную улицу, как будто ждал чего-то ужасного.

— Дядя Ашраф, обед готов, — позвал его Нараян по знаку Мумтаз. Муж ничего не ел весь день. Она надеялась, что хоть сейчас он присоединится к ним.

— Я хочу кое-что сказать тебе, Мумтаз. И вам тоже, — повернулся он к Ишвару и Нараяну.

— Пойдем, обед не ждет, позже поговорим, —

сказала жена. — Сегодня у нас только дхал[44] и чапати, но поесть тебе надо.

— Я не голоден. Ешь с малышами, — отказался Ашраф, подталкивая к столу четверых детей. Те упирались, чувствуя беспокойство родителей. — И вы, мальчики, садитесь.

— Я старалась, готовила, а мой господин и повелитель даже ни к чему не притронулся, — сказала Мумтаз.

Сейчас обычная жалоба жены показалась Ашрафу издевкой. Он закричал на нее, чего обычно не делал.

— Ну что тебе надо? Не хочу я есть. Привяжешь тарелку к моему животу? Думай хоть иногда, что говоришь. — Двое младших заревели во весь голос. Одна из них опрокинула стакан воды.

— Ну, теперь ты доволен? — сказала презрительно Мумтаз, вытирая со стола. — Думаешь испугать меня своим криком? Так вот, скажу тебе, ты испугал только малышей.

Ашраф обнял плачущих детей.

— Ну хватит. Не надо плакать. Сейчас мы вместе поедим. — Он кормил девочек со своей тарелки и по их требованию иногда клал и себе в рот ма-

---

[44] Примечания: 44
Дхал — суп из чечевицы.

ленький кусочек. Девочкам понравилась новая игра, и они развеселились.

Обед прошел незаметно, и вскоре Мумтаз взяла кастрюлю и половник, чтобы помыть под краном на улице. Ашраф ее остановил.

— Я хотел поговорить с тобой до обеда, но ты раскричалась.

— Теперь я тебя слушаю.

— Я о том… о том, что творится сейчас повсюду.

— Что творится?

— Хочешь, чтобы я рассказал об этом при детях? — сердито прошептал Ашраф. — Не прикидывайся глупой. Раньше или позже беда и сюда придет. Как бы ни сложились обстоятельства, отношения между двумя сообществами никогда не будут прежними.

Он увидел испуг в глазах Ишвара и Нараяна и быстро добавил: «К нам это не имеет никакого отношения, мальчики. Мы навсегда останемся семьей — даже в разлуке».

— Но, дядя Ашраф, нам не надо расставаться, — сказал Нараян. — Мы с Ишваром не собираемся пока уезжать.

— Да, я знаю. Но тете Мумтаз, детям и мне придется уехать.

— Мой бедный господин совсем сошел с ума, — не выдержала Мумтаз. — Хочет уезжать. С тремя малютками? Куда ты хочешь ехать?

— Туда же куда все. Надо пересечь границу. А что ты предлагаешь? Сидеть и ждать, когда ненависть и безумие придут к нам, вооруженные саблями, дубинками и керосином? Так вот, слушайте — завтра утром я иду на вокзал и покупаю билеты на поезд.

Мумтаз сопротивлялась, говорила, что он ведет себя как безрассудный старик. Но Ашраф не шел ни на какие уступки. Он говорил, что готов отстаивать свою точку зрения всю ночь, и никогда не согласится, что все идет, как надо.

— Я сделаю все, чтобы спасти свою семью. Как можешь ты быть такой слепой! Если понадобится, я за волосы притащу тебя на вокзал. — Услышав такое, дети снова пустились в рев.

Мумтаз утерла слезы дупаттой[45] и прекратила спорить. Она вовсе не слепая и тоже чует опасность, муж в этом прав. Но повязку с глаз действительно трудно снять: страшно увидеть то, чего видеть не хочешь.

— Если нужно уезжать в спешке, много не

[45] Примечания: 45

Дупатта — кусок ткани, который можно носить как шарф или повязку на голове.

возьмешь, — предупредила она. — Одежду, печку, кухонную утварь. Ладно, пойду укладывать вещи.

— Приготовь только то, что возьмем с собой, — сказал Ашраф. — Остальное запрем в мастерской. Иншалла[46], когда-нибудь мы вернемся и заявим о своих правах. — Он пошел укладывать детей. — Сегодня нам надо пораньше лечь спать. Завтра мы отправляемся в долгое путешествие.

Нараяну было невыносимо слушать эти разговоры и следить за нервными сборами. Но он сомневался, что его вмешательство что-то изменит. Он сделал вид, что идет вниз спать, а сам выскользнул через заднюю дверь к соседям и рассказал о планируемом побеге.

— Серьезно? — засомневался хозяин скобяной лавки. — Когда мы говорили утром, он согласился, что в нашем квартале такого случиться не может.

— Теперь он так не думает.

— Подожди, я сейчас же иду к нему.

Захватив с собой угольщика, мельника и бакалейщика, он забарабанил в дверь Ашрафа.

— Прости, что побеспокоили тебя в такой час.

---

[46] Примечания: 46
Иншалла — «Если того захочет Аллах» *(араб.)*

Можно войти?

— Конечно. Не хотите закусить? Выпить?

— Нет, спасибо. Мы зашли, потому что получили опечалившее нас известие.

— Что случилось? — Мысль о том, что кто-то из знакомых мог пострадать из-за беспорядков, взволновала Ашрафа. — Могу я чем-то помочь?

— Можешь. Если скажешь, что это неправда.

— Какая неправда?

— Что ты хочешь покинуть нас, покинуть место, где родился и где родились твои дети. Для нас это большое горе.

— Вы прекрасные люди. — На глазах Ашрафа выступили слезы. — Но у меня, правда, нет выбора.

— Давайте сядем и спокойно подумаем, — предложил хозяин скобяной лавки, обняв Ашрафа за плечи. — Ситуация плохая, не спорю, но бежать сейчас — просто безумие.

Остальные согласно закивали. Угольщик положил руку на колено Ашрафа.

— Поезда ежедневно пересекают новую границу, но доставляют не людей, а трупы. Вчера с севера приехал мой агент, он видел это собственными глазами. Поезда останавливают в пути, и всех безжалостно убивают. По обе стороны

границы.

— И что же мне тогда делать?

В голосе Ашрафа звучало такое отчаяние, что хозяин скобяной лавки снова положил руку ему на плечо.

— Оставайся здесь. Ты среди друзей. Мы не дадим в обиду твою семью. У нас по соседству все спокойно. Мы всегда дружно жили.

— Но что будет, если придут погромщики?

— Ты единственный мусульманин из всех торговцев на нашей улице. Так неужели мы не сумеем защитить один магазин? — Соседи обнимали Ашрафа, хлопали по спине, говорили, что ему нечего бояться. — А если вдруг почувствуешь тревогу — днем или ночью, приходи к нам вместе с женой и детьми.

После ухода соседей Нараяну пришла в голову идея.

— На доме висит вывеска «Ателье «Музаффар». Можно ее заменить.

— Зачем? — не понял Ашраф.

Нараян колебался, не зная, как сказать.

— Ну, на новое…

Ашраф догадался.

— А, на новое имя. Индийское. Хорошая мысль.

— Давайте займемся этим прямо сейчас, — ска-

зал Ишвар. — Я привезу новую доску со склада вашего дяди. Можно я возьму мотоцикл?

— Конечно. Но будь осторожен, не заезжай на мусульманские улицы.

Через час Ишвар вернулся с пустыми руками: ему не удалось добраться до склада.

— Много домов и магазинов в огне. Я ехал медленно, очень медленно. Потом увидел людей с топорами. Они при мне зарубили мужчину. Я испугался и повернул назад.

Ашраф тяжело опустился на стул.

— Ты поступил правильно. Но что нам теперь делать? — Страх лишил его способности думать.

— А почему нам нужна новая доска? — спросил Нараян. — Можно просто перевернуть старую. Нам только краска потребуется.

Он опять отправился в скобяную лавку, и хозяин дал ему открытую банку с синей краской.

— Отлично придумано, — похвалил сосед. — А какое имя напишете?

— Думаю, «Портной Кришна», — сказал Нараян первое, что пришло в голову.

— Синий будет хорошо. — Внимание соседа привлекли клубы дыма и огня на горизонте. — Кажется, горит дровяной склад. Только не говори пока Ашрафу.

К ночи они закончили рисовать буквы и повесили вывеску на прежнее место. — На старом дереве свежая краска особенно заметна, — сказал Ашраф.

— Завтра, когда краска высохнет, я потру ее пеплом, — пообещал Ишвар.

— Если только к тому времени мы сами не обратимся в пепел, — мрачно пошутил Ашраф. Хрупкое ощущение безопасности, принесенное соседями, понемногу таяло.

Ночью каждый шорох вызывал у него страх и казался угрозой, пока Ашраф не связал их с привычными, знакомыми с детства звуками. Всю жизнь он спал под эти звуки и теперь заново их узнавал. Скрип чарпая[47] на заднем дворе, на котором спал угольщик, любитель свежего воздуха; он тряс кровать каждый вечер, чтобы избавиться от клопов. Грохот двери бакалейщика, когда ее запирают на ночь. Эту дверь постоянно заедало — закрыть ее могла только сильная рука. Звяканье ведра — Ашраф так и не узнал, чье оно и что им черпают в столь поздний час.

Вскоре после полуночи он проснулся как от толчка, спустился в мастерскую и снял со стены

---

[47] Примечания: 47
Чарпай — кровать из плетеных веревок.

над рабочим столом три рамки с цитатами из Корана. Ишвар и Нараян зашевелились, разбуженные возней в темноте, и включили свет.

— Все хорошо, спите, — сказал Ашраф. — Я вдруг подумал об этих рамках. — На месте снятых рамок на обоях остались темные пятна. Ашраф тщетно пытался мокрой тряпкой стереть их.

— У нас есть кое-что взамен, — сказал Нараян. Он вытащил из-под рабочего стола чемодан и извлек оттуда три рисунка, приклеенные на картон, с маленькими веревочными петлями на задней стороне: «Рама и Сита, Кришна, Лакшми».

— Отлично, — оценил идею Ашраф. — А завтра сожжем все мусульманские журналы и газеты.

В восемь тридцать утра Ашраф, как обычно, открыл ателье, снял замок с раздвижной металлической сетки, но не зафиксировал ее створки. Деревянная дверь в мастерскую осталась приоткрытой. Улица и сегодня пустовала.

Часов в десять сын угольщика крикнул через сетку: «Отец спрашивает, не надо ли вам чего-нибудь на рынке, если тот, конечно, работает. А вам лучше не ходить, говорит он».

— Да благословит тебя бог, сынок, — поблагодарила юношу Мумтаз. — Если можно, немного молока для детей. И что-нибудь из овощей

— несколько картошек и луковиц, все, что увидишь.

Через четверть часа юноша вернулся с пустыми руками: на рынке никто не торговал. Позже угольщик прислал кувшин молока от своей коровы. Из оставшейся муки и чечевицы Мумтаз приготовила еду. Задолго до наступления темноты Ашраф повесил замок на сетку и закрыл на засов двери.

За ужином младшая дочка попросила, чтобы отец кормил их как вчера.

— Ага, значит, игра понравилась? — улыбнулся Ашраф.

После ужина Ишвар и Нараян поднялись, чтобы идти к себе вниз, а семье дать время приготовиться ко сну.

— Постойте, — задержал их Ашраф. — Еще рано. Без клиентов время еле движется.

— Завтра должно быть лучше, — предположил Ишвар. — Говорят, ситуацию возьмут под контроль солдаты.

— Иншалла, — сказал Ашраф, глядя на младшую дочь, игравшую с тряпичной куклой, сшитой им из разных клочков. Старшая читала учебник. Две других возились с обрезками, изображая портних. Ашраф привлек внимание Ишвара

и Нараяна к их забавной игре.

— Похоже на то, что делали вы, когда впервые сюда попали, — сказал он. — Любили размахивать сантиметром, хлопать им. — Все рассмеялись при этом воспоминании, но быстро замолчали.

Тишину нарушил громкий стук. Ашраф вскочил с места, но Ишвар его остановил:

— Пойду посмотрю.

Из верхнего лестничного окна он увидел группу из двадцати-тридцати человек, стоявших на тротуаре. Они увидели юношу и заорали: «Открой дверь! Мы хотим с тобой поговорить!»

— Сейчас! Одну минуту! — крикнул Ишвар в ответ. — Послушайте, — зашептал он, — как можно тише, перебирайтесь к соседям через проход наверху. Мы с Нараяном спустимся в мастерскую.

— О, Аллах! — заголосила Мумтаз. — Надо было вовремя уходить! Ты был прав, муж мой, а я ругала тебя, называла безумцем. Это я безумная…

— Замолчи и быстро собирайся! — приказал Ашраф. Одна из девочек захлюпала носом. Мумтаз обняла ее и успокоила. Ашраф стал всех выводить, а Ишвар и Нараян пошли вниз. Стук все нарастал, сквозь сетку проталкивали тяжелые предметы, целясь в деревянные двери.

— Потише вы! — крикнул Ишвар. — Надо же

мне отпереть замки!

Толпа примолкла, увидев через сетку фигуры братьев. Большинство пришельцев были вооружены примитивными орудиями — палками или копьями, остальные — саблями. На нескольких были рубашки шафранового цвета, в руках вилы.

При виде этого маленького войска Ишвар задрожал и чуть не поддался искушению открыть правду и уйти с их дороги. Но от этой мысли ему стало стыдно, он отпер сетку и слегка ее приоткрыл.

— Намаскар[48], братья!

— Кто ты? — спросил стоящий впереди мужчина.

— Мой отец — владелец мастерской «Портной Кришна». А это мой брат.

— А где отец?

— Поехал на родину — родственник заболел.

Мужчины переговорили между собой, а потом заводила сказал:

— К нам поступила информация, что это лавка мусульманина.

— Что? — в один голос воскликнули Ишвар

---

[48] Примечания: 48

Намаскар! — традиционная форма приветствия в Индии.

и Нараян. — Это ателье принадлежит нашему отцу уже двадцать лет.

В задних рядах поднялось волнение: «Чего тут разговаривать! Спалить лавку! Известно, что хозяин мусульманин! Сжечь дотла! И тех, кто лжет и прикрывает мусульман сжечь тоже!»

— Может так быть, что в лавке работают мусульмане? — спросил заводила.

— Дела идут не так хорошо, чтобы кого-то нанимать, — сказал Ишвар. — Еле хватает работы для меня и брата. — Мужчины, стоящие поближе, заерзали, стараясь заглянуть вглубь мастерской. Они тяжело дышали, от них разило потом.

— Пожалуйста, смотрите, что хотите. — Ишвар отодвинулся в сторону. — Нам нечего скрывать.

Мужчины быстро все оглядели, обратив внимание на изображения индуистских божеств на стене над рабочим столом. Один из них в шафрановой рубашке выступил вперед:

— Послушай, парень, если ты врешь, я лично проткну тебя вилами.

— Зачем мне врать? — сказал Ишвар. — Я такой же, как вы. Думаете, я пошел бы на смерть ради мусульманина?

В толпе опять заспорили.

— Эй, выходите сюда и спускайте штаны, —

приказал заводила. — Оба выходите.

— Что?

— А ну, поторапливайтесь! Или штаны вам больше не понадобятся!

Нетерпение в рядах нарастало. По мостовой застучали копья, все громче звучал призыв к расправе. Ишвар и Нараян покорно приспустили штаны.

— Ничего не вижу — здесь слишком темно, — рявкнул заводила. — Дайте свет. — Из задних рядов передали фонарь. Мужчина наклонился и осветил каждому юноше промежность. Зрелище его удовлетворило. Толпа окружила ребят — налетчики хотели сами разобраться. В результате всем стало ясно: крайняя плоть не обрезана.

В этот момент хозяин скобяной лавки открыл верхнее окно и крикнул: «Что здесь происходит? Чего вы пристали к индийским ребятам? Вам что, мусульман не хватает?»

— А ты кто такой? — закричали из толпы в ответ.

— Кто я такой? Твой отец и твой дед! Вот кто я такой! А также хозяин этой скобяной лавки. Скажи я хоть слово, и на мой призыв соберется вся улица! Вам не поздоровится! Шли бы вы куда подальше!

Заводила решил, что связываться с местными не стоит. Его подручные поплелись следом, выкрикивая ругательства, чтобы как-то спасти лицо. Между собой они тоже переругивались: вечер потеряли и показали себя дураками из-за ложной информации.

— Это был прекрасный спектакль, — сказал скобянщик, дружески похлопывая Ишвара и Нараяна по спине. — Я наблюдал сверху. И если б вам угрожала хоть малейшая опасность, мы все пришли бы на помощь. И все же хорошо, что обошлось без столкновения. Вы их убедили, и они ушли мирно. — Он огляделся, желая убедиться, что ему поверили.

Мумтаз упала перед учениками на колени. Дупатта соскользнула с ее плеч и обвила их ноги.

— Тетя, пожалуйста, встаньте, — сказал Ишвар, пятясь назад.

— Отныне и навсегда я обязана вам своей жизнью, жизнью моих детей и мужа — всем этим я обязана вам. — Она с рыданиями припала к ногам юношей. — Ничем не расплатиться за это!

— Ну, пожалуйста, встаньте! — Ишвар держал женщину за запястья, пытаясь ее поднять.

— С этой минуты этот дом — ваш дом и будет им столько, сколько вы захотите почтить нас

своим присутствием.

Ишвару наконец удалось расцепить ее руки на своих лодыжках:

— Тетя, вы нам как мать, мы уже семь лет делим с вами кров и стол.

— Иншалла, оставайтесь с нами еще на семьдесят! — Продолжая рыдать, Мумтаз снова накинула дупатту на шею, утирая уголком слезы.

Ишвар и Нараян вернулись к себе. Когда дети уснули, к ним спустился Ашраф. Юноши еще не успели раскатать матрасы. Несколько минут все трое сидели молча. Потом Ашраф заговорил:

— Когда раздался стук, я решил, что это конец.

— Я тоже испугался, — сказал Нараян.

Они опять надолго замолчали. Ашраф откашлялся.

— Я спустился к вам, чтобы сказать только одну вещь. — Слезы текли по его лицу, он прервался, чтобы утереть их. — Тот день, когда я встретил вашего отца, тот день, когда я предложил Дукхи отдать мне в обучение его двух сыновей — тот день был самым счастливым в моей жизни. — Ашраф обнял юношей, три раза каждого поцеловал и пошел вверх по лестнице.

Ашраф и слышать не хотел о том, чтобы братья вернулись в деревню, и Мумтаз поддерживала

его в этом. «Оставайтесь — будете моими ассистентами на жалованье», — говорил он, хотя понимал, что этого ему не осилить.

С другой стороны, Рупа наседала на Дукхи, говоря, что сыновьям давно пора осесть дома.

— Ты послал их учиться. Теперь они освоили профессию, так зачем им жить с чужими людьми? У них что, родителей нет?

Однако никто не мог предугадать, как два чамара, освоивших портняжное дело, будут чувствовать себя в деревне. Конечно, времена менялись, в воздухе витала надежда, после провозглашения независимости люди с большим оптимизмом смотрели в будущее. Ашраф осмелел до того, что перевернул вывеску, и его мастерская снова стала называться «Музаффар».

Но полной уверенности, что столетние традиции можно так легко пошатнуть, не было. Поэтому решили, что Ишвар останется у Ашрафа ассистентом, а Нараян вернется в деревню и разведает обстановку. Этот вариант устраивал всех: ателье «Музаффар» с трудом, но вытянет одного ассистента, Дукхи будет получать от сына деньги из города, а Рупа обнимет младшего сына.

Рупа сняла подвешенный к потолку пакет, который не трогали семь лет. Ссохшийся узелок не

развязывался. Она разрезала бечевку, вытащила рубашку и чоли и выстирала их. «Пришло время надевать одежду снова, — сказала Рупа мужу. — Надо отпраздновать возвращение».

— Рубашка на мне болтается, — сказал Дукхи.

— Мне тоже чоли великовато. Наверное, ткань вытянулась.

Мужу понравилось такое объяснение. Зачем вспоминать голодные годы, за которые они исхудали.

Все чамары в деревне гордились Нараяном. Постепенно они набрались храбрости и стали его клиентами, хотя Нараяну это приносило мало денег: редко кто шил новое платье. Обычно они донашивали то, что выбрасывали представители высших каст. Так что работа в основном сводилась к починке и перешиванию одежды. Нараян шил на старой ручной машинке, полученной от Ашрафа. На ней можно было шить только обычным челночным стежком, но для материала, с которым работал Нараян, другого и не требовалось.

Работа пошла лучше, когда по окрестным деревням прошел слух, что произошло невозможное: чамар стал портным. Люди приходили не только для того, чтобы привести в порядок одежду, но

и просто взглянуть на храброго чамара. Многие были разочарованы. В хижине не было ничего необычного — всего лишь молодой человек с болтавшимся на шее сантиметром и карандашом за ухом.

Как учил Ашраф, Нараян вел тщательный учет заказов — записывал имена, даты и стоимость услуг. Рупа по собственной инициативе вызвалась быть его менеджером: когда сын снимал мерки и вносил цифры в учетную тетрадь, она с важным видом стояла рядом. Еще точила карандаши ножиком для обрезки шкур. Прочесть его записи она не могла, но все расчеты держала в голове. Когда с новым заказом приходил кто-то, еще не расплатившийся за старый, она, стоя за спиной клиента, выразительным жестом потирала большим пальцем остальные, напоминая сыну про должок.

Примерно через полгода после возвращения Нараяна однажды утром к его хижине осмелился приблизиться бхунгхи. Рупа грела воду на улице, радостно прислушиваясь к стрекотанию швейной машины, когда заметила опасливо приближающегося незнакомца.

— И куда это ты направляешься? — крикнула она, преграждая ему путь.

— Мне нужен портной Нараян, — сказал мужчина, робко сжимая в руках какое-то тряпье.

— Что? — Его дерзость ошеломила Рупу. — Не хочу даже слушать такое бесстыдство. Вот сейчас ошпарю твою вонючую кожу кипятком! Мой сын не шьет для таких, как ты!

— Мама! Что ты делаешь? — Нараян с криком выбежал из хижины, но мужчина уже пустился наутек. — Подожди! — пытался остановить его Нараян, но тот, опасаясь худшей кары, бежал все быстрее.

— Вернись, друг, все хорошо!

— В другой раз, — крикнул перепуганный мужчина. — Может, завтра.

— Хорошо. Я буду тебя ждать, — прокричал в ответ Нараян. — Обязательно приходи. — Недовольно покачивая головой, он вернулся в хижину, не глядя на мать, которая сердито провожала его взглядом.

— Не надо качать головой. Я ни в чем не виновата, — возмущенно проговорила она. — И зачем ты пригласил его на завтра? Нам не к лицу вожжаться с людьми из такой низкой касты. Как можешь ты снимать мерки с человека, который чистит уборные?

Нараян промолчал. Через несколько минут он

вышел на улицу, где мать избывала свою ярость, яростно мешая воду в котле.

— Мне кажется, мама, ты не права, — сказал Нараян таким тихим голосом, что его почти заглушил треск костра. — Думаю, я должен шить для всех, кто ко мне приходит — будь то брахман или бхунгхи.

— Вот как? Подождем, когда вернется твой отец. Интересно, что он об этом скажет? Брахман — да! Бхунгхи — нет!

Вечером Рупа рассказала Дукхи о завиральных идеях Нараяна, и тот сказал, повернувшись к сыну: «Думаю, мать права».

Нараян снял руку с махового колеса и закрепил его.

— Скажи, зачем ты послал меня учиться?

— Глупый вопрос. Чтоб тебе лучше жилось, зачем еще?

— Вот-вот. Потому что высшие касты обращаются с нами ужасно. А теперь ты ведешь себя так же. Если ты и дальше собираешься жить по их правилам, я вернусь в город. Для меня такая жизнь невозможна.

Рупу потряс этот ультиматум и ужаснула реакция Дукхи, сказавшего: «А ведь он прав».

— Отец Ишвара, думай, что говоришь. Снача-

ла я у тебя права, потом он прав! Болтаешься из стороны в сторону, как горшок без дна. Вот что значит посылать детей в город! Они забывают деревенские порядки! А от этого только неприятности! — Кипя от негодования, Рупа вышла из хижины, созывая на совет подружек — пусть Амба, Пьяри, Падма и Савитри узнают, что за безумные вещи творятся в ее несчастном семействе.

— Бедная Рупа! — сказала Савитри. — Она так взволнована, что ее всю трясет.

— Что взять с детей! — воскликнула Пьяри, вздымая руки. — Они не считаются с материнскими чувствами.

— Ничего не поделаешь, — сказала Амба. — Мы кормим их в детстве грудным молоком, но здравым смыслом накормить не можем.

— Терпи! — посоветовала Падма. — Все будет хорошо.

От сочувствия подруг Рупе стало легче. Страх потерять сына во второй раз заставил ее быть осмотрительнее. Она простила Нараяну его безумные идеи и согласилась закрыть на них глаза при одном условии: хозяйка в хижине — она, и с некоторыми клиентами переговоры должны вестись вне дома.

* * *

Спустя два года Нараян смог построить собственную хижину рядом с родительской. Рупа плакала, когда сын переезжал в новый дом.

— Он снова и снова разрывает мое материнское сердце, — стенала она. — Как смогу я присматривать за ним и его работой? Зачем нам расставаться?

— Но, мама, нас будут разделять всего тридцать футов, — говорил Нараян. — Ты сможешь приходить в любое время и точить мои карандаши.

— Точить карандаши, говорит он! Как будто я больше ничего не делаю!

Однако со временем Рупа привыкла к новому положению вещей и даже стала гордиться, называя хижину сына мастерской. Нараян купил большой рабочий стол, стойку для одежды, новую ножную машину, которая делала не только прямые стежки, но и зигзаги.

Для последней покупки потребовался совет дяди Ашрафа. Со времени отъезда Нараяна городок вырос, и ателье «Музаффар» процветало. Ишвар снимал комнату неподалеку. Ашраф перевел его из ассистентов в партнеры. Братья договорились, что теперь отец может не работать: они сумеют

обеспечить родителей.

— Вы замечательные сыновья, — растрогался Дукхи, когда Нараян рассказал ему об их решении. — Божье благословение.

Рупа достала рубашку и чоли, много лет назад сшитые сыновьями и теперь уже выцветшие.

— Помнишь?

— Я и не знал, что вы их сохранили.

— Ты и Ишвар были совсем маленькими, когда подарили нам эту одежду, — сказала Рупа и расплакалась. — И уже тогда сердце говорило мне, что в конце концов все будет хорошо. — Она объявила добрую весть подругам, те обнимали ее и дразнили, говоря, что скоро она станет богачкой и перестанет с ними якшаться.

— Но от одной вещи не уйти, — сказала Падма. — Пришло время их женить.

— Нужно искать подходящих невесток, — добавила Савитри.

— Не откладывай в долгий ящик, — посоветовала Пьяри.

— Не волнуйся. Поможем, чем можем, — сказала Амба.

Эти новости распространились по общине и за ее пределами. Достижения какого-то чамара вызвали злобу и возмущение среди представите-

лей высших каст. Особенно злобствовал тхакур Дхарамси — он всегда возглавлял избирательную комиссию на выборах и приписывал голоса своей политической партии; так вот он при каждом удобном случае старался унизить портного.

— Тебя дожидается дохлая корова, — посылал он к Нараяну слугу. Нараян просто передавал этот заказ другим чамарам, которые с радостью брались за работу. В другой раз, когда в канализационной трубе на участке тхакура застряла коза, он послал за Нараяном, чтобы ее вызволить. Нараян вежливо отказался, сказав, что благодарит за предложение, только теперь он занимается другим делом.

Теперь деревенские чамары видели в нем выразителя своих интересов, негласного лидера. Дукхи не хвастался успехами сына, держался скромно, лишь изредка позволяя себе удовольствие поговорить с друзьями, когда они покуривали, сидя под деревом у реки. Постепенно его сын стал богаче многих деревенских жителей из высших каст. Нараян на свои деньги выкопал новый колодец в той части деревни, где жили неприкасаемые. Взяв в аренду землю, на которой стояли две хижины, он выстроил на их месте отличный дом — таких в деревне было всего семь. Дом был

настолько большой, что в нем хватило места и для родителей, и для мастерской. «Да и для жены с детишками хватит», — любовно думала Рупа.

Родители предпочли бы первым женить старшего сына, но, когда они об этом заикнулись, Ишвар ясно дал понять, что женитьба его не интересует. К этому времени Рупа уже понимала, что заставить сыновей делать что-то насильно — пустое дело. «Усвоили городские привычки, — ворчала она. — Забыли наши — деревенские». И тогда она переключила внимание на Нараяна.

Навели справки, и оказалось, что в соседней деревне есть подходящая девушка. Назначили смотрины — семейство жениха должно было навестить семью невесты. Рупа проследила, чтобы Амба, Пьяри, Падма и Савитри поехали тоже. Подруги все равно что семья, упорствовала она. Ишвар ехать отказался, но прислал автобус «Лейленд» с двадцатью семью местами, чтобы поместилась вся компания.

Старенький автобус прибыл в деревню в девять часов утра и остановился в клубах пыли. Возможность прокатиться на автобусе под благовидным предлогом привлекла много желающих — гораздо больше, чем могло вместить скромное транспортное средство.

— Нараян — как сын мне, — утверждал один. — Ехать — мой долг. Разве я могу его покинуть в такой важный момент?

— Я не смогу смотреть людям в глаза, если меня не возьмут, — говорил другой, не принимая отказа. — Пожалуйста, возьмите меня!

— Я не пропустил ни одних смотрин в нашем сообществе, — хвастался третий. — Вам пригодится мой опыт.

Многие просто не сомневались, что им необходимо ехать, и лезли в автобус, не спросив разрешения ни у Дукхи, ни у Рупы. Когда через час надо было отъезжать, в автобус уже набилось тридцать восемь человек, и еще с десяток сидели, поджав ноги, на крыше. Шофер, знавший о несчастных случаях на сельских дорогах, где сучья деревьев опускаются низко, отказался ехать. «А ну, слезайте с крыши! Все слезайте!» — орал он на тех, кто безмятежно расположился в позе лотоса на крыше. В результате всех заставили слезть, и автобус двинулся в путь.

До нужного места они добрались через два с половиной часа. На родителей девушки, да и на всю деревню произвел большое впечатление автобус и многочисленность делегации. Тридцать восемь гостей стояли, не зная, что делать. В доме

не хватало места для такого количества людей. После тягостных переживаний Дукхи отобрал семерых, в том числе своих лучших друзей — Чхоту и Дейарама. Падма и Савитри тоже удостоились войти внутрь, а Амбе, Пьяри и еще тридцати одному несчастному пришлось остаться снаружи и наблюдать за событиями через открытый вход.

А внутри счастливчики пили чай с родителями и рассказывали о путешествии.

— Дорога была очень красивая, — рассказывал Дукхи отцу девушки.

— Но вдруг автобус громко затарахтел и остановился, — вмешался Чхоту. — Завели его не сразу. Мы боялись опоздать.

Мало-помалу родители стали сравнивать родословные и рассказывать разные семейные истории. Рупа сдержанно рассказала матери девушки об успехах Нараяна:

— У него много клиентов. Все хотят шить одежду только у него. Как будто в округе нет других. Мой бедный сын работает с утра до вечера — все шьет и шьет. Но его новая, дорогая машина очень хорошая. На ней можно шить удивительные вещи.

Пришло время появиться невесте.

— Приди к нам, дочка, — как бы между делом

позвала мать. — Принеси нашим гостям сладости.

С блюдом, полным ладду[49], вошла шестнадцатилетняя Радха. Разговор смолк. Все пялились на нее, пока она обходила гостей, скромно склонив голову и потупив глаза. Снаружи послышался шепот, все старались пролезть вперед, чтобы разглядеть невесту.

Когда девушка остановилась перед Нараяном, тот уставился на блюдо с ладду. Он слишком нервничал, чтобы поднять глаза, зная, что семья следит за его реакцией. Девушка уже обнесла почти всех. Если сейчас не посмотреть на нее, второго шанса не будет: она больше не вернется, и ему придется принимать решение вслепую. «Взгляни, взгляни», — убеждал он себя — и поднял глаза. Девушка склонилась перед матерью, и Нараян увидел ее профиль.

— Нет, дочка, — отказалась мать. — Мне не надо. — И после этих слов Радха удалилась.

Пора было ехать домой. На обратном пути тем, кому не удалось толком ничего увидеть или услышать, подробно рассказали обо всем. Теперь все были в курсе событий и могли принимать

---

[49] Примечания: 49

Ладду — десерт из гороховой муки, топленого сливочного масла с орехами и сладкими специями, популярный в Индии.

участие в деревенских пересудах. Особенно ценилось мнение старших.

— Она хорошего роста, и цвет кожи красивый.

— Да и семья, похоже, честная, трудолюбивая.

— Может, перед окончательным решением сравнить гороскопы?

— Никаких гороскопов! К чему это? Брахманской чепухой у нас не занимаются.

Нараян ничего не говорил, а только слушал эти разговоры. Его молчаливое согласие, к радости родителей, слилось с всеобщим одобрением и дружными аплодисментами.

Теперь предстояла подготовка к свадьбе. По настоянию Нараяна, от некоторых традиционных расходов отказались — он не хотел, чтобы семья Радхи пожизненно влезла в долги к ростовщикам. Он принял от них только шесть медных кувшинов: три с выпуклым дном и три — с плоским.

Рупа была в ярости.

— Разве ты что-нибудь смыслишь в такой сложной вещи, как приданое? Ты что, раньше женился?

Дукхи тоже разволновался.

— Шесть кувшинов — это мало. Нам положено больше.

— Когда в нашей касте женились с прида-

ным? — спокойно произнес Нараян.

— В высших кастах так принято, значит и у нас можно.

Но Нараян стоял на своем, и Ишвар его поддержал.

— Научились городским штучкам, — ворчала расстроенная мать. — Забыли наши обычаи.

В последний момент случилась накладка. За два дня до свадьбы деревенские музыканты под нажимом тхакура Дхарамси и других отказались играть на празднике. Они были настолько запуганы, что даже не встретились с семьей, чтобы обсудить проблему. Тогда Ишвар нашел замену в городе. Нараян согласился оплатить и доставку музыкантов, и их работу. «Чтоб позлить местную элиту, — решил он, — цена не так уж и велика».

Городские музыканты знали не все местные свадебные песни. Это встревожило гостей постарше — странные гимны и песни не подходили для свадьбы.

— Особенно для зачатия детей, — сказала одна старуха, которая принимала роды, пока не состарилась. — Без правильной подготовки материнское чрево не готово к деторождению.

— Так и есть, — поддержала ее другая. — И я тому свидетель. Когда поют не так, как принято,

мужа и жену ждут одни неприятности.

Влияние песен взволнованно обсуждалось, шли споры о том, что может избавить от возможного несчастья или хотя бы смягчить его последствия. Пожилые люди неодобрительно посматривали на тех, кто получал удовольствие от непривычной, чужой музыки и танцев.

Праздник длился три дня, и чамары никогда так вкусно не ели, как в это время. Почетные гости, Ашраф с семьей, остановились в доме Нараяна, где о них заботились как о близких людях. Это не всем понравилось. Шептались, что приезд мусульман не к добру, но недовольных было немного, и шептались все больше по углам. А на третий вечер, к утешению старшего поколения, музыканты уже разучили большинство местных песен.

У Радхи и Нараяна родился сын, которого назвали Омпракаш. Люди приходили, пели и радовались вместе с родителями этому счастливому событию. Гордый дед лично отнес сладости в каждый дом.

В конце недели Чхоту, друг Дукхи, пришел вместе с женой взглянуть на новорожденного. Он отвел в сторону Дукхи и Нараяна и прошептал: «“Высшие” выбросили ваши сладости в помой-

ку».

Сомневаться в правоте его слов не приходилось: Чхоту вывозил мусор из многих подобных домов. Известие было неприятным, но Нараян только рассмеялся: «Зато больше достанется тем, кто найдет эти коробки».

Поток гостей не ослабевал, все умилялись малышу — такой здоровенький, даром что из чамаров, и все время улыбается.

— Он не кричит, даже когда голодный, — любила похвастаться Радха. — Так немного похнычет, но тут же замолкает, когда дашь грудь.

После Омпракаша родилось еще трое дочерей. Двое выжили. Их назвали Лила и Рекха. Сладости уже не раздавали.

Нараян стал учить сына читать и писать, совмещая занятия с шитьем. Сам он сидел за швейной машиной, а сын рядом с грифельной доской и мелом. К пяти годам Омпракаш умел пришивать пуговицы, имитируя манеру отца — облизывал нитку и вдевал ее в игольное ушко, или мастерски втыкал иголку в ткань.

— Он весь день с отцом — как пришитый, — удовлетворенно ворчала Радха, глядя на обожаемых мужа и сына.

Ее свекровь наслаждалась, наблюдая эту кар-

тину.

— За дочерей отвечает мать, а сыновей воспитывают отцы, — заявила Рупа с таким видом, будто на нее снизошло откровение. Радха так к этому и отнеслась и серьезно закивала.

Через неделю после того, как Омпракашу исполнилось пять, Нараян взял его с собой в дубильню, где трудились чамары. После возвращения в деревню он периодически принимал участие в их работе на самых разных стадиях — свежевания, выдержки, дубления или окрашивания. А теперь он на практике показал сыну, как это делается.

Но Омпракаш старался держаться в стороне. Нараяну это не понравилось, и он настоял, чтобы сын запачкал руки.

— Фи! Здесь воняет! — завизжал Омпракаш.

— Да, я знаю. И все-таки это надо сделать. — Нараян схватил мальчика за руки и окунул их по локоть в дубильный чан. Ему было стыдно перед другими чамарами за поведение сына.

— Я не буду этого делать! Я хочу домой! Папа, пожалуйста, уведи меня!

— Плачь не плачь, но ты освоишь это ремесло, — решительно произнес Нараян.

Омпракаш рыдал, вопил, бился в конвульсиях, стараясь выдернуть руки.

— Если будешь сопротивляться, я запихну тебя в чан с головой, — пригрозил отец, раз за разом опуская его руки в чан.

Присутствующие пытались остановить Нараяна: мальчик так истерически визжал, что с ним мог случиться припадок. «Это все-таки его первый день, — говорили они. — Дальше пойдет лучше». Но Нараян не отступал, и они еще час провели в дубильне.

Омпракаш не переставал плакать до самого дома. На крыльце Радха натирала свекрови голову кокосовым маслом. Обе женщины бросились утешать внука и впопыхах опрокинули бутылочку. Рупа порывалась обнять мальчика, но его испугали жидкие, засаленные космы, закрывающие ее лоб. Он никогда не видел, чтобы бабушка так ужасно выглядела.

— Что случилось? Что сделали с моим веселым славным мальчиком?

Нараян рассказал, как они провели утро, и Дукхи только рассмеялся. Зато Радха от рассказа пришла в ярость.

— Зачем мучить мальчика? Ему нет необходимости заниматься грязной работой.

— Грязной работой! И это говоришь ты, дочь чамара? Говоришь — грязная работа?

Радху испугал этот взрыв негодования. Нараян впервые кричал на нее.

— Но почему он…

— Наш сын никогда не поймет, кто он, если не узнает, чем занимались его предки. Раз в неделю он будет ходить со мной! Нравится ему — или нет!

Радха бросила умоляющий взгляд на свекра и принялась вытирать разлившееся кокосовое масло. Дукхи кивком дал понять, что понял ее. Позже, оставшись с Нараяном наедине, он сказал:

— Я согласен с тобой, сын. Но что бы мы ни думали, раз в неделю — это всего лишь игра. Омпракаш никогда не поймет того, что испытали мы. И слава богу.

Остаток дня мальчик провел в кухне и, хныча, прижимался к матери. Та поглаживала его по голове, не отрываясь от готовки. «Пожалуйста, побудьте со мной, — со счастливым видом попросила она свекровь. — Мне еще нужно нарезать шпинат и приготовить чапати. Не представляю, когда закончу».

Рупа наморщила лоб.

— Когда сыновьям плохо, они вспоминают о матери.

Вечером, когда отец с закрытыми глазами от-

дыхал на крыльце, Омпракаш подкрался и стал массировать ему ступни, как — он видел — делала мать. Нараян вздрогнул и открыл глаза. Он увидел у своих ног сына, улыбнулся и протянул к нему руки.

Омпракаш бросился в объятия отца, обхватил ручонками его шею, и так они некоторое время сидели обнявшись, не произнося ни слова. Нараян разомкнул пальцы сына, понюхал их, а затем протянул ему свои.

— Видишь? Мы одинаково пахнем. Это честный запах.

Сын понимающе кивнул.

— Папа, а можно я еще разомну тебе ноги?

— Можно.

Нараян с нежностью смотрел на сына, который разминал ему пятки, растирал ступни, массировал каждый палец по отдельности, подражая методичной манере Радхи. Рупа и Радха стояли незаметно в дверях, радостно улыбаясь друг другу.

Еженедельные уроки по кожевенному делу продолжались еще три года. Омпракаша научили обрабатывать кожу солью, собирать плоды миробалана и делать из него раствор для дубления. Он научился изготовлять красители и наносить

их на кожу. Это была самая неприятная часть работы — его сразу начинало тошнить.

Эти мучения закончились, когда Омпракашу исполнилось восемь лет. Его отправили к дяде Ишвару в ателье «Музаффар» для совершенствования в портняжном ремесле. Кроме того, в городской школе могли учиться дети и низших каст, а в деревне еще держались ограничения.

* * *

Радха и Нараян не испытывали того одиночества, что выпало на долю Рупы и Дукхи, когда их сыновья проходили обучение у дяди Ашрафа. Новая дорога и маршрутные автобусы сократили разрыв между городом и деревней. Им легче было коротать время между частыми посещениями Омпракаша еще и потому, что в доме остались две маленькие дочки.

И все же Радха не могла отделаться от мысли, что у нее отобрали сына. Теперь ей полюбилась широко известная песня о птичке, которая была постоянной спутницей певца, а потом по непонятной причине улетела. Услышав знакомый напев, она неслась к недавно купленному транзистору «мерфи» и включала его на полную мощность, заглушая все вокруг. Когда же сын

гостил дома, она не слушала эту песню.

Приезды Омпракаша не приносили сестрам никакой радости. Если он был дома, на Лилу и Рекху не обращали никакого внимания. Как только он ступал на порог родительского дома, сестры словно переставали существовать.

— Только взгляните на моего ребенка! Как он исхудал! — сокрушалась Радха. — Твой дядя кормит тебя или нет?

— Он просто растет — вот в чем дело, — объяснял Нараян.

Но Радхе нужен был только предлог, чтобы закармливать сына разными вкусностями, вроде сливок, сушеных фруктов, цукатов, и когда она видела, что он ест, ее переполняла радость. Время от времени она запускала пальцы в тарелку, выискивала особенно лакомый кусочек и нежно отправляла его сыну в рот. Ни один прием пищи не обходился без того, чтобы она хоть немного не покормила сына своими руками.

Рупа тоже наслаждалась видом с аппетитом чавкающего внука. Она сидела подле него, как арбитр, готовая смахнуть крошку с уголка его рта, подложить еды, пододвинуть стакан ласси[50]. На

[50] Примечания: 50

Ласси — прохладительный напиток в Индии. Самый простой вариант — хорошо взбитая смесь йогурта, воды, соли и специй.

ее морщинистом лице появлялась улыбка, если в памяти ярко всплывали темные ночи, когда много лет назад она кралась в чужие сады, чтобы принести чего-нибудь вкусненького для Ишвара и Нараяна.

Сестры Омпракаша были молчаливыми свидетельницами этого пиршества. Лила и Рекха с завистью взирали на вкусную еду, но знали, что никакие их просьбы и протесты ни к чему хорошему не приведут. В те редкие моменты, когда рядом не было взрослых, Омпракаш делился с ними лакомствами. Но чаще девочки тихо плакали ночами в своих кроватках.

Нараян сидел в сумерках на крыльце и, держа на коленях старческие ноги отца, массировал потрескавшиеся, усталые ступни. Завтра приезжал на неделю Омпракаш, которому исполнилось уже четырнадцать лет.

— Ах! — удовлетворенно выдохнул Дукхи, а потом спросил сына, видел ли тот новорожденного теленка.

Нараян молчал. Дукхи повторил вопрос, ткнув большим пальцем ноги Нараяна в грудь.

— Сын? Ты слышишь, что я говорю?

— Да, папа. Я просто задумался. — Сын продолжил массаж, глядя в темноту.

— Скажи, что тревожит тебя?

— Я вот думаю… Думаю, что ничего не меняется. Годы идут, а все по-старому.

Дукхи снова вздохнул, но на этот раз без удовлетворения.

— Что ты такое говоришь? Многое изменилось. Твоя жизнь, моя жизнь. У тебя другая работа — не с кожами. Ты теперь портной. Посмотри на свой дом, на свою…

— Это правда. А что изменилось в главном? Правительство издает новые законы, говорит, что нет больше неприкасаемых, но это не так. Ублюдки из высших каст по-прежнему обращаются с нами хуже, чем с животными.

— Нужно время, чтобы такие перемены вошли в жизнь.

— Независимость объявили больше двадцати лет назад. Сколько можно ждать? Я хочу брать воду из деревенского колодца, молиться в храме, ходить, где хочу.

Дукхи снял ступни с колен Нараяна и сел рядом. Он вспомнил, как сам бросил вызов системе, отправив сыновей к Ашрафу. Слушая Нараяна, он испытывал гордость за сына, но в то же время и страх.

— Твои желания опасны, сын. Ты поднялся из

чамаров в портные. Довольствуйся этим.

Нараян покачал головой.

— Это была твоя победа.

Он возобновил массаж и закончил это занятие почти в темноте. А в доме Радха радостно готовилась к приезду сына. Вскоре она вынесла на крыльцо лампу. На нее тут же слетелись мошки. На свидание со светом прилетела и ночная бабочка. Дукхи смотрел, как она бьет нежными крылышками по стеклу.

На этой неделе проводились парламентские выборы, и всю округу наводнили политики, агитаторы и всякие лизоблюды. Как обычно, разнообразие политических партий, их предвыборная возня развлекали всю деревню.

Некоторые жаловались, что страшная, обжигающая нутро жара мешает в полной мере получать удовольствие от этого зрелища — правительству нужно было сначала дождаться дождей. Нараян и Дукхи посещали с друзьями митинги и брали с собой Омпракаша — пусть тоже повеселится. Однако Рупа и Радха были недовольны тем, что на это тратится время краткого пребывания внука.

Чего только ни обещали кандидаты в своих речах: новые школы, чистую воду, медицинское обслуживание; землю безземельным крестьянам

— путем перераспределения и строгого соблюдения земельного закона; соблюдение законов против любой дискриминации и притеснения высшими кастами низших каст; отмену зависимого труда[51], детского труда, сати, выкупа за невесту, брака между детьми.

— В наших законах много повторов, — сказал Дукхи. — Каждый раз на выборах говорят о законах, которые были приняты двадцать лет назад. Кому-то надо напомнить, что пора применять эти законы на практике.

— Для политиков принять закон — что воду пролить. Все равно стечет в канаву, — отозвался Нараян.

В день выборов все дееспособные жители деревни выстраивались возле избирательного участка. Как всегда руководил выборами тхакур Дхарамси. Его система при поддержке других землевладельцев работала безотказно уже много лет.

Дежурного по участку щедро одаривали и отводили туда, где он мог вдоволь наслаждаться вкусной едой и питьем. Двери участка открывали, и избиратели входили внутрь.

---

[51] Примечания: 51

Зависимый труд — ситуация, когда лицо вынуждено отрабатывать долг, который не может вернуть другим способом.

— Пальцы вперед, — командовал служитель, контролирующий очередь.

Избиратели покорно исполняли приказ. Сидящий за столом клерк откупоривал небольшую бутылочку и наносил на каждый вытянутый палец черные, несмываемые чернила, чтобы предотвратить обман.

— А теперь приложите палец сюда, — говорил клерк.

Люди оставляли отпечатки в регистрационном журнале, что говорило о том, что они проголосовали, и расходились по домам.

Затем пустые бюллетени заполняли подручные землевладельцев. Под конец являлся представитель закона, наблюдал, как из урн достают бюллетени для подсчета голосов, и торжественно объявлял, что выборы прошли честно и демократично.

Иногда создавалась интрига. Между местными землевладельцами возникали трения — часть из них поддерживала другого кандидата. Начиналось яростное противостояние. Естественно, побеждала та группа, которая захватила больше кабин для голосования и набила бюллетенями больше избирательных урн.

Но в этом году не было ни борьбы, ни перестре-

лок. В целом это был унылый день, и Омпракаш возвращался домой с отцом и дедом в подавленном состоянии. Завтра ему предстоял обратный путь в компанию «Музаффар». Неделя пролетела как один день.

Мужчины сели на циновку у дома, чтобы подышать свежим вечерним воздухом, и Омпракаш принес им воды. Из листвы деревьев заливисто доносилось пение птиц.

— На следующих выборах я сам помечу свой бюллетень, — сказал Нараян.

— Тебе не позволят, — сказал Дукхи. — Зачем такое затевать? Думаешь, что-то изменится? Это все равно, что бросить ведро в колодец глубже, чем столетия. Этот всплеск не увидеть, не услышать.

— Но это мое право. И я воспользуюсь им на следующих выборах, обещаю.

— Последнее время ты слишком много думаешь о правах. Брось — это опасно. — Дукхи помолчал, отгоняя от края циновки красных муравьев. Они разбежались кто куда.

— Пусть даже ты сам пометишь бюллетень. Ты что, думаешь, они не могут вскрыть урну и уничтожить неугодные бюллетени?

— Не могут. Должностное лицо отчитывается

за каждый лист.

— Забудь об этом. Пустая трата времени, а ведь твое время — твоя жизнь.

— Жизнь без достоинства ничего не стоит.

Красные муравьи опять сбились в кучку, но теперь Дукхи их плохо видел. Радха вынесла лампу на утопающее во мраке крыльцо, и на нем тут же заплясали тени. От одежды Радхи пахло дымком. Она постояла немного в темноте, вглядываясь в лицо мужа.

— В правительстве совсем разум потеряли, — жаловались люди накануне выборов в ассамблею штата. — О чем они думают? Разве можно устраивать выборы в месяц, когда воздух раскален, а земля трескается от жары. Они повторяют ошибку, допущенную два года назад.

Нараян не забыл обещания, данного отцу в прошлый раз. Утром он отправился голосовать один. Народу было немного. Неровная очередь вилась у дверей школы, оборудованной под избирательный участок. Запах меловой пыли и несвежей еды вызвал в его памяти день, когда он был маленьким мальчиком и учитель избил его и Ишвара за то, что они осмелились прикоснуться к грифельным доскам и учебникам детей из высшей касты.

Поборов страх, он попросил бюллетень.

— Да его тебе и не надо, — объяснили мужчины за столом. — Просто оставь свой отпечаток, мы сделаем остальное.

— Отпечаток? Я хочу подписаться полным именем. Дайте только бюллетень.

Слова Нараяна побудили двух стоящих за ним мужчин потребовать того же.

— Да, выдайте наши бюллетени, — сказали они. — Мы тоже хотим сами подписаться.

— Мы не можем этого сделать — у нас нет таких инструкций.

— А они не нужны. Это право каждого избирателя.

Служители пошептались между собой, а потом сказали: «Ладно, подождите» — и один из них покинул избирательный участок.

Он скоро вернулся, приведя с собой около десятка человек и среди них тхакура Дхарамси, запретившего шестнадцать лет назад играть деревенским музыкантам на свадьбе Нараяна.

— В чем дело? Что тут случилось? — громко спросил он еще с улицы.

Служители через открытую дверь указали на Нараяна.

— Вот как, — пробормотал тхакур про себя. — Я

мог бы догадаться. А кто эти двое?

Служитель не знал их имен.

— Да это и неважно, — отмахнулся тхакур Дхарамси и вошел внутрь вместе со своей свитой. В комнате сразу стало тесно. Тхакур утер потный лоб и поднес мокрый кулак к носу Нараяна.

— Из-за тебя я вышел из дома в такой жаркий день и весь пропотел. Ты что, издеваешься надо мной? Тебе заняться нечем? Сидел бы дома и шил. Или освежевал бы корову.

— Мы тут же уйдем, когда пометим свои бюллетени, — сказал Нараян. — Это наше право.

Тхакур Дхарамси рассмеялся, за ним одобрительно загоготали остальные. Когда он смолк, все тоже замерли.

— Пошутили — и хватит. Оставляй свой отпечаток и вали отсюда.

— Только после того, как по-настоящему проголосую.

На этот раз тхакур не засмеялся — поднял руку, будто прощаясь, и покинул участок. Его приспешники схватили Нараяна и двух других мужчин, приложили их большие пальцы к штемпельной подушечке и завершили регистрацию. Тхакур Дхарамси шепнул помощнику, чтобы всех троих отвезли к нему на ферму.

Их подвесили за лодыжки к сучьям баньяна и весь день с небольшими перерывами избивали. Несчастные все чаще теряли сознание, их крики слабели. Внуков тхакура Дхарамси не выпускали из дома. «Делайте уроки, — велел он детям. — Читайте или играйте с игрушками. Я ведь вам подарил красивый новый паровозик».

— Но сейчас каникулы, — ныли они. — Мы хотим играть на улице.

— Только не сегодня. На улице плохие люди.

Вдали, на краю поля, люди тхакура мочились на лица висевших вниз головой мужчин. Запекшиеся рты этих полуживых страдальцев жадно раскрывались навстречу влаге, они из последних сил лизали стекавшие струйки. Тхакур Дхарамси предупредил своих подчиненных, чтобы до поры до времени об этой экзекуции ничего не знали, особенно в поселке вниз по течению. Это могло сорвать выборы, и вынудить соответствующие органы пересмотреть их результаты. И тогда вся работа насмарку.

Вечером, когда урны с бюллетенями увезли, половые органы трех мужчин прижгли горящими углями, а потом запихнули угли в рот. Истошные вопли разносились по всей деревне, пока огонь не выжег полностью губы и языки. Неподвиж-

ные, молчащие тела сняли с дерева. Они еще шевелились, и тогда веревки сняли с лодыжек и завязали на шеях, а потом всех троих повесили. Трупы выбросили на деревенскую площадь.

Подручные тхакура Дхарамси, освободившись от выборных забот, занялись по приказу хозяина низшими кастами.

— Я хочу преподать хороший урок этим неприкасаемым псам, — говорил он, разливая спиртное своим людям перед новым заданием. — Пора обратиться к прежним временам, когда в нашем обществе были уважение, дисциплина и порядок. И не спускайте глаз с дома этого чамара-портного — никто не должен оттуда выйти.

И люди тхакура направились в район неприкасаемых. Они избивали случайных прохожих, раздевали и насиловали женщин, сожгли несколько хижин. Новость об их бесчинствах быстро разнеслась по округе. Все попрятались по домам, дожидаясь, когда минует гроза.

— Отлично, — сказал тхакур Дхарамси, когда к вечеру ему доставили сообщение об успехах его людей. — Думаю, здесь надолго это запомнят. — По его приказу тела двух неизвестных мужчин положили на берег у реки, чтобы родственники могли их опознать. — Сердце мое сострадает этим

двум семьям, кем бы они ни были. Они достаточно настрадались. Пусть оплачут сыновей и потом кремируют.

Но для семьи Нараяна наказание не кончилось. «Он не заслуживает настоящей кремации», — решил тхакур Дхарамси. «А его отец виноват даже больше сына. В своем высокомерии он пренебрег тем, что священно для нас. Дукхи осмелился покуситься на то, что складывалось веками, он из кожевников перевел сыновей в портные и тем самым нарушил в обществе равновесие. Покушение на кастовую систему должно наказываться с предельной суровостью», — сказал тхакур.

— Схватите всех — родителей, жену, детей, — приказал он своим людям. — Смотрите, чтоб никто не улизнул.

Когда вооруженная охрана ворвалась в дом Нараяна, Амба, Пьяри, Савитри и Падма стали кричать с крылец своих хижин, чтобы друзей оставили в покое.

— Зачем вы трогаете их? Они не сделали ничего плохого!

Защитниц тут же втащили внутрь домашние, боясь за их безопасность. Соседи не осмеливались даже нос на улицу высунуть, они тряслись в своих хижинах от страха и стыда и молились,

чтобы ночь прошла быстро и не унесла жизни невинных. Чхоту и Дейарам пытались незаметно прокрасться за помощью в полицейский участок, но их поймали и зарезали.

Дукхи, Рупу, Радху и девочек связали и притащили в большую комнату.

— Двое отсутствуют, — сказал тхакур Дхарамси. — Сын и внук. — Кто-то подсуетился и доложил хозяину, что они живут в городе. — Ладно. Хватит и этих пяти.

В комнату втащили искалеченное тело и бросили перед пленниками. В комнате было темно, и тогда тхакур Дхарамси велел принести лампу, чтобы семья увидела, чей это труп.

Свет разорвал спасительный покров темноты. Лицо мужчины полностью сгорело. Только по красному родимому пятну на груди родные узнали Нараяна.

Страшный вопль вырвался из груди Радхи. Но этот крик боли вскоре потонул в предсмертной агонии несчастной семьи — дом подожгли. Первые языки пламени коснулись связанных людей. Милосердие в эту ночь проявил лишь суховей, яростно раздувший огонь, который в считаные секунды охватил всех шестерых.

* * *

К тому времени, когда Ишвар и Омпракаш узнали страшную новость, пепел уже остыл, а сгоревшие останки спустили в реку. Тетя Мумтаз прижимала к себе Омпракаша, а дядя Ашраф отправился вместе с Ишваром в полицейский участок для составления Первого информационного отчета[52].

У помощника инспектора болело ухо, и он непрерывно ковырял его мизинцем. Полицейскому было трудно сосредоточиться.

— Имя? Повторите еще раз. Помедленнее.

Чтобы смягчить чиновника, Ашраф посоветовал ему домашнее средство от ушной боли, хотя сам кипел от гнева, еле сдерживаясь, чтобы не надавать инспектору по щекам и заставить слушать.

— Теплое оливковое масло поможет, — сказал он. — Меня так всегда лечила мать.

— Правда? А сколько нужно капель? Две или три?

С большой неохотой в контору отправился

---

[52] Примечания: 52

Первый письменный документ, составляемый полицией о совершенном преступлении.

полицейский, чтобы проверить это голословное утверждение, вернувшись, он показал, что нет никаких свидетельств умышленного поджога.

Помощник инспектора разозлился на Ишвара.

— Что вы здесь мне мозги пудрите? Хотите, чтоб Первый информационный документ состоял из лживых домыслов? От вас проклятых неприкасаемых всегда одни неприятности! Убирайтесь вон, пока вас не привлекли за клевету!

Ишвар потерял дар речи и смотрел на Ашрафа, который пытался объясниться с помощником инспектора. Но тот грубо его оборвал:

— А вас это вообще не касается. Мы же не вмешиваемся, когда вы, мусульмане, обсуждаете с муллой ваши проблемы, разве не так?

Следующие два дня ателье Ашрафа было закрыто, а сам он терзался своей полной беспомощностью. Ни он, ни Мумтаз не решались утешать Омпракаша или Ишвара — разве найдешь слова для такой утраты и такого беззакония? Они могли только плакать вместе с ними.

На третий день Ишвар попросил Ашрафа открыть мастерскую, и они снова принялись шить.

— Я соберу небольшое войско из чамаров, раздам им оружие и поведу на дома землевладельцев, — сказал Омпракаш под шум работающей

швейной машины. — Нетрудно найти нужное количество людей. Мы поступим как наксалиты. — Склонившись над шитьем, он рассказал Ишвару и Ашрафу о стратегии крестьянских восстаний на северо-востоке. — А под конец отрубим им головы и насадим на острые колья на рынке. И они никогда больше не осмелятся притеснять наше сообщество.

Ишвар не мешал ему вынашивать планы мести. Его первый импульс был таким же — как же он мог теперь осуждать племянника? Руки были заняты работой, но измученное сознание пребывало в смятении.

— Скажи мне, Ом, откуда ты все это знаешь?

— Читал в газетах. Но разве это не понятно? В каждой семье из низших каст есть кто-то, пострадавший от заминдаров. Не сомневайся — они жаждут мести. Мы перережем тхакуров и их прислужников. И этих проклятых полицейских.

— А что потом? — спросил Ишвар мягко, понимая, что племяннику пора отвлечься от смерти и направить свои мысли к жизни. — Тебя отведут в суд, а потом повесят.

— Ну и пусть. Если б я жил с родителями, а не отсиживался бы в этой мастерской, меня бы тоже уже не было.

— Ом, мальчик мой, — сказал Ашраф. — Нам не следует руководствоваться местью. Убийцы будут наказаны — если не в нашем мире, то в другом. Может, они уже наказаны, кто знает?

— Да, дядя, кто знает? — саркастически отозвался Омпракаш и пошел спать.

Через шесть месяцев после той ужасной ночи Ишвар, по настоянию Ашрафа, съехал со съемной квартиры. Теперь в доме после того, как дочери вышли замуж и уехали, по словам Ашрафа, стало много места. Из помещения на втором этаже он сделал две комнаты: одну — для себя и Мумтаз, а вторую — для Ишвара и его племянника.

Было слышно, как Омпракаш ходит наверху, готовясь ко сну. Мумтаз молилась в глубине дома.

— Разговоры о мести ничего не значат, пока это всего лишь разговоры, — сказал Ишвар. — А что, если он вернется в деревню и что-нибудь натворит?

Они еще долго сидели, мучительно размышляя о будущем юноши, пока не решили, что пора подниматься наверх и ложиться спать. Ашраф зашел вслед за Ишваром за перегородку, где спал Омпракаш, и они немного постояли, глядя на спящего юношу.

— Несчастный ребенок, — прошептал Аш-

раф. — Сколько ему досталось! Что для него можно сделать?

Ответ пришел в свое время, когда положение ателье «Музаффар» пошатнулось.

Через год после трагических событий в городе открылся магазин готовой одежды. И вскоре у Ашрафа стала стремительно сокращаться клиентура.

По мнению Ишвара, такое положение не могло долго длиться.

— Конечно, большой новый магазин, где на прилавках множество рубашек — только выбирай, манит людей. Они чувствуют себя важными персонами, перебирают разные фасоны. Но перебежчики вернутся, когда пройдет эффект новизны, и они увидят, что одежда сидит не лучшим образом.

Ашраф был настроен не так оптимистично.

— Против нас работают низкие цены. Одежда шьется крупными партиями на больших фабриках. Разве сможем мы конкурировать?

Вскоре двое портных и ученик радовались, если работа была хоть раз в неделю.

— Удивительно, — сказал Ашраф. — То, чего я никогда не видел, губит дело, которым я занимаюсь уже сорок лет.

— Разве вы не были в магазине готового платья?

— Я говорю о фабриках в большом городе. Какие они? Кто ими владеет? Какие расходы несут хозяева? Мне ничего не известно, кроме того, что они разоряют нас. Может, мне придется идти работать на них в моем возрасте?

— Никогда, — сказал Ишвар. — А вот мне, наверно, стоит пойти.

— Никто никуда не пойдет! — стукнул по столу кулаком Ашраф. — Что заработаем, разделим на всех. Я просто пошутил. Неужели я отправлю куда-то своих детей?

— Не волнуйся, дядя. Я знаю, ты не это имел в виду.

Однако вскоре стало и впрямь не до шуток: клиенты продолжали уплывать в магазин готового платья.

— Если дело и дальше так пойдет, мы все трое будем с утра до вечера мух бить, — сказал Ашраф. — Для меня это не так важно. Я прожил долгую жизнь, вкусил ее плодов — и сладких, и горьких. Но то, что сейчас происходит, плохо для Ома. — Он понизил голос. — Может, ему лучше попытать счастья в другом месте.

— Куда бы он ни поехал, я должен быть ря-

дом, — уверенно произнес Ишвар. — Ом слишком молод, у него много в голове завиральных идей.

— В том нет его вины — это проделки дьявола. Но тебе, разумеется, надо быть с ним рядом — ты теперь ему как отец. Вы можете попытать счастья — уехать ненадолго. Не навсегда — на год или на два. Усердно трудитесь, заработайте денег и возвращайтесь.

— Это верно. Говорят, в большом городе можно быстро заработать — там много работы и всяких возможностей.

— Точно. А вернувшись с деньгами, откроете свое дело. Табачную лавочку, или фруктовую палатку, или магазин игрушек — кто знает? — Рассмеявшись, мужчины все же пришли к выводу, что пара лет работы на стороне Омпракашу не помешает.

— Трудность только в том, — сказал Ишвар, — что я никого не знаю в большом городе. С чего нам начать?

— Все образуется. У меня в городе есть хороший друг, он поможет вам найти работу. Его зовут Наваз. Он тоже портной, у него там свой магазин.

Мужчины засиделись за полночь, строили планы, представляли новую жизнь в городе у моря — с высокими домами, широкими, удобными

дорогами, красивыми садами и миллионами людей, которые много работают и зарабатывают хорошие деньги.

— Только подумать, я так разволновался, словно решил ехать с вами, — сказал Ашраф. — И поехал бы — будь помоложе. Без вас здесь будет одиноко. Я мечтал, что ты и Ом останетесь в этом доме до конца моих дней.

— Так и будет, — успокоил его Ишвар. — Мы скоро вернемся. Разве мы уже не решили?

Ашраф написал другу письмо с просьбой приютить на время Ишвара и Омпракаша, помочь им устроиться в городе. Ишвар снял свои сбережения и купил билеты на поезд.

Вечером накануне отъезда Ашраф подарил им ценные выкройки и любимые фестонные ножницы. Ишвар запротестовал — подарки слишком дорогие.

— Мы и так многим обязаны вам за эти более чем тридцать лет.

— Мне ничем не вознаградить вас за то, что вы сделали для нашей семьи, — сказал Ашраф, глотая слезы. — Положите в свой чемодан эти ножницы, уважьте старика. — Он утер глаза, но они снова наполнились слезами. — И знайте, если не сложится там с работой, вас всегда ждут

здесь.

Ишвар сжал его руку и прижал к своей груди:

— Может, и вы захотите навестить город до нашего возвращения.

— Иншалла. Мне всегда хотелось успеть перед смертью совершить хадж. А ведь из города уходят в дальнее плаванье большие суда. Так что, кто знает?

На следующее утро Мумтаз встала рано, чтобы приготовить чай и собрать отъезжающим пакет с провизией в дорогу. Пока дядя с племянником ели, Ашраф молчал, тяжело переживая предстоящую разлуку. Он только раз спросил: «Вы хорошо спрятали бумажку с адресом Навваза?»

Когда Омпракаш собрался помыть после чая посуду, Мумтаз со слезами на глазах его остановила.

— Оставь, — сказала она. — Я после уберу.

Настало время расставания. Все крепко обнялись и трижды расцеловались.

— Мои старые, никуда не годные глаза, — пожаловался Ашраф. — Слезы так и текут, это какая-то болезнь.

— И мы от тебя, видно, заразились, — сказал Ишвар. У него и Омпракаша тоже стояли в глазах слезы. Еще до восхода солнца они с чемоданом и

свернутыми постелями отправились пешком на железнодорожную станцию.

К вечеру поезд доставил портных в город. С лязганьем и треском поезд прибыл на станцию под невнятный рев несущегося из громкоговорителя объявления. Пассажиры тонкими струйками вливались в море встречающих друзей и родных. Слышались радостные крики, лились слезы радости. Платформа превратилась в людской водоворот. Носильщики вторгались в него, предлагая свои услуги.

Ошеломленные Ишвар и Омпракаш стояли поодаль от суетливой толпы. Ощущение приключения, которое понемногу расцветало в пути, сразу завяло.

— Ну и ну! — Ишвару не хватало среди этой массы народа знакомого лица. — Ничего себе толпища!

— Пойдем! — сказал Омпракаш и, взяв чемодан, стал решительно пробираться сквозь людей и вещи, словно знал, что это последнее препятствие, а дальше лежит город надежд, где все будет хорошо.

Они с трудом преодолели платформу и оказались в огромном главном вестибюле вокзала, потолки здесь были до небес, а колонны возвыша-

лись как невиданные деревья. Дядя и племянник блуждали по залу, как в тумане, расспрашивали людей, рассчитывая на помощь. Им торопливо что-то отвечали или куда-то указывали, они благодарно кивали, но понять ничего не могли. Потребовался час, чтобы выяснить — к другу Ашрафа нужно ехать на электричке. Поездка заняла двадцать минут.

На месте им указали путь. До магазина Навваза, служащего одновременно семье домом, было десять минут ходу. Тротуар был усеян спящими людьми. Слабый желтый свет от фонарей лился подкрашенным дождем на закутанные в лохмотья тела. Омпракаша передернуло. «Словно трупы», — прошептал он. Вглядываясь в неподвижные тела, он искал какие-нибудь признаки жизни — вздымающуюся грудь, дрогнувший палец, дернувшееся веко. Но бледный свет не давал уловить такие незначительные движения.

По мере приближения к дому друга дяди Ашрафа страхи понемногу отступали. Сопутствующий приезду кошмар, похоже, подходил к концу. До дверей дома они дошли по доскам, перекинутым через открытый канализационный коллектор. Гнилая доска чуть не треснула под ногой Омпракаша. Ишвар удержал племянника за локоть.

Мужчины постучали в дверь.

— Салям алейкум! — приветствовали они Наваза, глядя на него так, как приличествует смотреть на благодетеля.

Наваз едва ответил на приветствие. Он прикинулся, что приезд Ишвара и Омпракаша для него неожиданность и не сразу признался, что получил письмо от Ашрафа. Нехотя разрешил он провести им несколько ночей под навесом за кухней, пока они не подыщут себе жилье.

— Я делаю это только ради Ашрафа, — подчеркнул он. — Нам и одним здесь тесно.

— Спасибо, Наваз-бхай, — сказал Ишвар. — Только на несколько дней. Благодарим вас.

С кухни доносились аппетитные запахи, но Наваз не пригласил их разделить с ним трапезу. Мужчины помыли лицо и руки под краном во дворе и там же напились воды, сложив лодочкой руки. Из кухонного окна во двор падал свет, и они, усевшись рядом, доели приготовленные тетей Мумтаз чапати, прислушиваясь к голосам из соседних домов.

Земля под навесом была сильно замусорена листьями, картофельными очистками, косточками от разных фруктов, рыбьими костями и двумя рыбьими головами с пустыми глазницами.

— Как здесь спать? — спросил Омпракаш. — Это какая-то помойка.

Он огляделся и увидел у черного хода метлу, прислоненную к водосточной трубе. Омпракаш сгреб метлой в сторону весь сор, а Ишвар тем временем принес в кружке воду и разбрызгал ее по земле, перед тем как еще раз подмести.

Их деятельность привлекла внимание Навaза.

— Вам что, здесь не нравится? Вас никто насильно не держит.

— Да нет, все отлично, — заверил его Ишвар. — Так, прибрались немного.

— Вы взяли мою вещь, — и Наваз указал на щетку.

— Да, но мы…

— Нужно спрашивать, прежде чем что-то берешь, — грубо оборвал их Наваз и вернулся в дом.

Подождав, пока земля под навесом высохнет, дядя и племянник раскатали матрасы и одеяла. Шум в соседних постройках не ослабевал. Орало радио. Какой-то мужчина громко ругал и избивал женщину. Она криком звала на помощь. Он на мгновение остановился, но тут же продолжил избиение. Пьяный грязно ругался, вызывая громкий хохот окружающих. Скрежет машин не

умолкал ни на секунду. Омпракаша заинтересовало мерцание в одном окне, он встал, заглянул внутрь и махнул рукой Ишвару — подойди! «Дордаршан»[53], — взволнованно прошептал он. Но через минуту-другую кто-то в комнате заметил, что они уставились в телевизор, и прогнал их.

Мужчины вернулись под навес, но спали плохо. Один раз их разбудил дикий визг, словно резали какое-то животное.

К утреннему чаю дядю с племянником не пригласили, что Ишвар счел оскорбительным.

— В этом городе другие порядки, — сказал он.

Они умылись, выпили воды и ждали, когда Наваз откроет ателье. Тот увидел их на ступеньках, они вытягивали шею, чтобы заглянуть внутрь.

— А, это вы… Что вам надо?

— Простите за беспокойство, но, может, вы не знаете, что мы тоже портные? — сказал Ишвар. — Можно нам шить для вас? В вашей мастерской? Дядя Ашраф сказал нам…

— Дело в том, что у нас самих мало работы, — произнес Наваз, возвращаясь в дом. — Поищите где-нибудь в другом месте.

---

[53] Примечания: 53

«Дордаршан» — индийский государственный телеканал, основан в 1959 г.

Стоя на ступенях, Ишвар и Ом растерялись — неужели Наваз ничем больше не поможет? Но он вернулся через минуту с карандашом и бумагой, продиктовал названия мастерских по пошиву одежды и объяснил, как до них добраться. Они поблагодарили его за совет.

— Кстати, — сказал Ишвар, — мы слышали ночью страшные крики. Что бы это могло быть?

— Это все бродяги, что спят на тротуарах. Кто-то занял чужое место. Так они взяли кирпич и разнесли ему башку. Настоящие животные, эти бродяги. — Наваз окончательно скрылся за дверью, а портные отправились на поиски работы.

После чая в ларьке на углу улицы они провели бесполезный, жуткий день, разыскивая указанные Навазом места. Названия улиц часто просто отсутствовали, а то были закрыты политическими плакатами или объявлениями. Портным приходилось часто останавливаться и спрашивать дорогу у лавочников или развозчиков товаров.

Портные старались соблюдать инструкции, часто повторяющиеся на рекламных щитах: «Пешеходы! Ходите по тротуару!» Но это была трудная задача: продавцы ставили свои лотки прямо на асфальт. Поэтому они, как и все, шли по

мостовой в страхе перед автомобилями и автобусами, с удивлением глядя на остальных людей, которые словно не замечали потока машин и обладали особым инстинктом в случае опасности отпрыгивать в сторону.

— Этому надо учиться, — произнес Ом с видом знатока.

— Учиться чему? Давить людей или чтоб тебя давили?

Однако единственный несчастный случай за весь день случился с ручной тележкой: лопнула веревка, удерживающая коробки, и они рассыпались по тротуару. Портные помогли хозяину снова наполнить тележку.

— А что гремит в коробках? — заинтересовался Ом.

— Кости, — ответил мужчина.

— Кости? Коров или буйволов?

— Человеческие. Такие, как у нас с вами. На экспорт. Это выгодный бизнес.

Ишвар и Омпракаш были рады, когда тележка отъехала.

— Знай я, что там внутри, ни за что бы не остановился, — сказал Ишвар.

К вечеру все адреса закончились, не принеся ни работы, ни надежды. Найти обратную дорогу

к дому Наваза тоже оказалось трудно. Только утром портные проделали этот путь, но теперь они ничего не узнавали. Или, напротив, все казалось одинаковым. И то и другое сбивало с толку. Положение ухудшала приближавшаяся темнота. Щиты с кинорекламой, которые, они надеялись, станут опознавательными знаками, только вводили в заблуждение — слишком их было много. От рекламы «Бобби»[54] — поворот направо или налево? Идти на улочку, где на афише Амитабх Баччан[55] под градом пуль бьет ногой в лицо негодяя с пулеметом, или на ту, где он неотразимо улыбается скромной деревенской девушке?

Наконец, усталые и голодные, они нашли нужную улицу и заспорили, нужно ли купить еды перед тем, как залечь под навес.

— Лучше не надо, — решил Ишвар. — Если Наваз и его женушка собираются поужинать с нами, они могут обидеться. Может, вчера они были просто не готовы нас встретить.

Хозяин сидел за швейной машиной. Дядя с

---

[54] Примечания: 54

«Бобби» — индийская комедия 1973 г.

[55] Примечания: 55

Амитабх Баччан (1942–2017) — известный индийский актер, режиссер и телеведущий, обладатель многих национальных и международных премий.

племянником приветственно ему помахали, но Наваз, похоже, их не заметил, и они пошли на задний двор.

— Я просто никакой, — сказал Омпракаш, раскатал постель и рухнул на нее.

Лежа на спине, они прислушивались к тому, что происходит на кухне. Журчала вода, звенели стаканы, что-то стучало. Потом послышался голос Наваза: «Мириам!» Женщина вышла из кухни, и портные не могли расслышать, что она говорит. Но сердитый голос Наваза звучал достаточно громко: «Говорю тебе — не надо!»

— Но это всего лишь чай, — оправдывалась Мириам. Теперь на кухню вышли оба — и муж, и жена.

— Послушай, женщина! Не спорь со мной! Нет — значит, нет! — Раздался звук пощечины, и Омпракаш вздрогнул. Женщина слабо вскрикнула. — Пусть идут в ресторан! А то избалуются и останутся тут навсегда.

Из-за рыданий Мириам портные смогли разобрать только отдельные слова: «Ну почему…» и еще «семейство Ашрафа…»

— Но не мое, — отрезал муж.

Портные поднялись с импровизированных постелей и отправились в ларек, где утром пили

чай. После того, как они съели по пури-бхаджи[56], Омпракаш сказал: «Удивительно, что у дяди Ашрафа такой ужасный друг».

— Все люди разные. Кроме того, Наваз давно живет в городе и мог измениться. Многое зависит от того, где ты живешь, — хорошо это или плохо.

— Наверно, так и есть. Но дядя Ашраф от стыда бы сгорел, услышь он его слова. Жаль, что негде больше остановиться.

— Терпение, Ом. Это наш первый день. Мы скоро что-нибудь найдем.

Но за четыре недели поисков они только три дня проработали в месте под названием «Современная одежда». Владелец, мужчина по имени Дживан, нанял их, чтобы выполнить заказ в срок. Работа была несложная: дхоти[57] и рубашки — по сто штук каждого изделия.

— Это кому столько надо? — в изумлении спросил Ишвар.

Дживан провел несколько раз пальцем по сжатым губам, словно настраивал струны музыкального инструмента. Он всегда так делал, когда

---

[56] Примечания: 56

Пури-бхаджи — булочка с овощной начинкой. *(Примеч. ред.)*

[57] Примечания: 57

Дхоти — набедренная повязка, пояс, который носят мужчины в Индии.

собирался произнести нечто, по его мнению, значительное.

— Только никому не говорите — эта одежда для подкупа. Ее заказал один человек, он участвует в дополнительных выборах, — сказал Дживан. — Кандидат хочет одарить важных людей из своего избирательного округа.

В «Современной одежде» было место только для одного портного, но Дживан воспользовался подпорками и переоборудовал мастерскую на троих. На высоте четырех футов от земли он положил доски, укрепив на стенах держателями, и получился временный второй этаж. Снизу доски удерживались бамбуковыми опорами. Дживан арендовал две швейные машины, водрузил их наверх и усадил там Ишвара и Ома.

С большой осторожностью сели они на табуретки.

— Не бойтесь, — сказал Дживан, настраивая губы. — С вами ничего не случится. Я не раз уже такое проделывал. Вот взгляните — я сижу точно под вами, и если вы рухнете, то и мне не сдобровать.

Сооружение было шаткое и отчаянно тряслось, когда работали педали. От уличного движения Ишвара и Ома подбрасывало на табуретках. Если

где-то в здании хлопала дверь, ножницы громко отзывались. Но портные скоро смирились с неустойчивостью своего существования.

Проработав три дня по двадцать часов в сутки, они уже отвыкли от твердой земли — отсутствие вибрации казалось странным. Поблагодарив Дживана, они помогли ему разобрать второй этаж и еле дотащились назад — до своего места под навесом.

— Теперь отдыхать, — сказал Омпракаш. — Хочу спать целый день.

За то время, что они приходили в себя, Наваз несколько раз выходил к ним, всем своим видом выказывая неодобрение. Стоя у черного хода, он с видимым отвращением тихо говорил Мириам о ленивых и никчемных людях.

— Правду сказать, работа дается тем, кто действительно хочет работать, — изрек он. — А эти двое — бездельники.

Ишвар и Омпракаш настолько устали, что даже не могли возмущаться, не говоря уже о том, чтобы испытывать более сильные эмоции. День был им нужен для восстановления сил, а потом все пойдет как обычно: утром — в путь, и поиски работы до вечера.

— Кто знает, сколько нам придется терпеть

этих двоих, — доносились жалобы из кухонного окна. Наваз даже не удосужился понизить голос. — Говорил я тебе — откажи Ашрафу. Но разве ты послушаешь?

— Они нам не мешают, — тихо проговорила жена. — Всего лишь…

— Поосторожней! Больно! Порежешь мне палец!

Ишвар и Омпракаш удивленно переглянулись, а Наваз продолжал жаловаться:

— Если б я захотел, чтоб у меня под навесом жили люди, я сдавал бы это место за хорошие деньги. Ты хоть знаешь, что долго держать чужих людей здесь опасно? Стоит им подать исковое заявление с просьбой оставить за ними этот участок, и нам придется объясняться в суде. Ну что ты творишь, чертовка, сказал же — будь осторожней! Этим лезвием ты сделаешь меня инвалидом!

Испуганные портные привстали.

— Пойду посмотрю, что там происходит, — прошептал Омпракаш.

На цыпочках он подошел к кухонному окну и заглянул внутрь. Наваз сидел на стуле, поставив ногу на скамеечку. Мириам, стоя перед ним на коленях, удаляла безопасной бритвой огрубевшую кожу и мозоли со стопы.

Пригнувшись, Омпракаш отошел от окна и рассказал об увиденном дяде. Они чуть не надорвали животы от хохота.

— Интересно, как у этого идиота образуются на ногах мозоли, если он все время сидит за швейной машиной? — задался вопросом Омпракаш.

— Может, он много ходит во сне, — сказал Ишвар.

Однажды утром, примерно через четыре месяца после приезда дяди и племянника, когда они в очередной раз спросили у Навaза совета, он стал их сердито отчитывать,

— Каждый день, когда я работаю, вы пристаете ко мне с вопросами. Это большой город. Разве я могу знать здесь всех портных? Ищите сами. А если никого не найдете, займитесь чем-нибудь другим. Работайте кули на вокзале. Для чего вам даны головы? Разносите пшеницу и рис покупателям из оптовых магазинов. Делайте хоть что-нибудь.

Омпракаш видел, что дядя расстроен этим выпадом, и поспешил ответить:

— Мы не против любой работы. Только тогда мы нанесем оскорбление дяде Ашрафу, который много лет учил нас и передал свое мастерство.

Упоминание имени Ашрафа смутило Навaза.

— Дело в том, что сейчас я очень занят, — пробормотал он. — Идите и ищите, может, что подвернется.

На улице Ишвар похлопал племянника по спине.

— Молодец, Ом. Ответил, что надо.

— Дело в том, — передразнил Омпракаш Наваза, — что я и сам парень что надо. — Дядя с племянником рассмеялись и решили отметить эту маленькую победу, выпив на углу по полчашечки чая. Празднование было недолгим: их сбережения все больше таяли. В отчаянии Ишвар нанялся на две недели в мастерскую сапожника, шившего на заказ туфли и сандалии. В обязанности Ишвара входила подготовка кожи для подошв и каблуков. Чтобы придать прочность коже, в мастерской использовали дубление с природными красителями. Ишвару такая технология была известна с детства.

Ишвар стыдился этой работы, и никто, кроме Омпракаша, о ней не знал. От его рук теперь шел сильный неприятный запах, и Ишвар старался держаться подальше от Наваза.

Еще месяц прошел — уже шестой — пребывания портных в городе, а перспективы были все такие же безрадостные. И тут однажды вечером

Наваз открыл дверь черного хода и сказал: «Заходите! Заходите! Выпейте с нами чаю. Мириам! Принеси три чая!»

Ишвар и Омпракаш подошли ближе и остановились в дверях. Правильно ли они расслышали его слова, не ошиблись ли?

— Да не стойте вы здесь — проходите, садитесь, — весело произнес Наваз. — У меня хорошие новости. Дело в том, что для вас нашлась работа.

— Вот спасибо! — сказал Ишвар, мгновенно преисполнившись благодарности. — Прекрасная новость! Вы не пожалеете, ваши заказчики будут довольны…

— Работа не у меня, — грубо оборвал Наваз его пылкую речь. — В другом месте. — Он постарался снова придать лицу приятное выражение, улыбнулся и продолжил: — Поверьте, эта работа вам понравится. Сейчас я расскажу вам все подробнее. Мириам! Три чая, я сказал. Где тебя носит?

Жена принесла три стакана. Ишвар и Омпракаш встали и сложили ладони в приветствии: «Салям, госпожа!» Они часто слышали нежный мелодичный голос Мириам, но сейчас впервые ее увидели. «Увидели» — не точное выражение:

черная бурка[58] скрывала лицо. Но в сетчатой прорези сверкали ее глаза.

— Отлично, чай наконец готов, — сказал Наваз. Показав, куда поставить стаканы, он дал жене знак рукой, чтобы она удалилась.

После нескольких глотков, он перешел к делу.

— В ваше отсутствие приходила богатая дама-парси. У нее в канаву угодила туфля, — захихикал Наваз. — Дело в том, что она владелица большой экспортной компании, и ей нужны двое портных. Ее зовут Дина Далал, и она оставила свой адрес. — Он вытащил бумажку из кармана рубашки.

— А какого рода одежду шить?

— Высшего класса, последние модели. И никаких сложностей — она сказала, дают бумажные выкройки. — Наваз с беспокойством на них взглянул. — Вы ведь за это возьметесь?

— Конечно, — ответил Ишвар.

— Хорошо, хорошо. Дело в том, что, по ее словам, она оставила свои данные во многих магазинах. Претендентов будет достаточно. — На оборотной стороне бумаги он набросал кое-какие инструкции и указал, на какой станции им выходить. — Смотрите, не заблудитесь. Ложитесь

---

[58] Примечания: 58
Бурка — вариант паранджи у мусульман.

рано спать и чуть свет вставайте. Вы должны выглядеть опрятно и чисто, и разумно говорить, чтобы получить эту работу.

Подобно матери, опекающей детей в их первый школьный день, Наваз на рассвете открыл дверь черного хода и разбудил портных, похлопав их по плечу. Он широко улыбался, глядя, с каким трудом они разлепляют глаза.

— Опаздывать нельзя! Скорей умывайтесь, прополощите рот и идите пить чай. Мириам! Два чая для моих друзей!

Пока дядя с племянником пили чай, Наваз наставлял их, предупреждал, ободрял.

— Вы должны произвести впечатление на госпожу — вот что самое главное. Но это не означает, что нужно трещать как сороки. Вежливо отвечайте на вопросы и не вздумайте ее перебивать. Не чешите голову и прочие места — женщины из высшего класса ненавидят эту привычку. Говорите уверенно и не повышайте голоса. Захватите с собой гребешок и, перед тем как позвонить в дверь, убедитесь, что выглядите хорошо. Растрепанные волосы производят невыгодное впечатление.

Портные внимательно его слушали. Омпракаш мысленно отметил, что нужно купить новый

гребешок — старый он сломал на прошлой неделе. Когда чай выпили, Наваз стал их торопить: «Khuda Hafiz[59], и скорее возвращайтесь. С победой!»

Портные вернулись после трех часов дня, робко объяснив обеспокоенному Навазу, что до места они добрались вовремя, но вот обратная дорога длилась долго — они никак не могли найти железнодорожную станцию.

— Но это та же станция, на какой вы сошли утром.

— Да, — смущенно улыбнулся Ишвар. — Даже не могу объяснить, в чем дело. Место удаленное, мы раньше никогда там не были, вот и…

— Неважно, — великодушно остановил его Наваз. — Всегда кажется, что новое место дальше, чем есть на самом деле.

— Все улицы похожи одна на другую. А когда спрашиваешь дорогу, все говорят разное. В поезде мы познакомились с одним милым студентом — у него та же проблема.

— Не вступайте в разговор с кем попало. Здесь не деревня. Милый студент мог украсть ваши деньги, перерезать горло и бросить в канаву.

---

[59] Примечания: 59
До свидания *(урду).*

— Нет, он очень добрый и даже угостил нас арбузным шербетом.

— Главное — работу получили?

— Да. С понедельника начнем, — ответил Ишвар.

— Замечательно. Примите мои поздравления. Входите, посидите со мной, вы, должно быть, устали. Мириам! Три чая!

— Вы очень добры, — сказал Омпракаш. — Прямо как дядя Ашраф.

Наваз не почувствовал иронии.

— Помогать друзьям Ашрафа — мой долг. А теперь, когда вы нашли работу, следующая моя обязанность — найти вам жилье.

— Это не к спеху, Наваз-бхай, — сказал слегка встревоженный Ишвар. — Нам и здесь хорошо, под навесом очень удобно.

— Предоставьте это мне. Дело в том, что найти жилье в этом городе практически невозможно. Если появляется что-нибудь подходящее, нужно скорее брать. Допивайте чай, и пойдем.

— Конечная остановка, — объявил кондуктор, позвякивая компостером о металлическое ограждение. Автобус проехал мимо ряда мрачных хибарок, со скрипом повернул за угол и остановился.

— Осваивается новая территория, — объяснил Наваз, указывая на поле, где возникали новые трущобы. — Поищем здесь дежурного.

Они ступили в проход между рядами хижин, и Наваз спросил у женщины, здесь ли Навалкар. Женщина указала на одну из хижин. Там они и нашли Навалкара, это был его офис.

— У нас еще есть свободные места, — сказал Навалкар. Когда он говорил, его клочковатые усы с преувеличенной энергичностью двигались вместе с губами. — Давайте, покажу.

Они вернулись на два ряда назад.

— Угловой дом, — сказал Навалкар. — Если понравится — он не занят. Проходите внутрь.

Навалкар открыл дверь, и из дыры в задней стене лачуги выскочила на улицу бродячая собака. Глиняный пол частично устилали доски.

— Будет желание, можно положить еще досок, — сообщил Навалкар. Мозаичные стены были частично из жести, частично из клееной фанеры. В самых ржавых участках крыши — тоже из старого рифленого железа — на случай дождя натянут прозрачный пластик.

— Водопроводный кран на улице, в середине прохода. Очень удобно. Не придется далеко ходить за водой, как в других поселениях — ниже

классом. Да, неплохое место. — И он широко развел руки, показывая, какие здесь просторы. — Только недавно стали осваивать это место, народу немного, никакой толкотни. Арендная плата — сто рупий в месяц. Деньги вперед.

Наваз постучал по стене пальцами, словно доктор по груди больного, топнул по доске, отчего та затряслась. Лицо его выразило одобрение. «Надежно построено», — шепнул он портным.

Навалкар понимающе кивнул.

— У нас есть дома и получше. Хотите взглянуть?

— Можно и взглянуть, — сказал Наваз.

Позади лачуг из жести и пластика стояли восемь получше — с кирпичными стенами. Правда, крыши и здесь были из старого рифленого железа.

— Плата за это жилье двести пятьдесят рупий в месяц. Но за эти деньги у вас будет настоящий пол и электричество. — Навалкар указал на столбы, подводившие к хижинам провода, пиратским образом ворующие свет от уличного электроснабжения.

Войдя внутрь, Наваз внимательно осмотрел кирпичи и один даже поскреб ногтем.

— Хорошее качество, — сказал он. — Хотите

знать мое мнение? На первый месяц берите дешевое жилье. А там, если работа пойдет хорошо и денег будет достаточно, переселяйтесь сюда.

Навалкар все так же одобрительно кивал. Однако Наваза смутило молчание портных.

— В чем дело? Вам что, не понравилось?

— Нет, все хорошо. Проблема в деньгах.

— Такая проблема есть у всех, кроме политиков и спекулянтов, — сказал Навалкар.

Когда умолк притворный смех, Ишвар грустно произнес:

— Мы не потянем аванс.

— Неужели у вас нет ста рупий? — не поверил Наваз.

— Все из-за хозяйки. Она велела принести свои швейные машины. И нам еле хватило денег заплатить за них первый взнос. Последние месяцы работы не было, и мы поиздержались…

— Никчемные люди! — взорвался Наваз, видя, что его план рушится, и он вряд ли освободится от портных. — Истратить все деньги!

— Если б нам пожить у вас еще немного, — взмолился Ишвар, — мы могли бы скопить…

— Вы что, думаете, этот дом будет вас ждать? — рявкнул Наваз, и Навалкар покачал головой.

В отчаянии Наваз повернулся к нему.

— Может, вы пойдете нам навстречу, мистер Навалкар? Двадцать пять рупий я заплачу сегодня. А они будут платить по двадцать пять рупий каждую неделю оставшегося месяца.

Навалкар презрительно скривил губы, покусывая нижними резцами усы. Потом костяшками пальцев вернул мокрые волоски на место и сказал:

— Только ради вас. Вы вызываете доверие.

Наваз поторопился отсчитать деньги, пока никто не передумал. Они вернулись в первую лачугу, и там Навалкар повесил замок на фанерную дверь и вручил Ишвару ключ.

— Теперь это ваш дом. Счастливо оставаться.

Все трое пересекли поле по потрескавшейся сухой земле и подошли к автобусной остановке.

— Примите снова мои поздравления, — сказал Наваз. — За один день вы получили работу и новый дом.

— Только благодаря вам, — вежливо произнес Ишвар. — Этот Навалкар владелец земли?

Наваз засмеялся:

— Навалкар — мелкий жулик, работающий на крупного жулика. Владелец трущоб — Тхокрай, он контролирует все в этот районе — алкоголь, гашиш, дома. А когда начинаются беспорядки,

только он решает, кого сжечь, а кого оставить в живых.

Заметив тревожное выражение на лице Ишвара, он прибавил:

— Вам не придется иметь с ним дело. Платите регулярно деньги за жилье, и с вами все будет в порядке.

— Так чья же все-таки земля?

— Ничья. Она принадлежит городу. Эти жулики подкупают чиновников муниципалитета, полицию, инспекторов по воде и электричеству. А жилье сдают таким, как вы. В этом нет никакого вреда. Земля пустует, и если здесь могут жить бездомные, что в этом плохого?

В последний вечер пребывания гостей испытанное Навазом чувство облегчения подвигло его к невиданной щедрости.

— Пожалуйста, разделите со мной трапезу, — пригласил он портных к столу. — Уважьте меня напоследок. Мириам! Подай нам три порции!

Он поинтересовался, удобно ли им было под навесом.

— Вы могли бы спать и в доме, если б захотели. Дело в том, что первым моим желанием было поселить вас с нами. Но потом я подумал: в доме так тесно, так скученно, что вам будет лучше

на улице.

— Да, конечно, гораздо лучше, — подтвердил Ишвар. — Целых шесть месяцев мы пользовались вашей добротой.

— Неужели так долго? Как быстро летит время!

Мириам принесла еду и удалилась. Но даже под сетчатой прорезью бурки Ишвар и Омпракаш разглядели смущенное выражение ее глаз от такого лицемерия мужа.

Глава четвертая. Временные трудности

Зеркальце, бритва, кисточка для бритья, пластиковый стаканчик, банка для интимного туалета, латунный бачок для воды — все это Ишвар положил на перевернутую картонную коробку в углу хижины. Чемодан и постельные принадлежности заняли почти все оставшееся пространство. Одежду он повесил на ржавые гвозди, торчащие из фанеры.

— Похоже, все уладилось. У нас есть работа, дом, теперь можно и жену тебе подбирать.

Ом даже не улыбнулся.

— Мне все здесь ненавистно, — сказал он.

— Ты что, хочешь назад к Навазу под навес?

— Нет, я хочу в мастерскую к дяде Ашрафу.

— Бедный дядя Ашраф, все клиенты от него разбежались. — Ишвар взял в руки бачок и направился к двери.

— Я сам принесу воды, — предложил Ом.

Он пошел к колонке на улице и долго под внимательным взглядом седой женщины тряс ручку, пытаясь выжать воду. Но ничего не выходило.

Омпракаш пнул ногой колонку, сильно ударил по трубе и выдавил несколько капель.

— Ты что, не знаешь? — крикнула ему женщина. — Воду подают только утром.

Ом повернулся, чтобы увидеть того, кто кричит. Маленькая женщина стояла в темном проеме двери.

— Вода бывает только утром, — повторила она.

— Мне никто не сказал.

— Ты разве ребенок, чтоб тебе все говорить? — сердито проворчала женщина, выходя из лачуги. Теперь было видно, что она не такая уж маленькая — просто очень сутулая. — Надо самому соображать.

Омпракаш думал, как лучше показать женщине, что он умеет соображать: ответить ей или просто уйти.

— Иди сюда, — сказала женщина и вернулась в лачугу. Юноша смотрел ей вслед. Из темноты послышался ее голос: — Надеюсь, ты не собираешься стоять там до рассвета?

Сняв крышку с круглодонного глиняного сосуда, она вылила два стакана воды в бачок Ома.

— Запомни, набирать воду надо рано утром. Проспишь — останешься без воды. Вода — как солнце и луна — никого не ждет.

Когда на следующее утро портные, захватив с собой зубные щетки и мыло, направились к колонке, там уже стояла длинная очередь. Из соседней хижины вышел мужчина и с улыбкой загородил им дорогу. Он был до пояса голый, волосы свисали у него до плеч.

— Намаскар, — приветствовал он портных. — В таком виде вам туда идти не стоит.

— Почему?

— Если станете чистить зубы, мылиться и умываться под общим краном, начнется драка. Все хотят набрать воды, пока она есть.

— Но что нам тогда делать? — спросил Ишвар. — Ведра у нас нет.

— Нет ведра! Разве это помеха? — Сосед скрылся в хижине и тут же снова вышел с оцинкованным ведром. — Пользуйтесь этим, пока не купили.

— А как же вы?

— У меня еще есть. Одного ведра мне хватит. — Он собрал волосы в хвост, сильно потянул и снова распустил. — Вот так. Может, вам еще что нужно? Есть у вас банка для туалета?

— У нас есть все, что надо, — сказал Ишвар. — Но куда тут по этим делам ходят?

— Идите за мной. Здесь недалеко. — Портные отнесли в хижину полное ведро воды, а затем,

взяв банку, пошли за своим наставником через поле к железнодорожному полотну. Когда они преодолевали насыпи из бетона или битого стекла, вода в банке плескалась. Меж насыпей протекал хилый, дурно пахнущий ручеек желто-серого цвета, несущий разные отходы, в том числе и испражнения.

— Держитесь правой стороны, — предупредил наставник. — Левая — для женщин. — Портные последовали за ним, радуясь, что у них есть провожатый, иначе можно было попасть в неловкое положение. С левой стороны вместе со зловонием неслись женские голоса — матерей, вразумляющих своих детей. Дальше на тропинках или немного в стороне, близ канавы — рядом с колючим кустарником и крапивой — сидели на корточках, спиной к железнодорожным путям мужчины. Канава была продолжением сточной трубы у дороги, куда весь поселок сбрасывал отходы.

Пройдя мимо согнувшихся мужчин, троица нашла себе подходящее местечко.

— Очень неплохо использовать стальные рельсы, — сказал сосед. — Получается что-то вроде платформы. Поднимает тебя выше над землей, и дерьмо не пачкает зад.

— Видно, ты все здесь изучил, — сказал Ом, когда они спустили штаны и устроились на рельсах.

— На это много времени не надо. — Сосед обратил их внимание на мужчин в кустарнике. — А вот там садиться опасно. Там ползают ядовитые сороконожки. Не хотел бы я, чтоб такая тварь укусила меня в нежную часть тела. Кроме того, если вдруг утратишь равновесие, колючки в заднице тебе обеспечены.

— По своему опыту знаешь? — спросил Ом, покатываясь со смеху.

— Да, по опыту — но других. Осторожней с банкой, — предупредил он. — Прольешь воду — вернешься с грязным задом.

Ишвару хотелось, чтобы сосед немного помолчал. Шутки в таких делах — дело лишнее, а его кишечник и так плохо реагировал на такой общественный туалет. Прошло несколько десятилетий с тех пор, как ему ребенком приходилось испражняться на улице. Помнится, они выходили вместе с отцом в утренней мгле, когда деревня еще спала, а птицы уже звонко распевали. А потом мылись в реке. Однако за годы, проведенные у дяди Ашрафа в городе, он забыл эти деревенские привычки.

— Но в сидении на рельсах есть одно слабое

звено, — продолжал их длинноволосый сосед. — Если идет поезд, надо тут же вскакивать — даже если ты не кончил дело. У поездов нет никакого уважения к нашим голым задницам.

— Ты нас хоть предупреди! — занервничал Ишвар, поворачивая голову в разные стороны.

— Успокойся. Поезда не будет по крайней мере минут десять. А если услышишь шум, всегда можно отскочить.

— Совет хорош, если только ты не глухой, — произнес раздраженно Ишвар. — А как тебя зовут?

— Раджарам.

— Нам повезло, что у нас такой гуру, — сказал Ом.

— Да, я великий гуру, — фыркнул Раджарам.

Ом так и покатился от хохота, но Ишвар даже не улыбнулся.

— Скажи мне, о великий гуру, советуешь ли ты приобрести нам расписание поездов, раз уж мы будем ходить сюда каждое утро?

— Нет никакой необходимости, мой верный ученик. Через несколько дней твое брюхо будет знать это расписание лучше начальника станции.

Шум приближающегося поезда послышался

уже после того, как они встали, подмылись и застегнули штаны. Ишвар решил, что завтра придет сюда пораньше — до того, как проснется Раджарам. Сидеть рядом с типом, помешанным на разговорах об опорожнении кишечника, ему не хотелось.

Люди, расположившиеся у путей, встали и ждали у канавы, когда пройдет поезд; сидевшие в кустарнике остались на своих местах. Раджарам указал на вагон, медленно проплывавший перед ними.

— Только взгляните! Ну и ублюдки! — выкрикнул он. — Глазеют, как люди какают, будто у самих кишок нет. Словно это цирковое представление. — Раджарам сделал неприличный жест в сторону зевак, некоторые из пассажиров отвернулись. Один, правда, плюнул из окна, но благоприятный ветер отнес плевок обратно к поезду.

— Хотелось бы мне наклониться, прицелиться и выстрелить чем надо в них из задницы, — не унимался Раджарам. — Пусть подавятся, если им так интересно. — Мужчины отправились в обратный путь, а Раджарам все качал головой. — Как меня злит такое бесстыжее поведение.

— Дейарама, друга моего дедушки, однажды,

когда он опоздал на пахоту, заставили съесть дерьмо хозяина, — сказал Ом.

Раджарам вылил последние капли из банки себе на ладонь и пригладил волосы.

— А Дейарам после этого не обрел магическую силу?

— Нет, с чего бы?

— Я слышал, есть такая каста колдунов. Они едят человеческое дерьмо — оно дает им колдовскую силу.

— Да ну? — удивился Ом. — Тогда мы можем начать здесь бизнес — собирать сухое дерьмо, упаковывать и продавать этой касте. Готовые завтраки и пирожки к чаю — с пылу с жару. — Ом и Раджарам покатывались со смеху, а идущий впереди Ишвар чувствовал прилив отвращения и делал вид, что ничего не слышит.

Ом пошел еще раз набрать воды. Очередь за прошедшее время значительно выросла. Впереди него стояла девушка с большим медным котелком у бедра. Она подняла руки, чтобы поставить котелок с водой на голову, и он засмотрелся на вздувшуюся бугорками на ее груди блузку. Вес придал четкие очертания ее бедрам, когда она проходила мимо. Вода плескалась через край и тоненькой струйкой стекала по ее лбу. Свер-

кающие капли терялись в волосах и свисали с ресниц. «Словно утренняя роса, — подумал Ом. — Какая она красивая!» Весь остаток дня он сгорал от желания и счастья.

К тому времени, когда вода перестала течь, жители хижин уже закончили утренние омовения, оставив после себя ручейки мыльной пены. Земля и солнце быстро их осушили. Запах из уборной у железной дороги держался дольше. Капризный ветер еще несколько часов нес его к хижинам, пока не сменил направления.

Поздно вечером, когда Раджарам готовил ужин на примусе рядом с домом, портные, обследовав новый район, возвращались домой. Было слышно, как на сковороде шипит масло.

— Вы поели? — спросил Раджарам.

— Да, на станции.

— Но там дорого. Получите скорей продовольственную карточку и готовьте дома.

— Но у нас нет даже плитки.

— Это всего лишь временные трудности. Можете брать у меня. — Раджарам рассказал им о женщине, которая торгует овощами и фруктами в жилых кварталах. — Если к концу дня у нее что-то остается в корзине — несколько помидоров, баклажанов или горох, она продает это по

дешевке. Я покупаю у нее, вы тоже можете.

— Хорошая мысль, — сказал Ишвар.

— Вот только бананы она не продает.

Ом уже захихикал, ожидая, что дальше последует анекдот, но не тут-то было. В поселении есть человек с обезьянами, и у него твердая договоренность с этой женщиной. Все потемневшие и поврежденные бананы идут к его артистам.

— Хотя собака сама могла бы добывать себе пищу, — закончил Раджарам.

— Чья собака?

— Хозяина обезьян. Собака тоже участвует в представлении — обезьяны на ней ездят. Она вечно роется в помойках — ищет пищу. Хозяин не может всех прокормить. — Примус дважды фыркнул, Раджарам его подкачал и потряс сковороду. — Судачат, что он втихую занимается с обезьянами разными противоестественными делами, но я этому не верю. Ну а если и так, что с того? Нам всем нужно немного радости, правда? Обезьяна, проститутка или собственная рука — какая разница? Не у всех есть жена.

Раджарам потыкал шипящие овощи, проверяя на готовность, потом выключил примус и положил на пластиковую тарелку овощи для портных.

— Не надо, мы поели на станции, правда.

— Не обижайте меня — хотя бы попробуйте.

Пришлось взять тарелку. Мужчина с фисгармонией, свисающей с плеча, проходил мимо и услышал разговор.

— Пахнет хорошо, — сказал он. — Оставьте и мне немного.

— Конечно. Подходите. — Но мужчина издал аккорд, приветственно помахал рукой и продолжил путь.

— Вы с ним знакомы? Живет во втором ряду. — Раджарам потряс сковороду и положил себе овощи. — Начинает работать в восемь. Говорит, что люди за едой или отдыхом становятся более щедрыми. Хотите добавки?

На этот раз они решительно отказались. Раджарам доел все до конца.

— Хорошо, что вы здесь поселились. А то рядом со мной, — тут Раджарам перешел на шепот, — живет один бездельник — пьет с утра до вечера. Бьет жену и пять или шесть детей, если они приносят мало денег. Они просят милостыню.

Портные посмотрели на указанную хижину, но сейчас в ней было тихо. И детей вокруг не было.

— Должно быть, дрыхнет. Завтра все будет по-старому. А жена с детьми, видно, еще на улицах

— побираются.

Весь оставшийся вечер портные провели с соседом, рассказывали ему о своей деревне, об ателье «Музаффар» и о работе с понедельника на Дину Далал. Раджарам кивал — такие истории были ему знакомы.

— Да, тысячи и тысячи людей едут в этот город, потому что не могут найти работу в родных местах. Я тоже приехал сюда по той же причине.

— Но мы не хотим здесь надолго задерживаться.

— Никто не хочет, — сказал Раджарам. — Кому хочется так жить? — И он медленно обвел рукой полукруг с барачным поселком, заброшенным, неровным полем и — через дорогу — бесконечными трущобами, увенчанными дымом от стряпни и промышленными миазмами.

— Но иногда у людей просто нет выбора. Бывает, что город запускает в тебя свои когти и не отпускает.

— С нами такого не будет, — сказал Ом. — Мы только заработаем немного денег и вернемся.

Ишвар не хотел обсуждать планы на будущее, боясь погрязнуть в сомнениях.

— А чем ты занимаешься? — спросил он, желая сменить тему.

— Я брадобрей. Но уже давно бросил это дело. Сыт по горло капризами клиентов. То слишком коротко, то слишком длинно, то завиток недостаточно велик, то баки недостаточно широки — все не так. Каждый урод хочет выглядеть как киноактер. Поэтому я решил: хватит. С тех пор сменил много работ. А сейчас я сборщик волос.

— Хорошее дело, — неуверенно произнес Ишвар. — А в чем заключается работа?

— Собираю волосы.

— И что, за это платят?

— Это серьезный бизнес. За границей большая потребность в натуральных волосах.

— А что с ними делают? — с сомнением спросил Ом.

— Много чего. В основном носят. Иногда красят в разные цвета — рыжий, желтый, коричневый, синий. Иностранцы обожают носить чужие волосы. Особенно мужчины, если они лысые. За границей боятся облысеть. Они там такие богатые, что могут себе позволить обращать внимание на такие глупости.

— А как ты достаешь эти волосы? — спросил Ом. — Крадешь с людских голов? — В его голосе сквозила насмешка.

Раджарам добродушно рассмеялся.

— Хожу к уличным парикмахерам. За упаковку лезвий, за кусок мыла или гребешок мне разрешают забрать все срезанные волосы. В салонах волосы дают бесплатно, надо только чтоб я пол подмел. Идите сюда, в дом, и я покажу вам мой запас.

Раджарам зажег лампу, чтобы рассеять тьму внутри хижины. Пламя задрожало, потом замерло и окрасилось оранжевым цветом, осветив джутовые и пластиковые мешки, сложенные штабелями у стены.

— В мешках волосы от уличных парикмахеров, — сказал Раджарам, открывая один под любопытными взглядами портных. — Вот, видите, короткие волосы.

Портных не привлекло содержимое мешка, они держались в стороне, а Раджарам запустил внутрь руку и вытащил слипшийся, грязный ком.

— Волосы не длиннее двух-трех дюймов. Посредник платит двадцать четыре рупии за кило. Он говорит, что они идут только на изготовление химикалий и лекарств. А вот взгляните, что у меня есть в пластиковом мешке.

Развязав бечевку, он извлек из мешка горсть длинных локонов.

— Получил от женских парикмахеров. Красивые, правда? Это ценный товар. Для меня праздник, когда попадаются такие волосы. Те, что от восьми до двенадцати дюймов, берут за двести рупий за килограмм. А те, что длиннее двенадцати, — за шестьсот. — Раджарам дотронулся до собственных волос и натянул их, держа как скрипку.

— Так вот почему ты отпускаешь волосы?

— Естественно. Природой данный урожай подарит пищу моему желудку.

Ом погладил женские локоны без того отвращения, которое испытал при виде пучка коротких обрезков.

— Приятные на ощупь. Мягкие и гладкие.

— Когда мне попадаются такие волосы, я думаю о том, что хотел бы познакомиться с самой женщиной, — признался Раджарам. — Я лежу и мечтаю о ней ночами. Как она выглядит? Почему обрезала волосы? Ради моды? Или это было наказанием? Может быть, умер ее муж? Волосы отхватили, а с ними была связана целая жизнь.

— Должно быть, это волосы богатой женщины, — сказал Ом.

— Почему ты так думаешь? — спросил Раджарам с видом учителя, экзаменующего ученика.

— Из-за аромата. Они пахнут дорогим средством для волос. Бедная женщина не станет пользоваться кокосовым маслом.

— Верно. — И Раджарам одобрительно похлопал Ома по плечу. — По волосам о женщине можно многое узнать: здоровая она или больная, молодая или старая, богатая или бедная. Волосы все расскажут.

— О религии и о касте тоже, — прибавил Ом.

— И это верно. Ты мог бы работать сборщиком волос. Дай мне знать, если тебе надоест шить.

— Если б я мог ласкать эти волосы на самой женщине! Все волосы! От головы до пяток, и между ног тоже.

— А у него губа не дура, — сказал Раджарам Ишвару, который уже собирался дать племяннику по шее. — Но я профессионал. Признаюсь, что подчас, увидев женщину с длинными волосами, я сдерживаю себя, чтобы не пропустить их сквозь пальцы, не обмотать вокруг запястья. Но я должен контролировать себя. Пока парикмахер их не срезал, я могу только мечтать.

— Если б ты видел нашу хозяйку, точно бы размечтался, — сказал Ом. — У Дины Далал роскошные волосы. Возможно, ей нечего больше делать, как только мыть их, смазывать маслом,

расчесывать — словом, делать все, чтоб они выглядели прекрасно. — Он приложил локоны к виску и спросил, кривляясь: «Как я выгляжу?»

— Я хотел найти тебе жену, — сказал дядя. — Но, если пожелаешь, найдем тебе мужа. — Рассмеявшись, Раджарам забрал у Ома волосы и аккуратно положил их обратно в пластиковый мешок.

— Я вот подумал, — начал Ишвар, — может, у сборщика волос дело б шло успешнее в городе, вроде Ришикеша[60]? Или в городе, где много храмов, таких как Хардвар[61]? Там, где люди бреют головы и приносят их в дар всевышнему?

— Ты прав, — сказал Раджарам. — Но здесь свои трудности. Один мой знакомый, тоже сборщик волос, отправился на юг, в Тирупати[62]. Хотел проверить, как там все поставлено. И знаете, что он выяснил? Около двадцати тысяч человек ежедневно приносят в жертву свои волосы. Шестьсот парикмахеров работают по восемь часов в смену.

---

[60] Примечания: 60

Ришикеш — город в северной Индии, является мировой столицей йоги.

[61] Примечания: 61

Хардвар — один из семи священных городов индуизма.

[62] Примечания: 62

Тирупати — крупнейшее место паломничества в индуизме.

— Так это гора волос!

— Гора? Целые Гималаи. Но у такого агента, как я, нет никаких шансов их заполучить. Принесенную жертву брахманы уносят в священное хранилище. А каждые три месяца проводят аукцион, на котором экспортные компании скупают все.

— Не рассказывайте нам о брахманах и священниках, — сказал Ишвар. — Жадность высших каст хорошо известна в нашей деревне.

— Такое творится повсюду, — согласился Раджарам. — Хотелось бы встретить того, кто станет относиться ко мне как к равному. Просто как к человеку — ничего другого я не жду.

— Теперь ты можешь рассчитывать на наши волосы, — расщедрился Ом.

— Спасибо. Могу стричь вас бесплатно, если только вы не очень требовательны. — Раджарам отодвинул мешок с волосами и достал гребешок и расческу, предлагая сделать это немедленно.

— Не спеши, — остановил его Ом. — Сначала отращу волосы, как у тебя. Тогда ты и денег больше получишь.

— Нет уж, — сказал Ишвар. — Никаких длинных волос. Дине Далал не понравится длинноволосый портной.

— Одно ясно, — сказал Раджарам. — Сами волосы и потребность в них неисчерпаемы, и сбор волос всегда будет крупным бизнесом. — Когда мужчины снова вышли на свежий воздух, он прибавил: — Но иногда он приносит большие неприятности.

— Почему?

— Я вспомнил о волосе из бороды Пророка. Помните, несколько лет назад он исчез из мечети Хазратбал[63] в Кашмире?

— Я помню, — сказал Ишвар. — А вот Ом был тогда малышом, он ничего не знает.

— Так расскажи мне. Что случилось?

— А вот что, — начал Ишвар. — Однажды священный волос исчез, и поднялся большой скандал. Требовали отставки правительства и вмешательства в расследование крупных политических деятелей. Дело осложнялось тем, что кашмирцы настаивали на независимости.

— А дальше, после двух недель волнений и беспорядков, — прибавил Раджарам, — правительственная комиссия объявила, что священный волос найден. Но людей это не обрадовало — а что, если правительство дурачит нас, задавались

---

[63] Примечания: 63

Хазратбал — мечеть, одна из святынь индийских мусульман; по преданию построена как хранилище волоса пророка Мухаммеда.

они вопросом. А что, если подсунули обычный волос? Тогда правительство создало совет из ученых мулл, которые должны были вынести решение по этому вопросу. И только после их заключения, что волос подлинный, на улицах воцарилось спокойствие.

В воздухе повеяло дымом и запахом готовящегося ужина. Темноту разорвал громкий голос: «Шанти! Поторопись с дровами!» — и затем ответ девушки. Ом всмотрелся в темноту, это была она — та, что стояла в очереди с большим медным котелком. «Шанти», — повторил он тихо, сразу потеряв интерес к рассказу сборщика волос.

Раджарам привалил большой камень к двери хижины, чтобы ветер не мог ее распахнуть, и повел портных осматривать окрестности. Он показал им короткий путь на станцию через дыру в ограждении.

— Идите по канаве, пока не увидите большие рекламные щиты — «Масло “Амул”» и «Современный Хлеб». Этот путь сбережет вам по меньшей мере десять минут.

Сосед также предостерег об опасных трущобах, примыкающих к их полю.

— Большинство жителей там — нормальные люди, но по некоторым улочкам опасно ходить.

В этих местах могут ограбить и даже убить.

Дойдя до безопасной части поселения, Раджарам показал портным ларек, с хозяином которого он был знаком, здесь можно было выпить чаю и перекусить в кредит, расплатившись в конце месяца.

Поздно вечером, когда они сидели у хижины и курили, раздались звуки фисгармонии. Музыкант возвращался после работы и играл в свое удовольствие. Звуки инструмента в этом унылом окружении казались пением нежнейшей флейты. «Meri dosti mera pyar»[64], — пел музыкант, и эта песня о любви и дружбе смягчала едкий дым тлеющих костров.

Чиновника, заведующего продовольственными карточками, не было на месте. Полицейский сказал, что у начальника перерыв — он медитирует: «Приходите лучше в понедельник».

— Но мы в понедельник выходим на работу, — объяснил Ишвар. — А перерыв долго продлится?

Полицейский пожал плечами.

— Час, два, три — зависит от того, насколько перегружен его мозг. Господин говорит, что без перерыва он к концу дня потерял бы остатки

---

[64] Примечания: 64
Популярная индийская песня «Только ты».

разума. — Портные решили все-таки подождать и сели в очередь.

Должно быть, у чиновника случилась относительно легкая неделя, потому что он вернулся через полчаса, выглядел отдохнувшим и дал портным заполнить анкету для получения продовольственной карточки. Он сказал, что у дверей конторы сидят опытные специалисты, которые за небольшую плату заполнят за них анкету.

— Спасибо, но мы умеем писать.

— Вот как? — Чиновник почувствовал себя униженным. Он гордился своей способностью с первого взгляда оценивать просителей, ежедневно приходящих к нему — угадывать их происхождение, финансовое положение, образование, касту. Мышцы на его лице судорожно подернулись, несмотря на прошедшую медитацию. Грамотность портных подвергала сомнению его всеведение.

— Заполните анкету и верните мне, — раздраженно махнул он рукой портным.

Они вышли в коридор и, пристроившись у подоконника, стали заполнять бланки. На неровной поверхности шариковая ручка несколько раз проткнула бумагу. Портные попытались как-то улучшить положение, разгладив ногтями

неровности, а потом снова встали в очередь к чиновнику.

Тот быстро просмотрел анкету и высокомерно улыбнулся: писать они худо-бедно научились, но мысли излагали коряво. Он прочел их ответы и торжествующе остановился там, где надо было сообщать адрес.

— Что это за чепуха? — ткнул он в бумагу пожелтевшим от никотина пальцем.

— Это место, где мы живем, — ответил Ишвар. Он указал дорогу, ведущую к тому ряду хижин, что были на северной стороне, но оставил пустыми места, где должен стоять номер дома, квартиры и порядковый номер улицы.

— А где конкретно ваш дом? Назовите точный адрес.

Портные предоставили дополнительную информацию: ближайший перекресток, улицы, идущие на восток и запад от трущобы, железнодорожная станция, названия ближайших кинотеатров, большая больница, популярная кондитерская лавка, рыбный рынок.

— Хватит, достаточно. — сказал чиновник, прикрыв руками уши. — Не хочу слушать эту чепуху. — Он взял адресную книгу, перевернул несколько страниц и стал изучать карту. — Так я

и думал. Вы живете в джхопадпатти[65], так?

— Это просто на время.

— Джхопадпатти — это не адрес. По закону карточки даются только людям с настоящими адресами.

— Наш дом настоящий, — взмолился Ишвар. — Можете сами взглянуть.

— Мой осмотр ничего не даст. Главное — закон. А по закону ваше жилье не является настоящим. — Чиновник поднял стопку бланков, выровнял по размеру и бросил их на прежнее место, где они, упав, подняли облачко пыли. — Но есть еще возможность получить продовольственную карточку, если вам интересно.

— Да, конечно. Все подойдет.

— Если вы согласитесь на вазэктомию, с карточками не будет никаких проблем.

— Вазэктомию?

— Ну, вы знаете, это по линии ограничения рождаемости. Нусбандхи — по-нашему.

— Мне это уже сделали, — солгал Ишвар.

— Покажите мне СПС.

— СПС?

— Свидетельство Планирования Семьи.

---

[65] Примечания: 65

Джхопадпатти — незаконные поселения (трущобы), их могут сносить хоть каждый месяц.

— Но у меня его нет. — Немного подумав, Ишвар прибавил: — У меня в деревне сгорел дом. Все потеряно.

— Никаких проблем. Доктор сделает операцию еще раз, и вам выдадут новое Свидетельство.

— Ту же операцию дважды? Разве это не вредно?

— Многие делают ее дважды. Это выгодно. Дают два транзистора.

— А зачем мне два радио? — улыбнулся Ишвар. — Слушать разные станции? Каждым ухом — свое?

— Если уж ты так боишься пустяковой операции, отправь на нее вот этого молодого человека. Мне достаточно одного свидетельства о стерилизации.

— Но ему только семнадцать! Ему нужно еще жениться, родить детей.

— Как знаете.

Ишвар вышел от чиновника злой как черт. Ом торопливо последовал за дядей, чтобы успокоить его: Ишвар кипел от ярости, его взбесило гадкое, богохульное предложение. Никто на них не обращал внимания: коридор был забит людьми, которые, как Ишвар, сбитые с толку и потерянные, пытались решить свои дела в пра-

вительственных учреждениях. Каждый выражал свои чувства по-своему. Кто-то рыдал, кто-то истерически хохотал, доведенный до отчаяния бюрократическим абсурдом, а некоторые стояли лицом к стене и что-то бормотали, предчувствуя недоброе.

— Стерилизация, говорит, — возмущался Ишвар. — Бессовестный ублюдок! Предлагать такое молодому парню! Подрезать бы ему самому кое-что, пока он медитирует! — Ишвар промчался по коридору, потом по лестнице и через главный ход выбежал на улицу. При виде взволнованного мужчины с деревянной скамеечки на тротуаре поднялся плюгавый человек, похожий на служащего и поздоровался с ними. На нем были очки, белая рубашка, на циновке перед скамейкой лежали писчебумажные принадлежности.

— У вас проблемы? Могу я помочь?

Мужчина дотронулся до плеча Ишвара, тем самым остановив его и заставив выслушать.

— Я тут посредник. Моя работа в том, чтобы помогать людям вести дела с правительственными органами. — У мужчины был насморк, и, произнося эти слова, он шмыгал носом.

— Так вы работаете на правительство? — подозрительно спросил Ишвар, указывая на здание,

откуда они вышли.

— Вовсе нет. Я работаю на вас и на себя. Помогаю разобраться в том, что трудно понять из правительственных законов. Отсюда и звание — посредник. Свидетельства о рождении, свидетельства о смерти, разрешение на брак, разные пропуска и справки об уплате пошлин — все это я могу устроить. Вы просто говорите, что вам нужно, и я добиваюсь результата. — Мужчина снял очки, улыбнулся исключительно приветливо, но улыбку тут же стерла с его лица оглушительная серия из шести громких чиханий. Портные отпрыгнули, чтобы на них не попали брызги.

— Господин посредник, нам нужна всего лишь продовольственная карточка. А тот тип хочет в обмен на нее отнять наше мужское достоинство. Ничего себе выбор — еда или мужественность.

— Понимаю. Ему надо СПС.

— Да, он так это называл.

— Видите ли, с тех пор как ввели чрезвычайное положение, в департаменте новое правило: каждый чиновник должен уговаривать граждан на стерилизацию. Если он не отработает отведенную ему квоту, повышение ему не светит. Что тут поделаешь, бедняга тоже в ловушке, разве не так?

— Но это несправедливо по отношению к нам!

— Поэтому я сижу здесь. Укажите, какие имена нужно внести в продовольственную карточку — но не более шести, и напишите любой адрес. Это будет стоить всего двести рупий. Сто сейчас, сто — по результату.

— Но у нас нет столько денег.

— Будут деньги, приходите, — сказал посредник. — Я всегда здесь сижу. Пока существует правительство, работа у меня никогда не кончится. — И высморкавшись, мужчина вернулся на свое место.

* * *

Избрав короткий путь, предложенный Раджарамом, портные пошли вдоль платформы к исхоженному гравиевому спуску, провожая взглядом отошедший от станции и исчезавший в вечерних сумерках поезд.

— Усталый конь, почуяв стойло, бежит быстрее, — сказал Ишвар, и Ом согласно кивнул.

Они отработали первый день у Дины Далал и теперь, уставшие после десяти часов непрерывного стука швейной машины, шли среди устремленных к домашнему очагу людей и наслаждались вместе с ними этим священным переходом от усталости к надежде. Скоро насту-

пит вечер, и они, позаимствовав у Раджарама примус, приготовят себе ужин. Потом будут строить планы и грезить о прекрасном будущем, пока не придет время снова идти утром на поезд.

Платформа заканчивалась покатым спуском туда, где у рельсов был насыпан гравий. Здесь в длиннющей чугунной ограде один из заостренных пиков, и без того разъеденный коррозией, был окончательно свернут человеческими руками.

Толпа мужчин и женщин медленно просачивалась сквозь зияющее отверстие далеко от выхода, где стояли контролеры. Другие, с резвостью безбилетников, бежали дальше по рельсам, больно раня на насыпи из гравия босые или почти босые ноги. Они бежали между рельсов, прыгая с одной обветшалой шпалы на другую, и только на безопасном расстоянии от станции перемахивали через забор.

Хотя у Ома был билет, душа его рвалась совершить такой же прыжок к свободе. Будь он один, обязательно присоединился бы к ним. Он искоса взглянул на дядю, который был ему больше чем дядя и которого он никогда не смог бы бросить. Торчащие пики забора казались в темноте проржавевшим оружием некой призрачной армии.

А безбилетники — древним войском, прорвавшим оборону противника и теперь парящим над пиками, словно ему нет нужды возвращаться на землю.

Неожиданно из темноты материализовался отряд усталых полицейских и окружил толпу у дыры. Несколько полицейских без особого энтузиазма пустились вслед за лихачами, прыгающими через забор. Лишь один инспектор действовал энергично и, размахивая тростью, выкрикивал приказания, приободряя подчиненных.

— Всех перехватить! Живей! Живей! Живей! Никто не должен сбежать! Назад, на платформу, мошенники! Эй, ты! — указал он тростью на одного. — Остановись! Мы покажем вам, как ездить без билетов!

Попытки портных объяснить кому-нибудь, что билеты у них есть, потонули в общем гвалте.

— Послушайте, офицер, мы просто выбрали кратчайший путь, — умоляли они ближайшего полицейского, но их оттеснили вместе с остальными. Контролер укоряющее погрозил пальцем уныло тащившимся мимо пленникам.

Нарушителей запихнули в полицейский грузовик. Самых последних втиснули внутрь с помощью заднего откидного борта.

— Нам конец, — сказал кто-то. — Я слышал, во время чрезвычайного положения, проезд без билета карается недельным тюремным заключением.

Целый час они сидели без движения, обливаясь потом в грузовике, пока инспектор занимался какими-то делами в кассе. Затем грузовик тронулся по дороге от станции, за ним следовал джип инспектора. Через десять минут грузовик остановился на пустыре, и задний борт откинули.

— Вылезай! Все наружу! Быстрей! Быстрей! Быстрей! — кричал инспектор, у которого была явная склонность к утроению, и стегал тростью по шине.

— Мужчины — направо, женщины — налево!

Образовались две группы по шесть рядов в каждой.

— Внимание! Хватайтесь за уши! Валяйте! Хватайтесь! Хватайтесь! Хватайтесь! Чего вы ждете? А теперь сделайте пятьдесят приседаний! Раз! Два! Три! — Инспектор ходил между рядами, наблюдая, чтобы никто не отлынивал, и продолжал считать. Время от времени он резко поворачивался, чтобы проверить, все ли идет, как надо, и, если видел, что кто-то недостаточно низко приседает или отпустил уши, стегал таких тростью.

— ...сорок восемь, сорок девять, пятьдесят! Достаточно! И если еще раз попадетесь, я заставлю вас вспомнить своих бабушек. А теперь марш по домам! Расходитесь! Чего вы ждете? По домам! По домам! По домам!

Толпа быстро рассосалась, отпуская шуточки по поводу наказания и самого инспектора.

— Раджарам — глупец, — сказал Ом. — Теперь никогда не буду его слушать. Сказал, что получить продовольственную карточку просто. Идти коротким путем — сэкономить время!

— Да ладно, ничего не случилось! — добродушно сказал Ишвар, хотя заварушка на станции и его сильно напугала. — Смотри, полицейские сократили нам путь, мы почти в поселке.

Портные перешли дорогу и продолжили путь к баракам. Показался знакомый щит, но теперь уже с другим плакатом.

— Что случилось? — сказал Ом. — Куда подевались «Современный хлеб» и «Масло “Амул”»?

Вместо них на щите был портрет премьер-министра с призывами: «Железная воля! Усердный труд! В этом наше спасение!» Именно этот портрет красовался почти на всех городских плакатах. Щеки премьера были того ярко-розового цвета, который любят использовать на киноафишах.

Остальные детали портрета несли еще большие погрешности. От взгляда возникал зуд во всем теле, вызывая непреодолимое желание почесаться. Не была достигнута и цель художника — изобразить добрую улыбку, вместо этого на губах премьера застыла презрительная усмешка, в которой было что-то от суровости инструктора по строевой подготовке. А всем знакомая падающая на лоб седая прядь выглядела на черных волосах как помет очень крупной птицы.

— Взгляни, Ом. Когда ты сердишься, у тебя такое же кислое выражение лица.

Ому сначала польстило сравнение, а потом он рассмеялся. Вознесенное над землей властное лицо посылало холодное предупреждение громыхавшим по одну сторону поездам, а по другую — быстро катившим в облаках выхлопных газов автобусам и автомобилям. Портные устало потащились дальше — к барачному поселку.

Не успели они отпереть дверь, как тут же объявился сборщик волос.

— Ну, вы припозднились, шалуны, — пожурил он портных.

— Но…

— Да ладно. Я не в обиде. Это все временные трудности. Сейчас подогрею еду. Я выключил

примус — овощи стали подсыхать. — Он на минуту скрылся в хижине и вернулся со сковородой и тремя тарелками. — Бхаджи[66] и чапати. И масала вада[67] собственного изобретения с манго чатни[68]. Надо же отметить ваш выход на работу.

— Столько хлопот из-за нас! — сказал Ишвар.

— Ничего особенного.

Раджарам быстро подогрел сковороду и раздал тарелки с аккуратно разложенными по кругу четырьмя видами еды. На сковороде осталось еще много овощей.

— Ты слишком много приготовил, — сказал Ишвар.

— Сегодня я заработал больше обычного, потому и купил столько овощей. И для них тоже. — И Раджарам локтем указал на еще одну лачугу. — У этого пьяницы дети всегда голодные.

Во время ужина портные рассказали о полицейской облаве на безбилетников. Приготовленный

---

[66] Примечания: 66

Бхаджи — индийское овощное блюдо с луком.

[67] Примечания: 67

Масала вада — индийские пончики разного состава.

[68] Примечания: 68

Манго чатни — индийская кисло-сладкая фруктово-овощная приправа.

специально для них вкусный ужин изменил настрой Ома, и он рассказал об этом неприятном случае как о приключении.

Раджарам драматическим жестом приложил руку ко лбу.

— Какая глупость с моей стороны — я совершенно забыл вас предупредить. Просто облав не было много месяцев. — И он снова хлопнул себя по лбу. — Некоторые ездят всю жизнь без билета. А вас схватили в первый же день. Да еще и с билетами, — засмеялся он.

Оценив юмор ситуации, Ишвар и Ом тоже рассмеялись.

— Просто не повезло. Может, это связано с введением чрезвычайного положения.

— Все это сплошная показуха. Если введены строгие меры, тогда почему инспектор всех отпустил?

Пережевывая пищу, Раджарам задумался, потом принес всем по стакану воды.

— Может быть, у них не было выбора. Насколько я знаю, тюрьмы забиты врагами премьер-министра — профсоюзными деятелями, журналистами, учителями, студентами. В тюрьмах может не быть места.

Они все еще обсуждали этот инцидент, когда от

колонки послышались радостные крики. В кране что-то забулькало! В такое позднее время! Затаив дыхание, люди смотрели на трубу. Скатилось несколько капель. Потом потекла тоненькая струйка. Все восторженно приветствовали вырвавшуюся наружу воду, как приветствуют победителя скачек. А струя набирала силу, и вот уже из крана хлынул поток. Чудо! Жители аплодировали и кричали от радости.

— Один раз такое уже было, — сказал Раджарам. — Наверно, водопроводчик ошибся и открыл не тот клапан.

— Хорошо бы ему почаще ошибаться, — заметил Ишвар.

Женщины с детьми на руках побежали к колонке, чтобы воспользоваться такой удачей. Малыши визжали от восторга от прохладной воды, стекавшей по их липкой коже. Дети постарше весело прыгали вокруг и пускались в немыслимые пляски, предвкушая настоящий душ вместо скудной кружки воды утром.

— Может, нам тоже не мешает запастись, — предложил Ом. — Тогда не будем тратить время утром.

— Нет, — сказал Раджарам. — Пусть дети порадуются. Кто знает, когда им выпадет снова

такой шанс.

Праздник продолжался меньше часа — поток воды остановился так же внезапно, как и начался. Заранее намыленных детей пришлось вытереть и отправить спать глубоко разочарованными.

За следующие две недели владелец поселка построил в поле еще пятьдесят лачуг, которые Навалкар через день уже сдал и сразу удвоил население. Теперь зловонный запах с канавы постоянно витал над хижинами, перекрывая даже запах дыма. Между небольшим барачным поселком и широко раскинувшимися через дорогу трущобами почти не было разницы — ад был повсюду. Утренняя суета у колонки превратилась во враждебное противостояние. Все чаще слышались обвинения в несоблюдении очереди, люди толкали и пихали друг друга, завязывались драки, переворачивались котелки, визжали матери, вопили дети.

Начался сезон дождей, и в первую же ночь портных разбудила льющаяся на них с потолка вода. Сухим в хижине остался только один угол, куда они и забились. Вода непрерывным потоком изливалась рядом, и вскоре они впали в дремоту. Потом дождь пошел на убыль. Но из места протечки продолжало капать. Ом стал мысленно

считать всплески. Досчитал до сотни, потом до тысячи, до десяти тысяч — он считал, складывал, пересчитывал, словно надеялся, что какая-нибудь огромная цифра остановит капание.

В результате они совсем не выспались. Утром Раджарам забрался на крышу, чтобы осмотреть железо, и помог портным положить кусок пластика на проблемное место, но куска, к сожалению, не хватило.

В конце недели Ишвар, воодушевленный полученным от Дины Далал вознаграждением, запланировал поход в магазин с тем, чтобы купить большой кусок пластика и другие необходимые вещи.

— Что скажешь, Ом? Теперь сможем сделать наше жилище более удобным, как думаешь?

Предложение было встречено угрюмым молчанием. Портные остановились около уличной лавки, торгующей полиэтиленовыми мисками, контейнерами и столовой посудой.

— Ну, какого цвета возьмем тарелки и чашки?

— Мне все равно.

— А полотенце? Может, вот это желтое с цветочками?

— Как хочешь.

— Давай купим тебе новые сандалии?

Снова ответ «как хочешь». У Ишвара лопнуло терпение.

— Что с тобой происходит? У Дины-бай ты все время ошибаешься и споришь. Шить тебе, похоже, стало не интересно. Что тебя не спросишь, ответ один: мне все равно. Возьми себя в руки, Ом, возьми себя в руки.

Ишвар сократил поход по магазинам, и они вернулись домой с двумя красными пластиковыми ведрами, примусом, пятью литрами бензина и пачкой жасминных агарбатти[69].

Впереди послышались знакомые «бум-бум, бум-бум» — звуки ручного барабана хозяина обезьян. При движении его руки трещотка подпрыгивала на запястье. Он не думал собирать зрителей — просто возвращался с питомцами домой. Одна из бурых обезьянок пристроилась у него на плече, другая равнодушно плелась позади. Собака без всякого присмотра шла за ними на некотором расстоянии и, фыркая, жевала газету, в которую когда-то заворачивали что-то съестное. Хозяин свистнул, позвал: «Тикка!» — и дворняжка подбежала к ним.

Обезьяны стали дразнить Тикку — трепали за

---

[69] Примечания: 69
Агарбатти — самый бюджетный вариант индийских благовоний.

уши, дергали за хвост, щипали половой член. Эти издевательства пес выносил со стоическим достоинством. Он получил передышку, только когда внимание обезьян привлекло красное пластиковое ведро в руках Ома. Желая узнать, что это такое, обезьянки запрыгнули в него.

— Лайла! Маджно! Назад! — крикнул хозяин, натягивая поводки. Их головки то и дело подпрыгивали над краем ведра.

— Ничего, — сказал Ом, любуясь их шаловливыми выходками. — Пусть резвятся. Наверно, наработались за день.

Теперь они вместе — портные, хозяин обезьян и его животные — шли к поселку под гипнотический стук барабана «бум-бум». Лайле и Маджно ведро вскоре наскучило, и они стали приставать к Ому — лезли на плечи или на голову, висели на руках, цеплялись за ноги. Юноша смеялся всю дорогу, и Ишвар улыбался от радости.

Но после расставания с обезьянами веселость Ома сразу пропала. Он снова погрузился в уныние и бросал полные отвращения взгляды в сторону Раджарама, разбиравшего и сортировавшего на улице мешки с волосами. Небольшие черные холмики выглядели как сборище косматых человеческих голов.

Увидев нагруженных покупками соседей, Раджарам их поздравил:

— Радостно видеть, что вы ступили на путь к процветанию.

— Разуй глаза. Где ты видишь путь к процветанию? — рявкнул Ом и, войдя в хижину, стал раскатывать постель.

— Что это с ним? — спросил обиженный Раджарам.

— Думаю, просто устал. Слушай, сегодня ты ужинаешь с нами. Надо обмыть новый примус.

— Разве я могу отказать дорогим друзьям?

Ужин они стряпали вдвоем, и позвали Ома, когда все было готово. Во время еды Раджарам спросил, не дадут ли друзья ему в долг десять рупий. Просьба удивила Ишвара. Ему казалось, что сборщик волос неплохо зарабатывает своим ремеслом — ведь последние две недели он с таким энтузиазмом о нем рассказывал.

Раджарам заметил сомнение на его лице и прибавил:

— Я верну деньги через неделю, не волнуйтесь. Бизнес сейчас идет плоховато. Но в женскую моду начинает входить новый стиль. Все станут обрезать косы. И длинные локоны сразу упадут мне в руки.

— Хватит уже о волосах, — сказал Ом. — Меня от этого тошнит. — После ужина он не остался курить и болтать с мужчинами, сослался на головную боль и пошел спать.

Его дядя пришел через час и остановился за спиной Ома, глядя на племянника: «Бедный мальчик, сколько ему пришлось пережить!» Наклонившись над ним, Ишвар увидел, что Ом лежит с открытыми глазами.

— Ом? У тебя голова болит?

— Нет, — простонал Ом.

— Потерпи, Ом, все будет хорошо. — Желая приободрить юношу, Ишвар прибавил: — Наконец счастье нам улыбнулось. Все будет хорошо.

— Как у тебя язык поворачивается нести такую чепуху? Мы живем в грязной, вонючей лачуге. Работа ужасная. Дина-бай следит за нами как стервятник, постоянно пристает, учит, когда нам есть, а когда отрыгивать.

Ишвар вздохнул: племянник ушел в безысходную тоску. Он зажег две палочки агарбатти.

— Сейчас наш дом наполнится ароматом. Постарайся выспаться, голова к утру пройдет.

Поздно вечером, когда стихла фисгармония и перестала лаять Тикка, из хижины сборщика волос продолжали слышаться голоса, они ме-

шали Ому спать. У него кто-то был. Захихикала женщина, засмеялся Раджарам. Потом мужчина тяжело задышал, и из-за фанерной стены донеслись мучительные для Ома звуки. Он мысленно представил себе этих двух — мужчину и женщину — обнаженными, среди зловещих мешков с волосами, в эротических позах, которые так соблазнительно выглядят на киноафишах. Вспомнилась встреча у колонки с Шанти, ее чудесные, блестящие волосы, ее груди, обтянутые блузкой, когда она поднимала на голову большой медный котелок, и он подумал о том, чем они могли бы заниматься в кустах у железной дороги. Дядя уже крепко спал. Ом встал, подошел к фанерной стенке и стал мастурбировать. Женщина как раз выходила от соседа. Пока она не скрылась, Ом прятался в тени.

Он уснул после полуночи, но его вскоре разбудили истошные вопли. На этот раз проснулся и Ишвар.

— Рама Всемогущий! — воскликнул он. — Это что такое?

Выйдя наружу, они наткнулись на Раджарама, у того на губах блуждала довольная улыбка. Ом бросил на него взгляд, в котором были и зависть, и отвращение. Поблизости люди повыскакивали

из своих лачуг. Потом кто-то сказал, что рожает женщина, и все вернулись к себе досыпать. Через какое-то время крики затихли.

На следующий день им сказали, что под утро родилась девочка.

— Пойдем, поздравим родителей, — предложил Ишвар.

— Иди, если хочешь, — хмуро отозвался Ом.

— Не расстраивайся так, — Ишвар взъерошил племяннику волосы. — Я найду тебе жену, обещаю.

— Себе ищи, — огрызнулся Ом. — Мне никто не нужен. — Отойдя от дяди, он взял лежащий на ящике гребешок и причесал взлохмаченные волосы.

— Приду через две минуты — и сразу на работу, — сказал Ишвар.

Ом сидел в дверях, перебирая в руках лоскуток шифона, который вчера подобрал с пола у Дины Далал и потихоньку сунул в карман. Как приятен он на ощупь — так и струится меж пальцев, почему жизнь не может быть такой же нежной и ласковой? Проводя лоскутом по щеке, Ом в то же время следил, как дети пьяницы затеяли новую игру — они бегали и катались в пыли, дожидаясь, когда мать поведет их попрошайничать.

Один из них нашел необычной формы камень и хвастался перед остальными. Потом они стали преследовать ворону, которая нацелилась на какую-то гнилую снедь. Храбрая ворона не хотела улетать, она двигалась, подпрыгивала, ходила кругами, но каждый раз возвращалась к гнилому лакомству, чем очень веселила детей. «Как могут они радоваться — такие грязные, почти голые, голодные, с изъязвленными личиками и сыпью на коже? — думал Ом. — Разве можно звонко смеяться в таком гиблом месте?»

Сунув шифон в карман, он пошел к хижине человека с обезьянами. Лайла занималась туалетом Маджно, и Ом, удобно расположившись, наблюдал за ними. Но уже через минуту обезьянки запрыгнули ему на плечи и стали нежными детскими пальчиками перебирать его волосы.

Ом этому не противился. Хозяин обезьян улыбался и не отзывал малышек.

— Они и со мной такое проделывают, — сказал он. — Значит, ты им нравишься. Хороший способ держать волосы в чистоте.

Лайла что-то отыскала в волосах Ома и стала это внимательно рассматривать, однако Маджно отнял у нее забаву и засунул себе в рот.

Ом выбрал черный «геркулес» в прокатном

центре недалеко от дома Дины Далал. У велосипеда был внушительный багажник над задним колесом и большой блестящий звонок на руле.

— Зачем тебе понадобился велосипед? — не понимал Ишвар. Ом хитро улыбался, глядя, как работник гаечным ключом устанавливает по росту сиденье.

— Прошел месяц, как мы работаем на нее, — сказал Ом. — Это большой срок. И у меня созрел план. — Проверив пальцами, хорошо ли накачаны шины, он остался доволен и выкатил велосипед на главную улицу. — Сегодня ей надо везти товар на фирму, ведь так? И я собираюсь ехать на велосипеде за деньги, выданные на такси. — Легко перекинув ногу через раму, Ом покатил по улице.

— Будь осторожен, — сказал Ишвар. — Здесь движение не такое, как на нашей деревенской дороге. — Идя по краю тротуара, он ускорил шаг, чтобы не отстать от племянника. — План не плох, но ты забыл одну вещь — замок на двери. Как ты выберешься из квартиры?

— Со временем узнаешь.

В прекрасном настроении Ом ехал рядом с дядей. Щиток от грязи дребезжал, тормоза были недостаточно упругими, зато звонок работал

превосходно. «Дзын-дзын» — оглушительно звенел он под его большим пальцем. «Дзын-дзын!» Преисполненный уверенности в себе, Ом лихо сновал среди автомобилей на своем музыкальном велосипеде, колеса которого, считал он, помогут обрести ему достойное будущее.

Ишвар вздохнул с облегчением, когда племянник снова приблизился к тротуару. План был абсурдным, но его радовало, что Ом повеселел. Юноша еле сдерживался, чтобы не рвануть вперед — крутил из стороны в сторону руль и время от времени тормозил. Балансируя в седле на малой скорости, он словно исполнял сложный танец. «Кураж скоро пройдет, — с надеждой подумал Ишвар, — племянник позабудет свои вздорные идеи и с прежним пылом будет шить одежду для Дины».

Ом предложил дяде сесть на багажник. Тот сел боком, свесив ноги. Они поехали, но сандалии Ишвара то и дело шаркали по мостовой. В Оме бурлил оптимизм, выливаясь в задорном «дзин-дзин» звонка. На какое-то время мир стал казаться ему прекрасным.

Вскоре портные подкатили к тому углу, где просил милостыню нищий на платформе. Они остановились, чтобы бросить ему монетку. Та

громко звякнула, упав в пустую банку.

Велосипед укрыли недалеко от дома Дины Далал — в затянутом паутиной лестничном колодце, пропахшем мочой и самогоном, и прикрепили цепью к пустой газовой трубе. Наружу они выбирались, пытаясь отчиститься от невидимых, тончайших нитей, прилипших к рукам и лицам. Призрачная паутина еще какое-то время мешала им. Руки сами тянулись ко лбу и шее, чтобы избавиться от того, чего там уже не было.

Укладывая платья для передачи на «Оревуар экспортс», руки Дины порхали, как игривые бабочки. Она просмотрела бумажные выкройки, чтоб убедиться, что все они на месте. Менеджер особенно беспокоилась о судьбе выкроек. «Берегите их как зеницу ока, — постоянно напоминала миссис Гупта. — Если они попадут в чужие руки, моему бизнесу конец».

Дина считала это преувеличением. Тем не менее, сортируя по группам детали одежды — лифы, рукава, воротнички, вырезанные из коричневой бумаги, она не могла избавиться от мысли, что в опасности ее собственная грудь, плечи и шея. С некоторых пор она чувствовала надменность миссис Гупта по отношению к ней, как будто та пришла к заключению, что Дина ей не ровня.

Теперь она не приподнималась из-за стола, чтобы встретить или проводить Дину, не предлагала ей ни чая, ни «Фанты».

Ее пальцы опять нервно потянулись к уже сложенным платьям. Она вытащила несколько на проверку, осмотрела швы, обметку. Пропустит ли миссис Гупта эту партию? Будут ли претензии? А эти, шившие прежде как ангелы, портные, похоже, спустились с небес: в их работе теперь часто сквозила небрежность.

Ом наблюдал со своего места за этим еженедельным нервозным приступом хозяйки. Все его мысли были поглощены одним — не прозевать бы момент.

И вот он наступил.

Дина защелкнула сумочку.

Ом всадил ножницы в указательный палец левой руки.

Его пронзила боль, оказавшаяся сильнее, чем он думал. Ому казалось, если чего-то ждешь, то переносишь это не так остро — так бывает, когда предчувствуешь удовольствие. Кровь взмыла ярко-алым фонтанчиком, забрызгав ткань.

— О боже! — воскликнула Дина. — Что ты натворил? — Она схватила с пола клочок ткани и прижала к ране. — Подними руку и держи, или

кровь пойдет сильнее.

— О боже! — воскликнул Ишвар, вытаскивая запачканную одежду из-под прижимной лапки «зингера». Только он решил, что племянник пошел на поправку, и вот на тебе! Тот просто помешался на желании узнать адрес фирмы, и в этом нет ничего хорошего.

— Поскорей замочи платье в ведре, — сказала Дина. Она достала из аптечки раствор бензоиновой смолы и обильно смочила палец. Рана оказалась не такой серьезной, как ей показалось из-за обилия крови. Почувствовав облегчение, Дина стала бранить юношу.

— Неосторожный мальчишка! О чем ты думал? Где была твоя голова? Ты такой худой — тебе нельзя терять много крови. А в твоих движениях столько раздражения, столько торопливости!

Все еще потрясенный результатом своих действий, Ом вяло отругивался. Ему нравился острый запах золотисто-коричневой жидкости на пальце. Когда кровь остановилась, Дина крепко забинтовала ранку.

— Из-за твоего пальца я опаздываю. Теперь менеджер будет огорчена. — Она не упомянула о стоимости запачканного кровью платья. Прежде чем заводить такой разговор, надо понять, можно

ли его спасти. Дина поднесла сверток с платьями к двери и взяла в руки замок.

— Здорово болит, — пожаловался Ом. — Мне надо к доктору.

И тут Ишвар понял: история с ножницами была частью глупого плана племянника.

— Зачем тебе доктор? Не будь ребенком, — сказала Дина. — Держи палец вверх, и все будет в порядке.

Ом сморщился, изображая страшную боль.

— А что, если мой палец сгниет и отвалится? Это останется на вашей совести.

Дина подозревала, что его просьба сводится к желанию увильнуть на какое-то время от работы, но все же ее охватили сомнения.

— Пожалуйста, иди, если хочешь, — отрывисто бросила она.

Дина чувствовала, что ей тяжело с этими людьми, которые неряшливо работают, задерживают заказы, они душевно опустошали ее. Раньше или позже миссис Гупта обязательно расторгнет их договор. Вопрос в том: что Дина потеряет раньше — портных или здоровье? Она представила себе два подтекающих крана — на одном написано Деньги, на другом — Здоровье. Из обоих кранов капало одновременно.

«Какое счастье, что завтра приезжает Манек Кохлах! По крайней мере, можно рассчитывать на деньги за оплату полного пансиона».

Ом с поднятым пальцем стоял в стороне и ждал, когда Дина сядет в такси. Затем, вдохновленный успешным началом, стремглав понесся к тайнику.

Когда Ом отцепил велосипед и вывел его на улицу, такси уже не было видно. Выехав на боковую улицу, он увидел его — автомобиль стоял у светофора. Ом подъехал ближе, их разделяли только две машины. Теперь надо не потерять ее из вида и не дать себя заметить. Ом то прибавлял, то уменьшал скорость, лавировал между автобусами, менял полосы, словно настоящий гонщик. Водители раздраженно сигналили. Люди кричали ему вслед и угрожающе жестикулировали. При всем желании он не мог на них реагировать: все его внимание было сосредоточено на такси.

Он не сомневался, что выследит хозяйку до конца, и весь дрожал от волнения. Странное ощущение — возбужденное состояние охотника, смешанное с тревожным трепетом жертвы.

Улица, по которой он ехал, слилась с центральной магистралью, движение стало напряженным, беспорядочным — с таким он еще не встречался.

Ом тяжело дышал, боясь крушения своих планов. Такси он несколько раз терял из виду, потом снова находил, оно ускользало все дальше. Улица кишела множеством таких же желтых с черным «фиатов», а торчащие с левой стороны объемистые счетчики только усложняли задачу.

Сбитый с толку, Ом начал нервничать. Короткая утренняя поездка со станции не подготовила его к безумию дневного автомобильного движения. Одно дело — видеть сонных, апатичных хищников в зоопарке, а другое — наткнуться на них в джунглях. Совершив последнюю отчаянную попытку вырваться вперед, он оказался зажатым между двумя машинами и был немедленно сбит.

С тротуара послышались крики прохожих.

— О боже! Несчастный юноша погиб!

— Задавили до смерти!

— Осторожно, у него могут быть переломы!

— Держите шофера! Не дайте ему скрыться! Врезать этому негодяю!

Стыдясь, что привлек к себе такое внимание, Ом встал, волоча за собой велосипед. Он отделался всего лишь ободранным плечом и синяком на колене.

Теперь настал черед шофера. С решительным видом он вылез из машины, где только что сидел,

съежившись от страха.

— Где у тебя глаза? — закричал он. — На затылке? Не видишь, куда едешь? Портишь чужую собственность!

Подошедший полицейский проявил особое внимание к пассажирам в машине.

— Все в порядке, господин?

Ом смотрел на происходящее изумленно и испуганно. Может тех, по чьей вине происходит авария, сажают в тюрьму? Палец сильно дергало, он снова кровоточил.

Мужчина в коричневато-желтом костюме «сафари», удобно расположившийся на заднем сиденье, вытащил бумажник. Он вручил полицейскому деньги, а потом знаком подозвал к окну шофера. Тот что-то сунул Ому в руки.

— А теперь проваливай! И будь осторожней, а то еще убьешь кого-нибудь! Разуй глаза!

Ом взглянул на то, что лежало в его дрожащих руках — пятьдесят рупий.

— Поторопись, бестолочь! — заорал полицейский. — Бери свой велосипед и прочь с дороги! — А отъезжающих страж порядка проводил своим фирменным вип-салютом.

Ом подвел велосипед к тротуару. Руль свернуло, щиток от грязи громыхал больше обычного.

Стряхнув пыль с брюк, он внимательно осмотрел грязные пятна на отворотах.

— Сколько он тебе дал? — спросил кто-то из толпы.

— Пятьдесят рупий.

— Ты слишком быстро встал, — сказал мужчина, неодобрительно покачав головой. — Никогда не вставай так быстро. Лежи себе и постанывай. Требуй доктора, скорую помощь, визжи, кричи и все такое. Тогда тебе перепало бы не меньше двухсот. — Мужчина рассуждал как профессионал, о его высокой квалификации говорило и искривленное плечо.

Ом положил деньги в карман. Зажав коленями переднее колесо, он с усилием выпрямил руль и повел велосипед в обратную сторону, оставив толпу и дальше судачить о случившемся.

Возвращаться на рабочее место не было смысла: на двери висел замок — темный и тяжелый, как утраченная мошонка вола. Рано сдавать велосипед тоже не хотелось — он внес плату за день. Ом пожалел, что утром не послушался дядю. Но план представлялся отличным, приносящим в конце успех — ослепительный, как солнечный свет, играющий на руле велосипеда. Воображение — опасная штука.

Отведя велосипед подальше от улиц с опасным движением, юноша сел в седло и поехал в сторону моря. Теперь, когда не было нужды ни прятаться, ни догонять, он просто наслаждался поездкой. У школы его внимание привлек звон колокольчика продавца сахарной ваты. Ом остановился и украдкой глянул на стеклянный контейнер, свисавший на ремне с плеча мужчины — сквозь прозрачное стекло виднелись розовые, желтые и голубые пушистые комочки.

— Сколько стоит?

— Двадцать пять пайс. Или сыграй в лотерею за пятьдесят пайс — можно выиграть от одного до десяти шариков.

Ом заплатил и запустил руку в пакет из коричневой, оберточной бумаги. На бумажке стояла цифра 2.

— Какого хочешь цвета?

— Один розовый, один желтый.

Продавец откинул круглую крышку и полез за шариками.

— Нет, не тот. Соседний, — сказал Ом.

Нежный сладкий комок быстро растаял во рту. «Наверняка, у него есть розовый шарик побольше», — подумал он, с удовлетворением вынимая десять рупий из хрустящей пачки из пяти оди-

наковых банкнот. Прежде чем взять деньги, продавец вытер пальцы о ремень. Ом положил сдачу в карман и продолжил путь к морю.

На берегу он остановился и прочел надпись, высеченную на пьедестале высокого памятника из черного камня. Она гласила, что памятник поставлен Стражу Демократии. Ом знал об этом человеке из уроков истории, когда проходили Борьбу за Независимость. На фотографии в учебнике «страж» выглядел лучше, чем его изваяние на берегу. Прислонив велосипед к пьедесталу, Ом расположился в тени от памятника. Пьедестал обклеивали плакаты, восхвалявшие преимущества чрезвычайного положения. Здесь тоже не обошлось без портрета премьер-министра, сразу бросавшегося в глаза. Мелкой печатью объяснялось, почему временно приостановлены основные права граждан.

На пляже стоял киоск, где двое мужчин делали сок из сахарного тростника. Один закладывал в лоток автомата тростник, а другой крутил ручку. Последний был без рубашки, мышцы его ходили ходуном, кожа лоснилась от пота, он тяжело дышал. Ом подумал, что его работа гораздо тяжелей. Хорошо, если они чередуются, иначе будет несправедливо.

От вида вспененного сока Ом облизнулся. Деньги у него были, и все же он колебался. Недавно на базаре он слышал, что такой автомат перемолол вместе с тростником геккона. Говорили, что это случайность: ящерица, скорее всего, затаилась внутри машины, куда забралась, чтобы слизывать сахар с деталей, однако многие покупатели отравились.

Мысль о ящерице не выходила из головы юноши, борясь с желанием выпить стакан золотистого сока. В результате ящерица победила, подавив жажду. Вместо сока он купил просто сахарный тростник — очищенный и порубленный на несколько частей. Ом с удовольствием его жевал, высасывая сок и сплевывая шершавую мякоть аккуратной кучкой у пьедестала. Челюсти быстро устали, но эта усталость нисколько не мешала получать удовольствие.

Кучка отходов привлекла внимание любопытной чайки. В следующий раз, сплевывая, Ом прицелился в птицу, которая ловко увернулась от плевка, продолжая ковыряться в мокрых волокнах, и, прежде чем с достоинством удалиться, разворошила всю аккуратную кучку.

Последний кусочек Ом не стал разжевывать. Интерес у птицы снова проснулся. Она тщательно

его исследовала, отказываясь верить, что ее клюв не может справиться с сахарным тростником.

Уличная девчонка прогнала чайку, подобрала тростник, отнесла добычу к ларьку и смыла песок в ведре, где мужчины мыли грязные стаканы. Глядя, как она грызет кусок, Ом почувствовал, что засыпает. Ему хотелось привести сюда девушку с красивыми, блестящими волосами. Шанти. Он купил бы бхел пури[70] и сахарного тростника на двоих, и они, сидя на песке, смотрели б на волны. Потом зашло б солнце и подул ветерок, а они прижались бы друг к другу и сидели обнявшись, а потом…

Ом заснул в мечтах, а когда проснулся, солнце по-прежнему ярко светило и било ему в глаза. До сдачи велосипеда оставалось еще полтора часа, но он решил больше не тянуть.

Видя, как племянник с довольным видом садится за швейную машину, Ишвар не сомневался, что тот добился своей цели.

Давно вернувшаяся Дина ворчала на юношу.

— Пустая трата времени. Ты что, весь город объ-

[70] Примечания: 70

Бхел пури — сладкие лепешки из воздушного риса.

ехал? Где живет твой доктор — на юге Ланки[71]?

— Да, меня туда перенес по воздуху Лорд Хануман[72], — ответил Ом, не зная, видела его хозяйка или нет.

— А язычок у него острый.

— Слишком острый, — поддержал ее Ишвар. — Будет неосторожным — опять порежется.

— Как палец, не гниет? — спросила Дина. — Или уже отвалился?

— Нет, лучше. Доктор его осмотрел.

— Хорошо. Тогда принимайтесь за работу. Поторапливайтесь, у нас много новых платьев.

— Да, прямо сейчас.

— Боже мой! Никаких жалоб? Не знаю, что тебе прописал доктор, но это работает. Принимай лекарство каждое утро.

Неожиданно последний час работы, обычно самый трудный, прошел в добродушном подшучивании. «Почему так не бывает каждый день», — сокрушалась Дина. Воспользовавшись хорошим настроением портных, Дина попросила их перед уходом перенести часть мебели из ее

---

[71] Примечания: 71

Ланка — древнее название острова Шри-Ланка.

[72] Примечания: 72

Лорд Хануман — чтимое в индуизме обезьяноподобное божественное существо, способное летать по воздуху.

комнаты в мастерскую.

— Вы затеяли перестановку? — спросил Ишвар.

— Только в одной комнате. Нужно приготовить ее для моего жильца.

— А, для студента, — вспомнил Ом. Скатав матрас, они перенесли сначала деревянный каркас и рейки, а потом принесли матрас. Швейные машины «зингер», табуретки, рабочий стол поставили ближе друг к другу, чтоб освободилось место.

— А когда он приедет?

— Завтра вечером.

Оставшись одна после ухода портных, Дина сидела и смотрела, как электрический свет обнажает плавающие в воздухе мельчайшие частицы волокон. Нежно-сладковатый аромат накрахмаленной ткани из «Оревуар» смешивался с запахом пота и табака портных. В суете рабочего дня этот запах Дине даже нравился. Однако он наводил тоску в одинокие вечера, когда засовы словно источали нечто ядовитое, становилось трудно дышать, а на ум приходили мысли о грязных фабриках, туберкулезных рабочих, безрадостных существованиях. В такие часы пустота собственной жизни казалась невыносимой.

* * *

— И как же называется фирма? — спросил Ишвар.

— Не знаю.

— Ну, а адрес?

— Говорю — не знаю.

— Тогда чему ты радуешься? Твой хитрый план не удался.

— Терпение, терпение, — передразнил Ом дядю. — Кое-что удалось. — И с гордостью показав деньги, он рассказал о своих утренних приключениях.

Ишвар расхохотался.

— Такое случиться может только с тобой. — Однако ни один них не выглядел разочарованным — возможно, из-за денег, а возможно, потому, что неудача принесла чувство облегчения. Кто знает, к чему привело бы это открытие.

Добравшись домой, они увидели рядом с поселком передвижной медпункт Планирования Семьи. Многие жители толпились рядом. Персонал раздавал желающим бесплатно презервативы, листы с перечнем способов предохранения, объяснял, какие денежные поощрения и за что предлагаются тем, кто соглашается на стерили-

зацию.

— Может, согласиться на операцию? — сказал Ом. — Получу транзистор. Еще и продовольственную карточку дадут.

Ишвар шлепнул племянника.

— Не смей шутить с такими вещами!

— Почему? Я никогда не женюсь. А тут хоть транзистор получу.

— Женишься, когда я скажу. И не спорь. И что хорошего в этом маленьком радио?

— Теперь он у всех есть. — Ом представил, как они с Шанти сидят на пляже, а по транзистору в сумерках исполняют серенаду.

— Если все прыгнут в колодец, ты тоже прыгнешь? Не перенимай привычки большого города, а то забудешь добрую, спокойную жизнь наших маленьких городов.

— Тогда сам сделай операцию.

— Какой позор! Перестать быть мужчиной из-за дурацкого радио?

— Да нет. Мужчиной ты останешься. Просто доктор перережет тебе какую-то маленькую трубочку. Ты даже ничего не почувствуешь.

— Никто не поднесет нож к моим яйцам. Хочешь транзистор? Тогда хорошо трудись у Дины-бай, зарабатывай деньги.

Подошел Раджарам, он получил на медпункте презервативы. Выдавали по четыре на человека, и он спрашивал, не отдадут ли они ему свои, если в них не нуждаются.

— Кто знает, когда сюда снова приедут, — сказал он.

— Тебе что, так везет? — спросил Ом со смехом и одновременно с завистью. — Сегодня опять нам спать не дашь?

— Бесстыдник, — сказал Ишвар и хотел шлепнуть племянника, но тот ускользнул и отправился к обезьянам.

* * *

Дина перечла письмо от миссис Кохлах, посланное вместе с чеком, деньги по которому можно было получить уже в день переезда Манека. Все три страницы заполняли инструкции по уходу за сыном. Были советы по части завтрака: яйца должны плавать в масле — Манек не любит сухую, приставшую к сковороде яичницу, а омлет — быть воздушным, причем молоко следует добавлять в конце. «У него, выросшего в горах, на свежем воздухе, отменный аппетит, — говорилось дальше, — но, пожалуйста, не давай ему больше двух яиц, даже если он будет просить. У

него должна быть сбалансированная диета».

По части занятий Абан Кохлах писала: «Манек — хороший, трудолюбивый юноша, но иногда бывает рассеянным, поэтому, пожалуйста, напоминай ему, чтобы он выполнял задания каждый день». «Еще он привередлив в одежде, — писала она, — все должно быть накрахмалено и отглажено, поэтому для хорошего самочувствия ему необходим надежный дхоби[73]». Дина может звать его Маком — все в семье так его называют.

Фыркнув, Дина отложила письмо. «Плавающая в масле яичница, ничего себе! И надежный дхоби, подумать только! Чего только не придумают любящие родители!» При первой встрече в прошлом месяце он не показался ей таким, каким его представила в письме мать. Но это обычное дело — родители плохо знают своих детей.

Подготавливая комнату к приезду Манека, Дина убрала свою одежду, обувь и безделушки, освободив для них место среди отходов швейного производства. Место нашлось на полке в чемодане, где хранились самодельные прокладки и лоскуты. Большие куски неизрасходованной ткани, из которых она собиралась шить лоскутное

---

[73] Примечания: 73

Дхоби — представитель касты стиральщиков белья.

покрывало, Дина положила на нижнюю полку буфета. Зонтик с пагодой остался на прежнем месте, свисая с угла буфета, — здесь он никак не мог помешать жильцу.

Ее прежняя спальня была теперь свободна и готова к приезду Манека Кохлаха. А новая — была ужасна. «Наверное, — думала она, — я буду лежать здесь без сна, задыхаясь от обилия ткани. Но поселить в окружении швейных машин жильца невозможно. Тогда он сбежит назад в общежитие».

Дина вытащила лоскуты ткани из свертка под кроватью и села мастерить дальнейшие заготовки для лоскутного одеяла. За работой ее волнение перед завтрашним днем постепенно улеглось.

Глава пятая. Горы

Когда Манек Кохлах закончил перевозить свои пожитки из университетского общежития на квартиру Дины, он был мокрый, как мышь. «Какие сильные руки», — подумала Дина, глядя, как бесшумно юноша вносит чемодан и коробки и аккуратно их ставит.

— На улице душно, — сказал он, вытирая лоб. — Миссис Далал, можно мне принять ванну?

— Вечером? Ты, наверно, шутишь. Воды сейчас нет. Надо подождать до утра. И перестань называть меня миссис Далал.

— Простите, тетя Дина.

«Какой красивый юноша, — думала она, — и эти милые ямочки, когда он улыбается. Однако стоит избавиться от редких волосков на верхней губе, которые при всем желании не могут считаться усами».

— Можно называть тебя Маком?

— Терпеть не могу этого сокращения.

Манек выложил вещи из чемодана, сменил рубашку, и они сели ужинать. Один раз он поднял глаза, встретился с ней взглядом и грустно

улыбнулся. Юноша ел мало, и Дина спросила, нравится ли ему еда.

— О да, очень вкусно. Спасибо, тетя.

— Если б мой брат Нусван заглянул в твою тарелку, он сказал бы, что даже воробей останется голодным после такого ужина.

— Слишком жарко — нет аппетита, — пробормотал смущенно Манек.

— Наверно, после целебного воздуха гор ты здесь задыхаешься. — Дина решила оставить тему еды. — А как дела в университете?

— Спасибо, хорошо.

— Но в общежитии тебе не понравилось?

— Там слишком шумно. Невозможно заниматься.

Снова воцарилось молчание, на этот раз его прервал Манек.

— А те двое портных все еще работают на вас?

— Да, — ответила Дина. — Они придут утром.

— Вот хорошо. Будет приятно снова их увидеть.

— Правда?

Манек не почувствовал иронии в ее голосе и только согласно кивнул. Увидев, что Дина убирает со стола, юноша предложил свою помощь.

— Нет, спасибо.

Она замочила на кухне посуду, чтобы помыть ее утром. Манек осматривался. Квартира привела его в уныние — как и в первый раз, когда он пришел посмотреть комнату. Слава богу, меньше чем через год он съедет отсюда. Но для тети Дины эта квартира — дом. Следы борьбы с бедностью здесь бросались в глаза: опрятностью и порядком хозяйка пыталась скрыть убожество обстановки. А об этом все говорило — проволочная сетка на разбитом оконном стекле, почерневшая стена на кухне, осыпавшаяся штукатурка, следы штопки на воротничке и рукавах блузки.

— Если устал, иди спать, не жди меня, — сказала она.

Решив, что таким образом его деликатно выпроваживают, Манек ушел в свою комнату — «Ту, что была раньше комнатой тети Дины», — виновато подумал он, и сидя прислушивался к звукам из глубины квартиры, пытаясь представить, что делает женщина.

Перед сном Дина не забыла открыть кран на кухне, чтобы проснуться сразу, как пойдет вода. Некоторое время она лежала без сна, думая о своем жильце. Первое впечатление хорошее — не требовательный, вежливый, хорошие манеры и очень молчаливый. Хотя, может, он сегодня

просто устал, а завтра разговорится.

Манек спал плохо. Окно хлопало на ветру, а он не решался встать и посмотреть, в чем там дело, боясь споткнуться обо что-то в темноте и разбудить миссис Далал. Он ворочался и никак не мог найти удобное положение — его преследовали воспоминания об общежитии. «Наконец-то, это позади, — думал он. — Хотя лучше всего было бы поехать сразу домой…»

Манек встал рано — открытый кран и для него стал будильником. Почистив зубы, он вернулся к себе и стал отжиматься в нижнем белье, не зная, что Дина, покончив с делами на кухне, смотрит на него в приоткрытую дверь.

Ее привела в восхищение красота его мышц — они напрягались и расслаблялись вместе с движениями тела. «Я не ошиблась вчера, — подумала Дина, — у него действительно крепкие руки и плечи. И очень красивое тело». От этой мысли она стыдливо покраснела… Абан моя одноклассница… он мне в сыновья годится. И она решительно отвернулась.

— Доброе утро, тетя.

Дина осторожно повернула голову и с облегчением увидела, что юноша полностью одет.

— Доброе утро, Манек. Хорошо спал?

— Да, спасибо.

Она отвела его в ванную, показала, как работает нагреватель воды, и потом ушла. Манек запер дверь и разделся, осторожно передвигаясь в небольшом незнакомом помещении. От воды, переливающейся через край ведра, шел пар. Манек попробовал воду сначала кончиками пальцев, потом погрузил всю руку, радуясь, что вода не обжигает. Пар был густой всего лишь из-за влажного, дождливого дня — так бывает и дома, когда призрачный туман висит в горах.

Закрыв глаза, он представил себе эту картину: утро, туман причудливо клубится, окутывая покрытые снегом вершины. Лучше всего наблюдать этот медленный танец на рассвете, пока солнце не вошло в силу и не развеяло эту нежную вуаль. Манек видел и себя у окна — как он стоит и любуется розовыми и оранжевыми оттенками восхода. Ему кажется, что туман то щекочет ухо горы, то похлопывает ее по подбородку, то вяжет шапочку для ее головы.

Вскоре до него доносятся снизу знакомые звуки — отец открывает магазин и выходит наружу, чтобы подмести крыльцо. Сначала он приветствует собак, которые провели здесь ночь. С бродячими собаками у них проблем не было —

отец заключил с ними договор: они могут здесь ночевать и кормиться объедками при условии, что весь дальнейший день будут отсутствовать. И они всегда, хоть и с нежеланием, покорно уходили на рассвете, обнюхав на прощание ноги отца. Тем временем мать на кухне загружала в бойлер сверкающий черный уголь, наполняла чайник, резала хлеб и следила за плитой.

Когда на сковороде все шипело и скворчало, по всему дому, достигая даже крыльца, разносился аромат яичницы. И этот, вызывающий слюнотечение посланец безмолвно призывал всех к столу. Манек, оторвавшись от туманной панорамы, торопился к завтраку, он обнимал родителей и, перед тем как сесть за стол, каждому из них шептал на ухо: «С добрым утром». У отца была огромная чашка, из которой он стоя выпивал большими глотками утренний чай. Он всегда первую чашку пил на ногах — ходил по кухне, глядел в окно на просыпавшуюся долину. Когда Манек простывал или сдавал в школе экзамены, ему разрешалось пить из отцовской чашки — она была очень большая, и Манеку казалось, что ее никогда не осушить, но он пил, зная, что в конце его ждет победа — рисунок на дне в виде звезды, менявшей цвет по мере убывания жидкости…

Стараясь не облиться, Манек попробовал закрыть подтекающий кран (стерлась прокладка), рассеянно глядя на клубы пара над ведром горячей воды. Разыгравшееся от тоски по дому воображение продолжало рисовать картины гор, затянутых дымкой, но нимб над ними постепенно таял. Со вздохом встал он на приступок, ограждающий уголок для купания, и повесил одежду на свободный гвоздик рядом со своим полотенцем. На третьем гвозде висел бюстгальтер и еще что-то, связанное из толстой прочной пряжи и напоминавшее варежку без большого пальца. Из любопытства он снял ее и стал разглядывать. «Рукавица для мытья», — решил Манек, и ступил вниз, прихватив с собой кружку, чтобы обливаться водой из ведра.

И тут он увидел червей. «Phylum Annelida»[74], — вспомнил он из курса биологии. Они во множестве лезли из сточной трубы и, приковывая к себе взгляд, скользили сверкающими темно-красными волосками по серому каменному полу. Манек на секунду замер, а потом быстро прыгнул за спасительное ограждение.

---

[74] Примечания: 74
Вид кольчатых червей.

* * *

За несколько недель до этого, когда Дина впервые услышала, что найденный Зенобией жилец — сын их школьной подруги, ей никак не удавалось извлечь из глубины прошедших лет нужное лицо.

— У нее еще родинка на подбородке, — напомнила Зенобия. — И нос с горбинкой. Но, на мой взгляд, все это только добавляло ей прелести.

Дина покачала головой, теряясь в догадках.

— У тебя есть фотография нашего класса за… постой-ка, — и Зенобия стала загибать пальцы, — за 1946, 1947, 1948… да, за 1949-й?

— Нусван не дал бы мне денег на фото. Разве ты забыла, каким он стал после смерти папы?

— Да, помню. Вот негодяй! Заставлял тебя носить нелепые длинные школьные платья и тяжелые уродливые ботинки. Бедняжка! Даже спустя столько лет меня злость берет.

— Из-за него я со всеми связь утратила. Кроме тебя.

— Знаю. Он не разрешал тебе оставаться ни на хор, ни на драмкружок, ни на балет, ни на что другое.

Весь вечер они предавались воспоминаниям,

смеялись над своими глупыми поступками и тем, что тогда казалось трагедией. Часто в смехе сквозила печаль — ведь в прошлом осталась их юность. Они вспоминали любимых учителей, директрису мисс Ламб, которую прозвали Ламбрета[75] — так стремительно она бегала по коридорам. Они прикинули, сколько лет им могло быть в шестом классе, когда ввели французский, и пришла учительница, к которой приклеилось прозвище мадемуазель Бульдог, — она изводила девочек трижды в неделю. Все думали, что прозвище лишний раз говорит о жестокости школьниц, но в основе его были не только тяжелый подбородок учительницы, но и та мертвая хватка, с какой она вгрызалась в неправильные глаголы и спряжения.

После ухода Зенобии Дина насыпала полчашки риса, перебрала крупу и вскипятила воду. На улице стемнело, и на кухне пришлось включить свет. Через открытое окно было слышно, как мать зовет детей домой. Затем в воздухе поплыл запах жареного лука. Все готовились к ужину.

Пока варился рис, Дина думала, как приятно вспомнить школьные деньки — лучше, чем по-

[75] Примечания: 75

Ламбрета — модель скутеров, которые стали производить в Индии с 1947 г.

стоянно думать о Нусване, Руби, отцовском доме и взрослых племянниках Ксерксе и Зарире — уже взрослых мужчинах двадцати двух и девятнадцати лет, которых она видела не чаще раза в год.

После ужина Дина села у окна и смотрела, как продавец воздушных шаров соблазняет своим товаром проходящих ребятишек. Где-то громко орало радио, послышались позывные передачи «Выбор народа». «Ага, восемь часов», — подумала Дина, и тут как раз Виджай Корреа объявил первую песню. Около часа она работала над лоскутным покрывалом. Перед сном замочила белье и оставила в ведре на ночь, чтобы утром выстирать

На следующий день Зенобия, возвращаясь вечером из салона красоты, заскочила к Дине и вытащила из сумки большой конверт.

— Давай открывай! — сказала она.

— Да это же фотография нашего класса, — с восторгом воскликнула Дина.

— Ты только взгляни на нас, — мечтательно произнесла Зенобия. — Нам здесь не больше пятнадцати. — Она показала на девочку во втором ряду.

— Теперь я ее вспомнила. Абан Содавалла. Но на фотографии не видно родинки.

— А как ее дразнили девчонки! Даже стишок сочинили, помнишь? «Абан, уродка, не моет подбородка».

— «Ты иголочку бери и пятно скорей проткни», — закончила Дина. — Вот дурочки — распевали такую чушь!

— Да уж. А к шестнадцати годам все захотели иметь такую же родинку. И рисовали себе ее красками, глупышки.

Дина еще какое-то время рассматривала фотографию.

— Я особенно хорошо помню, какой она была в четвертом классе. Лет восьми-девяти. Тогда мы трое почти не разлучались. Она лучше всех прыгала через веревочку.

— Верно. — Зенобия была довольна, что Дина наконец вспомнила подругу. — Помнишь, как звала нас учительница? «Тройная Беда с большой буквы “Б”».

Женщины, как и днем раньше, вновь ступили на тропу воспоминаний: припомнили игры, в которые играли на переменах, как развлекались, заплетая друг другу косы, похвалялись лентами, обменивались заколками. И как сутулились, пытаясь скрыть приводившие их в смущение маленькие грудки — даже носили в жару коф-

ты, стараясь казаться плоскими. Как обсуждали первые месячные и как неуклюже двигались, привыкая к прокладкам. А позже дразнились, приписывая друг другу вымышленных ухажеров, поцелуи и романтические прогулки по саду при свете луны.

Больше всего Дину и Зенобию удивляло, как при таком ужасающем незнании жизни девочкам удавалось знать друг о друге практически все.

— Помнится, умер твой отец, — сказала Зенобия, — и твой брат не позволял тебе иметь друзей. Но ты не очень переживала: после выпуска большинство из нас утратили прежние связи.

Окончив среднюю школу, некоторые девочки из бедных семей пошли работать, другие продолжили учебу в колледже, кое-кому это не позволили: считалось, что колледж приносит только вред будущим женам и матерям — этих оставили дома помогать по хозяйству. Если у тебя не было младших сестер, и донашивать школьные блузку и фартук было некому, их разрезали на тряпки, чтобы вытирать плиты или использовать в качестве кухонных прихваток. Изредка сталкиваясь на улице, бывшие одноклассницы не решались быть откровенными. Они стесня-

лись новой жизни, как будто чувствовали, что участвуют в коллективном предательстве своего детства и юности. Большинство ничего не знало о жизни бывших подруг.

— Ты единственная, с кем я поддерживала отношения, и еще, конечно, с Абан Содавалла, — сказала Зенобия.

Она продолжила рассказ об их школьной подруге: вскоре после сдачи экзаменов друзья семьи познакомили ее с неким Фарухом Кохлахом, бизнесменом с горного севера, который временно находился в их городе. Семья Содавалла сразу его оценила. Мистер Содавалла отметил, что у высокого и стройного молодого джентльмена-парса прекрасные манеры и отличная выправка — все благодаря здоровой жизни в горах. Миссис Содавалла восхитил светлый оттенок кожи молодого человека. Не белый, как у европейских «призраков», а нежный с золотистым отливом.

Имея в виду возможные варианты развития событий, семейство Содавалла на следующий год отправилось отдыхать в горы. И, надо сказать, такая тактика принесла плоды. Абан влюбилась в Фаруха Кохлаха, а также в красоту горной природы. Она вышла за него замуж и осталась на севере.

— Абан по-прежнему раз в год мне пишет, — сказала Зенобия. — Так я узнала, что ей нужна комната для сына.

— И мне очень повезло, — отозвалась Дина. — Спасибо тебе за помощь.

— Не за что. Не пойму, как Абан могла все эти годы жить в маленьком городишке. И это после нашего красивого города, где она родилась и выросла. Я бы, наверно, сошла с ума.

— Если у них свое дело, они, верно, богатые люди, — сказала Дина.

— Разве можно в наши дни разбогатеть, держа магазинчик в небольшом городке в горах? — выразила сомнение Зенобия.

* * *

Но когда-то семья Манека была очень богатой. Фарух Кохлах унаследовал пашни, плодовые сады и выгодный контракт на поставку провизии в пограничные воинские части, и все это он, оказавшийся рачительным хозяином, приумножил, приложив особенные усилия в связи с женитьбой и ожидаемым рождением сына.

Однако задолго до появления долгожданного сына случились еще одни роды, при которых пролилось больше крови, чем при обычных — из

одной страны сделали две. Иностранец[76] провел на карте магическую линию, назвав ее новой границей, которая вскоре превратилась в реку крови. И все сады, поля, фабрики, предприятия Кохлаха, оказавшиеся на чужой стороне, исчезли по мановению волшебной палочки бледнолицего фокусника.

Через десять лет после рождения Манека его отец, угодивший в ловушку истории, все еще продолжал регулярно ездить в столичные суды, пытаясь отыскать концы в правительственном компенсационном плане, но папки с документами постоянно терялись, а чиновники переезжали из одной страны в другую. Между поездками Фарух Кохлах помогал жене управлять старомодным универсамом. Магазин — все, что осталось из огромного состояния Кохлаха: к счастью, он находился по индийскую сторону границы. В течение многих лет магазин был для семьи скорее хобби или социальным клубом, чем бизнесом. Доход приносили другие источники, ныне утраченные. Но теперь из него приходилось выжимать все, что он мог дать.

Настоящим управляющим в магазине стала

[76] Примечания: 76

Решение по проведению границы между двумя частями Пенджаба принимал сэр Сирил Рэдклифф.

Абан Кохлах.

— Я легко справлюсь здесь сама, — сказала она мужу. — У тебя есть более важные дела.

Колыбельку поставили за прилавком, чтобы матери не разлучаться с ребенком. Абан заказывала товары, вела бухгалтерию, следила за складом, обслуживала покупателей, а в свободные минуты наслаждалась восхитительным видом долины с заднего двора. Жизнь среди гор ей очень нравилась.

Поначалу Фарух Кохлах беспокоился, как бы молодая жена не затосковала по родному городу и родственникам. Ведь со временем экзотическая новизна может притупиться, и тогда пойдут жалобы. Но волнения оказались напрасными: любовь жены к новому месту только росла.

Скоро колыбелька стала Манеку мала, и он сначала ползал у прилавка, а потом стал ковылять, держась за полки. Теперь миссис Кохлах всегда была настороже. Она боялась, что резвый сынишка может что-то свалить себе на голову. Однако стоило ей отвернуться, как заботу о малыше брали на себя покупатели, они играли с ним, забавляли монетками и брелоками или яркими шарфами и шалями ручной вязки.

— А ну-ка, малыш! Посмотри, что у меня есть.

Дзин-дзин!

К пяти годам Манек с гордостью уже помогал в магазине родителям. Его темная головка еле виднелась из-под прилавка, и он терпеливо ждал, что попросит клиент. «Я знаю, где это лежит!» — радостно сообщал он и бежал за нужной вещью под любящим взглядом миссис Кохлах и восхищенным — покупателя.

На следующий год Манек пошел в школу, но продолжал помогать в магазине по вечерам. Он разработал собственную систему обслуживания постоянных клиентов, заранее откладывая их ежедневные покупки: три яйца, булку хлеба, пакетик масла, печенье, — и в определенное время продукты уже дожидались покупателей на прилавке.

— Только взгляните на моего сына, — с гордостью говорил мистер Кохлах. — Ему всего шесть лет, но он уже проявляет инициативу и организаторские способности.

Отец получал удовольствие, наблюдая, как сын приветствует клиентов и болтает с ними, рассказывая, как видел утром из окна школьного автобуса агрессивную стаю обезьян-лангуров, или обсуждая проблему высохшего водопада. Манек с легкостью уроженца этих мест усвоил

местную добродушно-веселую манеру общения, и отец радовался тому, что сын хорошо сходится с людьми.

Иногда в сумерки в магазинной суете мистер Кохлах в окружении жены, сына и клиентов, бывших тоже друзьями и соседями, почти забывал о своих потерях. «Да, — думал он тогда, — жизнь все-таки хорошая штука».

Семейство Кохлах продавало газеты, несколько сортов чая, сахар, хлеб и масло, а также свечи, соленья, фонари, электрические лампочки, печенье и одеяла, щетки и шоколад, шарфы и зонтики, игрушки, трости, мыло, веревки и прочее. Какой-то определенной системы закупок не было, продавалось только самое необходимое из бакалеи, хозяйственные товары и редкие предметы роскоши.

Нестандартный подход хозяев к коммерции привлекал в магазин не только жителей самого городка, но и ближайших поселений. Если, к примеру, клиент не мог позволить себе купить полную упаковку печенья, то миссис Кохлах, не задумываясь, вскрывала пачку и продавала половину; она верила, что кто-то другой купит остальное. Если требуемого товара не было в наличии, миссис Кохлах с радостью его заказывала,

если только клиент не был слишком придирчив по части сроков. С этим были трудности: время доставки зависело от состояния дорог, оно, в свою очередь, зависело от погоды, а всем известно, что саму погоду определяют свыше. Утренние газеты приходили к вечеру, к этому времени постоянные покупатели собирались на широком крыльце, чтобы покурить, выпить чаю и обсудить только что прочитанные новости. Мистеру Кохлаху, если он был еще занят в магазине, выкрикивали заголовки.

Несмотря на такую разномастность товаров, в магазине было нечто уникальное — безалкогольный напиток, рецепт которого хранился четырьмя поколениями семейства Кохлах в строжайшем секрете. В подвале была устроена своего рода лаборатория, где смешивались основные компоненты напитка, газировались, а потом разливались по бутылкам. Помощник мыл и подготавливал емкости, и заполнял бутылками ящики. Чтобы сохранить в тайне рецепт, мистер Кохлах сам изготовлял смесь, о чем свидетельствовала повязка на глазу: однажды в процессе карбонизации взорвалась поврежденная бутылка.

С приложенным к ране платком мистер Кохлах

побежал наверх к жене. Со дня свадьбы прошло около года, и это было их первым испытанием. Что она будет делать? Плакать, причитать, грохнется в обморок? Или сохранит самообладание? Ее реакция волновала его почти так же, как судьба глаза.

Абан Кохлах, на седьмом месяце беременности, проявила удивительную выдержку.

— Фарух, тебе надо выпить немного бренди.

Он согласился, она сделала глоточек сама, и потом отвезла его в больницу в долине. Доктор сказал, что Фарух чудом остался жив: основной удар приняли очки, они разбились, удержав осколок от проникновения в мозг. Но глаз сохранить не удалось.

Мистер Кохлах держался молодцом.

— Чтобы увидеть то, чего я жду, хватит и одного глаза, — улыбнулся он, касаясь круглого живота жены. — Да и несовершенство мира будет теперь заметно мне лишь наполовину.

После того, как рана зажила, мистер Кохлах отказался вставить стеклянный глаз. Теперь темная повязка стала частью его утреннего туалета. Он носил ее на работе в магазине и на разных встречах. Но вечерами, подолгу гуляя в лесу на склоне холма, любуясь природой и жуя морковку,

он клал ее в карман.

Потеря глаза позволила ему в полной мере удовлетворить слабость, какую он питал к моркови. Миссис Кохлах раньше держала увлечение мужа под контролем, говоря, что морковь — хороший продукт, но все хорошо в меру. Но теперь она не могла ему отказать: на столе всегда стоял морковный сок, постоянно готовили морковный салат и рагу с морковью, на прогулки муж тоже запасался морковкой.

— Морковь мне необходима, — настаивал мистер Кохлах. — У моего единственного глаза теперь двойная нагрузка, ему надо быть крепче, чем прежде.

Их быстро взрослеющий сын узнал об отцовской слабости. Когда его ругали за плохое поведение, он бежал на кухню за морковкой и приносил отцу, как бы предлагая мир. Правда, определенный риск был: за этот поступок его могла отругать мать.

После несчастного случая мистер Кохлах проявлял бóльшую осторожность, работая в подвале. Он никого не пускал в помещение, где старый изношенный аппарат с треском и свистом наполнял бутылки «Кохлах-колой», а кассу — звоном таких нужных денег.

Друзья, опасаясь за его безопасность, проявляли свою заботу, подшучивая над ним.

— Будь осторожен, Фарух, под землей опасно. Добывать колу рискованней, чем каменный уголь. — Но он только смеялся вместе с ними, не обращая внимания на намеки.

Тогда ему уже напрямую стали советовать серьезно задуматься о смене устаревшего оборудования, модернизировать и расширить производство.

— Послушай, Фарух, взгляни на это разумно, — советовали друзья. — «Кохлах-кола» настолько хороша, что она заслуживает того, чтобы о ней узнали повсюду, а не только в нашем богом забытом местечке.

Но модернизация и расширение производства казались слишком заморскими идеями тому, кто даже не заботился о рекламе. «Кохлах-кола» (или «Кейкей», как ее сокращенно называли) пользовалась спросом во всех небольших поселениях, рассыпанных по горным склонам на мили вокруг. Фарух Кохлах, говорил, что молва в качестве рекламы устраивала его предков, а что было хорошо для них, хорошо и для него.

Время от времени на горизонте вырисовывались конкуренты, громко заявляя о новых

брендах в области безалкогольных напитков, но в этом бизнесе никто надолго не задерживался — соревноваться с продуктом семьи Кохлах ни у кого не получалось. По мнению клиентов, ничто не могло сравниться с «Кейкей» — с ее неповторимым, как горный воздух, вкусом и ароматом. Этот напиток, да и сам магазин процветали.

Так что, когда Манек пошел в школу, семейный бизнес стоял на прочной основе. Мистер Кохлах тщательно оберегал рецепт, на котором зиждилось благополучие семьи, дожидаясь времени, когда передаст его Манеку, как прежде передал ему отец. Он испытывал тихое удовлетворение от своей жизни, гордясь, что пережил испытание огнем. Это проявлялось вечерами, когда приходили соседи; разговор понемногу переходил на былые события, и люди вспоминали истории из прошлой жизни. Когда приходил черед мистера Кохлаха, он рассказывал о годах процветания семьи — не затем, чтоб вызвать жалость, или напомнить о прошлом благоденствии, ныне канувшем в Лету, или похвастаться нынешними достижениями — нет, он просто говорил, что жизнь преподнесла ему хороший урок: новая граница смогла лишить его богатства, но не лишила мечты о будущем семьи.

Истории всем были давно известны, люди рассказывали их и слушали не один раз, так что не только мистер Кохлах был виновен в повторах.

Большинство друзей семейства были военные и их жены, все они, привыкшие к английскому укладу жизни в военных городках, предпочли уединенное существование в горах вдали от пыльных равнин и зловонных городов. Им тоже было что рассказать (и они это неоднократно делали) об ушедшем времени, когда дисциплина была дисциплиной, а не плохой пародией на порядок. Когда командиры умели руководить, каждый знал свое место, жизнь шла по заведенному порядку, и не было страха, что все может рухнуть.

Эти бригадиры, майоры и полковники приходили к Кохлахам на чай при полном параде (так они это называли): карманные часы с цепочкой и обязательно — галстук. Эти внешние атрибуты могли рассмешить националиста, но для самих носителей они были подобны талисманам. В их представлении только так можно было защититься от стучащего в дверь беспорядка. Сам мистер Кохлах предпочитал галстук-бабочку. Миссис Кохлах сервировала чай на эйнслийском фарфоре, столовые приборы были из шеффил-

дского серебра. В праздник Навруза или Хордат Сал она ставила на стол веджвудский[77] сервиз.

— Какой изысканный рисунок, — сказала миссис Гревал. — Когда и в этой стране научатся делать такие прекрасные вещи?

Бригадир Гревал и его жена были ближайшими соседями Кохлахов, и потому частенько заходили в гости. Миссис Гревал к тому же была непререкаемым авторитетом у военных жен. О качестве бокала, утверждала она, говорит звон от легкого постукивания по хрусталю, а тарелку нужно обязательно перевернуть, чтобы увидеть монограмму производителя. Хозяйку равно хвалили как за вкусную еду, так и за красивую посуду. В этот раз хаос удалось победить.

После обеда разговор, как обычно, перешел на тот кошмар, который не оставлял их и не оставит до конца дней — на Раздел, они восстанавливали в памяти хронологию событий, скорбели по бессмысленно погибшим. Бригадира Гревала интересовало, не воссоединятся ли когда-нибудь разделенные части страны? Мистер Кохлах потрогал повязку и сказал, что все возможно. Утешение гости находили в путаной критике ко-

---

[77] Примечания: 77
Все три — известные английские торговые марки.

лонизаторов, которые, не разобравшись толком в ситуации, поспешно бежали. Однако эту критику перекрывала тоска по старым временам.

Мистер Кохлах как-то задумался, почему такие вечера нарушают его душевное равновесие — не подрывают, нет, но оставляют ощущение, что ему наносится ущерб. Он получал большое удовольствие от общих обедов и чаепитий и ни за что не отказался бы от них, однако не мог отделаться от беспокойного чувства, что в воздухе носится какой-то гнилостный запах.

Через день-другой душевное равновесие возвращалось к нему. И он снова понимал — да, он поступил правильно, оставшись на родном месте в горах, его семье здесь хорошо. «Воздух и вода здесь чистейшие, горы необыкновенно красивы, да и с бизнесом все в порядке, — писали они с женой родственникам, которые периодически уговаривали их переехать в большой город. — Ни в каком другом месте Манек не подготовится лучше к взрослой жизни».

Если б спросили самого Манека, он бы полностью согласился с родителями. И не из-за перспектив в будущем, главное — его устраивало настоящее, у него было по-настоящему счастливое детство. Его дни были интересными и

насыщенными — утро и начало дня отводились школе, потом он работал в магазине, а вечерами гулял с отцом и, стараясь не отставать, увеличивал шаг, иначе отец дразнил его улиткой.

Но лучше всего были воскресенья. Тогда приходил мужчина-гадди[78] по имени Бхану работать в саду за домом. Манек всю неделю ждал прихода Бхану — работая в их владениях, тот всегда поручал ему какое-нибудь дело. Самый интересный участок начинался после первых пятидесяти ярдов, там земля шла под уклон, и росли деревья, кустарники, густой подлесок. Бхану учил его названиям неизвестных цветов и трав, которые не росли у дома рядом с розами, лилиями и ноготками. Он показал Манеку растение, служащее противоядием ядовитому дурману, показал листья, помогавшие при укусе змей, и другие, лечащие желудок. Познакомил его с растениями, чьи измельченные стебли залечивают порезы и раны, и научил так сжимать львиный зев, чтобы цветок раскрылся. Ближе к холодам они собирали сухие ветки и сучья и разводили небольшой костер.

Иногда Бхану приводил с собой дочь Сорейю,

---

[78] Примечания: 78

Гадди — племя пастухов-кочевников из касты неприкасаемых.

ровесницу Манека. Тогда Манек делил время между работой и игрой. В полдень миссис Кохлах звала детей обедать. Сорейя стеснялась есть за столом — у них дома не было стульев. Не сразу — но наступил момент, когда девочка стала прибегать вместе с Манеком и с готовностью садилась на свое место. Бхану по-прежнему ел на улице.

Однажды Сорейя присела на корточки меж кустами на дальнем склоне. Манек немного подождал, а потом подошел ближе. Девочка ему улыбнулась. Услышав тихое журчание, он наклонился посмотреть. Маленькая струйка оставила на земле пенистую лужицу.

Манек расстегнул штаны и продемонстрировал водяную арку.

— Я могу делать пи-пи стоя, — похвалился он.

Девочка со смехом натянула трусики.

— Мой брат тоже может, у него тоже есть маленькая писулька, как у тебя.

С тех пор походы в кусты стали для них своего рода ритуалом, повторявшимся всякий раз, когда Сорейя приходила на работу с отцом. Со временем любопытство привело их к более подробному анатомическому обследованию.

— Что с вами? — спросила однажды миссис

Кохлах, когда дети пришли пить чай. — Почему вы все время хихикаете?

С этого момента миссис Кохлах стала по воскресеньям следить из кухонного окна за их передвижениями и заметила, что парочка часто спускается по склону вниз и теряется из виду. Ее попытка незаметно подкрасться к ним провалилась. Дети еще издали услышали шаги и со смехом выбежали ей навстречу.

Позже миссис Кохлах поделилась своими подозрениями с мужем.

— Фарух, думаю, тебе надо присматривать за Манеком, когда приходит Сорейя.

— А что он натворил?

— Видишь ли, они уходят в кусты и… — она покраснела, — я ничего не видела, но…

— Вот негодник, — улыбнулся мистер Кохлах. Следующее воскресенье муж провел в саду, надзирая за работой Бхану и не упуская из внимания дальний склон. Всю оставшуюся часть года по воскресеньям он нес эту вахту. Детям приходилось идти на хитрости, чтобы скрыться от всевидящего ока отца.

Когда Манек закончил четвертый класс, мистер Кохлах стал задумываться, не отдать ли сына в частную школу. Качество обучения в местной

школе оставляло желать лучшего. Бригадир Гревал и остальные советовали так и поступить.

— Хорошее образование — главное в жизни, — утверждали они.

До найденной частной школы надо было ехать восемь часов на автобусе. У Манека эти планы вызвали резкое неприятие. Даже сама мысль о том, что он будет жить вдали от своей вселенной — дома в горах, — вызывала у него панику.

— Мне нравится моя школа, — умолял он. — И тогда я не смогу работать в магазине.

— Не беспокойся о работе, тебе всего одиннадцать, — рассмеялся мистер Кохлах. — Получай удовольствие от своего возраста. Это так здорово — жить с ровесниками. Ты полюбишь новую школу. А магазин никуда не денется — будет ждать твоего приезда на каникулы.

Постепенно Манек привык к новым условиям, но так и не полюбил частную школу. В душе осталась боль измены. Дня не проходило, чтобы он не вспоминал родной дом, родителей, магазин, горы. Новые одноклассники очень отличались от тех мальчиков, которых он прежде знал. Они держались так, будто были выше и лучше него. Те, что постарше, говорили о девушках и щупали младших. Один старшеклассник показал Мане-

ку колоду карт с голыми женщинами. Темные пятна между ног шокировали Манека. «Такого не может быть, эти картинки — подделка», — думал он, вспоминая гладкое, нежное и таинственное отверстие у Сорейи.

— Волосы обязательно должны быть, — сказал старший мальчик. — Фотографии самые настоящие. Вот смотри, сейчас увидишь. — Он снял штаны и показал черную поросль вокруг набухшего пениса.

— Но ты мальчик. Это ничего не доказывает, у девочек все иначе, — сказал Манек. Ему захотелось получше рассмотреть карты. Старшеклассник соглашался, но только при одном условии: он прижал к себе Манека и, постанывая, терся об него. «Какие странные звуки, — подумал Манек, — как будто ему хочется какать». Когда у старшеклассника штаны стали мокрыми, он отдал Манеку карты.

Манек приехал домой на праздник Дивали, и уже через два дня стал уговаривать родителей не отсылать его обратно в школу. Он изводил их просьбами до тех пор, пока отец не рассердился.

— Больше ни слова об этом, — отрезал мистер Кохлах.

Манек пошел спать, не пожелав родителям

доброй ночи. Этот проступок долго мучил его, не давая уснуть. Когда пробило полночь, он почти решился идти в спальню родителей, чтобы извиниться за неподобающее поведение. Но гордость и страх вновь рассердить отца не позволили это сделать.

Утром Манек обнял стоявшую у плиты мать и прошептал ей слова приветствия, потом обошел стороной отца у окна и тихо сел на свое место.

— Его высочество еще дуется, — сказал отец с улыбкой.

Манек, нахмурившись, уставился в чашку. Боясь вновь вступать в спор, он улыбнулся в ответ.

Был воскресный день, и, как обычно, пришел работать Бхану. Сорейи с ним не было. Манек некоторое время слонялся неподалеку, а потом собрался с духом и спросил о девочке.

— Сорейя с матерью, — ответил Бхану. — Она теперь всегда при ней будет.

Манек почувствовал, что обрушилась еще одна часть его вселенной. После обеда он не вернулся в сад. Миссис Кохлах отвела сына в сторону и сказала, что ему стоит быть теплее с отцом, который так сильно его любит:

— Он посылает тебя в хорошую школу для твоего же блага. Тебе не стоит воспринимать это как

наказание.

Вечером мистер Кохлах усадил сына на диван рядом с собой.

— Частная школа — это не навсегда, — сказал он. — Помни, мы с мамой скучаем больше твоего. Но у нас нет выбора. Ты ведь не хочешь остаться неучем, не уметь ни читать, ни писать, как несчастные гадди, которые живут впроголодь, пасут овец и коз, чтобы выжить. Помни, кто не спешит, тот опаздывает. Через шесть лет ты получишь диплом об окончании средней школы, и тогда тебе никуда не придется уезжать. Я передам тебе свое дело.

Манек выдавил из себя улыбку, а отец продолжал:

— И чем скорее это случится, тем лучше. Я смогу отдохнуть от дел и буду больше ходить пешком.

На следующий день за завтраком мистер Кохлах дал ему заветную большую чашку. Затем позволил сесть за кассу и отсчитывать сдачу покупателям. Весь оставшийся год память об этом дне придавала Манеку сил. Когда одиночество становилось невыносимым, он призывал на помощь счастливые воспоминания, и они помогали ему бороться с отчаянием и мрачными мыслями о своей отверженности.

* * *

Хотя поначалу шесть лет ужасали Манека и казались вечностью, но время постепенно отщелкало три года, и вот уже четырнадцатилетний Манек приехал домой на майские каникулы.

В тот год родители впервые на два дня оставили его одного, а сами уехали на свадьбу. Вместо того чтобы закрыть магазин, а Манека временно поселить у соседей, мистер Кохлах решил доставить ему удовольствие, предоставив одному работать в магазине.

— Просто делай то же самое, что и мы, — сказал отец. — И все пойдет, как по маслу. Не забудь сосчитать ящики с бутылками у шофера. И позвони насчет завтрашнего молока — это очень важно. Возникнут проблемы, звони дяде Гревалу. Я попросил его зайти к тебе в конце дня. — Мистер и миссис Кохлах еще раз вместе с Манеком обошли магазин, последний раз наставляя сына, и уехали.

День прошел как обычно. От покупателей то отбою не было, то наступали периоды затишья, во время которых Манек протирал витрины и стеклянные контейнеры, смахивал пыль с полок, вытирал прилавок. Покупатели интересовались,

что случилось с родителями, и хвалили его за толковость.

— Только взгляните, какой порядок у этого мальчугана. Он заслуживает награды.

— Теперь Фарух и Абан, если захотят, могут уходить на покой, — сказал бригадир Гревал. — Беспокоиться не о чем — оборону несет фельдмаршал Манек. — При этих словах все добродушно рассмеялись.

Вечером, когда сгустились сумерки и площадь опустела, Манек, испытывая гордость за прошедший день, пошел включить свет на крыльце. Пришло время открыть кассу, сосчитать деньги и записать приход в конторскую книгу. С крыльца был хорошо виден интерьер магазина, и Манек задержался, оценивая картину. Большой стеклянный контейнер с мылом и порошком посреди магазина смотрелся бы лучше впереди. А старый, потертый и поцарапанный столик для газет лучше бы передвинуть от входа в сторону.

Пока Манек разогревал ужин, эта мысль не отпускала его, целиком захватив воображение. Чем больше он об этом думал, тем больше хотелось ему красиво переоборудовать интерьер. Он без труда справиться один. Вот удивятся родители, когда приедут!

После ужина Манек вернулся в темный магазин, зажег свет и сдвинул старый столик с прежнего места. С контейнером — тяжелым и громоздким — было сложнее управиться. Манек вытащил из него все, что там находилось, и медленно передвинул на новое место. Затем снова наполнил его банками и коробками, только теперь не свалил все в беспорядке, а расставил их в виде забавных пирамидок и спиралей. «Прекрасно», — подумал он и, любуясь, отступил на шаг, и только потом пошел спать.

На следующий вечер мистер Кохлах вернулся домой, пришел в магазин и увидел перемены. Не поздоровавшись с сыном и не спросив, как идут дела, он попросил Манека закрыть дверь и повесить объявление: «Не работаем».

— Но до конца рабочего дня еще целый час, — сказал Манек, с нетерпением ждущий похвалы отца.

— Знаю. И все-таки закрой. — Манек закрыл дверь, и тогда отец потребовал все вернуть на свое место. Голос отца звучал сухо.

Манек предпочел бы, чтоб отец его отругал, дал пощечину или наказал каким-то другим образом. Но этот презрительный взгляд, молчание — вот, что было ужасно. Радость на лице мальчика

сменилась недоумением и болью, глаза наполнились слезами.

Мать поспешила вмешаться:

— Но Фарух, разве Манек не изменил все к лучшему?

— Дело не в этом. Уехав на два дня, мы дали ему определенные инструкции. И что, разве он оправдал наше доверие? Ему следовало соблюдать дисциплину и точно следовать указаниям, а не наводить здесь красоту.

Манек поставил все на место и больше до конца каникул не заходил в магазин.

— Папа во мне не нуждается, — с горечью сказал он матери. — Я здесь лишний. Простой слуга — вот кто ему нужен.

Лежа вечером в постели, миссис Кохлах сказала мужу, что Манек очень переживает.

— Я знаю, — ответил муж, отворачиваясь от нее. — Но прежде чем бегать, надо научиться ходить. Мальчику не полезно раньше времени думать, что он все знает лучше других.

Но миссис Кохлах настаивала на своем и к концу каникул добилась успеха… Мир был восстановлен, когда мистер Кохлах решил переоборудовать один из контейнеров, и позвал Манека в магазин, чтобы спросить его совета.

Последние дни перед школой они вдвоем работали в подвале, где производилась «Кейкей». Манек спускал вниз чистые бутылки, а наверх поднимал ящики с готовым товаром.

За день до отъезда сына, вечером, мистер Кохлах сказал, выключая работающий аппарат:

— Завтра ты уедешь. Я буду скучать. — Пульсация мотора закончилась, и слова отца беспомощно повисли в сыром воздухе подвала. Отец обнял Манека за плечи, и они вдвоем поднялись вверх по лестнице.

До учебы в частной школе Манек покидал родные горы только один раз. Тогда ему было шесть, и он вместе с матерью поехал в город навестить ее родных. В дороге они провели два дня. Манека потрясли высоченные дома и великолепные кинотеатры, мощный поток автомобилей, автобусов и грузовиков, а еще то, что и после наступлении сумерек улицы оставались залиты светом. Но прошло всего несколько дней, и он отчаянно заскучал по отцу, с трудом дожидаясь отъезда.

— Никогда больше не оставлю горы, — заявил Манек. — Ни за что!

Миссис Кохлах что-то шепнула на ухо мужу, встречавшему их на вокзале. Тот улыбнулся, об-

нял Манека и сказал, что тоже не любит отсюда уезжать.

Но настал день, когда сами горы начали от них отдаляться. Понаехали инженеры в пробковых шлемах с таинственно-зловещими инструментами, они чертили на бумагах разные схемы. Инженеры обещали, что проложат здесь современные дороги, по которым будут проноситься новейшие машины. Эти широкие и надежные дороги заменят прежние горные маршруты — слишком узкие для обзора грядущего национального преобразования и визитов представителей Всемирного банка[79].

Однажды утром возле места, где велись работы, появился министр, увешанный гирляндами, и заиграл оркестр. Марширующий Оркестр Бхагатбхай Нанкхатай состоял из трех духовых инструментов, двух малых барабанов и одного большого. На музыкантах была белая униформа, на спинах — золотая эмблема МОБН, на большом барабане та же эмблема, только красного цвета. Обычно этот оркестр играл на свадьбах, в его репертуар входила хвалебная песня матери невесты, жалобная — будущей свекрови, три-

[79] Примечания: 79

Всемирный банк создан в 1944 г. для оказания финансовой помощи развивающимся странам.

умфальная — жениха, ода в честь свахи и гимн, прославляющий плодородие. Сейчас оркестр искусно приспособил репертуар к новому событию. Барабаны отбивали марш прогресса, а тромбон сменил плавное матримониальное глиссандо на бурное стаккато.

Слушатели, собранные из безработных крестьян, аплодировали в нужных местах, отрабатывая деньги. С импровизированной платформы произносились речи. Министр символически метнул позолоченную кирку, но в цель не попал. Тогда он послал в толпу лучезарную улыбку и метнул кирку снова.

После отъезда сановников за дело взялись рабочие. Сначала процесс шел медленно и так вяло, что у мистера Кохлаха и остальных местных жителей затеплилась слабая надежда, что эта работа никогда не закончится, и их тихое убежище останется невредимым. Тогда же он и бригадир Гревал созвали жителей на митинг, на котором осудили порочную политику развития района, близорукость и алчность, с какой в жертву демона прогресса приносилась природная красота этих мест. Все подписали петицию, заверили свой протест у властей и ждали ответной реакции.

Однако дорога понемногу росла, поглощая все

на своем пути. Красивейшим горным склонам нанесли глубокие раны, изуродовали шрамами. Траншеи, поднимающиеся к вершинам, казались грязными реками, рвущимися вверх наперекор закону тяготения. Природа словно сошла с ума. С раннего утра слышались отдаленные взрывы и рев экскаваторов, безжалостно расправлявшихся с нежной дымкой рассвета.

Мистер Кохлах с грустью следил, как началось асфальтирование дорог, отчего вода в реках стала черной, продолжая уродовать любимые родные места, которые его предки считали настоящим раем. Второй раз с горечью видел он проведенные на бумаге линии, разрушающие жизнь его семьи. Только теперь это была местная картограмма геодезиста, а не имперская карта иноземца.

Когда работы закончились, министр приехал снова, чтобы разрезать ленточку. За время, прошедшее с первой церемонии, он располнел, но остался таким же неловким. Шаркающей походкой направился он к ленте, уронив по дороге позолоченные ножницы. Семеро помощников бросились их поднимать. Завязалась драка. Победил сильнейший, он и вернул министру ножницы. Тот бросил на подхалимов убийственный взгляд — не стоило привлекать столько внима-

ния к простой оплошности, — одарил улыбкой собравшихся и красивым, показным движением разрезал ленту. Толпа зааплодировала, заиграл Марширующий Оркестр Бхагатбхай Нанкхатай, фальшивое звучание духовых инструментов отвлекло внимание от министра, пытавшегося вытащить толстые пальцы из колец ножниц.

Затем наступило время обещанных привилегий: по горным дорогам покатили огромные, как дома, грузовики с городскими товарами, отравлявшие воздух выхлопными газами. Вдоль дорог расплодились бензоколонки и закусочные, обслуживающие шоферов и их транспорт. Началось строительство дорогих гостиниц.

Приехав в том году на каникулы, Манек был озадачен (а позже и обеспокоен) раздражением, в котором постоянно пребывал отец. Между ними ежедневно возникали ссоры, они не прекращались даже в присутствии клиентов.

— Что с ним случилось? — спросил Манек у матери. — Когда я здесь, он не обращает на меня внимания или затевает ссору. А в школу шлет письма, в которых говорит, как скучает.

— Ты должен понять, — сказала миссис Кохлах, — что люди меняются, когда в их жизнь приходят перемены. Это не означает, что отец не

любит тебя.

Эти невеселые каникулы запомнились миссис Кохлах еще и тем, что Манек перестал по утрам обнимать родителей и шептать на ухо слова приветствия. Когда сын впервые молча занял место за столом, мать какое-то время стояла спиной к столу, чтобы справиться с острой болью, и только после этого повернулась, держа в руках горячую сковородку. Отец ничего не заметил.

У мистера Кохлаха вызывала тошноту индустриальная суета в горах. И он, и его друзья считали, что все это не к добру. Не утешал даже возможный рост прибыли в магазине. Подобное бесцеремонное вторжение в его жизнь было для мистера Кохлаха оскорбительным. «Ядовитые выхлопы автомобилей отравляют его дыхание, — жаловался он миссис Кохлах, — а мерзкий стук двигателей рвет барабанные перепонки».

Повсюду, как грибы, вырастали уродливые хижины и лачуги. «Почти с той же скоростью, с какой чесотка поразила его любимую собаку», — подумал он. По склонам гор расползлись лагеря беженцев, люди тянулись сюда в надежде обрести работу и хорошие деньги. Но количество безработных всегда больше рабочих мест, и скоро в горах обосновалась целая армия голодных

людей. Леса вырубались на дрова, на склонах образовались проплешины.

Потом взбунтовались времена года. Дождь, от которого росли и созревали растения, теперь нес с обнаженных гор потоки грязи и лавины. Снег уже не укутывал, как раньше, пушистым белым одеялом горы. Даже в разгар зимы снежный покров был рваным и пятнистым.

Бунт природы доставил мистеру Кохлаху извращенное удовлетворение. Он почувствовал своего рода поддержку: значит, не только его потрясло ужасное насилие. Но когда сезонные сбои стали повторяться из года в год, он уже не мог этому радоваться. Чем тоньше становился снежный покров, тем тяжелее было у него на сердце.

Манек молчал, хотя считал, что отец слишком драматизирует события, говоря: «Теперь выйти погулять — все равно, что вступить в военную зону».

Миссис Кохлах никогда не любила прогулки.

— Предпочитаю любоваться красивыми пейзажами из окна кухни, — говорила она мужу, когда тот приглашал ее составить ему компанию. — Это менее утомительно.

Но для мистера Кохлаха долгие прогулки в одиночестве были одной из самых больших ра-

достей жизни. Особенно он наслаждался ими после зимы, когда каждая прогулка несла в себе предвкушение нового, и оно могло ожидать его за каждым поворотом. Новый ручеек? Или дикие полевые цветы, не замеченные вчера? Одним из волнующих воспоминаний было зрелище могучего валуна, сквозь который пробился кустарник. Иногда его ждала приятная неожиданность — свежий вид на долину под новым углом.

Но теперь каждая прогулка была для него, как для врача обход тяжелобольных — кто-то уцелел, а кто-то уже рухнул. Дойдя до знакомого дерева, он некоторое время стоял под его ветвями, прежде чем двинуться дальше. Ласково проводил рукой по шишковатой коре, радуясь, что старый друг еще жив. Многих камней, на которых он любил сидеть и любоваться рассветом, уже не было, их разорвало динамитом. Когда он все же находил кого-нибудь из старых друзей-валунов, то, сидя на них, не знал, увидит ли их в следующий раз.

Скоро о нем в городке стали поговаривать:

— У мистера Кохлаха что-то не в порядке с головой. Он разговаривает с деревьями и камнями, гладит их, словно своих собак.

Манек чуть не сгорел со стыда, услышав эти сплетни, ему хотелось, чтобы отец перестал вести

себя странно. И в то же время он злился на невежественных и бесчувственных людей, которых следовало бы научить уму-разуму.

Пятилетие существования новой дороги панчаят[80], где теперь вершили бал бизнесмены и предприниматели новой формации, решил отметить небольшим праздником, пригласив всех жителей принять в нем участие. Мистер Кохлах, у которого такая идея вызывала отвращение, закрыл в этот день магазин раньше. Сняв с пустого глаза повязку, он отправился на прогулку. Громкоговорители, установленные в кроне деревьев на городской площади, некоторое время провожали его механической музыкой и пустой болтовней ораторов.

Мистер Кохлах успел прошагать примерно три мили, когда в дневном свете стали намечаться краски заката. Тончайшие розовые и оранжевые нити блеснули в небе. Мистер Кохлах остановился и устремил свой взор на запад, желая насладиться моментом. В такие минуты для большего обзора ему особенно не хватало второго глаза.

Но тут его взгляд опустился ниже — на об-

---

[80] Примечания: 80
Панчаят — поселковый совет в Индии.

лысевший горный склон. Серый дым вился от экономных костров, на которых готовили еду жители сотен лачуг, и застилал горизонт. Ветер доносил до мистера Кохлаха едкий запах горящих дров, а также зловоние человеческих отходов, которое даже дым не мог замаскировать. Мистер Кохлах нерешительно переступил с ноги на ногу. Под ним хрустнула ветка. Он не шевелился, не понимая, чего ждет. Слышались суровые окрики матерей, детский визг, лай бродячих собак. Ему представились жалкое содержимое закоптевших на костре котелков и сидящие вокруг голодные люди.

Он не сразу заметил, как сгустились сумерки. Такому мрачному соседству закат проиграл. Эту убогую и отвратительную картину нельзя было ни принять, ни понять. Мистер Кохлах почувствовал страх и одиночество. Волны гнева, сострадания, отвращения, боли, неудачи, измены, любви накатывали и разбивались, смущая его и заставляя страдать. Из-за чего? О ком? Почему? Если б только он мог…

Мистер Кохлах не мог разобраться в своих переживаниях. В груди теснило, горло перехватило, как при удушье. От чувства безнадежности он разрыдался.

Смеркалось. Мистер Кохлах достал носовой платок и утер глаза. В следующую секунду до него дошло, что только здоровый глаз омочили слезы. Странно, он мог бы поклясться, что плакали оба глаза.

Вернувшись домой в темноте, он решил навсегда прекратить прогулки. Теперь в этом не было смысла. А если смысл все же был, то только новый, в который страшно вникать.

Укрыться было негде. Во всяком случае, ему. За прошедшие годы его мечты, столкнувшись с непреодолимыми препятствиями, умерли. Он боролся, он победил, он проиграл. И все же он может продолжать сопротивляться — что ему еще остается?

Но для сына мистер Кохлах стал впервые искать другие варианты.

Когда Манек приехал домой на двухнедельные каникулы перед последним семестром, отношения у них с отцом не улучшились. Чаще всего они сцеплялись по поводу ведения бизнеса. Манека переполняли предложения по вопросам розничной торговли и маркетингу, которые отец отмел на корню.

— Дай мне хотя бы договорить, — сказал Манек. — Почему ты упрямишься? Давай хотя бы

попробуем.

— У нас не хобби, с которым можно экспериментировать, — произнес угрюмо мистер Кохлах. — Это наш хлеб с маслом.

— Вы опять ссоритесь? — сказала миссис Кохлах. — От ваших споров я с ума схожу.

— Ты не имеешь никакого влияния на сына. — Голос мистера Кохлаха прозвучал еще угрюмее. — Неужели ты не можешь переубедить его? Он во всем мне противоречит. Решил, что изобрел новую формулу успеха. Думает, что это научный эксперимент.

Отец не позволял Манеку заказывать новые сорта мыла или печенья, которые повсюду пользовались популярностью. Предложения улучшить освещение в темном магазине, покрасить стены, обновить полки и стеклянные контейнеры, чтобы товары выглядели привлекательнее, были приняты отцом в штыки.

Манек с трудом соотносил этого не в меру осторожного человека с тем образом, который сложился у него после рассказов матери и отцовских друзей, — образом бесстрашного человека, спускавшегося по веревке в затопленное ущелье, чтобы спасти щенка; перенесшего потерю выбитого осколком глаза, будто то был укус ко-

мара; преподавшего хороший урок трем ворам, забравшимся в магазин в поисках легкой добычи. Увидев за прилавком женщину, они не догадывались, что в подвале готовит фирменный напиток ее муж. Друзья рассказывали, что отец разбросал воришек, как мешки с рисом.

А теперь из-за какой-то дурацкой дороги отец впал в уныние. Манек тоже замечал, что мир вокруг меняется, однако с оптимизмом молодости верил, что в конце концов все как-то образуется. Ему исполнилось пятнадцать лет, он верил, что бессмертен, а горы вечны. Ну, а магазин? Он служил нескольким поколениям, прослужит и следующим, считал Манек.

Втайне и мистер Кохлах в это верил — некое чудо могло вернуть прошлое. Но происходящие изменения убеждали в обратном. Среди товаров, которые везли в горы ненавистные грузовики, притаились смертельные враги — безалкогольные напитки для новых магазинов и отелей.

Поначалу они проникали в городок небольшими партиями, и всеми любимый «Кейкей» легко их побеждал. Иногда из любопытства жители пробовали новые напитки, но пожимали плечами и возвращались к старой любимой «Кохлах-коле».

Однако крупные корпорации не выпускали из вида рынок в горах. Они использовали разные способы — агитацию, рекламу и более жесткие способы. К мистеру Кохлаху подкатывали разные агенты с предложением: «Прекратить свое производство, передать им права на “Кохлах-колу”, а самому стать представителем новой торговой марки. Присоединяйтесь, растите вместе с нами и преуспевайте!»

Мистер Кохлах, естественно, отклонял такие предложения. Его напиток был не просто бизнес-проектом — он являлся предметом семейной гордости. Кроме того, он верил, что соседи и все жители городка останутся верны «Кохлах-коле». Он был готов к честной конкурентной борьбе.

Но мистер Кохлах не заметил, как наряду с «бабочками» и часами на цепочке из моды вышла и честная борьба. Представители корпораций раздавали бесплатно на пробу напитки, снижали цены и развешивали огромные рекламные щиты, на которых были изображены смеющиеся родители с детьми или влюбленные парочки, которые, нежно соприкасаясь головами, потягивали из бутылки через соломинки прохладительный напиток. Тонкая струйка новых напитков постепенно превратилась в потоп. Торговые марки,

продававшиеся раньше только в больших городах, наводнили поселок.

— Мы должны нанести ответный удар. — сказал Манек. — Надо рекламировать свой товар, раздавать бесплатно образцы. У них агрессивная реклама — значит, и нам нельзя отставать.

— Агрессивная реклама? — презрительно переспросил мистер Кохлах. — Что это такое? Звучит в высшей степени недостойно. Что-то вроде попрошайничества. Эти крупные городские компании иногда ведут себя как дикари. Но мы ведь цивилизованные люди. — И он печально взглянул на Манека, расстроенный тем, что сын предложил ему такое.

— Ну вот, он опять мной недоволен, — пожаловался Манек матери. — Что ни скажу — реакция одна. Он даже не пытается вдуматься в мои предложения.

Так что у «Кохлах-колы» не было шансов выжить. Магазину нанесли решающий удар, и семейный секретный рецепт доживал последние дни.

Теперь у мистера Кохлаха созрел новый план в отношении будущего своего сына, который вскоре должен был получить аттестат. Он стал наводить справки и запрашивал проспекты из

разных колледжей.

— Ты думаешь, это необходимо, Фарух? — волновалась миссис Кохлах.

— Кто не спешит, тот опаздывает, — отвечал он. — А я не хочу, чтоб опоздавшим, вроде меня, оказался мой сын.

— О, Фарух, как можешь ты такое говорить? Ты многого добился! Потеряв все при Разделе, ты сумел обеспечить нам хорошую жизнь. Разве можно назвать тебя «опоздавшим»?

— Может, и не «опоздавший». Возможно, мир движется слишком быстро. Впрочем, результат один.

От своего плана он не отказался и обсуждал возможные перспективы с верными друзьями семьи. Те соглашались, что неплохо иметь несколько вариантов.

— Твой бизнес может остаться на плаву, — сказал бригадир Гревал. — Но иметь запасные ходы всегда хорошо.

— Я тоже так думаю, — согласился мистер Кохлах.

— Разве плохо, если он станет врачом или юристом? — сказала миссис Кохлах, мысленно переносясь в высшие сферы.

— Или инженером.

— Бухгалтер — тоже престижная профессия, — сказала миссис Гревал.

Военные быстро перевели дискуссию в практическое русло.

— Надо смотреть на вещи реалистически. Все зависит от оценок Манека.

— Он не относится к бездарным ученикам.

— Конечно, нет. Умом он пошел в отца.

— И руки у него растут откуда надо, — признал мистер Кохлах, спокойно приняв комплимент.

Все согласились, что Манеку подошла бы техническая специальность. К тому же она найдет применение в промышленности, которая будет только расти по мере процветания нации. Ответ напрашивался сам собой: в стране, где бóльшая часть людей живет в тропическом и субтропическом климате, всегда будут востребованы инженеры по холодильникам и кондиционерам. Лучших специалистов в этой области выпускал колледж, расположенный у моря в родном городе миссис Кохлах, который она покинула, чтобы выйти замуж.

После окончания школы Манек вернулся домой, и тут узнал, что все решено за него. Он взбунтовался. Второе предательство юноша принял с большей болью и яростнее, чем первое.

— Ты обещал, что после школы я буду работать с тобой. Обещал, что передашь мне семейный бизнес!

— Успокойся, обязательно передам — всему свое время, — сказал мистер Кохлах, вкладывая в свои слова бóльшую уверенность, чем ощущал на самом деле. — Но на всякий случай надо застраховаться. Видишь ли, раньше было легче планировать будущее.

— Все это пустая трата времени, — сопротивлялся Манек, не сомневаясь, что отец затеял новое предприятие, чтобы освободиться от него и не дать вмешиваться в дела магазина, словно он был соперником. — Если хочешь, чтоб я освоил какую-то профессию, могу поработать механиком в гараже «Маданлал». У нас, в долине. Почему нужно куда-то уезжать?

Мистер Кохлах принял скорбный вид. Бригадир Гревал добродушно расхохотался:

— Молодой человек, когда выстраиваешь вторую линию обороны, надо прежде убедиться, что она непробиваема. Иначе не стоит и начинать!

Друзья семьи наперебой говорили, как повезло Манеку, как должен он благодарить судьбу за такую блестящую возможность.

— В твоем возрасте мы голову потеряли бы от

счастья, что можем провести год в самом современном, многонациональном городе Индии.

В результате Манека все же определили в колледж, и начались приготовления к его отъезду. Был куплен новый чемодан. Вещи сложены, а билеты заказаны на все отрезки пути.

— Не тревожься, — успокаивала его мать. — Через год ты вернешься, и все будет хорошо. Папа беспокоится о твоем будущем. Эти перемены просто обрушились на него. Через год он успокоится, и все будет как прежде.

Она собирала всякие мелочи и раскладывала по коробкам. Боясь что-то упустить, мать постоянно сверялась с указателем в справочнике студента. Открывала и закрывала чемодан, вынимала и снова клала вещи, пересчитывала их и укладывала по-новому. Женщина, с легкостью управлявшая магазином, растерялась, когда пришлось собирать в дорогу сына.

Миссис Кохлах постоянно спрашивала совета у мужа.

— Как ты думаешь, Фарух, сколько положить полотенец? А новые штаны из серого габардина могут понадобиться? И сколько надо мыла и пасты, а, Фарух? И лекарств?

Муж отвечал всегда одно и то же:

— Прошу, не приставай ко мне с глупыми вопросами. Решай сама. — Мистер Кохлах даже не приближался к растущей стопке одежды и личных принадлежностей сына, словно отрицал само ее существование. А если надо было пройти мимо открытого чемодана в коридоре наверху, он отводил глаза.

Миссис Кохлах понимала причину такого поведения мужа. Сначала ей казалось, что непосредственное участие в подготовке к отъезду сына поможет мужу легче перенести эти тяжелые, такие мучительные для всех дни.

Но после категорического отпора миссис Кохлах предпочла оставить его в покое. Как выяснилось, в таких делах она оказалась сильнее мужа, хотя оба не могли себе представить долгой разлуки с сыном. Расстояние — опасная вещь, миссис Кохлах это знала. Расстояние меняет людей. Взять хоть ее — она никогда не смогла бы вернуться и жить с семьей в родном городе. А сын после недолгого пребывания в частной школе перестал по утрам обнимать их, хотя раньше делал это всегда; даже заболев, он спускался, нежно прижимал ее к себе и только потом возвращался в постель. Как изменится сын после этой долгой разлуки? Он и так уже отдаляется, с ним

становится труднее разговаривать и делиться мыслями, у него постоянно унылый вид. Каких еще ждать перемен? Что сделает с ним город? Неужели она теряет сына?

Обслуживая покупателей, миссис Кохлах не переставала с тревогой об этом думать, мысли ее непроизвольно возвращались к стоящим в коридоре коробкам. Мистер Кохлах уловил из подвала, что наверху творится что-то неладное, выключил аппарат, прервав процесс на середине, и прыжками взлетел по лестнице. Он извинился перед клиентами, что обслуживание идет медленно.

На этот раз он обуздал себя. Однако в следующий — взорвался: «Абан! Что за крайняя необходимость гонит тебя в такой час из спальни?»

Мистер Кохлах редко прибегал к сарказму, это было не в его характере, он сам этому удивился, а жену его слова больно ранили. Но она не вступила в спор, только мягко проговорила: «Я вспомнила одну важную вещь. Нужно проверить».

— Твоя суета доведет нас до психушки. Запомни раз и навсегда — если что-то забудешь дать с собой Манеку, существует такая вещь, как посылка.

Но то, что ее беспокоило, нельзя было упаковать и отправить посылкой, а все попытки объяснить

это мужу оканчивались неудачей, она не могла подобрать нужных слов.

— Ты не проявляешь интереса к сборам Манека, не несешь никакой ответственности. И еще обвиняешь, что я доведу всех до психушки? Неужели ты не боишься за него? Откуда такая черствость?

Несмотря на раздражение, мистер Кохлах понимал природу поведения жены. Спустя неделю после перепалки он проснулся ночью от того, что жена встает с постели. Часы только что пробили двенадцать. Мистер Кохлах притворился спящим. Он слышал, как жена водит ногами по полу в поисках тапочек. Когда за ней закрылась дверь, мистер Кохлах осторожно поднялся и последовал за женой.

Пол холодом обжег голые ноги. Он крался по темному коридору, завернул за угол и там увидел жену — она стояла перед раскрытым чемоданом. Непроизвольно он сделал шаг назад. Миссис Кохлах стояла неподвижно со склоненной головой, ее руки перебирали одежду Манека. Вышедшая из-за туч луна серебром залила лицо женщины. Ухнула сова. Мистер Кохлах был рад, что тайно шел за женой и теперь стоял, не шевелясь, потому что увидел ее прекрасной и сосредоточенной, в ней словно сошлись их жизни, всех троих — они

жили в ее лице и глазах.

Сова снова ухнула. Лунный свет затрепетал, пропуская сквозь себя тучку. Руки жены шевелились внутри чемодана сына. На крыльце залаяли собаки — какой призрак привиделся им?

Фарух Кохлах слышал тиканье часов, затем пробило пятнадцать минут первого. Он был благодарен ночи за этот шанс, за это видение в лунном свете. Мистер Кохлах вернулся в постель и, когда жена через несколько минут скользнула под простыню, ничем не выдал себя.

Настало время для последних наставлений. Советы, которые родители по нескольку раз в день повторяли Манеку, теперь обрели реальный смысл. Они предостерегали от общения с сокурсниками, которые играют в азартные игры, пьют или курят, советовали быть осторожней с деньгами, и вообще быть настороже: в большом городе люди разные.

— Когда ты жил здесь, мы только приветствовали твое дружелюбное отношение к людям. Для нас не имело значения, с кем ты проводишь время — с богатыми или бедными, к какой касте или религии принадлежат твои друзья, все это было неважно. Но теперь, когда ты едешь в большой город, твоя жизнь круто меняется. Тебе нужно

быть очень, очень осторожным.

Мистер Кохлах собирался проводить сына на автобусе в долину, а потом на моторикше отвезти на вокзал, но помощник, обещавший прийти раньше и помочь с делами, не явился вовремя. Поэтому Манек пустился один в долгий, полуторадневный путь в большой город.

— На вокзале возьми кули, — напутствовал его отец. — Не неси все сам. И заранее договорись о цене. Три рупии достаточно.

— Вы разве не обниметесь? — в волнении произнесла миссис Кохлах, глядя, как отец и сын обмениваются рукопожатием.

— Да, конечно, — сказал Манек и обнял отца.

Почтовый экспресс уже стоял, когда виляющий на дороге моторикша привез Манека на вокзал. Манек расплатился и пошел вслед за кули по пешеходному мосту к платформе, откуда шли на юг поезда. Он немного постоял на мосту, глядя на свой состав, протянувшийся внизу длинной и тонкой полосой, и на суетившихся подле него людей. «Словно муравьи, копошащиеся возле дохлого червя», — подумал Манек.

Кули не остановился, и Манек прибавил шаг, чтоб его догнать. Рядом с залом ожиданий торговец готовил на огне сахарную кукурузу, раздувая

трещавшие угли.

— С сегодняшнего дня будешь платить пятьдесят рупий, — услышал Манек голос начальника станции, собиравшего недельную дань в виде кукурузы и денег. — У тебя лучшее место. Другие за него с удовольствием заплатят и больше.

— Мои глаза слезятся от дыма, я с трудом дышу, — сказал торговец. — Только взгляните на мои пальцы — они обуглились дочерна. Смилуйтесь, господин. — Он ловко перевернул початки, чтоб те не подгорели. — Разве я смогу платить пятьдесят рупий? Ведь еще и полицейских надо уважить.

— Не притворяйся, — оборвал его начальник станции, засовывая деньги в карман накрахмаленной белой униформы. — Я знаю, сколько ты выручаешь.

Время от времени какое-нибудь зернышко с треском лопалось. Этот звук и запах вызвали в памяти Манека его первую поездку на поезде — когда они с матерью отправились к ее родственникам.

На вокзал их провожал отец.

— А ты становишься тяжелым, — шутливо охнул он, поднимая Манека, чтобы сын лучше рассмотрел паровоз. Какой тот был огромный, а

за ним длинной, длинной линией тянулись вереницей похожие на бунгало вагоны! Отец донес сына до конца платформы, где шипело и лязгало чудовище, а Манек тем временем сражался с початком сахарной кукурузы. Мальчик вгрызся в сладкую плоть, и молочно-белый сок обрызгал очки отца.

Отец показал машинисту жестом, будто дергает за что-то, и тот его понял. Он ловко отдал честь, и для Манека прозвучал гудок. От пронзительного свиста у Манека екнуло сердце, и он от страха выронил початок.

— Ничего страшного, — сказал отец. — Мама еще тебе купит.

Раздался последний свисток, и отец сунул Манека прямо через окно на сиденье подле матери. Поезд тронулся, перрон поплыл мимо них. Отец махал рукой, улыбался, посылал воздушные поцелуи. Сначала он шел рядом с вагоном, потом побежал, но вскоре остался позади, как упавший на платформу и исчезнувший из виду початок. Все скрылось…

Манек нашел свой вагон и расплатился с кули после того, как тот внес внутрь багаж. Бунгало на колесах из его детства ужались. Волшебство уступило место повседневности. Раздался свисток.

Покупать сахарную кукурузу было поздно. Манек сел на место рядом с другим пассажиром.

Мужчина не стремился поддержать разговор, который пытался развязать Манек. Он только кивал, хмыкал или делал неопределенные жесты. Мужчина был аккуратно одет, ровный пробор разделял слева его волосы. Карман рубашки топорщился от пластикового чехла с зажимом, набитого ручками и маркерами. Два места напротив занимали молодая женщина и ее отец. Женщина вязала. По движению спиц Манек пытался догадаться, что получится в результате — шарф, рукав свитера, носок?

Ее отец встал и направился в туалет, хромая и опираясь на костыль.

— Подожди, папочка, я тебе помогу, — сказала дочь.

«Это хорошо, — подумал Манек, — значит, ей придется лезть наверх». Оттуда обзор будет лучше, ведь и у него верхняя полка.

Вечером Манек предложил своему тщательно одетому соседу печенье «Глюко». Тот шепотом поблагодарил. «Пожалуйста», — шепнул ему в ответ Манек, решив, что сосед предпочитает разговаривать тихо. В ответ тот угостил его бананом. Тот почернел от жары, но Манек все равно его съел.

Проводник разносил по вагону простыни и одеяла, опускал полки для сна. Когда он вышел из купе, аккуратно одетый мужчина вытащил цепь и замок из сумки, где лежали бананы, и пристегнул чемодан к держателю под сиденьем. Он доверительно сказал Манеку на ухо: «Это от воров, они прокрадываются в вагоны, когда пассажиры спят».

— Вот как, — отозвался Манек, слегка перепуганный. О таком его не предупреждали. Может, мужчина просто неврастеник.

— Несколько лет назад мы с матерью ехали на этом поезде, и у нас ничего не украли.

— Печально, но сейчас другое время. — Мужчина снял рубашку и бережно повесил ее на крюк у окна. Затем вытащил из кармана пластиковый чехол и прикрепил его к нижнему белью, стараясь уберечь от зажима волосы на груди. Заметив взгляд Манека, он с улыбкой прошептал: — Я очень дорожу своими ручками. Не люблю расставаться с ними даже во сне.

Улыбнувшись в ответ, Манек понимающе кивнул:

— У меня тоже есть любимая ручка. Я никому ее не даю — боюсь, что искривится перо.

Отец и дочь неодобрительно наблюдали это

перешептывание, исключавшее их из общения.

— Тут ничего не поделаешь, папочка, некоторые люди так воспитаны, — сказала дочь, передавая отцу костыль. Бросив холодный взгляд на соседей, они снова удалились в туалет.

Манек не обратил особого внимания на эти слова — в нем поселились опасения относительно чемодана. Тихое предупреждение любителя ручек о возможных грабителях отравило ему ночь, он и думать забыл о женщине на верхней полке. А когда вспомнил, она уже лежала, укрытая от любопытных глаз, а отец подтыкал простыню ей под плечи.

Перед тем как забраться на полку, Манек поставил чемодан так, чтобы один угол был постоянно ему виден. Он лежал без сна, время от времени поглядывая на чемодан. Отец молодой женщины несколько раз перехватил этот взгляд и подозрительно посмотрел на него. Перед рассветом сон сморил Манека. Последнее, что он видел перед тем, как погрузиться в сон, был отец молодой женщины, который, балансируя на одном костыле, загораживал простыней дочь так усердно, что увидеть можно было только икру или лодыжку.

Манек проснулся, только когда проводник пришел за постельным бельем. Молодая женщина

уже с головой ушла в вязание, неопознанный шерстяной предмет мелькал под пальцами. Принесли чай. Теперь с иголочки одетый любитель ручек стал более разговорчивым. Чехольчик с ручками был вновь в кармане рубашки. Манек узнал, что вчерашний шепот объяснялся больным горлом.

— К счастью, сегодня мне немного лучше, — сказал мужчина, откашливаясь и сдерживая мокроту.

Манек почувствовал некоторое смущение из-за того, что ошибся и вчера сам стал отвечать драматическим шепотом. Он подумывал, не стоит ли извиниться или хотя бы объяснить свое поведение, но любитель ручек, похоже, был не в обиде.

— У меня серьезное заболевание, — сказал сосед. — Я еду, чтобы пройти курс лечения у специалиста. — Он снова откашлялся. — Давным-давно, в начале карьеры, я и подумать не мог, что моя работа приведет к такому. Но с судьбой не поспоришь!

Манек сочувственно покачал головой.

— Работали на фабрике? Токсичные испарения?

Мужчина презрительно рассмеялся такому предположению.

— Я бакалавр права. Опытный адвокат.

— Понимаю. Длинные речи в пыльных залах суда разрушительно повлияли на ваши голосовые связки.

— Вовсе нет. Совсем наоборот. — Мужчина заколебался. — Это долгая история.

— Но у нас полно времени, — обнадежил его Манек. — До конца путешествия далеко.

Все это перешептывание показалось отцу и дочери оскорбительным. Отец не сомневался, что в тихом смехе таится насмешка над его невинной дочерью. Нахмурившись, он взял в одну руку костыль, другую протянул дочери и заковылял по проходу.

— Ничего не поделаешь, папочка, — сказала дочь. — Некоторые люди не имеют понятия о манерах.

— Похоже, чем-то недовольны, — прокомментировал их уход любитель ручек, глядя на точные, почти автоматические движения костыля. Он откупорил зеленый флакончик, сделал небольшой глоток и отставил флакон в сторону. Любовно проведя рукой по ручкам, сосед, только что влив-ший в себя лекарство, начал свой рассказ.

— Я начал работать адвокатом — это была моя первая и самая любимая работа — очень давно, а

именно в год объявления независимости.

Манек быстро подсчитал в уме: «С 1947 по 1975 год — двадцать восемь лет. Огромный адвокатский опыт».

— Но через два года я сменил работу. Я не мог изо дня в день выступать в зале суда. Слишком большое напряжение для такого застенчивого человека, как я. Дожидаясь утра, я лежал в постели, дрожа и обливаясь потом. Я нуждался в работе, где был бы предоставлен сам себе. Где мог бы работать *in camera*.

— Фотографом?

— Это латынь. Означает — «один», «без свидетелей». — Сосед с грустным видом поскреб ручки, словно хотел облегчить им зуд. — Глупая привычка вставлять латинские фразы вместо хороших английских выражений идет как раз из адвокатуры. Короче говоря, в поисках уединения я стал работать корректором в «Таймс оф Индия».

«Как может чтение корректуры испортить связки», — удивился Манек. Но он уже дважды перебивал рассказчика, оба раза некстати. Лучше уж молчать и слушать.

— У них никогда не было корректора лучше. Мне давали читать самые сложные и важные статьи: редакционные, из зала суда, нормативные

акты, биржевые новости. Статьи известных политиков — до того скучные, что глаза закрывались — так тянуло спать. А сонливость — главный враг корректоров, разрушивший не одну карьеру.

Но для меня сложностей вообще не было. Буквы проплывали перед моими глазами, строчка за строчкой, спеша влиться в океан новостей. Иногда я ощущал себя Верховным адмиралом печатного флота. Через несколько месяцев меня перевели в старшие корректоры.

Мой сон наладился, ночной пот прекратился. Двадцать четыре года я работал на одном месте. Я был счастлив в своем королевстве — стол, стул и настольная лампа. Что еще нужно?

— Ничего, — сказал Манек.

— Вот именно. Но королевства не существуют вечно — даже такие маленькие. И вот однажды это случилось.

— Что?

— Несчастье. Я читал редакционную статью о члене Ассамблеи штата, сделавшем состояние на проекте борьбы с засухой. И вдруг глаза мои зачесались, выступили слезы. Не озаботившись этим серьезно, я потер глаза, осушил слезы и возобновил работу. Но почти сразу глаза снова стали влажными. Я вновь их вытер. Но слезотечение

не прекращалось. И дело шло не об одной-двух каплях, слезы лились рекой.

Вскоре меня окружили обеспокоенные коллеги. Набившись в мое маленькое отгороженное пространство, они утешали меня, думая, что я расстроен. Конечно, говорили они, любой не выдержит, если будет день за днем читать о плачевном состоянии страны, о коррупции, национальных катастрофах, экономическом кризисе. Вот и меня одолели слезы боли и отчаяния.

Все было, разумеется, совсем не так. Моя профессиональная деятельность никогда не зависела от эмоций. Учтите, я не говорю, что корректор должен быть бессердечным. Не отрицаю: мне часто было тяжело, когда я читал о бедности, кастовом насилии, бесчувствии правительства, чиновничьем чванстве, жестокости полиции. Уверен, многие из нас испытывают подобные чувства, и эмоциональный всплеск — в порядке вещей. Но как сказал мой любимый поэт: «от долгой жертвенности каменеет сердце»[81].

— Кто это?

— Йейтс. И я думаю, что иногда нормальные ре-

[81] Примечания: 81

Эти строки ирландский поэт, лауреат Нобелевской премии У. Б. Йейтс (1865–1939) написал во время Пасхального восстания 1916 г. в Ирландии.

акции надо подавлять, чтобы двигаться дальше.

— Даже не знаю, — возразил Манек. — Может, лучше реагировать непосредственно, а не прятать эмоции в себе? Если все в стране возмутятся и открыто проявят недовольство, возможно, это поможет изменить положение, и полицейские станут вести себя как положено.

В глазах мужчины зажегся вызов, он предчувствовал сладость спора.

— Теоретически я мог бы согласиться с вами. Однако на практике это может привести к началу еще большей катастрофы. Вообразите себе шестьсот миллионов разгневанных, вопящих, рыдающих людей. Все в стране — в том числе летчики, машинисты, водители автобусов и трамваев — все утрачивают над собой контроль. Это же настоящая трагедия! Падают самолеты, сходят с рельсов поезда, тонут суда, терпят аварии автобусы, грузовики и автомобили. Хаос. Полный хаос.

Мужчина остановился, дав воображению Манека время представить в деталях разгулявшуюся анархию.

— И хочу напомнить: ученые еще не исследовали последствия массовой истерии и массовых самоубийств в подобных обстоятельствах. Даже

на нашем субконтинентальном уровне. Если даже взмах крыльев бабочки может внести возмущение в атмосферу, которое будет ощущаться на половине земного шара, только представьте, что будет в нашем случае. Бури? Циклоны? Гигантские приливы? А как поведет себя Земля, не ответит ли из сочувствия землетрясениями? Не начнутся ли извержения вулканов? И что будет с реками? Наполненные слезами двенадцати сотен миллионов глаз, не выйдут ли они из берегов и не затопят ли все вокруг?

Мужчина отпил еще глоточек из зеленого флакона.

— Нет, это слишком опасно. Лучше вести себя как обычно. — Он закрыл флакон и утер губы. — Но вернемся к моему рассказу. Я сидел над дневной порцией корректуры, а из моих глаз обильно лились слезы. Я не мог разобрать ни одного слова. Эти дисциплинированные колонки текста словно взбесились, буквы качались и падали, растворяясь в море бушующей бумаги.

Он провел рукой по глазам, словно оживляя в памяти тот роковой день, а затем нежно, успокаивающим движением погладил чехол с ручками, как будто тех тоже взволновало воскрешение в памяти печальных событий. Манек воспользо-

вался паузой, чтобы вставить несколько слов и удостовериться, что рассказ будет продолжен.

— Знаете, вы первый корректор, с которым я познакомился. Я думал, что все они скучные люди, но вы говорите так… с таким… так необычно. Почти как поэт.

— А почему бы нет? В течение двадцати четырех лет успехи и трагедии нашей страны ускоряли мое дыхание, заставляли пульс радостно биться или содрогаться от боли. За двадцать четыре года чтения корректуры стаи слов влетели в мою голову через окна души. Некоторые задержались и свили там гнезда. Почему я не могу говорить, как поэт, если в моем распоряжении находился богатый язык Содружества, постоянно обновляемый? — Он глубоко вздохнул. — Конечно, это было до того слезного дня, когда все кончилось. Окна захлопнулись. И офтальмолог приговорил меня к бездействию, объявив, что с корректурой надо кончать.

— Он не предложил вам поменять очки или еще что-нибудь?

— Это не помогло бы. У меня аллергия на печатную краску. — Мужчина развел руки жестом отчаяния. — Питавший меня нектар превратился в яд.

— И что вы сделали?

— Что можно сделать при таких обстоятельствах? Принять все как есть и жить дальше. Пожалуйста, запомните, секрет выживания — принять перемены и смириться с новыми обстоятельствами. На этот счет есть цитата: «Все рушится и строится заново, и тот, кто строит новое, весел».

— Йейтс? — предположил Манек.

Корректор кивнул.

— Иной раз даже просчеты можно использовать как ступеньки к успеху. Нужно удерживать хрупкое равновесие между надеждой и отчаянием. — Он помолчал, обдумывая сказанное, и заключил: — Да. В результате все решает равновесие.

Манек кивнул.

— И все же вы, наверное, очень скучаете по своей работе.

— Не так чтобы очень, — отклонил сочувствие мужчина. — Не по работе. Большинство газетных материалов — просто мусор. Многое из того, что входило в окна моей души, быстро выходило через вентиляционный люк.

Манеку показалось, что мужчина противоречит тому, что говорил ранее. Возможно, в

корректоре еще жил адвокат, который мог с равным успехом защищать обе стороны.

— Несколько приобретенных тогда хороших мыслей я храню по сей день. — Корректор постучал себя сначала по лбу, а потом по пластиковому чехлу. — Никаких глупостей или завихрений в голове, и никаких ручек с высохшими чернилами в кармане.

Стук костыля в коридоре возвестил о возвращении отца и дочери. Манек и корректор приветствовали пару любезной улыбкой. Но их было нелегко перестроить на дружеские отношения. Проходя к своему месту, отец нацелил костыль на ногу корректора. Если бы тот не поостерегся, инвалид мог бы ее проткнуть.

— Простите, — раздосадованно извинился он. — Ничего не поделаешь, когда у тебя одна нога, в мире двуногих постоянно попадаешь в неловкие ситуации.

— Умоляю, не беспокойтесь, — сказал корректор. — Ничего не случилось.

Дочь опять принялась за вязание, а ее отец устремил мрачный взгляд в окно, несказанно удивив фермера, который обрабатывал свое поле и случайно заметил эти налитые злобой глаза. Манек с нетерпением ждал продолжения исто-

рии корректора.

— Значит, теперь вы на пенсии?

Мужчина покачал головой.

— Не могу себе этого позволить. Нет, к счастью для меня, главный редактор проявил чуткость и предложил мне новую работу.

— А как ваша болезнь горла? — Манек боялся, что эта тема, положившая начало разговору, отошла в сторону.

— Ее я заработал на новом месте. Благодаря своему положению, главный редактор был на дружеской ноге со многими политиками и помог мне устроиться организатором протестных акций. — Видя недоумение на лице Манека, он объяснил: — Ну, я должен был писать лозунги, нанимать людей в группу поддержки и устраивать митинги или демонстрации для разных политических партий. Поначалу мне показалось, что эта работа несложная.

— А как на самом деле?

— С творческой стороны проблем не было. Писать речи, сочинять лозунги — дело нехитрое. После долгих лет работы корректором я точно знал предпочтения профессиональных политиков — пустая болтовня и непомерное хвастовство.

Мой *modus operandi*[82] был простым. Я заготовил три листа: Достижения Кандидата (подлинные и вымышленные); Обвинения против Оппонента (в том числе слухи, голословные утверждения, косвенные намеки и открытая ложь); Пустые Обещания (чем невероятнее — тем лучше). Оставалось только собирать разные комбинации из этих трех листов, добавляя немного напыщенности и местного колорита — и вот уже готова новая, свежеиспеченная речь. Заказчики носили меня на руках. — Мужчина улыбнулся при воспоминании о своих успехах.

— Трудности начинались на последнем этапе, на улице. Ведь прежде я всегда работал в тишине офиса, и мое горло было нетренированным. А теперь мне приходилось выкрикивать инструкции, орать лозунги, побуждая толпу делать то же самое. Это была *terra incognita*[83]. Такая работа оказалась мне не по силам. Слишком большое напряжение для нетренированного горла. Голосовые связки подверглись такому испытанию, что, по мнению докторов, теперь они никогда не восстановятся.

---

[82] Примечания: 82
Образ действий *(лат.).*

[83] Примечания: 83
Неведомая страна *(лат.).*

— Это ужасно, — посочувствовал Манек. — Пусть бы другие вопили и орали. В конце концов их за этим и приглашают, разве не так?

— Совершенно верно. Но на прежней работе я привык делать все сам, до последней мелочи, а от такой привычки трудно отвыкнуть. Я не мог доверить наемным работникам такое важное представление. Ведь успех демонстрации измеряется в децибелах. Я чувствовал, что должен показать пример, использовать свой голос на полную катушку, взывать к небесам, проклинать силы зла, воздавать хвалу жертвователям — реветь и возмущаться, кричать и аплодировать, пока не добьюсь победы.

Возбужденный этими воспоминаниями, корректор забыл о предписаниях врача и повысил голос. Выдернув из кармана ручку, он стал размахивать ею, как дирижерской палочкой. Но это симфоническое сопровождение прервал жуткий приступ сухого кашля, сопровождавшийся удушьем.

Отец с дочерью испуганно отпрянули на сиденьях в страхе, что могут заразиться.

— Ничего не поделаешь, папочка, — фыркнула дочь, прикрывая нос и рот сари. — Некоторые не думают об окружающих. И без зазрения совести

распространяют инфекцию.

Восстановив дыхание, корректор сказал:

— Теперь вы сами все видели и понимаете степень моих страданий. Таков результат моей протестной деятельности. Произошел второй срыв. — Он обхватил руками свою шею. — Можно сказать, я сам перерезал себе глотку.

Манек из вежливости засмеялся, но корректор не был настроен шутить.

— Опыт кое-чему меня научил, — серьезно произнес он. — Теперь рядом со мной постоянно находится горластый помощник, которому я шепотом передаю инструкции. Я учу его правильной интонации, темпу, ударным и неударным слогам. Затем он от моего лица командует орущим отрядом.

— И у него нет проблем с горлом?

— Да, в целом никаких. В армии он был старшиной. И все же я снабжаю его ментоловыми таблетками для горла. Обычно мы встречаемся с ним на вокзале. В городе всегда есть потребность в тех или иных акциях. В разных группах идет бесконечная агитация — за увеличение продовольственных запасов, за снижение налогов, за рост заработной платы и низкие цены. Пока я лечу горло, мы одновременно занимаемся делами.

К концу рассказа голос соседа понизился до еле слышного шепота, каким тот общался вчера. И Манек попросил его не напрягать больше связки.

— Вы правы, — сказал бывший корректор. — Мне уже давно пора замолчать. Кстати, меня зовут Васантрао Валмик, — и он протянул руку.

— Манек Кохлах, — ответил юноша, пожимая его руку, в то время как отец с дочерью демонстративно отвернулись, не желая быть свидетелями рукопожатия двух столь невоспитанных индивидов.

В дороге Манек провел тридцать шесть часов, одежда его пропылилась, резало глаза. Тупо ныл нос, и саднило горло. «Трудно представить, как перенесли дополнительные нагрузки натруженные голосовые связки бедного корректора», — подумал Манек.

— Прощайте, мистер Валмик! Всего вам доброго! — сказал он, вываливаясь с чемоданом и коробками на перрон.

Стоя с грустным видом на платформе и выискивая глазами отставного старшину, Васантрао Валмик не смог прохрипеть в ответ слова прощанья. Он только помахал юноше рукой, которая, опускаясь, погладила на груди ручки.

Такси, взятое Манеком на вокзале, по дороге к общежитию сделало небольшой крюк из-за несчастного случая. Какого-то старика сбил автобус. В ожидании полиции и скорой помощи кондуктор останавливал проходящие автобусы и пересаживал в них пассажиров.

— Чтобы перейти улицу, надо быть молодым и проворным, — задумчиво произнес таксист.

— Да, — согласился Манек.

— Водители автобусов, проклятые мошенники, покупают лицензии, не сдавая экзамены. — Таксист с сердитым видом перестроился в другой ряд, чтобы не терять время. — По ним тюрьма плачет.

— Вы правы, — сказал Манек, слушая шофера в пол-уха. Превозмогая усталость, он следил, как за окном кинопленкой разворачивается город. На тротуаре дети кидали камешками во вязавшихся кобеля и суку. Кто-то запустил в собак бутылку, чтобы те разбежались. Такси чуть не сбило метнувшегося под колеса кобеля.

На следующем светофоре полицейские скрутили мужчину, избитого шестью или семью молодыми соседями. Местные жители высыпали на улицу, чтобы увидеть кульминацию драмы.

— Что случилось? — спросил таксист у зеваки,

высунувшись из окна.

— Плеснул кислотой жене в лицо.

Зеленый сигнал зажегся, прежде чем они успели узнать причину такого поступка. Таксист предположил, что жена могла путаться с другим мужчиной или сожгла обед мужчины.

— Некоторые психи что угодно могут сотворить.

— Может, был спор из-за выкупа, — предположил Манек.

— Тоже может быть. Но в таких случаях обычно пользуются керосином на кухне.

До общежития Манек добрался поздним вечером. Привратник назвал ему номер комнаты, дал ключи и лист с правилами внутреннего распорядка: всегда держать комнату запертой; не писать на стенах и не царапать их острыми инструментами; не приводить к себе представительниц противоположного пола; не выбрасывать из окон мусор; соблюдать тишину в ночное время…

Манек смял написанный под копирку лист и швырнул его на маленький письменный стол. Слишком возбужденный, чтобы есть или мыться, он вскрыл пакет с постельным бельем и лег спать.

Манек проснулся оттого, что по его ноге что-то

ползло. Приподнявшись на локте, он сильно шлепнул ладонью ниже коленки. Было темно. Он не мог вспомнить, где находится, сердце его бешено колотилось, он весь дрожал. Почему окно его комнаты стало меньше? И куда делась долина за окном, где по ночам танцуют огоньки, а вдали неясно прорисовываются темные горы? Куда все исчезло?

Когда глаза смогли различить сваленный на полу багаж, он почувствовал облегчение. Точно — он приехал на поезде. Эта поездка все изменила. Сколько он спал — несколько часов или минут? Манек уставился на свои часы и, пытаясь разрешить эту загадку, обдумывал комбинации святящихся цифр.

Вспомнив, что именно разбудило его, Манек вздрогнул. Да, что-то ползло по ноге. Он выпрыгнул из постели, споткнулся о чемодан, чуть не сбил стул и стал яростно шарить по стене. Выключатель. Щелк. От движения пальца вспыхнула подвешенная к потолку голая электрическая лампочка и осветила белую простыню, сверкавшую как свежевыпавший слепящий снег. Однако на той стороне, где он спал, остались грязные пятна от пропыленного лица и одежды.

И тут Манек увидел на краю белоснежного про-

стора *его*. Свет погнал *его* к щели между кроватью и стеной. Схватив ботинок, Манек изо всей силы ударил по простыне, пытаясь попасть в цель. Он промахнулся, и таракан улизнул. Позабыв про усталость, раздосадованный Манек принялся за дело с большей решительностью. Он отодвинул кровать от стены — очень осторожно, чтобы не спугнуть беглеца, пока не образовалось пространство достаточное, чтобы просунуть руку.

На открывшемся клочке пола Манек увидел не одного таракана, а целое сборище его родственников. Тихо подняв руку, он нанес серию ударов. Ботинок сразил трех насекомых, остальные скрылись под кроватью. Манек опустился перед кроватью на четвереньки, полный решимости не дать никому удрать. Тем временем у него зачесалась лодыжка, и он, потянувшись рукой, нащупал покрасневшую опухлость. Такие же зудящие бугорки были на плечах.

В дверь постучали. Манек не спешил открывать, боясь прекращать охоту — если тараканам удастся скрыться, он останется их жертвой на всю ночь.

— Эй! Все в порядке? — раздался голос за дверью.

Манек выполз из-под кровати и открыл дверь.

— Привет, — сказал гость. — Меня зовут Авинаш. Я живу в комнате рядом. — Авинаш протянул Манеку правую руку, держа в левой спрей.

— А я Манек. — Бросив ботинок, он пожал протянутую руку, одновременно поглядывая через плечо — не пытаются ли сбежать враги.

— Я слышал шум, — сказал Авинаш. — С тараканами сражался?

Манек кивнул и подобрал ботинок.

— Расслабься, я дам тебе средство понадежнее. — И Авинаш с улыбкой протянул ему спрей.

— Спасибо, я справлюсь, — поблагодарил его Манек, яростно расчесывая красные пятна на руках. — Я уже прихлопнул троих и…

— Ты не знаешь, куда попал. Убьешь троих, придут маршем три дюжины, чтобы отомстить. Как в фильмах Хичкока. — Рассмеявшись, Авинаш подошел ближе и осторожно коснулся красных бугорков на руках Манека. — А вот это клопы.

Авинаш посоветовал Манеку опрыскать комнату и не входить в нее минут сорок пять.

— Это единственная возможность сегодня заснуть. Поверь мне, я уже третий год живу в этом общежитии.

Убрав простыни и подняв матрас, они обработали каркас и решетку кровати. Обрызгали и

всю комнату — вдоль подоконника, по углам, в шкафу. Чемодан и коробки перенесли в комнату Авинаша, чтобы клопы и тараканы не залезли туда в поисках убежища.

— Мне неловко, что ты потратил так много спрея, — сказал Манек.

— Не думай об этом. Тебе все равно придется купить упаковку Флита. Потом как-нибудь я у тебя позаимствую. Комнаты надо обрабатывать не реже раза в неделю.

Юноши сели, дожидаясь, чтобы насекомые передохли. Манек — на единственный стул, Авинаш — на кровать.

— Итак, — произнес сосед, откидываясь на локтях.

— Спасибо за помощь.

— Не стоит благодарности. — Последовала пауза, каждый ждал, в какую сторону пойдет беседа. Но ясности не было.

— Может, сыграем в шахматы или в шашки или еще во что-нибудь, чтоб убить время?

— Хорошо. Давай в шашки. — Манеку нравилось, что новый знакомый при разговоре не отводит глаз.

Когда юноши склонились над доской, язык у обоих развязался.

— Так откуда ты? — спросил Авинаш, проведя первую дамку.

Нового знакомого заворожил рассказ о городке на холмах, поселениях, горных хребтах, лангурах, снежных вершинах. Выиграв и вновь расставив шашки, он признался, что никогда не путешествовал.

— Дом на холме построил мой прадед, — продолжал Манек. — Из-за крутого склона, нам приходится удерживать его стальными тросами.

— Послушай… кончай лапшу на уши вешать.

— Я говорю правду. После одного землетрясения поехал фундамент, и дом в прямом смысле пошел под откос. Тогда стали пользоваться тросами. — Манек рассказал, как проходили восстановительные работы, и описал технические детали.

Этот серьезный, с подробностями рассказ убедил Авинаша. Его позабавило, что дом можно удерживать на цепи, прикрепленной к скале.

— Звучит так, будто у дома склонность к суициду.

Оба рассмеялись. Авинаш сделал ход и снова прошел в дамки. Через несколько ходов он вновь выиграл.

— Так чем занимается твой отец?

— У нас магазин.

— А, бизнесмен. Деньжата, наверно, водятся, раз послал тебя так далеко учиться.

Манека обидела язвительная насмешка в его голосе.

— Не магазин, а магазинчик, и родители трудятся в поте лица. Меня отправили учиться из-за того, что бизнес пошел под откос…

Юноши одновременно посмотрели друг на друга и рассмеялись уже знакомому выражению. Манек решил, что достаточно рассказал о себе.

— Ну, а ты? Раз здесь учишься, значит, отец может себе это позволить.

— Боюсь, разочарую тебя. У меня стипендия.

— Прими мои поздравления. — Манек раздумывал, какой лучше сделать ход. — А что делает твой отец?

— Работает на текстильной фабрике.

— Менеджером?

Авинаш покачал головой.

— Бухгалтером?

— Он работает на ткацком станке. Уже тридцать лет вкалывает на этой проклятой машине. — Голос Авинаша задрожал от гнева, но он справился с собой.

— Прости, — сказал Манек. — Я не хотел…

— Не извиняйся. Правды я не стыжусь. Жаль, что у меня нет истории интересней. Ни гор, ни снегов, ни убегающих домиков — только отец, отдавший свою жизнь фабрике, а в результате получивший туберкулез.

Они начали новую партию, и Авинаш продолжил рассказ. Выиграв стипендию, он стал мечтать о собственной комнате в общежитии. Всю свою сознательную жизнь он прожил с родителями и тремя сестрами в одной комнате с кухонькой — жилье им предоставила фабрика. Отец уже несколько лет болел туберкулезом, но был вынужден работать среди пыли и фабричных отходов, чтобы содержать семью. Кроме того, брось он работу, их тут же выставят из квартиры, а другого жилья нет.

Общежитие — грязное, кишащее крысами и тараканами, стало большим разочарованием для Авинаша.

— Да, дома у нас только комната и кухня, зато в какой чистоте мы их содержим!

Следующим разочарованием стал пост Президента студенческого союза и Председателя комиссии при общежитии.

— Я жалею, что меня избрали. В проспекте колледжа нет ничего, что могло бы подготовить

студента к подобной жизни в общежитии.

— Что ты имеешь в виду?

— Не хочу портить твой первый день грустным рассказом. То, с чем ты столкнулся, это еще ягодки. Если б студенты проявили интерес, потребовали улучшений — ванны и туалеты легко можно привести в порядок. Деньги на эксплуатационные расходы уходят непонятно в чей карман. То же самое и со столовой. У поставщика выгодный контракт, и на кухню он доставляет всякую дрянь. Выбор у студентов невелик — брать вегетарианские отбросы или отбросы не вегетарианские.

— Я не привередлив в вопросах пищи, — храбро произнес Манек.

Авинаш рассмеялся.

— Это мы еще посмотрим. На самом деле выбор не так уж и велик. Вегетарианская еда ничем по сути не отличается от невегетарианской — нет только хрящей и костей.

Манек напрягся: ему показалось, что его шашка может наконец пробить оборону.

— Дело в том, — сказал Авинаш, убирая эту шашку с поля, — что большинство студентов в общежитии из бедных семей. Эти студенты боятся жаловаться — все, чего они хотят, это поскорее

закончить обучение и найти работу, чтобы помочь родителям, братьям и сестрам.

Прозевавший хороший момент Манек пропустил еще одну шашку Авинаша в дамки, и через пару ходов проиграл партию. Так как партнер не злорадствовал и не задавался, проигрывать было не обидно.

— У тебя сонный вид, — сказал Авинаш. — Неудивительно, что тебе трудно сосредоточиться на игре.

— Ничего, давай еще сыграем. Знаешь, а ведь ты не похож на других студентов.

Авинаш засмеялся.

— Откуда тебе знать? Ты ведь новичок.

Манек немного подумал, крутя пальцем по концентрическим желобкам шашки.

— Ну, хотя бы… хотя бы из твоих слов. Ведь ты стал Президентом, чтобы улучшить студентам жизнь.

Авинаш пожал плечами.

— Даже не знаю. Я хочу уйти с этого поста. Надо сосредоточиться на учебе. Я первый, кто окончил школу в нашей семье. От меня ждут многого. У меня три сестры. Я должен собрать деньги им на приданое, иначе они не выйдут замуж.

Он помолчал, улыбаясь:

— В детстве, когда я помогал матери их кормить, сестры кусали меня за пальцы. Если я получу диплом и хорошую работу, значит, отец не напрасно харкал кровью, так он говорит.

Они оторвали глаза от доски, и Авинаш замолчал. Легко говорить, когда взгляд прикован к фигурам. Доска связывает игру и беседу. Теперь нить оборвалась. Воцарились неловкость и смущение.

— Нужно распаковывать вещи.

— Думаю, твоя комната уже готова. Пойдем, проверим.

Они перенесли на прежнее место чемодан и коробки, вымели дохлых тараканов и заново застелили кровать.

— Не придвигай кровать к самой стене, — сказал Авинаш. — Оставь хоть фут между ними. Так безопаснее. — Он также посоветовал погрузить ножки кровати в банки с водой, чтобы как-то затруднить насекомым путь к телу. — Сделай это завтра. Сегодня тебя уже не побеспокоят.

Манек пожаловался в приемную директора, что в уборной не работает слив.

— Просто в бачок не поступает вода, — ответил клерк, поднимая глаза от документов, которые приводил в порядок с помощью скотча. — Стро-

ительная фирма не соединила трубы. Колледж подал на нее в суд. Но не волнуйтесь, уборщик следит за чистотой.

— Каким образом?

— Сливает все водой.

— А когда он это делает?

— До пробуждения студентов — часа в четыре-пять утра.

Манек тут же принял решение — каждое утро первым посещать туалет, как бы рано ни приходилось для этого вставать.

На следующее утро Авинаш, услышав его шаги до рассвета, высунулся из комнаты, чтобы узнать, в чем дело.

— Что случилось? Ты не заболел?

— Нет, с чего ты взял?

— Ты хоть знаешь, сколько сейчас времени? Четверть шестого.

— Знаю. Но не хочу, чтобы на меня из унитаза пялилось чье-то дерьмо.

Авинаш рассердился было на такую привередливость, но потом рассмеялся.

— Ах вы, богатенькие сынки! Не знаете вы жизни!

— Говорю тебе, никакой я не богатенький. Дома у нас ванная комната и туалет самые простые

— как здесь. Но вода в бачке есть. И не воняет.

— У вас одна проблема — слишком острое зрение и слишком тонкое обоняние. Но здесь большой город, а не красивые, заснеженные горы. Придется обуздать нежные глазки и нос. И еще будь готов к студенческим розыгрышам.

— О нет, только не это, — взмолился Манек, вспомнив забавы в частной школе. — Студенты что, так и не подросли? Что они здесь вытворяют? Льют воду в постель? Подсыпают соль в чай?

— Что-то вроде того.

В конце недели Манек в своем письме домой постарался изложить все случившееся с ним так, чтобы у домашних не сложилось впечатления, что он ноет. Ему не хотелось, чтобы бригадир и миссис Гревал и все остальные, ознакомившись с письмом, стали считать его неженкой, не способным жить самостоятельно.

Но через две недели, когда дружба с Авинашем окрепла, Манек уже почти верил в то, что ему говорили дома перед отъездом: в колледже его ждет замечательная жизнь.

Как-то вечером, сидя за шашками, Манек признался Авинашу, что не умеет играть в шахматы. Тот обещал научить его за три дня.

— Если ты настроен серьезно, я научу тебя этой

игре.

Оба были вегетарианцами, сидели в одном углу столовой, и шахматные уроки начинались уже там — карандашом на бумаге. Манек говорил, что за уроками легче проглотить такую стряпню.

— Ты делаешь успехи, — сказал Авинаш. — Секрет в том, чтобы уметь отключать наши чувства. Познакомить тебя с моей теорией? Я думаю, наше зрение, обоняние, вкус, осязание, слух — все они созданы для наслаждения идеальным миром. Но так как мир далек от совершенства, нам следует зашорить наши чувства.

— Общежитие нельзя назвать просто несовершенным. Это гигантское уродство.

После еды друзья перешли в общую гостиную, которая некоторое время пустовала. Потом несколько студентов начали играть в карром[84]. Каждый раз, когда диск стукался о край доски и отскакивал, зрители издавали возгласы одобрения или сочувствия. Вошла еще одна группа, шумная и смеющаяся — юноши затеяли игру «забрось колпачок от ручки на вентилятор». По задумке надо было, чтобы колпачок осел на одной

[84] Примечания: 84

Карром — популярная в Индии игра, комбинация бильярда и аэрохоккея (ее еще называют «бильярд пальцами»). Нужно щелчком по диску попасть в один из четырех карманов.

из трех лопастей. После нескольких бесплодных попыток придумавший забаву студент залез на стул, придержал вентилятор и положил на лопасть колпачок. Скорость вентилятора усилили, и вскоре под восторженные крики колпачок слетел. Этого студентам показалось мало, и тогда они схватили одного юношу и подняли к вентилятору, угрожая, что снесут ему голову лопастями. Тот визжал и орал — как от страха, так и оттого, что этого от него ждали.

Манек и Авинаш некоторое время наблюдали за этими дурачествами, а потом поднялись наверх, чтобы продолжить уроки. Шахматные фигуры хранились у Авинаша на столе в коробке из клееной фанеры, покрытой красно-коричневым лаком. Выдвинув крышку, Авинаш высыпал фигуры на доску. Основания грубо сработанных фигур были подклеены зеленым фетром. На дне коробки Манек заметил листок бумаги, лежавший лицевой стороной вниз, и перевернул его.

— Эй, это тебя не касается, — сказал Авинаш.

— Круто, — отозвался Манек, с восхищением читая свидетельство о получении главного приза на студенческом шахматном турнире 1972 года. — А я и не знал, что учусь у чемпиона.

— Не хотел, чтобы у тебя были комплексы, —

сказал Авинаш. — Ну что ж, приступим.

К третьему дню Манек постиг основы игры. Они сидели в столовой, и Манек размышлял над задачей, предложенной Авинашем, где белые делают мат в три хода. Вдруг в вегетарианской части столовой поднялась суматоха. Студенты повскакали со своих мест, послышался шум переворачиваемых столов, разбитых тарелок и стаканов, в кухонную дверь полетели стулья. Вскоре о причине бунта узнали все: студент-вегетарианец обнаружил кусочек мяса, плавающий в том, что должно быть чечевичной похлебкой.

Все возбужденно говорили о подлеце-поставщике, глумящемся над религиозными чувствами студентов, пренебрегающем верованиями, оскверняющем их жизнь — и все ради того, чтобы набивать свой карман. За считаные минуты все живущие в общежитии вегетарианцы спустились в столовую, горячо обвиняя поставщика в двуличности. Казалось, некоторые были на грани нервного срыва, они кричали что-то бессвязное, бились в конвульсиях, засовывали в рот пальцы, чтобы исторгнуть запретную пищу. Некоторых рвало прямо на стол.

Но никаких пальцев не хватило бы, чтобы избавиться от пищи, которую студенты проглотили

в начале обеда. Эта отвратительная субстанция вошла в их плоть и кровь и причиняла страдания. Несчастных рвало, они плевались, стонали, раскачивались, держась за голову, и кричали о постигшем их несчастье, не желая признавать, что желудки уже пусты.

Всеобщая истерия обрела конкретный объект, когда из кухни приволокли поваров. Шесть человек, от которых несло прогорклым маслом, потом и кипящим варевом, дрожали перед своими обвинителями. Белые униформы были заляпаны пятнами от стряпни — коричневые чечевичные разводы и темно-зеленые полосы от шпината.

Возможность мести успокоительно подействовала на возбужденные желудки вегетарианцев. Тошнота отступила, место отходящей желчи, рвоты и зеленовато-желтой пены заняли потоки злобной ругани.

— Отдубасить этих негодяев!

— Начистить рыло!

— Пусть сами жрут мясо!

Но эти угрозы не успели привести в действия, потому что все шестеро работников кухни благоразумно рухнули на колени и завыли в голос. Их хныканье и мольба о пощаде были так же истерически непоследовательны, как и рвотные

позывы вегетарианцев.

Авинаш некоторое время наблюдал разворачивающуюся перед ним драму, потом резко встал.

— У меня есть одна мысль. Присмотришь за шахматами?

— Тебя побьют, — сказал Манек. — Лучше не вмешивайся.

— Не беспокойся. Ничего со мной не случится.

Манек положил фигуры в коробку, наблюдая за происходящим из угла. Работники кухни и студенты застыли в немой сцене — разоблаченного Преступления, молящего о пощаде у ног неминуемой Кары. Все это могло бы показаться забавным, если б не реальная угроза для поваров, которых могли избить до полусмерти. Однако пока невидимая линия разделяла противостоящие стороны. «Странно, — подумал Манек, — насколько прочными могут быть эти невидимые нити — не хуже кирпичной стены».

— Стойте! Подождите минуту! — крикнул Авинаш, вставая между испуганными поварами и студентами.

— В чем дело? — нетерпеливо выкрикнул кто-то из студентов, узнав в нем Председателя комиссии при общежитии и Президента студенческого союза.

— Прошу минуту внимания. Какой смысл в избиении этих парней? Виноват нечестный поставщик, а не они.

— Если отлупить его служащих — это будет предупреждением. Он сюда больше носу не сунет.

— Вот и нет. Вернется, да еще и полицейских прихватит.

«Отличный первый ход, — подумал Манек, — невидимая линия стала прочнее».

Авинаш уговаривал вегетарианцев и вообще всех недовольных пищей присоединиться к нему и подать жалобу в администрацию.

— Давайте сделаем это демократическим путем, не будем вести себя как уличные головорезы. Достаточно с нас чертовых политиков.

«Шах, — подумал Манек. — Умный ход».

Некоторые поддержали Авинаша, другие упорно ему противостояли. Последовал новый залп угроз вегетарианцев, и в ответ жалкая шрапнель из раболепства и хныканья поваров. Однако напряжение понемногу спадало в обоих лагерях. Число сторонников Авинаша увеличивалось. Угрозы вегетарианцев постепенно сошли на нет, а повара перестали ныть, хотя были готовы в любой момент, если возникнет необходимость, снова пасть на колени.

Было решено на следующее утро прийти с протестом к кабинету ректора. К этому времени предложенный план действий поддерживали все. Даже самые последовательные вегетарианцы перестали плеваться, успокоились и разошлись по комнатам, чтобы совершить омовение, пообещав утром пойти к кабинету вместе со всеми.

«Шах и мат, — подумал Манек. — Невидимая линия осталась неуязвимой».

— А ты прирожденный лидер, — сказал он чуть позже Авинашу, и в его словах было восхищение, смешанное с насмешкой.

— Не думаю. Скорее, дурак с рождения. Следовало не отступать от принятого решения — бросить общественную работу и засесть за книги. Ладно, пойдем наверх.

Волнения в столовой принесли успех Авинашу и его сторонникам. Ректор письменно отказался от услуг поставщика. Комиссии общежития предоставлялось право подобрать ему замену.

Ликующие студенты праздновали победу и подумывали о дальнейших улучшениях. Президент обещал, что руководство один за другим устранит все недостатки университетского городка — семейственность в штате, взятки при поступлении в университет, продажу экзаменационных работ,

особые привилегии для семейств политиков, государственное вмешательство в учебный план, запугивание преподавателей. Список был длинный — разложение проникло глубоко.

Воздух был пронизан эйфорией. Студенты горячо верили, что их пример вдохновит и остальные университеты на проведение реформ, и это явится поддержкой движения Джайпракаша Нараяна, призывавшего нацию вернуться к принципам Ганди. Перемены воодушевят все общество, изменят его, и оно, из пораженного коррупцией, загнивающего чудовища, превратится в здоровый, обновленный организм, который, имея за собой богатую древнюю цивилизацию, мудрость Вед и Упанишад, разбудит человечество и поведет его дорогой просвещения.

После бунта в столовой всех охватили благородные мечты. Решимость и добрые намерения породили создание многочисленных подкомиссий, составлялись программы, подписывались протоколы и утверждались резолюции. Еда в столовой улучшилась. Оптимизм правил бал.

Манеку вся эта кутерьма порядком надоела. Ему хотелось, чтобы вернулась их прежняя жизнь с Авинашем. Бесконечная суета его утомляла. Он попытался отвлечь Авинаша от нового увлечения

хитрым, как ему казалось, способом, напомнив об обязательствах перед семьей.

— Думаю, ты был прав, когда хотел полностью сосредоточиться на занятиях ради родителей и приданого сестрам. Так и надо сделать.

Это напоминание омрачило лицо Авинаша.

— Я часто испытываю из-за этого чувство вины и сразу же откажусь от руководства, как только улажу оставшиеся проблемы.

— Какие проблемы? — раздраженно спросил Манек. — На ваших собраниях ты ни разу не поднял вопроса о грязных туалетах и ванных. Нужно говорить в первую очередь о засилии тараканов и клопов. Твой подход не понравился бы Махатме Ганди, он был поборником чистоты: физическая чистота предшествует чистоте ума, а чистота ума предшествует чистоте духа.

Порицание развеселило Авинаша, он рассмеялся, обнял друга за плечи, и они побрели по университетскому дворику.

— А я и не знал, что ты знаток философии Ганди. Хочешь возглавить комиссию по борьбе с тараканами? Я поддержу это начинание.

Манек присутствовал на нескольких собраниях и митингах, только чтобы поддержать товарища. Но скоро и это перестало казаться достаточным

основанием. Казалось, там льют из пустого в порожнее, и Манек перестал посещать подобные мероприятия.

Теперь у Авинаша не хватало времени для шахматных посиделок. Друзья по-прежнему вместе ели, но редко оставались наедине, и Манеку это не нравилось. Авинаш был постоянно окружен людьми, они спорили о вещах, в которых Манек не разбирался, да и не стремился разбираться. Споры пестрели словами вроде демократизации, конституции, отчуждения, дегенерации, децентрализации, коллективизации, национализма, капитализма, материализма, феодализма, империализма, коммунализма, социализма, фашизма, релятивизма, детерминизма, пролетарианизма — изм, изм, изм; слова носились вокруг, жужжа, как насекомые.

«Почему эти люди не могут говорить нормальным языком?» — задавался вопросом Манек. Ради забавы, он стал считать разные «измы» и остановился, когда дошел до двадцати. Иногда в дебатах упоминались и «собаки» — псы империализма, прихвостни капитализма. Иногда «собак» сменяли «свиньи» — капиталистические свиньи. Гиены-ростовщики и шакалы-землевладельцы тоже время от времени упоминались. Однако в

последнее время наряду с «измами» студенты все чаще говорили о чрезвычайном положении и вели себя при этом так, будто небо обрушилось.

Осознавая свое невежество, Манек сразу же после столовой шел к себе. У него по-прежнему хранились пластиковые шахматные фигуры, он расставлял их на доске и играл сам с собой. Делая ход, Манек переворачивал доску, но скоро это ему наскучило, и он стал изучать данное Авинашем пособие по решению шахматных задач повышенной сложности.

Манек по-прежнему избегал общества друга, хотя это давалось ему с трудом. Но, когда после нескольких дней одиночества решимость его ослабела и он уже собирался идти на попятную, Авинаш сам постучал в его дверь.

— Привет! Что нового? — И Авинаш дружески похлопал его по спине.

— Да вот, играю.

— Один?

— Нет, сам с собой. — И Манек опрокинул своего короля.

— Последнее время редко вижу тебя. Тебе что, не интересно, что происходит?

— Ты имеешь в виду — в университете?

— Да, и в других местах тоже: ведь ввели чрез-

вычайное положение.

— А, ты об этом. — Манек сделал равнодушное лицо. — Я не очень в этом разбираюсь.

— Ты не читаешь газеты?

— Только комиксы. Политические статьи такие скучные.

— Ладно, попробую быстро тебе объяснить. Только не засыпай.

— Хорошо. Засекаю время. — Манек взглянул на часы. — Готово. Начинай.

Авинаш сделал глубокий вдох.

— Три недели назад Верховный суд обвинил премьер-министра в мошенничестве на последних выборах. Это означало, что ей следует покинуть пост. Но она тянула время. Тогда оппозиция, студенческие организации, профсоюзы стали организовывать массовые демонстрации по стране, требуя ее отставки. Чтобы сохранить власть, она заявила, что внутренние беспорядки угрожают безопасности страны и ввела чрезвычайное положение.

— Прошло двадцать девять секунд, — сказал Манек.

— Подожди, немного осталось. Под предлогом чрезвычайного положения временно ограничены основные права граждан, арестована бóльшая

часть оппозиции, профсоюзные деятели и некоторые студенческие лидеры брошены в тюрьмы.

— Тебе надо быть осторожнее.

— Не волнуйся. Наш университет не в первых рядах. Хуже всего, что ввели цензуру.

— Выходит, теперь нет смысла читать газеты?

— И еще она задним числом изменила закон о выборах, переведя себя из нарушителей в невинную жертву.

— И у тебя из-за этого нет времени играть в шахматы?

— Да я только и делаю, что играю. Постоянно решаю шахматные задачи. А теперь давай посмотрим, чего ты достиг. — Авинаш поставил доску и спрятал за спиной белую и черную пешки. Манеку повезло, и он, играя белыми, начал с того, что пошел королевской пешкой. К своему удивлению, через полчаса он выиграл.

— Я сам виноват — научил тебя на свою голову, — пошутил Авинаш. — Вскоре устроим матч-реванш.

«Теперь все пойдет по-старому», — подумал Манек. Авинаш снова будет с ним. Втайне он надеялся, что ректор прикроет проклятый Студенческий союз из-за чрезвычайного положения, как сделали другие университеты. И тогда ничто

не будет отвлекать его друга.

Но для Манека ничего не изменилось: шахматные партии не возобновлялись. Несколько вечеров подряд он стучался к Авинашу, но ему никто не открыл. Дважды он подсовывал под дверь записку: «Привет! Где ты прячешься? Неужели боишься встретиться со мной за шахматной доской? До встречи. Манек».

После второй записки он встретил Авинаша в столовой, и тот только помахал ему рукой.

— Получил твою записку, — сказал он на бегу. — Завтра свободен?

— Конечно.

Весь следующий вечер Манек провел в своей комнате, но друг так и не появился. Расстроенный и сердитый лег он спать, пообещав себе, что теперь Авинашу придется ловить его, если тот захочет повидаться.

Манек скучал по Авинашу. «Удивительно, — думал он, — как неожиданно может вспыхнуть дружба — из-за каких-то тараканов и клопов. А затем так же внезапно оборваться по столь же нелепой причине. Может, глупо было вообще считать эти отношения дружбой».

Все мерзкое, что было в общежитии, теперь с новой силой накатило на Манека. Чтобы как-то

противостоять этому, он приучил себя к следующему утреннему ритуалу: проснувшись, открывал на секунду глаза и тут же, не отрывая головы от подушки, закрывал их снова, представляя себе горы, легкий туман, пение птиц, топотание собак на крыльце, ощущение утренней прохлады на коже, возбужденную болтовню лангуров, завтрак на кухне, вкус тоста и яичницы. И только когда все его чувства оживали от воспоминания о доме, Манек открывал глаза и вставал с кровати.

В университете набирала силу новая организация «Студенты за демократию», возникшая вскоре после объявления «чрезвычайного положения». Родственная ей группировка «Студенты против фашизма» затыкала рты тем, кто критиковал «чрезвычайное положение» или деятельность новых партий. Угрозы и оскорбления настолько распространились, что стали как бы частью университетской жизни. Присутствие полицейских стало почти постоянным — те помогали поддерживать новый, жесткий порядок.

Двух профессоров, осмелившихся выступить против университетских групп, устанавливающих новый режим, увели сыщики в штатском, обвинив в антиправительственной деятельности, согласно Закону о Внутренней Безопасности.

Коллеги не осмелились их защищать, потому что по ЗВБ можно было упрятать человека в тюрьму без суда, и все протестующие скоро сами попадали в застенки. Было безопаснее не ввязываться в такие дела.

Манека волновала судьба Авинаша. Как Президент первоначального Студенческого Союза он был в большой опасности, учитывая существование новых группировок. По ночам он прислушивался к звукам, доносящимся из соседней комнаты. Легкий стук двери, лязг металлического шкафа, свист баллончика со спреем, глухой скрип матраса — все это успокаивало Манека, так как означало, что с другом все в порядке, и его не увезли в тайный каземат.

Манек торопливо переходил из общежития в университет и обратно, не останавливаясь, чтобы не видеть ежедневные спектакли — драки, издевательства и раболепство. Офис университетской газеты был разгромлен, авторов и редакторов избили и отправили паковать пожитки. В стиле газеты стал преобладать легкий юмор и редкие беззлобные шпильки в адрес правительства или университетской администрации, хотя и это могло стать проблемой: правительство теперь само готовило материалы для прессы и делало

это идеологически лучше, чем могла сделать студенческая редакция.

Захватив власть, «Студенты за демократию» в новом номере сделали заявление, что отныне газета станет полнее отражать университетскую жизнь. В остальном газета была заполнена правилами поведения для студентов и преподавателей.

Однажды утром занятия отменили, а церемонию поднятия флага устроили в университетском дворике. Члены организации «Студенты против фашизма» насильственно согнали всех на это мероприятие. Президент общества «Студенты за демократию» взял в руки микрофон. Он призвал преподавательский состав выйти вперед, продемонстрировав патриотическое поведение и доказав любовь к стране.

В тот же момент преподаватели, адъюнкт-профессора, профессора и деканы гурьбой двинулись к помосту — неестественность этого массового порыва слишком уж бросалась в глаза. Организаторы пытались как-то их осадить, чтобы действия преподавателей выглядели органичнее. Но ход спектакля поздно было исправлять. Профессорский состав выстроился у стола, как покупатели в магазине. Преподаватели покорно

подписывали заявления, в которых говорилось, что они поддерживают премьер-министра, объявленное ею чрезвычайное положение и борьбу с антидемократическими силами, угрожающими стране изнутри.

Вся эта сцена вызвала у Манека не только страх, но и отвращение. А преподавателей было просто жаль. С церемонии те уходили понурыми, с виноватым и несчастным видом.

В этот вечер соседняя комната пустовала. Никаких звуков, говорящих о присутствии в ней Авинаша, не слышалось. Манек не спал всю ночь, тревожась за друга. Может, стоит сообщить администрации, что Авинаш пропал? А что, если он пошел навестить семью или что-то вроде этого? Нет, лучше день-другой повременить.

В столовой Манек постоянно оглядывался, тщетно надеясь увидеть Авинаша. Как бы между прочим, он спросил у кого-то за столом: «А что сейчас поделывает комитет Студенческого союза?»

— Эти ребята сошли со сцены. Ушли в подполье. Им рискованно здесь объявляться.

Ответ успокоил Манека. Теперь он не сомневался, что Авинаш где-то затаился — может, скрывается у родителей в их квартире от фабри-

ки. И скоро вернется — не будет же вечно длиться чрезвычайное положение и разгул хулиганства? Впрочем, Авинаша не так легко и поймать. Это видно по тому, как он играет в шахматы.

Вернувшийся поставщик продуктов словно мстил желудкам студентов за временное изгнание. Вспоминая бунт вегетарианцев, с которого все началось, Манек понимал, что был прав, когда просил Авинаша не вмешиваться, опасаясь, что ни к чему хорошему это не приведет.

Теперь, когда еда стала особенно отвратительной, Манек покупал себе бутерброды или самосу в ларьке неподалеку от университета. Манеку повезло больше, чем большинству студентов: ему присылали кое-какие деньги из дома. Было приятно смотреть, как нарезают помидоры, мажут маслом хлеб, слышать шум печки и шипение масла на сковороде.

Однажды, когда Манек возвращался в общежитие после перекуса на обочине, в коридоре послышался звук, похожий на охотничий рог. Заглянув в игровую комнату, он увидел двух первокурсников с отделения автодорожников, загнанных в угол двенадцатью негодяями. С одного стащили штаны и наклонили над столом для пинг-понга, другому дали в руки пустую бутылку

из-под лимонада. Последнему велели показать, что он знает о работе поршня и цилиндра в двигателе внутреннего сгорания. Он отказывался, и тогда ему пригрозили, что в противном случае цилиндром будет он.

Манек в ужасе прокрался в свою комнату. С тех пор после обеда он сразу шел к себе и запирался. Внимательно следил, чтобы в комнате было все необходимое — газета, книга из библиотеки, стакан воды, тогда ему не придется покидать убежище, если шутники снова выйдут на охоту.

Однажды вечером, когда Манек уже надел пижаму, у него вдруг прихватило живот. «Должно быть, из-за самосы с чатни, съеденной в палатке у дороги, — решил Манек. — Не стоило есть — вкус у самосы был какой-то необычный».

Его бросило в дрожь при мысли, в каком жутком состоянии в такой час находится туалет. В коридоре никого не было. Он быстро шел, оглядываясь по сторонам. Но на полпути из чулана выскочили шутники и схватили его. Манек отбивался.

— Отпустите меня! Мне нужно в туалет. Срочно!

— Потерпишь, — сказали ему, заламывая руки, чтоб он не мог сопротивляться.

— А-аа, — закричал Манек.

— Слушай, мы просто прикалываемся, — успокаивали его. — Не будем затевать драку. Тише, а то тебе будет хуже.

Манек перестал сопротивляться, и ему отпустили руки.

— Ну вот, хороший мальчик. А теперь скажи, какой предмет ты изучаешь?

— Рефрижерацию и кондиционирование.

— Отлично, сейчас протестируем тебя. Узнаем, на что ты годишься.

— Ладно. Можно только сначала в туалет?

— Нет, это позже. — Манека привели в мастерскую, где стояла большая холодильная установка, и велели раздеться. Он не пошевелился. Тогда с него стали срывать одежду.

— Не надо, пожалуйста, — умолял Манек, брыкаясь и отбиваясь. — Пожалуйста, не надо! — Он молился, чтобы здесь чудом объявился Авинаш и спас его, как спас в прошлый раз поваров от разозленных вегетарианцев.

Ловким негодяям потребовалось меньше минуты, чтобы раздеть юношу догола.

— А теперь слушай внимательно, — сказали ему. — Первая часть испытания не сложная. Мы на десять минут закроем тебя в холодильнике.

Только без паники. — Манека запихнули в камеру, согнув пополам, чтобы он мог поместиться, и заперли дверцу. В темноте ему показалось, что он в гробу.

Хулиганы ждали его реакции, чтобы вволю посмеяться. Вначале была тишина. Затем в дверь яростно заколотили, это продолжалось минуты две, потом вновь ненадолго воцарилось молчание. Когда забарабанили снова, стук звучал тише, реже, сбивался, на какое-то время замирал.

Скоро слабый стук прекратился совсем. Мучители посмотрели на часы — прошло только семь минут из обещанных десяти. Однако они решили все-таки открыть дверцу.

— О! Что это? — В лицо им ударил зловонный запах. — Этот сукин сын обосрался в холодильнике.

Окоченевший Манек не мог выйти наружу. Замерзшее, скрюченное тело вытащили из холодильника и поскорей захлопнули дверцу, чтобы не чувствовать вонь. Находившийся в полубессознательном состоянии Манек не мог разогнуться.

Мучители наградили его издевательскими аплодисментами.

— Очень хорошо. Первый экзамен прошел на

отлично. Дополнительные баллы за дерьмо. Хорошая работа. Переходим ко второй части испытания.

Манек пытался говорить, его посиневшие губы дрожали. Негнущиеся руки тянулись к пижаме. Кто-то отбросил ее.

— Не торопись. Теперь докажи, что твой термостат еще работает.

Окоченевший Манек, ничего не понимая, смотрел на них широко открытыми глазами.

— Ты ведь изучаешь холодильники и кондиционеры. Тогда должен знать, что такое термостат.

Манек покачал головой и снова предпринял жалкую попытку ухватить пижаму.

— Вот твой термостат, идиот, — сказал один из них, шлепнув его по замерзшему пенису. — Покажи нам, как он работает.

Манек опустил глаза вниз, как если б впервые видел свою крайнюю плоть, и мучители снова зааплодировали.

— Отлично. Термостат определен правильно. А он работает?

Манек кивнул.

— Так докажи. — Но он все еще не понимал, чего от него хотят. — Валяй, заставь его работать. Расшевели. Подергай! Подергай! Подергай! —

скандировали они.

Манек наконец понял, чего от него хотят. Губы его слегка оттаяли, и он смог заговорить:

— Пожалуйста, я не могу. Отпустите меня, пожалуйста!

— Надо сдать вторую часть экзамена. Или придется вернуться к первой части и на этот раз заморозить тебя вместе с дерьмом. Проверка термостата обязательна.

Манек взял в обессиленные руки свой пенис, поводил им туда-сюда и отпустил.

— Это не работа! Лучше старайся. Подергай! Подергай!

У Манека полило из носа, он стал двигать вверх-вниз крайнюю плоть, а мучители подбадривали его криками. Желая поскорее покончить с издевательствами, он старался изо всех сил, запястье заныло, пенис никак не отзывался, и Манек с тревогой подумал, что заморозка могла быть тому виною. После долгих стараний он в конце концов при вялой эрекции все же кончил.

Мучители одобрительно заржали, они свистели и гоготали. Кто-то сунул ему пижаму, и всех их как ветром сдуло. Не желая следовать за ними, Манек еще некоторое время стоял в мастерской, выжидая, когда все стихнет.

Помыв испачканные бедра и ноги, он вернулся в свою комнату и, забравшись в кровать, долго лежал в темноте на спине и глядел в потолок, дрожа всем телом. Страшно подумать, что будет, когда инструктор откроет холодильник.

Час спустя Манека все еще била дрожь, и тогда он достал из шкафа одеяло. Было ясно, что надо сделать, когда он согреется. Надо встать, собрать вещи, а утром взять такси до вокзала и уехать домой на первом поезде.

Но что скажут родители? Можно представить первую реакцию отца — тот решит, что сын сбежал, как трус. Мать сначала примет его сторону, а потом, как всегда, выслушает отца и изменит свое мнение. Вечные перемены. Об этом говорил корректор в поезде: нельзя избежать перемен, надо к ним приспосабливаться. Но это не касается перемен к худшему.

Полночи Манека, пока он медленно паковал коробки и чемодан, раздирали сомнения. Оставшуюся часть ночи он провел, снова раскладывая вещи по местам и сочиняя письмо родителям. Он писал, что до сих пор не был с ними достаточно откровенен, о чем сожалеет — не хотелось их расстраивать.

«Общежитие — жуткое место. В нем невозмож-

но жить. Дело не только в том, что здесь очень грязно и скверно пахнет, что я не выношу, но и сами люди ужасные. Многие из них даже не студенты, и для меня остается загадкой, как этим типам позволяют здесь жить. Они курят гашиш и марихуану, напиваются и дерутся. Открыто играют в азартные игры и продают наркотики студентам. — Немного подумав, он приписал: — Один даже мне предлагал купить. — В этом месте родители должны задуматься. — Все это так ужасно, что я хочу как можно скорее вернуться домой. Я буду целыми днями работать в магазине и обещаю во всем слушать отца».

Манек чувствовал, что письмо должно произвести на родителей сильное впечатление. Не нужно посвящать их в тот стыд, что он перенес, они и без того начнут действовать.

* * *

В глубине души мистер и миссис Кохлах были рады, что Манек хочет домой. Оба отчаянно скучали по сыну, но никогда не решались об этом говорить — даже друг с другом. Они предпочитали притворяться, особенно при посторонних, и рассказывали, как радуются и гордятся, что сын получает достойное образование.

И даже неожиданное письмо Манека мало что изменило. Они делали вид, будто ничего не произошло.

— Жаль, если он так скоро вернется назад, — сказал мистер Кохлах.

— Да, тогда он потеряет единственный шанс сделать хорошую карьеру, — согласилась миссис Кохлах. — Что ты думаешь, Фарух? Как нам поступить?

В глубине души мистер Кохлах понимал: если сыну плохо, нужно немедленно вернуть его домой. Но, наверное, следует проявить волю и найти какое-то другое решение — все этого ждут, в том числе и друзья. Иначе его будут обвинять в малодушии.

— Похоже, в этом общежитии, и правда, проблемы, — осторожно проговорил он.

— Конечно! Мой сын никогда не лжет! Даже ради диплома нельзя дольше оставаться в этом гнезде порока с такими головорезами. Какие мы после этого родители!

— Успокойся! Я обещаю подумать. — Мистер Кохлах потер лоб. — Если отпадает общежитие, надо подумать о другом месте. Может, о комнате в частном доме. Это решило бы проблему.

— Прекрасная мысль, — обрадовалась миссис

Кохлах. Ей не хотелось выглядеть властной матерью, разрушившей карьеру сына. — Может, обратимся к моим родственникам?

— Нет, они слишком далеко живут от университета, разве не помнишь? — «Кроме того, они могут забить голову Манека всякой сентиментальной чепухой, — подумал он. — Двадцать лет прошло, а они никак не привыкнут, что Абан живет не с ними».

— Хорошо, если б нам удалось найти для него подходящее жилье, — сказала миссис Кохлах. — И удалось бы его снять. — «Но ведь это почти невозможно, — подумала она с надеждой. — В этом городе миллионы людей живут в трущобах и просто на улице. И далеко не все нищие — некоторые работают, у них есть деньги, но снять жилье практически невозможно. Нет, у Манека нет шансов — скоро он будет дома». При этой мысли она счастливо улыбнулась.

— Чему ты улыбаешься — на нас свалилась такая проблема? — удивился мистер Кохлах.

— Улыбаюсь? С чего ты взял? Просто задумалась о Манеке.

— Гм, — хмыкнул он, с трудом скрывая собственную радость. — Попробуй написать своей подруге. Она может что-то разузнать.

— Прекрасная мысль! Сразу после обеда напишу Зенобии, — согласилась миссис Кохлах, уверенная, что марку потратит зря.

Они вернулись к обычным делам. Теперь им не приходилось прятать радость под маской разочарования. Оставалась ждать, когда безнадежные попытки пристроить сына в городе рухнут, и он вернется домой.

Однако через несколько дней им опять пришлось притворяться, только теперь пряча разочарование под маской радости: к их удивлению, комната для Манека быстро нашлась. Они, как могли, старались изобразить удовлетворение, что учеба сына продолжится. Надежды на возвращение сына испарились.

Безрадостно миссис Кохлах выразила свою благодарность в письме к миссис Далал, адрес которой ей прислала Зенобия.

— Интересно, Дина такая же красивая, какая была в школе, — задумалась она, вырывая листок из блокнота. Это резкое движение вполне отражало ее настоящее настроение.

— А вот это ты спросишь у Манека. Скоро он сможет дать тебе полный отчет прямо из ее квартиры, — сказал мистер Кохлах. — Или даже прислать фото. — Глядя на жену за письменным

столом, он явственно ощутил, что какие-то назойливые фигуры из ее прошлого вмешиваются в их семейную жизнь, пытаясь коварно похитить сына.

Но он сразу осознал, что мысли эти глупые. Вынув чековую книжку, мистер Кохлах выписал чек за первый месяц, и жена вложила его в письмо миссис Далал.

* * *

Дина прислушалась, но из ванной не доносилось ни звука. Что он там делает, почему не слышен шум воды?

— Манек! У тебя все в порядке? Вода достаточно горячая?

— Да, спасибо.

— Ты нашел кружку? Она рядом с ведром. Если хочешь, сядь на деревянную табуретку.

— Да, тетя. — Манек стеснялся говорить о червях, которые во множестве ползли из стока, надеясь, что вскоре они по собственному почину уползут в свое скрытое жилище. «Может, все-таки стоило вернуться домой без предупреждения? — с горечью подумал он. — Зачем я только написал это письмо? Надеюсь, отец разрешит мне вернуться».

Дина тщетно прислушивалась, не раздастся ли постукивание кружки и плеск воды. Тишина вывела ее из себя.

— Манек, что с тобой? Поторопись, пожалуйста! Мне тоже надо помыться до прихода портных.

Дина надеялась, что успеет сегодня обналичить присланный чек. Но сначала надо проводить Манека в университет и тогда уж заняться делами. Если он приспособится к режиму, то не будет ей в тягость. Еще надо научить его пользоваться новинками техники, вроде кипятильника. Бедняга, он даже не знает, что это такое. Когда она спросила, как у них обстоят дела с горячей водой, он сказал, что они каждый день топят углем бойлер. Как примитивно! Но Дине понравилось, как юноша убрал за собой постель — в высшей степени аккуратно.

Она подошла к двери ванной и спросила снова:

— У тебя все хорошо?

— Да, тетя. Но в ванну из желоба ползут какие-то черви.

— Ах, вот что! Плесни в них водой, и они уползут.

Плеск воды, и снова молчание.

— Ну как?

— Они все лезут.

— Ладно. Дай мне взглянуть.

Манек стал натягивать одежду, но Дина снова постучала.

— Послушай, завернись в полотенце и открой дверь. Я не могу торчать здесь весь день.

Но он оделся полностью, а только потом открыл дверь.

— Что за церемонии! Мы с твоей мамой одного возраста. Никаких стеснений! Ну и где эти черви, что так тебя испугали?

— Не то, чтоб испугали. Просто вид у них отвратительный. И очень уж их много.

— Естественно. В сезон дождей они всегда вылезают. Я думала, ты привык к таким вещам у себя в горах. Там много животных.

— Только не в ванной, тетя.

— В моей ванной тебе придется к этому привыкнуть. С ними легко справиться — просто плесни водой, и они уползут. Обязательно холодной — не горячей. — Дина протиснулась к ведру, и вылила на червей полную кружку воды, отчего они соскользнули в сливное отверстие. — Видишь? Теперь они уплывут в водосточный желоб.

Нежные линии ее вытянутой руки убедили Манека больше, чем слова о технике слива. А ко-

гда Дина согнулась над ванной, ночная рубашка обтянула ее бедра, под ней легко угадывались очертания нижнего белья. Манек задержал взгляд на женском теле, но тут же отвел глаза, когда она выпрямилась.

— Ну что? Будешь мыться? Или постоять здесь с тобой, посторожить от червей? — Манек густо покраснел, а Дина, не упуская из вида, что скоро могут прийти портные, сказала: — Вот что! Сегодня твое первое утро здесь, и мне хочется это отметить.

Она сняла с полочки бутылку фенола, откупорила ее и налила немного белой жидкости на червей. Это сработало моментально — сначала они превратились в извивающуюся красную массу, а затем в маленький, безжизненный комочек.

— Вот и все. Но помни: фенол — дорогая вещь. Я не могу позволить себе пользоваться им каждый день. Тебе придется научиться обходиться без него.

Манек закрыл за ней дверь и снова разделся. Его била дрожь при воспоминании о теле женщины, находящейся совсем близко, о том, как она наклонялась, тянула руки. Однако антисептический запах фенола быстро убил эти мысли.

Глава шестая. День в цирке, ночь в трущобе

Дети пьяницы первыми заметили приехавшие рано утром к трущобам красные двухэтажные автобусы. Девчушка побежала сказать об этом маме. Увидев вышедших из лачуги Ишвара и Ома, она им тоже рассказала новость. Тем временем ее отец спал беспробудным пьяным сном.

Подъезжая, автобусы приветливо сигналили друг другу — в результате двадцать два автобуса выстроились в два ровных ряда. Набрав воды, портные двинулись к железнодорожным путям. Ночью прошел дождь. Сырая и мягкая земля затягивала ноги, словно некое существо с множеством присосок.

— Давай сегодня раньше приедем к Дине-бай, — сказал Ом.

— Почему.

— Манек будет.

Ишвар выбрал приглянувшееся ему местечко, и оба присели на корточки. Ишвар был рад, что сборщик волос с его пустым трепом на этот раз припозднился. Он не терпел разговоры за туале-

том — даже по делу.

Но радость длилась недолго. Вскоре на дальнем конце канавы показался Раджарам, который сразу их приметил. Скорчившись рядом, он завел разговор про автобусы.

— Может, здесь будет конечная остановка? — предположил Ом.

— Было бы удобно для нас.

— Но тогда построили бы какую-нибудь конторку или что-то в этом роде.

Помывшись, троица направилась к заляпанным грязью автобусам, чтобы прояснить ситуацию. Шоферы в униформе цвета хаки стояли, прислонившись к дверям, или сидели по краям тротуаров — читали газеты, курили, жевали пан.

— Намаскар, — приветствовал водителей Раджарам, лично ни к кому не обращаясь. — Куда сегодня направляете свои красные колесницы?

Один шофер пожал плечами.

— Кто знает. Инспектор велел ехать сюда и ждать дальнейших указаний.

Снова зарядил дождь. Капли застучали по крышам пустых автобусов. Водители поспешили в свои машины и закрыли грязные окна.

Вскоре подъехал двадцать третий автобус, у него дворники без всякого толку мотались по

ветровому стеклу, как мокрый маятник. Этот автобус был набит под завязку. Второй этаж занимали стоящие полицейские в униформе, из первого — вывалились мужчины с портфелями и брошюрами.

Они размяли спины, ослабили натянувшиеся в промежности штаны и направились к лачугам. Некоторые, чтобы уберечь кожаные сандалии от грязи, передвигались на цыпочках с задранными пятками, балансируя под раскрытыми зонтиками. Другие, напротив, шлепали по грязи на пятках, пытаясь уберечь подошву, и выискивали взглядом бугорки с травой, камни, обломки кирпичей, чтобы ступить на них и спастись от слякоти.

Устроенное приезжими представление в грязи скоро собрало толпу. Ветер трепал зонтики, мужчины шли покачиваясь. От более сильного порыва они теряли равновесие. В толпе послышался смех. Кое-кто из детей стал передразнивать смешную походку гостей. А те, перестав бороться с грязью, двинулись, собрав остатки достоинства, к очереди у колонки.

Тот, у кого была самая красивая обувь, сказал, что они партийные работники, доставившие послание от премьер-министра.

— Премьер-министр шлет свои приветствия и хочет, чтобы вы знали — сегодня состоится большой митинг. Она приглашает на него всех вас.

Какая-то женщина поставила ведро под кран. Шум воды заглушил голос мужчины, и он заговорил громче:

— Премьер-министр особенно хочет, чтобы ее выслушали такие честные, трудолюбивые люди, как вы. Автобусы бесплатно отвезут вас на митинг.

Очередь за водой не проявила интереса к приглашению. Послышался шепот, а потом смех. Партийный работник попробовал еще раз:

— Премьер-министр говорит, что она слуга народа и хочет вам помочь. Поэтому ей надо услышать просьбы от вас самих.

— Расскажите сами, — выкрикнул кто-то. — Что, вы не видите, в каких условиях мы живем?

— Да! Расскажите, как у нас все здорово! Зачем нам ехать?

— Если она слуга народа, пусть приедет сама!

— Пусть ее фотографы нащелкают снимки наших уютных домиков, наших здоровеньких детишек! Покажите их премьер-министру!

Снова раздался презрительный смешок и произнесенные шепотом намеки на неприятности,

которые могут случиться у партийных работников, мешающих бедным людям набрать воды. Гости отошли посовещаться.

Затем главный партийный работник заговорил снова:

— Каждому заплатят по пять рупий. И еще дадут чай и закуску. Пожалуйста, постройтесь у автобусов в семь тридцать. В восемь отъезжаем.

— В задницу себе засунь эти пять рупий!

— Гори они синим пламенем!

Однако после предложения денег оскорбления быстро сошли на нет. Партийные работники разбрелись по поселку с объявлениями.

Старьевщик спросил, может ли взять с собой жену и шестеро детей.

— Можешь, — сказал организатор, — но пять рупий дадут только тебе. — Потерявший надежду отец понуро пошел прочь, но его остановили, предложив чай и закуски для всей семьи.

— Может, съездим для разнообразия? — сказал Ом. — Все-таки развлечение.

— Ты что, рехнулся? Потеряем рабочий день!

— Дело того не стоит, — поддержал Ишвара Раджарам. — Пустая трепотня.

— Откуда тебе известно? Ты бывал на таких митингах?

— Да. И все они одинаковые. Будь вы безработные, я сказал бы — поезжайте, возьмите пять рупий. Первый раз любопытно посмотреть правительственное шоу. Но терять день шитья или сбора волос? Нет уж, увольте.

В семь тридцать у автобусов собралась небольшая очередь, которая не заполнила бы даже одну машину. Стояли не занятые в этот день рабочие, несколько женщин и детей и покалеченные на верфи матхади[85]. Обсудив положение, партийные работники решили прибегнуть ко второму варианту.

Вскоре сержант Кезар, глава полицейских, отдал приказ своим подчиненным спускаться. Дюжина полицейских перекрыла выходы из поселка, остальные последовали за сержантом. Тот намеревался идти медленно и важно, но из-за вязнущих в грязи ботинок скорее скользил и ковылял. Рупор он поднес ко рту, держа его двумя руками, как трубу.

— Внимание! Внимание! Два человека из каждой хижины должны сесть в автобус. Дается всего пять минут — не опаздывайте! Иначе вас арестуют за вторжение на муниципальную соб-

---

[85] Примечания: 85
Матхади — грузчики *(хинди).*

ственность!

Раздались протесты: о каком вторжении можно говорить, если они вовремя платят ренту? Жители отправились на поиски Навалкара, но того не оказалось дома.

— Интересно, премьер-министр знает, что нас принуждают ехать? — спросил Ишвар.

— Она знает только важные вещи, — ответил Раджарам. — Те, которые ее друзья хотят, чтоб она знала.

Полицейские наблюдали за погрузкой. Автобусы заполнялись медленно. После смытой дождем пыли и грязи они казались особенно красными. Препирания в некоторых хижинах быстро прекращались, когда полицейские поднимали дубинки, чтобы ускорить процесс.

Хозяин обезьян не возражал против поездки, но просил взять и его подопечных.

— Обезьянки будут в восторге — они с удовольствием ездят на работу на поезде, — объяснял мужчина партийному руководителю. — На лишний чай я не рассчитываю. Поделюсь своим.

— Ты что, нормального языка не понимаешь? Никаких обезьян. Здесь не цирк.

Стоя сзади, Раджарам прошептал друзьям:

— Здесь-то как раз цирк.

— Прошу вас, господин, — умолял хозяин обезьян. — Собаку можно оставить одну. Но Лайла и Маджно затоскуют без меня.

В качестве третейского судьи пригласили сержанта Кезара.

— Обезьяны хорошо воспитаны? — спросил тот.

— Господин полицейский, Лайла и Маджно прекрасно воспитаны! Послушные детки. Смотрите, они приветствуют вас. — Хозяин дал знак, и обезьянки одновременно приложили лапки к голове.

Это очень позабавило сержанта Кезара, и он в ответ тоже со смехом отдал честь. Хозяин щелкнул поводком, и обезьянки опустились на колени. Сержант Кезар был в восторге.

— По правде говоря, я не вижу большого греха в присутствии обезьян, — сказал он партийному руководителю.

— Извините, сержант, — сказал руководитель, отводя его в сторону: — Дело в том, что в обезьянах могут увидеть нечто вроде политического комментария, и враги станут нас высмеивать.

— Такое возможно, — согласился сержант Кезар, помахивая рупором. — С другой стороны, это можно считать доказательством власти пре-

мьер-министра не только над людьми, но и над животными.

Партийный деятель закатил глаза.

— Тогда возьмите на себя ответственность и изложите свою позицию в письменной форме. И пожалуйста, в трех экземплярах.

— Откровенно говоря, это не в моих полномочиях. — Сержант Кезар подошел к хозяину обезьян и сообщил ему печальные новости.

— Мне очень жаль, но этот митинг очень важен для премьер-министра. Обезьяны не допускаются.

— Как же! Сами увидите! — тихо сказал Раджарам людям в очереди. — На помосте обезьян будет полным полно.

Владелец животных поблагодарил сержанта Кезара за труды. Заперев Лайлу и Маджно в хижине вместе с Тиккой, он с расстроенным видом вернулся к автобусу. К этому времени автобусы были почти полностью укомплектованы, и колонна, готовая к отправке, дожидалась, когда последних упрямцев палками и тычками затолкают в машины.

— Как это нечестно! Глаза б мои не смотрели! — сказал Ишвар. — И что подумает Дина-бай?

— Теперь ничего не поделать, — отозвался

Ом. — Сиди и наслаждайся бесплатной поездкой.

— Точно, — согласился Раджарам. — Если уж пришлось ехать, постараемся получить удовольствие. В прошлом году нас возили на грузовиках. Затолкали как овец. В автобусе гораздо удобнее.

— В каждой машине не меньше сотни человек, — сказал Ишвар. — Значит, едет больше двух тысяч. Большой митинг.

— А здесь ведь только наш поселок, — уточнил Раджарам. — Автобусы везут людей из разных мест. Вот увидите, на митинге будет пятнадцать или даже двадцать тысяч человек.

После часа езды автобусы оказались на окраине города. Ом заявил, что проголодался.

— Надеюсь, теперь, когда мы приехали, нам дадут чай и закуску. И пять рупий.

— Ты постоянно хочешь есть, — проговорил Ишвар, маскируя свой голос под высокий женский. — Может, у тебя глисты?

Портные объяснили Раджараму, что пародируют Дину Далал, и все рассмеялись.

Вскоре автобусы покатили по проселочным дорогам. Дождь прекратился. Люди из деревень высыпали на улицы и смотрели на проезжавшую колонну.

— Не могу понять, — сказал Ишвар. — Здесь

столько деревень разбросано. Зачем тащить нас? Насколько проще собрать на митинг всех деревенских.

— Думаю, это сложно, — ответил Раджарам. — Придется объездить много деревень, набрать людей — здесь двести, там четыреста. Проще перевезти всех разом из городских трущоб. — Неожиданно он прервал речь, взволнованно на что-то показывая. — Только взгляните! Что за женщина у колодца! Какие у нее изумительные длинные волосы! — Раджарам вздохнул. — Если б я мог ходить по деревням с ножницами и собирать свой урожай. Скоро стал бы богачом.

При приближении колонны к месту назначения движение стало плотнее: другие машины, также заполненные согнанными на митинг участниками, обгоняли их. Иногда водители сознательно прижимались к обочине, пропуская автомобили с флажком, водители которых громко сигналили, донося до всех, что в автомобилях сидят важные птицы.

Автобусы остановились в открытом поле. Пассажиры вышли, и организатор велел всем запомнить номера автобусов, в которых они будут возвращаться домой. Потом показал, где надо находиться во время митинга, проинструктировал

насчет аплодисментов.

— Следите за важными людьми на сцене. Если они захлопают, хлопайте и вы.

— А как насчет денег?

— Получите после митинга. Знаем мы ваши фокусы. Денежки получите — только вас и видели.

— Пошевеливайтесь! Пошевеливайтесь! — покрикивал распорядитель на новичков и шлепком по спине направлял их в нужную сторону.

— Не толкайся! — огрызнулся Ом, смахивая с себя его руку.

— Не горячись, Ом, — осадил его Ишвар.

Бамбуковые шесты и ограды делили поле на несколько секций; основная располагалась в дальнем конце, где стоял под навесом помост высотой футов в тридцать. Пространство перед ним предназначалось для известных людей, там стояли стулья, и шел спор, кого на какой стул сажать. Стулья были трех типов: обитые, с подлокотниками — для особых, выдающихся вип-персон; обитые, но без подлокотников — для не столь важных вип-персон; металлические, складные — просто для знаменитых людей. Гости спорили с распорядителями, требуя лучшее место.

— Постарайтесь встать ближе к краю, у палатки, — сказал Раджарам. — Наверняка, именно

здесь будут раздавать чай и закуски. — Но волонтеры, обмотанные трехцветными поясами, направили их в соседнюю секцию.

— Ух ты, только взгляните на это! — восхищенно произнес Ом, указывая на восьмидесятифутовую картонную фигуру премьер-министра справа от помоста. Фигура простирала руки, словно хотела обнять всю аудиторию. Позади головы подвесили карту страны — потертый нимб.

— А эта арка из цветов! — восхитился Ишвар. — Прямо радугой окружает сцену. Красиво, правда? Даже сюда доносится аромат.

— Я ведь говорил, что вам понравится, — сказал Раджарам. — Первый раз всегда нравится.

Все трое удобно устроились на земле и осмотрелись, разглядывая лица соседей. Люди смеялись и качали головами. Звукооператор поднялся на сцену, проверил микрофоны, из репродукторов донесся треск. Аудитория замерла в ожидании, но эта тишина не длилась долго. Автобусы тысячами извергали из себя пассажиров. Солнце уже жарило вовсю, но Ишвар радовался, что, по крайней мере, не льет дождь.

Спустя два часа все секции были заняты, поле заполнено, а первые жертвы палящего солнца отнесены в живительную тень ближайших дере-

вьев. Люди выражали сомнение в мудрости тех, кто затеял митинг в самое жаркое время дня. Организатор объяснил, что выбора не было: личный астролог премьер-министра изучил движение небесных светил и назначил подходящий час.

Восемнадцать важных персон расселись на сцене. Ровно в полдень в небе послышался рокот, и двадцать пять тысяч человек запрокинули головы. Вертолет, трижды облетев поле, стал садиться позади помоста.

Через несколько минут премьер-министр в белом сари вышла на сцену в сопровождении мужчины в белой рубашке и шапочке Ганди[86]. Те восемнадцать, что были на сцене, поочередно подходили к премьер-министру, надевали гирлянды, кланялись, прикасались к ее ступням. Один сановник переплюнул всех, распростершись у ее ног. Он сказал, что не поднимется, пока его не простят.

Премьер-министр была озадачена, но этого никто не заметил за восемнадцатью гирляндами, закрывшими ее лицо. Помощник напомнил ей о небольшой провинности сановника.

— Госпожа, он раскаивается и искренне молит

---

[86] Примечания: 86

Простая белая шапочка в форме пилотки. Получила свое название в честь Махатмы Ганди.

о прощении.

Включенные микрофоны доносили до измученных солнцем людей смысл забавной буффонады на сцене.

— Хорошо, — нетерпеливо произнесла премьер-министр. — А теперь встаньте и не стройте из себя дурака. — Прощенный мужчины вскочил на ноги прыжком, который бы сделал честь гимнасту после кульбита.

— Теперь поняли? — сказал Раджарам. — Я ведь говорил, что этот день мы проведем в цирке среди клоунов, обезьян, акробатов и всего остального.

Когда поток фальшивой лести подошел к концу, премьер-министр стала бросать в толпу одну за другой гирлянды. Вип-персоны и просто известные люди пришли в восторг от этого величественного жеста.

— Ее отец, когда был премьер-министром, тоже так поступал, — сказал Ишвар.

— Да, — согласился Раджарам. — Я однажды сам это видел. Только отец выглядел скромнее.

— А она словно мусор раскидывает, — сказал Ом.

Раджарам рассмеялся:

— Такая уж у политиков работа.

Приветственную речь произнес член пар-

ламента местного округа, он поблагодарил премьер-министра за оказанную бедному, ничем не выдающемуся месту честь принимать такую особу.

— Наша аудитория не велика, — сказал он, обводя руками насильно привезенную толпу из двадцати пяти тысяч человек. — Но она дружелюбна, благодарна и горячо любит премьер-министра, так много сделавшей для того, чтоб наша жизнь стала лучше. Мы обычные люди из простых деревень. Но мы понимаем, на чьей стороне истина, и пришли сюда, чтобы слушать нашего вождя…

Ишвар закатал рукава, расстегнул две пуговицы и подул на разгоряченное тело.

— Интересно, сколько это будет тянуться?

— Два, три, четыре часа — кто знает, сколько заготовлено речей, — сказал Раджарам.

… — и знайте, вы, журналисты, которые завтра поместят свои материалы в газетах. Особенно иностранные журналисты. Безответственные статьи могут принести большой вред. Много лжи написано о чрезвычайном положении, которое, на самом деле, объявили в интересах народа. Обратите внимание: где бы ни выступала премьер-министр, народ приходит издалека, чтобы

увидеть и послушать ее. Такое случается, только когда лидер нации по-настоящему велик.

Раджарам вытащил монету и стал играть с Омом в игру «орел или решка». Люди вокруг знакомились, болтали, обсуждали сезон дождей. Дети придумывали разные игры и рисовали картинки на песке. Некоторые спали. Одна мать, вытянув обтянутые сари ноги, положила ребенка между бедрами и, тихо напевая, занималась с ним гимнастикой — разводила и сводила ручки, поднимала и опускала крошечные ножки.

Охранники и волонтеры обходили ряды, следя за порядком. Они не мешали людям развлекаться, если это не бросалось в глаза. Запрещалось только вставать и уходить с митинга. Тем более что речь оратора была своего рода «разминкой».

… — и однако есть люди, которые говорят, что она должна уйти с поста, что власть ее не легитимна! Кто они, эти люди, распространяющие такую ложь? Братья и сестры, эти баловни судьбы живут в больших городах и наслаждаются благами, которые мы с вами даже вообразить не можем. Им не по душе реформы премьер-министра, потому что в этом случае они могут лишиться своих неправедно обретенных привилегий. Но в деревнях, где проживают семьдесят

процентов наших граждан, все поддерживают нашего дорогого премьер-министра.

К концу речи докладчик махнул рукой кому-то, кто стоял с пультом у края сцены. Уже через несколько секунд вспыхнули разноцветные лампочки, скрытые в цветочном обрамлении. Они горели так ярко, что чуть ли не затмевали солнце. На толпу это произвело большое впечатление. Адресованные оратору жидкие принудительные аплодисменты при виде этого зрелища переросли в настоящую овацию.

Разноцветные огни еще слепили глаза, когда в небе послышался шум вертолета — он жужжал где-то за сценой. Из люка раскачивающейся машины выпал сверток. Когда он раскрылся, из него посыпались лепестки роз!

Толпа восторженно заревела, но пилот не рассчитал время. Лепестки упали на траву за сценой, а не осыпали, как было задумано, премьер-министра и прочих знаменитостей. Пастух, пасший на лугу коз, возблагодарил небеса за такую честь и поспешил домой, чтобы рассказать родным о чуде.

Второй сверток, предназначенный для высоких гостей, сидящих перед сценой, упал куда надо, но не раскрылся. Кто-то пострадал, и его унесли

на носилках. К тому времени, когда в дело пошел третий сверток, пилот наконец овладел техникой пуска, и лепестки осыпали зрителей. Ветерок щедро развеял их над толпой. У детей появилась забава — они ловили лепестки.

На сцене еще некоторое время продолжались поклоны и расшаркивания, а потом премьер-министр подошла к микрофонам. Придерживая одной рукой сари, она заговорила. Каждая сказанная ею фраза тонула в бурных аплодисментах. Аплодировали сановники на сцене, вип-персоны перед сценой и особенно сознательные люди в толпе. Была опасность, что ей вообще не дадут говорить. Тогда премьер-министр отступила от микрофона и что-то шепнула помощнику, тот передал ее слова дальше. Эффект был мгновенный. Теперь аплодисменты стали реже и разумнее распределяться по ходу речи.

Поправив белое сари, сползавшее с ее головы, она продолжила:

— В чрезвычайном положении нет ничего страшного. Это необходимая мера, чтобы обуздать силы зла. Простым людям будет только лучше. Бояться надо жуликам, контрабандистам, спекулянтам, их мы посадим за решетку. И мы победим вопреки подлому заговору мятежников,

поднявших головы, когда я выступила с программой, защищающей простых тружеников — мужчин и женщин. Мятежников поддерживают иностранные силы, которые не хотят видеть нашу страну процветающей.

Раджарам вытащил колоду карт и, к восхищению Ома, стал их тасовать.

— А ты неплохо подготовился, — сказал Ом.

— А ты как думал. Похоже, этому конца не будет. Сыграем? — спросил он у Ишвара, вовлекая его в игру. Люди вокруг оживились, радуясь развлечению. Придвинувшись ближе, они окружили троицу, внимательно следя за игрой.

… — но, тем не менее, мы полны решимости покончить с этими разрушительными силами. Правительство продолжит борьбу до тех пор, пока демократия не будет спасена.

Ом перестал аплодировать под предлогом, что у него заболели руки. Он пошел было с одной карты, но тут кто-то рядом шепнул «зря», и Ом, осознав свою ошибку, поменял карту и пошел с другой, в то время как со сцены оглашалась «Программа двадцати пунктов»[87].

— Мы хотим, чтобы у всех людей был дом.

---

[87] Примечания: 87

«Программа двадцати пунктов» — программа экономического развития Индии, была провозглашена Индирой Ганди 1 июля 1975 г.

Чтобы всем хватало еды, и никто не оставался голодным. Ткани — по твердым ценам. Школы — для детей, больницы — для больных. Контроль над рождаемостью, доступные противозачаточные средства для всех. Правительство больше не допустит, чтобы люди бездумно размножались, расходуя средства, принадлежащие всему народу. Мы обещаем изгнать нищету из наших городов, поселков и деревень.

Карточная игра становилась все более жаркой. Ом играл с азартом, сопровождая каждый ход веселым припевом: «Тан-тан-тана-нана!»

— И это все, на что ты способен? — подзадоривал его Раджарам. — Такой шум по мелочам! А что ты на это скажешь?

— Ой-ой! Вы про меня забыли, — сказал Ишвар и бросил поверх карт козыря, заставив двух остальных игроков застонать. Зрители дружно приветствовали такой поворот событий.

Вскоре, заслышав шум, к ним подошел охранник.

— Чем это вы тут занимаетесь? Имейте уважение к премьер-министру. — Если они не прекратят игру и не станут внимательно слушать речь, пригрозил охранник, их лишат денег и закуски. Карты он приказал убрать.

… — новые полицейские отряды быстрого реагирования станут пресекать контрабанду золота, раскрывать случаи коррупции и подпольных доходов и наказывать лиц, уклоняющихся от уплаты налогов. Верьте — правительство справится с этой задачей. Вам надо всего лишь нам верить и поддерживать «чрезвычайное положение». Если мы хотим возродить нацию, необходимо в первую очередь одно — дисциплина. Дисциплина во всем. Отбросьте предрассудки, не верьте гороскопам и святошам, верьте только в себя и труд. Если вы любите свою страну, избегайте слухов и сплетен. Главное — исполняйте свой долг! К этому я призываю вас, братья и сестры! Слава Индии!

Все восемнадцать человек на сцене поднялись как один, поздравляя премьер-министра с вдохновенной речью. Каждый, теперь уже по второму разу, лебезил и льстил. Наконец партийный чиновник, официально поздравивший премьер-министра, направился к микрофону, притворно и глупо ухмыляясь.

— Только не это! — воскликнул Ом. — Еще одна речь? Лучше бы дали чего-нибудь пожевать.

Когда у выступавшего иссяк запас выражений признательности и банальных похвал, он драма-

тическим жестом указал на небо вдали.

— Смотрите! Там в облаках! Нам посылают благословение!

Все задрали головы и крутили ими в поисках источника такого приступа восторга. Но никакого вертолета на этот раз не было. Правда, на горизонте к полю приближался огромный воздушный шар. Его оранжево-бело-зеленый купол плыл по чистому, голубому небу в очаровании безмолвия. Приближаясь, он стал снижаться, и теперь люди с острым зрением могли разглядеть в подвешенной корзине за темными очками лицо пилота. Он помахал всем рукой в белой перчатке.

— Сегодня нас дважды благословили на нашем собрании, — пропел чиновник в микрофон. — Сначала премьер-министр на сцене, а теперь ее сын в небе над нами. Чего еще можно желать?

Тем временем сын в небе стал бросать вниз листовки. Из любви к театральности он сначала бросил одну листовку, чтобы заинтриговать аудиторию. Все взоры сосредоточились на ней — она, лениво кружась, опускалась на землю. За ней отправились еще две листовки, а потом пилот стал бросать их пригоршнями.

— Да, братья и сестры, на сцене Мать Индия, а Сын Индии озаряет нас с неба! Славное насто-

ящее с нами, здесь, а наше сверкающее будущее над нами — оно ждет, чтобы спуститься и наполнить светом нашу жизнь. Мы самый счастливый народ на свете!

Первые несколько листовок с портретом премьер-министра и «Программой двадцати пунктов» коснулись земли. Это стало для детей новой забавой — они носились за падающими листками, соревнуясь, кто ухватит больше. А воздушный шар тем временем освободил воздушное пространство для вертолета, который готовился к последней акции.

На этот раз вертолет летел гораздо ниже, чем раньше. Риск окупался точностью: теперь розовые лепестки покрыли всю сцену. Но восьмидесятифутовый картон с изображением премьер-министра закачался от движения лопастей вертолета. Люди в страхе закричали. Фигура с обнимающими весь мир руками заскрипела, веревки натянулись. Охранники отчаянно махали пилоту вертолета, изо всех сил стараясь удержать веревки. Но противостоять сильному вихрю было невозможно. Фигура медленно валилась лицом вниз. Люди, находившиеся вблизи щита, в страхе бежали.

— Никому не хочется оказаться в объятиях

премьер-министра, — сказал Раджарам.

— Зато она старается подмять под себя всех, — прибавил Ом.

— Стыда у тебя нет, — осадил его дядя.

Они заторопились в буфет, где уже выстроилась огромная очередь; охранники следили за порядком. Из-за нехватки чашек очередь двигалась медленно. Закуски — одна пакота[88] на человека — закончились. Чай тоже подходил к концу, теперь наливали только полчашки. «Чая не меньше — он просто стал крепче», — оправдывались буфетчики, которых обвиняли в жадности.

Очередь медленно ползла вперед, а тем временем к полю с ревом сирен подкатили машины скорой помощи, чтобы забрать пострадавших после падения восьмидесятифутовой фигуры премьер-министра. Простояв час в очереди, Ишвар, Ом и Раджарам все еще находились в ее конце, и тут объявили, что чай закончился. Одновременно поступило известие, что автобусы отправляются через десять минут. Из страха остаться неведомо где, все бросились из очереди к своим автобусам. При посадке каждому вручили четыре рупии.

— Почему только четыре? — спросил Ишвар. —

---

[88] Примечания: 88

Пакота — овощи, жаренные в кляре (индийская кухня).

Нам обещали пять.

— Одна рупия за автобус, чай и еду.

— Ни чая, ни еды нам не дали, — гневно сказал Ом. — И поездку обещали бесплатную.

— Вот как! Хочешь ездить бесплатно на автобусе. У тебя что, отец Дивали?

Ом напрягся.

— Предупреждаю — не смей говорить о моем отце.

Ишвар и Раджарам еле уговорили юношу сесть в автобус. Билетер расхохотался: «Надо же, выглядит, как букашка, а рычит, как тигр».

Всю дорогу они, усталые и умирающие от жажды, хмуро молчали.

— День потерян, — сказал Ишвар — Могли бы за это время шесть платьев сшить. Тридцать рупий коту под хвост.

— А сколько волос я собрал бы за день!

— Может, заехать сегодня к Дина-бай, — подумал вслух Ишвар. — Объяснить, в чем дело. И обещать, что завтра мы будем вовремя.

Спустя два часа автобус остановился в незнакомом месте. Шофер велел всем выходить. Сказал, что у него такая инструкция. Из предосторожности он заперся в своей кабинке.

Жители поселка колотили в дверь, плевали на

нее, пинали ногами.

— Хулиганье! — кричал шофер. — Портите общественную собственность

Напоследок пассажиры еще несколько раз от души пнули автобус и пошли кто куда. Ишвар и Ом не представляли, где находятся, но Раджарам знал дорогу. В небе загрохотало, и снова полил дождь. В дороге они провели около часа. В свою трущобу они попали уже вечером.

— Надо по-быстрому перекусить, — сказал Ишвар. — А потом я съезжу к Дина-бай и ее успокою.

Не успел он накачать примус и зажечь спичку, как темноту разорвал жуткий крик — такой не мог принадлежать ни человеку, ни зверю. Портные схватили фонарь и побежали вместе с Раджарамом на этот крик — к дому хозяина обезьян.

Тот позади хижины пытался задушить своего пса. Тикка лежал на боку с выпученными глазами — хозяин прижал его к земле коленями. Пес сучил лапами в поисках опоры, которая помогла бы ему избавиться от необъяснимого удушья.

Но пальцы хозяина сжимались все сильнее. Его безумные вопли смешивались с жалобным воем Тикки. Эта ужасная гармония человеческого и

животного страдания разрывала мрак.

Ишвару и Раджараму удалось разжать пальцы мужчины. Тикка с трудом встал на ноги. Он не убегал, преданно стоял рядом, откашливался и тер лапами морду. Хозяин обезьян пытался добраться до него снова, но ему помешали.

— Успокойся, — сказал Раджарам. — Скажи, что случилось.

— Лайла и Маджно, — плакал мужчина и, не силах ничего объяснить, только показывал на хижину. Он пытался приманить собаку, причмокивая, как при поцелуе.

— Тикка, Тикка, иди ко мне, Тикка.

Ища примирения, пес доверчиво приблизился. Хозяин грубо пнул Тикку в живот, раньше чем того успели оттащить. С поднятыми фонарями люди вошли в хижину и огляделись.

Дрожащий свет упал на стены, затем на пол. В углу лежали трупы обезьянок. Длинные бурые хвосты Лайлы и Маджно, обычно находящиеся в движении, теперь как-то странно съежились и казались на земляном полу потертыми веревками. Одно тельце было частично выедено, из него вывалились темно-коричневые тонкие кишки.

— Ну и дела! — проговорил Ишвар, прикрывая рукой рот. — Какая трагедия!

— Дайте взглянуть, — сказал кто-то, стараясь протиснуться сквозь толпу.

Это была старая женщина, поделившаяся с Омом водой в первый день, когда колонка не работала. Игрок на фисгармонии просил, чтобы ее поскорее пропустили: старуха умела гадать по внутренностям так же свободно, как свами читает «Бхагавад-гиту».

Люди расступились, и старуха вошла в хижину. Она попросила поднести ближе фонарь. Слегка подтолкнула тельце обезьянки ногой, чтобы лучше рассмотреть внутренности. Наклонившись, она пошевелила их прутиком.

— Потеря обезьян — не худшая потеря в его жизни, — сказала старуха. — И убийство, которое он совершит, будет пострашнее убийства собаки.

— Но ведь пса, — начал Раджарам, — мы спасли его…

— Убийство собаки — не самое страшное его убийство, — мрачно и уверенно произнесла старуха и покинула хижину. Люди пожимали плечами, решив, что старая женщина, несмотря на ее твердую убежденность, была, как и все, сбита с толку и расстроенна случившемся.

— Я убью его, — причитал хозяин. — Нет больше моих малышек! Я убью этого бесстыжего пса!

Кто-то увел Тикку от греха подальше, другие пытались образумить мужчину.

— Не забывай, собака животное. А когда животные голодные, им надо есть. Что толку его убивать! Сам виноват, что запер их вместе.

— Они всегда играли как родные, — плакал хозяин зверей. — Мои родные дети. И вот случилось такое. Я убью его.

Ишвар и Раджарам увели хозяина обезьян подальше от хижины. Легче утешать, когда рядом нет маленьких окровавленных тушек. Войдя к Раджараму, они тут же вышли обратно. Разбросанные по комнате связки волос походили на ужасные мохнатые трупики, что вряд ли мог вынести несчастный хозяин обезьян. Поэтому они пошли к портным и налили ему воды. Держа в руке стакан, он постанывал, дрожал всем телом, что-то бормотал про себя.

Ишвар решил, что о поездке к Дине-бай думать слишком поздно.

— Ну и денек выдался, — шепнул он Ому. — Завтра все ей объясним.

Портные сидели с хозяином обезьян до полуночи, предоставив ему возможность изливать свою скорбь сколь угодно долго. Договорились похоронить Лайлу и Маджно, и просили его простить

собаку. Раджарам поднял вопрос заработка.

— Скажи, сколько времени тебе потребуется для выучки новых обезьян?

— Эти обезьянки были моими друзьями, моими детьми! Не хочу даже думать об их замене!

Некоторое время хозяин обезьян молчал, затем неожиданно сам заговорил о работе:

— У меня, знаете ли, есть и другие таланты. Я гимнаст, могу ходить по проволоке, жонглировать, балансировать. Может, и создам новый номер с обезьянами. Поживем — увидим. Сначала я должен пережить траур.

Дина выразила недовольство, когда Манек вернулся поздно из университета. «И это в первый день, — подумала она. — Никто теперь не соблюдает пунктуальность. Возможно, миссис Гупта права, когда говорит, что «чрезвычайное положение» пойдет на пользу: люди научатся уважать время».

— Твой чай был готов уже час назад, — сказала она, наполняя чашку и намазывая маслом кусок хлеба «Британия»[89]. — Что тебя задержало?

— Простите, тетя. Долго ждал автобуса. Утром я даже опоздал на занятия. Все жаловались, что

---

[89] Примечания: 89

«Британия» — популярная в Индии фирма, производит насыщенный витаминами хлеб, печенье, бисквиты, пироги.

автобусы практически пропали с дороги.

— Люди всегда жалуются.

— Портные… Они уже закончили работу?

— Портные вообще не пришли.

— А что случилось?

— Если б знала, не волновалась бы! Опаздывать — норма для них, но чтоб не являться целый день — такого еще не было.

Манек быстро расправился с чаем и пошел в свою комнату. Сбросив туфли, он понюхал носки — есть легкий запах — и надел тапки. Оставались еще не распакованные коробки. Можно как раз этим заняться. Одежду, полотенца, зубную пасту, мыло он убрал в шкаф. От одной полки приятно пахло. Он глубоко вдохнул запах, напомнивший о тете Дине. Какая она красивая — прекрасные волосы, доброе лицо!

Разобрав вещи, Манек не знал, чем еще заняться. Взгляд его упал на свисавший со шкафа зонтик. Раскрыв его, он поразился красоте пагоды, и мысленно представил тетю Дину, идущую с зонтиком по улице. Как женщины в сцене скачек в фильме «Моя прекрасная леди». Тетя Дина выглядела намного моложе матери, хотя та писала, что они одногодки — обеим сорок два года. И еще, что у подруги тяжелая жизнь, ее преследуют

несчастья, муж умер молодым, поэтому Манеку следует быть с ней добрым, даже если у нее испортился характер.

«Тяжелая жизнь объясняла поведение тети Дины», — подумал он. Когда она говорила, голос не был молодым, чувствовалось, что его владелицу изрядно потрепала жизнь. Слова тоже были резкими — так мог говорить усталый, недоверчивый человек. Манеку хотелось ее развеселить, заставить хоть иногда смеяться.

Маленькая комната действовала ему на нервы. Она навевала тоску, а впереди еще долгий академический год! Манек взял в руки книгу, полистал и отбросил на стол. Может, помогут шахматы. Расставив фигуры, он машинально сделал несколько ходов. Но пластиковые фигурки сегодня не радовали его. Манек запихнул их обратно в коробку с задвигающейся крышкой, и они сменили заточение в клетках на мрачную тюрьму.

Но он-то, по крайней мере, покинул свою тюрьму, навсегда расставшись с проклятым общежитием. Жаль только, что не смог попрощаться с Авинашем, чья комната по-прежнему оставалась запертой и тихой. Наверно, все еще прячется у родителей — было бы глупостью воз-

вращаться в общагу, когда в университете царит дух «чрезвычайного положения» и продолжают пропадать люди.

Манек вспоминал дни, когда завязалась их дружба. «Шахматы — моя жизнь», — сказал однажды Авинаш. Сейчас ему грозил неминуемый шах. Укрылся ли он вовремя, поставил ли на страже три пешки и ладью? Тетя Дина тоже играет против портных, делая ходы из гостиной в заднюю комнату. И отец, принявший вызов конкурентов, которые не соблюдают правила игры и играют шахматными фигурами в шашки.

С приближением вечера в комнате стало темнее, но Манек не торопился включать свет. Его причудливые мысли о шахматах неожиданно обрели в сумерках мрачное, унылое направление. Все находилось под угрозой, и разобраться в этом невозможно. Велась безжалостная игра. Побоище на доске жизни оставляло за собой израненных людей. У отца Авинаша был туберкулез; его трем сестрам требовалось приданое; тетя Дина храбро старалась выжить после постигших ее несчастий; мать притворялась, что сломленный, с разбитым сердцем отец вновь обретет силу, будет улыбаться, а их сын через год вернется к ним, станет в подвале разливать по бутылкам «Кохлах-колу»,

и их жизнь снова наполнится надеждой и счастьем, как было раньше, когда Манека еще не послали в частную школу. Но мечтать можно только в детстве — прошлое никогда не вернется. Видимо, жизнь безнадежная штука, и никому не несет ничего, кроме горя…

Он с такой силой захлопнул шахматную доску, что движение воздуха коснулось его лица. Там, где текли слезы, стало холодно. Манек утер глаза и, словно надувая мехи, вновь хлопнул крышками шахматной доски, а потом обмахнулся ей, как веером.

Приглашение тети Дины к обеду прозвучало как освобождение из тюрьмы. Манек подошел к обеденному столу и нерешительно топтался рядом, пока ему не указали его место.

— Ты не простыл? — спросила Дина. — У тебя слезятся глаза.

— Нет, я просто отдыхал. — «А она наблюдательная», — подумал Манек.

— Я вчера забыла спросить: как ты предпочитаешь есть — руками или ножом и вилкой?

— Неважно. Мне все равно.

— А как вы ели дома?

— У нас ставили столовые приборы.

Дина принесла нож, вилку и ложку и положи-

ла рядом с его тарелкой, свою же оставила без приборов.

— Я тоже могу есть руками, — запротестовал Манек. — Мне не нужны особые привилегии.

— Не задирай нос! В столовых приборах из нержавейки нет ничего особенного. — Дина передала юноше тарелку с едой, а сама села напротив. — Дома у нас всегда была подходящая для случая сервировка. Приборы из серебра высшей пробы. Отец придавал этому большое значение. После его смерти многое изменилось. Особенно когда брат Нусван женился на Руби. Она перестала ставить приборы, сказав, что не надо копировать иностранцев, в то время как Всевышний наградил нас прекрасными пальцами. В каком-то смысле это верно. Хотя, на мой взгляд, ей было просто лень чистить серебро.

Во время трапезы Дина поднялась, помыла руки и принесла нож и вилку для себя.

— Ты меня вдохновил, — улыбнулась она. — Двадцать пять лет обходилась без них.

Манек не смотрел в сторону женщины, чтобы не заставлять ее нервничать.

— А завтра портные придут?

— Надеюсь, — кратко ответила Дина, не развивая эту тему.

Но потом беспокойство заставило ее вернуться к разговору о портных.

— А может быть, они нашли место получше и больше не вернутся. Чего можно ожидать от таких людей? Всего. С самого начала совместной работы они превратили мою жизнь в сплошную нервотрепку. День за днем я схожу с ума от волнения — сдадим ли мы платья в срок.

— Возможно, они заболели или еще что-то случилось.

— Сразу оба? Может, эта болезнь от спиртного? Я как раз вчера им заплатила. Никакой дисциплины, никакой ответственности. Впрочем, не знаю, зачем я беспокою тебя своими проблемами.

— Все в порядке. — Манек помог женщине отнести на кухню грязную посуду. За окном мяукали бродячие кошки. Вчера, засыпая, он слышал их мяуканье, и ему приснились бездомные собаки, нашедшие приют на крыльце магазина, и отец, который кормил их и традиционно шутил, что скоро придется открыть новую ветвь в торговле — корм для постоянных хвостатых клиентов.

— Только не в окно, Манек. Бросай в помойное ведро, — сказала Дина, увидев, что он выбрасывает объедки на улицу.

— Я только хотел покормить кошек, тетя.

— Не приваживай их, пожалуйста.

— Они голодные — посмотрите, как жадно ждут подачки.

— Ерунда. Они доставляют мне одни неприятности. Залезают в дом и переворачивают все вверх дном. Единственное, что ценно в них, — это кишки. Муж говорил, что из них делают струны для скрипок.

Манек не сомневался, что тетя изменит свое мнение, если говорить с ней о кошках каждый день, словно они люди. Такой прием использовал отец. Когда Дина отвернулась, он выбросил за окно остатки еды. У него уже появилась любимица — коричневая с белым кошка с драным ухом, она словно торопила его: не тяни, я весь день хожу с пустым брюхом.

Помыв посуду, Дина пригласила Манека присоединиться к ней в гостиной — он может там читать, заниматься, словом, делать что хочет.

— Тебе вовсе не обязательно торчать все время в своей комнате. Будь как дома. И не стесняйся попросить, если тебе что-то понадобится.

— Спасибо, тетя. — Манеку действительно было страшно при мысли, что надо идти в свою «тюремную камеру» раньше ночи. Он сел напротив женщины и стал листать журнал.

— Ты уже навестил маминых родственников?

Манек покачал головой.

— Я их едва знаю. И мы никогда с ними не ладили. Отец говорит, они такие скучные, что могут сами себя извести скукой до смерти.

— Ай-ай-ай! — Дина одновременно нахмурилась и улыбнулась, сортируя остатки тканей. На диване лежало с полдюжины примерно равных кусков, которые она подгоняла друг к другу.

Манек подошел к ней.

— Что это такое?

— Моя коллекция тканей.

— Правда? А зачем она вам?

— А разве нужна причина? Чего только люди не коллекционируют — марки, монеты, открытки. У меня нет альбомов, зато есть ткани.

— Понятно, — с сомнением кивнул Манек.

Дина дала ему время подумать, а потом сказала:

— Не волнуйся, я не сумасшедшая. Из этих обрезков я сошью лоскутное покрывало. Красивое стеганое покрывало на свою кровать.

— А-а, теперь ясно. — Манек стал перебирать кипу лоскутов, даже осмелился давать советы, вытаскивая куски, которые, по его мнению, хорошо сочетались. Некоторые, вроде шифона или

шелка особенно эффектно смотрелись. — Слишком много разных цветов и узоров, — сказал он.

— Ты выступаешь в роли критика или как?

— Конечно, нет. Просто, наверно, очень трудно подобрать нужное сочетание.

— Да, трудно, но тут на помощь приходят вкус и опыт. Вот это — взять, это — отложить, а вот это соединить с тем.

Обрезав неровные края ткани, она сметала на живую нить шесть лоскутов, прикидывая, хорошо ли они смотрятся вместе.

— Ну, как тебе?

— Пока все красиво.

«Хороший, добрый юноша», — подумала Дина. Ее страхи, что у нее поселится избалованный, плохо воспитанный юнец, к счастью, не сбылись. Хорошо, что есть кто-то, с кем можно поговорить. Кто-то, помимо портных, которые явно ей не доверяли — да и она им тоже.

На следующий день Дина перехватила Манека на веранде, когда он вернулся из университета, и шепнула, что портные здесь.

— Только не говори им, что я вчера беспокоилась.

— Хорошо. — «Ферзевый гамбит», — подумал Манек, сваливая книги на кровать.

Портные как раз собрались пить чай, когда Манек вышел в гостиную.

— А вот и он, вот и он, — обрадовался Ишвар. — Не прошло и месяца…

Он протянул Манеку руку, спросил, как тот поживает, а Ом стоял рядом, широко ухмыляясь. «Все в порядке», — ответил Манек, и Ишвар добавил, что и у них тоже все отлично, благодаря постоянной работе у Дины-бай, хорошей хозяйки. Говоря это, он улыбнулся Дине Далал, как бы включая ее в разговор.

Та с неодобрением отметила, что эти трое вели себя как давно не видавшиеся друзья. А ведь они пересеклись в жизни только раз — на поезде, когда ехали на поиски ее квартиры.

Вечером, когда портные закончили шить юбки, Дина проводила их со словами: «Если премьер-министр еще раз пригласит вас на митинг, советую сказать ей, что в этом случае вы можете потерять работу. Ко мне уже приходили двое с просьбой взять их на работу».

— Что вы! — сказал Ишвар. — Мы хотим работать только у вас. Нам здесь очень нравится.

Портные ушли, а Дина продолжала сидеть в задней комнате. Казалось, в комнате все еще строчат «зингеры». Скоро вечерняя тьма начнет

сгущаться, наполнит насыщенный пылью воздух, застелет покрывалом кровать и погрузит ее в депрессию до самого утра.

Но когда на город опустились сумерки и зажглись фонари, Дина по-прежнему сохраняла бодрость духа. «Удивительно, — подумала она, — как все меняется с присутствием в доме еще одного человека». Дина вернулась в гостиную, чтобы дать Манеку маленькое наставление.

«Королева против офицера короля», — подумал Манек.

— Надеюсь, ты понимаешь, почему я с ними строга, — сказала Дина. — Если б они знали о моем безвыходном положении, они бы сели мне на голову.

— Понимаю. Кстати, тетя, вы играете в шахматы?

— Нет. И еще скажу тебе — не нравится мне, что ты много с ними болтаешь. Они мои наемные работники, а ты сын Абан Кохлах. Нужно держать дистанцию. Фамильярность ни к чему хорошему не приводит.

На следующий день дела пошли еще хуже. Дина не поверила своим ушам, услышав, как Омпракаш нагло приглашает Манека: «Может, пойдем вместе пить чай?» А хуже всего — лицо Манека

выразило радостное согласие. Пора вмешаться, решила Дина.

— Он пьет чай здесь. Со мной, — сказала она ледяным голосом.

— Но, может быть… может быть, сегодня вы разрешите мне, тетя?

Что ж, сказала она, если он хочет, чтобы родители зря платили за пансион, пусть поступает, как хочет.

Воздух в вегетарианском кафе «Вишрам» переполняли аппетитные запахи. Манеку казалось, что, если высунуть язык, можно продегустировать все блюда. В животе у него забурчало.

Сев за отдельный столик, они заказали три чая. Пятна от многочисленных соусов отчетливо выделялись на дереве. Ишвар вытащил из кармана пачку биди и предложил Манеку закурить.

— Спасибо. Не курю.

Портные закурили.

— Нам не разрешается курить за работой, — сказал Ом. — А теперь еще в комнате стоит ее кровать. Место стало похоже на заставленный всякой всячиной склад.

— И что с того? — спокойно произнес Ишвар. — Тебе ведь не надо гоняться там за козой.

В углу кафе в окружении кастрюлек и сковоро-

док колдовал повар. Было видно, как в открытом чайнике медленно доходит до кипения их чай. От трех пылающих печей к потолку поднимались облака грязного дыма. Языки пламени лизали почерневшее дно огромной сковороды с кипящим растительным маслом. Масло, полностью готовое для жарки, опасно булькало. На блестящем лбу повара проступил пот, одна капля скатилась в масло, и оно злобно зашипело.

— Тебе нравится твоя комната? — спросил Ишвар.

— Да, конечно. Лучше, чем в общежитии.

— Мы тоже нашли жилье, — сказал Ом. — Поначалу оно вызвало у меня отвращение, а теперь я привык. И соседи хорошие.

— Приезжай — навести нас, — предложил Ишвар.

— С удовольствием. Это далеко?

— Не очень. Минут сорок пять на поезде. — Принесли чай, частично он плескался у донышек чашек на блюдцах. Ишвар с шумом отпил из блюдца. А Ом перелил чай в чашку и пил маленькими глотками. Манек последовал его примеру.

— А как дела в университете?

Манек поморщился.

— Хуже не бывает. Но нужно как-то его окон-

чить, чтобы порадовать родителей. Тогда на первом же поезде — домой.

— Мы тоже, подкопим немного деньжат, и вернемся к себе, — сказал Ишвар, откашливаясь. — Найдем жену Ому, моему племяннику.

— Не хочу я жениться, — нахмурился Ом. — Сколько раз тебе повторять!

— Нет, вы только посмотрите на эту кислую физиономию. Ладно. Допивай скорей свой чай, пора! — Ишвар поднялся, собираясь уходить. Юноши торопливо допили чай и поспешили за ним. По дороге к дому им попался на глаза нищий на платформе.

— Помнишь? — спросил Ом. — Мы встретили его в первый день. Теперь он наш друг. Каждый день, когда мы проходим мимо, он нам машет рукой.

— О, господин! — затянул нищий. — Подай денежку, богатый господин! — Улыбнувшись, он потряс перед троицей жестянкой. Манек бросил ему мелочь — сдачу из «Вишрама».

— Чем это пахнет? — Дина наклонилась с сердитым видом и понюхала рубашку Манека. — Ты что, курил с ними?

— Нет, — шепнул Манек в ответ, боясь, что разговор услышат в задней комнате.

— Говори правду. Я тебе сейчас вместо родителей.

— Я не курил, тетя. Курили они, а я просто сидел рядом.

— Если застану с поличным, сразу напишу твоей маме. Так и знай. А теперь скажи, был разговор про вчерашний день? Почему они все-таки не пришли?

— Нет, не было.

— А о чем вы говорили?

Ему не понравился этот допрос.

— Да ни о чем. О том о сем.

Дина не настаивала, обиженная его скрытностью.

— Хочу тебя предупредить еще об одном. У Омпракаша вши.

— Что вы говорите? — спросил Манек заинтересованно. — Вы их видели?

— Разве надо совать руку в огонь, чтоб проверить обожжешься ли? Парень целый день чешется. И чешет не только голову. У него две проблемы — глисты и вши. Поэтому прими мой совет — держись от него подальше. Его дядя здоров, но он почти лысый, а у тебя прекрасные густые волосы — раздолье для вшей.

Совет Дины был оставлен без внимания. Со вре-

менем посиделки за чаем в «Вишраме» стали для всех троих своего рода ритуалом. Однажды, когда Манек задержался в университете, Ом шепнул Ишвару, что надо бы подождать друга.

— Ай-ай! — услышала Дина эти переговоры. — Значит, откладываем чай? А вы хорошо себя чувствуете? Продержитесь так долго?

«Почему Дину-бай так раздражают их походы», — задумался Ишвар. Когда Манек вернулся, и Ом ринулся к нему навстречу, забыв про «зингер», Ишвар решил не идти с ними.

— Идите, ребята, а я хочу закончить юбку.

Дина рассыпалась ему в похвалах.

— Бери пример с дяди, — сказала она вслед юношам. Она налила предназначавшийся Манеку чай в стоявшую отдельно чашку с розами и принесла Ишвару. — Думаю, вам стоит подкрепиться.

Портной поблагодарил хозяйку за внимание. Сделав глоток, он поспешил успокоить ее, сказав, что Манек и Ом хорошо ладят и получают удовольствие от общения.

— Они ведь одного возраста. Ому наскучило общество старого дяди. Мы с ним — как день и ночь.

— Ерунда, — сказала Дина, убежденная, что без

благотворного влияния дяди Ом превратился бы в бездельника. — Надеюсь, Манеку не пойдет во вред его общество.

— Нет, не беспокойтесь. Ом неплохой парень. Если иногда и бывает непокорным или сердитым, так это от жизненных невзгод. Он много горя повидал.

— У меня жизнь тоже не сахар. Но надо принимать все как есть и смириться.

— Другого не дано, — согласился Ишвар.

С этого дня он все чаще пропускал чаепитие с юношами, а Дина, готовя чай для Манека, наливала его в чашку Ишвара. Они болтали о разных вещах — не только о шитье. Ей нравилась его благодарная полуулыбка, когда, казалось, даже неподвижная часть лица лучезарно улыбалась при виде розочек по краям блюдца.

— Ом стал шить лучше, правда, Дина-бай?

— Да, делает меньше ошибок.

— Вот-вот. С приездом Манека он стал веселее.

— И все же я беспокоюсь о Манеке. Надеюсь, он хорошо учится — родители на это рассчитывают. У них небольшой магазинчик, и дела идут не так чтоб очень.

— У всех свои трудности. Не волнуйтесь. Я поговорю с племянником, напомню, что надо усердно

трудиться. Им обоим это необходимо — усердно трудиться.

Ишвар заметил, что перерывы на чай больше не раздражают Дину-бай. Это укрепило его в подозрении, что она тяготится одиночеством.

Когда юноши были одни, их разговор неизбежно принимал другой оборот. Ому хотелось знать больше об общежитии, где раньше жил Манек.

— А девушки там были?

— Тогда я вряд ли уехал бы оттуда. У девушек свое общежитие. Ребят туда не пускают.

Из «Вишрама» они видели на крыше дома через дорогу рекламу фильма «Револьвер Рани». Рекламный щит был в виде диптиха. На одной стороне четверо мужчин срывали одежду с женщины. Была видна огромная грудь в бюстгальтере и мужские рты, растянутые в похотливой ухмылке, обнажавшей кроваво-красные языки и зубы хищников. На второй стороне та же женщина в разорванной одежде расстреливала из автомата этих четырех мужчин.

— Почему фильм называется «Револьвер Рани»? — спросил Ом. — Ведь в руках у нее автомат.

— Могли бы назвать и «Пулемет Махарани». Но «револьвер» звучит круче.

— Хотелось бы посмотреть.

— Давай пойдем на следующей неделе.

— Нет денег. Ишвар говорит — надо копить.

— Не беспокойся — я приглашаю.

Затягиваясь, Ом изучающе глядел на Манека, пытаясь понять, шутит он или нет.

— Нет, я так не могу.

— Да брось! Я серьезно говорю.

— Я спрошу у дяди. — Биди погасла, и Ом полез за спичками. — Знаешь, у нас по соседству живет одна девушка. Так у нее такие же груди.

— Не может быть!

Такое откровенное недоверие заставило Ома внимательнее вглядеться в плакат.

— Возможно, ты прав, — пошел он на попятную. — Не совсем такие. На афишах их рисуют просто гигантскими. Но у моей девушки груди тоже большие и по форме похожи. Такие же красивые. Иногда она разрешает мне их потрогать.

— Хватит заливать. Я не вчера родился.

— Клянусь, разрешает. Ее зовут Шанти. Она раскрывает блузку и дает тискать их, когда мне хочется, — уверенно произнес Ом, дав волю своему воображению. Манек засмеялся, шлепнув его по колену, и тогда Ом с невинным видом поинтересовался: — А ты что, никогда такого не делал

с девушкой?

— Отчего же! Делал, — торопливо ответил Манек. — Но ты говорил, что живешь в одной комнате с дядей. Как же тебе удается?

— Легко. Рядом с поселком проходит канава, за ней растет густой кустарник. В сумерки мы ходим туда. Всего на несколько минут. Если она задержится дольше, ее пойдут искать. — Беспечно пуская клубы дыма, Ом фантазировал, рассказывая, как ласкает волосы Шанти и не без трудностей проникает под ее блузку и юбку.

— Тебе повезло, что ты портной, — сказал Манек. — Знаешь все, что касается одежды.

Но Ом увлеченно продолжал, не обращая внимания на подколы, и остановился, только достигнув кульминации.

— Однажды я лежал на ней, и мы почти *это* сделали. Но тут в кустах послышался шум, и она испугалась. — Ом осушил блюдце и налил в него еще чая. — А как у тебя? Было такое?

— Почти. В поезде.

Теперь настала очередь смеяться Ому.

— Да ты просто чемпион по вранью! Вот придумал — в поезде!

— Поверь — чистая правда. Это было несколько месяцев назад, когда я ехал в университет. — Под-

стегнутое фантазией Ома воображение Манека пустилось в галоп.

— Верхнюю полку напротив меня занимала женщина, очень красивая.

— Красивее Дины-бай?

Вопрос застал Манека врасплох. Он на мгновение задумался.

— Нет, — твердо сказал он. — С первой минуты путешествия она глаз с меня не сводила, и, когда никто не видел, улыбалась мне. Проблема заключалась в отце, который ее сопровождал. Наконец наступила ночь, и все стали отходить ко сну. Но мы с ней бодрствовали. Когда все, включая ее отца, крепко заснули, она откинула простыню и вынула одну грудь из чоли.

— И что дальше? — спросил Ом, с наслаждением представляя себе картину.

— Она мяла грудь, знаком подзывая меня. Но я боялся спуститься вниз. Ведь кто-то мог проснуться. Тогда она положила руку между ног и стала ласкать себя. Тут я понял, что должен к ней идти.

— Еще бы! Только дурак не пошел бы, — сказал Ом, у которого перехватило дыхание.

— Мне удалось спуститься, никого не побеспокоив, и в следующую минуту я уже ласкал ее грудь. Она схватила мою руку, умоляя, чтобы я

залез к ней. Я соображал, как лучше это сделать. Нельзя было задеть нижнюю полку, где спал ее отец. Неожиданно он зашевелился и, кряхтя, перевернулся на другой бок. Девушка так перепугалась, что оттолкнула меня и нарочито громко захрапела. А я сделал вид, что иду в туалет.

— И что этому мерзавцу не спалось!

— Вот именно. Скверно вышло. Больше я эту девушку не видел. — Манек вдруг почувствовал печаль, словно утрата была настоящей. — Тебе повезло, что Шанти живет рядом.

— Когда-нибудь ты ее увидишь, — великодушно произнес Ом. — Вот приедешь к нам в гости. Правда, поговорить с ней ты не сможешь — только посмотришь издалека. Она очень робкая и, как я говорил, встречается со мной тайно.

Юноши быстро допили чай и всю дорогу бежали — слишком уж засиделись за разговорами.

Батата вада, бхел пури, пакора[90], бхаджи, шербет — за все эти закуски и питье в «Вишраме» платил Манек, ведь Ишвар давал племяннику деньги только на чай. Содержания, которое выплачивали родители, хватало на угощение — ведь теперь Манек питался не в студенческой

---

[90] Примечания: 90
Фрикадельки из овощей или мяса.

столовой, и ему не требовалась дополнительная еда на стороне. На следующей неделе он, сдержав слово, повел Ома на «Револьвер Рани». Когда у портных закончился рабочий день, Манек позвал с ними и Ишвара, но тот отказался, сказав, что за это время он лучше сошьет очередное платье.

— А вы тетя? Пойдете с нами?

— Даже если мне заплатят, и тогда не пойду смотреть эту муть, — сказала Дина. — А если деньги оттягивают тебе карман, скажи, и я напишу твоей маме, чтоб она тебе их больше не присылала.

— Золотые слова, — поддакнул Ишвар. — Вы, молодые люди, не знаете цену деньгам.

Но никакие упреки не смогли удержать молодых людей от похода в кино. Дина на прощанье предупредила Манека, чтоб тот сразу после сеанса поторопился домой — его будет ждать обед. Он обещал, ворча про себя, что тетя Дина слишком серьезно относится к роли опекунши.

— А предсказание старухи сбылось, — сказал Ом по дороге на железнодорожную станцию. — Во всяком случае — наполовину: хозяин обезьян отомстил за своих питомцев.

— А что он сделал?

— Страшную вещь. Это случилось прошлой

ночью. — Тикка продолжал жить с хозяином, и соседи решили, что он его простил. И вот, когда обитатели поселка легли спать, он поставил рядом со своей хижиной ящик, украсил его цветами и зажег лампу. В центре установил на подпорке фотографию Лайлы и Маджно, сидящих у Тикки на спине. Их снял полароидом американский турист, которого восхитила эта сцена. Подготовив алтарь, он привел Тикку, заставил пса лечь и перерезал ему горло. После этого стал обходить соседей, рассказывая каждому, что он исполнил свой долг.

— Ужасная картина, — закончил Ом. — Мы пошли туда и увидели несчастного Тикку в луже крови. Пес еще слегка дергался. Меня чуть не вырвало.

— Будь там мой отец, он убил бы этого хозяина, — сказал Манек.

— Ты хвастаешься или возмущаешься?

— И то и другое. — Манек пнул ногой камень, и тот перелетел с тропы на дорогу. — Мой отец подчас больше заботится о бродячих собаках, чем о собственном сыне.

— Что за бред ты несешь?

— Совсем не бред. Каждое утро он кормит этих собак на крыльце, а меня отправил куда подаль-

ше. Все время, что я провел дома, он воевал со мной — так я ему мешал.

— Перестань. Отец отправил тебя сюда, чтобы ты учился, он заботится о твоем будущем.

— Ты что, специалист по «отцам и детям»?

— Можно сказать и так.

— И почему же?

— Потому что мой отец умер. Тогда сразу становишься «специалистом». Послушай меня — перестань плохо говорить об отце.

— Хорошо. Мой отец — святой. Ну и что случилось потом с хозяином обезьян?

— Люди переполошились, предлагали даже вызвать полицию: ведь после гибели питомцев он жил с детьми своей сестры. Им было всего три-четыре года, хозяин обезьян готовил с ними новый номер. Но, если он подвинулся рассудком, детям грозит опасность. Однако некоторые говорили, что не дело решать мошенникам-полицейским судьбу сумасшедшего. Во всяком случае, хозяин обезьян любит детей и трогательно заботится о них.

Молодые люди сошли с поезда, протискиваясь сквозь толпу желающих войти внутрь. За платформой на солнце сидела женщина, рядом с ней стояла небольшая корзина с овощами. Она

сушила прямо на себе выстиранное сари — поочередно, то одну, то другую часть. Один мокрый конец был обмотан вокруг талии и высохших грудей. Другой, сушившийся, был брошен на железнодорожное ограждение и возносился ввысь, словно вечерняя молитва. Когда юноши проходили мимо, женщина помахала Ому.

— Она живет в нашем поселке, — сказал тот, лавируя на подходе к кинотеатру между мчавшимися автомобилями. — Торгует овощами. У нее одно-единственное сари.

«Револьвер Рани» закончился позже, чем они ожидали. Еще шли титры, когда они вышли в проход и продвигались вперед — медленно, чтобы дослушать музыку. Наконец на экране возник развивающийся национальный флаг, заиграли «Джана Гана Мана»[91], и все бросились к выходу.

Но поток людей наткнулся на препятствие. У дверей их ждал заслон из сторонников партии «Шив Сена»[92]. Задние ряды, не понимая причину задержки, кричали: «Пропустите! Пропустите,

---

[91] Примечания: 91

Джана Гана Мана — национальный гимн Индии (источник — стихи Нобелевского лауреата Рабиндраната Тагора).

[92] Примечания: 92

«Шив Сена» — крайне правая националистическая организация, основана в 1966 г.

пожалуйста! Господин, ну идите же! Фильм кончился!»

Однако выйти было невозможно: члены «Шив Сена» размахивали палками и плакатами с призывами: «Уважайте национальный гимн!», «В период “чрезвычайного положения” Отечество нуждается в тебе!», «Патриотизм — свитой долг каждого!». Никого не выпускали из зала, пока гимн не смолк, и не включили свет.

— Почему патриотизм свитой? — засмеялся Ом. — Кто его свил?

— Эти идиоты даже слово «святой» написать правильно не могут, а еще пытаются нас учить, — сказал Манек.

Ом заметил, что участников демонстрации было от силы человек пятьдесят против восьмисот зрителей.

— Мы легко могли бы с ними справиться. Бац! Бац! Как тот парень в фильме, — сказал он, сжимая кулаки у груди.

В приподнятом настроении они выкрикивали особенно драматические реплики героев «Револьвера Рани».

— «Кровь можно смыть только кровью!», — рычал Манек, изображая удар мечом.

— «Стоя на этой священной земле, я клянусь

небом, что ты не увидишь завтра рассвета!» — провозглашал Ом.

— Естественно, ведь я всегда просыпаюсь поздно, — сказал Манек. Это неожиданное отступление от текста сбило воинственный пыл Ома, и он расхохотался.

Женщина с корзиной все еще сидела у железнодорожной станции. Она завернулась в сухую часть сари, теперь мокрая висела на ограждении. Корзина была почти пуста.

— Тебе пора домой, Амма! — крикнул Ом, и женщина в ответ улыбнулась.

На платформе юноши решили испробовать аппарат, который указывал точный вес и заодно предсказывал судьбу всего за 25 пайс. Манек пошел первым. Закрутилось красно-белое колесо, вспыхнули электрические лампочки, зазвонили колокольчики, и маленькая прямоугольная карточка скользнула в изогнутый лоток.

— Шестьдесят один килограмм, — сказал Манек и прочитал вслух предсказание: — «В ближайшем будущем вас ждет счастливое воссоединение». Похоже на правду. Как только закончится учебный год, я тут же поеду домой.

— Или снова встретишь девушку из поезда. И тогда уж доведешь до конца прерванный массаж

груди. Ну ладно, теперь моя очередь. — Ом встал на весы, а Манек вытащил из кармана еще одну монету в 25 пайс.

— Сорок шесть килограммов, — сказал Ом и перевернул карточку: — «Скоро вы посетите много новых, интересных мест». Какая-то бессмыслица. Вернусь в деревню. Но деревня не новое место.

— Наверное, речь идет о местах, что таятся под блузкой и юбкой Шанти.

Ом встал в позу с поднятой рукой и произнес слова героя из фильма: «Пока эти пальцы не сомкнутся на твоем горле и твоя жалкая жизнь не оборвется, не будет мне покоя на земле!»

— Пока ты весишь всего сорок шесть килограммов, тебе это вряд ли удастся, — парировал Манек. — Потренируйся сначала на цыплятах.

Показался поезд, и они заторопились к нему от билетной кассы.

— Билеты как две капли воды похожи на карточки с предсказаниями, — сказал Ом.

— Могли бы и не брать, — отозвался Манек.

— Нет, это рискованно. Из-за «чрезвычайного положения» контролеры стали как звери. — И Ом рассказал, как они с Ишваром угодили в облаву на безбилетников.

Час пик миновал, и вагон был почти пустой.

Юноши положили ноги на свободное сиденье. Манек расшнуровал туфли и снял их, разминая пальцы.

— Много сегодня ходили.

— Не стоит носить такие узкие туфли. Насколько удобнее в моих сандалиях.

— Родителей удар хватил бы, если б они увидели меня в сандалиях. — Манек потер пальцы и подошвы, потом натянул носки и надел туфли.

— Я всегда массировал отцу ноги, — сказал Ом. — А он делал то же самое дедушке.

— И это нужно было делать каждый день?

— Не то чтобы нужно — просто такой обычай. Вечерами мы сидели на плетеной скамье. Дул прохладный ветерок, на деревьях пели птицы. Мне было приятно растирать отцу ноги. Это доставляло мне удовольствие. — Юношей покачивало в такт размеренному движению поезда. — Под большим пальцем правой ноги у отца образовалась мозоль — от педали швейной машины. В раннем детстве эта мозоль смешила меня. Когда отец шевелил большим пальцем, мозоль была похожа на человеческое лицо.

Оставшуюся часть пути Ом молчал, задумчиво глядя в окно. Манек пытался развлечь его, изображая героев из «Револьвера Рани», но тот только

слабо улыбнулся, и тогда Манек тоже погрузился в молчание.

— Жаль, вы не пошли с нами, — сказал Манек. — Мы получили большое удовольствие. Такие захватывающие драки!

— Нет уж, спасибо. Я и в жизни достаточно драк насмотрелся, — ответил Ишвар. — Скажи лучше, когда приедешь к нам в гости? — Мужчина чувствовал, что траты Манека на племянника накладывают на них обязательства, которые надо как-то компенсировать. — Ждем тебя в ближайшие дни на обед.

— Спасибо. Приду как-нибудь, — неопределенно ответил Манек. «Тетя Дина опять разволнуется — достаточно с нее этого похода в кино».

К счастью, Ишвар не настаивал на точной дате. Набросив чехол на швейную машину, он удалился вместе с Омом.

— Надеюсь, ты доволен, — сказала Дина. — Несмотря на мои просьбы, ты все больше сближаешься с этим парнем.

— Но, тетя, мы всего лишь посмотрели фильм. Ом первый раз был в таком большом кинотеатре. Зрелище его потрясло.

— Надеюсь, он сможет завтра шить, а ты сосредоточишься на учебе. Фильмы, где много драк и

убийств, плохо действуют на мозги. Раньше снимали добрые фильмы. Немного пения и танцев, немного комедии и любовной лирики. А теперь ничего, кроме стрельбы и поножовщины.

На следующий день, словно в подтверждение теории Дины, Ом присоединил лиф седьмого размера к юбке одиннадцатого размера, убрав лишнее в складки на талии. Эту ошибку он повторил трижды, и брак обнаружили только днем.

— Не берись ни за что другое, пока не исправишь платья, — сказала Дина, но Ом словно ее не слышал.

— Не беспокойтесь, Дина-бай, — вмешался Ишвар. — Я распорю швы, и сошью заново.

— Нет, он напортачил — пусть сам и исправляет.

— Сами исправляйте, — хмуро проговорил Ом, яростно расчесывая кожу головы. — У меня башка раскалывается. Вы дали мне заготовки от разных платьев, так что вина ваша.

— Нет, послушайте его! Лжет и не краснеет! И вытащи пальцы из волос, пока не испачкал своими сальными пальцами ткань. Весь день только и делаешь, что чешешься.

Когда Манек вернулся из университета, спор еще продолжался. Портные не пошли пить чай.

Манек отправился в свою комнату и плотно закрыл дверь, чтоб не слышать этих препираний. Но разногласия длились весь день, их отзвуки просачивались под дверь, и Манек чувствовал себя несчастным.

В шесть часов Дина постучалась к нему и попросила выйти.

— Эти двое ушли. Мне нужно побыть в компании нормального человека.

— Почему вы так развоевались, тетя?

— Развоевалась? Думай, что говоришь. Ты даже не знаешь, в чем дело, а сразу зачисляешь меня в виновники.

— Простите, тетя! Так что же случилось?

— Все, как обычно. Ошибки и некачественная работа. Еще спасибо Ишвару. Не знаю, что без него я делала бы. Один — ангел, другой — дьявол. Однако когда ангел водит дружбу с дьяволом, никому нельзя доверять.

— Может, Ом ведет себя так из-за внутреннего беспокойства — ведь вы их запираете, когда уходите.

— Вот оно что! Значит, пожаловался? А он хоть объяснил, почему я так делаю?

— Из-за хозяина. Но он считает, что это всего лишь отговорка. За запертой дверью они чувству-

ют себя чуть ли не преступниками.

— В нем просто говорит нечистая совесть. Домовладелец — реальная угроза. Смотри, чтоб тебя не провел сладкой улыбкой сборщик квартирной платы. Всегда повторяй, что ты мой племянник. — Дина начала прибираться в комнате, подбирала обрезки тканей и складывала их на нижнюю полку. — Этот Ибрагим с порога видит всю квартиру, так и вертит своими глазищами туда-сюда. Быстрее, чем Бастер Китон[93]. Впрочем, ты слишком молод, чтобы знать Бастера Китона.

— Мама как-то упоминала его имя. Говорила, что он смешнее Лорела и Харди[94].

— Впрочем, это неважно. Есть еще вторая причина. Если я перестану запирать портных, то могу потерять работу. Тебе известно, что Ом пытался проследить меня вплоть до экспортной фирмы? Рассказывал он это тебе? Конечно, нет. Мои крошечные комиссионные им покоя не дают. Хотя я еле свожу концы с концами.

— Давайте я напишу маме, чтоб она присылала

---

[93] Примечания: 93

Бастер Китон (1895–1966) — американский актер, один из лучших комиков мирового кино.

[94] Примечания: 94

Лорел и Харди — американские киноактеры, одна из лучших комедийных пар, совместно работали с 1927 г.

больше денег за мой пансион?

— Вот уж нет! Я назвала справедливую цену, и она согласилась. Думаешь, я рассказываю тебе все это, рассчитывая на благотворительность?

— Нет, я только подумал…

— Мои трудности не трудности нищего. Нищий снимает одежду и демонстрирует свои раны. Это не мой случай, мистер Мак Кохлах. Я рассказываю тебе все это, чтобы ты лучше знал своего драгоценного Омпракаша Даржи.

Когда Дина в очередной раз собралась ехать в «Оревуар экспортс», она снова доверилась Манеку.

— Послушай, сегодня я не повешу на дверь замок. Ты дома, и я оставляю тебя за главного. — Она не сомневалась: чувство ответственности привлечет Манека на ее сторону, да и Ом не станет второй раз проделывать номер с велосипедом.

После ухода Дины Ишвар продолжал работать, не осмеливаясь в присутствии Манека отдыхать на диване. Но Ом сразу бросил шить и прошмыгнул в гостиную.

— Два часа свободы, — объявил он, потягиваясь, и сел рядом с Манеком на диване.

Ом закурил, и они стали листать старый журнал Дины по вязанию. Украшал книгу вкладыш

с моделями, рекламирующими разные фасоны свитеров. С глянцевых страниц с загнутыми уголками на них смотрели ослепительные красавицы с красиво очерченными алыми губами, кожей кремового цвета и роскошно убранными волосами.

— Взгляни на этих двух, — сказал Ом, указывая на блондинку и рыжую. — Как думаешь, волосы между ног у них того же цвета?

— А почему бы тебе не написать редактору и не задать ему этот вопрос? «Дорогой сэр! У нас возник вопрос, касающийся цвета волос на лобке у ваших моделей: отличается ли он от волос на голове? Мы конкретно спрашиваем о моделях, которые украшают сорок седьмую страницу вашего издания, — Манек посмотрел на обложку, — июль, 1961 года». Забудь о них, Ом, прошло четырнадцать лет. Какой цвет был раньше, мы никогда не узнаем, сейчас он скорее всего седой.

— Я спрошу у Раджарама, сборщика волос, — сказал Ом. — Он специалист по этому делу.

Юноши поставили журналы по вязанию на место, где они стояли, и пошли в комнату Манека. На какое-то время их внимание привлек зонтик с пагодой, потом они заинтересовались кухней, подзывали кошек, которые не проявляли к ним

интереса, понимая, что до обеда еще далеко. Ом хотел облить кошек водой, чтоб они разорались, но Манек воспротивился.

В задней комнате они добрались до обрезков ткани для лоскутного одеяла.

— Ребята, не трогайте вещи Дины-бай, — предупредил Ишвар, отрывая глаза от швейной машины.

— Да ты взгляни, сколько здесь ткани, — сказал Ом. — Она обворовывает нас, не платит нам по справедливости, да и у компании ткань тащит.

— Омпракаш, ты несешь чушь, — осадил племянника Ишвар. — Хорошо, что она находит этим обрезкам применение. А ну-ка, принимайся за дело, не теряй время.

Ом положил на место лоскуты и показал на сундук, стоявший в углу на табурете. Манек удивленно поднял брови, не зная, что там может быть. Молодые люди открыли сундук и обнаружили там запас самодельных прокладок.

— Ты знаешь, что это такое? — прошептал Ом.

— Маленькие подушечки, — ответил Манек с улыбкой и взял в руки парочку комковатых прокладок. — Маленькие подушечки для маленьких человечков.

— Мой малыш может на ней отдохнуть. — И Ом

пристроил одну прокладку меж своих ног.

— Прекрати возню с сундуком, — сказал Ишвар.

— Ладно, ладно. — Захватив с собой пригоршню прокладок, они перешли в гостиную, продолжая дурачиться.

— Что это? — спросил Манек, приставив к голове две прокладки.

— Рога?

— Нет, — помахал прокладками Манек. — Ослиные уши.

Ом приложил одну к своему заду.

— Кроличий хвост.

Приложив к промежности прокладки, словно те были пенисами, они скакали по комнате и изображали, что мастурбируют. У Манека разошелся узелок на прокладке, из подушечки вывалилась набивка, оставив в его руке лишь пустую тряпочку.

— Только взгляните, — расхохотался Ом. — Твой лунд[95] сдулся.

Манек взял новую твердую подушечку и ударил ею по прокладке Ома. Завязалась дуэль, но оба «мяча» быстро развалились, и мелкие обрезки

---

[95] Примечания: 95
Лунд — пенис *(хинди).*

разлетелись по комнате. Они схватили новые и, словно рыцари на турнире, пустились навстречу схватке, и каждый нацеливался прокладкой-мячом на ширинку другого.

— Тан-танна, тан-танна, тан-танна! — трубили юноши, наскакивая друг на друга. Расходясь по углам, они снова прикладывали прокладки к промежности, а Ом еще изображал боевого коня, который, закусив удила, становится на дыбы и ржет.

Они уже приготовились к очередной схватке, когда Дина, открыв входную дверь, вошла к ним через террасу. Звуки трубы резко оборвались. Дойдя до дивана, она остолбенела, потеряв дар речи при виде разбросанных по полу клочков тщательно сшитых ею прокладок. Юноши стояли с виноватым видом, сжимая в руках непристойные игрушки.

Поспешив засунуть их за спину, они тут же поняли, что жест этот не только бессмысленный, но и глупый.

— Бессовестные мальчишки, — вырвалось у Дины. — Бессовестные мальчишки.

Она вбежала в заднюю комнату, где Ишвар по-прежнему корпел за швейной машиной, понятия не имея, что происходит в гостиной.

— Прервись, — проговорила Дина дрожащим голосом. — Пойди, посмотри, что вытворяют эти двое.

Ом и Манек отложили прокладки в сторону, но Дина насильно сунула каждому по одной в руки.

— Ну, давайте! — сказала она. — Покажите, какие бесстыдные вещи вы тут проделывали.

Ишвару не надо было ничего показывать. Он и так понимал: раз Дина так взволнована, значит, имело место какое-то непотребство. Подойдя к Ому, он закатил тому звонкую пощечину.

— Тебя мне нельзя бить, — сказал он Манеку. — Но кому-то стоило бы тебя проучить — для твоей же пользы.

Ома он отвел в заднюю комнату и швырнул на табурет.

— Чтоб я больше не слышал от тебя ни единого слова. Работай молча, пока не придет время уходить.

Обед прошел в молчании, слышался только стук ножей и вилок. Дина быстро убрала со стола, сразу ушла в рабочую комнату и заперла за собой дверь.

«Словно я сексуальный маньяк или еще что похуже», — подумал Манек, чувствуя себя самым несчастным человеком на свете. Он сидел

в гостиной, надеясь, что Дина выйдет, и у него будет возможность извиниться. Он слышал, как она выдвигает и задвигает ящик. Скрип кровати. Постукивание гребня. Глухой звук отодвигаемых табуретов. При стуке крышки сундука, его лицо залила краска стыда. Когда под дверью погасла полоска света, тяжелое чувство охватило Манека.

Неужели она напишет его родителям и нажалуется? Впрочем, он это заслужил. Уже почти два месяца она трогательно заботится о нем, а он ответил ей такой подлостью. Впервые после отъезда из дома он чувствовал себя спокойно, в безопасности, и все это благодаря тете Дине. Она спасла его от общежития, где он чувствовал себя больным — постоянно теснило в груди и каждое утро тошнило.

И теперь, по собственной глупости, он все потерял. Выключив свет рядом с диваном, он побрел к себе в комнату.

Стыд не покинул Манека и утром. А когда Дина с грохотом поставила перед ним тарелку с яичницей из двух яиц, он покраснел еще больше. Уходя в университет, он с порога крикнул: «До свидания, тетя!» — но она в ответ не помахала рукой. С грустью он закрыл дверь на пустую и,

казалось, тоже обиженную веранду.

Легкий намек на прощение забрезжил в воздухе после обеда. Как и в предыдущий вечер, Дина удалилась в дальнюю комнату, не оставшись шить лоскутное покрывало на диване, однако на этот раз оставила дверь приоткрытой.

С затаенной надеждой Манек сидел в гостиной, слыша разговоры соседей. Кто-то гневно укорял кого-то — дочь, догадался Манек.

— Ах ты, шлюха, — гремел мужской голос. — Только потаскушки приходят домой так поздно! Ты что, думаешь в восемнадцать лет тебя и отколотить нельзя? Я тебя проучу! Если говорят — вернуться к десяти часам, это значит, в это время ты должна быть дома.

Манек взглянул на часы: десять двадцать. Тетя Дина все не появлялась. Свет она тоже не выключала. Обычно они ложились спать в десять тридцать, и он решил заглянуть в комнату и пожелать ей спокойной ночи.

Она сидела в ночной рубашке — спиной к двери. Манек решил, что лучше тихо уйти, но Дина услышала легкий скрип. «Боже, — подумал он в панике, — она подумает, что я подглядываю».

— Что еще? — резко спросила Дина.

— Простите, тетя, я просто хотел пожелать вам

спокойной ночи.

— Хорошо. Спокойной ночи. — Голос звучал сухо.

Ее тон задел Манека, и он уже стал отступать, но потом остановился и откашлялся.

— Еще…

— Что еще?

— Еще я хотел извиниться… за вчерашнее.

— Перестань мямлить на пороге. Войди и скажи, что надо.

Манек робко вошел. Ее обнаженные руки были так красивы, а сквозь тонкую ткань просвечивали очертания… но он не осмелился задержать взгляд. Мысль о том, что она мамина подруга, продолжала его мучить и после того, как он принес свои извинения.

— Я хочу, чтобы ты понял, — сказала Дина. — Я сержусь не потому, что твой позорный поступок каким-то образом оскорбил меня. Мне просто стыдно за тебя, стыдно, что ты ведешь себя как бездельник. Как какой-нибудь бродяга. А ведь ты из хорошей семьи парсов. Мне доверили опекать тебя, и я тебе доверяла.

— Простите, — прошептал Манек с опущенной головой. Дина подняла руку и потрепала его по волосам. Это движение и обнаженные подмышки

были очень эротичными.

— Теперь иди спать, — сказала она. — И в следующий раз думай.

Засыпая, Манек вспомнил тетю Дину в ночной рубашке, потом она как-то слилась с образом девушки в поезде на верхней полке.

Глава седьмая. Время перемен

После истории с прокладками Дина была уверена, что теперь ни Ишвар, ни Ом не осмелятся приглашать Манека к себе на обед. А если и пригласят, он откажется из страха ее обидеть.

Однако через несколько дней приглашение вновь последовало, и, похоже, отказываться Манек не собирался.

— Не верю своим ушам, — сердито прошептала она Манеку. — Неужели недостаточно того, что было? Может, хватит с меня волнений?

— Я ведь извинился, тетя Дина. Ом тоже очень раскаивается. Какая связь между той провинностью и приглашением на обед?

— Думаешь, извинения достаточно? Видимо, ты не понимаешь проблемы. Я ничего против них не имею, но они портные — мои наемные работники. Нужно держать дистанцию. Ты сын Фаруха и Абан Кохлах. Не притворяйся, что не видишь между вами разницы, учитывая их сообщество, их окружение.

— Отец и мать не возражали бы, — сказал Манек, пытаясь объяснить, что его воспитали

иначе: родители поощряли общение с людьми из разных слоев.

— Ты хочешь сказать, что я ограниченный человек, а твои родители широко мыслящие, современные люди?

Манек устал с ней спорить. Иногда ему казалось, что она не в себе, когда делает нелепые заявления вроде: «Если они тебе так дороги, может, соберешь вещи и переберешься к ним? Я могу написать твоей маме, куда переводить деньги за новый пансион».

— Я только один раз их навещу. Отказываться — невежливо. Они решат, что я задаюсь.

— А ты подумал о последствиях этого визита? Хорошие манеры — это прекрасно, но как быть со здоровьем и гигиеной? Как они готовят еду? Достаточно ли хорошее используют масло? Или покупают дешевый ванаспати[96], как большинство бедных людей?

— Не знаю. Пока что они живы и здоровы.

— У них желудок привык к такой пище, глупый ты мальчишка, а у тебя нет.

Манеку вспомнилась ужасная еда в университетской столовой, которую неделями

---

[96] Примечания: 96

Ванаспати — дешевый заменитель растительного масла, трансжиры.

выдерживал его желудок, а также перекусы в придорожных палатках. Интересно, если он об этом расскажет, повлияет ли его рассказ на кулинарные теории тети?

— А вода? — продолжала она. — Подают там чистую воду или с разными примесями?

— Обещаю, что воду пить не буду. — Манек уже твердо решил, что поедет. Тетя стала слишком на него давить. Даже мама не позволяла себе такого.

— Ладно, поступай, как знаешь. Но помни, если подхватишь какую-нибудь заразу, не рассчитывай, что я буду за тобой ухаживать. Тут же отправлю экспрессом к родителям.

— Со мной все будет хорошо.

И когда в следующий раз Ишвар и Ом заговорили об обеде, Манек дал свое согласие. Дина вспыхнула и стиснула зубы. Манек улыбнулся с невинным видом.

— Тогда завтра? — уточнил радостно Ишвар. — Вместе в шесть и поедем. — И поинтересовался, что любит Манек. — Рис или чапати? И какие предпочитаешь овощи?

— Мне все равно, — сказал Манек. Остаток дня портные провели, обсуждая меню скромного праздника.

* * *

Ишвар первый обратил внимание, что над лачугами не вьется дым от очагов, на которых готовят ужин. Вглядываясь вдаль, он споткнулся на потрескавшемся тротуаре. В это время суток дым обычно заволакивал горизонт.

— Не пойму, все постятся, что ли?

— Хватит тревожиться обо всех. Главное — я умираю от голода.

— Ты всегда умираешь от голода. Может, у тебя глисты.

Ом не засмеялся — шутка уже приелась. Отсутствие дыма беспокоило Ишвара. Зато до них доносился глухой рев, похоже, больших машин. «Неужели дороги вечером ремонтируют?» — подумал он по мере того, как рев приближался. Затем, вспомнив о завтрашнем обеде, сказал:

— Завтра надо продукты купить с утра. Нельзя тратить на это время после работы. Вот был бы ты женат, твоя жена приготовила б обед заранее в ожидании гостя.

— А почему бы тебе самому не жениться?

— Я уже стар для этого. — Ишвар всерьез подумал, что Ому и правда пора жениться — нельзя откладывать такие вещи.

— А я даже подобрал тебе жену, — сказал Ом.

— Кого же?

— Дину-бай. Я знаю, она тебе нравится, ты всегда принимаешь ее сторону. Осталось ее потискать.

— Бесстыжий мальчишка, — сказал Ишвар и дал племяннику легкий подзатыльник. Они свернули на дорогу к поселку.

В сумерках непонятный грохот медленно и неуклонно надвигался на них, подобно огромному шару. Затем раздался взрыв. Воздух наполнился криками ужаса, боли и ярости.

— Да что же там происходит?

Последнюю часть пути портные пробежали, оказавшись на месте в разгар схватки.

Жители поселка толпились на дороге, пытаясь попасть в свои жилища, их крики сливались с воем сирен машин «скорой помощи», которые не могли проехать. Полиция утратила контроль над ситуацией. Жители рвались вперед, и им это удалось. Но тут возобновили действия полицейские и отбили натиск. Люди падали, их топтали, истошный вой сирен «скорой помощи» дополнял рев гудков, ко всему этому примешивался визг детей, оттертых от родителей.

Отброшенные назад жители изливали свою

боль в беспомощных воплях: «Звери бессердечные! Для бедняков нет справедливости! У нас и так почти ничего не было, а теперь и того меньше! Чем мы провинились, куда нам теперь деваться?»

Во время небольшого затишья Ишвар и Ом нашли Раджарама.

— Я был здесь, когда началась заваруха, — сказал тот, тяжело дыша. — Они приехали — и все разрушили. Прямо смели наши дома. Негодяи, обманщики подлые…

— Кто они? — Портные пытались добиться от него ответа.

— Мужчины, они назвались инспекторами по безопасности. Обманули нас. Сказали, что приехали по приказу правительства, чтобы посмотреть условия жизни в поселке. Сначала люди обрадовались, что власти проявили к ним интерес. Может, что-то изменится к лучшему — вода, отхожие места, освещение, ведь перед выборами это обещали. И мы сделали то, что просили эти мошенники, — покинули хижины. Но как только поселок опустел, сюда въехали большие машины.

В роли бульдозеров выступали старые джипы и грузовики, снабженные стальными листами и

короткими деревянными балками, служившими тараном, они крепились к передним бамперам. Машины пробивали и разрушали постройки из фанеры, старого рифленого железа и пластика.

— Когда мы увидели, что происходит, сразу бросились на защиту домов. Но водители не обращали на нас внимания. Людей просто давили. Лилась кровь. А полиция защищала этих убийц. Иначе этих ублюдков растерзали бы.

— Но по какому праву разрушили наши дома?

— Нам сказали, что это из-за «чрезвычайного положения». Все незаконные постройки решено снести. Согласно новому закону, город должен быть красивым.

— А что Навалкар? И его хозяин, Тхокрай? Мы всего два дня назад уплатили ренту.

— Они здесь.

— И не пожаловались в полицию?

— Пожаловались? Тхокрай из тех, кто возглавил погром. Носит значок: инспектор трущоб. А Навалкар — помощник инспектора. Эти за нас не заступятся. А когда пытаешься к ним подойти, охрана угрожает избить.

— А что с нашими вещами?

— Похоже, потеряны навсегда. Мы просили разрешения их забрать, но нам отказали.

Ишвар внезапно почувствовал, что очень устал. Отойдя от толпы, он сел на землю. Раджарам подтянул штаны и сел рядом.

— Не стоит расстраиваться из-за убогих лачуг. Найдем кое-что получше. Просто временные трудности. Правда, Ом? Найдем себе новый дом.

Ом согласно кивнул.

— Подойду ближе — посмотрю, что к чему.

— Это опасно, — сказал Ишвар. — Останься со мной.

— Я тут рядом, — сказал Ом и отправился взглянуть на разрушения.

Темнело. Полицейские с дубинками наконец покинули территорию перед поселком. Тапочки и сандалии убегавших в панике жителей валялись в беспорядке на земле, словно выброшенная приливом обувь людей, потерпевших кораблекрушение. Полицейское оцепление теперь держалось на безопасном расстоянии, не давая вновь разжечься гневу жителей.

Сровняв с землей ряды хлипких лачуг, бульдозеры принялись за более дорогое жилье, с хрустом разрушая кирпичные стены. Ом смотрел на гибель домов безучастно — наверно, их лачуга ничего для него не значила, решил он. Может, теперь дядя согласится вернуться к дяде Ашрафу.

Вспомнив, что завтра к ним приедет Манек, он невесело засмеялся, представив, как скажет ему, что обед откладывается из-за неожиданного исчезновения дома.

Сержант Кесар громко прокричал в рупор: «Работы прекращаются на полчаса. Это время дается вам на то, чтобы собрать личные вещи. Затем техника продолжит работу».

Толпа отнеслась с должным презрением к этому объявлению. Было ясно: этот жест доброй воли преследует одну цель — не допустить дальнейших волнений. Но многие жители радовались возможности хоть что-то спасти. Жуткая давка образовалась на руинах. Она напомнила Ому драку детей на свалках, которую он каждое утро видел из окна поезда. Вслед за дядей он присоединился к этой возне.

Бульдозеры превратили знакомое место, принадлежавшее сложившейся общине, в нечто чужеродное. Среди людей, разгребающих обломки в поисках своих вещей, царила неразбериха. Чью лачугу накрыл этот пласт земли? И кому принадлежит этот деревянный и металлический хлам, чьи пожитки он скрывает? Некоторые использовали эту суету себе во благо, хватая все подряд, и часто из-за кусков клееной фанеры, ис-

кусственной кожи или прозрачной пластмассы вспыхивали драки. Пока музыкант искал свою одежду, кто-то попытался украсть его поврежденную фисгармонию. Музыкант отогнал вора стальным прутом. Драка нанесла еще больший урон фисгармонии, у нее разорвались меха.

— Мои соседи стали ворами, — со слезами в голосе произнес музыкант. — А ведь я пел для них, и они мне аплодировали.

Ишвар, озабоченный поисками своих вещей, не смог долго утешать его.

— Хорошо, что наши швейные машины находятся в безопасности у Дины-бай, — сказал он Ому. — Нам еще повезло.

Портные оттащили в сторону кусок гофрированного железа, заменявшего им крышу, и увидели сундук. На крышке были глубокие выбоины. Открывалась она с тяжелым скрипом. Ом в раздражении пнул сундук, и крышка пошла легче. Расчистив некоторое пространство от обломков, они обнаружили зеркальце, перед которым брились. Оно даже не разбилось: алюминиевая сковородка спасла его, накрыв как колпаком.

— Нам еще повезло, — сказал Ом, кладя обе вещи в сундук. Расплющенный примус починить

было невозможно, и Ом отбросил его. Ишвар нашел карандаш, свечу, две эмалированные тарелки и пластиковый стакан. Тем временем Ом отыскал бритву — правда, без пакета лезвий. Сдвинув еще несколько кусков фанеры, они извлекли из земли латунный котелок для воды. Кто-то, следящий за их действиями, схватил котелок и убежал.

— Держите вора! — заорал Ом, но никто не обратил на него внимания. Юноша хотел погнаться за вором, но дядя остановил его.

Нашлись также плетеные циновки, простыни, одеяла и два полотенца, используемые как подушки. Отряхнув вещи от пыли, Ишвар скатал все постельные принадлежности в один узел и завернул их в мешковину.

Раджарам переживал из-за собранных волос. Весь его запас погиб. Пластиковые мешки были разорваны, их содержимое рассыпалось.

— Труд целого месяца, — горевал он. — Весь в грязи. — Отпущенные тридцать минут подходили к концу. Ишвар и Ом помогли соседу собрать, что удалось спасти, отдавая предпочтение самым длинным прядям.

— Безнадежно, — с горечью произнес Раджарам. — Негодяи разорили меня. Локоны и косы

теперь никуда не годятся. Их не восстановить. Все равно, что пытаться выбрать крупицы сахара из чашки чая.

Все трое прошли через полицейское заграждение и услышали, как инспектор трущоб дает инструкции подчиненным: «Сровняйте все с землей — это мое требование. Здесь должно быть открытое, чистое место, каким оно было до возведения этих незаконных построек». Весь мусор следовало сгрести в канаву у железнодорожных путей.

Бездомные стояли поодаль, беспомощно взирая на происходящее, а машины тем временем сносили и выравнивали стены и углы, пережившие первый штурм. Вскоре водители возроптали, говоря, что в темноте опасно передвигать строительный мусор: техника сама может увязнуть в канаве. Инспектор не стал рисковать машинами: оставалось еще много незаконных поселений, которые следовало уничтожить в ближайшее время. Он согласился отложить завершение работ до утра, и рабочие разошлись.

— Я останусь тут на ночь, — сказал Раджарам. — Может, еще найду что-нибудь ценное. А вы?

— Мы поедем к Навазу, — решил Ишвар. — Вдруг он пустит нас снова под навес на заднем

дворе.

— Но он был всегда так груб.

— Что ж, зато, возможно, поможет нам найти дом, как в прошлый раз.

— Тогда стоит попробовать, — согласился Раджарам. — А я посмотрю, что здесь будет происходить. Вдруг какой-нибудь новый босс задумает строить новый поселок.

Договорились встретиться завтра вечером и обменяться информацией.

— Не окажете ли мне услугу? — спросил Раджарам. — Подержите, пожалуйста, у себя несколько косичек. Они ничего не весят. А мне негде их хранить.

Ишвар согласился и положил волосы в сундучок.

* * *

В доме Наваза жили другие люди. Открывший дверь мужчина сказал, что ничего не знает о нем.

— Наваз нам срочно нужен, — сказал Ишвар. — Может, у вашего домовладельца есть какая-нибудь информация?

— Это не вашего ума дело, — крикнул кто-то из глубины дома. — И не смейте докучать нам

поздно вечером.

— Простите, что побеспокоил вас, — извинился Ишвар и, взвалив на плечи мешок с постельным бельем, спустился вниз по лестнице.

— Ну как? — Ом тяжело дышал, по его лицу было видно, что сундук не легкий.

— Ты совсем выдохся?

Ом кивнул.

— Как сдувшийся воздушный шар.

— Ладно, пойдем пить чай. — Они подошли к палатке на углу, которую часто навещали, когда жили на заднем дворе. Хозяин помнил их как друзей Навааза.

— Давненько вас не видел, — сказал он. — Как там дела у Навааза, его ведь забрали в полицию?

— В полицию? За что?

— За контрабанду — провозил золото.

— Что вы говорите? Правда?

— Конечно, нет. Он простой портной — как вы. Но Навааз поссорился с кем-то, у кого дочь выходила замуж. Этот мужчина с большими связями дал ему крупный заказ — свадебные одежды для всей семьи. Но после свадьбы отказался платить, заявив, что пошитая одежда сидит плохо. Навааз, не получивший денег, узнал, где тот работает, и пришел к нему в офис, поставив его в неудобное

положение перед коллегами. Наваз совершил большую ошибку. Плут ему отомстил. В тот же вечер за Навазом пришла полиция.

— Вот так просто? Как можно посадить невинного человека в тюрьму? Этот человек — подлец.

— После введения «чрезвычайного положения» все теперь вверх дном. Белое может называться черным, день — ночью. Если есть связи и деньги, можно легко засадить человека в тюрьму. А новый закон МИСА[97] упростил эту процедуру.

— Что это за МИСА?

— Сохранение… чего-то и безопасность… чего-то. Впрочем, я не уверен.

Портные выпили чай и отправились восвояси со своей поклажей.

— Бедняга Наваз, — сказал Ишвар. — Неужели он действительно был в чем-то замешан?

— Наверняка, — отозвался Ом. — Не станут же без причины сажать в тюрьму. Мне он никогда не нравился. Но что нам теперь делать?

— Может, удастся поспать на станции.

Платформа была тесно забита нищими и проезжими, собиравшимися здесь переночевать.

---

[97] Примечания: 97

МИСА — административно-правовой режим во время «чрезвычайного положения» в Индии.

Портные нашли свободный уголок и привели его в порядок, смахнув газетой пыль.

— Эй, поосторожней! Пыль летит прямо в глаза, — воскликнул кто-то.

— Прости, бхай![98] — сказал Ишвар, прекратив мести. У обоих было сильное желание поговорить о завтрашнем дне и о том, что дальше делать, но каждый хотел, чтобы об этом заговорил другой.

— Есть хочешь? — спросил Ишвар.

— Нет.

Ишвар все-таки пошел в лавку рядом со станцией, где купил две булочки, начиненные острой смесью из жареного лука, картофеля, гороха, чили и кориандра. Обратный путь он прошел под взглядами голодных глаз и не мог не испытывать легкого чувства вины.

— Эй, брат! Одну булку тебе, другую — мне.

Страница из глянцевого журнала, в которую завернули булочку, промокла. На ней проступили жирные пятна. Ом ел с жадностью, первым закончил трапезу, а Ишвар специально не торопился, чтобы оставить кусочек племяннику.

— Возьми себе. Я уже сыт.

Портные ходили к питьевому фонтанчику по

---

[98] Примечания: 98
Бхай — брат *(хинди).*

очереди, чтобы не оставлять постель и сундук без присмотра. Других развлечений не предвиделось.

— Может, завтра вечером Раджарам принесет нам добрые вести, — неуверенно произнес Ом.

— Кто знает! Мы можем и сами построить себе жилье, если эта суета прекратится. Всего и нужно — фанеру, палки и куски полиэтилена. Раджарам — малый не промах, он сообразит, что делать. Мы могли бы жить втроем в одной большой хижине.

Перед тем, как расстелить постели, они поочередно помочились на пустоши за станцией и еще раз выпили воды. По мере приближения ночи поезда стали ходить реже. Они легли, предусмотрительно положив ноги на сундук.

После полуночи станционный полицейский сильным пинком по сундуку разбудил их.

— Спать на платформе запрещено, — сказал он.

— Мы ждем поезда, — объяснил Ишвар.

— На нашей станции нет зала ожидания. Приходите утром.

— Но другие здесь спят.

— У них есть специальное разрешение. — И полицейский позвенел монетами в кармане.

— Хорошо, мы не будем спать. Просто посидим.

Полицейский пожал плечами и ушел. Портные скатали постель и сели.

— Т-сс, — прошептала женщина, лежащая рядом. — Т-сс… Ему надо заплатить. — При каждом ее движении полиэтиленовая пленка, на которой она лежала, громко хрустела. Ноги женщины были обмотаны бинтами, на которых проступили темно-желтые пятна.

— Платить за что? Он тут не хозяин.

На лице с глубоко въевшейся грязью появилось подобие улыбки. Женщина возбужденно показывала на афиши, развешенные на стене станции.

— Кино! Кино! Одна рупия для нищего, пятьдесят пайс для ребенка. Каждый вечер — кино.

Ишвар незаметно поднял руку и покрутил у виска, но Ом решил объясниться.

— Мы не нищие. Мы портные. Что он может с нами сделать, если не заплатим? Не бросит же в тюрьму.

Женщина повернулась на бок, внимательно и молча разглядывая их; изредка у нее вырывался непроизвольный смешок. Прошло полчаса — полицейский не приходил.

— Думаю, теперь мы в безопасности, — сказал Ом, раскатал постель, и они улеглись. Женщина по-прежнему с любопытством смотрела на них.

От забинтованных ног шел слабый гнилостный запах.

— Ты что, всю ночь пялиться будешь? — спросил Ом. Женщина покачала головой, но глаз не отрывала. Ишвар кое-как успокоил племянника, и они задремали.

Через некоторое время полицейский вернулся с ведром холодной воды и вылил содержимое на спящих. Портные с криками вскочили на ноги. Не говоря ни слова, полицейский удалился, беспечно покачивая пустым ведром. Женщина на полиэтиленовой пленке тряслась от смеха.

— Да он просто животное, — громко прошептал Ом, а Ишвар зашикал на него. Впрочем, это было лишним: истерический хохот женщины заглушал голоса. Она била руками по полиэтилену, и шум поднялся изрядный.

— Кино! Кино! Комедия с Джонни Уокером![99] — вырывалось у нее между приступами смеха.

— Она знала! Эта сумасшедшая ведьма все знала и ничего нам не сказала!

Промокшие до нитки, они собрали вещи и перешли на единственное свободное место — в

---

[99] Примечания: 99

Джонни Уокер — сценический псевдоним индийского актера Бадруддина Кази (1926–2003)

конце платформы, где все пропахло мочой. Сухая одежда в сундуке была для них спасением. Портные по очереди переоделись. Мокрую одежду повесили на открытую крышку сундука, а простыни и одеяло пристроили на торчащий из стены сломанный указатель.

Циновка высохла быстро, но теперь портные боялись ложиться. Дрожа от холода, они сторожили одежду и то и дело клевали носом от невыносимого желания спать. Теперь из-за холода приходилось чаще бегать на пустошь. Но когда все заснули, необходимости отлучаться не стало, и они мочились прямо с платформы.

В четыре часа утра стальные жалюзи на железнодорожной лавке с грохотом раздвинулись. Зазвенели чашки и блюдца, загремели кастрюли и сковородки. Ишвар и Ом сначала прополоскали горло у фонтанчика, а потом купили два чая и черствую булку. Горячий чай несколько взбодрил сонных портных. Понемногу сложился дневной план: с подходящим поездом они поедут на работу, до шести будут шить, а потом отправятся на встречу с Раджарамом.

— Оставим сегодня сундук у Дины-бай, — сказал Ишвар. — А вот говорить, что стали бездомными, не будем — люди таких опасаются.

— С меня причитается, если она разрешит оставить вещи.

Они еще два часа провели на станции — курили, разглядывали утренних пассажиров. «Ранние пташки» были преимущественно продавцы с покачивающимися на головах корзинами, полными тыкв, лука, рыбы, соли, яиц и цветов. Тут же готовился к работе мастер по ремонту зонтов — разбирал старые зонты, ставил новые спицы и ручки. Подрядчик с бригадой каменщиков и маляров, несущих лестницы, ведра, кисти, мастерки и лотки, прошли мимо, от них шел запах, как от свежеокрашенного дома.

Портные сели на поезд в шесть тридцать. В семь часов они уже стояли у дверей Дины. Хозяйка встретила их в халатике, наброшенном на ночную рубашку.

— Так рано? — «Плохо же они соображают, — подумала Дина. — Солнце только встало, надо успеть помыться, приготовить Манеку завтрак, а тут еще они на пороге, требуют внимания».

— Поезда наконец стали ходить вовремя. Наверное, из-за «чрезвычайного положения», — сказал Ом, довольный, что проявил находчивость.

Дина решила, что цель этого неправдоподобного объяснения — в желании ее разозлить. Но

тут послышался умиротворяющий голос Ишвара: «Чем длиннее день — тем больше платьев, не так ли, Дина-бай?»

Что тут скажешь!

— А что это у вас за большой сундук?

— Его надо сегодня вечером передать другу. О, Манек! Чуть не забыл. Извини, но обед придется отложить. Возникли срочные дела.

— Ничего страшного, — ответил Манек. — Встретимся в другой раз.

Дина разрешила оставить сундук и узел с бельем — но только у дверей. Она боялась, как бы портные не занесли клопов. И вели они себя подозрительно. Если дело срочное, могли бы утром отнести вещи другу. Тем более что пришли так рано. Хорошо хоть отменился обед с Манеком — большое облегчение.

Весь день Ишвар был не похож на себя, а один раз чуть не перепутал лиф и юбку. «Что ты делаешь? — крикнула Дина, когда он уже начал шить. — Что с тобой, Ишвар? Если б это сделал Омпракаш, я бы не удивилась, но ты?» Застенчиво улыбаясь, Ишвар распорол безопасным лезвием ненужный шов.

В четыре часа портные попросили разрешения уйти на два часа раньше обычного. «Вот тебе и

больше платьев», — подумала Дина, одновременно радуясь тому, что, уходя, они захватили с собой объемистый узел.

Дина не сразу заметила, что сундук был все же оставлен, а портные, закрыв дверь, поспешили тем временем на станцию.

Весь день лил сильный дождь, и вчерашний мусор затонул в больших лужах. Куски фанеры и железки торчали из воды, как следы кораблекрушения. Чайки с криком носились над бывшими трущобами. Несколько жителей слонялись неподалеку, но Раджарама среди них не было.

— Наверное, он узнал, что нет никаких шансов заново здесь поселиться, — сказал Ишвар.

Дородного сержанта Кесара на месте тоже не было. Шесть констеблей из новой группы по наведению порядка охраняли руины. Подойдя к портным и другим зевакам, они предупредили: кто попытается строить новые хижины, отправится прямиком в тюрьму.

— Почему?

— Это наша работа — предотвращение появления трущоб, что будет способствовать украшению города.

— Думаю, надо вернуться и рассказать Динебай всю правду, — сказал Ишвар.

— Зачем?

— Она может помочь.

— Как же! Размечтался! — съехидничал Ом.

Бригада рабочих возводила два новых щита по обе стороны дороги. На дощатой поверхности сначала нарисовали лицо премьер-министра, а потом заспорили, какой написать лозунг. Выбирать было из чего. Они размотали транспаранты, положили их на землю и придавили камнями по углам.

Первый лозунг возражений не вызвал: «Город принадлежит вам! Сохраняйте его красивым!» Со вторым возникли трудности. Руководитель выбрал: «Еду — голодным! Дома — бездомным!» Подчиненные же советовали остановиться на чем-то, более соответствующем обстановке: «Настало время перемен!»

Портные не уходили до завершения работы. Толпа зааплодировала, когда огромные щиты подняли. Шесты вкопали, укрепили подпорками и утоптали землю вокруг. Один мужчина попросил Ома прочитать, что написано на обоих щитах. Ом прочитал. Некоторое время мужчина обдумывал смысл призывов, а затем пошел прочь, качая головой и бормоча себе под нос, что правительство совсем свихнулось.

— Я знала, что вы вернетесь, — сказала Дина. — Вы забыли сундук. — Портные скорбно покачали головами, и Дина вдруг увидела, какие они испуганные и усталые. — Что случилось?

— Ужасная беда свалилась на нас, — сказал Ишвар.

— Входите в квартиру. Хотите воды?

— Спасибо. Если можно. — Манек принес воду в специально отведенном им стакане. Портные осушили стакан и утерли рты.

— Дина-бай, нам очень не повезло. Нужна ваша помощь.

— Такое время. Не знаю, могу ли я кому-то сейчас помочь. Но в любом случае рассказывайте.

— Наш дом… его больше нет, — проговорил робко Ишвар.

— Ты хочешь сказать, что хозяин вышвырнул вас на улицу? — Дина искренне их пожалела. — Домовладельцы — настоящие разбойники.

Ишвар покачал головой.

— Я хотел сказать, что его… просто нет на свете. — И Ишвар провел ладонью по воздуху, показывая, как смело дом. — Его разрушили большими машинами. Разрушили все дома в поселке.

— Сказали, что люди живут там нелегально, —

прибавил Ом.

— Вы серьезно? — удивился Манек. — Как это возможно?

— По приказу правительства, — сказал Ишвар. — Творят — что хотят. Полицейские сказали — таков новый закон.

Дина кивнула, вспомнив, как только на прошлой неделе миссис Гупта громко расхваливала правительственную программу по сносу трущоб. Не повезло портным. Бедняги. Но в одном она оказалась права: они действительно жили в антисанитарных условиях. Какое счастье, что Манек избежал совместного с ними обеда!

— Ужасно! — сказала она. — Правительство издает не продуманные законы.

— Теперь ты понимаешь, почему пришлось отменить обед, — сказал Ом Манеку. — Нам было тяжело сообщить об этом утром.

— А зря не сообщили, — посетовал Манек. — У нас было бы больше времени подумать, как помочь и… — Он осекся, увидев, как Дина сердито насупила брови.

— Мы уже и за аренду заплатили, — сказал Ишвар. — Теперь — ни дома, ни денег. Нельзя ли нам переночевать на вашей веранде… всего несколько ночей?

Манек умоляюще посмотрел на Дину. Та раздумывала.

— Лично я не возражаю, — отозвалась она. — Но если вас увидит сборщик арендной платы, будут большие неприятности. Он обвинит меня в устройстве нелегального гостевого дома. Тогда и вы, и Манек, и я, и ваши швейные машины — все окажемся на улице.

— Я понимаю, — сказал Ишвар. Гордость не позволяла ему проявлять настойчивость. — Попытаемся что-нибудь найти.

— Не забудьте захватить сундук.

— Можно мы оставим его на ночь?

— Но куда я его дену? В этой квартире и повернуться негде.

Возмущенный ее отказом, Ом передал узел дяде, а сам поднял сундук. Портные откланялись и ушли.

Дина проводила их до двери, тщательно ее заперла и вернулась в гостиную под укоряющим взглядом Манека.

— Не смотри на меня так, — сказала она. — У меня нет выбора.

— Можно было оставить их хотя бы на одну ночь. Они могли бы спать со мной.

— А как быть с возможными неприятностями?

Для домовладельца достаточно одной ночи, чтобы предъявить мне иск.

— Ну а сундук? Его-то можно было пока подержать.

— Ты что, устраиваешь мне полицейский допрос? Ваша семья вела уединенную жизнь, вы даже представить себе не можете, какие дела проворачивают бесчестные люди в большом городе, вроде нашего. Сундук, сумка, даже рюкзак с двумя пижамами и рубашкой — первый шаг к захвату квартиры. Оставленные на хранение личные вещи — самый распространенный способ такого мошенничества. А при нашей судебной системе на разбирательство дела уйдут годы, и все эти годы мошенники имеют право жить в твоей квартире. Я не хочу сказать, что у Ишвара и Ома сложился в голове такой план. Но разве я могу рисковать? А что, если позже такую мысль подбросит им какой-нибудь негодяй? При любом конфликте с хозяином мне придется обращаться за помощью к Нусвану. А мой брат — невыносимый человек. Представляю, как он будет злорадствовать!

Манек посмотрел в окно, прикидывая, насколько реальны опасения тети Дины. Ему представилась заваленная грязным бельем квартира,

лживые захватчики.

— Да не беспокойся ты о своих портных, — сказала Дина. — Найдут ночлег. У таких людей везде полно родственников.

— У них никого нет. Они приехали несколько месяцев назад из далекой деревни. — Манек с удовлетворением отметил проблеск тревоги на лице женщины.

Но ее сразу опять охватило волнение.

— Поразительно. Просто поразительно, как много ты о них знаешь!

Бóльшую часть вечера они словно не замечали друг друга, только после обеда, когда Дина села работать над лоскутным одеялом, она, разложив лоскуты, попыталась втянуть его в разговор.

— Скажи, Манек, тебе нравится?

— По-моему, ужасно. — Портные остались без ночлега, и Манек еще не был готов простить ее.

* * *

Вывеска гласила: «Сагар Даршан — Отель «Вид на океан». Единственное море в поле зрения было разве что на синем прямоугольнике с изображением застывшей на волне парусной шлюпки на побитой непогодой вывеске.

В холле рядом с подставкой для зонтов сидел

на полу в поношенной белой униформе юноша и рассматривал картинки в «Хронике Болливуда»[100]. Когда вошли портные, он не оторвал от журнала глаз. Седовласый мужчина деловито ел за стойкой — отламывая куски от булки, он обмакивал их поочередно в четыре мисочки из нержавейки.

— Тридцать рупий за ночь, — пробормотал он с набитым ртом, в котором можно было разглядеть золотые зубы. Изо рта у него прямо на стойку вылетали мелкие кусочки пищи, которые он смахивал на пол, а оставшиеся грязные пятна вытирал рукавом.

— Видишь? Я ведь говорил, что гостиница нам не по карману, — сказал Ишвар, когда они вышли на улицу.

— Попробуем в другом месте.

Они заходили в разные гостиницы. В расположенной над булочной «Пэредис Лодж» брали двадцать рупий за ночь; потолок в булочной был слабо изолирован, и идущий от печек жар чувствовался наверху. Объявление в «Рам Нивас» оповещало, что в гостинице могут жить люди разных каст; но из-за химической фабрики рядом

---

[100] Примечания: 100

Болливуд — название хиндиязычного кинематографа (по аналогии с Голливудом).

во всех комнатах стоял ужасный запах. В «Арам Хотел», пока портные наводили справки, у них чуть не украли багаж. Они бросились было за воришкой, но тот быстро улизнул.

— Ну что, хватит с тебя? — спросил Ишвар, и Ом кивнул.

Взяв вещи, они направились на вокзал, осматривая по дороге каждую подворотню, каждый навес, каждый фасад, ища, где можно было бы провести ночь. Но все подходящие места были уже заняты. Чтобы отвадить бродяг, владелец одного магазина разложил у входа железную решетку с шипами, которая раскладывалась вечером и убиралась утром. На этой колючей кровати пристроился ночевать один энтузиаст, он положил на шипы сначала фанеру, а потом одеяло.

— Нам еще многому надо научиться, — сказал Ишвар, восхищенно глядя на смельчака.

Портные прошли мимо нищего на платформе, который приветствовал их привычным позвякиванием банки. Однако они были настолько поглощены поисками ночлега, что его не заметили. Нищий проводил портных печальным взглядом. Рядом с еще открытым мебельным магазином было несколько свободных мест.

— Можно попытаться устроиться тут, — сказал Ом.

— Ты сошел с ума? Тебя убьют, если займешь чужое место. Ты этого хочешь? Забыл, что произошло на тротуаре возле мастерской Навваза?

Портные подошли к аптеке, работающей круглосуточно. В основном помещении свет был выключен, продавцы разошлись, освещенным оставалось только окно отпуска лекарств, там дежурил фармацевт.

— Давай подождем, — предложил Ишвар. — Посмотрим, что будет.

Кто-то вынес стул и поставил у входа, который делили аптека и антикварная лавка. Стальные жалюзи закрыли тяжелыми веками два окна. За одним исчезли мыло, тальк, микстуры от кашля, за другим — бронзовые Натараджи[101], могольские миниатюры, шкатулки, инкрустированные драгоценными камнями.

Портные подождали, пока ночной сторож ослабит пояс, стянет башмаки и устроится удобно на стуле. Затем подошли с пачкой биди. «Спичку?» — спросил Ишвар, сделав рукой соответствующий жест.

---

[101] Примечания: 101
Натараджа — бог танца, одно из обличий Шивы.

Сторож перестал тянуться к своему карману. Портные предложили ему биди, но он покачал головой, показывая сигареты «Панама». Все трое какое-то время молча курили.

— Ты всю ночь здесь сидишь? — спросил Ишвар.

— Это моя работа. — Сторож взял в руки дубинку, прислоненную к двери, и дважды стукнул ею по земле. Портные улыбнулись и закивали.

— А кто-нибудь еще дежурит?

— Нет.

— Но иногда тебе, наверно, хочется отдохнуть.

Сторож покачал головой.

— Нельзя. Нужно охранять два магазина. — Он наклонился к портным и доверительно сказал, указывая на фармацевта внутри дома. — А вот он… отдыхает. Может долго спать, каждую ночь расстилает матрас на полу. И за это ему, мошеннику, платят жалованье — и гораздо больше, чем мне.

— А нам негде преклонить голову, — сказал Ишвар. — Поселок, где мы жили, снесли. Разрушили машинами по приказу правительства.

— Такое сейчас часто случается, — согласился сторож и снова стал ругать фармацевта. — У него ночью мало работы. Иногда кто-нибудь приходит

за лекарством. Тогда я отпираю дверь и бужу мошенника, чтобы он приготовил состав по рецепту. Если он долго спал, то плохо соображает. И тогда с трудом читает этикетки. — Сторож еще ближе склонился к портным. — Однажды он смешал не те лекарства, и пациент умер. Пришла полиция. Хозяин поговорил с полицейским, предложил денег, тот взял, и все остались довольны.

— Жулики они, — сказал Ишвар, и все трое согласно закивали. — Разрешишь нам здесь поспать?

— Не позволено.

— Мы тебе заплатим.

— Места-то все равно нет.

— Нам хватит. Если немного подвинешь стул, положим прямо здесь нашу постель.

— А остальные вещи куда денете? Здесь не склад.

— Какие вещи? Один сундучок. Утром возьмем его с собой.

Стул передвинули, и портные расстелили постель. Места как раз хватило.

— А сколько будете платить? — спросил сторож.

— Две рупии за ночь.

— Четыре.

— Мы бедные портные. Пусть будет три, и при случае что-нибудь тебе сошьем. Можем починить твою униформу. — Ишвар указал на потертые коленки и потрепанные обшлага.

— Хорошо. Но предупреждаю, иногда ночи проходят беспокойно. Если придет за лекарством клиент, придется подвинуться. Тогда не говорите, что я испортил вам сон. Деньги при этом не возвращаются.

А если фармацевт спросит о плате, им надо было сказать, что дают они сторожу две рупии, ведь мошенник обязательно потребует делиться.

Портные согласились на все условия. Выкурив еще по биди, они вытащили из сундука иголки и нитки и принялись за работу. Пока они чинили униформу, сторож сидел в нижнем белье.

— Замечательно, — сказал он, поглаживая штаны.

Похвала была приятна Ишвару, и он сказал, что они с удовольствием приведут в порядок его одежду и одежду членов его семьи.

— Мы все можем шить — шальвар-камиз[102], гагра-чоли[103], детскую одежду.

---

[102] Примечания: 102
Шальвар-камиз — традиционный костюм из штанов и рубашки.

[103] Примечания: 103
Гагра-чоли — нарядная женская (часто вечерняя) одежда.

Сторож грустно покачал головой.

— Вы очень добры. Но жена и дети остались дома. Я приехал в город один — в поисках работы.

Позже, когда портные уснули, он, сидя на своем стуле, разглядывал их. Омпракаш вздрагивал во сне, вызывая в памяти сторожа собственных детей и вечера, когда семья еще была вместе, и он мог любоваться спящими малышами.

Уличный шум разбудил портных еще до рассвета. «На самом деле, улица никогда не засыпает, — объяснил сторож, — только между двумя и пятью часами она слегка задремывает — промежуток, когда игроки и пьяницы отваливаются от стола, а продавцы газет, булочники и молочники еще не выходят на улицы».

— Но спали вы крепко. — И сторож улыбнулся с довольным видом.

— Отоспались за две ночи, — сказал Ишвар.

— Взгляните, а этот разбойник все дрыхнет. — Когда трое прильнули к стеклу, фармацевт вдруг открыл глаза. Бросив сердитый взгляд на три расплющенные стеклом физиономии, он повернулся на другой бок и опять погрузился в сон.

Портные покурили у входа, наблюдая, как работает мусорщик, который очищал улицу от окурков сигарет и биди. Его метла выписывала

в пыли аккуратные узоры. Потом они скатали постель, заплатили сторожу три рупии и, нагруженные, ушли, пообещав вернуться вечером.

Сундук больно давил на левое плечо Ома, отдавая в руку, но юноша отказывался от помощи дяди.

— Меняй руки, — посоветовал племяннику Ишвар. — Распределяй равномерно нагрузку, руки от этого будут крепче.

— Тогда они обе ни на что не сгодятся. Как я смогу шить?

У железнодорожной станции они остановились и умылись, прежде чем идти в «Вишрам», чтобы выпить чаю и съесть булочку.

— Вы вчера к нам не заходили, — сказал кассир-официант.

— Были заняты — ищем жилье.

— Теперь на это может уйти целая жизнь, — послышался из угла голос повара, старавшегося перекричать рев пылающей печи.

Ом увидел из окна большой портрет премьер-министра, которого не было раньше, и рядом плакат «Двадцать пунктов».

— У вас, вижу, появился новый клиент?

— Это не новый клиент, — ответил кассир, — а Богиня Покровительница. Без ее благословения

бизнесу не жить. Необходимая пуджа[104].

— Что вы имеете в виду?

— Ее изображение спасает мои окна от битья, а дом от поджога. Теперь понятно?

Портные закивали и сами рассказали кассиру и повару о встрече с премьер-министром, на которую их притащили силком. Тех очень насмешил рассказ о вертолете, лепестках роз, воздушном шаре и огромной картонной фигуре.

После первой ночи безмятежного сна предупреждение сторожа о возможности ночных пертурбаций стало реальностью. Он извинялся каждый раз, когда их будил. По его понятиям, самым последним делом было лишать человека еды или сна. Он помогал им передвинуть постель, чтобы отворить дверь, и сочувствовал, когда портные спотыкались в темноте. Голова сонного Ома падала на одно плечо сторожа, а на другое — тяжело опускалась голова Ишвара.

Портные недовольно ворчали, пока клиенты дожидались своих лекарств.

— И почему их угораздило заболеть именно ночью? — рычал Ишвар. — Чего они нас мучают?

— Как же у меня болит голова! — стонал Ом.

---

[104] Примечания: 104
Обряд почитания.

Сторож ласково потер юноше лоб.

— Недолго осталось. Потерпи еще две минутки. И тогда заснешь спокойным сном. Обещаю, что больше никому не дам тебя будить. — Но обещание часто приходилось нарушать.

Позже портные узнали от сторожа о вспышке дизентерии — по соседству продавали зараженное молоко. Если б они находились здесь весь день, то узнали бы, сказал он, что болезнь, как беззастенчивый вор, нападала на всех подряд, и в любое время суток. Уже погибли пятьдесят пять взрослых людей и восемьдесят три ребенка — эту информацию сторож получил от фармацевта, который добавил, что, к счастью, это бациллярная дизентерия, а не значительно более серьезная — амебная.

С тяжелым грузом на плечах портные пришли на работу, еле передвигая ноги и с темными кругами под воспаленными глазами. Работа пошла еще хуже. Всегда безупречная строчка Ишвара теперь все чаще сбивалась. Ом с трудом пользовался затекшей рукой. Ритм работы «зингера» стал неровным, строчки уже не выписывались на материале длинными изящными предложениями, а будто выплевывались, подобно мокроте из легких.

Дина видела по измученным лицам портных, как плохо они себя чувствуют. Ее волновало их здоровье и приближающийся день сдачи заказа — обе причины сплелись неразрывно, как сиамские близнецы. Сундук тяжелым грузом лежал на ее совести.

Вечером, видя, как Ом с трудом его поднимает, она чуть не разрешила оставить сундук. Следивший за Диной из дверей своей комнаты Манек ждал этого разрешения. Но опасения Дины перевесили.

— Подождите, я пойду с вами, — сказал Манек и торопливо прошел на веранду. Ом слабо запротестовал, но, в конце концов, передал сундук Манеку.

Дина почувствовала облегчение — и одновременно злобу и боль. Хорошо, конечно, что Манек вызвался помочь. Но как он держит себя! Вышел, не попрощавшись, заставил ее чувствовать себя безжалостной мегерой.

— Вот здесь мы проводим теперь ночь, — сказал Ом и представил Манеку сторожа. — А это наш хозяин.

Сторож засмеялся, пропуская их вперед. Сгрудившись на крыльце, они курили и смотрели на дорогу.

— Какой из меня хозяин? Я даже не могу обеспечить нормальный ночной сон.

— Это не твоя вина, — успокоил его Ом. — Все из-за больных. И еще мне снятся плохие сны.

— И мне, — добавил Ишвар. — Ночью слышны все звуки, мерещатся какие-то фигуры, тени. Страшновато.

— А я на что? Сижу тут с дубинкой, — сказал сторож. — Бояться нечего.

— Трудно это объяснить. — Ишвар откашлялся и погасил сигарету.

— Просто пора вернуться в деревню, — сказал Ом. — Меня уже воротит от этой жизни — ползешь от одной неприятности к другой.

— А ты предпочел бы бегать? — Ишвар смял кончик сигареты, чтобы удостовериться, что загасил, и сунул окурок в карман. — Спокойствие, племянничек. Придет время — вернемся.

— Если б время было куском ткани, — сказал Ом, — я вырезал бы оттуда все плохие места. Вырезал бы беспокойные ночи и зашил бы разрезы — все легче. Носил бы ткань на себе, вроде плаща, и жил бы счастливо.

— Я тоже не отказался бы от такого плаща, — сказал Манек. — А какие места ты бы еще вырезал?

— Как по приказу правительства снесли наш дом. Это обязательно. И еще работу на Дину-бай.

— Ты в своем уме, — предостерег племянника Ишвар. — А откуда тогда у нас были бы деньги?

— Хорошо. Оставим дни, когда она нам платит, а остальные вырежем.

— А какие еще? — спросил Манек.

— Смотря, с какого времени начать.

— Начни с самого начала. С рождения.

— Ну, тогда много вырезать придется, ножницы затупятся. И очень мало останется ткани.

— Какую чепуху вы несете, парни, — прервал их Ишвар. — Обкурились, что ли?

Вечернее небо темнело, подошла пора зажигать фонари. Мужчин напугал надорванный черный змей, спикировавший с крыши. Ом его поймал, но выбросил, увидев, что тот испорчен.

— Некоторые вещи не удастся вырезать, — сказал Манек. — Хорошее и плохое соединены вот так. — И он крепко сцепил пальцы обеих рук.

— Например?

— Взять хоть мои горы. Они прекрасны, но там сходят опасные лавины.

— Да это верно. Пить чай в «Вишраме» приятно, но от вида премьер-министра в окне у меня сводит живот.

— Жить в поселке тоже было приятно, — продолжил Ишвар. — И соседство хорошее — Раджарам.

— Но вскакивать на ноги, не закончив опорожняться, при приближении скорого поезда — небольшое удовольствие.

Все засмеялись, и Ишвар вместе со всеми, напомнив однако, что так было только один раз.

— Раджарам не знал про этот поезд — его только что внесли в расписание. — Откашлявшись, он сплюнул и прибавил: — Интересно, как дела у Раджарама?

Понемногу в сгущавшейся мгле стали вырисовываться фигуры бездомных. Они тащили с собой картонки, куски пластика, газеты, одеяла. За считаные минуты тротуар заполнили свернувшиеся калачиком тела. Пешеходам теперь приходилось приспосабливаться к новой топографии, и они осторожно прокладывали путь среди множества рук, ног и лиц.

— Мой отец дома жаловался, что людей и грязи становится все больше, — сказал Манек. — Посмотрел бы он, что здесь творится.

— Со временем привык бы, — отозвался сторож. — Я ведь привык. Когда видишь такое изо дня в день, перестаешь замечать. Особенно если

у вас нет выбора.

— Только не отец. Он продолжал бы ворчать.

Ишвар опять закашлял, и сторож предложил попросить у фармацевта лекарство.

— Но у меня нет денег.

— Просто попроси. У него есть специальная система лечения бедных людей. — Сторож отпер дверь и впустил портного внутрь.

Для тех кто не мог заплатить за полную бутыль, фармацевт продавал лекарство по ложке или по таблетке. Бедняки были благодарны ему, а фармацевт таким способом получал в несколько раз больше денег и прибыль клал в карман.

— Открой рот, — сказал он Ишвару и ловко влил ему ложку сиропа «Гликодин».

— Вкусно, — похвалил Ишвар, облизывая губы.

— Приходи завтра вечером, еще одну получишь.

Сторож спросил Ишвара, сколько тот заплатил.

— Пятьдесят пайс, — ответил тот, и сторож подумал, что ему ничто не мешает потребовать у фармацевта свою долю.

Еще три дня сундук оттягивал плечо Ома на пути от места ночлега до Дины Далал. Расстояние — рукой подать, но тяжелый сундук делал его на-

много больше. Рука болела от плеча до запястья, кисть плохо слушалась. Для того чтобы аккуратно подводить ткань к прожорливой иголке, нужны обе руки: правая — впереди прижимной лапки, вторая — позади.

— У меня от этого сундука руки не действуют, — сказал Ом, отрываясь от работы.

Дина следила за ним с состраданием — оно поутихло, но совсем не исчезло. «Да, воробушек сегодня действительно болен, приволакивает крылышко, — думала она. — Не прыгает, не чирикает — куда только делись высокомерие и задиристость?»

В утренние часы, когда нитки то и дело путались, а швы расползались, в дверь позвонили. Дина вышла на веранду и вернулась в раздражении.

— Кто-то спрашивает вас. И это в разгар рабочего дня.

Недоумевающий Ишвар с извинениями заторопился к входной двери.

— Ты! — воскликнул он. — Что случилось? Мы приходили тогда в поселок. Где ты был?

— Намаскар! — приветствовал их Раджарам, складывая перед собой ладони. — Я очень переживаю из-за этого. Но я получил новую работу,

и должен был приступить немедленно. Кстати, у моего хозяина много работы, он и вас может взять.

Ишвар чувствовал, что Дина пытается подслушать их беседу.

— Увидимся позже, — сказал он и дал Раджараму адрес аптеки.

— Хорошо, приду к вам вечером. И кстати, не одолжишь мне десять рупий? Пока я не получил жалованья?

— У меня только пять. — Ишвар вручил ему деньги, думая, что привычка Раджарама брать в долг становится большим неудобством. Бывший сосед еще не вернул старый заем. Не надо было называть ему место работы. Ишвар вернулся к «зингеру» и рассказал Ому о приходе Раджарама.

— Какое мне до него дело? Я здесь подыхаю. — Юноша вытянул больную руку — тонкую и хрупкую, как фарфор.

Это зрелище растопило сердце Дины. Она принесла бутылку бальзама «Амрутанджан».

— Иди сюда. Это поможет тебе.

Ом отрицательно покачал головой.

— Дина-бай права, — сказал Ишвар. — Я натру тебя.

— Продолжай шить. Я сама все сделаю, — воспротивилась Дина. — А то запах бальзама пропитает платья. — «Кроме того, — подумала она, — если и он будет зря тратить время, мне придется раньше положенного срока просить у Манека плату за пансион».

— Я сам справлюсь, — сказал Ом.

Дина открыла бутылку.

— А ну-ка снимай рубашку. Не стесняйся. Я тебе в матери гожусь.

Ом неохотно расстегнул пуговицы, под верхней рубашкой оказалась нижняя — вся в мелких дырочках. «Прямо как швейцарский сыр», — подумала Дина. От кожи исходил солоноватый запах. Дина выдавила немного холодной мази себе на руку и нанесла узкими полосками от плеча до локтя юноши. Тот вздрогнул. От холодного прикосновения кожа его покрылась мурашками. Дина начала массировать руку. От бальзама кожа нагрелась, а в плече юноши и в руке Дины появилось ощущение покалывания и жжения. Гусиной кожи и след простыл.

— Ну как? — спросила Дина, растирая мускулы.

— То холодно — то горячо.

— В этом — прелесть бальзама. Приятное ще-

кочущее ощущение. Подожди немного — боль скоро уйдет.

Теперь запах тела не чувствовался — бальзам перебил его. «Какая гладкая кожа, — подумала Дина. — Как у ребенка. И почти нет волос — даже на плече».

— А сейчас как?

— Хорошо. — Ом наслаждался массажем.

— Где-нибудь еще болит?

Ом показал на запястье:

— Вся рука до этого места.

Дина выдавила еще бальзама и растерла ему предплечье.

— Возьмешь немного с собой, и когда будешь ложиться, разотри руку. До завтра все пройдет.

Перед тем как помыть руки, она пошла на кухню и потянулась к пыльной полке у окна. Даже встав на цыпочки, Дина не видела, где что стоит, и попыталась определить это на ощупь. Случайно она сбила большую коробку, а за ней посыпались: разделочная доска и скалка, терка с круговым рифленым ножом, ступка и пестик.

Дина уклонилась от этой лавины, и кухонные принадлежности с грохотом упали на пол. Прибежали испуганные портные.

— Дина-бай! С вами все в порядке?

Она кивнула, слегка дрожа, но успела с удовольствием отметить сочувственное выражение на лице Ома, которое он не сразу скрыл.

— Может, прибить полку пониже, — предложил Ишвар, помогая Дине поднять упавшие вещи. — Тогда вам будет легко пользоваться утварью.

— Нет, оставьте как есть. Я пятнадцать лет ни к чему здесь не прикасалась. — Наконец она увидела то, что искала на ощупь — рулон вощеной бумаги, в которую заворачивала завтрак для Рустама. Сдув пыль, Дина оторвала от него кусок размером с носовой платок и выдавила на бумагу зеленый бальзам.

— Вот, возьми и смотри не забудь эту самосу с бальзамом, — сказала она, складывая бумагу треугольным пакетиком.

— Спасибо, — засмеялся Ишвар, надеясь, что и Ом догадается выразить благодарность. Слабая тень признательности осветила лицо Ома, вопреки его желанию.

Вечером, когда портные уходили, Дина заговорила о сундуке:

— Почему вы не оставляете его там, где ночуете?

— Для него нет места.

— Тогда держите здесь. Нет смысла таскать его туда-сюда.

Ишвар был в восторге от предложения.

— Дина-бай, вы сама доброта! Мы так вам благодарны. — Пока они шли от комнаты до веранды, он успел раз десять ее поблагодарить, складывая ладонями руки, лучась улыбкой и кивая. Ом, как обычно, скупо выразил чувства, невнятно пробормотав «спасибо» в дверях.

— Видишь? Она не такая плохая, как ты думал.

— Просто боится деньги упустить.

— Не забывай, она тебя бальзамом растирала.

— Платила бы нам как следует, мы бы сами бальзам купили.

— Речь не о деньгах идет, Омпракаш. Помни, она своими руками тебя лечила.

Раджарам приехал к аптеке на велосипеде, чем несказанно удивил Ома.

— Он не совсем мой, — сказал сборщик волос. — Хозяин дал мне его для работы.

— Что за работа?

— За нее мне надо небеса благодарить. Тем вечером, когда разрушили наш поселок, я встретил человека из своей деревни. Он работает на инспектора трущоб — шофер одной из машин, разрушающих дома. От него я узнал про эту ра-

боту, и уже на следующее утро он отвел меня в государственный офис. Меня тут же взяли.

— А в чем состоит твоя работа? Тоже в разрушении домов?

— Ни в коем случае. Я называюсь мотиватором планирования семьи. В офисе мне дают листовки для распространения.

— И это все? А платят хорошо?

— Все зависит от случая. Меня кормят раз в день, предоставляют ночлег и велосипед. Работа Мотиватора состоит в том, чтобы объезжать окрестности и объяснять процедуры по ограничению рождаемости. За каждого мужчину или женщину из числа согласившихся на операцию, я получаю комиссионные.

Раджарам сказал, что счастлив, получив такую работу. За две вазэктомии или за одну сальпингэктомию в день он получает деньги, равные месячному доходу сборщика волос. Как только кандидат подписал согласие на операцию и отправлен в клинику, функции Мотиватора заканчиваются. Нет никаких ограничений: на роль кандидатов подходят все — молодые и старые, женатые и холостяки. Доктора не привередливы.

— В результате все довольны, — сказал Раджарам. — Пациенты получают вознаграждение, мне

платят комиссионные, докторам тоже положена какая-то доля. И стране польза — небольшие семьи счастливее многодетных, контроль над рождаемостью очень важен.

— И сколько человек ты уговорил на операцию? — спросил Ишвар.

— Пока ни одного. Но я занимаюсь этим только четыре дня. И с каждым днем становлюсь все убедительнее и красноречивее. Не сомневаюсь — дело у меня пойдет.

— С такой работой, ты можешь и старую работу сохранить, — сказал Ом.

— Как ты себе это представляешь? У меня нет времени собирать волосы.

— Разве доктора в клинике не бреют пациентам волосы между ног перед операцией?

— Не знаю.

— Обязательно бреют, — убедительно произнес Ом. — Перед операцией всегда так делают. Собирай их — и продавай.

— Такие короткие, курчавые волосы не берут.

Ом захихикал, и Раджарам понял, что его разыграли.

— Ах ты, разбойник, вздумал шутить надо мной, — засмеялся он. — Но имейте в виду — Мотиваторы нужны. Можете хоть сейчас

устраиваться.

— Нам и в портных хорошо, — сказал Ишвар.

— Но вроде с хозяйкой были проблемы, говорили, что она вас надувает.

— В любом случае этому ремеслу нас обучил дядя Ашраф. А о работе Мотиватора мы ничего не знаем.

— Это временные трудности. Вас быстро всему научат в Центре планирования семьи. Не бойтесь перемен, это большой шанс. Миллионы потенциальных клиентов. Контроль за рождаемостью — перспективное дело, поверьте мне.

Но доводы Раджарама не убедили ни портных, ни сторожа. Раджарам поднял велосипед и приготовился уезжать.

— А вас самих не интересует вазэктомия? Могу использовать свое влияние и устроить особый подход, двойное вознаграждение.

Предложение было отклонено.

— Кстати, что делать с волосами в нашем сундуке?

— Можете еще немного их подержать? Как только закончится испытательный срок, я займусь этими косичками.

Помахав рукой и позвонив на прощанье в звонок, Раджарам быстро растворился в сумерках.

Ом сказал, что работа Мотиватора кажется довольно привлекательной.

— Да и велосипед хорошо бы иметь.

Но Ишвар считал, что успешным Мотиватором может быть только человек с хорошо подвешенным языком, вроде Раджарама.

— И как он смеет говорить, что мы боимся перемен! Что он знает? Разве в таком случае мы оставили бы родные места и пустились в долгий путь?

Сторож согласился с ним.

— Разве человек может тут выбирать? Все меняется, хотим мы этого или нет.

Весь вечер Дина поглядывала на обшарпанный сундук. Манек с любопытством следил за ней, ожидая, когда она не выдержит и заговорит.

— Думаю, теперь ты доволен, — сказала Дина после обеда. — Надо молиться, чтоб моя доброта не обернулась против меня.

— Перестаньте волноваться, тетя. Как это может обернуться против вас?

— Мне что, еще раз тебе объяснять? Я согласилась только потому, что этот молодой доходяга выглядел таким же измочаленным и побитым жизнью, как и его сундук. По-твоему, я не добра с ними, и мне наплевать на их проблемы. Может,

тебе покажется странным, но, когда они вечером уходят, я скучаю по ним — по их болтовне и шуткам за работой.

Манеку это не показалось странным.

— Надеюсь, завтра у Ома не будет так сильно болеть рука.

— Одно очевидно — он не притворялся. Втирая бальзам, я поняла по реакции его мышц, что ему очень больно. У меня большой опыт массажистки. У моего мужа был хронический радикулит.

Тогда она пользовалась мазью «Слоан», рассказала Дина, более эффективной, чем теперешний бальзам, и скованные мышцы мужа быстро расслаблялись под ее пальцами.

— Рустам говорил, что у меня волшебные руки, и мой массаж помогает ему лучше внутримышечных инъекций.

Она вытянула перед собой руки и задумчиво их оглядела.

— У этих пальцев долгая память. Они до сих пор помнят, как от их прикосновения проходила боль в мышцах Рустама. — Дина опустила руки. — Но, несмотря на больную спину, он любил ездить на велосипеде. При любом удобном случае прыгал в седло и крутил педали.

Время было позднее, а Дина все говорила

о Рустаме — о первом знакомстве, о реакции на их встречи упрямого брата и наконец о свадьбе. Ее глаза светились от воспоминаний, и рассказ растрогал юношу до глубины души. Однако Манек не понимал, почему при этом рассказе, хотя женщина была искренна и восхитительна, он в очередной раз испытал хорошо знакомое чувство отчаяния.

Глава восьмая. Благоустройство

Примерно через неделю таинственная алхимия времени сотворила чудо, и ночной шум у аптеки теперь не тревожил, а, скорее, убаюкивал портных. Их уже не мучили ночные кошмары. А все то, что раньше мешало: букмекеры, выкрикивающие счастливые номера лотереи «Матка» под радостные вопли победителей, лай собак, пьяные, сцепившиеся в смертельной схватке с охватившими их демонами, грохот тележек с молочными бутылками, стук фургонов булочника, — все это стало для Ишвара и Ома чем-то вроде отсчета времени.

— Я ведь говорил, что на нашей улице бояться нечего, — сказал сторож.

— Твоя правда, — согласился Ишвар. — Шум как люди. Поживешь рядом — и привыкаешь.

У портных пропали синяки под глазами, работа пошла лучше, и сны стали приятнее. Ишвару снилась деревенская свадьба, а невеста Ома была настоящая красавица. Ому же снились бывшие трущобы. Они с Шанти, взявшись за руки, наливали воду из колонки, а затем весело носились по

заброшенному полю, который во сне превращался в роскошный сад, полный цветов и бабочек. Они пели, танцевали среди деревьев, занимались любовью на волшебном ковре, сотканном из облаков, а сержант Кезар с пулеметом, злобные полицейские, инспектор трущоб и жители возрожденного поселка были далеко, где и должны быть.

Теперь аптека стала средоточием жизни портных. Уходя от Дины в конце дня, они брали с собой смену одежды. Мыло и зубные щетки всегда были при них. Пообедав в «Вишраме», они стирали одежду в туалетной комнате при вокзале и сушили у входа в аптеку. Вышедшие из строя электрические провода заменяли бельевую веревку. Когда портные спали, штаны и рубашки, словно часовые, охраняли их сон. А в ветреные ночи одежда плясала на проводе веселыми привидениями.

Но одна ночь принесла шум, доселе незнакомый улице. С ревом подъехали полицейские джипы и грузовик, припарковались напротив аптеки. Сержант Кезар отдавал резкие приказы своим подопечным; констебли били по картонным коробкам — пристанищу спящих на тротуаре бродяг; тяжелые шаги в фирменной

обуви грозно сотрясали улицу.

Эти шаги, как незваные гости, ворвались в сон портных. Ишвар и Ом пробудились, дрожа от ужаса, как после ночного кошмара, и со страхом укрылись за сторожем.

— Что случилось? Ты что-нибудь видишь?

Сторож огляделся.

— Похоже, трясут нищих. Бьют их и запихивают в грузовик.

Окончательно проснувшись, портные всматривались в происходящее.

— А ведь это сержант Кезар, — сказал Ом, протирая глаза. — Я уж подумал, что мне снова снится наш поселок.

— А тот тип, что трется рядом с сержантом, тоже кажется мне знакомым, — продолжил Ишвар.

Человечек с лицом конторского служащего шел, подпрыгивая как кролик, подле сержанта и хлюпал носом, время от времени сглатывая сопли. Ом непроизвольно подался вперед.

— Так ведь это посредник, он еще хотел продать нам продовольственные карточки за двести рупий.

— Верно. И по-прежнему кашляет и чихает. Давай-ка отойдем подальше, укроемся, так будет спокойнее.

Посредник считал людей, которых запихивали в грузовик, и делал пометки в блокноте.

— Подождите-ка, сержант, — воспротивился он. — Только взгляните на эту доходягу, зачем она нам?

— Займись лучше своим делом, — огрызнулся сержант. — Остальное предоставь мне. А если у тебя есть лишнее время, поправь очки на носу.

— Спасибо, — поблагодарил посредник, и его рука быстро взлетела, чтобы остановить сползавшие очки. На обратном пути та же рука успела утереть нос. Переход от одного жеста к другому получился плавным.

— Прошу вас, поверьте мне, — зашмыгал он носом. — Эта нищенка ни на что не годится.

— На самом деле меня это не касается. Я просто выполняю приказ. — Сержант Кезар принял решение ни во что не вникать — работы с каждым днем становилось все больше. Собирать толпы на политические митинги было делом несложным. Устраивать облавы на противников МИСА тоже не составляло труда. Но разрушение трущоб, торговых палаток, незаконных поселков вносило сумятицу в его сознание. Еще до того, как власти сформулировали новую стратегию в борьбе с нищетой, ему приходилось отлавливать нищих

и вывозить их за город. После таких рейдов он возвращался домой опустошенный, напивался, ругал жену и лупил детей. Теперь, после принятия закона совесть его несколько успокоилась, и он не мог позволить какому-то сопливому идиоту вносить в эту нелегкую работу дополнительные сложности.

— Зачем она мне нужна? — настаивал посредник. — Какой из нее работник?

— Вечно ты ноешь, — сказал сержант Кезар, засовывая большие пальцы за черный кожаный ремень, аккуратно поддерживающий живот. Кумиром этого поклонника ковбойских фильмов был Клинт Иствуд. — Не забывай, все они работают бесплатно.

— Не так уж и бесплатно, сержант. За каждого приходится платить.

— Тебе она не нужна — другие возьмут. Скажу откровенно, я сыт по горло твоим нытьем. Пойми, не могу я предложить тебе только здоровые экземпляры — у нас тут не скот продают. Мне приказано очистить улицы. Ответь — нужны тебе эти люди или нет?

— Нужны, конечно, нужны. Тогда хотя бы скажите своим подчиненным, чтобы не сильно их били, а то кровь пойдет. Будет трудно найти им

место.

— Здесь я с тобой согласен, — сказал сержант Кезар. — Но не волнуйся — мои констебли — народ опытный. Они бьют так, что последствий не видно.

Чистка продолжалась. Полицейские делали свою работу слаженно и быстро — где пинком, где тычком. Их ничто не останавливало — ни крики, ни вопли, ни забавные угрозы пьяниц или психов.

Равнодушное поведение полицейских напомнило Ишвару уборщиков, приходивших за мусором в пять часов утра.

— О нет! — содрогнулся он, увидев, что наряд полицейских достиг угла. — Они заберут беднягу на платформе.

Безногий нищий нарушил установившийся порядок. Отталкиваясь руками, он понесся на своей платформе вперед, чем очень развеселил полицейских. Они подбадривали его криками — им было интересно, какую скорость он может развить. У аптеки силы калеки иссякли. Двое полицейских потащили его вместе с платформой к грузовику.

— Нет, вы только посмотрите на него! — воскликнул взволнованный посредник. — Ни

пальцев, ни рук, ни ног! Какой из него работник!

— Делай с ним, что хочешь! — сказал один полицейский.

— Отвези его просто за городскую черту, если он тебе не нужен, — прибавил второй. Легкий толчок, и платформа с калекой откатилась в дальний конец грузовика.

— Что вы такое говорите? Как это возможно? Я должен за всех отчитаться, — возразил посредник. Помня наказ сержанта Кезара, он осторожно глянул через плечо, покусывая колпачок шариковой ручки, — не слышал ли он? И примирительно прибавил: — А вот слепые подойдут. Слепота не мешает — можно работать руками. Дети тоже… И для них работа найдется.

Полицейские не слушали его, продолжая отлавливать жертв. Паника понемногу стихала, и нищие покорно шли к грузовику. Некоторые из них во время облавы находились не на тех местах, где обычно попрошайничали, и с помощью бакшиша им удавалось умаслить полицейских. Иногда полицейские даже вносили их в список, а затем за определенную мзду вычеркивали.

Всех согнанных с тротуаров нищих выстроили у грузовика, пересчитали и попросили назвать имена. Посредник внес их в блокнот, указав так-

же пол, возраст и физическое состояние. Один старик хранил молчание, имя было заперто у него голове, а ключ потерян. Полицейский ударил его и повторил вопрос. От ударов седая голова моталась из стороны в сторону.

Приятели хотели помочь бедняге и выкрикивали разные имена, которыми его называли: «Берфи! Бевда! Четыре-двадцать!» Посредник выбрал «Берфи» и внес его в список. Возраст определил сам — на глаз.

С пьяными и умственно отсталыми дело обстояло хуже. Они упирались и выкрикивали ругательства настолько бессвязные, что полицейские покатывались со смеху. А один пьяница даже стал яростно размахивать кулаками.

— Бешеные псы! — орал он. — Отродье грязных шлюх!

Тут полицейские перестали смеяться и стали охаживать его дубинками. Пьяница упал, и его добивали ногами.

— Прекратите! Пожалуйста, не надо! — заклинал их посредник. — Если переломаете ему кости, он не сможет работать!

— Не волнуйся! Нищие — крепкие ребята. Скорее, наши дубинки сломаются. — Без признаков жизни пьяницу бросили в грузовик. Теперь вни-

мание посредника переключилось на отбитые почки несчастных и открытые раны головы.

— Эти повреждения никак не скроешь, — заявил он. — Столько кровищи!

— Иногда без этого не обойтись, — сказал сержант Кезар, но все же велел подчиненным слегка охладить пыл, иначе не обойтись без докторов, накладывания повязок, составления разных справок — ночная работа затянется.

Из-за дверей аптеки портные поинтересовались у сторожа, что происходит на улице.

— Они закончили? Уезжают?

— Похоже на то, — ответил сторож. Его слова подтвердил шум заводившихся моторов. — Можете снова ложиться.

Сержант Кезар и посредник проверили список.

— Девяносто четыре, — объявил посредник. — До квоты не хватает двоих.

— На самом деле, когда я говорил о восьми дюжинах, я называл приблизительную цифру. Просто заполненный грузовик. Ясно? Разве можно заранее сказать, сколько их тут поймаешь?

— Но я обещал подрядчику восемь дюжин. Он может подумать, что я его обманываю. Нет, так нельзя. Найдите еще парочку.

— Ладно, — устало согласился сержант Ке-

зар. — Поищем еще. — Нет, нельзя иметь дело с этим нытиком. Ведет себя словно побитая собака. Если б не необходимость платить деньги за дочь, которая учится игре на ситаре[105], он не задумываясь послал бы к черту этот дополнительный заработок. Приходится не только иметь дело с таким ничтожеством, как посредник, но еще вставать до рассвета, чтобы час уделить йоге, как он привык. Неудивительно, что он стал таким нервным. И еще эти желудочные боли. Но выхода нет. Его долг — повысить возможности дочери заполучить хорошего жениха.

Портные и сторож слышали приближение тяжелых шагов. Две безликие тени заглянули внутрь.

— Кто здесь?

— Не беспокойтесь. Все в порядке. Я тут ночной сторож и…

— Заткнись! Все на выход! — Посредник своим нытьем довел сержанта Кезара до белого каления.

Сторож встал со стула, предусмотрительно не взяв с собою дубинку, и ступил на тротуар.

— Не волнуйтесь, — успокоил он портных. — Я

---

[105] Примечания: 105
Ситар — струнный музыкальный инструмент.

все им объясню.

— Мы не сделали ничего плохого, — сказал Ишвар, застегивая рубашку.

— Между прочим, если вы спите на улице, то нарушаете закон. Полезайте с вещами в грузовик.

— Но, господин полицейский, мы спим здесь, потому что ваши люди разрушили наш поселок.

— Как? Вы жили в трущобах? Того хуже. За это полагается двойное наказание.

— Господин полицейский, — вмешался сторож, — их нельзя арестовывать, они спали не на улице, а внутри этого…

— Ты слышал — я сказал «заткнись»? — рявкнул на него сержант Кезар. — Или в кутузку захотел? Спать можно только в отведенных для этого местах. Иначе — наказание. Тут вестибюль, а не спальня. Кстати, этих двоих никто не арестовывает. В правительстве сидят неглупые люди, и они не собираются всех нищих сажать в тюрьму. — Сержант резко прервал речь. С какой стати он здесь распинается — его люди могут и без того добиться быстрых результатов.

— Мы не нищие! — сказал Ом. — Мы портные. Взгляните на наши длинные ногти, они помогают делать швы прямыми. Мы работаем у…

— Раз вы портные, зашейте свои рты. Достаточ-

но слов! Марш в грузовик!

— Вот этот знает нас. — Ишвар указал на посредника. — Он сказал, что может продать нам продовольственную карточку за двести рупий в качестве первого взноса и…

— Что там с продовольственными карточками? — повернулся сержант Кезар к посреднику.

Тот покачал головой.

— Видно, они спутали меня с каким-то проходимцем.

— Нет, это был он! — подтвердил Ом. — Так же чихал и кашлял, и из носа текло, как сейчас.

Сержант Кезар сделал знак констеблю. Тот ударил Ома дубинкой по икрам. Юноша вскрикнул от боли.

— Пожалуйста, не бейте их, — взмолился сторож. — Они будут во всем вас слушаться. — И он обнадеживающе похлопал портных по плечам. — Не падайте духом. Это ошибка. Объясните все начальникам, и вас обязательно отпустят.

Констебль вновь поднял дубинку, но Ишвар и Ом уже скатывали свои постели. Сторож обнял их на прощанье.

— Возвращайтесь скорей. Я буду держать для вас место.

Ишвар попытался было еще раз объясниться:

— У нас правда есть работа, мы не попрошайки…

— Заткнись! — оборвал его сержант Кезар, подсчитывающий, сколько получит за ночную облаву. Арифметика не была его сильным местом. Ему пришлось начать подсчеты снова.

Портные забрались на платформу грузовика, за ними подняли откидной борт и задвинули засов. Охрана влезла в полицейский джип. Посредник рассчитался с сержантом Кезаром и сел рядом с водителем.

Грузовик раньше использовался на строительных работах, и к бортам прилипли комья глины. Остатки гравия на платформе резали босые ноги. Когда шофер резко развернулся, чтобы пуститься в обратный путь, люди повалились друг на друга. Джип следовал сразу за грузовиком.

Они ехали всю оставшуюся часть ночи, и на каждой выбоине или колдобине их подкидывало. Хуже всего приходилось нищему на тележке: он невольно наезжал на людей, и его безжалостно отшвыривали. Нищий робко улыбнулся портным: «Я часто вижу вас на своем углу. Вы всегда опускаете мне монетки».

Ишвар только рукой махнул.

— А почему бы тебе не слезть со своей маши-

ны? — предложил он и вместе с Омом снял калеку с тележки. Те, кто стоял рядом, с облегчением вздохнули. Беспомощный, как мешок с цементом, нищий пытался держаться своими култышками за борт, затем беспомощно сложил их на коленях, дрожа всем телом, несмотря на теплую ночь.

— Куда нас везут? — старался перекричать он рев мотора. — Я очень боюсь. Что с нами будет?

— Успокойся. Скоро узнаем, — сказал Ишвар. — Где ты приобрел эту замечательную машину?

— Ее дал мне хозяин. Подарил. Он добрый человек. — От страха визгливый голос нищего стал еще резче. — Как я теперь с ним встречусь? Когда он придет завтра за деньгами, то подумает, что я сбежал!

— Кто-нибудь скажет ему, что приезжала полиция.

— Вот этого я понять не могу! Почему меня схватили? Хозяин каждую неделю отстегивает полицейским их долю — у нищих, которые на него работают, проблем не бывает.

— Разная бывает полиция. Эта работает над обустройством города, наведением порядка, чтобы город стал красивым. Наверное, эти полицейские не знают твоего хозяина.

Нищий покачал головой — такое предположе-

ние показалось ему нелепостью.

— Что ты говоришь! Все знают моего хозяина. — Он крутил колесики платформы, явно получая от этого удовольствие. — Вот эту тележку он недавно мне подарил. Старая сломалась.

— Как это произошло? — спросил Ом.

— Случайно. Там был уклон, я покатился и съехал с тротуара, чуть не испортив чей-то мотоцикл. — При этом воспоминании калека захихикал. — Но новая гораздо лучше. — Нищий предложил Ому проверить колеса.

— Гладкие, — сказал Ом, потрогав колесо большим пальцем. — А что случилось с твоими руками и ногами?

— Точно не знаю. Так всегда было. Я на судьбу не жалуюсь — еды хватает, место на тротуаре обеспечено. Хозяин обо всем заботится. — Нищий осмотрел повязки на руках и начал их разматывать зубами. Несколько минут он не мог из-за этого говорить. Процесс был медленный, мучительный, требовавший дополнительных движений шеи и челюсти.

Показались обрубки кистей, нищий почесал их о постель портных. Грубая мешковина облегчила зуд. Потом он стал заматывать кисти, помогая себе шеей и челюстью. Ом сочувственно задвигал

в такт головой — вверх, вниз, кругом, еще раз кругом, но потом остановился, поняв, что ведет себя глупо.

— Повязка предохраняет кожу. Ведь мне приходится отталкиваться руками, чтобы тележка катилась. Без повязки кровь пойдет.

Ому стало не по себе — так спокойно нищий говорил о своем увечье. Но тот продолжал, как ни в чем не бывало, и Ом успокоился.

— Тележка у меня была не всегда. Когда я был так мал, что не мог самостоятельно просить милостыню, меня носили на руках. Хозяин ежедневно сдавал меня в аренду. Он был отцом моего нынешнего хозяина. Я был нарасхват. Хозяин говорил, что я приношу ему большую прибыль.

Голос нищего задрожал при воспоминании об этих счастливых днях. Он рассказал, что арендаторы заботились о нем и хорошо кормили — ведь в противном случае хозяин прогнал бы их и никогда больше не имел с ними дела. К счастью, из-за своего маленького роста калека до двенадцати лет выглядел малышом.

— Малолетнему инвалиду хорошо подают. А сколько молока выпил я из разных грудей!

Нищий лукаво улыбнулся.

— Хотелось бы и сейчас припасть к женской

груди, почувствовать во рту нежный сосок. Уж лучше, чем трястись весь день на тележке, отбивая себе яйца и протирая ягодицы.

Ишвар и Ом широко раскрыли глаза от удивления, а потом облегченно расхохотались. Одно дело — бросить нищему монетку, проходя мимо, а другое — сидеть рядом и слушать рассказ о его увечье. Они были рады, что он говорит об этом со смехом.

— Но со временем мое младенческое личико и крошечное тело изменились. Носить подросшего ребенка стало тяжело. И тогда хозяин отправил меня на заработки одного. Мне пришлось передвигаться самому. На спине.

Нищий хотел показать, как он это делал, но в переполненном грузовике такое было невозможно. Хозяин сам обучил его этой технике, как обучал и остальных подопечных — наиболее подходящим для каждого приемам.

— Хозяин любит шутить, что выдавал бы нам дипломы, будь у нас стены, где они могли бы висеть.

Портные снова расхохотались, а нищий просиял от удовольствия. В нем раскрывался новый талант.

— С помощью головы и плеч, я научился пол-

зать на спине. Но как все шло медленно! Сначала я толкал банку для подаяний вперед, а потом, извиваясь всем телом, полз за ней. Это зрелище производило впечатление. Люди смотрели на меня с жалостью и любопытством. Дети иногда принимали это за игру и пытались повторить то же самое. Два игрока каждый день заключали пари, за какое время я доберусь до конца тротуара. Я делал вид, что не понимаю, что у них на уме. Победитель всегда бросал монетку в мою банку.

Но я тратил много времени, чтобы доползти до отведенных хозяином мест. Утро, день, вечер требуют смены точек. Сначала люди идут на работу, потом обедают, потом делают покупки. И тогда хозяин решил сделать для меня тележку. Такой прекрасный человек — не устану его хвалить. На мой день рождения он всегда дарит мне сладости. Иногда водит к проститутке. Под его началом много нищих, но я его любимец. У него много работы, ему приходится нелегко. Он платит полиции, находит места, где лучше подают, и следит, чтобы их не перехватили. При хорошем хозяине, никто не посмеет украсть у тебя деньги. А ведь это настоящая проблема.

Стоящий рядом мужчина с раздражением пнул нищего.

— Вот распищался, словно кот, которому хвост отдавили. Кому интересно слушать твои россказни!

Нищий какое-то время молчал, поглаживая повязки и крутя культями колеса. Увидев, что у портных от усталости закрываются глаза, он перепугался. Если его друзья заснут, он останется наедине с этой стремительно несущейся навстречу ночью. И он продолжил рассказ, чтобы прогнать их сон.

— У хозяина должно быть хорошее воображение. Если у всех нищих будет одно и то же увечье, люди привыкнут и перестанут испытывать жалость. Публика любит разнообразие. Некоторые раны уже никого не трогают. Ребенок без глаз, например, много не заработает. Слепых повсюду полно. Но если на его лице зияют пустые глазницы, да еще нос отрублен — вот тогда каждый монетку бросит. Уродства тоже помогают. Большая опухоль на шее или на лице, из которой сочится гной, хорошо работает.

Иногда попрошайками становятся обычные люди, которые не могут найти работу или заболели. Но у них нет никаких шансов тягаться с профессионалами. Сами подумайте, кому вы бросите монетку — мне или нищему без физических

изъянов.

Пнувший калеку мужчина снова заговорил:

— Да заткнешься ты, наконец, урод? Предупреждаю — не замолчишь, выкину тебя за борт! В такое время не хочется слушать всякую чушь! Почему бы тебе не заняться каким-нибудь честным делом?

— А чем вы сами занимаетесь? — спросил вежливо Ишвар, чтобы успокоить мужчину.

— Собираю металлолом, а потом продаю на вес. Работает даже моя несчастная больная жена. Собирает тряпье.

— Очень хорошо, — сказал Ишвар. — А у нас есть друг, сборщик волос. Правда, сейчас он стал мотиватором планирования семьи.

— Да, господин, все это очень хорошо, — согласился нищий. — Но, скажите, как я могу собирать металлолом без ног и пальцев на руках?

— Не надо оправдываться. В таком большом городе даже мертвец найдет работу. Надо только захотеть и настойчиво ее искать. Из-за вас, нищих, постоянно возникают проблемы на улицах, а полиция хватает всех подряд. Даже честных тружеников.

— О, господин, но как люди без нищих очистятся от грехов?

— О чем ты? Нам воды бы найти, чтоб помыться.

Спор становился все жарче. Нищий пронзительно визжал, сборщик металлолома орал в ответ. Остальные разделились, поддерживая разные стороны. От шума проснулись пьяные и стали ругать всех подряд: «Гребаные идиоты! Ослиные ублюдки! Скопцы бесстыжие!»

Не в силах долее терпеть такой вопиющий непорядок, шофер остановил грузовик у обочины.

— Не могу я вести машину, когда такое творится в кузове, — недовольно заявил он. — В любой момент может произойти несчастный случай.

При свете фар открылся крутой каменистый склон, поросший редкой травой. Люди разом замолкли. По обе стороны грузовика была темнота. Ночь могла скрывать горы, голые поля, густые леса, чудовищных монстров.

К грузовику подошел полицейский.

— Если еще раз услышим шум, то выпорем вас и выбросим здесь в джунглях, а не повезем в замечательные новые дома.

Автобус в полном молчании двинулся дальше. Нищий заплакал: «Мне опять стало очень страшно». Вскоре он провалился в тяжелый сон.

А у портных, напротив, сна не было ни в одном глазу. Ишвар беспокоился, что будет, если они не придут утром на работу.

— Опять с платьями задержка. Второй раз за два месяца. Что будет делать Дина-бай?

— Найдет новых портных и забудет нас, — сказал Ом. — А ты как думал?

Серый свет восхода перешел в розовый, и только тогда грузовик и джип съехали с шоссе на проселочную дорогу и остановились у маленькой деревушки. Шофер откинул задний борт. Пассажирам наконец разрешили справить нужду. Для некоторых разрешение запоздало.

Нищий перевалился на один бок, и Ом подставил под него тележку. Тот подъехал к краю грузовика и помахал забинтованной культей двум полицейским. Мужчины отвернулись и закурили. Портные соскочили с грузовика и опустили нищего на землю, удивившись, как мало он весит.

Мужчины устроились по одну сторону дороги, женщины — по другую, дети — где попало. Голодные малыши горько плакали. Родители кормили их мятыми бананами, перезрелыми апельсинами и объедками, найденными вчера в помойках.

Посредник пошел вперед, чтобы распорядиться

насчет чая. Деревенский чайвалла[106] установил у грузовика временную кухню, развел огонь, чтобы вскипятить воду с молоком, сахаром и чайными листьями. Все жадно наблюдали за ним. Утреннее солнце пробивалось меж листьев и играло на воде. Через несколько минут чай был готов, его подали в небольших одноразовых глиняных кружках.

Тем временем слух о приезжих распространился по деревне, и жители собрались у грузовика. Они испытывали чувство гордости, видя с каким удовольствием усталые путники пьют чай. Староста приветствовал посредника, задавал ему обычные вопросы деревенского жителя о том, кого, куда и почему везут, и был готов предложить помощь и совет.

Но посредник велел ему заниматься своим делом, а жителей деревни отправить домой, иначе их разгонят полицейские. Уязвленные таким отношением жители разошлись.

Путники выпили чай, а глиняные кружки вернули чайвалле. Он собирался, как обычно, разбить кружки, но тут некоторые из нищих инстинктивно удержали его: «Подождите! Не

---

[106] Примечания: 106
Чайвалла — человек, который продает, готовит или подает чай.

разбивайте! Отдайте лучше нам, если они вам не нужны».

Однако посредник воспротивился:

— Приедем на место, и там вы получите все необходимое.

Всех загнали опять в грузовик. За время привала солнце окрасило румяным светом верхушки деревьев. Становилось все жарче. Рев грузовика испугал птиц, и они шумной стайкой взметнулись с деревьев.

Ближе к вечеру грузовик прибыл на место строительства оросительной системы, где посредник передал менеджеру девяносто шесть человек. Менеджер внимательно пересчитал всех и подписал квитанцию о доставке живого груза. На строительстве была своя служба безопасности, и полицейские отбыли на джипе.

Капитан охраны приказал новичкам вывернуть карманы, развязать свертки и все положить на землю. Двое подчиненных прошли вдоль выстроившихся людей, обыскали каждого и проверили пожитки. Эта процедура не заняла много времени, половину приезжих составляли полуголые нищие в тряпье, да и вещей кот наплакал. Женщин было труднее обыскивать, тут пришлось задержаться.

Охранники отобрали отвертки, столовые ложки, двенадцатидюймовый стальной стержень, ножи, моток медной проволоки, щипцы, костяной гребень с зубцами, которые они сочли слишком большими и острыми. Один охранник попробовал на прочность пластмассовую расческу Ома, и та разломилась пополам. Ому разрешили оставить себе обломки.

— Мы с дядей случайно здесь оказались, — сказал он.

— Если у тебя есть жалоба, обратись к бригадиру. — И охранник толчком отправил Ома обратно в строй.

Тем, на ком не было ничего, кроме тряпья, выдали штаны до колен и жилетки, а женщинам — юбки и блузки. Нищий на тележке получил только жилет — для его ампутированной нижней части ничего не нашлось. Ишвар и Ом не получили новой одежды, не получили ее также жена сборщика металлолома и он сам. Последний, у которого отобрали много заостренных железок, был очень расстроен и счел это величайшей несправедливостью. Новую одежду портные тихо раскритиковали — слишком плохо пошита, и радовались, что остались в старой.

Группу повели к жестяным бытовкам, в каждой

из которых должны были разместиться двенадцать человек. Все устремились к ближайшей лачуге и устроили драку перед входом. Охранник их отогнал и стал наугад распределять места. В бытовках лежали горкой скрученные соломенные матрасы. Некоторые сразу разложили их и легли сверху, но им снова пришлось подняться. Людям предложили оставить в бытовках вещи и отправиться на встречу с начальником.

У начальника был усталый вид, он весь вспотел. Поздравив приезжих с обретением дома, он кратко рассказал о плане правительства покончить с бедностью и бездомностью.

— Мы надеемся, что этот план поможет вам. До конца рабочего дня осталось еще два часа, но сегодня вы можете отдохнуть. А завтра утром приступите к новой работе.

Кто-то спросил, какое им положат жалованье и как будут его выплачивать — ежедневно или еженедельно.

Начальник утер пот с лица, вздохнул и опять заговорил:

— Вы, похоже, ничего не поняли. Вас кормят, предоставляют кров, выдают одежду. Это и есть ваше жалованье.

Портные пробились вперед, им не терпелось

объяснить, что они попали сюда случайно. Но к начальнику подошли два должностных лица и увели его с собой. Ишвар решил, что бежать за ними не стоит.

— Подождем до завтра, — шепнул он Ому. — Сейчас начальник очень занят — может рассердиться. Но ясно, что полиция ошиблась. Здесь собирают безработных. Когда они узнают, что мы портные, нас тут же отпустят.

Кое-кто рискнул улечься в лачугах. Другие предпочли вынести матрасы на улицу. От жаркого солнца жестяные стены раскалились, и внутри была чудовищная духота. В тени от жестяных коробок было несколько прохладнее.

В сумерках раздался свисток, и рабочие стали стекаться в поселок. Через полчаса свисток повторился, и все потянулись к кухне. Новичков тоже позвали. Они выстроились у кухни. Обед состоял из дала[107], чапати и одного зеленого перца.

— Дал — одна вода, — сказал Ом.

Работник кухни услышал эти слова и принял их за личное оскорбление:

— Тут не дворец твоего отца.

— Не трогай моего отца, — взорвался Ом.

---

[107] Примечания: 107
Дал — чечевичный суп *(инд.).*

— Пойдем отсюда, — потащил за собой племянника Ишвар. — Завтра расскажем начальнику об ошибке полиции.

Портные молча покончили с едой, обратив внимание, как и все остальные, на скрытые угрозы желудку. Чапати испекли из муки с примесью песка, который скрипел на зубах. В чечевице попадались мелкие камешки и еще какие-то лишние предметы, люди то и дело их выплевывали. Кое-что все-таки проскакивало внутрь и переваривалось с пищей.

— Они уже на час опаздывают, — сказала Дина, подавая Манеку завтрак.

«Опять бедняги ей не угодили», — подумал Манек, собирая нужные на этот день учебники.

— Разве точность так важна при сдельной работе?

— Что ты понимаешь в бизнесе? Мама и папа оплачивают твою учебу и посылают карманные деньги. Посмотрим, что ты запоешь, когда начнешь сам зарабатывать деньги.

Вернувшись днем из университета, Манек застал Дину у дверей, она нервно ходила взад-вперед.

— Так и не появились, — пожаловалась она. — Интересно, какое объяснение они придумают

на этот раз. Очередная встреча с премьер-министром?

По мере приближения вечера ее саркастический тон сменился тревожным.

— Надо платить за электричество и за воду. Продукты тоже надо закупить. На следующей неделе Ибрагим придет взимать арендную плату. Ты даже представить не можешь, какой он зануда.

Ее жалобы бурлили, как переполненный кишечник после плотного обеда. А что, если портные и завтра не придут? Ведь новых ей быстро не найти. И задержка работы не в первый раз происходит. Второй раз — это уже слишком. Задержка вызовет большое недовольство у высокого руководства «Оревуар экспортс». Рядом с ее именем поставят пометку «ненадежная». Может, стоит пойти к Зенобии в салон «Венус Бьюти» и попросить еще раз прибегнуть к ее влиянию на миссис Гупта.

— Ишвар и Ом не могли просто так остаться дома, — сказал Манек. — Должно быть, случилось что-то непредвиденное.

— Чушь! Уж на пять минут можно было бы заскочить и объясниться.

— Может, они пошли искать жилье или еще что-нибудь. Не волнуйтесь, тетя Дина, они, на-

верное, придут завтра.

— Наверное? Не самое лучшее слово. Я не могу зависеть от «наверное» при сдаче заказа или плате за квартиру. Тебе этого не понять — ведь ты ни за что не несешь ответственности.

Манек счел этот выпад несправедливым.

— Если они и завтра не придут, я пойду и выясню, в чем дело.

— Да, — просияла Дина. — Хорошо, что ты знаешь, где они живут. — Казалось, она немного успокоилась. А потом прибавила: — Давай пойдем к ним прямо сейчас. Зачем проводить ночь в тревоге?

— Но вы ведь не хотите, чтобы они считали себя незаменимыми. Если мы пойдем к ним вечером, они поймут, что без них вы беспомощны.

— Нет, я не беспомощная, — решительно произнесла Дина. — Просто еще одна жизненная трудность. — Все же она согласилась подождать до утра при условии, что Манек заедет к портным до университета. Дина была слишком рассеяна, чтобы продолжать работу над одеялом; лоскуты ткани, скрывая свое предназначение, лежали горкой на диване.

Манек во весь дух бежал от аптеки. У «Вишрама» он замедлил бег и быстро заглянул внутрь в

надежде увидеть там за утренним чаем Ишвара и Ома. Но никого не было. Задыхаясь, он вбежал в квартиру и передал Дине слова сторожа.

— Ужас! Он думает, их приняли за нищих и втолкнули в полицейский грузовик. Кто знает, где они теперь!

— Гм. Ясно, — отозвалась Дина, прикидывая, насколько рассказ соответствует истине. — И сколько их будут держать в тюрьме? Неделю, две? — Если эти негодники пробуют силы на новой работе и тянут время, версия с полицией подходящая.

— Не знаю. — От волнения Манек не обратил внимания на скептическую интонацию вопроса. — Полиция забрала не только наших портных, а всех, кто был на улице, — нищих, бездомных.

— Не смеши меня — нет такого закона, чтобы хватать людей на улице просто так.

— Это новая политика — называется, кажется, план благоустройства города или что-то в этом роде. Новая акция в связи с «чрезвычайным положением».

— Что такое — это «чрезвычайное положение»? Я устала от этого глупого слова. — Не утратив до конца свой скептицизм, Дина глубоко вздохнула и решила идти напролом.

— Посмотри на меня, Манек, в глаза смотри. — Она придвинула к нему свое лицо. — А теперь скажи, ты не обманываешь меня? Ишвар и Ом — твои друзья. Может, они попросили тебя об услуге?

— Нет, клянусь добрым именем нашей семьи, тетя! — Шокированный таким подозрением юноша отшатнулся от нее. Несправедливое обвинение вызвало в нем приступ ярости. — Можете мне не верить, это ваше право. Только больше не просите меня о помощи. — И Манек вышел из комнаты.

Дина последовала за ним.

— Манек!

Юноша не отозвался.

— Прости, Манек. Ты знаешь, как я волнуюсь из-за работы. Я сказала не подумав.

Потребовалось одно мгновение — и она прощена.

— Все в порядке, тетя.

«Какой милый юноша, — подумала Дина, — совсем не дуется».

— Давно они спят — как это? — у аптеки?

— С того дня, как разрушили их дом. Разве вы не помните, тетя? Вы еще не разрешили им спать на веранде?

Дина вспыхнула от гнева.

— Ты прекрасно знаешь, почему я не разрешила. Но если тебя это так задело, почему ты промолчал? Еще до того, как все случилось?

— Зачем? А что бы изменилось? Вы что, изменили бы свое решение?

Дина благоразумно промолчала.

— До сих пор не могу поверить в эту историю. Может, сторож врет — их покрывает. А мне тем временем придется идти к брату на поклон, чтоб оплатить аренду.

Манек чувствовал, что существуют вещи, которые женщина хочет скрыть или хотя бы преуменьшить: беспокойство, вину, страх.

— Надо навести справки у полиции, — предложил он.

— И какая от этого польза? Даже если портные арестованы, полицейские что, распахнут по моей просьбе двери тюрьмы?

— По крайней мере, мы будем знать, где они.

— Сейчас меня больше волнуют непошитые платья.

— Ну, конечно! Вы так эгоистичны, что думаете только о себе! Вы просто не способны…

— Да как ты смеешь! Как смеешь говорить со мной в таком тоне!

— Да их может уже в живых нет! — Манек ушел в свою комнату, хлопнув дверью.

— Сломаешь дверь — напишу родителям! Попрошу компенсации, помни!

Скинув туфли, Манек плюхнулся на кровать. На часах было полдесятого — в университет он уже опоздал. К черту университет, к черту тетю! Хватит прикидываться душкой. Вскочив с кровати, он переоделся в домашнюю одежду. Нижняя дверная петля болталась, он закрепил ее и плотно закрыл дверь.

Потом снова упал на кровать, обводя в раздражении пальцем цветочный орнамент, вырезанный на изголовье из тикового дерева. Точно такая же кровать стояла в комнате, где шили портные. Должно быть, тетя Дина и ее муж спали на поставленных рядом кроватях-близнецах. С тех пор прошло много лет. Раньше ее жизнь была наполнена счастьем, а квартира — любовью и смехом. Теперь же квартира тихая и неопрятная.

Манек слышал, как Дина ходит по комнате, ее шаги выдавали отчаяние. А всего неделю назад, после того как она смазала бальзамом руку Ома, работа пошла так хорошо. Массаж тогда привел ее в хорошее расположение духа, ей вспомнилось, как она растирала мужу спину, вспомнилась их

жизнь.

То, что она рассказала Манеку, снова вошло в ее жизнь: волшебные музыкальные концерты и тихие вечера после них, когда они с Рустамом гуляли по пустынным улицам — да, рассказывала она, в те дни город был прекрасен, тротуары чистые, и на них еще не спали бездомные. Они гуляли с Рустамом вдоль моря, и звезды ярко горели в небе, а волны ласково плескались у берега. А иногда они бродили в Висячих садах и под шепот деревьев говорили о свадьбе, о будущей жизни, строили планы, не зная, что судьба уже все спланировала.

Дина получала наслаждение от воспоминаний. Она описывала маму и отца такими, какими они были в хорошие времена их жизни. Она говорила о былых днях, улыбаясь радостной и одновременно печальной улыбкой, и вспоминала то одно то другое событие, извлекая его из прошлого и любуясь им, пока оно снова не исчезало в тумане.

Никто ничего не забывает на самом деле, хотя может и притвориться, что забыл, если это удобно. У воспоминаний свои законы. Печальные — даже с течением времени вызывают боль, а счастливые — невозможно возродить, испытывая тот же радостный подъем. Воспоминания

всегда окрашены грустью. Как это несправедливо! Время и к печали и к радости добавляет боль.

Тогда какой вообще смысл в памяти? Ничего хорошего она не приносит. Взять хоть маму и отца и их магазин, или жизнь тети Дины, или общежитие и Авинаша, а теперь еще бедных Ишвара и Ома. Сколько не вспоминай счастливые деньки, никакая ностальгия по прошлому ничего не изменит, несчастья и страдания останутся — любовь, интерес, участие и забота ничего не дадут.

Манек разрыдался, грудь его ходила ходуном, но он изо всех сил старался сдержать рыдания. Все заканчивается плохо. А память только все усугубляет — дразнит и мучает. Если только… если только ты не сойдешь с ума. Или не совершишь самоубийство. И тогда с доски все стерто. Ни воспоминаний, ни страдания.

Бедная тетя Дина, она по-прежнему в плену прошлого, и обманывает себя, думая, что воспоминания приносят ей радость. А теперь еще проблемы с шитьем, арендой, провизией…

Манеку стало стыдно за свой приступ гнева. Он поднялся с кровати, поправил рубашку, утер глаза и вошел в заднюю комнату, где ходила кругами Дина в плену мыслей о невыполненном заказе.

— Когда их надо сдавать? — резко спросил

Манек.

— А, ты вернулся? Послезавтра. В двенадцать часов. — Дина про себя улыбнулась: она предполагала, что юноша будет дуться не меньше часа, а он выпустил пар за полчаса. — У тебя слезятся глаза. Ты не простыл?

Манек покачал головой.

— Просто устал. Послезавтра наступит через два дня. Уйма времени.

— Для двух опытных портных — да. Но не для меня одной.

— Я вам помогу.

— Не смеши меня. Ты и шитье? И я с больными глазами? Мне трудно надеть на палец обручальное кольцо, не говоря уж о том, чтобы продеть нитку в иголку.

— Я не шучу, тетя.

— Но у нас шестьдесят платьев. Шестьдесят, понимаешь? Осталось, правда, подшить края и пришить пуговицы, но это тоже большая работа. — Дина взяла в руки одно платье. — Видишь, ткань на талии собрана? Теперь давай измерим ее. — Она приложила сантиметр. — Ровно двадцать шесть дюймов. Но подол из-за сборок длиннее — вот, смотри — шестьдесят пять дюймов, и подшить надо руками. А это займет…

— А если подшить на машинке, они догадаются?

— Еще бы! Это большая разница. Кроме того, надо на каждое платье пришить восемь пуговиц. Шесть впереди, и по одной на каждый рукав. Я больше одного платья за час не сделаю. Получается в целом шестьдесят часов.

— У нас до сдачи — сорок восемь.

— Ну, если мы не будем ни пить, ни есть, ни посещать ванну, то да.

— Но попробовать можно. Отнесите те платья, что успеем сделать, и извинитесь за остальные. Можно сказать, что портной заболел или что-то в этом роде.

— Если ты действительно хочешь помочь…

— Хочу.

Дина начала разбирать платья.

— А ты хороший мальчик. Твоим родителям повезло с сыном. — И вдруг резко повернулась. — Подожди. А как же университет?

— Сегодня нет лекций.

— Гм, — пробормотала она с сомнением, подбирая нитки. Платья они перенесли в гостиную, где свет был ярче. — Я научу тебя пришивать пуговицы. Это легче, чем подшивать края.

— Как вам удобно. Я быстро учусь.

— Посмотрим. Сначала все измерь и отметь места для пуговиц мелом по прямой линии. Это самое главное — слегка ошибешься, и лиф перекосится. Счастье, что у нас простые поплиновые платья, а не такие, как в прошлом месяце, из скользящего шифона. — Дина показала юноше последовательность действий, особо подчеркнув, что стежки в пуговицах с четырьмя отверстиями должны идти параллельно, а не крестообразно.

Манек взял следующую пуговицу.

— Если б мои глаза видели, как прежде, — вздохнула Дина, глядя, как он, смочив нитку губами, легко продел ее в ушко. Чтобы найти с изнанки отверстия в пуговице, он несколько раз прицеливался, но в результате пришил пуговицу за нужное время и, довольный, отрезал нитку.

Прошло два часа. За это время Манек пришил шестнадцать пуговиц, а Дина подшила три платья.

— Теперь видишь, сколько времени уходит на шитье? — сказала она. — А сейчас я пойду приготовлю обед.

— Я не голоден.

— Есть ты не хочешь, лекций у тебя нет. Разве не странно?

— Но так и есть, тетя. Забудьте об обеде. Я дей-

ствительно не хочу есть.

— А обо мне ты не подумал? Вчера из-за волнений у меня и крошки во рту не было. Могу я хоть сегодня поесть с удовольствием?

— Сначала работа, а удовольствие потом, — улыбнулся Манек, прилаживая очередную пуговицу и поглядывая на Дину краешком глаза.

— Решил стать моим боссом? — сказала Дина с наигранной суровостью. — Если я не поем, не будет ничего — ни работы, ни удовольствия. Свалюсь в обморок над шитьем.

— Хорошо. Обедом займусь я. А вы лучше подшивайте.

— Из тебя получится образцовая хозяйка. Что это будет? Хлеб и масло? Чай и тосты?

— Это будет сюрприз. Я скоро вернусь.

Перед уходом Манек вдел нитки в шесть иголок, чтобы не подвергать испытанию глаза женщины.

— Зачем такие траты? — ворчала Дина. — Родители оплачивают твое питание.

Манек выложил в миску мясное рагу из ресторана и поставил на стол.

— Я купил еду на свои карманные деньги. Имею право тратить их как пожелаю.

В густом остром соусе плавали соблазни-

тельные кусочки куриной печени и желудков. Наклонившись над миской, Дина вдохнула исходящий от блюда аромат.

— Тот же изумительный запах, его очень любил Рустам. Только в здешнем ресторане умеют делать такую насыщенную подливку, в других местах это блюдо подают суховатым. — Она зачерпнула ложечкой немного соуса и поднесла к губам. — Изумительно. Можно прибавить еще воды — это не испортит вкус. Тогда нам хватит и на обед, и на ужин.

— Отлично. А вот это специально для вас. — И Манек протянул ей сумку.

Дина полезла в нее и вытащила оттуда пучок моркови.

— Ты хочешь, чтобы я сварила ее для нас?

— Только для вас, тетя. И вы должны съесть ее сырой. Это полезно для глаз. Особенно сейчас, когда вы их напрягаете.

— Спасибо, но что-то не хочется.

— Никакого рагу без моркови. Съешьте хотя бы одну.

— Ты в своем уме? Неужели ты думаешь, что я стану есть сырую морковь? Даже моя мать не могла этого добиться. — Пока женщина накрывала на стол, Манек почистил небольшую морковку,

обрезал кончики и положил рядом с тарелкой Дины.

— Надеюсь, морковь для тебя, — сказала Дина.

— Не съешьте морковь — не получите рагу. — Манек не выпускал из рук миску. — Таково условие. Для вашей пользы.

Дина рассмеялась, но от вида рагу у нее потекли слюнки. Она взяла морковь за тонкий кончик, словно хотела стукнуть юношу по голове, и с отвращением вгрызлась в нее. Манек с улыбкой передал ей миску.

— Отец говорил, что одним глазом видит лучше, чем другие двумя, из-за того что регулярно ест морковь. Морковка в день — и никаких проблем со зрением.

Во время обеда Дина морщилась каждый раз, когда ей приходилось откусывать морковь.

— Только благодаря вкусному рагу этот сырой овощ не застревает в моем горле.

— А теперь ответьте, тетя, — спросил Манек, когда они покончили с едой, — стали вы лучше видеть?

— Вижу достаточно хорошо, чтобы разглядеть тебя, хитреца.

Работа после обеда пошла лучше, но ближе к вечеру у Дины отяжелели веки.

— Мне нужен перерыв на чай. О'кей, босс?

— Пятнадцать минут — не больше. И мне чашечку, пожалуйста.

Дина пошла на кухню, посмеиваясь и качая головой.

В семь часов ее мысли переключились на заботы об ужине.

— Оставшееся рагу на кухне вызывает у меня острый аппетит. Как ты считаешь? Поедим сейчас или дождемся восьми?

— Как хотите, — пробормотал Манек с иголкой во рту. Он отмотал от катушки нитку нужной длины.

— Вы только посмотрите на него! Первый раз сел за шитье и уже ведет себя как заправский портной! Немедленно вынь иголку изо рта! Сейчас же! Пока не проглотил!

Манек смущенно вынул иголку. Дина точно подметила — он старался во всем подражать Ому, который беспечно удерживал губами все подряд — булавки, иголки, лезвия, ножницы, острые, ненадежные предметы, бесшабашно подвергая опасности нежную, беззащитную плоть.

— Как я объясню твоей маме, почему у сына застряла в горле иголка?

— А вот Ома вы никогда не осаживаете.

— Это совсем другое дело. Ом опытный портной, он вырос в этой среде.

— Вы ошибаетесь. Он из сапожников.

— Они тоже умеют управляться с инструментами, кроить и шить. Но я и Ома останавливала. Он тоже мог навредить себе, как и ты. — Дина вышла на кухню, а Манек продолжал работать, пока она накрывала на стол.

Во время ужина, вспомнив слова Манека о портных, она спросила: «Так они сапожники? И что им пришло в голову поменять специальность?»

— Меня просили никому не рассказывать. Все дело в их касте. Они боятся, что к ним станут плохо относиться.

— Мне можно рассказать. Я не придаю значения этим глупым обычаям.

И Манек вкратце поведал ей историю Ишвара и Ома, составленную из рассказов портных за время совместных чаепитий в «Вишраме». Он рассказал об их деревне, о жестоких землевладельцах, угнетавших чамаров, о побоях, порках, правилах, которым неприкасаемые должны неукоснительно следовать.

Дина перестала есть и нервно перебирала в руке вилку. Облокотившись на стол, она уперлась подбородком в кулачок. Пока он говорил, вилка

выскользнула из ее руки и стукнулась о тарелку. Манек не стал подробно рассказывать об убийстве родителей, детей и бабушки с дедушкой.

Дина подняла вилку.

— Я не знала… Даже не представляла… все эти жуткие истории в газетах о кошмарах, творящихся между кастами, вдруг оказались реальными, рядом со мной. Прямо в моей квартире. Впервые я столкнулась с пострадавшими от этого людьми. Боже, какое немыслимое страдание. — Дина покачала головой, словно не в силах поверить такому.

Она попробовала доесть рагу, но не смогла.

— По сравнению с ними, моя жизнь — сплошное удовольствие. А сейчас они опять попали в беду. Люди говорят: Бог велик, Бог справедлив, но я в этом не уверена.

— Бог умер, — сказал Манек. — Так написал один немецкий философ[108].

Дина была возмущена.

— Только немцы могут такое придумать, — нахмурилась она. — И ты в это веришь?

— Раньше верил. А теперь думаю, что Бог

---

[108] Примечания: 108

Бог умер — высказывание Ницше в книге «Веселая наука». С этим высказыванием связана метафора постмодернистской философии — смерть Бога.

— творец гигантского лоскутного одеяла. С бесконечным разнообразием узоров. Но одеяло становилось все больше и запутанней, с трудно различимыми узорами, не сочетавшимися друг с другом квадратами, ромбами и треугольниками, и в конце концов все утратило смысл. И Он потерял к нему интерес.

— Какую ерунду ты иногда болтаешь, Манек.

Пока Дина убирала со стола, Манек отворил окно, несколько раз мяукнул, а потом выбросил остатки хлеба и рагу. Надеясь, что еда не слишком острая для кошек, он вернулся к шитью и взял в руки новое платье, напомнив предварительно Дине о необходимости поторапливаться.

— Нет, этот парень явно свихнулся. Пяти минут не даст отдохнуть после ужина. Я старая женщина, а не молодой щенок, вроде тебя.

— Совсем вы не старая, тетя. Вы молодая. И очень красивая, — осмелев, прибавил Манек.

— А ты что-то разболтался, — сказала Дина, не скрывая своего удовольствия.

— Только одна вещь меня смущает.

— Какая?

— Почему такая молодая женщина говорит как старушка и постоянно ворчит.

— Вот разбойник. Сначала он мне льстит, а

потом оскорбляет. — Смеясь, она подколола булавками край платья и подняла его, чтобы посмотреть, ровно ли. — Теперь я вижу пользу от длинных ногтей у портных. Так ты с ними и правда подружился? Ведь они много рассказали тебе о своей жизни в деревне.

Манек быстро вскинул глаза на женщину и пожал плечами.

— А здесь они провели много дней за работой, и ничего мне не рассказали. Почему?

Манек снова пожал плечами.

— Перестань отвечать посредством плеч. Твой Творец лоскутного одеяла что, забыл пришить тебе язык? Так почему портные открылись тебе, а мне не сказали ни слова?

— Может, они вас боялись?

— *Боялись меня?* Какая ерунда! Если на то пошло, так это я их боялась. Боялась, что они свяжутся с экспортной компанией и обойдутся без меня. Или найдут работу лучше. Иногда я даже боялась указывать на их ошибки, и вечером, когда они уходили, сама исправляла эти погрешности. С чего им меня бояться?

— А вдруг вы найдете портных лучше, а их прогоните — вот чего они боялись.

Дина какое-то время обдумывала сказанное.

— Жаль, ты не сказал этого раньше. Я бы их успокоила.

Манек снова пожал плечами.

— Это ничего не изменило бы, тетя. Вы могли помочь только одним — предоставить им ночлег.

Дина откинула платье.

— Ты все о том же! Совсем не щадишь мои чувства! Будешь повторять до тех пор, пока я не ослепну от осознания вины?

Иголка, пройдя через отверстие в пуговице, уколола Манека. Вскрикнув, он стал сосать большой палец руки.

— Продолжай, злой мальчишка! Скажи, что во всем виновата я! Выгнала их на улицу, потому что у меня нет сердца!

Манек пожалел, что был с ней так резок. Подшивая платье, Дина вдруг закашлялась, будто подавилась. Звучал кашель, как призыв Манека к действию, и он принес женщине стакан воды.

Сделав несколько глотков, Дина сказала: «А ты был прав. После моркови я стала лучше видеть».

— Случилось чудо! — Манек театральным жестом вознес руки, чем вызвал у нее улыбку. —

Теперь я Морковный Махариши[109], и рядом со мной другим окулистам делать нечего.

— Перестань дурачиться, — сказала Дина, допив воду. — Позволь рассказать, что именно я лучше вижу. Когда мне было двенадцать, мой отец решил отправиться работать в район эпидемии. Мама очень встревожилась. Она хотела, чтобы я на него повлияла — дело в том, что я была его любимицей. На новом месте отец заразился и умер. И мама сказала, что я могла бы спасти отца, последуй ее совету.

— Это несправедливо.

— Можно смотреть на это по-разному. Как и на то, что сказал ты.

Манек понял.

Дина поднялась, взяла с рабочего столика фарфоровую курицу и сложила в нее наперсток, ножницы и иглу.

— Куда вы, тетя?

— А ты как думаешь? На кудыкину гору? Уже десять часов. Я иду спать.

— Но мы сделали только шестнадцать платьев. А дневная норма — двадцать два.

— Слушаю вас, старший менеджер.

---

[109] Примечания: 109
Махариши — эпитет легендарных мудрецов древности.

— Мой план — сделать двадцать два сегодня, тридцать завтра и восемь послезавтра. Тогда к полудню мы успеем.

— Минуточку, господин. А как насчет университета завтра и послезавтра? Что будет с занятиями? Вряд ли тебе выдадут диплом инженера по холодильным установкам за пришитые пуговицы.

— Следующие два дня лекций не будет.

— Вот как! А на третий — я выиграю в государственную лотерею.

— Бросьте, тетя. Вечно вы мне не верите. — Манек продолжал шить, тяжело вздыхая, как незаслуженно обиженный человек, и вытягивал иголку так, словно в нее вдета чугунная цепь. — Хорошо. Я продолжу работу, а вы идите спать.

— Как я могу пропустить церемонию награждения Оскаром!

Манек уронил пуговицу, застонал от обиды и наклонился, шаря беспомощно пальцами, как старик.

— Ты говорил, что хороший актер, но я и не догадывалась, до какой степени. Ладно, сделаем еще одно платье.

Открылась возможность торга, и Манек быстро проговорил:

— Надо сделать еще шесть, чтобы покрыть норму.

— Забудь о норме. Сказала — одно.

— Хотя бы три.

— Два — мое последнее слово. И никаких дальнейших споров. Но сначала нужно поискать что-нибудь на кухне.

Дина быстро вернулась, держа в каждой руке по дымящейся кружке. Одну она поставила рядом с Манеком.

— Хорликс[110]. Чтобы нас взбодрить.

Как бы подтверждая справедливость своих слов, Дина сделала глоток и, сев на стул, выпрямила спину и широко улыбнулась.

— Отличная получилась реклама, — оценил Манек. — И не надо приглашать профессиональную модель, вы потрясающе выглядите!

— Не думай, что лесть поможет тебе получать этот напиток каждый день. Я не могу себе этого позволить.

Так незаметно, потягивая питье и обмениваясь шутками, они сделали еще два платья. В полночь во всем здании свет горел только у Дины. Поздний час, пустынные улицы за окном, погру-

---

[110] Примечания: 110

Хорликс — укрепляющий молочный напиток одноименной компании.

женная в полумрак квартира — все привносило в их невинную деятельность какой-то заговорщический флер.

— Итак, у нас восемнадцать платьев, — сказала Дина, когда они уже за полночь закончили работу. — Руки не держат иголку. Теперь можно идти спать, босс?

— Прежде сложите платья.

— Слушаюсь, мистер Кохлах.

— Пожалуйста… не терплю, когда меня так называют.

Когда они расходились по комнатам, Дина обняла на прощанье юношу и прошептала:

— Спокойной ночи. Спасибо за помощь.

— Спокойной ночи, тетя, — ответил Манек и, окрыленный и счастливый, отправился спать.

За час до рассвета гудок разорвал ночную тишину и тем самым вывел работников из блаженного сна. И почти сразу из жестяных лачуг потек по направлению к месту кормежки человеческий поток. Две бездомные собаки обнюхали пропыленные ноги, но быстро потеряли интерес и, крадучись, кружили вокруг кухни. Подали чай со вчерашними чапати. Затем гудок позвал всех на работу.

Новички сбились в отдельную кучку — бри-

гадир раздавал задания. Работа нашлась всем, кроме нищего на тележке. «Постой пока тут, — сказал ему бригадир. — Я подумаю, что с тобой делать».

Ома и еще шестерых подрядили копать новую канаву. В задачу Ишвара входило подносить гравий туда, где замешивали бетон. Бригадир дошел до конца списка, и тощая команда побрела на свои рабочие места под наблюдением надсмотрщиков. Портные дождались, когда все разошлись.

— Господин, произошла ошибка, — сказал Ишвар, подходя к бригадиру со сложенными у груди ладонями.

— Как вас зовут?

— Ишвар Даржи и Омпракаш Даржи.

Бригадир сверился со списком.

— Все правильно.

— Ошибка в том, что нас не должны были сюда привозить.

— Все вы, лодыри, так считаете. Правительство больше этого не потерпит. Работать вы *будете*. За это вас кормят и дают ночлег.

— У нас есть работа. Мы портные. Главный полицейский сказал поговорить с вами.

— Моя обязанность — дать вам работу и крышу

над головой. Если отказываетесь работать — передам вас охране.

— Но за что нас наказывать? В чем наше преступление?

— Вы употребляете не то слово. Речь идет не о преступлении и наказании, а о проблеме и ее решении. — Бригадир сделал знак рукой двум мужчинам в униформе защитного цвета, патрулирующим с дубинками. — У нас тут не бывает проблем, все работают с удовольствием. Решайте сами.

— Хорошо, — сказал Ишвар. — Но мы хотели бы поговорить с начальником.

— Начальник будет позже. Сейчас он занят чтением утренних молитв.

Бригадир лично проводил портных на место работ и оставил под наблюдением надсмотрщиков с указанием следить за ними внимательно и не давать лениться. Портных сопровождал нищий на тележке. Там, где тропа кончилась, и пошла каменистая местность, проехать на колесах было невозможно, и нищий повернул назад. На прощанье он помахал портным рукой и обещал ждать их вечером у лачуги.

На склоне холма копошились крошечные согбенные фигурки. Поначалу казалось, что это

замершие на солнце дети, но звук молотков говорил о работе рук. Люди дробили камень, получая гравий. Пучки увядшей травы виднелись кое-где на высохшем склоне. Земля жаждала живительной силы дождя. Иногда вниз с грохотом срывался большой камень. В отдалении грохот экскаваторов, подъемных кранов и бетономешалок поднимался стеной, на которой выписывало узоры ровное постукивание отбойных молотков. Безжалостно палило солнце.

Одна из женщин наполнила гравием корзину Ишвара и помогла поднять ему на голову. От усилий тряслись ее руки и обвисшая кожа под мышками. Под тяжестью корзины Ишвар зашатался. Когда женщина отпустила руки, груз стал сползать. Ишвар изо всех сил вцепился в края корзины, кренясь в противоположную сторону, но корзина все же рухнула, больно ударив его по шее.

— Никогда не имел дела с такой работой, — сказал он, смущенный зрелищем каменного душа, обрушившегося на ноги.

Не говоря ни слова, женщина подвинула корзину ближе к себе и нагнулась, чтобы опять ее наполнить. Тоненькая седая косичка сползла ей на плечо. «Такие волосы Раджараму не сгоди-

лись бы», — промелькнуло в голове у Ишвара. С движением лопаты ее пластиковые браслеты глухо постукивали, как слабое эхо работавших молотками детей. На ее плечах от напряжения выступил пот. Позади себя Ишвар увидел целую цепь женщин, собирающих в корзины гравий. Он наклонился, чтобы помочь женщине и сгладить свою неуклюжесть и стал насыпать гравий руками.

— Наполнять корзину — мое дело, твое — носить.

— Не беспокойся — я не возражаю.

— Надсмотрщику это не понравится.

Ишвар остановился и спросил у женщины, давно ли она занимается таким тяжелым трудом.

— С детства.

— Платят хорошо?

— Достаточно, чтобы не умереть с голоду.

Женщина показала ему, как надо держать голову и плечи, когда несешь корзину, и они вдвоем подняли груз. Ишвар покачнулся, но сумел удержаться на ногах.

— Научишься держать равновесие, будет легче, — ободрила его женщина и указала путь к бетономешалке. Неверной походкой, ковыляя и спотыкаясь, Ишвар достиг цели и высыпал

гравий. Потом вернулся с пустой корзиной к женщине, которая снова насыпала камни. И так — много раз.

После нескольких походов с него ручьем стекал пот, земля плыла под ногами. Он спросил у надсмотрщика, можно ли выпить воды, но тот ответил, что надо ждать водоноса.

— Придет время — напьешься.

Под зорким взглядом надсмотрщика женщина старалась как можно дольше наполнять корзину. Ишвар был благодарен ей за лишнюю минуту отдыха. Закрыв глаза, он сделал несколько глубоких вдохов.

— Наполняй до краев! — крикнул надсмотрщик. — Тебе платят за полные корзины! — Женщина бросила в корзину еще четыре лопаты. Поднимая лопату, она старалась стряхнуть часть гравия.

Спотыкаясь, Ишвар ходил туда-сюда, стараясь превозмочь головокружение и не упасть. В голове не было ни одной мысли. От взрывных работ поднимались клубы пыли, и женщины закрывали носы полами сари. Если бы не прекращающийся стук молотков, указывающих направление, думал Ишвар, он заблудился бы в этой пыли. Даже, когда туман рассеивался, ощущение слепоты

оставалось. Ишвар продолжал идти на стук словно вдоль протянутой веревки.

Казалось, прошло тысячу лет до появления водоноса. Стук молотков прекратился. Ишвар услышал причмокивание пересохших губ еще до того, как увидел самого человека с раздувшимся, похожим на бурое животное бурдюком на плече. Кожаная лямка глубоко впилась в его кожу. Слепой неуверенно ступал под неимоверной тяжестью. Тот, кто хотел пить, останавливал его рукой. Слепой тихо пел сложенную им песню:

— О, позови меня
И я утолю твою жажду,
Но кто же, кто исцелит
Мои высохшие глаза?

Встав на колени перед слепцом, Ишвар направил струю из бурдюка себе в рот и жадно пил. Потом обрызгал холодной водой распаренное лицо. «Эй, — крикнул надсмотрщик, — не трать воду зря! Она только для питья». Ишвар поспешно поднялся и вернулся к корзине с гравием.

Когда водонос подошел к месту, где работал Ом, бурдюк стал значительно легче. Теперь и слепой передвигался не с таким трудом. Первыми напились мужчины, которые рыли ров, а потом

женщины, относившие землю. Маленькие дети играли тут же. Женщины поили малышей из сложенных ковшиком ладоней.

Ом провел мокрыми пальцами по голове, заглаживая назад волосы. Потом вытащил оставшуюся половину расчески и причесался. «Эй, красавчик! — заорал надсмотрщик. — А ну, принимайся за работу!»

Ом убрал расческу и с нежеланием вернулся к работе. Он наслаждался моментами, когда женщины наклонялись за выкопанной землей, и их груди показывались из сари. Установив на голове груз, они поправляли сари и уходили, высокие и стройные, красиво покачивая бедрами. Вот так же двигалась у колодца Шанти с латунным котелком на голове.

Время шло, и женщины перестали отвлекать Ома от изнурительной, тяжелой работы. Согнувшись пополам в канаве, он сражался с каменистой почвой, держа киркомотыгу в руках, которые привыкли к ножницам и игле. Только страх показаться слабаком в глазах женщин поддерживал его силы. Волдыри, образовавшиеся уже в первые минуты работы, стали вскрываться. Он не мог выпрямить спину, а плечи горели.

Кто-то из малышей заплакал. Мать отставила

корзину и подошла к нему. «А ну-ка вернись, лентяйка! — крикнул надсмотрщик. — Продолжай работать!»

— Но ребенок плачет. — Женщина взяла ребенка на руки. Слезы грязными струйками стекали по щечкам малыша.

— Для детей плакать — обычное дело. Поплачут и перестанут. Это не повод прекращать работу. — Надсмотрщик направился к женщине и, казалось, собирался забрать у нее ребенка. Мать осторожно опустила малыша на землю и оставила играть одного.

Когда раздался гудок, зовущий к обеду, и Ом, и Ишвар были настолько обессиленными, что не чувствовали себя в состоянии есть жидкую бурду из овощей. Однако понимая, что это необходимо — иначе до конца дня не продержаться, — они побыстрей проглотили пищу и свалились в тени от лачуги, чтобы немного отдохнуть.

Гудок возвестил о конце перерыва. Уже через несколько минут портных затошнило и начало отчаянно рвать. По времени это длилось не меньше, чем сам обед. Головы закружились, и они рухнули на землю, не в силах двигаться. Только лежа они чувствовали, что тошнота отступает.

Надсмотрщик пнул портных несколько раз,

подергал за воротники и потряс за плечи. Портные стонали и просили их извинить. Послали за бригадиром.

— Что на сей раз? Решили изводить нас своими причудами?

— Мы больны, — сказал Ишвар и в качестве доказательства указал на две лужицы рвоты, которые в настоящий момент внимательно исследовала ворона. — Мы не привыкли к такой работе.

— Ничего, привыкнете.

— Нам надо поговорить с начальником.

— Его сейчас нет. — Бригадир ухватил Ишвара под мышку и стал поднимать. Шатаясь из стороны в сторону, Ишвар встал с испачканным блевотиной ртом и качнулся к бригадиру. Тот, боясь замараться, поспешно отшатнулся. — Ладно. Немного поспите. Зайду к вам позже.

До конца дня портных никто не беспокоил, и они лежали у себя в лачуге. Когда стемнело, стало слышно, как люди направляются в сторону кухни. Ишвар спросил Ома, хочет ли тот есть. «Да, я проголодался», — ответил юноша, и портные попробовали подняться. Но головокружение не проходило, и они снова упали на матрас, не сопротивляясь подступающей дремоте.

Позже подкатил нищий на тележке, он принес им еду. Передвигался нищий осторожно, стараясь не расплескать миску с обедом, которую удерживал на своих обрубках.

— Я увидел, что вам стало плохо. Ешьте и набирайтесь сил. Но жуйте хорошенько, не торопитесь.

Портные поблагодарили его за помощь. Нищий с удовольствием смотрел, как они приступили к еде, но сам отказался присоединиться.

— Я уже поел.

Ишвар выпил всю воду, и нищий заторопился принести еще.

— Подожди, — остановил его Ом. — Я сам принесу. Мне уже лучше.

Но нищий ничего не слушал и вскоре вернулся с полной кружкой. Он спросил, не хотят ли они еще чапати.

— Я свел знакомство на кухне, и могу принести, сколько захотите.

— Нет, друг, мы сыты, спасибо, — поблагодарил нищего Ишвар и спросил, как его зовут.

— Все называют меня Червяком.

— Почему?

— Я же говорил. Пока хозяин не подарил мне тележку, я повсюду ползал.

— Но сейчас у тебя есть тележка. Какое твое настоящее имя?

— Шанкар.

Он пробыл у портных еще с полчаса, рассказывая об ирригационном проекте, с которым сегодня весь день знакомился. Потом посоветовал им поскорее заснуть, чтобы набраться сил перед завтрашней работой. Через несколько минут они уже похрапывали, и нищий покатил прочь, улыбаясь счастливой улыбкой.

Глава девятая. Закон есть закон

На улице к Дине подошла женщина и украдкой показала на корзину. «Не нужны помидоры, госпожа? — шепнула она. — Крупные, спелые помидоры»?

Дина покачала головой. Она, как обычно, отправилась на поиски портных, ей было не до помидоров. Немного дальше в нише дома мужчина продавал кожаные бумажники, другой предлагал связку бананов. Все были настороже, опасаясь полиции. На земле валялось то, что осталось от снесенных ларьков.

Дина обошла несколько опустевших улиц — чрезвычайное положение положило конец кипевшей там активности. Она утешала себя тем, что, возможно, так будет легче найти замену Ишвару и Ому: портным, продававшим свои изделия через ларьки, придется искать другие варианты сбыта.

Отдавая последнюю партию платьев в «Оревуар экспортс», Дина как бы между прочим сказала миссис Гупта, что ее портные взяли двухнедельный отпуск. Но две недели подошли к концу,

и Дина поняла, что была непростительно оптимистична. Предстояло сказать менеджеру, что возобновление работы опять откладывается.

Дина начала с того, что похвалила прическу миссис Гупта.

— Вы прекрасно выглядите. Наверное, только из салона красоты?

— Вовсе нет, — ворчливо отозвалась миссис Гупта. — Мне пришлось идти в незнакомое место. Зенобия не приняла меня.

— Что случилось?

— У меня была срочная встреча, а Зенобия сказала, что у нее расписаны все часы. Отказала мне — постоянному клиенту.

«Какое неудачное начало разговора», — подумала Дина.

— Кстати, мои портные задерживаются.

— Это очень нежелательно. И надолго?

— Точно не скажу. Может, еще недели на две. В деревне заболели.

— Обычные выдумки. Сколько рабочих дней мы теряем из-за таких вот объяснений! А сами, наверно, пьют и танцуют в своей деревне. По экономическому развитию мы страна третьего мира, но по части абсентеизма и забастовкам стоим на первом месте.

«Какая глупая женщина, — подумала Дина. — Знала бы она, как усердно трудились бедняги Ишвар и Ом и как настрадались они в жизни».

— Ну, ничего, — продолжала миссис Гупта. — Чрезвычайное положение — хорошее лекарство для нации. Оно всех отучит от дурных привычек.

Мысленно пожелав, чтобы головка менеджера излечилась от безмозглости, Дина согласилась:

— Да, было бы замечательно.

— Хорошо, еще две недели, но больше никаких отсрочек, миссис Далал. Проволочки — побочный продукт беспорядка. Запомните: строгие правила и твердое руководство — верный путь к успеху. Отсутствие дисциплины — порождение хаоса, а плоды дисциплины бесценны.

Дина слушала менеджера, не веря своим ушам. Интересно, эти рожденные чрезвычайным положением лозунги стали ее официальным руководством или просто хобби? А может, она «перекормлена» текстами правительственных транспарантов и плакатов и уже не может говорить нормальным языком?

Дина ни на минуту не забывала ультиматума менеджера, а тем временем началась вторая неделя, и в назначенный день появился сборщик ренты. Он поднес правую руку к малиновой

феске, как бы намереваясь ее поднять. Однако закостеневший плечевой сустав не дал ему возможности приветствовать хозяйку по полной форме. Рука опустилась на воротник черного шервани и поправила его, как бы завершив неполноценное приветствие.

— А, сборщик квартплаты, — презрительно фыркнула Дина. — Подождите, сейчас принесу деньги.

— Спасибо, сестра, — довольно улыбнулся Ибрагим, но дверь тут же закрылась. Он отпустил воротник и почесал испачканный табаком нос. Часть пылинок осталась над тщательно выбритой верхней губой, часть застряла в густой седой бороде.

Ибрагим нащупал во внутреннем кармане шервани носовой платок, потянул его за кончик, потом вытер лоб и сунул платок в карман брюк, стараясь, чтобы он не торчал наружу.

Вздохнув, он прислонился к стене. Середина дня, а он уже никуда не годится. Даже если рано закончит обход, идти ему некуда: с девяти утра до девяти вечера он сдавал комнату одному фабричному, работавшему в ночную смену. Обреченный бродить по улицам Ибрагим сидел на скамейках в парке или на автобусных остановках с крытым

верхом, пил чай в угловых палатках, дожидаясь времени, когда можно вернуться домой и завалиться в постель, пахнувшую фабричным рабочим. И это жизнь? Или чья-то злая шутка? Он уже не верил, что когда-нибудь в его жизни установится равновесие. Достаточно и того, что его котелок не пуст, что в нем варится еда. Теперь он не ждал ничего большего от Создателя.

Ибрагим решил, пока он стоит у дверей, найти квитанцию Дины. Осторожно стал стягивать с папки резиновую ленту. Довел ее почти до конца, но потом она со щелчком соскочила, ударила его по носу, и он от неожиданности уронил папку.

Содержимое папки рассыпалось. Ибрагим опустился на колени, чтобы собрать драгоценные документы. Руки его дрожали от волнения. Из двух бумаг одна проскальзывала у него между пальцами. Легкий ветерок угрожающе шуршал бумагами, и Ибрагим запаниковал. Он стал руками сгребать бумаги, не обращая внимания, что они мнутся.

Дина отворила дверь, держа в руке деньги. Сначала ей показалось, что старик упал, и она бросилась на помощь. Затем, поняв, что произошло, выпрямилась, спокойно наблюдая за мучениями врага.

— Извините, — жалко улыбнулся Ибрагим, глядя на нее снизу вверх. — Что поделать! К старости становишься неловким. — Ему наконец удалось запихнуть все в пластиковую папку. Резиновую ленту он для надежности оставил на запястье. Поднявшись на ноги, Ибрагим пошатнулся. Дина быстро среагировала и удержала старика.

— Не беспокойтесь. Ноги у меня еще работают.

— Вот, пожалуйста. Сосчитайте. — И Дина невозмутимо передала ему деньги.

Ибрагим, сжимая двумя руками ненадежную папку, не смог взять деньги. Он внимательно прислушался, не раздастся ли за дверью стрекот швейных машин. Ни звука.

— Сестра, пожалуйста, разрешите присесть на минутку, чтобы найти вашу квитанцию. А иначе все опять рассыплется. Руки все еще дрожат.

Потребность в стуле была очевидной, Дина это понимала, и старик постарается ею воспользоваться.

— Конечно, — сказала она, широко раскрывая дверь. Сегодня ей терять было нечего.

От волнения Ибрагима опять бросило в дрожь. Наконец, после долгих месяцев осады он оказался в этой квартире.

— Бумаги перепутались, — сказал Ибрагим, как

бы оправдываясь, — но я найду вашу квитанцию, сестра.

Он снова прислушался, но если портные и были в задней комнате, они сидели тихо, как мыши.

— Да вот и она, сестра. — Имя и адрес были уже внесены в квитанцию, ему осталось только вписать внесенную сумму и поставить дату. Подпись в виде закорючки на гербовой марке внизу, и деньги получены.

— Пересчитайте, пожалуйста.

— Нет необходимости, сестра. Если не доверять жильцу с двадцатилетним стажем, то кому тогда доверять? — Но пересчитывать все-таки стал. — Только чтобы доставить вам удовольствие. — Из внутреннего кармана шервани он вытащил пухлую пачку банкнот и прибавил к ней деньги Дины. Пачка, как и пластиковая папка, была перехвачена резинкой.

— Раз уж я здесь, может, вам чем-то помочь? — предложил Ибрагим. — Краны не текут? Ничего не вышло из строя? Как там штукатурка в задней комнате?

— Мне трудно сказать. — «Какая наглость, — подумала Дина с возмущением. — Жильцы годами жалуются на неисправности, а этот плут с его фальшивой улыбкой использует жалобы как

предлог тщательно осмотреть квартиру». — Взгляните сами.

— Если хотите, сестра.

В задней комнате Ибрагим простукал стены костяшками пальцев.

— Штукатурка в хорошем состоянии, — пробормотал он, не сумев скрыть разочарования при виде закрытых швейных машин. Затем, словно впервые заметив «зингеры», спросил: — У вас что, две машинки в этой комнате?

— Мне кажется, закон не запрещает иметь две швейные машины, разве не так?

— Конечно, нет. Я так просто спрашиваю. Хотя теперь с введением этого сумасшедшего чрезвычайного положения, никогда не знаешь толком, что разрешено, а что нет. Правительство удивляет нас каждый день. — Ибрагим глухо засмеялся, и Дина задалась вопросом, нет ли в его словах скрытой угрозы.

— В одной машинке тонкая игла, а в другой — толстая, — мгновенно сообразила Дина. — Кроме того, разные педали и напряжение. Я много чего себе шью — занавески, простыни, платья. Для этого нужные разные машины.

— Мне они кажутся одинаковыми, но я ничего не понимаю в рукоделии. — Они перешли в

комнату Манека, и тут Ибрагим решил, что пора позабыть о деликатности. — Наверное, молодой человек живет здесь?

— Что?

— Молодой человек, сестра. Тот, что у вас на пансионе.

— Как вы смеете! Как можете такое даже предполагать! Чтобы я пустила в свою квартиру молодого человека! За кого вы меня принимаете? Только потому…

— Да нет, что вы!

— Не смейте меня оскорблять, да еще и прерывать! Только потому, что я бедная, беззащитная вдова, люди думают, что могут говорить всякие гадости! Все вы смелые, когда речь идет о том, чтобы обидеть слабую, одинокую женщину!

— Но, сестра, я…

— Что случилось с мужчинами? Вместо того чтобы защищать честь женщин, они порочат и бесчестят невинных. А вы! Седобородый пожилой мужчина говорит такие непристойные вещи! У вас что, нет матери, дочери? Постыдились бы!

— Пожалуйста, простите, я не хотел сказать ничего плохого. Я только…

— Легко говорить «ничего плохого», когда вред уже нанесен!

— Нет, сестра, какой вред? Глупый старик повторяет разные сплетни и искренне просит прощения.

Схватив пластиковую папку, Ибрагим поспешил уйти. Попытка приподнять на прощанье феску провалилась, как и в первый раз, и кончилась тем, что он снова подержался за воротник шервани.

— Спасибо, сестра, спасибо. С вашего разрешения навещу вас в следующем месяце. Ваш покорный слуга.

Дина хотела было отругать его за фамильярное обращение «сестра». Все-таки он легко отделался. Остановило ее то, что Ибрагим был старым человеком. Будь он помоложе, была бы ему взбучка.

Днем Дина изобразила Манеку эту сцену в лицах, а некоторые моменты даже, по его просьбе, повторила. Особенно рассмешило его изображение горького женского удела.

— Показать, в какой позе я стояла, когда говорила о своей беззащитности и угнетенности? — Дина скрестила руки и положила на плечи, закрыв грудь. — Вот так я стояла. Как будто он собирался напасть. Бедняга действительно устыдился. Я была очень жестокой, но он это заслужил.

Однако через некоторое время в их смехе зазву-

чали нотки отчаяния, как бывает, когда нарезают тонко хлеб, чтобы от этого казалось, что его больше. Неожиданно в комнате наступила тишина. Визит сборщика ренты не был хорошим поводом для веселья.

— Смех смехом, а деньги уплыли, — сказала Дина.

— Зато за квартиру заплачено, за воду и электричество — тоже.

— Электричеством сыт не будешь.

— Возьмите мои карманные деньги, в этом месяце они мне не понадобятся, — сказал Манек и достал бумажник.

Дина наклонилась и потрепала его по щеке.

Пролетели еще две недели — словно их отстрочили на «зингерах», которые были так востребованы в прежние счастливые дни. Дина не успела заметить, как в ее памяти дни, проведенные с Ишваром и Омом, несмотря на все разногласия, споры, их медлительность в работе, ссоры, кривые швы, стали чем-то драгоценным, о чем вспоминаешь с тоской.

В конце месяца пришел служащий магазина, где портные взяли в кредит швейные машины. Очередной взнос был просрочен. Дина показала служащему машины, чтобы он убедился, что с

ними все в порядке, и попросила об отсрочке.

— Не беспокойтесь, портные сразу внесут несколько платежей. Их просто задержали на родине срочные дела.

Ежедневные поиски новых портных ни к чему не приводили. Иногда Дину сопровождал Манек, и она была благодарна ему за компанию. В его обществе эти скитания проходили не так безотрадно. Манек был только рад пропустить занятия, и делал бы это чаще, если б не угрозы Дины написать об этом родителям.

— Не создавай мне лишних проблем, — сказала она. — Если к следующей неделе я не найду двух портных, придется идти к Нусвану занимать денег на оплату квартиры. — Ее даже передернуло от такой перспективы. — Надо будет выслушивать опять всякую чушь — я тебе рассказывала — о новом замужестве, о том, что упрямство приносит одно несчастье.

— Хотите, я пойду вместе с вами?

— Было бы хорошо.

По вечерам они занимались покрывалом. Обрезки потихоньку таяли, ведь новые ткани теперь не поступали, и Дине приходилось пускать в ход не совсем подходящие клочки, вроде тонкого шифона. Из него она делала маленькие

прямоугольники, которые вшивала в более плотную ткань. Когда кончился и шифон, покрывало перестало расти.

«С приездом», — приветствовал бригадир посредника, когда тот привез в рабочий лагерь новую партию бездомных.

Посредник поклонился и преподнес бригадиру огромную, завернутую в целлофан коробку сушеных фруктов. Он имел неплохой доход, отдавая далеко не все сержанту Кезару из тех денег, что получал от бригадира. Не подмажешь — не поедешь.

Сквозь прорези в крышке были видны орехи кешью, фисташки, изюм и курага.

— Вашей жене и детям, — сказал посредник и прибавил: — Пожалуйста, возьмите, не отказывайтесь, — когда бригадир жестом показал, что подношение не обязательно. — Это всего лишь маленький знак внимания.

Руководитель проекта тоже был доволен приездом новых работников. Фонд заработной платы предоставили в полное его распоряжение. Бесплатный труд был малоэффективным, но где недоставало качества, брали количеством. Расширяющемуся ирригационному проекту больше не требовались платные работники.

Некоторых из них уволили, а оставшиеся почувствовали угрозу. В притоке голодных, изможденных, высохших людей они увидели вражескую армию. Сначала, наблюдая как тяжело даются новичкам простые задачи, поденщики смотрели на них с жалостью и любопытством, но со временем поняли, что те могут стать захватчиками, посягающими на рабочие места. И тогда обратили на них свой гнев.

Притеснения новичков шли, не кончаясь. Оскорбления, толчки и пинки были в порядке вещей. Из рва вдруг могла показаться лопата, чтобы подставить новенькому подножку. С лесов и высоких платформ вниз, словно птичий помет, летели плевки, только они были гораздо точнее. За едой как бы невзначай новичкам переворачивали тарелки, а так как, согласно правилам, вторую порцию не давали, то несчастным приходилось есть с земли. Многие рылись в этих помоях, но жидкий чечевичный суп мгновенно впитывался в землю. Удавалось спасти только чапати и отдельные кусочки овощей.

Все жалобы бригадиром игнорировались. Сверху рабочий процесс казался начальству нормальной деятельностью, не требовавшей вмешательства руководства.

К концу первой недели Ишвару и Ому казалось, что они уже вечность находятся в аду. Портные с трудом просыпались при звуке гудка на рассвете и, превозмогая головокружение, поднимались с матрасов. После кружки крепкого, круто заваренного чая они немного приходили в себя, но весь день ходили пошатываясь, слыша угрозы и оскорбления от надсмотрщиков и поденных рабочих. После ужина они сразу засыпали, убаюканные на худых коленях усталости.

Однажды, когда портные спали, у них украли сандалии. Они подозревали, что это сделал кто-то из соседей по лачуге. Босые, пошли они к бригадиру в надежде, что им дадут какую-нибудь замену.

— Надо быть внимательнее, — сказал бригадир, наклоняясь, чтобы застегнуть свои сандалии. — Не могу же я сторожить вашу обувь. Впрочем, это не большая потеря. Отшельники и факиры всегда ходят босиком. И М. Ф. Хусейн[111] тоже.

— А кто такой М. Ф. Хусейн? — спросил робко Ишвар. — Министр в правительстве?

— Он очень известный в нашей стране художник. И никогда не носит обувь, чтобы не утратить

---

[111] Примечания: 111

М. Ф. Хусейн (1915–2011) — индийский художник, обретший мировое признание. С 1940-х гг. ассоциируется с индийским модернизмом.

контакт с Матерью Землей. Так зачем вам сандалии?

Во всем лагере не нашлось для них никакой обуви. Портные еще раз заглянули в лачугу, надеясь, что кто-то взял сандалии по ошибке. А потом осторожно пошли к месту работы, стараясь избегать острых камней.

— Скоро у меня подошвы будут как в детстве, — сказал Ишвар. — Твой дедушка Дукхи никогда не носил сандалии. А мы с твоим отцом купили себе первую пару, когда закончили обучение у дяди Ашрафа. К тому времени наши подошвы были как дубленая кожа, будто над ними поработали чамары.

Вечером Ишвар заявил, что его подошвы огрубели. Он с удовлетворением осмотрел пропыленную кожу, радуясь появлению мозолей на пальцах. Но для Ома все это было мучением. Он никогда не ходил босиком.

В начале второй недели у Ишвара даже после утренней кружки чая не прекратилось головокружение, а под палящим солнцем оно усилилось. Солнце словно било его по голове огромным кулаком. К полудню он споткнулся и упал в канаву с корзиной гравия.

— Отведите его к доктору, — приказал над-

смотрщик двум мужчинам. Ишвар оперся на их плечи и запрыгал на одной ноге к медицинскому пункту.

Ишвар не успел еще сказать, что с ним случилось, а мужчина в белом халате уже повернулся к стоящим в ряд бутылочкам и колбочкам. Большинство из них были пустые, но зрелище все равно было впечатляющим. Он взял какую-то мазь, в то время как Ишвар поднял ногу, чтобы показать ему ушибленную лодыжку.

— Господин доктор, вот здесь больно.

Мужчина попросил его опустить ногу.

— Не беспокойся, перелома нет. Эта мазь поможет.

Доктор разрешил ему остаток дня отдыхать. В лачуге с Ишваром постоянно находился Шанкар, оставляя его только для того, чтобы отъехать за едой и чаем.

— Нет, отец, не вставай, просто скажи мне, что тебе нужно.

— Отлить мне нужно.

Шанкар сполз с тележки и подвинул ее к Ишвару.

— Не стоит тебе опираться на больную ногу, — сказал он.

Ишвар был тронут тем, что калека так бес-

покоится о его ноге. Он осторожно уселся на платформу, скрестив ноги, и покатился, отталкиваясь руками как Шанкар. Оказалось, что это совсем не просто. За время поездки до уборной и обратно у него разболелись плечи.

— Понравилась тебе моя тележка? — спросил Шанкар.

— Очень удобная.

На следующий день Ишвару пришлось подняться с матраса и отправиться на гравиевые разработки. Надсмотрщик поставил его на погрузку вместе с женщинами, позволив не носить корзины.

— Эту работу можно делать сидя, — сказал он.

На проекте случались травмы и посерьезнее, чем у Ишвара. Слепая женщина, которую поставили дробить камни, после нескольких дней успешной работы, раздробила себе молотком пальцы. Ребенок упал с лесов и сломал обе ноги. Безрукий мужчина, носивший на спине мешки с песком, повредил себе шею, когда перевязь соскользнула.

К концу недели многие новички были признаны бригадиром бесполезными. Доктор всех лечил своей любимой мазью. Иногда, в приливах вдохновения он накладывал шины и делал перевязки.

Шанкару вменили в обязанность развозить больным пищу. Тот был в восторге от поручения, с нетерпением дожидался времени приема пищи и с радостным чувством ответственности носился на своей тележке от горячей печки к лачугам, из которых неслись жалобные стоны. Всюду искалеченные люди встречали его с благодарностью, благословляя за помощь.

Ему на самом деле хотелось ухаживать за своими подопечными и облегчать их страдания, чего, похоже, не умел делать доктор. «Не думаю, что он хороший врач, — признался Шанкар Ишвару и Ому. — У него одно лекарство на все случаи».

На протяжении долгих жарких дней больные кричали, звали на помощь, и Шанкар их успокаивал, обмывал водой потные лица, питал несчастных надеждой на выздоровление. Вечером, когда в лагерь возвращались голодные и измученные работники, их раздражал непрерывный стон больных. Он не прекращался и ночью, мешая здоровым спать. В конце концов кто-то пошел жаловаться.

Бригадир в раздражении, что его разбудили, сделал больным выговор.

— Доктор хорошо о вас заботится. Чего вы еще хотите? Вы думаете, в больнице вам будет лучше,

чем здесь? Больницы переполнены, уход там плохой, медсестры оставят вас в вонючих коридорах гнить заживо. Здесь, по крайней мере, вы лежите в чистом месте.

Спустя несколько дней бригадиру, испытывающему недостаток в рабочей силе, пришлось восстановить на работе уволенных поденщиков. Они быстро осознали, как можно решить свою проблему: нужно выводить из строя новичков, и рабочие места останутся за ними.

Враждебность по отношению к нищим и бездомным все возрастала. Поденщики спихивали их с лесов и толкали в канавы, ранили, неосторожно размахивая киркомотыгами, и скатывали на них большие камни. Количество несчастных случаев резко возросло. Шанкар не возражал против новых обязанностей. Он вкладывал в них всю душу.

Теперь управляющий проектом взглянул по-новому на жалобы потерпевших. Он увеличил штат охранников и приказал им постоянно, а не только вечерами патрулировать район работ. Поденщиков предупредили, что небрежность и неосмотрительность в работе будут караться увольнением. Количество несчастных случаев уменьшилось, но лагерь стал похож на воору-

женную крепость.

Когда посредник в очередной раз привез новую партию бездомных, бригадир пожаловался, что бесплатный труд не приносит большой выгоды. И даже слукавил, что нищих доставили уже увечными.

— По твоей милости я кормлю и предоставляю кров никуда не годным инвалидам.

Посредник открыл регистрационный блокнот и показал бригадиру записи, относящиеся к физическому состоянию задержанных нищих.

— Признаю, было несколько больных. Но это не моя вина. Полицейские запихивали в грузовик всех подряд — и здоровых, и полумертвых.

— В таком случае больше никого не привозите.

Посредник попытался успокоить бригадира и спасти бизнес.

— Дайте мне несколько дней, и я все улажу. Уверен, вы не будете терпеть убытки.

А тем временем последняя партия ожидала, когда их выпустят на волю. Среди них было много уличных артистов — жонглеров, музыкантов, акробатов и фокусников. Бригадир дал им свободу выбора — вкалывать на проекте, как остальные бездомные, или развлекать население лагеря за кормежку и жилье.

Как и ожидал бригадир, артисты выбрали последний вариант. Их поселили отдельно от остальных и велели сегодня же вечером дать представление. Управляющий проектом согласился с предложением бригадира. «Развлечение пойдет на пользу моральному духу работников, — решил он, — поможет разрядить обстановку и положит конец распрям».

Представление началось после ужина в районе кухни, где был свет. Капитан из охраны согласился руководить мероприятием. Вначале шли акробатические номера, жонглирование деревянными булавами и воздушная гимнастика. Потом последовала музыкальная интерлюдия, и артисты исполнили патриотические песни, чему управляющий проектом аплодировал стоя. Затем муж и жена показали номер «человек-змея», который всем понравился, их сменил фокусник с картами, а потом опять вышли акробаты.

Сидевший рядом с портными Шанкар был в восторге от представления, он возбужденно подпрыгивал на тележке и от всей души аплодировал, хотя забинтованные кисти производили только глухой шум. «Хотелось бы, чтобы все получили удовольствие», — повторял он время от времени, думая о больных в жестяных лачугах. В

моменты тишины, когда кто-нибудь из артистов манипулировал с ножами и саблями или балансировал на проволоке, и зрители замирали от страха, из лачуг доносились стоны.

Управляющий проектом одобрительно кивал бригадиру: затея удалась. В тени ждал своей очереди артист, завершающий представление. Убрали весь реквизит, и капитан объявил, что под конец зрители увидят поразительный номер редкого балансирования. И тут циркач вышел из тени.

— Так это же хозяин обезьян! — воскликнул Ом.

— И двое детей его сестры, — прибавил Ишвар. — Должно быть, покажет новый номер, о котором он раньше говорил.

Вначале дети не принимали участие в выступлении. Хозяин обезьян жонглировал разными предметами, но зрители такое уже видели и особого восторга не проявили. Тогда он пригласил выйти мальчика и девочку и поднял их — каждого на отдельной ладони. Дети были простужены и чихали. После артист привязал детей к концам пятнадцатифутового шеста, сам лег на землю и удерживал шест на голых подошвах. Придав равновесие шесту, он стал крутить его пальцами

ног. Дети вращались на некоем подобии карусели — сначала медленно, потом — все быстрее и быстрее. Они свисали тихо и безвольно, постепенно превращаясь в размытое пятно.

Одобрительные возгласы смолкли, зрители почувствовали волнение и неуверенность. Затем раздались поспешные аплодисменты, словно дань уважения артисту могла привезти к скорому окончанию опасного трюка или, по крайней мере, спасла бы детей.

Шест медленно опускался и наконец замер. Хозяин обезьян отвязал детей и утер им мордашки: центробежная сила размазала сопли по их лицам. Затем положил их лицом к лицу на землю и на этот раз привязал обоих к концу шеста. Проверив прочность узлов, он поднял шест за другой конец.

Дети взмыли вверх высоко над землей. Свет с кухни не доходил до их лиц. Зрители затаили дыхание. Хозяин обезьян поднял шест еще выше и, когда колебания стихли, поставил конец шеста на ладонь. Мускулы на его руке задрожали. Он двигал рукой вперед и назад, отчего оконечность шеста раскачивалась, как верхушка дерева при ветре. Затем легкое движение — и шест уже балансировал на большом пальце его руки.

Вопли протеста раздались со стороны зрителей. Сомнения и укоризна заполнили темноту вокруг хозяина обезьян. А тот, увлеченный делом, ничего не слышал. Он ходил по светлому кругу, потом стал бегать, перебрасывая шест с руки на руку.

— Слишком опасно, — сказал Ишвар. — Радости это не доставляет. — Шанкар тоже покачал головой. Он сидел на тележке, словно загипнотизированный, покачиваясь туловищем в такт шесту.

— Лучше бы он продолжал работать с обезьянами, — согласился Ом, не спуская глаз с крошечных фигурок в небе.

Хозяин обезьян откинул назад голову — и шест закачался у него на лбу. Люди в гневе повскакали с мест.

— Прекратите это! — крикнул кто-то. — Прекратите, пока он их не убил!

Все его поддержали.

— Бесстыжий сукин сын! Мучает невинных детей!

— Негодяй! Покажи это бездушным богачам! Нам такого не надо!

Крики привлекли внимание хозяина обезьян, который поспешно опустил шест и отвязал детей.

— В чем дело? — испуганно спрашивал он. — Я не сделал им ничего плохого. Спросите сами. Им это нравится. Всем надо зарабатывать себе на жизнь.

Но возмущенный шум не смолкал, не давая ему возможности оправдаться. Людей не столько возмутил хозяин обезьян, сколько бригадир, организовавший это жестокое представление, и они кричали ему:

— Изверг! Чудовище! Ты хуже Рейвена[112]!

Охранники быстро отправили разгневанных людей по лачугам спать, а руководитель проекта теперь уже не благодарил бригадира, а ругал его и грозил пальцем.

— Ты ошибся в этих людях. Они не способны ценить добро. Тут же сядут тебе на голову. Им нужен только тяжелый труд.

На этом развлечения кончились. На следующий день уличных актеров распределили по разным бригадам и отправили на работу. Хозяина обезьян особенно невзлюбили, и не успела закончиться неделя, как с ним произошел несчастный случай — ему проломили голову. Ишвар и Ом жалели беднягу — они знали, какое на самом деле у него

---

[112] Примечания: 112

Рейвен — наполовину демон, наполовину человек.

доброе сердце.

— Помнишь предсказание старухи? — сказал Ом. — В тот день, когда погибли его обезьяны?

— Помню, — ответил Ишвар. — Она сказала, что убийство собаки не самое страшное, что он совершит. Но сейчас, похоже, его самого чуть не убили.

Две недели спустя посредник приехал снова на ирригационные работы с неким человеком, про которого сказал: «Вот тот, кто разрешит ваши вышедшие из строя трудовые проблемы».

Бригадир и посредник посмеялись этой незамысловатой шутке, но лицо незнакомого мужчины осталось серьезным, на нем даже промелькнула тень неодобрения.

Они направились к лачугам, где лежали обессиленные, искалеченные люди — сорок два человека. Шанкар сновал между ними — одного погладит по голове, другого похлопает по спине, кому-то шепнет слова утешения. От запаха гноящихся ран и немытых тел, который проникал даже через двери, бригадира затошнило.

— Если понадоблюсь, я буду в офисе, — извинился он.

Незнакомец сказал, что ему надо хотя бы мельком взглянуть на увечья, чтобы оценить их

потенциальные возможности.

— Только тогда я смогу сделать разумное предложение.

Они вошли в первую лачугу и поначалу ничего не видели, оказавшись в полутьме после яркого солнца. Шанкар подкатил на платформе, чтобы узнать, кто пришел. Вытянув шею, он издал удивленный возглас.

— Кто это? — спросил гость. — Неужели Червяк? — Его глаза еще не приспособились к темноте, но он расслышал знакомое постукивание при движении колес. — Так вот где ты. А я все думаю, куда ты подевался.

Шанкар подкатил к ногам мужчины, отчаянно молотя по земле култышками.

— Хозяин! Меня увезла полиция! Я не хотел ехать! — Он вцепился в ноги мужчины с рыданиями, в которых звучали волнение и облегчение. — Хозяин, простите меня! Я хочу домой!

Новая ситуация подстегнула больных, они громче застонали, закашляли, стараясь привлечь внимание незнакомца и втайне надеясь, что, кто бы он ни был, вдруг его приезд принесет им спасение. Посредник незаметно придвинулся ближе к двери, чтобы глотнуть свежего воздуха.

— Не волнуйся, Червяк, я, конечно, вызволю

тебя отсюда, — сказал Хозяин. — Разве я могу обойтись без моего лучшего нищего? — Быстро обежав взглядом калек, он повернулся, чтобы уйти. Шанкар отправился было за ним, но тот попросил его подождать. — Сначала я должен покончить с делами.

На улице Хозяин Нищих спросил у посредника: «Червяк тоже включен в список?»

— Конечно.

— Я не стану платить за то, что и так мое. Я унаследовал Червяка от отца. Он был у того с младенчества.

— Взгляните на это с другой стороны. Мне пришлось платить за него полицейским.

— Забудьте об этом. Я заплачу две тысячи рупий за всех. Включая Червяка.

Сумма была больше, чем ожидал посредник. Даже принимая во внимание обещанный бригадиру процент от сделки, деньги оставались приличные.

— У нас впереди много работы, — сказал он, с трудом скрывая радость. — Не стоит торговаться. Согласен — две тысячи, и Червяк твой. — И захихикал. — Можете также прихватить клопов и сороконожек.

Недовольство омрачило лицо Хозяина. На этот

раз он жестко осадил посредника:

— Мне не нравится, когда смеются над моими нищими.

— Я не имел в виду ничего плохого.

— И вот еще что. Ваш грузовик должен доставить их назад в город — это входит в оплату.

Посредник согласился. Приведя Хозяина Нищих на кухню, он в знак примирения принес ему чай. А потом пошел искать бригадира, чьи комиссионные надо было обсудить подробнее.

Шанкар работал руками изо всех сил, торопясь сообщить друзьям радостные новости, но его перехватил надсмотрщик, не желавший нарушать ход работ. Он прогнал калеку, топнув ногой, и сделал вид, что замахивается на него камнем. Шанкар отступил.

Дождавшись гудка на обеденный перерыв, он встретил Ишвара и Ома около кухни.

— Представляете, Хозяин нашел меня! Я еду домой!

Ом наклонился и похлопал его по плечу, а Ишвар добродушно сказал:

— Замечательно, Шанкар, не волнуйся! Когда работа закончится, мы все поедем домой.

— Вы не поняли! Я еду домой завтра! Мой хозяин здесь! — Портные все еще не верили ему,

и тогда Шанкар рассказал о случившемся в подробностях.

— А чего ты так рвешься уехать? — спросил Ишвар. — Ты не страдаешь как мы на положении рабов. Бесплатная еда, можешь разъезжать на тележке туда-сюда. Разве побираться на улице лучше?

— Какое-то время мне здесь нравилось — особенно когда я ухаживал за тобой и другими больными. А сейчас уже скучаю по городу.

— Тебе повезло, — сказал Ом. — Нас эта работа точно доконает. Хотелось бы уехать с тобой.

— Я попрошу Хозяина взять вас. Надо с ним поговорить.

— Да, но мы… хорошо, давай поговорим.

Хозяина Нищих они нашли на скамейке у кухни, он пил чай. Шанкар подъехал и подергал его за брючину.

— В чем дело, Червяк? Я ведь просил подождать меня в хижине. — Однако он отставил чай, опустился рядом с нищим на колени, слушал его, кивал, затем, смеясь, взъерошил тому волосы. Потом подошел к портным.

— Червяк сказал, что вы его друзья. Он просит, чтобы я помог вам.

— Пожалуйста, господин, мы будем вам очень

благодарны.

Хозяин Нищих с сомнением смерил их взглядом.

— А опыт у вас есть?

— Конечно. Мы давно в деле, — сказал Ишвар.

Хозяин воспринял его слова скептически.

— Как-то не верится, что оно у вас хорошо идет.

Ом даже обиделся.

— Говорю вам, еще как хорошо! — Он поднял вверх два мизинца, как бы доказывая правдивость своих слов. — На этой тяжелой работе мы обломали длинные ногти, но они снова отрастут. Мы все умеем, мы можем снять мерки с клиента прямо на глаз.

Хозяин Нищих расхохотался:

— Мерки с клиента на глаз?

— Конечно. Мы искусные мастера, не то что всякие…

— Ничего не выйдет. Я думал, вы хотите работать у меня нищими. Портные мне не нужны.

Надежды портных рухнули.

— Мы здесь не на месте — постоянно болеем, — взмолились они. — Увезите нас. Мы заплатим за помощь.

Шанкар поддержал друзей, рассказав, что они

проявляли о нем заботу с того самого момента, как полицейские бросили его в грузовик в ночь облавы, случившуюся почти два месяца тому назад.

Хозяин Нищих и посредник тихо обсуждали между собой возможную сделку. Посредник требовал за каждого портного по двести рупий — только за эту сумму бригадир согласится расстаться с двумя здоровыми работниками — больная нога Ишвара в счет не шла.

Со стаканом чая в руке Хозяин Нищих вернулся к портным.

— Вы сможете поехать с нами, если согласится бригадир. Но вам придется заплатить.

— Сколько?

— Обычно, когда я опекаю нищего, то прошу сто рупий в неделю. Сюда входит ночлег, еда, одежда и защита. Ну и специальные вещи, вроде перевязочного материала или костылей.

— Да, Шанкар, то есть Червяк, рассказывал нам. И каждый раз расхваливал вас, говорил, что вы очень добрый Хозяин. Ему повезло, что вы приехали сюда.

Довольный похвалой Хозяин Нищих прояснил ситуацию без ложной скромности.

— Везение тут ни при чем. Я самый известный

делец в этой области в нашем городе. Естественно, что посредник вступил в контакт со мной. Но вы другое дело, за вами не нужен такой присмотр. Кроме того, вы были добры к Червяку. Платите мне пятьдесят рупий в неделю в течение года, этого будет достаточно.

Сумма потрясла портных.

— Тогда каждому придется заплатить почти две с половиной тысячи!

— Это мое последнее слово.

Портные занялись между собой подсчетами.

— Нужно будет отдавать половину нашего заработка за неделю, — прошептал Ишвар. — Это слишком много, мы не потянем.

— А у нас есть выбор? — сказал Ом. — Ты хочешь погибнуть в этой нараке[113] среди жестоких демонов? Соглашайся.

— Подожди. Попробую поторговаться. — Ишвар подошел к мужчине с видом бывалого человека. — Послушайте, пятьдесят слишком много — может, сойдемся на двадцати пяти.

— Давайте определимся, — проговорил холодно Хозяин Нищих. — Я не торгую на базаре луком и картошкой. Не стоит пытаться сбить цену. — И

---

[113] Примечания: 113
Нарака — ад в буддизме.

он, отвернувшись от них с презрением, сделал шаг обратно к скамье.

— Ну видишь, что ты натворил! — испугался Ом. — Упустили единственный шанс!

Ишвар секунду выждал и заковылял за Хозяином Нищих.

— Мы тут посоветовались. Дороговато, конечно, но мы согласны.

— Вы уверены, что потянете?

— Да, у нас есть работа. Постоянная работа.

Хозяин Нищих отгрыз краешек ногтя большого пальца и сплюнул.

— Бывает, кто-нибудь из моих клиентов исчезает после оказанной ему услуги. Но я всегда нахожу негодяя. И тогда ему плохо приходится. Не забывайте об этом! — Допив чай, он пошел вместе с посредником к бригадиру, чтобы обсудить новый вариант.

После обеда портным совсем не хотелось идти копать канавы и носить гравий. Надежда на свободу отбивала всякое желание надрываться на работе, на них накатила усталость.

— Ну потерпите немного, друзья, — сказал Шанкар. — Остался один денек, не надо неприятностей. Вы ведь не хотите, чтобы вас избили. Не волнуйтесь, бригадир согласится. Мой хозяин

— очень влиятельный человек.

Вдохновленные поддержкой Шанкара, портные нашли в себе силы вернуться на работу. Под конец дня они с нетерпением прислушивались, не раздастся ли песня водоноса. Его появление говорило, что до конца рабочего дня осталось два часа. Выпив воды из бурдюка, они с трудом дотянули до гудка.

Уже смеркалось, когда портные, спотыкаясь, добрели до своей лачуги. Там их поджидал Шанкар, нетерпеливо ерзавший на тележке.

— Все решено, — сообщил он. — Нас забирают завтра утром. Сложите матрасы и будьте наготове. Не пропустите грузовик. А теперь я займусь своими делами.

Шанкар пошел просить у механика масло для колес. Налипший гравий и пыль замедляли ход платформы. Шанкар хотел, чтобы к возвращению на городские улицы тележка была в полном порядке. Он вернулся, прижимая к животу жестяную банку. Ом помог смазать ставший неповоротливым механизм.

Рано утром пришел охранник и велел Шанкару, портным и инвалидам подойти к воротам с вещами. Тех, кто не мог идти, несли мужчины, освобожденные на это время от работы.

Последние всем своим видом демонстрировали недовольство, завидуя свободе, которую обретут инвалиды. Но особенно гневные взгляды достались портным.

— Смотри, Ом, нам еще повезло, — сказал Ишвар, глядя как грузовик заполняется искалеченными людьми. — Ведь мы тоже могли бы лежать здесь с переломанными костями.

Циркач после черепно-мозговой травмы все еще лежал без сознания, и Хозяин Нищих отказался его брать. А детей взяли — по словам Хозяина, у них большой потенциал. Мальчик и девочка упирались, плакали и цеплялись за безжизненно лежащего дядю. Пришлось их оттащить силой и запихнуть в грузовик перед самым отъездом.

Посредник и бригадир обсуждали условия дальнейшего сотрудничества. Потом случилась небольшая задержка. Бригадир настоял, чтобы полученную в лагере одежду вернули, объясняя это тем, что за каждую пару ему придется отчитываться перед начальством.

— Берите, что надо, — сказал Хозяин Нищих. — Только поторопитесь. Мне нужно успеть в храм на службу.

Те, которых принесли, не могли сами раздеть-

ся. Пришлось задержать работников, которые повернули было назад, на каменоломню. Они безжалостно и грубо срывали одежду с несчастных калек, давая выход зависти. Хозяин Нищих не обращал на это внимания. Однако когда очередь дошла до Шанкара, он проследил, чтобы с ним обошлись мягко.

Теперь бездомные стали такими же полуголыми существами, какими поступили в рабочий лагерь. Ворота открыли, и грузовик мог ехать.

Манек настоял, чтобы в офис Нусвана они пришли одевшись особенно тщательно.

— Нужно выглядеть на все сто. Ваш брат будет больше вас уважать. Для некоторых людей внешний вид очень важен.

При нынешнем положении Дина была рада любому мало-мальски приемлемому совету. Она прогладила серые габардиновые брюки Манека, а сама остановилась на своем лучшем платье — синем, с ярким шарфом, переливающемся при ходьбе, которое надевала на вторую годовщину свадьбы. «Интересно, влезу ли я в него», — подумала Дина. Плотно закрыв дверь, она примерила платье и с удовольствием отметила, что молния застегивается с трудом. Дина вышла в гостиную.

— Может, чуточку косметики, тетя?

Помада, которой не пользовались годами, с трудом открылась. Первая попытка была неудачной — Дина неумело нанесла помаду, размазав линию губ, но вскоре былой навык вернулся, и она стала то натягивать, то сжимать губы. «Как нелепо смотрятся в зеркале эти обезьяньи ужимки», — подумала она.

Румяна покрылись коркой, но под ней их было достаточно, чтобы оживить щеки. Бархатная пуховка стала несгибаемой. Дине вспомнилось, как однажды, когда Рустам поддразнивал ее, она шутливо мазнула пуховкой по его носу. «Какая нежная — как лепесток розы», — сказал он.

Если Нусван и сегодня заговорит о женитьбе, она не знает, что сделает — может, перевернет стол. Дина осмотрела себя в зеркале. Отражение одобрительно ей кивнуло. «Надеюсь, теория Манека о связи между внешним видом и чувством уважения верна», — подумала она.

— Ты готов? — позвала Дина.

— Ого! Вы просто красавица!

— Хватит уже, льстец, — ворчливо проговорила она, осматривая его с ног до головы. Все в порядке, кроме туфель. Она заставила Манека почистить туфли перед выходом.

Охранник в офисе заставил их ждать в при-

емной, а сам отправился доложить боссу о посетителях.

— Вот увидишь, сейчас скажут, что Нусван занят, — сказала Дина.

Охранник вернулся и сочувственно произнес: «Господин занят». Мужчина работал здесь не один год, но каждый раз смущался, когда ему приходилось участвовать в этом представлении.

— Пожалуйста, подождите несколько минут. — И охранник, поклонившись, удалился.

— Не понимаю, чего Нусван этим добивается. У него через пятнадцать минут заканчивается работа. Всегда заставляет меня ждать.

Но в этот раз все было по-другому, потому что охранник сказал Нусвану, что его сестра прекрасно одета и пришла не одна.

— А с кем? Мы ее раньше видели?

— Это не женщина. Она пришла с мужчиной.

«Очень интересно», — подумал Нусван, вспомнив, что утром как назло порезался, когда брился.

— Что за мужчина? Молодой? Старый?

— Молодой. Даже очень молодой, — ответил охранник.

«Еще интереснее, — размышлял Нусван. Его воображение разыгралось. — Бой-френд, наверное?

Для своих сорока двух лет Дина очень привлекательна. Почти так же красива, как двадцать лет назад, когда вышла замуж за несчастного Рустама. Вот кому не повезло. Ни внешности, ни денег, и жизнь такая короткая…»

Нусван задержал ход своих мыслей, воздел глаза к потолку и погладил поочередно пальцами правой руки щеки, воздавая дань уважения памяти зятя. О покойниках плохо не говорят. Печально, что он умер. Но небеса послали Дине второй шанс устроить свою жизнь с более подходящим мужем. Если б только она им воспользовалась…

Но эта ее ужасная гордыня и нелепая идея независимости. Работает с утра до вечера, чтоб заработать себе на жизнь, только семью позорит. И с экспортной компанией у нее не сложилось. Постепенно Нусван приучил себя не реагировать на ее причуды. Однако чувство долга так просто не отбросишь. Она оставалась его младшей сестрой, он должен о ней заботиться.

«Какое небрежное отношение к жизни, — думал он. — Какое расточительство! Как будто смотришь трагическую пьесу. Только вместо трех часов она продолжается почти три десятилетия — семья распалась, Ксеркс и Зарир выросли обделенные любовью и заботой тети Дины, которая

почти не знала своих племянников. Как это печально и грустно!

Но, возможно, еще есть шанс. Нет ничего лучше, как зажить снова счастливой, дружной семьей. Скоро пойдут внуки. Если Дина не стала тетей, то, может быть, будет хорошей бабушкой.

А молодой человек, что пришел с ней сегодня. Если у них серьезные планы, и они хотят пожениться — это чудесно. Даже если парню всего тридцать, он должен считать, что ему повезло: Дина так хороша, что рядом с ней блекнут женщины вдвое ее моложе.

Да, так вот в чем дело — она решила познакомить своего избранника со старшим братом и получить его одобрение. Иначе, зачем было его приводить?» Что до разницы в возрасте, здесь он чинить препятствий не станет, решил неохотно Нусван. Надо быть терпимее, сейчас новые времена. Да, он благословит их, даже оплатит вторую свадьбу. Конечно, в разумных пределах — сотня гостей, скромное цветовое оформление, небольшой оркестр…

Казалось, с того времени, как доложили о приходе сестры, и Нусван стал предаваться воспоминаниям, размышляя и огорчаясь, минула вечность. Однако, когда он взглянул на часы, ока-

залось, что прошло меньше пяти минут. Нусван поднес часы к уху — работают. Поразительно, какие штуки проворачивают на пару время и сознание.

Он велел охраннику немедленно пригласить посетителей. Ему хотелось наяву продолжить праздник, который зародился в его воображении.

— Как? — удивилась Дина. — Так скоро? — А Манеку шепнула: — Ты приносишь удачу. Он никогда не принимал меня сразу.

Нусван встал, одернул манжеты рубашки и приготовился тепло приветствовать человека, который станет его свояком. Но, когда он увидел, насколько молод Манек, он чуть не упал. Его сумасшедшая сестра снова выкинула фортель! Нусван вцепился в край стола, представив, какой позор ждет семью.

— Ты становишься европейцем, Нусван? Или заболел?

— Спасибо, я здоров, — ответил он сухо.

— Как Руби и мальчики?

— У них все хорошо.

— Прекрасно. Прости, что потревожила тебя. Ты всегда так занят.

— Ничего. — Еще минуты не прошло, а она уже

его подкалывает. Глупо было, на что-то надеется. Когда дело касается Дины, жди неприятностей. Ни одной пайсы не потратит он на эту свадьбу. Помолвка между детьми — ужасный пережиток, но брак между ребенком и взрослой женщиной — безумие нового времени. И принимать участие в этом он не станет. Доктор велел Нусвану следить за давлением, снизить деловую активность, а тут сестра делает все, чтобы сократить ему жизнь.

— Однако я совсем забыла о приличиях, — сказала Дина. — Начала разговор, не познакомив вас. Манек, это мой брат Нусван.

— Как поживаете? — сказал Манек.

— Рад… рад знакомству. — Они пожали друг другу руки, и Нусван почти упал в кресло. В соседней комнате стучали на машинке. Тихо жужжал вентилятор. Под пресс-папье лист бумаги бился в струе воздуха, как пойманная птица.

— Я много рассказывала Манеку о тебе, — сказала Дина, — и мне захотелось вас познакомить. Он живет у меня несколько месяцев.

— *Живет у тебя?* — Его сестра сошла с ума! Она что, считает себя голливудской кинодивой?

— Да, живет у меня. Как и положено жильцу на пансионе.

— О, конечно! Как же иначе? — Чувство облег-

чения нахлынуло на Нусвана. Захотелось даже упасть на колени. Спасибо, Боже! Спасен! Спасибо, Бог Всемогущий!

Ослепленный солнцем и радугой, радостно залившими небосвод, Нусван не сразу распознал обратную сторону признания Дины — выходит, свадьбы не будет. Он почувствовал себя обманутым. Как это похоже на нее! Жестокая, бесчувственная, питающая его ложными надеждами. А всего несколько минут назад он испытывал за сестру искреннюю радость. Опять она издевается над ним.

— Цены растут, — сказала Дина. — За ними не угонишься. Пришлось взять квартиранта. Мне повезло, что им оказался такой замечательный юноша, как Манек.

— Да, конечно. Рад с вами познакомиться, Манек. Где вы работаете?

— Работает? — возмутилась Дина. — Ему всего семнадцать. Он учится в университете.

— И что изучаете?

— Рефрижерацию и кондиционирование.

— Разумный выбор, — похвалил Нусван. — В наше время только с техническим образованием можно чего-то достичь. Будущее за новыми технологиями и модернизацией. — Он завел

этот разговор, чтобы справиться с бурей эмоций, вызванных появлением сестры. Ничего не значащие слова должны были замаскировать то глупое смятение, которое он испытывал. — Слишком долго допотопная идеология мешала стране развиваться. Но теперь пришло новое время. На наших глазах свершаются удивительные перемены. И все благодаря нашему премьер-министру. Ощущается дух подлинного возрождения.

Дина не препятствовала этому словоблудию. Ее радовало, что брат не поднимает матримониальную тему.

— Я приобрела квартиранта, но потеряла портных, — сказала она.

— Какая жалость! — отозвался Нусван, но все же не утратил красноречия. — Главное — сейчас у нас на вооружении прагматическая политика, а не высосанные из пальца теории. Идет реальная борьба с бедностью. Сносятся уродливые хибары и трущобы. Вы, молодой человек, слишком молоды и не помните, каким красивым был раньше наш город. Но благодаря нашему мудрому лидеру, разработавшему программу благоустройства, он вернет себе былую красу. Сами увидите это и оцените.

— Последние платья я закончила только бла-

годаря помощи Манека, — вставила Дина. — Он усердно трудился и не отставал от меня.

— Это очень хорошо, — сказал Нусван. — Действительно хорошо. — Звук собственного голоса вызвал в нем желание витийствовать дальше. — Нам нужны такие трудолюбивые, образованные люди, как Манек, а не миллионы невежественных лентяев. И еще нам нужно строгое планирование рождаемости. Однако слухи о насильственной стерилизации мешают. Наверное, вы тоже слышали этот бред.

Дина и Манек покачали головами.

— Возможно, ЦРУ положило начало слухам, что в отдаленных деревнях жителей насильственно стерилизуют. Все это ложь. Хотя я считаю, это пошло бы даже на пользу, учитывая нашу проблему с перенаселением.

— А не будет ли антидемократичным калечить людей против их воли? — спросил Манек, но в его тоне сквозило, скорее, согласие с позицией Нусвана, чем ее неприятие.

— Калечить? Ха-ха-ха! — добродушно рассмеялся Нусван, словно услышал удачную остроту. — Все относительно. В лучшие времена демократия — что-то вроде качелей между полным хаосом и умеренным беспорядком. Видите ли, чтобы

приготовить демократический омлет, приходится разбить несколько демократических яиц. Нет ничего плохого в строгих мерах, если надо сокрушить фашизм и прочее зло в нашей стране. Особенно когда иностранные агенты только спят и видят, как бы дестабилизировать обстановку. Вы слышали, что ЦРУ пытается помешать осуществлению программы по планированию рождаемости?

Манек и Дина снова покачали головами с серьезными лицами. В сцене ощущался легкий налет абсурда.

Нусван подозрительно глянул на них, но потом продолжил:

— Агенты ЦРУ препятствуют доставке приборов, необходимых для выполнения программы, и сеют смуту в религиозных общинах. Думаю, вы согласитесь, что меры, принимаемые в рамках чрезвычайного положения, против такого вмешательства просто необходимы.

— Может быть, — сказала Дина. — Но полагаю, правительству следовало бы разрешить бездомным спать на улице. Тогда не сгинули бы мои портные, и мне не пришлось бы беспокоить тебя.

Нусван поднял указательный палец и покачал

им, как дворником на ветровом стекле.

— Спящие на улице люди создают плохую репутацию бизнесу. На прошлой неделе мой друг говорил — он директор международной компании, заметьте, а не какого-нибудь мелкого предприятия — так вот, он говорил, что по меньшей мере двести миллионов человек — балласт для страны, их нужно устранить.

— Устранить?

— Вот именно. Освободиться от них. Год за годом они фигурируют в статистике как безработные. И что нам это дает? Плохой имидж. А что у них за жизнь? Валяются в канаве, выглядят — краше в гроб кладут. Смерть для них — избавление.

— И как их будут устранять? — поинтересовался Манек как можно учтивее.

— Это просто. Можно бесплатно кормить их едой с мышьяком или цианистым калием, это эффективно и недорого. Грузовики с такой едой можно направлять к храмам и в другие места, где они обычно попрошайничают.

— И многие бизнесмены так думают? — с любопытством спросила Дина.

— Многие из нас с этим согласны, правда, до сих пор мы не решались высказывать свое мнение.

Но с введением чрезвычайного положения люди осмелели. И это еще один плюс.

— Однако печать проходит цензуру, — возразил Манек.

— Это так, — согласился Нусван с некоторым раздражением. — И что в этом плохого? Конечно, правительство не хочет, чтобы печатались статьи, которые взбудоражат читателей. Это временная мера — надо покончить с ложью врагов и вселить в людей уверенность. Такие шаги необходимы для сохранения демократического порядка. Нельзя хорошо подмести, не испачкав новую метлу.

— Ясно, — сказал Манек. Странные афоризмы начинали действовать ему на нервы, но у него не было нужного опыта, чтобы им противостоять. Если б только Авинаш был здесь… Он поставил бы на место этого идиота. Жаль, что Манек невнимательно слушал, когда Авинаш говорил о политике.

Силясь противостоять высказанной ранее максиме о том, что нужно разбить демократические яйца, чтобы приготовить демократический омлет, Манек пытался сформулировать свой подход к проблеме, перебирая в уме разные слова: демократия, тирания, сковорода, огонь,

курица, крутые яйца, растительное масло. Ему показалось, что у него стало получаться. Нельзя получить демократический омлет из яиц с демократической этикеткой, но снесенных тиранической курицей. Нет, это слишком вычурно. К тому же, момент был упущен.

— Важно учитывать конкретные достижения, которые принесло чрезвычайное положение, — сказал Нусван. — Восстановлен график железнодорожного сообщения. И, как говорит мой друг-директор, достигнут прогресс в трудовых отношениях. Теперь он может вызвать полицию, и та за считаные минуты заберет в участок бунтарей из профсоюзов. Там их как следует пропесочат, и они станут мягкими, как воск. По словам моего друга, повысилась производительность труда. А кто от этого выигрывает? Рабочие. Простые люди. Даже Всемирный банк и Международный валютный фонд одобрили эти перемены. Теперь они предоставляют больше кредитов.

Пытаясь сохранять серьезность, Дина сказала:

— Нусван, можно тебя попросить об одной вещи?

— Да, конечно. — «Интересно, сколько ей потребуется на этот раз — двести рупий или триста?»

— Я о плане по уничтожению двухсот миллионов. Ты можешь попросить своих друзей-бизнесменов и директоров не травить портных? Их очень трудно найти.

Манек с трудом удержался от смеха. Нусван однако перехватил его гримасу и проговорил с отвращением:

— Как это я забыл, что с тобой нельзя говорить о серьезных вещах! Не знаю, зачем я только поднял этот вопрос.

— Лично мне разговор доставил удовольствие, — произнес Манек серьезно.

Нусван почувствовал себя оскорбленным. Сначала — она, потом — он. Он представил себе, как станут потешаться над ним эти двое, оставшись наедине.

— Мне тоже, — сказала Дина. — Визит в твой офис — единственное развлечение, какое я могу себе позволить, ты это знаешь.

Насупившись, Нусван стал перебирать на столе бумаги.

— Скажи, что тебе надо, и оставь меня в покое, — сказал он сердито. — У меня много работы.

— Следи за бровями, Нусван. Ты очень смешно ими двигаешь, когда сердишься. — Дина решила не испытывать больше судьбу и приступила

к делу. — Сейчас я не работаю на экспортную компанию. Это временно — нужно просто найти новых портных. Но пока у меня нет возможности взять новый заказ.

Наступил самый трудный для Дины момент — просьба о денежной помощи, и он не стал легче от быстрого объяснения причины своих финансовых затруднений или легкомысленного поведения.

— Двести пятьдесят хватит, чтобы продержаться этот месяц.

Нусван вызвал звонком охранника и заполнил чек. Дина и Манек стали свидетелями яростного письма — шариковая ручка так и носилась по бумаге. Нусван перечеркнул «t» и поставил точку над «I» с такой силой, словно соревновался со стучавшей в соседней комнате машинкой.

Охранник понес документ по коридору кассиру. Вентилятор старой модели тарахтел, как небольшая фабрика. «Столько денег, — подумала Дина, — а он до сих пор не установит кондиционер в офисе». Она перевела глаза на нож из сандалового дерева для разрезания бумаги, подчеркнуто торчащий из надрезанного конверта. Охранник принес деньги и удалился.

Нусван начал:

— Такая необходимость никогда не возникла бы, если б только… — Он взглянул на потупившую глаза Дину, потом на Манека и не закончил фразу. — Вот, возьми, — протянул он деньги.

— Спасибо. — Дина взяла деньги, не глядя на брата.

— Пожалуйста.

— Я верну их при первой возможности.

Нусван кивнул и, взяв нож, открыл конверт полностью.

— Спасибо чрезвычайному положению, Нусван переключился на него и не затронул свою любимую тему, — сказала Дина, когда они сошли с автобуса. — Надо хоть за это быть благодарной. «А что плохого в том, чтобы снова выйти замуж? — проговорила она, имитируя ханжескую интонацию. — Ты все еще красива. Обещаю, что найду тебе хорошего мужа». — Ты не поверишь, сколько раз он мне это говорил.

— А вот в этом я с вашим братом согласен. Вы действительно красивая.

Дина шлепнула его по плечу.

— Так на чьей ты стороне?

— На стороне истины и красоты, — важно произнес Манек. — А забавная, наверно, картина, когда Нусван и его друзья-бизнесмены собирают-

ся вместе и несут этот вздор.

— Знаешь, что я вспомнила, находясь в его офисе? То время, когда он был мальчишкой. Он говорил, что будет охотиться на крупных зверей — убивать леопардов и львов. Бороться с крокодилами, как Тарзан. Но однажды в нашу комнату вбежала мышка, и няня сказала ему: взгляни, вот свирепый тигр, покажи, какой ты охотник. И Нусван с плачем убежал к маме.

Дина повернула в замке ключ.

— А теперь он хочет убить двести миллионов людей. По-прежнему мыслит в крупных масштабах.

Они вошли в квартиру, где швейные машины стояли без дела. Здесь смех был неуместен, и он быстро стих.

Глава десятая. Все в одной лодке

Грузовик, громыхая, ехал в город по дороге, ведущей из аэропорта. По обеим сторонам шоссе тянулись спящие поселки из лачуг, готовые при удобном случае захватить часть места на асфальте. Их сдерживал только страх перед джаггернаутами[114], грохочущими по шоссе взад-вперед. Свет фар выхватывал из темноты рабочих из вечерней смены, эти усталые призрачные фигуры осторожно пробирались по узкой тропе между машинами и открытым канализационным стоком.

— Полицейским дали приказ снести все трущобы, — сказал Ишвар. — Почему эти не трогают?

— Все не так просто, — объяснил Хозяин Нищих, — это зависит от того, на какой срок владелец поселка заключил договор с полицией.

— Это несправедливо, — возразил Ом, вглядываясь в темноту, пропитанную запахом прогорклого жира. Блики лунного света позволяли разглядеть

---

[114] Примечания: 114

Джаггернаут — многоосный тяжелый грузовик, называемый так в Индии по ассоциации с Джаггернаутовой колесницей, на которой во время празднеств провозят изображение бога Вишну.

бесконечную цепь лачуг, сляпанных из разного подручного материала — грязных кусков пластика и картона, бумаги и мешковины. И это все, словно дерматологический кошмар из струпьев и волдырей, обволакивало гниющее тело большого города. Когда луна скрывалась за тучами, трущобы пропадали из вида. Но нестерпимое зловоние говорило о том, что они существуют.

Еще несколько километров, и грузовик въехал в сам город. Фонари и неоновое освещение заливали мостовые желтым светом, там дремали в ночи ссохшиеся, с пустыми глазницами скульптуры — Галатеи, Гангабехен[115], Гокхале Гопала[116], их скоро пробудит к жизни дневной хаос, который будет таскать, возить, поднимать и строить, напрягая все свои мускулы для города, отчаянно жаждущего благоустройства.

— Посмотри, — сказал Ом, — люди спокойно спят на тротуарах — никто их не беспокоит. Может, отменили чрезвычайное положение.

— Нет, — сказал Хозяин Нищих. — Это игра, как и все другие законы. В нее легко играть, если

---

[115] Примечания: 115

Гангабехен — вдова, соратница Ганди.

[116] Примечания: 116

Гокхале Гопала (1866–1915) — индийский политический деятель, один из лидеров движения за независимость Индии.

знаешь правила.

Портные попросили, чтобы их высадили у аптеки.

— Может, сторож снова разрешит нам спать на входе.

Однако Хозяин Нищих хотел сначала увидеть место их работы. Через несколько минут грузовик остановился у дома Дины, и портные показали, где именно она живет.

— Отлично, — сказал Хозяин Нищих. — Проверим у работодателя, правду ли вы говорите. — Он попросил шофера подождать, а сам быстрым шагом направился к двери.

— Сейчас слишком поздно — мы разбудим Дину-бай, — умоляюще говорил Ишвар, морщась от боли в лодыжке при быстрой ходьбе. — Она очень вспыльчивая. Мы приведем вас к ней завтра, обещаю. Клянусь именем моей покойной матери.

Нищие и инвалиды заерзали в грузовике, лишенные убаюкивающего покачивания кузова во время путешествия. Работающий двигатель заполнил темноту угрожающим рычанием. Бедняги начали плакать.

Хозяин Нищих остановился у парадной двери, прочел имя на табличке и занес его в записную книжку. Затем нажал звонок указательным

пальцем.

— О, Рама Вездесущий! — Ишвар в отчаянии схватился руками за голову. — Как же она рассердится, что ее подняли с постели в самую ночь.

— Для меня это тоже позднее время, — сказал Хозяин Нищих. — Я пропустил пуджу в храме, но я не жалуюсь. — Он снова нажал звонок, подождал и опять позвонил. Раздался гудок — это шофер грузовика подавал знак, что нужно поторопиться.

— Пожалуйста, остановитесь! — просил Ом. — Если будете звонить без перерыва, мы точно потеряем работу. — Но Хозяин Нищих только снисходительно улыбался и продолжал что-то записывать. Темнота не мешала ему писать.

Звонки в дверь испугали Дину не меньше, чем портных. Она ворвалась в комнату Манека.

— Скорее просыпайся! — Пришлось как следует растолкать юношу, прежде чем он пошевелился. — Лицом прямо ангел, а храпишь как буйвол! Вставай скорей! Слышишь? Кто-то звонит в дверь!

— Кто это может быть?

— Я посмотрела в глазок, но ты ведь знаешь, как я вижу. Разобрала только, что их трое. Хочу, чтобы ты взглянул.

Дина не включала свет, надеясь, что непрошеные гости уйдут. Предупредив Манека, чтобы тот ступал тише, она провела его к двери. Юноша глянул в глазок и взволнованно повернулся к ней.

— Открывайте, тетя. Это Ишвар и Ом, и с ними еще кто-то.

Стоящие за дверью услышали голос и отозвались.

— Это мы, Дина-бай, простите, что побеспокоили вас. Мы ненадолго… — Голоса звучали вопросительно и робко.

Дина включила свет на веранде и все еще боязливо слегка приоткрыла дверь, но, увидев портных, широко ее распахнула.

— Это вы? Где вы были? Что случилось?

Дина даже не пыталась скрыть своей радости. Ее удивило, что она дала волю чувствам — говорила, что думала, не пытаясь лукавить.

— Входите же! — пригласила она. — Как мы беспокоились о вас все эти недели!

Хозяин Нищих отступил, пропуская Ишвара, который, смущенно улыбаясь, с трудом переступил через порог. На лодыжке у него болталась грязная тряпка, которой доктор обмотал ему ногу. Идущий за ним Ом впопыхах наступил на нее. Из темноты прихожей они, ужасно стесняясь,

вышли на освещенную веранду.

— О боже! В каком вы виде! — воскликнула Дина, потрясенная зрелищем изможденных лиц, грязной одежды, спутанных волос. Они с Манеком потеряли дар речи и просто смотрели на портных. Затем закидали их вопросами, не дожидаясь путаных и отрывочных ответов.

Все еще стоявший у дверей Хозяин Нищих прервал сбивчивые объяснения Ишвара и Ома.

— Я только хочу убедиться — эти портные работают на вас?

— Да. А что?

— Вот и хорошо. Приятно видеть, как вы радуетесь воссоединению. — Снова послышался гудок автобуса, и Хозяин Нищих повернулся, чтобы уйти.

— Подождите, — остановил его Ишвар. — Куда приносить еженедельную плату?

— Я сам вас найду. А если возникнут вопросы, — прибавил Хозяин Нищих, — свяжитесь со мной через Червяка, его новое место работы будет рядом с «Вишрамом».

— Какая плата? И что еще за «червяк»? — спросила Дина, когда за мужчиной закрылась дверь. — Кто этот человек?

Отступив от последовательного пересказа со-

бытий, портные перескочили сразу на приезд в рабочий лагерь Хозяина Нищих, затем вернулись к истории Шанкара, потом снова поспешили вперед, запутались сами и запутали слушателей. Мучительное пребывание в аду закончилось — на смену страху пришло опустошение. Ишвар неумело возился с повязкой, пытаясь закрепить ее на ноге. Руки его тряслись, и Ом помог ему заправить болтавшийся конец.

— Во всем виноват бригадир, он…

— Это случилось до того, как приехал посредник…

— Во всяком случае, после того, как я повредил лодыжку, стало невозможно…

Они то и дело теряли нить повествования — Ишвар вспоминал одно, Ом — другое. Потом они совсем запутались. Ишвар замолчал и сжал руками голову, словно хотел выдавить оттуда нужные слова. Ом говорил, запинаясь, и в конце концов заплакал.

— С нами ужасно обращались, — рыдал он, вцепившись в свои волосы. — Я думал, мы с дядей там умрем…

Манек похлопал его по спине, говоря, что теперь все позади, а Дина настаивала на отдыхе — утро вечера мудренее.

— Постельные принадлежности у вас собой. Постелите здесь на веранде и хорошенько выспитесь.

Теперь нервы сдали у Ишвара. Он рухнул перед Диной на колени и обхватил руками ее ступни.

— О, Дина-бай, как нам благодарить вас! Вы сама доброта. На улице так страшно — чрезвычайное положение, полиция…

Его поступок смутил Дину. Она высвободила ноги. Но Ишвар так крепко в них вцепился, что в его руках осталась тапочка с ее левой ноги. Он подался вперед и осторожно вернул тапочку на прежнее место.

— Встань сейчас же, — смущенно, но твердо сказала Дина. — Послушай, что я тебе скажу — и повторять больше не буду. Ни перед кем никогда не вставай на колени.

— Хорошо, — послушно сказал Ишвар. — Простите — мне следовало бы это знать. Просто, Дина-бай, я не знаю, как благодарить вас.

— Хватит уже благодарностей на этот вечер, — сказала Дина, еще не придя в себя от поразившей ее сцены. Утерев глаза рукавом, Ом расстелил постель и спросил, можно ли им перед сном помыть руки и лицо.

— Воды немного — только та, что в ведре, по-

этому расходуйте экономно. Если хотите пить, налейте себе из графина на кухне. — Дина заперла дверь на веранду и вернулась в квартиру с Манеком.

— Я горжусь вами, тетя, — шепнул он.

— Значит, теперь гордишься? Спасибо, дедушка.

До утра Дина пыталась решить, как ей поступить, но ответ так и не пришел. Она не могла допустить, чтобы портные снова пропали. Но нельзя же до конца уступать? Где граница между сочувствием и глупостью, добротой и слабостью? Это если смотреть с ее позиции. У портных эта граница проходит между милосердием и жестокостью, состраданием и бессердечием. Она смотрит на вещи с одной точки зрения, а они — с другой.

Портные проснулись в семь часов и тут же собрали постели.

— Как сладко мы спали, — сказал Ишвар. — На вашей веранде спокойно, как в раю.

Вынув из чемодана чистую одежду, они собрались идти на станцию мыться.

— Потом выпьем в «Вишраме» чаю и сразу вернемся, если вам удобно.

— Вы хотите сегодня начать шить?

— Конечно, — ответил Ом с легкой улыбкой.

— А как твоя нога? — Дина повернулась к Ишвару.

— Побаливает, но я могу нажимать на педаль одной ногой. Не стоит терять время.

Дина обратила внимание на потрескавшиеся, в синяках ступни мужчин.

— А где ваши сандалии?

— Их украли.

— На улице попадается битое стекло. Пьяницы бьют бутылки. Нельзя шутить с ногами. Их и так уже три осталось. — Дина нашла старые тапочки, которые подошли Ому. Манек дал Ишвару свои кеды.

— Какие удобные, — похвалил Ишвар. — Спасибо. — А потом робко спросил, не дадут ли им взаймы пять рупий на чай и еду.

— После последнего заказа вам причитается больше, чем пять рупий, — сказала Дина.

— Правда? — обрадовались портные. Они думали, что за незаконченную работу жалованье не положено.

— Некоторые работодатели так поступают. Но я считаю, что добросовестно выполненная работа должна быть оплачена, — сказала Дина и шутливо прибавила: — Можете поделиться с Манеком,

он тоже заслужил.

— Да я всего несколько пуговиц пришил. Все сделала тетя Дина.

— Может, тебе бросить университет? — предложил Ом. — Будешь с нами портняжить.

— Хорошая мысль. Откроем собственный магазин, — сказал Манек.

— Не давай плохих советов, — осадила Дина юношу. — Учиться надо всем. Надеюсь, когда у тебя будут дети, ты пошлешь их в школу.

— Конечно, пошлет, — сказал Ишвар. — Но сначала надо найти ему жену.

После того, как Манек неохотно ушел в университет, а Дина — в «Оревуар экспорт» за новыми тканями, портные отправились в «Вишрам» и там неспешно проводили время. Кассир, он же официант, радостно приветствовал постоянных клиентов. Обслужив гостей за стойкой, взявших молоко, шесть пакор и кусок мягкого сыра, он подсел к ним за стоявший отдельно столик.

— А вы похудели, — заметил он. — Почему так долго не заходили?

— Сидели на особой государственной диете, — сказал Ишвар и рассказал официанту об их злоключениях.

— Вы удивительные люди, — крикнул стояв-

ший у плиты потный повар. — Чего только с вами не случается! Каждый раз вы рассказываете какую-нибудь новую историю.

— Дело не в нас, — возразил Ом, — а в городе. Это он, словно фабрика, штампует историю за историей.

— Называйте это, как хотите, но, если б все наши клиенты были похожи на вас, мы могли бы написать современную «Махабхарату» — в «вишрамовском» варианте.

— Нет уж, брат, хватит с нас приключений, — сказал Ишвар. — Когда ты главный герой несчастной истории, она не доставляет радости.

Официант принес им чай и слоеные булочки, а сам пошел обслуживать клиентов за стойкой. Молоко образовало на чае густую пенку. Ом собрал ее ложечкой и отправил в рот, облизывая губы. Ишвар подвинул свою чашку, чтобы племянник снял и его пенку. Портные проверили, намазана ли каждая половинка булочки маслом. Оказалось, намазана — и весьма щедро.

Когда на улице поубавилось пешеходов, Шанкар, клянчащий милостыню у «Вишрама», подкатил к дверям, чтобы поздороваться с друзьями.

— Привет, Шанкар! Рад, что вернулся и приступил к работе? — помахал рукой Ишвар.

— Хозяин сказал — отдохни денек, расслабься, отоспись. Я здесь и заснул. А потом в банку посыпались монеты. Громко звякали — прямо рядом с ухом. Только закрою глаза, как тут же в страхе открываю. Народ не дал мне отдохнуть.

Его работа этим утром не отличалась разнообразием. Нищий побрякивал монетами, подвывал, иногда кашлял так, что по щекам текли слезы. Для большей зрелищности он при помощи культей отъезжал то вправо, то влево.

— Я специально попросил Хозяина перевести меня с вокзала на это место, — сообщил он. — Теперь мы сможем чаще видеться.

— Это хорошо, — сказал Ом, помахав Шанкару на прощанье. — Скоро увидимся снова.

Квартира была на замке, и портные поджидали хозяйку у дверей.

— Надеюсь, этот безумный сборщик квартирной платы не подсматривает за нами, — сказал Ом. После десяти минут волнений подъехало такси. Мужчины помогли Дине выгрузить из машины рулоны ткани и внесли их в квартиру.

— Не бери слишком много — побереги ногу, — предупредила она Ишвара. — Кстати, на фабрике назревает забастовка. Пока все не успокоится, тканей не будет.

— О, Вездесущий Рама, когда это кончится! — воскликнул Ишвар. Потом, вдруг вспомнив о вчерашнем проступке, опять извинился за то, что упал перед ней на колени. — Мне следовало бы знать.

— Ты вчера сказал то же самое. Почему? — спросила Дина.

— Однажды передо мной тоже встали на колени. Мне от этого было очень плохо.

— Кто так сделал?

— Это долгая история, — сказал Ишвар. Ему не хотелось рассказывать много об их жизни, но этим поделиться хотелось. — Когда мы с братом — отцом Ома — были учениками у одного портного, мы ему однажды помогли.

— А что вы сделали?

— Видите ли, — заколебался Ишвар, — дядя Ашраф — мусульманин, а тогда между индусами и мусульманами были столкновения. Все из-за этого Раздела. В городе начались беспорядки, и — мы смогли ему помочь.

— Так это Ашраф встал на колени?

— Нет. — Даже спустя двадцать восемь лет Ишвар смутился при этом воспоминании. — Его жена. Тетя Мумтаз встала. От этого я почувствовал себя плохо. Как будто наживался на их

несчастье.

— То же самое и я почувствовала вчера. Давай забудем об этом. — Ей хотелось еще кое о чем расспросить Ишвара, но она почувствовала его нежелание говорить на эту тему и отнеслась к этому с уважением. Если захотят, со временем сами расскажут.

А пока добавился еще один эпизод к тому, что ей рассказал Манек о жизни портных в деревне. Как и ее покрывало, хроника их жизни постепенно обретала форму.

Весь первый день Дина мучительно пыталась подобрать слова для решительного объяснения. Что сказать, когда придет время? Может — спите на веранде, пока не найдете жилье. Нет, нельзя. Они могут подумать, что она этого хочет. Или спросить — у вас есть где переночевать? Нет, это отдает лицемерием — ясно, что ночевать им негде. А если немного изменить вопрос — где вы будете сегодня ночевать? Неплохо. Дина еще раз повторила вопрос. Нет, в нем сквозит озабоченность — он слишком прямой. Вчера вечером все было так просто, слова вырывались сами собой — искренние и верные.

Весь день она наблюдала, как портные работают. Те не отрывали ступни от подножки, пока

не пришел Манек и не напомнил им о перерыве. Нет, ответили портные, сегодня они не пойдут пить чай, и Дина это одобрила.

— Не вынуждай их тратить деньги. Они и так много потеряли за последние недели.

— Я их угощаю.

— И тебе нечего тратиться. Мой чай не хуже.

Дина поставила воду на всех, вынула чашки, поставив отдельно те, что с розовой каймой. Дожидаясь, когда вода в чайнике закипит, она продолжала обдумывать разговор. А что, если начать так — удобно ли вам спалось на веранде? Нет, это звучит безнадежно фальшиво.

В конце рабочего дня портные скорбно натянули чехлы на швейные машины. Тяжело поднялись, вздохнули и направились к двери.

На какое-то мгновение Дина почувствовала себя волшебницей. Все зависело от ее слов — мир мог стать мигом сверкающим и золотым.

— Когда вы вернетесь?

— Когда скажете, — ответил Ом. — Можем рано, если вам удобно. — Ишвар молча кивнул.

Дина воспользовалась ситуацией — все шло как нельзя лучше.

— Нет нужды торопиться. Спокойно обедайте и возвращайтесь. Мы с Манеком тоже к этому

времени поедим.

— Вы хотите сказать, что мы можем?..

— На веранде?

— Только пока не подыщете себе жилье, — сказала Дина, довольная тем, что произнесла слова приглашения как бы между прочим — без особых эмоций.

Их благодарность была ей приятна, но от платы за постой она решительно отказалась.

— Нет, никакой платы. Я ничего не сдаю — просто не хочу, чтобы вас снова сцапала полиция.

Дина дала понять портным, что сновать туда-сюда им нельзя — слишком велик риск попасться на глаза хозяину. Придется исключить утреннее омовение на вокзале.

— Можете мыться и пить чай здесь. Только следует вставать пораньше, пока вода не нужна другим. Помните, у меня одна ванная комната. — «Неужели есть такие сумасшедшие, у которых их две», — подумал Ом, но вслух ничего не сказал.

— И зарубите себе на носу — никакого беспорядка.

Портные согласились со всеми условиями и поклялись, что не доставят ей беспокойства.

— Но все-таки нам неловко жить у вас и не платить, — сказал Ишвар.

— Еще одно слово о деньгах, и вам придется искать другое место для ночлега.

Портные еще раз поблагодарили Дину и пошли обедать, предупредив, что вернутся к восьми и еще час поработают до отхода ко сну.

— Но, тетя, почему вы отказались от платы? Они почувствуют себя увереннее, если с них возьмут немного денег. И вам будет легче с расходами.

— Неужели ты не понимаешь? Если я приму деньги, это будет означать, что я сдаю веранду в аренду.

Склонившись над раковиной, Дина чистила зубы пастой «Колинос». Глядя на пену от пасты, Ишвар сказал, что всегда задумывался, полезна ли ее паста для зубов.

Дина сплюнула, прополоскала рот, а потом ответила:

— Не лучше и не хуже других паст. А чем вы чистите зубы?

— Угольным порошком. А иногда пользуемся палочками из нима[117].

— У Ишвара и Ома зубы лучше, чем у меня, — сказал Манек.

---

[117] Примечания: 117

Дерево Ним почитается в Индии как царственное. Считается, что оно может излечивать все человеческие недуги.

— А ну-ка, покажи свои. — Манек послушно открыл рот. — Теперь — вы, — попросила она портных.

Все трое встали перед зеркалом, растянув губы и обнажив резцы. Дина сравнила их со своими.

— А Манек прав. Ваши зубы белее.

Ишвар предложил ей попробовать порошок, а Дина выдавила ему на палец немного «Колиноса». Ишвар поделился с Омом.

— Приятно на вкус, — заключили они.

— Это, конечно, хорошо, — согласилась Дина. — Но платить за вкус, если это не еда, глупо. Пожалуй, я перейду на угольный порошок и сэкономлю на этом.

Манек решил последовать ее примеру.

От увеличившегося числа домочадцев забот почти не прибавилось. Дина вставала раньше всех, Манек — последним. Когда она заканчивала утренний туалет, поднимались портные. Ванную они покидали так быстро, что Дина, было, заподозрила их в недостаточной чистоплотности, но потом разглядела, что щеки у них дочиста оттерты, а волосы мокрые. Проходя мимо, она ощущала свежий запах чистой кожи.

Хотя ванная комната была для портных немыслимой роскошью, они там долго не задержива-

лись. Быстрое мытье стало для них привычным делом. За последние несколько месяцев они отточили это мастерство в разных общественных местах, где время было на вес золота. Водопроводный кран рядом с навесом Навааза; одна колонка в центре трущобы; облезлые туалеты в переполненном месте для умывания на вокзале; капли из бурдюка в рабочем поселке — все это довело технику мытья у портных до идеальной скорости — не более трех минут. Они никогда не пользовались кипятильником, предпочитая холодную воду, а ванная комната после них сверкала чистотой.

Однако при одной мысли о том, что они пользуются ее ванной, Дине было не по себе. Она была постоянно настороже, готовая закатить скандал, если обнаружится, что брали ее мыло или полотенце. Если портным приходится жить здесь, то это будет на ее условиях — никаких послаблений.

Ей претил совершаемый каждое утро Ишваром ритуал, когда тот запускал глубоко в рот пальцы, вызывая рвотные движения. Процедура сопровождалась утробным завыванием; нечто подобное часто доносилось из других квартир, но никогда она не слышала его так близко. От этого

у нее мурашки по телу начинали бегать.

— Как же ты меня пугаешь, — говорила Дина, заслышав эти звуки.

Ишвар только улыбался.

— Это очень хорошо для желудка. Выходит избыток застоявшейся желчи.

— Будь осторожней, — поддержал ее Ом. — А то кажется, что вместе с желчью вываливается твоя печень. — Он никогда не одобрял привычку дяди. Ишвар пытался приобщить племянника к этим оздоровительным упражнениям, но, не встретив понимания, бросил попытки.

— Тебе нужен всего лишь водопроводчик, — сказал Манек. — Вставит тебе в бок краник — и все дела. Когда надо, повернешь кран и выпустишь лишнюю желчь. — Заслышав знакомые рвотные звуки, они с Омом начинали в шутку хором подвывать.

После нескольких дней такого подшучивания Ишвар стал вести себя сдержаннее. Теперь он не запускал пальцы глубоко в глотку и значительно тише отрыгивал желчь.

Ом принюхался к Манеку.

— А ты пахнешь лучше, чем я. Должно быть, от мыла.

— Я еще пользуюсь гигиенической пудрой.

— Покажи.

Манек принес из комнаты коробочку.

— И как ты ею пользуешься?

— Сыплю немного в ладонь и наношу на подмышки и на грудь.

Получив жалованье, Ом сразу же купил мыло «Синтол» и гигиеническую пудру.

В конце первой недели Дина подумала, что теперь день стал похож на хорошо скроенное платье, где они вчетвером словно выкройки, которые ложатся сразу и их не надо подгонять друг к другу. А швы ровные и аккуратные.

Однако Ишвара по-прежнему волновало, что они с племянником злоупотребляют добротой Дины.

— Вы не берете с нас никакой платы, — говорил он. — Мы спим на вашей веранде и моемся в вашей ванной. Вы готовите нам чай. Это уж слишком. Нам от этого не по себе.

Его слова вызвали чувство вины и у самой Дины. Она знала, что ее поступки продиктованы инстинктом самосохранения: нельзя, чтобы портных снова схватила полиция, и еще, чтобы о них пронюхали любопытные соседи и сборщик квартплаты. Ишвар и Ом обрядили ее в платье доброты и великодушия, хотя ей больше подошли

бы одежды обмана, лицемерия и хитрости.

— Чего вы добиваетесь? — резко спросила она. — Хотите оскорбить меня, вручив пятьдесят пайс за чай. Что я вам, уличный чайвалла?

— Нет, что вы! Но нельзя ли нам тоже что-то сделать для вас?

— Я подумаю, — ответила Дина.

Прошла еще неделя, но Ишвар так и не дождался от нее ответа. Тогда он решил взять дело в свои руки. Пока Дина находилась в ванной, Ишвар взял метлу и подмел кухню, веранду, гостиную, комнату Манека и комнату, где они шили. За ним шел Ом с ведром и тряпкой и мыл полы.

Когда Дина вышла из ванной комнаты, портные еще не закончили с уборкой.

— Что здесь происходит?

— Простите, но это мое решение, — произнес твердо Ишвар. — С этого времени мы будем участвовать в уборке квартиры.

— Это как-то неправильно, — сказала Дина.

— Как раз правильно, — отозвался Ом, ловко отжимая тряпку.

Пока они заканчивали уборку, растроганная Дина разливала чай. Когда портные вошли в кухню, чтобы поставить на место взятые вещи, она передала Ому две чашки.

Заметив на чашках красный ободок, он постарался исправить ошибку.

— Наши ведь с розовым, — начал Ом, но осекся, поняв по ее лицу, что она это знает.

— Что такое? — спросила Дина, взяв себе розовую чашку. — Что-то не так?

— Ничего. — Юноша отвернулся, надеясь, что она не заметила блеснувшие в его глазах слезы.

* * *

— Вас спрашивают, — сказала Дина. — Там у дверей тот длинноволосый мужчина, который заходил раньше.

Ишвар и Ом переглянулись — что ему надо на этот раз? Извинившись, они вышли на веранду.

— Намаскар, — приветствовал их Раджарам, сложив ладони вместе. — Простите, что беспокою вас во время работы, но сторож сказал, что вы больше у него не ночуете.

— Да, теперь мы ночуем в другом месте.

— Где?

— Здесь, неподалеку.

— Надеюсь, там вам удобно. Можно встретиться с вами позже — поговорить? В любое время сегодня, в любом месте, где хотите. — В голосе Раджарама звучало отчаяние.

— Ладно, — сказал Ишвар. — Приходи в «Вишрам» к часу. Знаешь это место?

— Да. Приду. И, пожалуйста, принесите с собой волосы из вашего чемодана.

Когда Раджарам ушел, Дина спросила у портных, все ли в порядке.

— Он не от того человека, который каждую неделю тянет с вас деньги?

— Нет, он не работает на Хозяина, — ответил Ишвар. — Это наш друг — может, хочет денег занять.

— Все равно, будьте осторожнее, — посоветовала Дина. — В наши дни друзья и враги — все на одно лицо.

В «Вишраме» было много народу, и Раджарам ждал их на улице, явно нервничая.

— Вот твои волосы. — Ишвар вручил ему сверток. — Ну что, перекусишь с нами?

— Я сыт, — отказался Раджарам, но по тому, как он жадно облизывал губы, вдыхая доносящиеся из «Вишрама» ароматы, все было понятно без слов.

— Съешь что-нибудь, — сказал Ишвар, почувствовав к нему жалость. — Мы угощаем.

— Хорошо. Тогда — то же, что и вы. — Раджарам выдавил из себя смешок. — Полный желудок

— не помеха.

— Три булочки с овощным пюре и три банана, — сказал Ишвар кассиру.

Они направились к заброшенному дому и уселись с едой на подоконнике наполовину разрушенной стены. Вывалившаяся дверь послужила им столом. Ручки и петли с двери уже сняли — дом развалился несколько недель назад. Четверо мальчишек с джутовыми мешками рылись в развалинах, надеясь что-нибудь отыскать.

— Ты все еще работаешь мотиватором планирования семьи? Ну и как идут дела?

Набив себе рот, Раджарам грустно покачал головой.

— Ничего хорошего. — Он ел с такой жадностью, словно у него во рту несколько дней не было ни крошки. — Две недели назад меня уволили.

— Что случилось?

— Сказали, что не справляюсь.

— Вот так внезапно? После двух месяцев работы?

— Да. — Раджарам заколебался. — То есть нет. Все шло не так чтоб очень с самого начала. После учебного курса я в точности следовал инструкции. Каждый день я посещал новые места и говорил то, чему меня учили, говорил обстоятель-

но и доброжелательно, чтобы никого не испугать. Обычно люди слушали меня внимательно, брали брошюры. Иногда посмеивались, а молодые люди отпускали грязные шуточки. Однако никто не давал согласия на операцию.

Через несколько недель инспектор пригласил меня в свой кабинет и сказал, что я не там ищу клиентов. «Пытаться продать свадебный наряд голому факиру — пустая трата времени», — сказал он. Тогда я спросил, что он имеет в виду.

Раджарам повторил портным ответ инспектора: «Люди в городе слишком циничны, они во всем сомневаются, их трудно на что-то подвигнуть. Клиентов надо искать в окраинных трущобах. Там живут неграмотные люди, которые нуждаются в правительственной помощи. Именно для них задумана эта программа — с подарками и прочими поощрениями».

— Я учел его совет и поехал за город. И, не поверите, в первый же день проколол шину велосипеда.

— Плохое начало, — покачал головой Ишвар.

— Это еще ягодки. Самое плохое случилось позже.

Пока шину чинили, Раджарам разговорился со стариком на автобусной остановке недалеко от

пожарного гидранта. Старику надо было помыться, и он ждал, что уличные мальчишки прибегут и включат кран.

Ради практики и чтобы узнать, как долго он сможет удерживать внимание собеседника, Раджарам стал рассказывать старику, что является мотиватором и помогает осуществлять благое дело Центра планирования семьи. Он описал методы, существующие для контроля рождаемости, операции по стерилизации и награды за каждую: за тубэктомию давали больше подарков, чем за вазэктомию, потому что правительство предпочитало решать проблему раз и навсегда.

«Вот эту я хочу, — заявил старик, — туб… как там дальше, которая дороже». Раджарам чуть не упал от такого заявления. «Нет, дедушка, тебе это не подойдет, я просто так говорил», — сказал он. «А я настаиваю, — не унимался старик, — это мое право». «Но тубэктомию делают только женщинам, — объяснял Раджарам, — мужчинам — вазэктомию, но в твоем возрасте и это лишнее». — «Плевать я хотел на возраст, запиши меня на то, что делают мужчинам», — твердил старик.

— Может, он очень хотел получить транзистор, — предположил Ом.

— Я подумал то же самое, — сказал Раджа-

рам. — Если дед так его хочет, кто я такой, чтобы спорить. Если музыка приносит ему радость, зачем лишать старика музыки?

Поэтому он, расплатившись за починенную шину, достал нужную форму, дед поставил внизу подпись — отпечаток большого пальца, и Раджарам доставил пациента в клинику. Этим вечером он получил свои первые комиссионные.

Теперь он видел в проколотой шине знак будущей удачи, указующий перст судьбы, залатавший шину и изменивший его судьбу к лучшему. Раджарам с гордостью носил на рубашке значок мотиватора. Полный надежд он вновь отправился искать счастья на окраины, не сомневаясь, что найдет там много претендентов на вазэктомию и тубэктомию.

Прошла неделя, и эти странствия вновь привели Раджарама в места, где он встретил своего первого клиента. Раджарам вилял меж лачугами на велосипеде в поисках потенциальных слушателей, прокручивал в голове разные способы убеждения и составлял фразы, делавшие стерилизацию приемлемой и даже желаемой. В это время кто-то из семьи старика узнал его и стал звать на помощь: «Сюда, здесь мотиватор, этот сукин сын вернулся!»

Скоро Раджарама окружила разъяренная толпа с угрозами пересчитать ему все ребра. В ответ на мольбы о пощаде и страдальческие крики — за что? за что? — он услышал о постигшей семью трагедии. После операции пах старика заполнился гноем. Когда заражение распространилось дальше, врачи не смогли помочь, и старик скончался.

Ишвар очищал банан и сочувственно кивал. Он всегда смутно чувствовал, что новая работа сборщика волос сопряжена с опасностью.

— Они сильно тебя отколотили?

Раджарам расстегнул рубашку и показал синяки на спине. На груди затягивалась рана, нанесенная каким-то острым предметом. А когда он опустил голову, портные увидели небольшую плешку — один из нападавших выдрал ему клок волос.

— Счастье еще, что жив остался. Мне сказали, что старик согласился на операцию только из-за денежного вознаграждения и подарков — хотел помочь внучке с приданым.

Вернувшись, я сразу направился к инспектору с жалобой. «Каких вы ждете от меня результатов, если доктора убивают пациентов», — сказал я. «Пациент был просто очень стар, — ответил

инспектор, — а его родственники — невежественные люди, потому и винят в его смерти Центр планирования семьи».

— Вот негодяй! — возмутился Ом.

— Точно сказано. Но вам ни за что не догадаться, что еще сказал инспектор. «Теперь твоя работа станет легче из-за смены политики» — вот что он сказал.

Инспектор объяснил Раджараму, как работает новая схема. Согласно ей, нет необходимости заманивать людей на операцию. Вместо этого предлагается медицинское обследование. И это не обман, а просто шаг к улучшению жизни. Попав в клинику, изолированные от влияния непросвещенных членов семьи и друзей, они быстро поймут преимущества стерилизации.

Раджарам собрал крошки с оберточной бумаги, а потом швырнул бумагу на камни.

— Новая схема мне не очень понравилась, но я согласился ее испробовать. К этому времени все считали, что мотиваторы обманывают народ. Где бы я ни появлялся — в городе или в его окрестностях, меня оскорбляли, называли угрозой для мужчин, поборником импотенции, кастратором, поставщиком евнухов. А ведь я всего лишь выполнял правительственное задание, зарабатывая

этим себе на жизнь. Ну можно терпеть такое изо дня в день?

Начальству он сказал, что готов работать по-старому, распространять брошюры, рассказывать о процедурах, но участвовать в обмане не хочет. Ему сказали, что работать по-старому не удастся — на это не отпускают средств. Мотиватор должен предъявлять конкретные результаты, чтобы отработать пищу, кров и велосипед.

— И вот на прошлой неделе я потерял и то и другое и третье — меня уволили. Теперь мне остается только вернуться к прежней профессии.

— Сборщика волос?

— Да. Сейчас я хочу продать эти косички, — и Раджарам указал на сверток, принесенный портными. — И еще к одной профессии — парикмахера. Придется совмещать оба вида деятельности, иначе ничего не получится. Но потребуется восемьдесят рупий на гребни, ножницы, машинку для волос, бритву. Можете одолжить мне эти деньги?

— Надо подумать, — неопределенно ответил Ишвар. — Завтра увидимся.

— Нам правда хочется помочь ему, Дина-бай, — сказал Ишвар. — Он был нашим соседом в поселке и всегда нам помогал.

— Сейчас у меня нет денег на аванс. — Но Дина предложила другой выход. Она извлекла из глубины шкафа набор для стрижки, подаренный ей много лет назад Зенобией.

— Вот это да! — воскликнул пораженный Ом. — Вы еще и парикмахер?

— Была когда-то. Стригла детей.

Манек взял ножницы, сделав вид, что собирается отхватить завиток волос у Ома.

— Можно практиковаться на этих джунглях.

— А фен не пригодится? — И Дина положила фен перед Ишваром. — Он старый, но еще работает. Если он нужен вашему другу, пусть забирает.

— Вы уверены? А что, если он вам опять понадобится?

— Маловероятно. Со стрижкой покончено. — И Дина прибавила, что при плохих глазах и утраченном навыке уши детей будут в опасности.

— Есть еще одна проблема, — сказал Раджарам, с благодарностью принимая инструменты, когда они встретились на следующий день.

— Что на этот раз?

— Закупщик приезжает в город только раз в месяц. А я сплю на улице, и там негде хранить собранные волосы. Можно пока держать их в

вашем чемодане? Пожалуйста! Мы ведь друзья.

— Разве месячный сбор поместится в чемодане? — изумился Ишвар, которому не улыбалась перспектива хранить такие неаппетитные свертки.

— Конечно, поместится. Я собираю длинные волосы — так что в месяц получится всего косичек десять, и то, если повезет. Займет всего уголочек чемодана. А в конце месяца я продам их закупщику.

— Нашей хозяйке придутся не по душе твои частые визиты. — Ишвару хотелось, чтобы Раджарам сам отступил от своей затеи — было неловко искать предлоги, чтоб ему отказать. — Мы не у себя дома и не можем принимать гостей.

— Это временные трудности. Будем встречаться на улице. Да хоть здесь, в «Вишраме».

— Мы редко сюда приходим, — сказал Ишвар, но потом уступил: — Ладно, можешь оставлять пакет у Шанкара, он нищий и побирается здесь. Ездит на тележке. Он нас знает. Мы тебя познакомим с ним.

— Этот нищий ваш друг? Странные однако у вас друзья.

— Действительно странные, — согласился Ишвар, но сборщик волос, поглощенный тягост-

ными перипетиями своей жизни, не уловил иронии.

Дину раздражали нервные подергивания пальцев Ишвара, но еще больше — постоянное почесывание Омом головы. Раньше она мирилась с этим, зная, что портные уйдут в шесть часов, но теперь ее не только бесило это зрелище — она боялась, как бы ей не зачесаться самой.

Дина поговорила с Ишваром наедине, объяснив, что наличие вшей — та же болезнь, и здоровье племянника улучшится, если вывести паразитов.

— Все упирается в деньги, — сказал Ишвар. — У нас нет денег на доктора.

— Чтобы избавиться от вшей, доктор не нужен. Есть прекрасное домашнее средство. — Когда Дина рассказала Ишвару о нем, он вспомнил, что мать лечила его точно так же.

Заправляя плиту, Дина наполнила керосином пустую бутылочку из-под шампуня.

— Намажь после чая ему этим голову, — сказала она. — Хорошенько помассируй и оставь на двадцать четыре часа. Завтра пусть смоет.

— Только на двадцать четыре? Я думал — на сорок восемь. Мать мыла мне голову только через два дня.

— Твоя мать была смелая женщина. За сорок восемь часов много чего может случиться. Мы ведь не хотим, чтобы твой племянник превратился в пылающий факел.

— О чем это вы говорите? — заинтересовался Ом. Взяв в руки бутылочку, он открутил крышку. — Фу, да это керосин!

— А ты чего хотел? Розовую воду? Станем ублажать вшей или убивать?

— Во-во! — поддержал Ишвар. — Да не волнуйся ты! Твоя бабушка точно так выводила вшей у меня и твоего отца, когда мы были детьми.

Ом с отвращением нагнулся над раковиной, ворча, что у некоторых людей не хватает керосина на ужин, а здесь тратят его на волосы. Ишвар несколько раз небольшими порциями поливал керосином шевелюру Ома. При электрическом свете увлажненные волосы переливались.

— Красив, как павлин, — сказал Ишвар.

— А теперь втирай, да хорошенько, — командовала Дина. Ловкие руки Ишвара следовали ее указаниям, и голова протестующего Ома качалась из стороны в сторону.

— Да прекрати же! Если керосин проникнет в кровь, мне конец!

Когда Ома обработали, Дина дала ему сломан-

ную ложку на случай, если захочется почесаться.

— Не чешись пальцами — можешь испачкать платья.

Ом с несчастным видом уселся за швейную машину и яростно дул, чтобы прогнать запах. Чесаться ложкой тоже было не так приятно, как ногтями. Время от времени он тряс головой, как мокрая собака, а остальные трое посмеивались над ним.

— Может, покуришь биди? Немного отвлечешься? — спросил Ишвар. — Думаю, сегодня Дина-бай пойдет на уступки.

— Ну, конечно. Принести спички?

— Смейтесь, смейтесь, — мрачно проговорил Ом. — Смейтесь, пока я не задохнулся от этой вони.

Днем он отказался идти в «Вишрам», сказав, что весь пропитался керосином и ему кусок в горло не полезет. Тогда Ишвар тоже остался дома.

Позже пришел Манек и еще с порога стал принюхиваться.

— Пахнет как у плиты. — Продолжая принюхиваться, как ищейка, он дошел до Ома. — У тебя теперь новый вид деятельности? Работаешь печкой?

— Вот именно, — отозвалась Дина. — Сегодня

готовим еду на его макушке. Он у нас горячий парень.

Эта шутка подвигла Дину разделить вечернюю трапезу с портными у себя дома. Были еще и другие причины. Можно позабыть об Ибрагиме — портные не выходили на обед, а теперь пропустят и ужин. Заслуживал награды и Ом, смиренно просидевший весь день с пропитанными керосином волосами.

Поэтому Дина нарезала еще одну луковицу и сварила еще три картошки. Разносчик хлеба пришел к вечеру. Вместо двух булочек она купила четыре.

— Манек, иди сюда, — крикнула она из кухни и посвятила юношу в свой план.

— Правда? Но это замечательно, тетя! Они будут в восторге от одной только мысли сидеть с нами за одним столом!

— Кто тебе сказал, что за одним столом? Я отнесу тарелки на веранду.

— Не пойму — вы хотите доставить им радость или оскорбить?

— Почему оскорбить? На веранде удобно, чисто.

— Отлично. Тогда и я там буду есть. Не хочу участвовать в оскорблении. Отец на открытой

веранде кормил только бродячих собак.

Дина состроила гримасу, и Манек понял, что победил.

Дина вспомнила, что последний раз все места за столом были заняты на третью годовщину ее свадьбы — в тот день восемнадцать лет назад погиб Рустам. Она поставила на стол четыре тарелки и позвала портных. По их лицам было видно, что ее приглашение для них огромная честь.

— Ты с честью выдержал испытание, — сказала она Ому, — и заслужил ужин. — Поставив на стол горшок, Дина почистила морковку для себя. Портные с любопытством глядели, как она откусила кусочек.

— Не только ты прибегаешь к домашним средствам. Я лечу так глаза. Правильно, доктор?

— Да, это лекарство для улучшения зрения, — сказал Манек.

— И, знаете, я привыкла и даже полюбила сырую морковь. Но, надеюсь, Ом не проникнется нежными чувствами к своему лекарству, иначе нам придется каждый день дышать керосином.

— А как действует керосин? Он травит вшей?

— Могу тебе рассказать, — сказал Манек.

— Ты мастер приврать, — осклабился Ом.

— Лучше послушай. Сначала все твои вошки

пропитаются керосином. Потом ночью, когда ты уснешь, тетя Дина тихонько даст каждой из них по крошечной спичке. На счет три все они покончат с собой, охваченные малюсеньким пламенем, но оно тебе не навредит. А твою голову украсит прекрасный нимб.

— Не смешно, — сказала Дина.

— Это не будет самоубийством, тетя.

— Не хочу слышать такое за столом. Даже в шутку. Лучше помолчи.

Дина приступила к еде. Манек тоже взял вилку и подмигнул Ому. Портные сидели неподвижно и только глядели, как они едят. Когда Дина подняла глаза, оба нервно улыбнулись. Переглянувшись, они неуверенно прикоснулись к столовым приборам, не решаясь взять их в руки.

Дина все поняла.

«Как глупо с моей стороны, — подумала она, — выставить сейчас напоказ эти приборы». Отложив вилку и нож, она взяла руками кусок картошки и отправила его в рот. Манек последовал ее примеру, и портные тоже стали есть.

— Очень вкусно, — похвалил Ишвар, и Ом с набитым ртом согласно кивнул. — Вы едите хлеб каждый день?

— Да, — сказала Дина. — А тебе что, не нра-

вится?

— Нет, хлеб хороший. Просто я подумал, что дороговато покупать готовый хлеб каждый день. Ведь можно покупать зерно по вашей продовольственной карточке.

— Можно, — согласилась Дина. — Но тогда нужно его сначала молоть, потом месить муку и выпекать чапати. Мне уже трудно. Когда был жив муж, я так и делала. А потом мне стало все равно. Нет ничего хуже, чем готовить для себя одной. — Кусочком хлеба она подобрала соус. — Наверно, вам тоже дорого обедать в «Вишраме».

— Да, — признал Ишвар, — особенно теперь, когда приходится каждую неделю платить Хозяину Нищих.

— Когда мы жили в поселке и готовили еду на примусе, тратили гораздо меньше, хотя у нас не было продовольственной карточки. Каждый день ели чапати.

— Можете покупать пшеницу по моей карточке, если хотите. Я беру только рис и сахар.

— Но где нам готовить?

Вопрос был риторический, но Манек нашелся, что ответить. Он выждал несколько минут, а затем весело произнес:

— У меня есть идея. Ишвар и Ом умеют де-

лать чапати, так? А у тети Дины есть квота на пшеницу. Можно разделить на всех стоимость продуктов и есть вместе. Таким образом, все сэкономят деньги.

«А главное, — думала Дина, — не будет проблем с домохозяином — Ибрагим потерпит поражение. Пусть хоть двадцать четыре часа торчит поблизости, все равно никого не увидит. И любопытным соседям, которые могут донести, чтобы быть на хорошем счету, нечего будет предъявить. А кроме того, теплые пури[118] и чапати — просто объедение.

Но достаточный ли это повод идти на дальнейшее сближение с портными? Мудро ли нарушать те отношения, которые она с трудом установила?»

— Даже не знаю, — сказала она. — Ишвару и Ому может не понравится моя стряпня.

— Как не понравится? — с жаром проговорил Ом. — Все так вкусно.

Дина медленно жевала, давая себе время подумать.

— Ну что ж, попробуем так жить неделю, — согласилась она.

---

[118] Примечания: 118

Пури — тонкие воздушные лепешки из пресного теста, очень популярны в индийской кухне.

— Будет хорошо, — сказал Ишвар.

— Чапати буду делать я, — заявил Ом. — Тут я непревзойденный мастер.

Правительственный грузовик доставил свежие запасы в магазин, где отпускали провизию по продовольственным карточкам. Дина и портные встали в очередь, а тем временем двое кули разгружали грузовик, перетаскивая на спинах пятидесятикилограммовые мешки. Солнце играло на больших стальных крюках, которые кули раскачивали, чтоб зацепить мешковину. Капли пота, падая на джутовые мешки, оставляли на них темно-коричневые пятна. В магазине мешки укладывали аккуратно в ряд, словно покойников в морге, рядом с весами, свисавшими с потолка на тяжелой цепи.

— Эти парни не торопятся, — сказал Ишвар. — Берут только по одному мешку. А ну-ка, Ом, покажи, как управляются с двумя.

— Не дразни бедного мальчика, — попросила Дина, глядя как Ом в шутку закатывает рукава. — Кстати, почему он такой тощий? Ты уверен, что у него нет глистов?

— Дина-бай, поверьте, глистов у него нет. Вот скоро женится, тогда жена его откормит.

— Но он слишком молод для брака.

— Почти восемнадцать — не так уж и молод.

— Дина-бай права, забудь эти глупости, — нахмурился Ом.

— Не строй кислую гримасу!

Очередь росла. Кто-то сзади крикнул, чтобы поторопились, и разъяренный торговец выскочил, чтобы унять крикуна.

— Думай, что говоришь! Если грузовик еще не разгрузили, что я тебе продам? Песок и камни?

— А разве вы продаете что-то другое? — не унимался крикун, и люди засмеялись. — Попробуйте сами! — Нарушителем спокойствия оказался плюгавый человечек с большим зобом, все в очереди уставились на него.

— Ну и вали отсюда! Никто не заставляет тебя покупать!

Те, кто стоял рядом с крикуном, пытались его успокоить. У магазина, где продукты отпускают по карточкам, не стоит ссориться — все равно прав не окажешься, потому что зависишь от них. Кто-то в очереди сказал, что от крика у него может лопнуть зоб.

— Да он у меня и вырос из-за этих мошенников, — бушевал мужчина. — Они продают плохую соль — в ней нет йода. Эти жирные скупердяи повинны во всех наших несчастьях! Спекулянты,

обманщики, отравители!

Грузовик отъехал. Из прохудившихся мешков на месте осталась небольшая горка зерна. Босой мужчина в нижней рубашке и подштанниках быстро ссыпал зерно в банку из-под подсолнечного масла и побежал вслед за грузовиком до следующей остановки — сегодня он поест вдоволь.

Продавец установил весы, и магазин заработал. В продовольственной карточке Дины сделали соответствующие поправки. Помимо сахара и риса, она купила по совету портных краснозерную и обычную пшеницу, а также немного сорго[119]. Они уверяли, что лепешки из него получаются вкусные, питательные и, главное, дешевые.

Портные внимательно следили за весами каждый раз, когда взвешивали новое зерно, не упуская из вида стрелку, пока коромысло весов не замирало. Когда продавец пересыпал зерно из чаши весов в сумки Дины, взмывало облачко пыли. Зерно перекатывалось с журчанием маленького водопада. Потом портные понесли зерно на помолку.

Вечером Ом стряпал чапати, стараясь не уда-

---

[119] Примечания: 119
Сорго — зерновая культура.

рить в грязь лицом. Тесто он месил тщательней обычного и аккуратно его раскатывал, стремясь, чтобы лепешки были идеально круглыми. Если кружок его не устраивал, он сминал тесто в шарик и раскатывал снова.

За ужином все хвалили Ома и поздравляли с успехом. Похвала подкреплялась скоростью, с какой исчезли все восемь чапати. Довольный Ом решил в дальнейшем печь не меньше двенадцати.

Как только открыли окно, послышалось мяуканье. Манек рассказал Ишвару и Ому, как назвал местных кошек: Джон Уэйн[120] с важным видом расхаживал по улице, как хозяин; полосатая бело-коричневым кошечка Виджаянтимала[121], его любимица, грациозно двигалась, словно в танце; Ракель Уэлч[122], лениво потягивалась, выгибая спинку, и никогда не бросалась первая к еде;

---

[120] Примечания: 120

Джон Уэйн — (1907–1979) — американский актер, которого называли «королем вестерна».

[121] Примечания: 121

Виджаянтимала — индийская актриса и танцовщица (род. 1936).

[122] Примечания: 122

Ракель Уэлч (род. 1940) — американская актриса и секс-символ 1970-х.

там же шастал и Шатругхан Синха[123], задира и драчун, из-за него объедки надо было бросать подальше, чтобы досталось и другим.

— Кто такой Джон Уэйн? — спросил Ом.

— Американский актер. Играет героев, вроде нашего Амитабха Баччана. Ходит словно у него геморрой и луковицы под мышками. Всегда в конце фильма оказывается победителем.

— А Ракель Уэлч?

— Американская актриса. — И наклонившись ближе, тихонько добавил: — С большими сиськами. — Под окном продолжалось мяуканье.

— Хорошо, что я сегодня сделал больше чапати, — расплылся в улыбке Ом. — Кажется, ей нравится.

— Что здесь происходит? — подошла Дина. — Приучаешь моих портных к плохим манерам? Пожалуйста, закрой окно. — «Как бы с этой совместной готовкой и трапезами не вышла из-под контроля ситуация, — подумала она. — Отношения становятся слишком тесными».

Пока юноши переговаривались, Ишвар стоял в стороне.

— Дина-бай, говорят, кормить бессловесных

---

[123] Примечания: 123
Синха, Шатругхан (род. 1945) — индийский актер и политик.

тварей — благое дело.

— Может, их и в дом запустить? Из сточных ям можно много микробов принести — в живых не останемся.

Теперь в туалете после портных Дину не беспокоил запах мочи. «Странно, — думала она, — как быстро человек ко всему привыкает».

А потом ее вдруг осенило: запах стал малозаметным, потому что не отличался от остальных. Ведь они ели одну еду, пили одну воду. Все в одной лодке.

— Давайте приготовим сегодня масала вада по рецепту Раджарама, — предложил Ишвар.

— Я не умею готовить это блюдо.

— Неважно. Я сам сделаю. А вы, Дина-бай, сегодня отдохните. — Ишвар взял на себя руководство — послал Ома и Манека купить половину кокоса, зеленых чили, листьев мяты и маленький пучок кориандра. Остальные ингредиенты: сухой красный чили, семена тмина, тамаринд нашлись у Дины в ящичке для специй. — И поторапливайтесь, для вас еще найдется работа.

— Могу я чем-то помочь? — спросила Дина.

— Понадобится еще чашка чечевицы.

Дина отмерила нужное количество чечевицы,

помыла ее и поставила на огонь.

— Если б замочили ее вчера, могли бы и не варить, — сказал Ишвар. — Но так тоже хорошо.

Когда юноши вернулись, он поручил Ому тереть орех, а Манеку — нарезать две луковицы. Сам он порубил четыре зеленых и шесть красных перцев чили, кориандр и мяту.

— А лук-то горький, — сказал Манек, шмыгая носом и утирая рукавом глаза.

— Тебе это на пользу. Каждый должен хоть раз в жизни поплакать. — Ишвар посмотрел на стол, где лежали крупные кольца лука. — Ну-ка, режь тоньше.

Чечевица была готова. Ишвар слил воду, а чечевицу вывалил в ступку, добавил туда чайную ложку тмина, нарезанный перец чили и все перемешал. Постукивание пестика вызвало у Манека желание разнообразить этот звук звяканьем ножа по кастрюльке.

— Эй, музыкант, готов у тебя лук? — спросил Ишвар. Месиво в ступке было желтого цвета с зелеными, красными и коричневыми крапинками. Ишвар всыпал туда оставшиеся ингредиенты, опять перемешал и вдохнул исходящий аромат.

— Отлично. Теперь пора делать оладьи, а Ом тем временем приготовит чатни. Измельчите

оставшуюся копру[124] и пажитник.

Ишвар бережно переворачивал в искрящемся масле на раскаленной сковороде вада — ровные шарики, двигая их ложкой для равномерной прожарки. А тем временем Ом тщательно растирал на доске чили с другими приправами, иногда его сменял Манек. Наконец с доски закапал драгоценный чатни.

Дина стояла рядом, вдыхая аромат вада — те постепенно приобретали в кипящем масле аппетитную коричневую корочку. Юноши убирали за собой, мыли плитку, смеясь и подшучивая друг над другом. Ишвар предупредил, что, если на плитке останется хоть капля, он заставит вылизать ее языком, как делают кошки. «Как все изменилось, — думала Дина. — Кухня — самое тусклое и унылое место в доме — теперь преобразилась — стала средоточием энергии и радости».

Через двадцать минут угощение было готово.

— Давайте есть, пока горячее, — сказал Ишвар. — Принеси нам воды, Ом.

Все взяли по шарику и полили сверху чатни. Сияющий от гордости Ишвар ожидал оценки его усилий.

---

[124] Примечания: 124

Копра — высушенная мякоть кокоса. *(Примеч. ред.)*

— Божественно! — воскликнул Манек.

Дина притворилась обиженной, сказав, что Манек никогда не отзывался так высоко о ее стряпне. Тот попытался как-то выкрутиться.

— У вас все очень вкусно, тетя, но блюда как у моей мамы. Такие — едят в семьях парсов. Только поэтому я не кричу от восторга.

Ишвар и Ом вели себя скромно.

— Ничего особенного. И готовить масала вада просто.

— Просто объедение, — подтвердила Дина. — Манеку пришла в голову прекрасная мысль — есть вместе. Знай я с самого начала, что вы такие умельцы, наняла бы вас в качестве поваров, а не портных.

— Простите, — Ишвар довольно улыбнулся ее похвале, — но мы не стряпаем за деньги, а только для себя и наших друзей. — От этих слов в Дине вновь пробудилось чувство вины. Между ними по-прежнему пропасть, и портные понимают ее лучше, чем она — их.

За последующие недели портные расширили меню и перешли от чапати, пури и вада к таким вегетарианским блюдам, как панир[125] масала,

---

[125] Примечания: 125

Панир — прессованный свежий сыр в индийской кухне.

алу[126] масала и другим. Теперь на кухне вечером суетились четверо или по меньшей мере двое человек. «Мое самое безрадостное время, — подумала Дина, — стало самым счастливым».

В те дни, когда Дина готовила блюда из риса, портные не пекли чапати, но всегда помогали ей, если не уходили на поиски жилья.

— Когда я жил мальчиком в деревне, — рассказывал Ишвар, перебирая рис и выбрасывая мелкие камешки, — я вот так же помогал матери. Но у нас все было по-другому. После сбора урожая мы выходили в поле и подбирали зерна, оставшиеся после молотьбы и провеянивания.

Наконец портные стали делиться с ней частицами прошлого, а что может быть дороже таких воспоминаний? Картина их прошлой жизни постепенно обрастала новыми подробностями.

— В те дни, — продолжал Ишвар, — мне казалось, что ничего другого ожидать от жизни нечего. Неровная дорога с острыми камешками и, если повезет, немного зерна.

— А позже?

— Позже я узнал, что дороги бывают разные. И идти по ним тоже можно по-разному.

---

[126] Примечания: 126
Алу — картофель.

Дине понравилось, как портной выразил свою мысль.

— Ты хорошо сказал.

Ишвар тихо засмеялся.

— Должно быть, из-за ремесла портного. Портным надо читать выкройки, изучать эскизы.

— А ты, Ом? Ты тоже помогал маме собирать зерно?

— Нет.

— В этом не было необходимости, — объяснил Ишвар. — Когда Ом родился, его отец — мой брат, был уже успешным портным.

— Однако он посылал меня работать с вонючей кожей, — сказал Ом.

— Этого ты мне не рассказывал, — упрекнул юношу Манек.

— Я тебе много чего не рассказывал. Ты ведь тоже мне не все говорил?

— Отец хотел выработать у тебя характер, — сказал Ишвар. — И чтобы корни свои не забывал, хотел напомнить тебе о них.

— А почему надо было напоминать?

— Это долгая история.

— Расскажите, — хором попросили Дина и Манек, и все рассмеялись.

— Все в нашей семье были кожевниками, — на-

чал Ишвар.

— Это означает, — перебил его Ом, — что мы принадлежали к чамарам — касте неприкасаемых, которые занимаются обдиркой туш, дублением и покраской кожи и изготовлением из них разных изделий.

— Правильно, — подтвердил Ишвар, продолжая рассказ дальше. — Давно, задолго до рождения Омпракаша, когда мы с его отцом Нараяном были мальчиками десяти и двенадцати лет, отец, его звали Дукхи, послал нас учиться на портных…

— Расскажи, как ими пользоваться, — попросил Ом.

— Чем?

— Ножом и вилкой.

— Хорошо, — сказал Манек. — Урок первый. Не ставь локти на стол.

Ишвар одобрительно кивнул. Такое знание всегда производит впечатление, сказал он, и повысит шансы Ома, когда они вернутся в деревню, чтобы найти ему жену:

— Умение пользоваться за столом такими приборами — большое искусство, все равно, что играть на музыкальных инструментах.

Покрывало Дины стало вновь расти. Портные

энергично взялись за работу, быстро исполняли заказы «Оревуар экспортс», и обрезки множились, как наносы по берегам быстро текущей реки. После ужина Дина устраивалась с лоскутами на диване, выбирая лучшие и ища подходящие сочетания.

— Новые лоскуты сильно отличаются от прежних, — сказал Манек. — Думаете, они будут хорошо смотреться вместе?

— Ну вот, опять в тебе заговорил критик, — простонала Дина.

— Квадраты, треугольники и многоугольники, — констатировал Ом. — Немного сбивает с толку.

— Прекрасное будет покрывало, — уверенно сказал Ишвар. — Только не торопитесь, Дина-бай, осторожно соединяйте куски — секрет в этом. Все эти обрезки, на первый взгляд, никуда не годятся, но только до того времени, пока не нашли себе пару.

— Именно так, — согласилась Дина. — Эти мальчишки ничего не понимают. Кстати, в шкафу много разных тканей, можете сшить что-нибудь, если хотите.

Ишвар подумал о Шанкаре — хорошо бы подарить ему новую рубашку. Он поделился с Диной

своими сомнениями: у нищего полностью ампутированы конечности, на нем не держится ни набедренная повязка, ни нижнее белье, ни штаны, ведь ему приходится постоянно маневрировать и елозить по платформе. А стоит одежде соскользнуть с его талии, он становится совсем беспомощным, и тогда Хозяину Нищих приходится помогать ему.

— Мне кажется, я придумала, что можно сделать, — сказала Дина. Она отыскала свой школьный закрытый купальник и объяснила, как он сшит. Его легко скопировать, внеся всего несколько изменений — приделать рукава, воротник и сделать лиф на пуговицах.

— Прекрасная мысль, — восхитился Ишвар.

Отложив куски светло-коричневого поплина, он на следующий день захватил с собой в «Вишрам» сантиметр. Дуя на горячий чай в блюдцах, портные поглядывали в окно. Там на тротуаре Шанкар работал над созданием нового образа.

Шедший в ногу со временем Хозяин Нищих удлинил платформу. Теперь Шанкар лежал на спине и махал обрубками ног в воздухе. Яички при этих движениях то и дело вываливались из тряпок наружу. Шанкар запихивал их обратно, но это требовало от него больших усилий, и в

конце концов он оставил мошонку открытой.

— О, господин, подайте денежку! — напевно повторял он, потряхивая в такт жестянкой для подаяния. Жестянка стояла у него на лбу, и он придерживал ее беспалыми кистями. Устав, он ставил ее у головы, и тогда мог махать не только обрубками ног, но и руками.

Когда портные допили чай, Шанкар уже сидел. Лежачее положение было для него непривычным, обзор был совсем другим, и потом его то и дело охватывал ужас, что на него наступят. В часы пик, когда по тротуару валил сплошной поток людей, его охватывал смертельный страх.

Увидев выходящих из «Вишрама» Ишвара и Ома, он радостно подъехал к ним поболтать.

— Видим, у тебя новая тележка, Шанкар!

— Что поделаешь, нужно потакать публике. Хозяин решил, что пришло время перемен. С тех пор, как мы вернулись из того ужасного места, он стал очень добрый. Еще добрее, чем раньше. И больше не зовет меня Червяком, а называет по имени, как вы.

Шанкар пришел в восторг от их плана сшить ему новую одежду. Все трое уединились в переулке за «Вишрамом», и Ишвар снял с нищего мерки.

— Тебе будет удобно, — сказал Ом. — Теперь сможешь спать на работе.

— Вы даже представить не можете, какое это блаженство, — проговорил лукаво Шанкар. — Я всего три дня работаю на новой тележке, а какие мне открылись картины! Особенно когда над моей головой проплывают юбки.

— Да что ты говоришь! — с завистью проговорил Ом. — И что ты видел?

— Словами не опишешь эти роскошные спелые прелести, ничего лучше в жизни не бывает.

— Мой племянник, наверняка, захотел бы провести на твоей тележке денек-другой, — произнес сухо Ишвар.

— Тогда ему первым делом надо будет что-то сделать со своими ногами, — сказал Шанкар, получая удовольствие от черного юмора. — Это несложно. Надо только перестать платить Хозяину, что гарантирует ему перебитые ноги.

На следующий день наряд был готов, и вечером, когда портные в очередной раз отправились на поиски жилья, они по дороге подошли к месту работы Шанкара. Портные хотели опять отойти с ним в переулок, чтобы помочь облачиться в новую одежду, но Шанкар пребывал в сомнении.

— Хозяину это не понравится.

— Почему?

— Новая одежда слишком хороша. — Шанкар решил дождаться одобрения хозяина, и только тогда ее носить.

Портные ушли разочарованные, захватив с собой предназначенный для них сверток с волосами. Какое-то время сборщик волос ничего не оставлял, но в последние дни поступления стали постоянными, и их чемодан активно пополнялся.

— Если длинные волосы попадаются редко, как Раджараму удалось столько собрать? — удивлялся Ом.

— Какое мне дело до его волос? Не собираюсь забивать этим голову.

На следующей неделе портные наконец увидели нищего в подаренной одежде. Впрочем, узнать ее было трудно: над коричневым поплином Хозяин Нищих хорошо поработал. Ткань была вся перепачкана, на груди красовалась дыра — теперь одежда была под стать нищему.

— Вот сукин сын этот Хозяин! — воскликнул Ом. — Испортил наше творенье!

— Не суди его строго, — сказал Ишвар. — Ты ведь не отправился бы на работу к Дине-бай в костюме с галстуком-бабочкой или в огромном

свадебном тюрбане, разве не так?

Глава одиннадцатая. Светлое будущее затягивают тучи

Безопасная и удобная жизнь на веранде отучала портных от борьбы за существование, и их ежедневные поиски жилья становились все более вялыми. Правда, Ишвара иногда посещало легкое чувство вины и мысль о том, что они злоупотребляют гостеприимством Дины, живя у нее уже третий месяц. Чтобы как-то успокоить совесть, он взял за правило рассказывать ей во всех подробностях неудачи, описывал места, в которых они побывали — в каморках многоквартирных домов, в лачугах, где им в очередной раз не повезло.

— Какая жалость, — так часто начинался его отчет. — Мы опоздали на десять минут, комнату заняли прямо перед нами. А комната была хорошая.

Со временем Дина перестала опасаться, что хозяин узнает о жильцах. Ее устраивало, что портные живут на веранде. Никто не мог убедить ее, что это плохая идея, даже Зенобия, которая как-то, заскочив вечером на огонек, ужаснулась,

увидев в квартире чемодан и постель портных.

— Это опасно, — предупредила она. — Ты играешь с огнем.

— Ничего не случится, — уверенно сказала Дина. Она отдала долг Нусвану, сборщик арендной платы ее тоже не беспокоил, а портные работали быстрее и лучше прежнего.

Забастовку в «Оревуар экспортс», которую все так боялись, тоже удалось предотвратить, и миссис Гупта расценила это, как торжество добра над злом.

— Теперь у фирмы своя наемная охрана, — объяснила она Дине. — Система — бандиты против бандитов. Наши управляются с профсоюзными заправилами раньше, чем те затеют беспорядки или настроят рабочих против хозяев. Даже полиция нас поддерживает. Всем надоели самочинства профсоюзов.

Портные обрадовались, когда Дина принесла им добрую весть.

— Наши звезды нас не подводят, — сказал Ишвар.

— Да, — согласилась Дина. — Но для нас важнее, чтобы нас не подводили наши стежки.

Ишвар и Ом обычно отправлялись на поиски жилья после ужина, а иногда перед ним, если

в этот день не стряпали сами. Дина желала им удачи, но в то же время всегда прибавляла: «Возвращайтесь скорее» — и это были не пустые слова. Манек часто составлял друзьям компанию. Оставшись одна, Дина в ожидании портных то и дело поглядывала на часы.

А вечером, слушая рассказ об их приключениях, советовала: «Не торопитесь. Все взвесьте».

— Будет глупо, — говорила она, — оплатить жилье, которое могут снести из-за незаконности постройки. Лучше подкопить денег и снять нормальную комнату, из которой вас не смогут выгнать. Все обдумайте.

— Но вы не берете с нас плату. Мы не хотим быть для вас обузой.

— Я не чувствую никакой обузы. И Манек тоже. Правда, Манек?

— Сущая правда. У меня одна обуза — предстоящие экзамены.

— Есть еще одна проблема, — продолжил Ишвар. — Пока у нас не будет собственного жилья, мой дорогой племянник не сможет жениться.

— Вот тут я ничем помочь не могу, — сказала Дина.

— Кто сказал, что я хочу жениться? — огрыз-

нулся Ом, а Дина и Ишвар обменялись понимающими взглядами.

Слух о том, что на севере города сдается комната на двоих, привел портных туда, где они искали работу, когда только что приехали в город. Комната по указанному адресу оказалась уже сдана. Проходя мимо ателье «Современная одежда», они решили зайти поздороваться с Дживаном.

— А, вижу, пришли старые друзья, — приветствовал их Дживан. — И привели нового друга. Он тоже портной?

Манек улыбнулся и покачал головой.

— Ничего, мы вас быстро научим. — И Дживан предался воспоминаниям о том времени, когда все трое работали круглые сутки, чтобы успеть к внеочередным выборам. — Помните, мы тогда сшили сто рубашек и сто дхоти, которые кандидат заказал для подкупа влиятельных людей?

— А казалось всю тысячу? — сказал Ом.

— Позже я узнал, что он заказал работу более чем двум дюжинам портных. И раздал пять тысяч рубашек и дхоти.

— Откуда у этих проклятых политиков такие деньги?

— Как откуда? От бизнесменов, которым они помогают получить лицензии. Так работает эта

система.

Тогда, кстати, кандидат проиграл, несмотря на раздачу одежды среди самых влиятельных избирателей: выступления представителей оппозиции были умнее и ярче. Так что никакого преступления не было — дорогую одежду раздали, а победили на выборах все равно сильнейшие.

— Этот кандидат пытался во всем обвинить меня. Якобы избиратели не пошли за ним, потому что одежда была плохо пошита. Принеси ее и покажи мне, сказал я. Больше я его не видел. — Дживан освободил стол и отряхнул спереди рубашку. — Присаживайтесь, выпьем чаю.

Но приглашение «присесть» было чисто риторическим. Суета в маленьком ателье не позволяла осуществить это на практике. За последнее время в мастерской произошли перемены — задняя часть была отгорожена, там стояли закрытые кабинки для примерки. Ишвар пил чай у прилавка из блюдца, Дживан там же — из чашки, а юноши вынесли свой чай к выходу.

Так случилось, что в «Современной одежде» был наплыв клиентов.

— Вы принесли мне удачу, — сказал Дживан. — Пришла семья, чтобы заказать по комплекту одежды для трех маленьких дочек.

Мать с гордостью держала под мышкой рулон ткани, отец, напротив, хмурился. К празднику Дивали каждой дочке надо было сшить по блузке и длинной юбке.

Поглаживая пальцем губы, Дживан притворялся, что изучает книгу заказов.

— Остался только месяц, — посетовал Дживан. — Все торопятся. — Он что-то бормотал, хмыкал, щелкал языком, затем сказал, что постарается выполнить заказ, но это будет трудно.

Девочки запрыгали от радости. Сердитый отец рявкнул на них, потребовав, чтобы дочки стояли смирно, или он свернет им головы. Никто не обратил внимания на его угрозы. Все привыкли к отцовской манере общения.

Дживан измерил ткань — полиэстер с изображениями павлинов. Потом поморщился, измерил ткань снова и объявил, поглаживая губы, что этого материала не хватит на три блузки и три длинные юбки. Глаза девочек наполнились слезами.

— Этот кривоногий мошенник лжет, — шепнул Ом Манеку. — Смотри, что будет дальше.

Дживан в третий раз измерил ткань и с видом благодетеля предложил новый вариант.

— Будет нелегко, но я могу сделать юбки ко-

роче.

Родители в отчаянии ухватились за эту возможность, умоляли Дживана поскорей приступить к работе. Тот щелкнул в воздухе сантиметром и стал снимать с девочек мерки. Те стояли неподвижно и, словно куклы в кукольном театре, поворачивались, неестественными, замороженными движениями поднимая то головы, то руки.

— Негодяй присвоит себе по меньшей мере три ярда от рулона, а то и четыре, — шепнул Ом, пропуская выходящее из мастерской семейство. Маленькие девочки тихо жаловались: очень уж они хотели длинные юбки. Отец нежно их обнимал, угрожая выбить зубы, если они будут плохо себя вести, и вскоре счастливое семейство скрылось из вида.

Дживан сложил ткань, вложив в нее листок с мерками девочек.

— Портным тоже надо на что-то жить, правда?

Он явно ждал одобрения, но Ишвар только уклончиво кивнул.

— Клиенты всегда ждут от нас слишком многого, — продолжил Дживан, неловко прячась за банальностями.

Из неловкой ситуации ему помогло выбраться появление клиентки. Женщина пришла на

примерку шелкового чоли, ей вручили блузку, и она скрылась в примерочной, задернув за собой занавеску.

Манек подтолкнул Ома, и оба уставились на кабинку. Колышущаяся занавеска немного не доходила до пола, и можно было видеть кончик сари и ноги в сандалиях. Дживан укоризненно погрозил им пальцем, но сам тоже искоса поглядывал на кабинку.

— Будь занавеска тоньше, моя жизнь пошла бы веселее, — сказал Ом. Из кабинки доносилось мелодичное позвякивание браслетов.

— Тс-с, — осадил их Дживан посмеиваясь. — Из-за вас я потеряю постоянную клиентку.

При появлении женщины юноши виновато замерли и словно онемели. Они исподтишка бросали на нее взгляды, стоя с опущенными головами. Ее сари было приспущено на плечах, чтобы Дживан мог увидеть, как села блузка.

— Немного поднимите руки, — сказал портной, снимая мерку. Говорил он с интонацией врача, предлагающего пациенту показать язык.

Между чоли и талией тонкой полоской обнажилось тело. Сари у женщины было современного покроя с открытым пупком. Дживан предложил сделать две складки на спине и слегка увеличить

вырез впереди. Женщина вновь скрылась за шторкой.

Ом тихо сказал Манеку, что об этой части тела он больше всего мечтает, когда шьет платья по выкройкам Дины-бай.

— У меня нет никакого шанса измерить самих женщин.

— А что тебе это дало бы? Ровным счетом ничего.

— Не говори. — И Ом рассказал, какое блаженство снимать мерки, когда шьешь блузку, особенно узкое чоли, вроде этого: ведь тогда сантиметр идет поверх грудей. А обхватывая грудь сантиметром, стоишь очень близко к женщине. Уже это очень волнует. Потом сводишь два конца сантиметра у ложбинки между грудями — саму грудь, конечно, не трогаешь, но всегда можно слегка ее коснуться. Но тут надо быть осторожным. Если женщина вздрагивает от одного прикосновения сантиметра, опасно что-то предпринимать. Но есть такие, которые не чураются прикосновений — по их взгляду и соскам видно, что пальцам можно дать волю.

— Ты такое проделывал?

— Много раз. Когда работал у дяди Ашрафа.

— Может, мне правда стоит бросить универси-

тет и стать портным.

— Конечно. Удовольствия больше.

— На самом деле, я думаю, продлить обучение.

— Зачем? Мне казалось, тебя от университета воротит.

Манек помолчал, отстукивая такт пальцами.

— Я получил письмо от родителей. Они пишут, что ждут не дождутся, когда закончится год, очень скучают и все остальное в том же духе. А из дома меня гнали — езжай, езжай! И я решил написать, что хочу остаться еще на три года и получить настоящий диплом, а не свидетельство о прослушанном курсе.

— Ну ты и дурак! На твоем месте я тут же рванул бы к родителям.

— Зачем? Чтобы снова грызться с отцом? Кроме того, сейчас мне здесь нравится.

Ом осмотрел свои ногти и пригладил завиток.

— Если уж решил остаться, тогда нужно серьезно подумать — не стать ли тебе портным. Все-таки будешь снимать мерки с женщин, а не с холодильников. — Ом хохотнул. — Что ты скажешь? Разве что — мадам, насколько глубоки ваши полки?

Манек рассмеялся.

— Я могу попросить: «Мадам, разрешите осмот-

реть ваш компрессор». Или: «Мадам, вам нужен новый термостат в термостатном углублении».

— «Ваше отделение для мяса недостаточно открыто, мадам».

Когда клиентка уходила, они уже не могли удержаться от хохота.

— Эй, вы там, пора уходить. Что вас так рассмешило, а? — сказал Ишвар.

— Как будто не знаешь, — ухмыльнулся Дживан и, прощаясь, пожелал портным удачи. — Надеюсь, вы скоро подыщете себе жилье.

Манеку оставалась неделя до экзаменов, когда сборщик арендной платы нанес Дине незапланированный визит. Едва раздался звонок, как портные тут же остановили швейные машины.

— Как поживаете, сестра? — поздоровался Ибрагим, поднося руку к феске.

— Что на этот раз? — спросила Дина, загораживая вход в квартиру. — Я ведь уже оплатила ренту.

— Дело не в ренте, сестра. — И Ибрагим, съежившись, выпалил разом все претензии: есть доказательства, что она использует квартиру в коммерческих целях, несмотря на несколько предупреждений в последние месяцы, поэтому ей предлагают освободить квартиру в течение

тридцати дней.

— Какая чепуха? Где доказательства?

— Только не волнуйтесь, сестра, — попросил Ибрагим, похлопывая по блокноту в кармане. — Здесь есть все — даты, время, приходы-уходы, такси, платья. А главные доказательства сидят в задней комнате.

— В задней комнате? Тогда входите и покажите. — Дина отступила, предлагая жестом ему войти.

Этот открытый вызов испугал Ибрагима. Но сборщику ренты оставалось только его принять. С опущенной головой проследовал он в комнату, где шла работа. Застывшие у «зингеров» портные нервно ожидали развязки, а Манек наблюдал за происходящим из своей комнаты.

— Проблема перед вами, сестра. Нельзя нанимать портных и затевать бизнес в квартире. — Страдальческим жестом он указал на комнату Манека. — И в довершение всего — квартирант. Контора непременно потребует вашего выселения.

— Вы несете чепуху! — Дина перешла в наступление. — Этот мужчина, — она указала на Ишвара, — мой муж. А юноши — наши сыновья. Платья — мои. Часть моего нового гардероба

1975 года. Пойдите и скажите домовладельцу, что никакого криминала нет.

Трудно сказать, кого больше потрясло это удивительное признание: красного, как рак, Ишвара, нервно сжимающего ножницы, или Ибрагима, заламывающего со вздохом руки.

Воспользовавшись достигнутым преимуществом, Дина потребовала:

— Хотите еще что-то сказать?

Ибрагим умоляюще сжал плечи.

— Вы покажете мне брачное свидетельство? Пожалуйста! И свидетельства о рождении детей? Могу я их увидеть?

— А не хочешь увидеть тапочку, которой я заткну твой рот? Как ты осмеливаешься меня оскорблять? Скажи своему хозяину, если он не перестанет терроризировать мою семью, я подам на него в суд!

Ибрагим удалился, бормоча, что он все доложит в конторе, и нечего его стыдить: он просто исполняет свою работу, и она ему нравится не больше, чем жильцам.

— Не нравится — так бросьте ее. В вашем возрасте уже не следует работать. Пусть дети помогают.

— Мне нужно работать. Я одинокий человек, —

сказал Ибрагим, когда дверь за ним закрылась.

Радость победы поблекла. Дина ждала, слушая как Ибрагим отдувается за дверью перед тем, как пуститься в обратный путь. Когда он обвинял ее во лжи, перед ней пронеслись одинокие, тяжелые годы, напомнив, как хрупко и ненадежно счастье последних месяцев.

В задней комнате Ишвар никак не мог прийти в себя после неожиданного обретения супруги. Юноши фыркали от удовольствия, глядя на его изумленное лицо.

— Ты все время твердил, что найдешь мне жену, — сказал Ом. — А сам нашел себе.

— Какая неожиданная реакция, тетя? Вы заранее заготовили ответ?

— Неважно. Лучше готовься к экзаменам.

Университет закрыли на три недели из-за праздника Дивали, и Дина советовала Манеку ознакомиться с достопримечательностями города.

— До сих пор вся твоя жизнь складывалась так: дом — университет, университет — дом. А ведь в нашем городе есть что посмотреть. Музей, аквариум, пещерные скульптуры — ты придешь в восторг. Сад Виктории и Висячие сады тоже стоит посетить.

— Но я все это видел раньше.

— Когда? Много лет назад, когда приезжал с мамой? Еще несмышленышем — что ты можешь помнить? Надо увидеть это еще раз. А также навестить Содавалла — твоих родственников по материнской линии.

— Хорошо, — ответил Манек, но по-прежнему торчал в квартире.

Настала неделя, когда прогремели первые фейерверки праздника.

— Рама Всемогущий! — воскликнул Ишвар. — Ну и грохот!

— Это еще ничего! — сказала Дина. — Подожди, что будет в разгар праздника!

Из-за шума все стали ложиться на два часа позже, отчего каникулы Манека стали еще длиннее и скучнее. Он старался возместить это поздним подъемом, но долго спать утром не удавалось — молочники звякали бидонами, вороны старались перекаркать одна другую.

Дина написала для Манека номера автобусов и дала прочие указания.

— Ты не заблудишься, найти эти туристические объекты проще простого, — сказала она, думая, что большой город может пугать юношу. Но Манек не двигался с места.

Дине надоело смотреть, как он бесцельно слоняется по дому, и она стала выражать свое недовольство.

— Ты сидишь дома, как старый дед. Это ненормально для молодого человека. А твое хождение взад-вперед кого хочешь выведет из себя.

Расслабленное поведение Манека отвлекало Ома от работы, молодые люди возобновили хождение в «Вишрам», там пили чай или играли в карты на веранде, и Ом не проявлял никакого интереса к работе. Ишвар упрекал племянника, Дина его поддерживала, но толку не было.

В конце недели они прибегли к другой тактике, решив, что будет лучше дать отдых и Ому. Невозможно представить, чтобы Ом горбатился над машинкой, когда друг мается бездельем. Да и нехорошо, что он в поте лица зарабатывает себе на жизнь в те годы, когда ему надо учиться, как Манеку.

Ому позволили свести часы работы с восьми до одиннадцати утра.

— Ты хорошо потрудился последние месяцы, — сказала Дина. — И заслужил отдых.

Теперь их трудно было застать дома. Как только Ом отрабатывал свои утренние часы, юноши мгновенно исчезали и возвращались только к

ужину. За едой и перед сном они болтали не переставая, обмениваясь впечатлениями.

— Волны были такие сильные, что катер швыряло, как щепку, — сказал Ом. — Было страшновато.

— Знаете, тетя, а ведь ваш жилец и половина пошивочного цеха могли утонуть в гавани.

— Не говори такие страшные вещи, — сказал Ишвар.

— После катера у меня даже в аквариуме кружилась голова — от одного вида воды тошнило.

— Но какие красивые рыбы! И как легко они плавают. Словно просто вышли погулять, или пошли на базар за помидорами, или ловят преступников, как полицейские.

— А некоторые — такие яркие, расписные, как ткани из «Оревуар», — заметил Манек. — А нос у рыбы-пилы, и правда, похож на настоящую пилу, клянусь!

— Завтра закажу себе массаж на берегу, — сказал Ом. — Сегодня мы видели, как его делают — с разными маслами, лосьонами и полотенцами.

— Будь осторожен, — предупредила его Дина. — Эти массажисты — мошенники. Они тебя одурманят, и ты уснешь. Тут твои карманы и обчистят.

Однако следующие три дня друзья провели в музеях. Как-то, вернувшись домой, Ом заявил, что строители храмов при работе над крышами, должно быть, взяли за образец животик дядюшки.

— Если б я мог доказать это в суде, — отшутился Ишвар.

Все три вечера он и Дина слушали рассказы о Китайской, Тибетской и Непальской галереях, самоварах, резьбе по слоновой кости, нефритовых табакерках, гобеленах. Особенно потрясла молодых людей коллекция доспехов — кольчуги, кинжалы с нефритовыми ручками, ятаганы, мечи с зазубренными клинками (словно терка для кокоса, сказал Ом), украшенные драгоценными камнями церемониальные мечи, луки и стрелы, толстые палки, копья, пики и булавы с шипами.

— Такое оружие было в старом фильме «Великий Могол»[127], — сказал Манек, а Ом прибавил, что оно пригодилось бы чамарам в их деревне — перерезали бы всех землевладельцев и других представителей высших каст, и дело с концом. На что Ишвар сурово сдвинул брови, но смех юношей успокоил его.

---

[127] Примечания: 127

«Великий Могол» — индийская мелодрама по историческим мотивам (1960).

Юноши наслаждались каникулами с аппетитом молодости. Слушая их восторженные рассказы о городских чудесах, Ишвар радовался вместе с ними, а Дину этот энтузиазм молодости возвращал в собственную юность.

После нескольких дней отдыха небо затянули тучи — начался сезон дождей. Ливни удерживали юношей дома. Не зная, куда деваться от скуки, Манек вспомнил про шахматы. Ом никогда их раньше не видел, и пластмассовые фигурки пленили его воображение. Он приставал к Манеку с просьбой научить его этой игре.

Манек перечислил названия фигур: король, ферзь, слон, конь, ладья, пешка. Знакомые слова ласкали слух. Ему нравилось после долгого перерыва держать фигурки в руках, освобождать их из коричнево-фанерного плена и расставлять по местам, готовя к предстоящему сражению.

Но неожиданно Манеку в собственном голосе послышались другие, подзабытые интонации, вспомнился голос, который впервые познакомил его с шахматами в университетском общежитии. Манек умолк, не в силах продолжать объяснения. Голос вызвал в памяти события недавнего прошлого, которые он старался забыть и уже почти забыл, надеясь никогда больше не вспоминать.

И вдруг они всплыли на поверхность, словно только этого и ждали.

На каждой клетке ему мерещились фигурки. Тридцать два призрака задвигались — они танцевали, сталкивались друг с другом, — язвительная армия воспоминаний, вступившая в борьбу с его желанием забыть прошлое. Затем танцующие шахматные фигуры сменили облик, и теперь с каждой из шестидесяти четырех клеток на него смотрел улыбающийся Авинаш.

С усилием Манек отставил шахматную доску и подошел к окну. За оком лил дождь. По брезенту, укрывшему чей-то мотоцикл, громко стучали крупные капли. Повсюду разлились грязные, неприглядные лужи. Никто из детей не играл под дождем и не плескался весело в воде: проливной дождь слишком уж затянулся. Манек пожалел, что достал шахматы.

— Что случилось? — спросил Ом.

— Ничего.

— Тогда иди сюда. Не тяни время — научи меня играть.

— Забудь. Это глупая игра.

— Зачем тогда она тебе?

— Мне дали шахматы на время. Нужно вернуть. — Манек смотрел, как сточная труба затя-

гивает пачки от сигарет и крышечки от бутылок из-под лимонада. Среди них никогда не будет крышек от «Кохлах-колы». Во всяком случае пока отец упрямится. А каким успешным мог быть их бизнес! Тогда ему не пришлось бы поступать в проклятый университет. Он попал на эту клетку из-за неправильного хода.

— Тебе просто лень меня учить, — сказал Ом, смахивая фигуры в коробку. Они попадали с осуждающим громыханием. Манек приоткрыл рот, словно собирался что-то сказать. Ом этого не заметил и закрыл крышку.

Постояв немного у окна, Манек вернулся к шахматам.

— Не хочу тебя утруждать, — язвительно произнес Ом. — Ты уверен, что хочешь меня учить?

Манек ничего не ответил, установил доску и стал объяснять правила. Дождь отчаянно стучал по брезенту на мотоцикле.

Через два дня Ом знал, как ходят фигуры, как их «едят», но смысл игры ускользал от него. Он улавливал тонкости разыгрываемого Манеком дебюта, всей душой сочувствуя попавшему в западню королю. Однако сам ничего подобного добиться не мог — и начинал нервничать.

Манек чувствовал себя виноватым — он просто

не такой хороший учитель, как Авинаш. Пат и ничья оставались недоступны пониманию Ома.

— Иногда у каждого из игроков бывает недостаточно фигур, и тогда королю приходится постоянно передвигаться по доске, спасаясь от шаха, — вновь и вновь объяснял Манек.

Ом понимал, что происходит конкретно на шахматной доске, но сама модель отношений короля и армии его не устраивала, и он отказывался с ней мириться.

— В этом нет смысла, — спорил он. — Смотри, наши армии сражаются, и все солдаты убиты. Остались только мы с тобой. И один из нас должен победить — тот, кто сильнее, так?

— Может быть. Но в шахматах другие правила.

— Всегда есть победитель, — настаивал Ом. Логическое несоответствие мучило его.

— В шахматах бывает, что не побеждает никто, — сказал Манек.

— Ты был прав, игра и правда глупая, — сказал Ом.

После пяти дней дождя небо так и не очистилось, и юноши доставляли старшим одни неудобства. Сами они развлекались тем, что рассматривали выражения лиц у Ишвара и Дины за работой.

— Только взгляни, — прошептал Манек. — Когда твой дядя включает машину, он всегда упирается языком в щеку. — Их также смешило, что Дина, измеряя что-то, плотно сжимает губы.

— Какой же ты медлительный, — заметил Ом, глядя, как дядя вставляет катушку. — Я это делаю за тридцать секунд.

— Ты ведь моложе, — добродушно отозвался Ишвар и, установив катушку, задвинул пластину.

— Я всегда держу наготове шесть катушек, — сказал Ом. — И моментально меняю их, не прерывая работу на середине платья.

— Тетя, тебе следует отрастить на мизинцах длинные ногти, как у Ишвара. Отлично бы смотрелось.

У Дины кончилось терпение.

— Как вы мне оба надоели! У вас каникулы, но это не означает, что у вас есть право сводить нас с ума. Или убирайтесь из дома, или садитесь за работу.

— Но на улице дождь, тетя. Вы ведь не хотите, чтоб мы насквозь промокли?

— Никто ради тебя не установит над городом купол. Сними зонт со шкафа в своей комнате.

— Но это женский зонт.

— Тогда мокни. Только перестаньте нас изводить.

— Ладно, — сказал Ом. — Пойдем куда-нибудь днем.

Молодые люди вышли на веранду. Манек предложил еще раз пойти в Аквариум.

— У меня есть идея получше, — сказал Ом. — Пойдем к Дживану в магазин.

— Какая скука! Что там делать!

Ом изложил свой план: надо упросить Дживана позволить им снимать мерки с клиенток.

— Идет! Давай! — ухмыльнулся Манек.

— Я тебя научу, как это делать, — пообещал Ом. — Измерять объем груди легче, чем играть в шахматы. И гораздо приятнее.

Когда они вошли в магазин, там стояла тишина. Дживан спал, растянувшись на полу позади прилавка. Прямо у его головы на стуле стоял транзистор, из него тихо лились звуки саранги[128]. Ом усилил звук, и Дживан, вздрогнув, проснулся.

Какое-то время он сидел, ничего не понимая — глотал воздух и таращил глаза.

— Что на вас нашло? Это что, шутка? Теперь у

---

[128] Примечания: 128

Саранги — индийский струнный смычковый инструмент лютневого типа.

меня весь день будет болеть голова.

Дживан сразу отказался воспользоваться услугами друзей.

— Снимать мерки у клиенток? Забудьте об этом. Я знаю, чего вам надо. Из-за вашей чесотки между ног ателье может лишиться доброго имени.

Ом пообещал вести себя как подобает профессионалу, и не распускать руки.

— Работая только с выкройками, утрачиваешь мастерство, — сказал он. — Мне только хочется почувствовать себя настоящим портным.

— Сиськи тебе хочется потрогать — вот что. Меня не проведешь. Даже не приближайся к моим клиенткам, предупреждаю тебя.

Манек заглянул за занавеску в примерочную.

— Вот бы затаиться где-нибудь здесь, когда идет примерка.

Ом тоже осмотрел закуток. Три крючка для платьев, зеркало — укрыться негде.

— Это невозможно, — заключил он.

— Ты так считаешь? — сказал Дживан. — Сейчас я покажу вам, умникам, кое-что. — Он провел их за прилавок к задней стенке примерочной. — Вот смотри сюда, — сказал портной, указывая на щель в одном углу.

У Ома перехватило дыхание.

— Да отсюда все видно!

— Дай мне взглянуть, — отпихнул его Манек. — Ух ты! Класс!

Дживан причмокнул губами и усмехнулся.

— Только ни на что не рассчитывайте. Я не псих, чтобы разрешить вам подсматривать.

— Ну пожалуйста! — взмолился Ом. — Да это самое великолепное бесплатное зрелище!

— Великолепное — да. Но не бесплатное. Все имеет цену. Идешь в кино — покупай билет. Садишься в поезд — то же самое.

— Сколько? — спросил Ом.

— Неважно. Я не могу рисковать своей репутацией.

— Ну пожалуйста, Дживан.

Хозяин ателье немного смягчился.

— А вы хорошо будете себя вести? Не потеряете голову при виде женского тела?

— Все сделаем, как скажешь.

— Ладно. С каждого по две рупии.

Ом смотрел, как Манек выворачивает карманы.

— Денег хватает.

— Только смотреть по одному. И полная тишина, чтоб даже дыхания не было слышно, ясно? — Юноши послушно закивали. Дживан

раскрыл книгу заказов.

— Сегодня к вечеру должны прийти две женщины. Одна — на примерку блузки, другая — шальваров. Кто что выбирает?

Манек предложил бросить жребий.

— Орел, — сказал Ом и выиграл. С улыбкой закатив глаза, он подумал и выбрал шальвары. По словам Дживана, оставалось ждать не меньше часа: клиентки придут после пяти. Дождь немного утих, и молодые люди решили погулять.

Они шли молча — все внутри замерло от напряженного ожидания, и только раз прервали молчание, решив, что лучше поскорей вернуться: вдруг женщины придут раньше срока. Они отсутствовали всего пятнадцать минут.

Юноши торчали у входа, действуя Дживану на нервы. Четыре раза тревога оказывалась ложной — приходили люди и забирали одежду после мелкого ремонта. Но без четверти шесть их терпение было вознаграждено.

— Да, мадам, ваша блузка готова для примерки, — сказал Дживан, кивнув украдкой юношам. Неспешно перебирая одежду, он дал Манеку время скользнуть в темноту за прилавок. Достав блузку, Дживан указал женщине на примерочную. — Туда, пожалуйста, мадам.

У Манека было ощущение, что громкое биение его сердца может снести перегородку. Раздался звонкий стук высоких каблуков, и женщина вошла в кабинку. Повесив новую блузку на крючок, она задернула занавеску. Вытащив из юбки приталенный лиф, женщина расстегнула пуговицы. Все это время она стояла спиной к Манеку, но он все видел в зеркале.

У него перехватило дыхание, когда она сняла верх. На ней был белый бюстгальтер. Женщина просунула большие пальцы под бретельки, оставившие на коже две красные полоски. Потом опустила руки ниже и расстегнула бюстгальтер.

На какую-то долю секунды Манек решил, что женщина совсем его снимет. Он изо всей силы сжал кулаки. Но она просто застегнула крючок на другую петельку, повела несколько раз плечами, прилаживая чашечки так, чтобы грудь была выше, и надела новую блузку.

Капли пота застилали Манеку глаза. Женщина покинула кабинку. У Манека появилась возможность глубоко вздохнуть. Через щель и отодвинутую занавеску он видел, как Дживан подгоняет блузку по фигуре. Неожиданно Ом повернулся, подмигнул в сторону щели, за которой стоял Манек, и, положив руки на грудь, демон-

стративно ее сжимал.

Блузка села хорошо. Женщина вернулась в примерочную, но почти сразу же ее покинула. Манек ждал, пока Дживан благодарил клиентку и назначал дату исполнения заказа. Только когда стук каблуков донесся от выхода из ателье, Манек покинул тайный наблюдательный пункт.

Он утер рукавом лоб и расправил прилипшую рубашку.

— Там за перегородкой очень жарко.

— Перегородка тут не виновата. У тебя внизу печет, — засмеялся Дживан. Портной протянул руку за деньгами, и Манек ему заплатил.

— Ну и как? — спросил Ом. — Что ты видел?

— Было здорово. Но бюстгальтер она не сняла.

— А ты что думал? — сказал Дживан. — Мои клиентки не из низшего сословия — секретарши, администраторы, машинистки. Они пользуются помадой и румянами и носят дорогое белье.

Прихода следующей клиентки Ому пришлось дожидаться еще полчаса. Он шмыгнул украдкой за прилавок, прежде чем Дживан нашел шальвары и пригласил женщину в кабинку.

Когда она оттуда вышла, Манек пожалел, что ему не выпал «орел». Шальвары так плотно облегали ее бедра, подчеркивая промежность, что

у него перехватило горло. Дживан опустился на колени, чтобы проверить шаговый шов, и Манек сглотнул слюну.

Женщина вернулась в примерочную. Через несколько секунд послышался глухой удар и крик.

Дживан подскочил на месте.

— Мадам! Все в порядке?

— Я слышала шум. За перегородкой.

— Успокойтесь, мадам. Уверяю вас, ничего страшного, — оправдывался Дживан с неподражаемым спокойствием. — Это всего лишь крысы. Пожалуйста, не беспокойтесь.

Женщина вышла из кабинки и раздраженно швырнула шальвары на прилавок. Дживан почтительно повесил их на вешалку.

— Сожалею, что вы так испугались, мадам. Крысы — проблема в нашем городе.

— Вам надо как-то ее решать, — сердито отозвалась клиентка. — Клиентам такое не понравится.

— Да, мадам. Иногда они залезают в коробки за перегородкой и шуршат там. Нужно разбросать больше отравы. — Дживан еще раз извинился и проводил клиентку до выхода.

Ом вылез из-за прилавка с виноватой улыбкой,

ожидая насмешек. Дживан в сердцах отвесил ему подзатыльник.

— Ну и идиот! В какое положение ты меня поставил! Что там случилось?

— Простите, я поскользнулся.

— Поскользнулся! Какой гадостью ты занимался, что поскользнулся? Вон из моей мастерской! Видеть вас больше не могу!

Манек пытался смягчить гнев Дживана и совал ему две рупии за Ома, но тот еще больше разошелся. Портной отдернул руку, и вид у него был такой, что он может ударить.

— Убери деньги! И прихвати с собой этого дрянного мальчишку! — Дживан вытолкал юношей из мастерской и спустил их с лестницы.

Понуро побрели они по переулку к главной улице. Сидящая на подоконнике ворона громко закаркала. Угнетенное состояние от гневной вспышки Дживана усугубляли сгущавшиеся сумерки. Желтые бутоны фонарей неуверенно замигали перед тем, как зажечься полностью. Что-то перебежало им дорогу.

— Смотри, — сказал Манек. — А вот и испугавшая даму крыса. — Розовое тельце грызуна просвечивало сквозь редкую, изъеденную лишаем шерстку.

— Наверное, ищет ателье Дживана, — предположил Ом. — Хочет заказать новую одежку. — Юноши рассмеялись. Крыса скрылась в темноте, где булькали сточные воды. Раздался резкий писк и плеск. Молодые люди направились к автобусной остановке.

— А теперь расскажи мне, — толкнул Манек друга в бок, — что ты там делал? — Хитро улыбаясь, Ом показал сжатым кулаком движение вверх и вниз. Манек издал короткий, больше похожий на кашель, смешок.

Кто-то облил с верхнего этажа стоявших на тротуаре людей. Те разразились бранью в адрес обидчиков, ворвались в здание и побежали вверх по ступеням, хотя не знали, за какой дверью скрываются виновные.

— Ты много увидел? — спросил Манек.

— Все. Новые штаны были такие узкие, что, когда она их стянула, трусики тоже сползли.

Манек спихнул ногой в канаву камешек.

— Ты и волосы видел?

Ом кивнул.

— Целый куст. — И показал руками, какая большая поросль была на лобке. — Ты когда-нибудь такое видел?

— Только один раз. Давно. В детстве у меня была

няня. Однажды, когда она мылась, я залез на стул и подсмотрел за ней в отверстие для вентилятора над дверью. То, что я увидел у нее между ног, меня испугало. Казалось, оно могло меня укусить.

Ом от души рассмеялся.

— Теперь это зрелище тебя не испугало бы. Так бы сразу на нее и прыгнул.

— Дай только шанс!

Они ждали нужного сигнала светофора. В конце перехода полицейские натянули с двух сторон веревку, чтобы прохожие не просочились на проезжую часть. Люди накатывались на нее, словно волны на морской берег. Полицейские упирались каблуками в тротуар и ругались, сдерживая рвущуюся домой толпу.

— Тебе повезло, что крыса не оказалось за перегородкой, — сказал Манек. — Она мигом бы отгрызла твой маленький членик.

— Не такой уж и маленький! — возразил Ом. — Стоит как надо. — И он хвастливо показал рукой.

Красная рука на светофоре погасла, зажегся зеленый свет. Полицейские с веревкой проворно отскочили в сторону, и толпа ринулась вперед.

Фейерверки достигли апогея в ночь перед Дивали — тогда даже за полночь не удавалось заснуть. После каждого залпа, особенно если в

воздух взмывали красные кубики, называемые «атомными бомбами», Ишвар вздыхал: «О, Рама Всемогущий» — и закрывал уши руками.

— Какой смысл закрывать уши после залпа? — спрашивал Ом.

— А что еще делать? Безумие какое-то — праздник света доводит тебя до боли в ушах! Неужели нельзя иначе праздновать возвращение Рамы в Айодхью[129] из лесов.

— Просто в городе крутится слишком много денег, — сказала Дина. — Люди их на ветер пускают. — Раздался очередной залп, и Дина вздрогнула. — Будь моя воля, я бы ограничилась разноцветными вспышками, фонтанами — чем-то таким.

— Но крупные знатоки по религиозным вопросам скажут, что этого не хватит на отпугивание злых духов, — не без сарказма произнес Ишвар.

— Эти «атомные бомбы» и добрых духов разгонят, — ответила Дина, выходя с веранды. — На месте бога Рамы я прямиком вернулась бы обратно в леса, чтобы только не слышать этого шума.

Заткнув уши ватой, Дина уселась шить одеяло. Ишвар присоединился к ней через несколько

---

[129] Примечания: 129

Айодхья — столица царства Рамы (одного из самых популярных аватар Бога в индуизме).

минут. Видя, что он поминутно закрывает уши, Дина тоже сделала ему ватные беруши. При следующем залпе Ишвар радостно заулыбался — беруши помогли.

Манек и Ом не ушли с веранды, хотя перед каждым взрывом «атомной бомбы» затыкали пальцами уши.

— Жаль, что мы здесь, — сказал Ом. — Иначе они, наверняка, уже были бы в постели.

— Кто?

— Дина-бай и мой дядя, кто еще?

— Ну и грязное у тебя воображение.

— Но это правда, — сказал Ом. — Вот послушай загадку: чтобы сделать это прямым и твердым, женщине надо его сначала потереть, а потом полизать, чтобы легко проскочило. А теперь ответь, что делает женщина. — Не выдержав, Ом громко расхохотался, не договорив до конца, так что Манеку пришлось приложить палец к губам.

— Ну, давай, отвечай. Чем она занимается?

— Ясно чем. Трахается.

— Вот и нет. Вдевает нитку в иголку, — ответил довольный Ом, и Манек хлопнул себя по лбу. — Так у кого из нас грязное воображение?

Оставалось шесть дней до конца каникул, и Ому пришла на ум еще одна веселая мыслишка.

Он видел, что дверь в ванную комнату расшаталась от времени и постоянной сырости, в углу образовалась щель, и предложил подсматривать по очереди за моющейся Диной. Один может смотреть, а другой в это время стоит на стреме, чтобы их не застукал Ишвар.

— Это твой рассказ о няне навел меня на эту мысль. Что ты об этом думаешь?

— Ты сошел с ума, — возмутился Манек. — Никогда на это не пойду.

— Чего ты боишься? Она ничего не узнает.

— Просто не хочу.

— А я хочу. — Ом встал.

— Я тебе не позволю. — Манек схватил его за руку.

— Да кто ты такой, чтобы мне указывать? — Ом выдернул руку, но Манек вцепился ему в плечи и силой усадил в кресло. Завязалась потасовка. Ом лягнул Манека ногой, но тот, зайдя сзади, прижал Ома к спинке. Не в силах сдвинуться с места, Ом сдался.

— Ты грязный эгоист, — тихо произнес он. — Я тебя знаю. Все эти месяцы ты жил с хозяйкой один и наверняка каждое утро пялился на нее, когда она была в ванной. А теперь отказываешь мне в этом удовольствии.

— Это ложь, — гневно ответил Манек, стоя за креслом. — Я никогда этого не делал.

— Все ты врешь! Признавайся! Хотя бы опиши ее, если не дашь взглянуть. Какие у нее грудки? Соски красивые и торчат? А вокруг них…

— Прекрати!

— …коричневые кружки? Насколько большие?

— Заткнись! Предупреждаю тебя!

— А лоно? Большое и сочное и, наверно, много…

Манек обогнул кресло и влепил Ому пощечину. Тот, пораженный, несколько секунд в молчании потирал щеку. В его глазах застыло удивление, смешанное с болью. Придя в себя, он с криком «Ах ты, сволочь» набросился на Манека, размахивая кулаками.

Кресло упало. Манек получил сильный удар по голове и слабее — по плечам. Чтобы усмирить Ома и в то же время не навредить ему, Манек схватил его за рубашку и притянул к себе: теперь у того не было возможности махать кулаками. Раздался треск. Карман остался в руке Манека, а в рубашке Ома теперь зияла дыра.

— Негодяй! — завопил Ом, нападая на Манека с новой силой. — Ты порвал мою рубашку.

Громкая возня привлекла внимание Ишвара за

швейной машиной, и он вышел на веранду.

— Ой-ой! Что еще вы затеяли, разбойники?

В присутствии Ишвара желание драться у обоих пропало. Ишвару не стоило труда их разнять. Злость осталась только в глазах противников. Мгновение они испепеляли друг друга взглядами, а потом разошлись.

— Он порвал мою рубашку, — воскликнул Ом, глядя на оторванный карман.

— Такое случается, когда дерешься. Но с чего вы сцепились?

— Он порвал мою рубашку, — с болью повторил Ом.

Услышав крики, Дина раньше времени вышла из ванной.

— Поверить не могу, — сказала она, выслушав рассказ Ишвара. — Я думала, это кричат хулиганы на улице. А это вы двое? Что случилось?

— Спросите у него, — пробормотали оба.

— Он порвал мою рубашку, — прибавил Ом. — Вот взгляните. — И показал на оторванный карман.

— Рубашка, рубашка! Это все, что ты можешь сказать? — сердито сказал Ишвар. — Рубашку можно зашить. Почему вы дрались?

— Я не такой богатый, как он. У меня всего две

рубашки. И одну он порвал.

Манек бросился в свою комнату, схватил первую попавшуюся рубашку и, вернувшись, швырнул ее Ому. Тот поймал рубашку и кинул обратно. Манек ее не поднял.

— Вы ведете себя как мальчишки, — сказала Дина. — Пойдем, Ишвар-бхай, займемся делом. — Она понимала: лучше оставить их одних, иначе в попытке сохранить лицо им будет труднее помириться.

Манек весь день провел в своей комнате, а Ом торчал на веранде. Сколько ни шутил Ишвар над их кислыми лицами, сколько ни называл «горе-героями», ничего не действовало. Дина расстроилась, что каникулы юношей заканчиваются таким неприятным инцидентом.

— Только взгляните на них, — сказала она. — Похоже, в моем доме свили гнезда две унылые совы. — И Дина состроила печальную гримасу. Однако рассмеялся один Ишвар.

На следующее утро с видом мученика Ом объявил, что хочет продолжить работу.

— На мой взгляд, каникулы затянулись, — сказал он. Манек сделал вид, что ничего не слышал.

Работа у Ома сразу не заладилась, а дальше дела пошли еще хуже.

— Фирма такую работу не примет, — предупредила юношу Дина. — Твое плохое настроение не должно отражаться на шитье.

Как своего рода знак мученичества, Ом продолжал носить порванную рубашку с болтающимся карманом, хотя на ее починку ушло бы меньше десяти минут. За едой он демонстративно не пользовался ножом и вилкой, хотя к этому времени освоил их применение, и ел руками. За столом теперь царило молчание — война сместилась в область звуков. Манек гремел столовыми приборами, даже картофелину разрезал так, словно та была куском гималайского кедра. На это Ом отвечал тем, что шумно облизывал пальцы, чавкал и шлёпал языком и губами. Манек пронзал вилкой мясо, словно гладиатор, бросающийся на льва. Ом же клал мясо на ладонь и поедал, понемногу посасывая его.

Эти экстравагантные представления могли бы быть забавными, если б не причиняли страдания тем, кто, кроме них, сидел за столом. Дина чувствовала себя обманутой: пропала радовавшая ее счастливая семейная атмосфера. За ее столом непрошеным гостем воцарилось уныние.

Спустя две недели после Дивали фейерверки стали громыхать по ночам все реже, а потом

совсем прекратились.

— Ну вот, и наступили тишина и покой, — сказал Ишвар, выбрасывая беруши, которые до этого держал рядом с постелью.

Манеку выставили оценки за первый семестр — не самые лучшие, мягко говоря. Всему виной его недобросовестность, сказала Дина.

— Теперь буду следить, чтобы ты сидел за учебниками не меньше двух часов. Каждый вечер после ужина.

— Даже мама не была со мной так строга, — проворчал он.

— Была бы, если б увидела эти отметки.

Настроить Манека на регулярные занятия оказалось не таким уж трудным делом. Он сопротивлялся только для виду: больше делать все равно было нечего. После драки юноши не разговаривали, как ни старался Ишвар их помирить. Он поддержал Дину, когда она уговаривала Манека взяться за ум.

— Только подумай, как будут рады твои родители, — сказал он.

— И дело не только в родителях — учись ради себя, дурачок, — продолжала Дина. — Ты, Ом, тоже послушай. Родятся у тебя дети, обязательно отдай их в школу, а потом и в колледж. Как дума-

ешь, почему я сейчас должна на кого-то работать? Потому что в свое время отказалась учиться. Ничего нет важнее хорошего образования.

— Золотые слова, — согласился Ишвар. — Но почему вы, Дина-бай, отказались учиться?

— Это долгая история.

— Расскажите, — попросили хором Ишвар, Манек и Ом. Поведя себя одинаково, юноши нахмурились, и это заставило Дину улыбнуться.

— Не люблю вспоминать мою жизнь и детство и испытывать при этом сожаление или обиду, — начала Дина.

Ишвар понимающе кивнул.

— Но иногда, помимо моей воли, прошлое вспоминается. И тогда я задаюсь вопросом, почему все сложилось именно так, почему моя жизнь не стала такой яркой, какую мне все сулили в школе, когда меня еще звали Диной Шроф…

Доносившиеся с веранды звуки говорили о том, что портные готовятся ко сну. Матрасы размотали и встряхнули. Вскоре Ом стал массировать дяде ноги. Об этом Манеку сказали тихие, полные облегчения вздохи. Послышался голос Ишвара: «Да, вот здесь посильнее, очень пятка болит», и склонившийся над учебником Манек невольно испытал зависть к такой близости племянника

и дяди.

Манек вздохнул и посмотрел на часы — все домочадцы рассеялись по квартире. Он тосковал по прежним временам — совместным прогулкам, вечерним посиделкам в гостиной, где тетя Дина шила одеяло, а они смотрели, как продвигается работа, болтали, планировали, чем займутся на следующий день и что приготовят на ужин. Этот заведенный порядок придавал устойчивость и надежность жизни.

В рабочей комнате все еще горел свет. Дина не ложилась спать, желая убедиться, что Манек выполнил домашнее задание.

В дверь позвонили.

Портные сели в постели и потянулись за рубашками. Дина вышла на веранду и спросила, не открывая дверь: «Кто там?»

— Простите за беспокойство, сестра.

Дина узнала голос сборщика квартирной платы. «Как глупо, — подумала она, — являться в такое время».

— Что случилось? Уже поздно.

— Жаль тревожить вас, сестра, но меня прислали из конторы.

— Сейчас? Разве дело не могло подождать до завтра?

— Мне сказали, это срочно. Я человек подневольный.

Дина, взглянув на портных, пожала плечами и открыла дверь, придерживая ее за ручку. В следующее мгновение двое мужчин, стоявших за Ибрагимом, толчком распахнули дверь, откинув Дину, и ворвались внутрь, словно ожидали встретить сопротивление.

Один из мужчин был почти лысый, другого, напротив, украшала густая черная шевелюра, однако клочковатые усы, холодные глаза и могучие, слегка сутулые плечи делали их похожими на двух угрюмых близнецов. «Похоже, они копируют киношных злодеев», — подумал Манек.

— Простите, сестра, — Ибрагим растянул рот в обычной улыбке. — Контора прислала меня передать вам последнее — устное — предупреждение. Пожалуйста, выслушайте его внимательно. Вы должны освободить квартиру в течение сорока восьми часов. Основание: нарушение правил эксплуатации жилища.

На лице Дины отразился страх прежде, чем она овладела собой.

— Если вы сейчас же не уберетесь отсюда вместе с этими бандитами, я вызову полицию! У хозяина будут проблемы! Я привлеку его к суду.

Лысый заговорил тихим, вкрадчивым голосом:

— Зачем оскорблять нас и называть бандитами? Мы работаем на хозяина. Как эти портные работают на вас.

— Мы замещаем суды и адвокатов, — продолжил второй, — которые только лишняя трата денег. В наши дни мы добиваемся лучших результатов, чем они. — Мужчина жевал пан, и потому говорил с трудом, из уголков его губ сочилась темно-красная жидкость.

— Ишвар-бхай, беги на угол! Зови полицию! — крикнула Дина.

Лысый закрыл собой дверь. Когда Ишвар попытался обойти его, тот отшвырнул портного в дальний угол веранды.

— Пожалуйста! Только без драк! — взмолился Ибрагим, его седая борода тряслась от страха.

— Если вы сейчас же не уйдете, я позову на помощь, — пригрозила Дина.

— Только пискни — сразу заткнешься, — сказал уверенно лысый. Он по-прежнему сторожил входную дверь, а тот, что жевал пан, направился в заднюю комнату. Ибрагим, Дина и портные беспомощно следовали за ним. Манек следил за происходящим из своей комнаты.

Мужчина остановился и огляделся — казалось,

ему здесь нравится. А потом неожиданно взорвался. Схватив стул, он стал крушить швейные машины. Когда у стула обломились ножки, он взял другой и молотил им, пока и тот не развалился.

Откинув стул, бандит пнул ногой «зингеры», а затем стал рвать разложенные стопкой готовые платья, раздирая их по швам. Занятие оказалось не из легких — плотная ткань и крепкие стежки поддавались с трудом. «Рвись, зараза, рвись!» — бормотал он ткани.

Застывшие было в изумлении Ишвар и Ом бросились на защиту своего труда, но бандит отшвырнул их как котят.

— Да остановите его! — Схватив Ибрагима за руку, Дина тащила и толкала старика к распоясавшемуся бандиту. — Это же вы их сюда привели! Сделайте что-нибудь!

Ибрагим, нервно заламывая руки, стал собирать испорченный товар. Как только бандит откидывал очередное порванное платье, он его подбирал и аккуратно укладывал в стопку вместе с остальными.

— Помощь нужна? — спросил подельника тот, кто стоял у дверей.

— Нет, все идет как надо. — Покончив с пла-

тьями, бандит перешел к рулонам, но те из-за массивности порвать было невозможно.

— Да подожги их! — посоветовал лысый, протягивая зажигалку.

— Нет! — испугался Ибрагим. — Весь дом сгорит! Хозяину это не понравится!

Жующий пан мужчина, похоже, с ним согласился. Раскатав рулон на полу, он заплевал его красным соком пана.

— Вот, гляди, — сказал мужчина Ибрагиму с усмешкой. — Не хуже огня будет.

Оглядывая комнату, он заметил фестонные ножницы, подаренные дядей Ашрафом, и внимательно их осмотрел.

— Хороши, — оценил он ножницы и поднял руку, чтобы вышвырнуть их из окна.

— Нет! — выкрикнул Ом.

Бандит только рассмеялся и разжал пальцы, отпустив самую дорогую для портных вещь. Еще не успели ножницы стукнуться о тротуар, как Ом уже бросился на мужчину. Нападение неопытного мальчишки рассмешило бандита, он шлепнул его пару раз, а потом дал кулаком в живот.

— Негодяй, — выкрикнул Манек и, схватив зонтик с пагодой, напал на обидчика.

— Пожалуйста, не надо драк! — умолял Ибра-

гим. — Надо обойтись без них!

Зонтик ударил бандита в плечо. Обернувшись, тот увидел стальной наконечник и увернулся, лавируя меж упавших швейных машин. Манек сделал обманный выпад, наслаждаясь своим превосходством, пока мужчина собирался с силами, потом — еще один, и ткнул два раза чуть выше головы бандита.

В комнату неслышно вошел лысый. Стоя позади, он вытащил пружинный нож и, подняв вверх, спустил пружину. «Прямо, как в кино», — подумал Манек, и его стала бить дрожь.

— Ну, сосунок, — сказал лысый своим тихим голосом. — Пошутил — и хватит.

Все уставились на него. Дина вскрикнула, увидев нож. Ибрагим был в ярости.

— Спрячь нож! И убирайтесь вы оба отсюда. Ваша работа окончена. Не забывайте, я здесь главный.

— Заткнись! — рявкнул лысый. — Мы знаем свою работу. — Его подельник добрался до зонтика, выхватил его у Манека и что есть силы заехал тому в челюсть. Манек отлетел к стене. Из уголка его рта полилась кровь, внешне похожая на струйку сока пана у бандита.

— Прекратите немедленно! Приказания вам

отдавали при мне. И в них ничего не говорилось про драки и ножи! — Сборщик платы топнул ногой и погрозил мужчинам кулаком.

Бессильный гнев старика позабавил лысого.

— Ты что, тараканов давишь? — засмеялся он и провел пальцем по острому лезвию, прежде чем втянуть его обратно. Но напоследок, словно обретя второе дыхание, вдруг начал яростно кромсать подушки и матрасы Дины. Лысый отшвыривал их от себя, пух и перья летали по комнате. С подушками в гостиной он поступил так же.

— Что ж, теперь все зависит от вас, мадам, — сказал он. — Вы ведь не станете ждать нашего второго прихода?

Второй бандит, проходя мимо Манека, злобно пнул его. Остатки пана он выплюнул на кровать и на то, что было вокруг.

— Идешь с нами? — спросил он Ибрагима.

— Нет, немного задержусь, — сердито ответил старик. — Есть еще дела.

Дверь за бандитами закрылась. Бросив на сборщика платы взгляд, полный презрения и отвращения, Дина подошла к Манеку, где уже возился Ишвар и, поддерживая голову юноши, спрашивал, как тот себя чувствует. Ибрагим плелся сзади, шепотом повторяя, как заклинание:

«Простите меня, сестра».

У Манека шла носом кровь, верхняя губа была рассечена. Он провел языком по зубам — все на месте. Ему утирали кровь обрывками ткани, валявшимися вокруг швейных машин. Манек пытался что-то сказать и подняться на ноги.

— Лучше молчи, — посоветовал Ом, снова обретший дыхание. — Тогда кровь скорее остановится.

— Слава богу, ножом не ударил, — сказала Дина.

Из гостиной послышался звук разбитого стекла. Ибрагим выбежал на веранду.

— Прекратите, дураки! — крикнул он. — Что вы делаете? Это влетит хозяину в копеечку. — Еще несколько камней разнесли оставшиеся стекла, а потом воцарилась тишина.

Манека подвели к раковине, чтобы смыть кровь.

— Я могу ходить сам, — пробормотал он. После умывания его усадили на диван, приложив к носу тряпку.

— Для губы нужен лед, — сказала Дина.

— Сбегаю — куплю в «Вишраме», — вызвался Ом.

— Не нужно, — сопротивлялся Манек, но его

не послушали. Решили, что достаточно купить кусок за десять пайс. Ибрагим поспешил вынуть монету из шервани и протянул Ому.

— Не дотрагивайся до его денег, — приказала Дина, доставая сумочку. Сборщик платы умолял взять его деньги, но в конце концов сунул их обратно в карман.

Дожидаясь возвращения Ома, остальные жильцы подсчитывали потери. По дому все еще летал пух от вспоротых подушек, медленно оседая на пол. Дина подняла разрезанные чехлы, чувствуя себя грязной, словно руки бандитов осквернили и ее самое. Искромсанные платья и загаженные паном ткани тяжелым грузом легли на сердце. Как объяснить это в «Оревуар»? Что она скажет миссис Гупта?

— Мне конец, — сказала Дина со слезами на глазах.

— Может, платья удастся починить, Дина-бай? — сделал попытку утешить хозяйку Ишвар. — А красные пятна смоем.

Но голос прозвучал неубедительно даже для него самого, и тогда он обратился к Ибрагиму:

— Стыда у вас нет. Почему вы пытаетесь навредить этой женщине? Что вы за чудовище?

Ибрагим стоял и с сокрушенным видом выслу-

шивал обвинения. Он ждал оскорблений, жаждал их, желая загладить свою вину.

— Седая борода, а сердце злое, — сказал Ишвар.

— Подлый, ужасный человек, — прошипела Дина. — Позор на вашу седую голову!

— Сестра, пожалуйста! Я не знал, что они…

— Знал! Вы привели сюда этих бандитов! — Дину трясло от страха и гнева.

Ибрагим не мог больше держать себя в руках. Он закрыл лицо руками, издавая какие-то непонятные звуки. Не сразу стало понятно, что старик беззвучно плачет.

— Все бессмысленно, — голос его дрожал. — Не могу я выполнять эту работу. Я ее ненавижу! Во что превратилась моя жизнь! — Ибрагим извлек из-под шервани носовой платок и высморкался. — Простите, сестра, — рыдал он. — Я привел их сюда, но мне и в голову не могло прийти, что они здесь такое натворят. Много лет подряд я выполнял все приказы домовладельца. Как послушный ребенок. Он просит пригрозить кому-то из жильцов, я так и делаю. Просит обратиться с просьбой — обращаюсь. Если он решает кого-то выселить, я доношу до жильцов это решение. Я — его слуга. Все считают меня злым, но это не так. Мне хочется, чтобы со всеми поступали спра-

ведливо — со мной, с вами, с каждым. Но миром правят жестокие люди, у нас нет никакого шанса, кругом только заботы и горе…

Старик совсем раскис. Смягчившийся Ишвар взял его за руку и подвел к стулу.

— Садитесь и перестаньте плакать. Зрелище не из приятных.

— А что мне еще делать? Ничем, кроме слез, я не могу выразить сочувствие. Простите меня, сестра. Я принес вам горе. Через сорок восемь часов эти бандиты вернутся и выбросят на улицу всю вашу мебель и пожитки. Куда вы пойдете, сестра?

— Я просто не открою им дверь.

Ее детская вера растрогала Ибрагима, и он снова залился слезами.

— Так их не остановить. Они вернутся с полицейскими и взломают дверь.

— Неужели полиция станет помогать бандитам?

— Чрезвычайное положение — ужасное время, сестра. За деньги можно получить разрешение у полиции на взлом. Право у того, кто больше предложит.

— Какое дело домовладельцу до того, чем мы здесь занимаемся? Мы здесь шьем, и что? Кому я этим мешаю?

— Хозяина можно понять, сестра. Такие квартиры стоят уйму денег, а закон о ренте позволяет ему брать с вас только прежнюю плату, вот он…

Ибрагим поднялся и утер глаза.

— Но вы все знаете, сестра. Он не только с вами так поступает, а и с теми, кто послабее и у кого нет влиятельной родни.

Вернулся Ом с куском льда — слишком большим, такой неудобно прикладывать к губе. Завернув кусок в тряпку, Ом стукнул им об пол.

— Ты спас меня, как настоящий герой, — сказал он с улыбкой, стараясь приободрить очень бледного Манека. — Ты бросился на него, как Амитабх Баччан.

Ом развернул тряпку с расколотым льдом и обратился к остальным:

— Вы помните? На какое-то мгновение этот мудак действительно испугался Манека.

— Следи за своим языком, — сказала Дина.

Манек улыбнулся, и рассеченная губа тут же дала о себе знать. Стараясь не беспокоить рану, он приложил к ней кусочек льда.

— Так что теперь ты обрел новое имя, — сказал Ом. — Тебя будут звать «Баччан с зонтиком».

— Чего вы еще ждете? — сердито повернулась Дина к сборщику ренты. — Скажите своему хозя-

ину, что я не уеду из этой квартиры.

— Не думаю, что это поможет, сестра, — печально проговорил Ибрагим. — Но я искренне желаю, чтобы все у вас было хорошо. — С этими словами он удалился.

Манек сказал, что не хочет своим присутствием создавать трудности тете Дине.

— Не беспокойтесь за меня, — проговорил он, стараясь по возможности не двигать губой. — Я всегда могу вернуться домой.

— Не смей так говорить, — вмешалась Дина. — После всех этих месяцев, на полпути к диплому — разве можно так разочаровывать родителей?

— Нет, он прав, — сказал Ишвар. — Несправедливо, что вы страдаете из-за нас. Мы тоже вернемся к ночному сторожу.

— Перестаньте нести вздор! — положила конец дискуссии Дина. — Дайте мне подумать. — Вы упустили главное, — помолчав, сказала она. — Помните слова Ибрагима? Домовладельцу нужен предлог. Ничего не изменится с вашим уходом.

«Единственное, что может помочь, — думала Дина, — это умение брата вести переговоры с нужными людьми — при помощи денег, лести и прочего, в чем он так силен. Придется в очередной раз переступить через свою гордость и

попросить его о помощи».

Глава двенадцатая. След судьбы

Все утро они механически совершали положенные действия — умывались, убирали вещи, готовили чай. У Ома от удара кулаком все еще болел живот, но он скрывал это от дяди. Портные тихонько заглянули в комнату Манека, проведать, как он там. Манек еще спал. Подушка была в пятнах — видно, ночью кровь сочилась из губы и из носа. Они позвали Дину взглянуть.

Дина мысленно представляла свидание с Нусваном — его самодовольный вид, выражение лица, говорившее о том, что без него не обойтись. Склонившись над Манеком, она подумала, что во сне юноша выглядит очень юным и невинным, ей даже захотелось погладить его по голове. Губа почернела в том месте, где запеклась кровь. Струйка у носа тоже загустела. Попятившись, все тихо вышли из комнаты.

— Все хорошо, — шепнула Дина. — Порез затягивается, ему просто надо выспаться.

Она уже собралась ехать к брату в офис, когда на пороге вырос Хозяин Нищих с кейсом, прикрепленным цепочкой к левому запястью. В этот

день он собирал дань. Ишвар приготовил деньги еще с прошлого жалованья и хранил их у Дины в буфете.

Дина уговорила Ишвара все откровенно рассказать Хозяину сейчас, а не когда он придет выбивать следующий долг палкой.

Хозяин Нищих недоверчиво выслушал рассказ. Ночной налет бандитов, по его меркам, выглядел слишком театральным. Он подозревал, что клиенты выдумали эту историю, чтобы сорвать контракт.

Но когда его пригласили внутрь, показали разбитые окна, искореженные швейные машины, разорванные платья и испорченные ткани, он им поверил.

— Плохо, — объявил Хозяин Нищих. — Очень плохо. Так ведут себя только непрофессионалы.

— Я разорена, — сказала Дина. — Портные не виноваты, что не смогут заплатить на следующей неделе.

— Поверьте мне, они заплатят, — решительно произнес мужчина.

— Но как мы сможем? — взмолился Ишвар. — Если нас выбросят на улицу, мы лишимся работы. Имейте жалость!

Не обращая на него внимания, Хозяин Нищих

обошел комнату, все осмотрел, постучал костяшками пальцев по столу и что-то записал себе в блокнот.

— Скажите, сколько нужно денег, чтобы возместить ущерб?

— Какой смысл подсчитывать? — воскликнула Дина. — Если мы не съедем, бандиты вернутся завтра! А вы хотите тратить время на подсчеты? Есть более важные дела — подумать о крыше над головой.

Мужчина оторвался от блокнота и удивленно посмотрел на нее

— У вас уже есть крыша. Разве это не ваша квартира?

Дина нетерпеливо кивнула в ответ на этот глупый вопрос.

— Налетчики совершили большую ошибку, — продолжил мужчина, — и я постараюсь это исправить.

— А если они придут снова?

— Не придут. Портные вносили платежи вовремя, так что не волнуйтесь — вы под моей защитой. Я обо всем позабочусь. Но если вы не назовете сумму ущерба, как я сумею его возместить? Вы хотите возобновить швейное производство или нет?

Пришла пора Дине выказать сомнение.

— А вы что, из страхового общества?

В ответ мужчина только скромно улыбнулся.

Дина решила, что терять ей нечего, и начала с того, что помножила цену метра ткани на длину испорченного рулона из «Оревуар». Получилось девятьсот пятьдесят рупий, не считая налога. Ишвар оценил починку швейных машин примерно в шестьсот рупий. Были порваны ремни, сломаны иглы, погнуты маховые колеса и педали, и вообще требовался общий осмотр.

Хозяин Нищих все записал, присовокупив к этому стоимость порванных матрасов, подушек, дивана, думок, сломанных стульев и разбитых окон.

— Что-нибудь еще?

— Зонтик, — добавил Манек, разбуженный голосами. — Они сломали каркас.

Мужчина прибавил стоимость зонта, а также записал координаты офиса домовладельца и словесный портрет двух бандитов.

— Ладно, — сказал он. — Все, что нужно, у меня есть. Если домовладелец еще не знает, что вы мои клиенты, то скоро узнает. И возместит все ваши убытки. Не волнуйтесь и ждите меня. Я зайду вечером.

— А в полицию стоит заявить? — спросила Дина.

Мужчина посмотрел на нее усталым взглядом.

— Если вам очень хочется. Впрочем, с таким же успехом можно пожаловаться вот этой вороне на вашем окне. — Птица каркнула и улетела, как бы подтверждая его слова.

Уверенность Хозяина не сняла полностью сомнений Дины. Она отправилась в офис Нусвана, чтобы ввести его в курс дела. «Надо это сделать на случай, если его помощь все же понадобится, — решила она, — а то обязательно скажет: “Поздно копать колодец, когда дом уже горит”».

Слуга грустно сказал ей, что господин Нусван на встрече за городом. Ему всегда было грустно видеть сестру господина.

— Он вернется только завтра вечером.

После неудачи Дина чуть не поддалась искушению зайти в Салон красоты и рассказать все Зенобии. Но зачем? Пустые слова утешения ничему не помогут; тем более что подруга непременно скажет: «Я предупреждала тебя, но разве ты меня слушаешь?»

Она вернулась домой, в душе молясь, чтоб у Хозяина Нищих все получилось. В квартире она почувствовала сильную вонь и спросила Ишвара,

чувствует ли он ее тоже.

Они обошли все комнаты, проверили кухню и туалет. Дурной запах преследовал их всюду, но источник они так и не отыскали. «Может, несет с улицы, из сточной канавы?» — предположил Ом. Но когда они высунулись из окна, запах стал меньше.

— Видно, бандиты оставили после себя эту вонь, — сказала Дина, и Ишвар с ней согласился. Потом Ом, подбиравший на коленях осколки разбитого стекла, принюхавшись, обнаружил, что запах идет от ее туфли. Дина вляпалась во что-то на тротуаре. Выйдя на улицу, она соскребла с подошвы коричневые экскременты и тщательно отмыла туфлю.

Бóльшую часть дня Манек провел в постели, голова у него раскалывалась. Дина и портные старались навести хоть какую-то видимость порядка в квартире. Они собрали куски ваты, набили ею диванные подушки, зашили разрывы, но подушки все равно были комковатые. И сколько ни прибавляли ваты, сколько ни взбивали ее, вид подушек не улучшался. Затем принялись оттирать пятна от пана — они были повсюду!

— Не пойму, зачем мы так надрываемся? — сказала Дина. — Возможно, завтра, если Хозяин

болтун, нас выбросят на улицу.

— Надеюсь, все уладится, — пытался успокоить ее Ишвар. — Шанкар не раз говорил, что Хозяин очень влиятельный человек.

После того, как он повторил это в четвертый раз, Дина взорвалась:

— По-твоему несчастный, безногий нищий кладезь мудрости, так?

— Нет, конечно, — ответил ошарашенный Ишвар. — Но он давно знает Хозяина. И еще… он выручил нас в лагере.

— Тогда почему он не пришел? Вечер подходит к концу.

— Хозяин нас предал, — заявил Ом. И дядя не возразил ему.

С сумерками они потеряли всякую надежду на помощь. Тьма сгущалась, и все четверо, сидя в молчании за столом, пытались понять, что с ними будет завтра. Вот и кончилась ее независимость, думала Дина, а ведь она так долго за нее боролась. Надеяться на помощь Нусвана тоже нет смысла. Если наемники выставят на улицу мебель, не поможет и его адвокат. Недаром юристы говорят, имущество — девять десятых закона. В любом случае идея независимости — пустая фантазия. Все от кого-то зависят. Если не от Нусвана,

то от портных, от «Оревуар экспорт» — все одно… а Нусван пришлет грузовик, перевезет вещи в родительский дом, который любит называть своим. И всегда говорит, что его долг — заботиться о сестре. Теперь наконец он сможет это сделать.

За кухонным окном пронзительно завизжала кошка. От неожиданности сидящие за столом выпрямились. Остальные кошки ее поддержали.

— Хотел бы я знать, что их напугало, — нервно произнес Ишвар.

— Иногда они любят просто так поорать, — сказал Манек, но все же подошел к окну. Остальные последовали за ним. Однако на улице ничего особенного не происходило.

— Думаете, бандиты могут сегодня прийти? — спросил Ом.

— Ибрагим дал нам сорок восемь часов сроку, — сказала Дина. — Так что, скорее всего, они придут завтра вечером. Я собираюсь просить брата о помощи, но не уверена, что это в его силах. Слишком мало времени. Все может случиться! Я не хочу повторения драки. Поэтому завтра утром вам придется уйти со своими вещами. Позже, если все обойдется, сможете вернуться.

— Я уже думал об этом, — сказал Ишвар. — Мы пойдем к ночному сторожу. А Манек может по-

пробовать переночевать в общежитии.

— Нам надо держать связь, — продолжил Ом. — Вдруг удастся наладить работу в доме вашего брата. Если одна фирма откажется от ваших услуг, найдется другая.

— Да, что-нибудь придумаем. — У Дины не хватило духа сказать, что Нусван никогда этого не разрешит. — Но мир на мне не сошелся клином — если вам что-то предложат — соглашайтесь.

Манек молчал, когда Дина с портными пыталась создать подобие прежнего уютного быта. «Как бы искусно ни обращались они с иголкой и ниткой, ничего в том же виде уже не будет, — думал он. — Неужели жизнь умышленно разрушает все доброе, позволяя злу отравлять все вокруг и расти, подобно плесени на не убранной в холодильник еде? Васантрао Валмик, корректор, сказал бы, что такова жизнь, и секрет выживания в существовании человека между надеждой и отчаянием, в умении принимать перемены. Но мириться со страданием и разрушением? Нет, никогда». Будь на свете громадный холодильник, он укрыл бы в нем от порчи счастливое время, проведенное в этой квартире, Авинаша и шахматы, горы под снегом, их магазин, пока дела в нем не пошли наперекосяк, прежнего отца и мать, еще

не превратившуюся в покорную рабыню мужа.

Но такого холодильника не существует. Все заканчивалось плохо. Что ему теперь делать? От мысли об общежитии его затошнило. Ехать домой? Но там опять начнутся стычки с отцом. Выхода не было — его ждал шах и мат.

— А кошки замолкли, — сказал Ишвар. — Как тихо стало! — Все прислушались. Но тишина наводила тревогу не меньше, чем раньше кошачий визг.

Портные быстро помылись, пока вода не кончилась. Кто знает, когда им удастся опять побывать в ванной! В ближайшем будущем их ждут узкие улочки и колонки.

Манек не торопился. Губа выглядела сегодня лучше, опухоль спала, головная боль ушла. Он сидел с апатичным видом или ходил из комнаты в комнату, словно что-то искал.

— Поторапливайся, Манек, — сказала Дина. — Уже много времени. Займись делом, упакуй коробки. Или поезжай сначала в общежитие, узнай, дадут ли тебе место.

Манек вернулся к себе в комнату, вытащил из-под кровати чемодан и открыл его. Когда Дина через несколько минут заглянула к нему, Манек сидел перед раскрытой шахматной доской и

смотрел на фигуры.

— Ты с ума сошел? — крикнула она. — Время идет, а у тебя много дел.

— Займусь делами, когда захочу. Я человек независимый, не сдаюсь, как вы. — Он сознательно подобрал слова, которые использовала Дина, говоря о себе.

Это ее задело, но она не подала виду.

— Хвастаться легко. Но посмотрим, куда денется твоя независимость, когда бандиты вернутся и проломят тебе голову. Похоже, последняя драка тебя ничему не научила.

— А чего вам беспокоиться? Похоже, вы уже сидите на чемоданах и готовитесь съезжать. И по вашему виду не скажешь, что вы особенно расстроены.

— Расстроена? Я не могу позволить себе такую роскошь. А вот почему у тебя такой унылый вид? Получив диплом, ты все равно уедешь. Не сейчас, так через полгода. — И Дина с сердитым видом вышла из комнаты.

Ишвар тем временем собрал сундук на веранде и зашел к Манеку. Тот сидел на кровати, обхватив себя руками.

— Знаешь, Манек, человеческое лицо имеет границы. Моя мать говорила: если ты смеешься,

на лице нет места для плача.

— Хорошо сказано, — с горечью произнес Манек.

— Сейчас на лице Дины-бай, моем и Ома лежит забота — где найти работу, деньги, ночлег. Но это не означает, что мы не грустим. На лице этого не видно, грусть внутри. — Ишвар прижал руку к сердцу. — А вот здесь все помещается — счастье, доброта, печаль, злость, дружба.

— Понимаю, — сказал Манек и стал убирать шахматы. — Вы хотите встретиться с ночным сторожем сегодня?

— Да, хотим договориться с ним и вернуться сюда. Надо помочь Дине-бай упаковать вещи.

— Не забудь оставить нам адрес твоего общежития, — напомнил Ом. — Мы навестим тебя там.

Манек вытащил из шкафа свои вещи и сложил в чемодан. Видя такую перемену, Дина бросила на него благодарный взгляд.

— Могу я попросить тебя об услуге, Манек?

Юноша кивнул.

— На двери висит табличка с моим именем. Пожалуйста, возьми на кухне отвертку и открути табличку. Я хочу забрать ее с собой.

Он снова кивнул.

Ишвар и Ом вернулись с плохими новостями.

Ночного сторожа заменили, а новый не захотел иметь с ними дела. Скорее всего, он подумал, что портные хотят воспользоваться его неопытностью.

— Не представляю, что нам теперь делать, — сказал устало Ишвар. — Придется прочесывать улицу за улицей.

— А я еще буду нести сундук, — прибавил Ом.

— Нет, так нельзя, — возразила Дина. — Ты снова повредишь руку. — И она предложила перевезти сундук к Нусвану, притворившись, что сундук из ее вещей. Как только портным понадобятся пожитки, они смогут получить их с черного хода. Дом большой, и Нусван ничего не заметит. На кухню брат никогда не заходит, если только с ним не случается припадка экономии, когда он проверяет все подряд.

— Послушайте, я придумал, где вам ночевать, — сказал Манек.

— Где?

— У меня в общежитии. Проскользнете ко мне в комнату вечером, а рано утром уйдете. И сундук можно там оставить.

Они как раз обсуждали насколько реально это предложение, когда в дверь позвонили. Пришел Хозяин.

— Слава богу, вы здесь! — Ишвар и Дина бросились к нему как к своему спасителю.

Ому это напомнило хныканье Шанкара, подкатившего в лагере на тележке к Хозяину и по-собачьи ластящегося к нему. Его передернуло от этого воспоминания. С какой гордостью тогда Ишвар и Ом заявили Хозяину, что они портные, а не попрошайки.

— Что стряслось? — спросила Дина. — Мы ждали вас вчера вечером.

— Извините, меня задержал непредвиденный случай, — ответил мужчина, наслаждаясь всеобщим вниманием. Он привык к поклонению нищих, но уважение со стороны обычных людей льстило его самолюбию.

— Всему виной чрезвычайное положение — от него одни проблемы.

— Нет, дело не в чрезвычайном положении, — сказал Хозяин. — Моя проблема связана с бизнесом. Когда я ушел от вас вчера утром, мне сообщили, что двое моих нищих — муж и жена — найдены убитыми. Я сразу помчался на место преступления.

— Убитыми! — воскликнула Дина. — У кого поднимется рука на бедных нищих?

— Такое случается. Убивают за собранную

милостыню. Но тут случай особый — деньги не тронули. Возможно, замешан маньяк. У них забрали только волосы.

Ишвар и Ом вздрогнули и судорожно сглотнули.

— Волосы? — удивилась Дина. — Срезали с голов?

— Именно так, — сказал Хозяин Нищих. — Обстригли до последнего волоска. У мужа и жены были прекрасные волосы, для нищих это необычно. У многих из них длинные волосы — они не могут позволить себе стричься у парикмахера, но шевелюры у них всегда грязные. Однако эти двое отличались от остальных. Они часами приводили волосы в порядок, помогали в этом друг другу, вычесывали гнид, мыли волосы, где только могли — под дождем или под струей из-под шланга, когда поливали тротуары.

— Как трогательно! — сочувственно произнесла Дина, слушая его почти нежное описание этой любящей пары.

— Вы удивитесь, насколько нищие похожи на обычных людей. В результате такого ухода волосы у них стали просто роскошные. Впрочем, для дела это было плохо. Сколько раз я просил их взлохматить волосы, испачкать наконец, чтобы

вызывать у людей жалость. Но супруги отвечали, что волосы единственное, чем они могут гордиться, неужели я лишу их даже этого?

Он помолчал, понимая, что последует следующий вопрос.

— Что мне оставалось? У меня доброе сердце, и я сдался. А теперь за красивые кудри они заплатили жизнями. А я потерял двух хороших работников.

Хозяин повернулся к портным.

— Что случилось? На вас лица нет.

— Да нет, все в порядке, — запинаясь произнес Ишвар. — Просто мы удивлены.

— Полицейские тоже удивлены, — продолжил мужчина. — Им уже поступали жалобы: таинственно пропадали длинные косички и «конские хвосты». Женщины идут на базар, делают покупки, возвращаются домой, смотрят в зеркало и видят, что волосы исчезли. Но убийство? Такого раньше не было; физического вреда не наносили. Поэтому полицейские так заинтересовались этим убийством. Им нравится разнообразие. «Маньяк, помешанный на волосах» — так окрестили они этот случай.

Хозяин открыл закрепленный на запястье кейс и вытащил оттуда пухлую пачку банкнот. Цепоч-

ка позвякивала, пока он пересчитывал деньги.

— А теперь перейдем к делу — эта сумма покроет ваши убытки. Можете продолжать работать.

Ишвар не решился принять деньги — у него тряслись руки. Их взяла Дина. Сжимая в руках две тысячи рупий, она все еще не могла поверить, что домовладелец сдался.

— Вы хотите сказать, что мы можем здесь остаться? И это безопасно?

— Конечно, можете. Я сказал, что проблем больше не будет. Эти люди совершили ошибку.

Портные быстро закивали, призывая Дину поверить его словам.

— Только один вопрос, — сказал Ишвар — А что, если домовладелец пришлет новых бандитов?

— Пока вы платите мне, он не найдет никого, кто побеспокоит вас. Уж за этим я прослежу.

— А когда мы выплатим долг?

— Это будет зависеть от вас. Наш контракт всегда можно продлить. Процент небольшой — ведь вы друзья Шанкара. Кстати, он шлет вам привет. Говорит, что давно вас не видел.

— Из-за этих неприятностей мы уже несколько дней не были в «Вишраме», — сказал Ишвар. — Увидимся там завтра. Я еще вот что хотел спросить: как там дела у хозяина обезьян и его двух

детишек?

— Хорошо — у детей, я хотел сказать. Они способные, быстро учатся. А с мужчиной я с тех пор не виделся. Больше в лагерь не ездил. Но его сильно избили — может, уж и на свете нет.

— Пророчество старухи почти сбылось, — сказал Ом.

— Какое пророчество? — заинтересовался Хозяин.

Портные рассказали ему, что случилось ночью в поселке, когда обезьян загрызла собственная собака циркача, и старуха произнесла загадочные слова.

— Я точно помню, что она сказала, — продолжил Ом. — «Потеря обезьян — не самое худшее, что с ним случится, а убийство собаки — не самое страшное убийство, какое он совершит». И он действительно убил Тикки, чтобы отомстить за Лайлу и Маджно.

— Какая страшная история! — ужаснулась Дина.

— Просто совпадение, — сказал Хозяин. — Я не верю в пророчества и предрассудки.

Ишвар кивнул:

— А дети счастливы без него?

Мужчина сделал свободной рукой неопреде-

ленный жест.

— Они привыкнут. Жизнь не гарантирует счастья. — Той же свободной от цепочки рукой он сделал прощальный жест, но, выходя из дверей, остановился.

— Вы тоже можете помочь. Мне нужны двое новых нищих. Если увидите парочку подходящих на замену, дайте знать.

— Конечно, — сказал Ишвар. — Будем смотреть в оба.

— Но кандидаты должны отвечать определенным условиям. Сейчас покажу. — Мужчина достал из кейса большой альбом с записями и рисунками — что-то вроде драматургии нищенства. Переплет был изрядно потрепан, страницы загнуты.

Он открыл альбом на странице с карандашным рисунком под названием: «Дух сотрудничества»:

— Вот чего я давно пытаюсь достичь.

Все сгрудились вокруг, чтобы рассмотреть рисунок. На нем один человек сидел на плечах другого.

— Для этого мне нужны хромой и слепой. Слепой несет на плечах хромого. Ожившая, захватывающая, древняя история о дружбе и взаимовыручке. Она принесет много денег. В этом

я абсолютно уверен, потому что люди подают милостыню не только из жалости и сострадания, а из-за восхищения тоже. Трудность в том, что нелегко найти достаточно сильного слепого и легкого хромого.

— А Шанкар не подойдет? — спросил Манек.

— Без ног и почти без бедер ему не удержаться на плечах другого человека — он сползет вниз. Мне нужен калека с ногами, но с ногами безжизненными и изуродованными, которые болтались бы на груди слепца. В любом случае Шанкар на своей тележке и так преуспевает. От добра — добра не ищут.

Портные обещали, что будут иметь в виду его пожелания.

— Буду рад любым предложениям, — сказал мужчина. — Кстати, о тех двух бандитах, которые приходили со сборщиком ренты…

— Да?

— Они просили принести извинения за то, что не могут прийти и убрать изгаженную ими квартиру.

— Правда?

— Да. Произошел несчастный случай — у них все пальцы переломаны. Кто знает, еще парочка подобных случаев, и им придется присоединить-

ся к моей армии нищих. — Мужчина был явно в восторге от своей шутки. Все заставили себя тоже улыбнуться. — А теперь извините, но мне действительно пора, — сказал он. — Нужно пойти заняться убитыми нищими.

— Их сегодня кремируют?

— Нет. Это слишком дорого. После морга я продам трупы своему агенту. — Видя растерянное недоумение на лицах жильцов, он решил объяснить свои действия. — Учитывая растущие цены и инфляцию, я не могу поступить по-другому. Это все-таки лучше, чем оставлять трупы на улице, где их подбирают муниципальные службы.

— Да, конечно, — согласилась Дина, словно она всю жизнь только и занималась продажей и покупкой трупов. — А что ваш агент делает с… телами?

— Продает их в колледжи, где студентов учат на врачей. Только вообразите, мои нищие послужат науке. — С мечтательным выражением на лице мужчина устремил взор за окно куда-то вдаль. — Кого-то покупают те, кто занимается черной магией. Много костей идет за границу. Думаю, на удобрения. Если вам интересно, я могу еще разузнать.

Дина отрицательно замотала головой.

После его ухода у всех осталось гнетущее чувство.

— С этим человеком надо быть начеку, — сказала Дина. — Ну и тип! Один кейс, прикрепленный к руке, чего стоит! Раб денег. Он продаст наши кости раньше, чем мы умрем.

— Хозяин просто до мозга костей современный бизнесмен, ценящий только прибыль, — заметил Манек. — Я много встречал таких в производстве колы, они приезжали к отцу и уговаривали его продать наш рецепт.

Ишвар печально покачал головой.

— Почему бизнесмены такие бессердечные? И несчастные, несмотря на свое богатство?

— Эта болезнь не лечится. Что-то вроде рака, — сказала Дина. — Но они даже не подозревают, что серьезно больны.

— Впрочем, опасаться Хозяина Нищих стоит только Ому, — сказал Манек, он уже пришел в хорошее настроение. — Его можно принять за ходячий скелет.

— Тебе тоже надо держать ухо востро, — парировал Ом. — Твой здоровый костяк — порождение гор, закаленный чистыми гималайскими снегами, весит гораздо больше моего.

— Хватить нести чушь, — сказала Дина.

Но Манека уже понесло. Дом удалось сохранить, и это наполняло его радостью.

— Только подумайте, тетя, теперь, когда мы чистим зубы угольным порошком, они, наверно, стоят уйму денег. Можно продавать их — по одному или дюжиной. Или делать из них бусы.

— Хватит, сказала. Шутки в сторону, этого типа нужно опасаться, запомните!

— Пока ему платят, с нами ничего не случится, — сказал Ишвар.

— Надеюсь. С этого дня я буду платить половину взноса — он ведь и меня защищает.

— Ну уж нет, — возмутился Ишвар. — Я сказал не поэтому. Вы и так не берете с нас плату за жилье. А взнос — наша забота. — И он отказался продолжать разговор на эту тему.

В рабочей комнате они стали подсчитывать, сколько должны «Оревуар экспорт». Ишвар шепнул, как приятно видеть, что Манек и Ом снова смеются и шутят вместе.

— Да, эти два последних дня тяжело дались всем нам, — согласилась Дина и вскоре попросила молодых людей вернуть табличку с ее именем на дверь.

— Мы никогда больше не увидим Раджарама, — сказал Ом вечером, расстилая постель. — Если он

и правда убийца.

— Конечно, убийца, — отозвался дядя. — Глядя из окна веранды на фонарь, он думал об их прежнем друге. — Подумать только — тот, который казался таким хорошим человеком, убивает двух нищих. В то первое утро в поселке мы были не очень осторожны — слушали его грязную болтовню, сидя на корточках и испражняясь на железнодорожных путях. А разве нормальный человек будет зарабатывать на жизнь сбором и продажей волос?

— Да не в этом дело. Люди чего только не собирают — тряпки, бумагу, пластик. Даже кости.

— Теперь рад, наверное, что я не позволил тебе отпустить длинные волосы? Этот убийца зарезал бы тебя не моргнув глазом, пока ты спал по соседству с ним.

Ом пожал плечами.

— Я беспокоюсь о Дине-бай. Вдруг полиция найдет тот набор для парикмахера, который она подарила Раджараму? Там ее отпечатки пальцев, да и наши тоже. Нас всех арестуют и повесят.

— Вы с Манеком насмотрелись в кино всякой ерунды. Только там такое случается. Меня беспокоит одно: вдруг он снова заявится к нам, прося о помощи? Что тогда делать? Вызывать полицию?

Ишвар долго не засыпал, Раджарам не шел у него из головы. Они жили в поселке рядом с убийцей, ели вместе. Его трясло при мысли об этом.

Ом чувствовал, что дядя никак не может заснуть. Приподнявшись на локте, он тихо засмеялся в темноте.

— Представляю, как повару и официанту понравится наша история. Они прямо с ума сойдут от любопытства.

— Даже не думай шутить об этом, — предупредил его Ишвар. — Или у нас будут большие проблемы с полицией.

Тротуар затопил утренний поток — туда-сюда сновали слуги, школьники, служащие, уличные торговцы. Портные ждали, когда поток спадет, и Шанкар подкатит к черному ходу «Вишрама». Нищий постоянно махал им, заставляя тем самым Ишвара нервничать — лучше не привлекать внимания, когда на тележке такой необычный груз.

Через несколько минут Шанкар потерял терпение и, рискнув пересечь тротуар, направил тележку сквозь толпу. «Пожалуйста, осторожней!» — взывал он, лавируя меж бесконечных ног и ступней.

Тележка врезалась в чью-то ногу. На Шанкара посыпались ругательства, которые тот терпели-

во сносил, робко посматривая вверх. Мужчина грозился оторвать ему голову: «Этот нищий думает, что ему принадлежит весь тротуар! Стой на одном месте!»

Шанкар вымолил прощение и отъехал. Из-за поспешности мешочек с волосами скатился с тележки. Портные с тревогой следили за этой сценой, не осмеливаясь помочь. Шанкар крутился, тянулся, изворачивался и как-то умудрился втянуть мешочек на тележку.

— Молодец! — похвалил его Ишвар. Он боялся, что подозрительно глядевшему на них постовому может прийти в голову мысль — подойти и потребовать открыть мешочек. — Когда, — спросил он, стараясь говорить как можно спокойнее, — наш длинноволосый приятель передал тебе это?

— Два дня назад, — ответил Шанкар, и Ишвар чуть не отбросил мешочек. — Нет, я ошибся, — поправился нищий, потирая лоб культей. — Он передал его на следующий день после нашей последней встречи — четыре дня назад.

Ишвар с облегчением кивнул Ому. Значит, здесь другие волосы.

— Наш друг больше не будет к тебе приходить.

— Не будет? — разочарованно переспросил Шанкар. — А мне нравилось играть с его мешоч-

ками. В них такие чудесные волосы.

— То есть ты заглядывал внутрь?

— А что, нельзя было? — с волнением произнес нищий. — Клянусь, я ничего не испортил. Просто прикладывал волосы к щеке, это было приятно. Такие мягкие и шелковистые.

— Не сомневаюсь, — сказал Ом. — Наш друг собирает только самые лучшие волосы.

Шанкар не уловил насмешки в его голосе.

— Как бы мне хотелось иметь такой пучок волос, — вздохнул нищий. — Я положил бы его на тележку и спал, прижавшись щекой к волосам. Каким утешением это было бы после дня унижений! Ведь даже те, кто бросает монеты, смотрят на меня как на грабителя. А волосы приносили бы мне покой!

— Так чего ждать! — воскликнул Ом, поддавшись импульсу. — Вот, держи этот сверток, нашему другу он не нужен.

Ишвар хотел было остановить племянника, но передумал. Ом прав — какое теперь это имеет значение?

Благодарность Шанкара слегка подняла им настроение, и они вернулись домой с определенным намерением.

— Давай выбросим эту гадость из нашего сун-

дука, — предложил Ишвар. — Кто знает, откуда эти волосы, сколько еще несчастных он сгубил?

Этой ночью, когда Дина и Манек уснули, Ишвар вытащил из сундука волосы и положил в небольшую картонную коробку, чтобы позже выбросить. Ему стало легче: одежду больше не оскверняла коллекция сумасшедшего.

Звуки, доносившиеся с кухни, разбудили Дину раньше подачи воды — было еще темно. Хозяин Нищих сдержал слово, их уже два месяца никто не беспокоил, и квартира обрела прежний вид. Но сейчас, не проснувшись окончательно, Дина по грохоту горшков и сковородок решила, что это может означать только одно: домовладелец опять наслал бандитов. Сердце ее забилось сильнее, руки налились свинцом, а пальцы теребили простыню.

Потом снова послышался шум — может, это дурной сон, и если лежать тихо… с закрытыми глазами…

Шум утих. Это хорошо, значит, она выбрала нужную тактику — нет никаких бандитов, это всего лишь сон, Хозяин защищает квартиру. Беспокоиться не о чем, внушала она себе, балансируя на грани сна.

Однако настойчивое мяуканье вывело ее из

состояния дремоты. Она резко села в кровати. Ох уж эти кошки! Освободившись от простыни, Дина встала с кровати и наткнулась на стулья. Один с грохотом рухнул, разбудив спящего в соседней комнате Манека, которого раньше не смог разбудить шум от горшков и сковородок.

— С вами все в порядке, тетя?

— Да. Проклятая кошка забралась на кухню. Сейчас ей голову оторву. Спи дальше.

Манек нащупал ногами тапочки и пошел за Диной не столько из любопытства, сколько из страха за кошку. Дина включила свет, и они увидели, как в окно метнулась его любимица Виджаянтимала, рыжая с белым кошечка.

— Противное животное, — разгневанно проговорила Дина. — Кто знает, что она лизала своим грязным языком.

Манек осмотрел разорванную сетку на разбитом окне.

— Она, должно быть, сделала это от отчаяния. Надеюсь, не поранилась.

— Вижу, ты больше волнуешься за шелудивую кошку, чем за меня. А она вот что здесь натворила. — Дина стала подбирать разбросанную посуду — ее теперь следовало как следует отчистить.

— Подожди, — вдруг замерла она. — А это что

за звуки?

Ничего не услышав, они продолжили убирать кухню. Через минуту Дина снова прервала работу, и на этот раз в тишине послышался слабый писк. Ошибки не было — источник писка находился в кухне.

В углублении, где в прежние времена на горящем угле готовили еду, лежали три рыже-белых котенка. Когда Дина и Манек склонились, чтобы их рассмотреть, все трое хором запищали.

— О боже! — задохнулась от изумления Дина. — Какие миленькие!

— Теперь понятно, почему так растолстела в последнее время Виджаянтимала, — ухмыльнулся Манек.

Котята возились, стараясь встать на ноги, и Дина подумала, что никогда еще не видела созданий беззащитнее.

— Интересно, она что, родила их прямо здесь?

Манек покачал головой.

— Похоже, котятам уже несколько дней. Должно быть, она принесла их ночью.

— Зачем она это сделала? Какие же они славные!

— Ну что, тетя, вы по-прежнему хотите пустить их на струны для скрипки?

Дина посмотрела на юношу укоризненно. Однако когда Манек нежно погладил котят, она оттащила его.

— Не дотрагивайся! Кто знает, может, у них глисты.

— Они же крошки.

— И что? Крошки тоже могут быть переносчиками болезней. — Дина вытащила страницу из старой газеты и скомкала ее.

— Что вы делаете? — спросил Манек в тревоге.

— Предохраняю руки. Сейчас положу всех троих за окно, где их сможет увидеть кошка.

— Вы так не поступите! Если мать оставила котят, они погибнут от голода. А может, станут прежде жертвами ворон и крыс. Те выклюют их маленькие глазки, разорвут крошечные тельца, вытащат внутренности, разгрызут нежные косточки.

— Уволь меня от подробностей! — Этот ужасный сценарий сопровождался жалобным писком котят. — И что мне по-твоему надо сделать?

— Накормить котят.

— Ни в коем случае! — категорически заявила Дина. — Стоит их раз накормить, и они здесь останутся. А мать, если собиралась вернуться, тут же передумает. Я не могу нести ответственность

за всех бездомных в мире.

Манеку все же удалось отсрочить окончательный приговор. Дина согласилась оставить котят на некоторое время, чтобы Виджаянтимала услышала их плач. Возможно, он побудил бы ее вернуться.

— Смотрите, — Манек показал на небо за окном. — Зарделся рассвет.

— Как красиво! — Дина замерла, задумчиво глядя вдаль.

Из кранов закапало, и это сбило ее мечтательное настроение. Дина заторопилась в ванную, а Манек тем временем осмотрел двор, выглядывая кошек. Затем перевел взгляд дальше, где переплетались улочки. Нежный свет порождал надежду на изменения к лучшему в этом еще спящем городе. Манек знал, что это чувство недолговечно и через несколько минут улетучится, он испытывал его и раньше, но как только свет усиливался, иллюзия пропадала.

Но он был благодарен и за эти минуты. Проснулись портные. Манек рассказал им новости и отвел на кухню. С приближением людей слабый писк усилился.

Дина выставила всех из кухни.

— Кошка никогда не вернется, если здесь будут

толпиться люди. — Сама однако вошла внутрь, сославшись на то, что надо приготовить чай. Остановившись посредине кухни, она с улыбкой смотрела, как котята возятся в бывшем очаге, лезут друг на друга и поочередно сваливаются. «Мать нашла хорошее место, — подумала Дина, — здесь достаточно глубоко, котятам отсюда не выбраться, и они не могут расползтись кто куда».

В то утро ни у кого работа не клеилась. Манек объявил, что до полудня занятий у него нет. «Как удобно», — сказала Дина. А он, и правда, не отходил от кухонной двери, то и дело сообщая свежие новости. Портные часто заглушали швейные машины и прислушивались к писку котят.

Время шло, и скоро котята стали мяукать так громко, что перекрывали шум «зингеров».

— Они все время пищат, — сказал Ом. — Наверное, хотят есть.

— Как и все малыши, — намеренно громко произнес Манек. — Их надо регулярно кормить. — Уголком глаза он посматривал на Дину, видя, что этот концерт начинает ей надоедать. Она как бы между прочим поинтересовалась, переносят ли такие крошки коровье молоко.

— Да, — быстро ответил Манек. — Только надо

добавить немного воды, а то оно жирновато. Через несколько дней они уже смогут есть кусочки хлеба, размоченные в молоке. Так мой отец кормил у нас дома котят и щенят.

Дина не сдавалась еще час, стараясь не замечать настойчивых призывов с кухни. Затем со словами «нет, это невыносимо» позвала Манека, назвав того «главным экспертом».

Они подогрели смесь молока и воды и вылили ее в алюминиевую мисочку. Вытащив извивающихся котят из убежища, поставили миску на расстеленную газету. «Дай мне подержать одного», — попросил Ом, и Манек позволил ему взять последнего.

Котята сгрудились на газете и дрожали, как цуцики. Наконец запах молока привлек их внимание, они приблизились к миске и нерешительно лизнули ее край. Вскоре котята уже обступили миску и жадно лакали. Когда миска опустела, они продолжали стоять, не вынимая из нее лапки, и с надеждой смотрели вверх. Манек заново наполнил миску, дал котятам еще поесть, а затем ее убрал.

— Не жадничай, — сказала Дина. — Дай им еще полакать.

— Через два часа. От переедания малыши могут

заболеть. — Манек принес из своей комнаты пустую картонную коробку и оклеил края чистой газетой.

— Я не буду держать их на кухне, — запротестовала Дина. — Это негигиенично.

Ом предложил держать коробку на веранде.

— Пусть так, — согласилась Дина, потребовав однако, чтобы к вечеру котят водворяли на прежнее место. Она надеялась, что мать вернется к потомству. Из-за этого даже не приводили в порядок окно.

Семь вечеров подряд Дина отдраивала горшки и сковородки, оберегала посудный шкаф и плотно закрывала дверь на кухню. Все семь дней, проснувшись, она тут же шла на кухню, надеясь, что котят забрали, но те весело ее приветствовали в ожидании завтрака.

Со временем Дина стала ждать этой утренней встречи. К концу недели, ложась в постель, она с беспокойством думала: «А вдруг это случится ночью? Вдруг кошка надумает их забрать?» Утром она первым делом бежала на кухню — и испытывала облегчение. Котята были на месте.

Потом вечерний ритуал переноски котят на кухню закончился. Портные были только рады этому соседству. Быстро подрастая, шустрая

троица ознакомилась с верандой, и теперь приходилось держать дверь постоянно закрытой, чтобы они не пролезли в рабочую комнату и не спутали ткани. Довольно скоро котята стали совершать краткие вылазки на улицу через решетку на окне веранды.

— Вот что я скажу вам, Дина-бай, — заговорил Ишвар как-то после ужина. — Кошка принесла вам удачу. Оставив здесь котят, она выразила доверие вашему дому — это большая честь.

— Что за ерунда! — Дина никогда не верила в подобную чепуху. — Естественно, что кошка пришла сюда. Ведь именно из этого окна три мягкосердечных идиота регулярно бросали ей еду.

Но Ишвара переполняла решимость извлечь мораль, какую-то высшую правду из этой истории.

— Что бы вы ни говорили, этот дом благословен. Он приносит удачу. Даже жестокий домовладелец не смог принести нам зла. Котята — добрый знак. Значит, и у Ома будет много здоровых детей.

— Сначала ему нужно жениться, — сухо проговорила Дина.

— Совершенно верно, — серьезно отозвался Ишвар. — Я много об этом думаю и считаю, что затягивать не надо.

— Как можно рассуждать так несерьезно, — сказала Дина с легким раздражением. — Ом только начинает жить, денег нет, жилья нет. А вы говорите о жене!

— Все придет в свое время. Нужно верить. Главное — надо поскорее жениться и обзавестись семьей.

— Ты слышишь, Ом? — крикнула Дина юноше, находившемуся на веранде. — Дядя хочет тебя как можно скорей женить, чтоб ты создал семью. Только постарайся, чтобы детишки не появились на моей кухне.

— Простите его, — произнес Ом с отеческой снисходительностью. — Иногда у моего бедного дяди крыша едет, и он говорит всякие несуразности.

— Во всяком случае, не надейтесь, что я предоставлю вам жилье, — сказал Манек. — Больше картонных коробок у меня нет.

— Ах, как жаль! — посетовал Ом. — А я надеялся, что ты, поставив одну коробку на другую, построишь мне двухэтажный коттедж.

— Нехорошо издеваться над такими важными вещами, — произнес обиженный Ишвар. Он не ожидал, что его слова послужат поводом для насмешек.

Котята возвращались с прогулок точно ко времени кормежек, пролезая сквозь те же решетки на окнах.

— Только взгляните на них! — с нежностью говорила Дина. — Приходят и уходят, словно живут в гостинице.

По мере того, как котята взрослели и учились сами добывать пищу, шныряя по закоулкам с сородичами, они приходили все реже. От помоек и сточных канав до них доходили запахи, которым невозможно было сопротивляться, и котята освоили эти места.

Они возвращались на кухню все реже, и это расстраивало всех. Манек и Ом аккуратно собирали лакомые кусочки в одну тарелку. Каждый день они надеялись, что котята удостоят их посещением, и только поздним вечером избавлялись от объедков, в которых иначе могли завестись черви, и выбрасывали их из окна неизвестным кошкам, чьи глаза жадно светились в темноте.

Когда котята наконец объявлялись, радости не было конца. Если в доме не находилось ничего подходящего, Манек или Ом неслись в «Вишрам» за хлебом и молоком. Иногда насытившись, котята задерживались в квартире, с удовольствием играя с лоскутками у швейных машин.

— Поедят и убегают, — сказала Дина. — Ведут себя как хозяева.

Со временем котята появлялись все реже, а их пребывание в квартире становилось все короче. Пропал их детский интерес ко всякой новой вещи, молоко и хлеб котят также не интересовали. Скитание по помойкам было гораздо интереснее.

Чтобы привлечь их внимание, Ом и Манек вставали на четвереньки у миски. «Мяу! — голосили они хором. — Мяу!» Ом шумно принюхивался к содержимому, а Манек делал вид, будто лакает из миски. Но котята к их стараниям оставались безучастны и, равнодушно взирая на представление, зевали и вылизывали себя языком.

Через три месяца котята исчезли совсем. Минули две недели, и Дина полностью уверовала, что их переехала машина. Манек сказал в ответ, что котят с таким же успехом могли загрызть бродячие собаки.

— Или крупные крысы, — добавил Ом. — Их боятся даже взрослые кошки.

От такой неопределенности и возможных мрачных исходов все впали в депрессию. Только Ишвар верил, что с котятами все благополучно. «Они умные и крепкие, — настаивал он, — просто привыкли жить на улице». Но никто не разделял

его оптимизма. Напротив, он всех раздражал, как будто нес несуразицу.

И в это невеселое время к ним пришел за очередным платежом Хозяин Нищих. Фонари еще не зажгли, и сумерки казались темнее обычного.

— Что случилось? — спросил мужчина. — Неужели домовладелец осмелился опять вас беспокоить?

— Не в этом дело! — ответила Дина. — Пропали наши милые котята.

Хозяин разразился хохотом. Все остолбенели — никто из них раньше не слышал, чтобы он смеялся.

— Видели бы вы свои несчастные лица, — сказал мужчина. — Не припомню, чтобы вы так худо выглядели даже после визита к вам бандитов. — И он вновь рассмеялся. — Жаль, не могу вам помочь — кошкам я не указ. Но у меня хорошие новости — может, хоть они поднимут вам настроение.

— Что за новости? — спросил Ишвар.

— Они касаются Шанкара. — И он широко улыбнулся. — Сейчас я еще не могу рассказать ему все — ради его же блага. Но могу поделиться этими чудесными новостями с вами — ведь вы его единственные друзья. Только смотрите — не

проговоритесь.

Все обещали молчать.

— Это случилось через несколько недель после того, как я забрал вас и Шанкара из трудового лагеря. Одна из нищенок, очень больная женщина, вдруг стала мне рассказывать о своем детстве и о детстве Шанкара. Каждый раз, когда я приходил за собранной милостыней, она предавалась воспоминаниям. Она была старой, очень старой для нищенки, лет сорока. На прошлой неделе она умерла. Но перед самой смертью призналась мне, что Шанкар ее сын.

Само по себе это не удивительно, сказал Хозяин, он давно это подозревал. Еще маленьким мальчиком, сопровождая отца во время обхода, он часто видел, как она кормит грудью ребенка. Все ее звали Носачихой — хотя у нее вообще не было носа. Тогда она была молодой, лет пятнадцати, с прекрасной фигурой, и владельцы борделей говорили, что хорошо бы за нее заплатили, если б не изуродованное лицо. Было известно, что при рождении пьяный отец в гневе исполосовал дочери нос, разочарованный тем, что жена не родила сына. Мать залечила рану и спасла ребенку жизнь, хотя отец всегда говорил: лучше б она умерла, у нее нет никакого приданого, кроме

уродливого лица, лучше б ей умереть. Постоянные издевательства и травля привели к тому, что девочку продали в наш бизнес.

— Не знаю точно, в каком году отец приобрел Носачиху, — сказал Хозяин. — Только помню ее с ребенком на руках. Спустя несколько месяцев младенца, нареченного Шанкаром, отобрали у матери, чтобы сделать несколько операций, готовя к будущей профессии.

Матери не вернули ребенка, решив, что выгоднее сдавать его нищенкам, работавшим в разных районах. Кроме того, чужие женщины, прикладывавшие младенца к груди, легче изображали крайнее отчаяние и нужду, и потому им хорошо подавали. Носачиха же, обнимая сына, не могла полностью скрыть свою радость, и это отражалось бы на подаянии.

— И вот так Шанкар жил сам по себе, получив со временем платформу на колесах и ничего не зная о своей матери, — рассказывал мужчина. — А я тем временем унаследовал бизнес. И забыл свои детские подозрения о том, что Шанкар сын Носачихи. Так продолжалось до последнего времени.

О Шанкаре ему напомнила сама Носачиха, когда умирала на тротуаре. И клялась, что родила сына от его отца. Сначала мужчину потрясла ее

наглость — такое даже в уме не укладывалось. Он пригрозил, что вычеркнет ее из числа клиентов, если она не извинится. «Меня это не пугает, — сказала Носачиха, — все равно смерть близка».

По-прежнему не веря ей, мужчина спросил, зачем она клевещет на его отца? Чего добивается? Он гневно смотрел на нее, в то время как прохожие продолжали бросать монеты в кружку женщины. Некоторые, не зная причину происходящей драмы, останавливались, поглядывая на него с подозрением.

— Может, думали, что вы собираетесь ее ограбить? — предположил Манек.

— Ты совершенно прав. Я был страшно зол. Мне хотелось послать их черт знает куда.

Дина вздрогнула от этой грубости и еле удержалась от замечания. В гостиной стало темно, и она включила свет. Все заморгали от неожиданности, прикрывая глаза.

— Но я сдержал себя, — продолжил Хозяин. — В моей профессии существует правило: жертвователь — всегда прав.

Не обращая внимания на любопытных, он задумался о словах Носачихи. Ярость сменилась неуверенностью. Он назвал ее лгуньей, которая шантажирует его, находясь на краю смерти и же-

лая навечно посеять в нем сомнения. «Помолчи и послушай, — сказала женщина. — Я твоя мачеха, хочешь ты того или нет. И у меня есть доказательства. Ты когда-нибудь массировал спину и плечи отца?»

«Конечно, — ответил он. — Я был хорошим сыном. И всегда, когда бы отец ни позвал меня, шел и делал массаж — и так до самой его смерти».

— Тогда ты видел, — удовлетворенно произнесла женщина, — у него на затылке большую шишку — там, где начинается позвоночник».

— Я не понимал, откуда Носачиха могла об этом знать, — сказал Хозяин Нищих. — Но она настаивала, чтобы я ответил, была на этом месте у отца шишка или нет. Она не хотела продолжать, пока я неохотно не признал: да, у отца было то, о чем она говорит. Тогда женщина торопливо заговорила.

Это случилось давно, когда она была совсем юной, и у нее только начались месячные. Его отец как-то вечером забрел туда, где она спала на мостовой. Он был пьян — пьян до такой степени, что его не оттолкнуло ее уродливое лицо, и он полез к ней. Девушке хотелось оттолкнуть мужчину — уж очень отвратительно от него несло перегаром, но она сдержалась, только отвернула

лицо и лежала неподвижно, словно мертвая, позволяя делать все со своим телом. Когда он кончил, девушка села, и ее вырвало прямо подле раскатисто храпящего мужчины. Ночью он проснулся, и извергнутая из него рвота смешалась с ее небольшой лужицей. Потом ей послышалось какое-то хлюпанье, и, открыв глаза, она увидела, как крысы, чавкая, поглощают блевотину.

Должно быть, хозяину понравилось ее тело, потому что он приходил к ней не раз, даже когда не был пьян. Теперь мужчина не был ей так противен. Когда он лежал на ней и смотрел на ее лицо без отвращения, ей даже нравилось то, чем они занимались. Девушка чувствовала, как плоть ее оживает, ей было приятно сливаться с другим телом. Обнимая хозяина, она нащупала большую шишку на затылке. Девушка рассмеялась и спросила, откуда у него такое. Он пошутил, что вырастил шишку специально для ее удовольствия — чтобы ей было с чем играть, помимо всего прочего.

Так случилось, что мужчина, который, глядя на ее уродливое лицо, продолжал заниматься с ней любовью, занял место в ее сердце. Он рассказал, что родился с тридцатью четырьмя позвонками вместо обычных тридцати трех, и этот лишний,

сросшийся с верхним позвонком, постоянно причинял ему боль.

Разве не о твоем отце я говорю сейчас, спросила его Носачиха, какие еще могут быть сомнения?

Он согласился, что все верно, но пока речь идет только о блуде пьяного отца — и ни о чем другом.

А вот и нет, с гордостью поправила его женщина, он приходил к ней и трезвый. Именно это было самым дорогим в ее жизни, и самым важным, о чем она помнит даже на пороге смерти.

Ему пришлось нехотя признать и это. Но их связь еще не доказывает, заметил он, что Шанкар сын отца и его единокровный брат. Нет, доказывает, сказала Носачиха, у моего сына тоже шишка в начале позвоночника, и в этом легко убедиться. Конечно, он может сказать, что это всего лишь совпадение, но в душе будет знать правду.

— И она была права. В глубине сердца я знал правду. Но все смешалось, я был зол, испуган и смущен. И в то же время испытывал счастье. Ведь я, единственный ребенок, потерявший родителей и не имевший никаких родственников, вдруг обрел брата. И еще мачеху, хотя она была почти моего возраста и умирала.

Когда он поверил женщине, на место ярости и

раздражения пришла признательность. Почему она не открылась ему раньше, спросил он. Боялась, что, если известие разозлит или оскорбит его, им с Шанкаром придется плохо, ответила женщина — их могли убить или продать какому-нибудь жестокому хозяину в отдаленные места, где они будут чужаками. Больше всего она боялась расстаться с привычными тротуарами своей юности.

Но теперь она умирает, и все уже не имеет значения. Истину теперь знает только он — пусть и поступает, как хочет. Рассказать или не рассказать Шанкару — зависит от него.

Он убедил женщину, что ее откровенность доставила ему только радость. Теперь надо поскорее доставить ее в хорошую больницу. Оставшееся время она должна провести в нормальных условиях. Он пошел вызывать такси.

Несколько таксистов, увидев больную нищенку, отказались ее везти, опасаясь за чистоту салона. Наконец один остановился, привлеченный толстой пачкой денег, которой помахивал Хозяин. У машины была разбита фара и покорежен бампер. Сидя на заднем сиденье с женщиной на руках, он слушал горестный рассказ водителя о злобном полицейском, разбившем машину за

то, что таксист на этой неделе задержал конверт с деньгами.

В больнице было много народа. Носачиху положили на пол в коридоре, где множество бедняков дожидалось своей очереди. Запах карболки смешивался со зловонным запахом человеческих тел. Хозяин делал что мог, чтобы расшевелить дежурных, и даже говорил с доктором, у которого было доброе лицо. На его белом халате был надорван большой карман, в который он затискивал стетоскоп. Хозяин попросил его поторопиться и осмотреть его мать, пообещав хорошо отблагодарить. Доктор мягко попросил его не беспокоиться — всех примут. И тут же убежал, держа руку в разорванном кармане.

Хозяин решил, что медицинские работники так преданы своему высокому призванию, что потная пачка денег ничего для них не значит, в отличие от большинства людей. Но он не смог увидеть достаточное количество врачей и медсестер, чтобы прийти к окончательному выводу. Мачеха так и не дождалась осмотра — умерла. Он утешил себя тем, что устроил ей пышные похороны на деньги, которые пошли бы на оплату больничных счетов.

— После всего этого я пошел к Шанкару, — со

вздохом произнес Хозяин Нищих. — Конечно, я ничего не рассказал ему о случившемся — хотел вначале спокойно подумать о том, что узнал от Носачихи.

Он спросил Шанкара, как идет работа. Не подводит ли тележка, не надо ли смазать колеса — вроде обычной проверки. Шанкар пожаловался, что в этом районе живут одни скупердяи — все злые и подают неохотно. Хозяин присел на корточки и положил руку на плечо калеки. «Такое теперь всюду, — сказал он, — человеческая натура переживает кризис, в сердцах пора устроить революцию». А вообще надо подумать, и, возможно, подыскать ему новое место. Похлопав Шанкара по спине, он посоветовал не волноваться, а сам незаметно просунул руку за воротник и ощупал его шею.

— И представляете, я почувствовал под моими пальцами отцовский позвоночник. Тот же большой нарост. Я не смог сдержать дрожь в руке. Мое тело сотрясали эмоции, я еле удерживал равновесие. Передо мной сидел мой брат, а также отец, оставивший часть себя в позвонке. Я с трудом удержался, чтобы не заключить Шанкара в объятья, не прижать к груди и не рассказать ему все.

Потребовалось сверхъестественное усилие,

чтобы не выдать себя. Поспешность могла причинить Шанкару острую боль. Сначала нужно хорошо подумать, что будет для него лучше. Конечно, приятно представлять, как он заберет брата домой, будет заботиться о нем всю оставшуюся жизнь, и они будут жить вдвоем счастливо. Обычные человеческие мечты.

А что, если Шанкар не сумеет приспособиться к новой жизни? Вдруг она покажется ему бесцельной или того хуже? Он может увидеть в ней тюрьму, где его неполноценность будет особенно резать глаза, а не приносить пользу, как сбор милостыни на тротуаре. А еще страшнее, если ужасная история его младенчества посеет смуту в душе Шанкара, станет разъедать его, как язва, и превратит всю оставшуюся жизнь в безутешное страданье, горький упрек отцу и брату? Разве возможно прощение после такого страшного открытия?

— Я чувствовал, что лучше самому пережить душевную смуту и научиться жить с тем, что поведала Носачиха. Сделать еще более несчастным моего и так много страдавшего брата было бы слишком эгоистично.

Он рассуждал так: Шанкару сломали жизнь еще в младенчестве, но тот научился с этим жить. Не-

простительно — повторно разрушить его жизнь.

— Итак, я решил ждать. Ждать и расспрашивать его о детстве. Чему-то сопереживать и наблюдать за его реакцией. Так постепенно я пойму, какой путь будет для нас лучше. И тут пригодится ваша помощь.

— Чем мы можем помочь? — спросил Ишвар.

— Задавайте вопросы, расспрашивайте о детстве. Узнайте, что он помнит. Меня он немного побаивается, а с вами, возможно, будет откровеннее. А вы расскажете мне, что узнаете.

— Конечно.

— Спасибо. А пока я стараюсь сделать его жизнь на улице, по возможности, приятней. Каждый день приношу его любимые сладости — ладду и джалеби. А по воскресеньям — расмалай[130]. Положил мягкую покрышку на его тележку и устроил ночлег получше.

— Вот это хорошо, — сказал Ишвар. — Он всегда твердит нам, как вы добры к нему.

— Это самое малое, что я могу для него сделать. Еще собираюсь прислать моего личного парикмахера, чтоб тот обслужил его по высшему разряду — постриг, побрил, сделал массаж, мани-

---

[130] Примечания: 130

Расмалай — известное блюдо индийской кухни, творожные шарики в молочном сиропе.

кюр — все что надо. А если ему из-за этого станут меньше подавать — да пошли они к черту.

Дина опять с трудом сдержалась, чтоб не осадить мужчину. Правда, на этот раз грубые слова не так ее шокировали.

— Вы принесли нам чудесные новости, — сказала она. — Представляю, как обрадуется Шанкар, когда все узнает.

— Не «когда», а «если». Хватит ли у меня смелости? И мудрости, чтобы принять правильное решение?

Сложность задачи внезапно вызвала у Хозяина приступ отчаяния. Новость, которая должна была всех обрадовать, вдруг омрачилась, словно солнце закрыли тучи.

— Не сомневаюсь, что со временем вы придете к правильному решению, — сказал Ишвар.

— Ясно одно: между мной и Шанкаром протянута тонкая нить. Она тоньше шелковистых волос несчастных убитых нищих. Не я нарисовал ее — это след судьбы. Но в моей власти ее стереть. — Мужчина вздохнул. — Какая пугающая ответственность! Осмелюсь ли я? Ведь если стереть — новую не нарисуешь. — Он поежился. — Ну и наследство оставила мне мачеха.

Хозяин открыл кейс, вытащил оттуда блокнот

и продемонстрировал свой последний рисунок.

— Я сделал его вчера поздно вечером, когда из-за тяжелых дум не мог заснуть.

На рисунке были изображены три фигуры. Первая — мужчина, он сидел на тележке с крошечными колесиками. У него не было ни ног, ни пальцев, обрубки бедер торчали, как пустой бамбук. Вторая — истощенная женщина без носа, с зияющей дыркой посреди лица. Но самой гротескной была третья фигура. Мужчина с прикрепленным к запястью кейсом стоял на четырех тонких, паучьих ножках. Они указывали на четыре стороны света, как будто мужчина не мог выбрать правильное направление. На каждой из рук было десять пальцев, вялыми бананами свисавшие с ладоней. Лицо украшали два носа, сидящие рядом, но демонстративно повернутые в разные стороны, словно не выносили запаха друг друга.

Все смотрели на рисунок, не зная, как на него реагировать. Хозяин помог, предложив собственную интерпретацию: «Все мы на этом свете уродцы».

Ишвар хотел было сказать, что он преувеличивает свою вину — нельзя взваливать на себя ответственность за судьбы Шанкара и Носачихи,

но тут заговорил сам мужчина:

— Я имею в виду абсолютно всех. Но кто осмелится судить нас? Что можем мы сделать, когда и наш приход в жизнь и уход из нее одинаково уродливы. Рождение и смерть — что может быть отвратительнее? Мы любим себя обманывать, называя это чудесным, прекрасным и величественным, но, если взглянуть правде в глаза, и то и другое уродливо.

Захлопнув блокнот, мужчина убрал его в кейс с некоторым раздражением, как бы давая понять, что не хочет больше возвращаться к своей истории, в которой слились счастье и горе, открытия и сомнения. Вместе с рисунком он спрятал и свои чувства, снова надев маску дельца.

— Через четыре месяца закончится срок нашего договора. Хотелось бы знать заранее — планируете ли вы его возобновлять?

— Обязательно, — сказал Ишвар. — Другого мнения быть не может. Иначе домовладелец опять станет нас преследовать.

Портные проводили мужчину через веранду до дверей. На улице по-прежнему не светили фонари. Похоже, отключили электричество, потому что и дальше было темно.

— Надеюсь, у Шанкара фонарь горит, — сказал

Хозяин. — Надо поторопиться и проверить. Он испугается, если наступит полная темнота.

Мужчина зашагал по черному асфальту в белой рубашке и брюках — казалось, по грифельной доске пишут мелом. Раз он оглянулся, помахал рукой, а потом постепенно растворился в темноте.

— Какая удивительная история! — сказал Ом. — Нашим друзьям в «Вишраме» она очень понравится. В ней есть все — трагедия, любовь, насилие и открытый конец.

— Ты слышал, что сказал Хозяин, — напомнил Ишвар. — Ради спокойствия Шанкара, все должно остаться в секрете. Такая история заслуживает, чтоб ее включили в состав «Махабхараты».

Глава тринадцатая. Свадьба, глисты и санньяси

Спустя месяц котята объявились в окне кухни, но радости большой не принесли. Было видно — они заскочили сюда, только чтобы перекусить. Манек и Ом были б счастливы любому знаку внимания: громкому «мяу», взгляду, мурлыканью, выгибанию спинки, — но котята только ухватили рыбью голову и утащили, чтобы насладиться ею в уединении.

— Почему вас это удивляет? — сказала Дина. — Неблагодарность — частый гость в этом мире. Однажды и вы забудете меня — все забудете. Каждый пойдет своей дорогой, и я стану не нужна. — Она показала на Манека. — Через два месяца ты сдашь последний экзамен, соберешь вещи — и был таков.

— Нет, тетя, — запротестовал Манек. — Я вас никогда не забуду. Буду навещать или писать, где бы я ни оказался.

— Что ж, посмотрим, — уклончиво произнесла Дина. — И портные когда-нибудь откроют свое дело и тоже уедут. Только не думайте, что я не

буду за вас радоваться.

— Дина-бай, да будут благословенны ваши уста, если такое случится, — сказал Ишвар. — Но для того чтобы у нас появился дом или мастерская, политики должны стать честными людьми. — Он поднял указательный палец, согнул его, а затем снова выпрямил. — Можно согнуть и выпрямить палку, но не правительство. — Больше всего меня беспокоит, — прибавил Ишвар, — как сможет Ом жениться, если у нас не будет своего жилья?

— Несомненно что-то изменится к тому времени, когда он созреет до женитьбы, — сказала Дина.

— Но он уже созрел, — возразил Ишвар.

— Ничего не созрел, — не выдержал Ом. — Почему ты все время твердишь о женитьбе? Взгляни на Манека, мы с ним ровесники, но никто не толкает его к браку. Пристают к тебе родители, Манек? Торопят с женитьбой? Ну, отвечай же, поучи моего дядю уму-разуму.

Манек пожал плечами и сказал:

— Нет, никто не торопит.

— Продолжай, объясни ему, что твои родители будут ждать до тех пор, пока ты не встретишь ту, которая тебе понравится. И если решишь на ней жениться, только тогда твои родители начнут

приготовления к свадьбе. Вот такого хочу и я.

— Омпракаш, ты несешь чепуху, — Ишвар возмутился таким нелепым заявлением племянника. — Мы из разных слоев, и у каждого свои обычаи. Твоих родителей нет больше с нами, и теперь мой долг найти тебе жену.

Ом нахмурился.

— Какое кислое выражение лица, — сказал Манек, стараясь погасить напряжение. — В любом случае, должен предупредить вас, тетя, что не надейтесь освободиться от меня через два месяца.

— Что ты хочешь сказать?

— Я решил остаться в университете еще на три года, чтобы получить настоящий диплом, а не просто свидетельство о прослушанном курсе.

Лицо Дины осветилось радостью, которую ей не удалось скрыть.

— Мудрое решение. Диплом ценится гораздо больше.

— Так я могу остаться у вас? После того, как съезжу домой на каникулы?

— А что вы скажете, дядя с племянником? Разрешим Манеку вернуться?

Ишвар улыбнулся.

— При одном условии — пусть не забивает голову моему племяннику вздорными мыслями.

Мысль о женитьбе Ома не шла у Ишвара из головы. Он заговаривал об этом при первом удобном случае, и Дина мягко его осаживала.

— Работы много, и вы наконец стали копить. Зачем вешать хомут на шею? И как раз в тот момент, когда жизнь налаживается?

— В том-то и дело, — ответил Ишвар. — А вдруг дела пойдут хуже.

— Обязательно пойдут, — вступил Манек. — Независимо от того, женится Ом или нет. Все идет к худшему. Это закон природы.

Ишвар взглянул на него, словно снес пощечину.

— Я думал, ты наш друг, — произнес он, дрожащим от боли голосом.

— Так и есть. И я говорю это не из вредности. Просто посмотрите на мир вокруг. Иногда кажется, что времена улучшаются, но в конце концов все…

— Хватит философии, — прервала его Дина. — Не можешь сказать ничего хорошего — лучше молчи. Держи мрачные мысли при себе. Я тоже не согласна с Ишваром, но это не повод делать зловещие предсказания.

— Да я не спорю. Просто…

— Хватит! Ты и так достаточно расстроил

Ишвара.

Однако ничего не могло сбить направление мыслей старшего портного. Спустя два дня он объявил не совсем уверенным голосом, что принял решение.

— Лучше всего написать дяде Ашрафу и попросить его разведать обстановку в общине.

Ом перестал шить и бросил презрительный взгляд на дядю.

— Сначала ты говоришь, что надо накопить денег, вернуться в деревню и купить небольшой магазинчик. Теперь у тебя новый план. Очнись наконец от своих мечтаний.

— А что плохого сменить несбыточную мечту на вполне реальную? Магазин долго ждать. А женитьбу откладывать нельзя. Решено — пишу дяде Ашрафу.

— Пиши, только в том случае, если сам хочешь жениться, — предупреждаю тебя.

— Вы слышали? *Племянник* предупреждает *дядю.* — Ишвар уже не мог сохранять спокойствие, изуродованная левая щека словно выступила вперед, заслонив остальное лицо. — Ты будешь делать, что тебе говорят, ясно? Я был слишком терпеливым с тобой, Омпракаш, — слишком терпеливым. Другой на моем месте не дал бы

тебе спуску.

— Да перестань, ты. Я тебя не боюсь.

— Нет, вы только послушайте. Всего несколько месяцев назад в рабочем лагере ты каждую ночь рыдал у меня на груди. Испуганный, больной, тебя рвало, как ребенка. А теперь ты сильный и дерзкий. Почему? Потому что я хочу для тебя лучшего?

— Никто с этим не спорит, — вмешалась Дина, надеясь, что Ишвар одумается, если поддержать Ома. — Но торопливость хороша при ловле блох. Конечно, если б Ом стремился жениться, тогда другое дело. А так к чему спешка?

Ишвар почувствовал всеобщее сопротивление.

— Это мой долг, — пробормотал он с обиженным видом умудренного жизнью человека, всем видом показывая, что он прав. Потом сел за работу. Рассеянно потянувшись за тканью, он уронил на пол стопку платьев.

— Прекрасно, — набросилась на него Дина. — Что дальше? Обвалим потолок? Видишь, как плохо на тебя влияет повышенное сознание долга? Это мания, а не долг. — Она помогла собрать рассыпавшиеся платья. — Ничего бы не было, если б эта разбойница не притащила на кухню котят. Из-за нее эта навязчивая идея осела в твоей

голове.

Все последующие дни беспокойство Ишвара сказывалось на его работе за «зингером». В шитье то и дело проскакивали ошибки — как лишние карты в карточном фокусе. Это заставило Дину указать портному на опасность его поведения.

— Твоя помешанность на этой женитьбе разрушит наш бизнес. Скоро нам есть будет нечего.

— Простите, у меня мысли путаются, — оправдывался Ишвар. — Не волнуйтесь, это пройдет.

— Как я могу не волноваться! Как это может пройти? Где жена, там и дети. Тогда у тебя еще больше будет забот. Где все они будут жить? И как прокормить такую ораву? Сколько жизней ты хочешь разрушить?

— Вам это может казаться разрушением, но я стараюсь заложить фундамент счастья Ома. Женитьба устраивается не за один-два месяца. Ее готовят не меньше года. А если девушка слишком молода, родители просят еще подождать. Я хочу одного — найти хорошую невесту и в принципе договориться о браке.

— Зарезервировать как билет на поезд, — вставил Манек, и Ом расхохотался.

— У тебя есть плохая привычка, — сказал Ишвар. — Смеяться над тем, чего не понимаешь.

«А как еще можно на это реагировать», — подумал Манек, но промолчал, не желая разозлить Ишвара.

Ответное письмо Ашрафа пришло в конверте с маркой, на которой стоял черный штамп гашения с датой, почтовым отделением и лозунгом: «Эра дисциплины». За лозунгом шел угрожающего вида восклицательный знак, больше похожий на дубинку.

Все с нетерпением ждали, когда Ишвар вскроет конверт и поделится новостями. Ишвар с неуверенностью человека не привыкшего к чтению водил глазами по странице, с трудом разбирая дрожащий почерк Ашрафа. Он то широко улыбался, то принимал озабоченный вид, а под конец нахмурился. Такая смена реакций заставляла Ома нервничать.

— Дядя в добром здравии, — начал Ишвар. — Он скучает по нам. Пишет, что дьявол, должно быть, похитил время, оно слишком растянулось. Он рад, что Ом женится, и согласен со мной, что затягивать не стоит.

— И что еще он пишет?

Ишвар вздохнул.

— Он поговорил с людьми в общине.

— Ну и?..

— Четыре семьи чамаров заинтересовались. — И он снова вздохнул.

— Поздравляю. — Манек похлопал Ома по спине. — Ты нарасхват. — Ом откинул его руку.

— Эти новости должны тебя обрадовать, — сказала Дина Ишвару. — Тогда почему такой кислый вид? Разве ты не этого хотел?

Ишвар перебирал две страницы, словно хотел найти еще.

— Кое-что мне нравится, но кое-что удручает.

Все застыли в ожидании.

— Ты будешь нам рассказывать или отложишь до завтра? — спросил Ом.

Ишвар провел пальцами по изуродованной щеке.

— Эти четыре семьи торопятся. Понимаете, там есть другие претенденты. К счастью, дядя преподнес Ома в самом лучшем свете. Жених, который работает для большой экспортной компании — хорошая партия для девушки. Но семьи хотят определиться в течение восьми недель.

— Очень мало времени, — сказала Дина. — Вам придется отказаться.

За тот год, что портные работали на Дину, Ишвар никогда не повышал голоса. И теперь, когда он это сделал, все были поражены, в том

числе и он сам.

— Кто вы такая, чтобы мне советовать? Кто вы, чтобы решать за меня, что лучше для моего племянника? Ведь это самое важное решение в его жизни. Что вы знаете о нас — о его воспитании, о моем долге, чтобы давать советы в таких вещах?

Миротворец Ишвар, мягкий, тихий человек, вдруг впал в ярость и размахивал руками.

— Вы считаете себя нашей хозяйкой? Нет, мы не рабы, мы просто работаем у вас. А вам хочется держать нас под контролем и учить как жить и когда умирать!

У Ишвара не было никакого опыта в гневных разборках и, не зная, что делать дальше, он, разразившись рыданьями, скрылся на веранде.

— Прекрасно! — крикнула Дина вслед, когда обрела голос. — Делай, что хочешь! Но не ожидай, что я предоставлю кров его жене, детям и внукам.

— Ничего такого я от вас и не жду! — крикнул в ответ Ишвар хриплым голосом.

Чтобы сдержать язык и не сказать лишнего, Дина вышла в гостиную. Дрожа от негодования, она села на диван рядом с Манеком.

— Успокойтесь, тетя. Это он сгоряча, на самом деле он так не думает.

— Мне все равно, что он думает, — проговорила Дина дрожащим голосом. — Но ты это видел? Слышал собственными ушами, разве не так? И это после всего, что я для них сделала — разрешила жить в моем доме, обращалась как с родными. Он орал на меня, как на собаку. Я прямо сейчас выставлю их из дома на улицу.

— Ну и выставляйте, — крикнул Ишвар с веранды. — Плевать! — Он высморкался, почувствовав во рту солоноватый привкус.

Манек приложил палец к губам, давая Дине понять, что не надо обращать внимания на эти слова.

— Он совершенно чокнулся на этой женитьбе, — прошептал Манек. — Нет смысла спорить с ним.

— Мне просто жаль Ома. Но ты прав, пусть он сам разбирается с дядей. Им решать. Эта история стала занимать слишком много места в нашей жизни.

Ом слышал их разговор из рабочей комнаты и закрыл лицо руками.

Время медленно тянулось, и ничего не происходило. Письмо Ашрафа так и лежало на обеденном столе. Минутная стрелка камнем падала с одной цифры на другую. Никто не готовил чай, и никто

его не просил. Ишвар отсиживался на веранде, Ом — в рабочей комнате, Манек и Дина — в гостиной. Домашняя жизнь замерла.

Солнце катилось к закату, и освещение понемногу менялось. По квартире гулял ветерок, шевеля письмо на столе. Приближалось время ужина, пора было делать чапати. У Ома разыгрался аппетит.

Он встал, намеренно громко шлепая сандалиями. Выпил воды, позвякивая стаканом о кувшин. Ему хотелось, чтобы эти обыденные звуки растопили враждебность. Сел, побарабанил пальцами по подставке для «зингера», погремел ножницами, заправил шесть бобин. Затем вышел в гостиную.

Его приход несколько разрядил атмосферу. Манек подмигнул.

— Это было что-то! Твой дядя взорвался, как самый большой фейерверк на Дивали.

Ом выдавил из себя короткий смешок.

— Не знаю, что делать с дядей, — пожаловался он тихим голосом. — Я волнуюсь за него.

Его слова позабавили Дину, они почти в точности повторяли те, что прежде говорил Ишвар, когда Ом грубил, неряшливо шил и вообще вел себя не лучшим образом.

— Терпи, — сказала она.

— Почему люди теряют голову от одной мысли о свадьбе? Мой дядя просто помешался на этом.

— Твоя правда, — с гримасой произнесла Дина. — В этом он похож на моего брата.

— Подождите здесь. Я вправлю ему мозги. — И Ом пошел на веранду, где Ишвар сидел со скрещенными ногами на полу рядом со сложенной постелью.

— Ты с ума сошел, раз так говоришь с женщиной, которая помогла нам? — грозно заговорил Ом, сложив на груди руки.

Ишвар поднял на него глаза, жалко улыбаясь. Как и Дина, он тоже услышал в словах племянника эхо своих былых претензий к нему. После неожиданного приступа гнева Ишвар чувствовал себя глупцом, раскаивался и был готов принести извинения.

— Иди прямо сейчас, не откладывая в долгий ящик, и повинись. Скажи, что потерял голову и не соображал, что говоришь. Иди скорее. Скажи, что уважаешь ее мнение и понимаешь, что она беспокоится за нас. Ну же, поднимайся и иди.

Ишвар протянул руку, Ом схватил ее и потянул на себя, поднимая дядю. Ишвар, шаркая ногами, вышел в гостиную и робко остановился перед

диваном, готовясь принести извинения. Дина знала, что последует: в гостиной было слышно, что говорится на веранде. Она сидела с прямой спиной, будто ничего не замечая, и изучала стену справа от себя.

Ишвар не сразу обрел дар речи, потом вздохнул и с трудом заговорил:

— Дина-бай, спасибо вам за доброту и простите меня. Я припадаю к вашим ногам. — Портной начал сгибаться, и угроза сработала.

— Не смей этого делать, — прервала молчание Дина. — Ты знаешь, как я к этому отношусь. Не будем больше об этом говорить.

— Хорошо. Это моя проблема. Я хорошо все обдумаю.

— Вот и отлично. Он твой племянник, тебе о нем и заботиться.

Соглашение Ишвар нарушил уже следующим вечером. Затеянную переписку надо было продолжать, а он находился во власти мучительных сомнений. С его губ постоянно слетали вздохи: «О, Рама Всемогущий!» Настоящая причина вчерашней вспышки теперь была ясна каждому.

— Отличная возможность, — размышлял он. — Только мы еще не готовы.

— Ом — красивый парень, — сказал Манек. — У

него и шевелюра что надо. Его не надо сватать. За ним лучшие девушки выстроятся в очередь.

Ишвар резко повернулся, и наставил на Манека палец — тот чуть не уперся ему в лицо.

— Не смей хихикать по серьезному поводу.

Казалось, Ишвар сейчас ударит юношу, но он отвел руку.

— Я отношусь к тебе как к сыну — словно ты брат Ома. А ты вот как со мной поступаешь! Скалишь зубы и высмеиваешь то, что важно для меня.

Манек смутился. Ему показалось, что в глазах Ишвара блеснули слезы. Но пока он придумывал, как загладить свою вину, вмешался Ом:

— Ты совсем спятил. Уже шуток не понимаешь. Из всего делаешь драму.

Его дядя смиренно кивнул.

— Что поделаешь, я так переживаю из-за всего этого. Но обещаю с этого времени держать рот на замке и думать про себя.

Однако ему хотелось знать мнение остальных, хотелось нормального обсуждения, чтобы прийти к устраивавшему всех соглашению, после чего его мучения закончились бы. И потому через несколько минут Ишвар снова заговорил:

— Кто знает, когда выпадет второй такой шанс?

Сейчас можно выбрать невесту из четырех достойных семей. Некоторым не удается за всю жизнь найти подходящую партию.

— Мне еще рано жениться, — устало повторил Ом.

— Лучше раньше, чем никогда.

— А что, если из-за забастовки или еще из-за какой-нибудь заварухи мы останемся без работы? — сказала Дина. — Сейчас тяжелые времена — все может случиться.

— Еще один повод — жениться. Кисмат[131] молодой жены изменит все наши жизни к лучшему.

— Даже если так, но где для нее место в этой крошечной квартирке?

— У меня и в мыслях не было просить дополнительное место. Нам всем хватит веранды.

— То есть, кроме тебя и Ома там будет жить и его жена? Все трое на одной веранде? Какая нелепая мысль! Ты смеешься надо мной?

— Нет, Дина-бай, и не думал. Когда в следующий раз пойду искать жилье, возьму вас с собой, и вы увидите, как живут семьи. Восемь, девять, а то и десять человек в одной комнатушке. Спят на

---

[131] Примечания: 131
Судьба *(хинди).*

полках от пола до потолка, как в вагонах третьего класса. Бывает, спят в шкафах или в ванной. Прямо как товары на складе.

— Знаю. Не надо мне читать лекцию. Я всю жизнь живу в этом городе.

— Учитывая такую скученность, жизнь троих людей на веранде — роскошное существование, — произнес с жаром Ишвар. — Но я ни на чем не настаиваю. Если вы против, мы можем вернуться в деревню. Самое главное — женитьба Ома. Когда это случится, мой долг будет исполнен. Остальное неважно.

Спустя неделю после получения письма от дяди Ашрафа Ишвар нашел в себе мужество вернуться к разговору о женитьбе. Он написал ответное письмо, в котором, тщательно подбирая слова, сообщал, что они с Омом приедут через месяц.

— У нас как раз хватит времени пошить платья, которые нам заказали вчера, — сказал Ишвар. После отправленного ответа к нему вернулось прежнее спокойствие, словно ничего и не было.

Дине казалось непостижимым, как такой разумный человек, как Ишвар, может вести себя столь необдуманно. Может, это своего рода шантаж? Может, он надеется, что зависимость от них заставит ее поселить у себя жену Ома?

Ее подозрения то росли, то, напротив, шли на убыль. Они усиливались, когда Ишвар начинал расписывать, как улучшится жизнь Дины с приходом невестки.

— В ту минуту, как только она переступит порог квартиры, Дина-бай, все изменится. Известно, что невестки способны изменить к лучшему жизнь всего семейства.

— Но она не будет моей невесткой. Кстати, и твоей тоже, — уточнила Дина.

Впрочем, такого рода уточнения не могли сбить мысль Ишвара.

— Невестка — просто так говорится. Можете называть ее как хотите. Рука судьбы не придирается к словам.

Дина покачала головой, негодуя и одновременно забавляясь. Ишвар и обман были несовместимы. Его неспособность что-то скрывать была всем известна. Если его мысли находились в смятении, это тут же проявлялось в суетливом движении рук, а если его что-то радовало, на губах непроизвольно играла улыбка, и он был готов обнять весь мир. Чистое сердце Ишвара не могло хитрить.

Дина оставила свои подозрения о шантаже. К нему, скорее, прибегли бы типы, вроде Нусвана. Брат мог использовать бесчестные приемы.

Предусмотреть его действия невозможно — легче голову сломать. Интересно, как он себя поведет, когда его детям придет время жениться. Впрочем, Ксеркс и Зарир уже не дети, а взрослые мужчины. У Нусвана большая практика в этом вопросе — он так долго подбирал ей мужа, что для него не составит труда найти хорошие партии и сыновьям.

Дине вспомнились годы, когда племянники были еще детьми. Какое замечательное время, и как оно быстро закончилось! Они очень страдали, когда Нусван, Руби и она ссорились, и в доме раздавались крики и ругань. Не зная, чью сторону принять, они терялись в догадках: к кому бежать и кого просить успокоиться — отца или тетю? В результате она многое пропустила — их школьные годы, дневники с оценками, награждения, крикетные матчи, первые длинные брюки. Независимость она обрела дорогой ценой, расплачиваясь за неисполненный долг перед племянниками болью и сожалением. Но чрезмерная опека Нусвана была невыносима.

Оглядываясь назад, Дина в очередной раз убедилась, что поступила правильно, сохранив независимость. Она пыталась представить Ома женатым человеком, рядом жена — женщина такая же худенькая, как он сам. Свадебное фото.

Ом в новой накрахмаленной одежде и затейливом свадебном тюрбане. Жена в красном сари. Скромные бусы на шее, кольца в носу и ушах, браслеты — и ростовщики в сторонке, радующиеся наживе. А какой она человек? И каково это жить в квартире еще с одной женщиной?

Дина еще два дня пестовала эту картину, которая постепенно обретала глубину, обрастала деталями, красками и фактурой. Вот жена Ома стоит в дверях. Скромно опустила голову. Поднимает глаза, они вспыхивают звездами, робко улыбается, прикрывая пальцами рот. Проходят дни. Иногда молодая женщина сидит одна у окна и вспоминает родные места. Дина подсаживается к ней, расспрашивает женщину о прошлой жизни. Наконец та начинает говорить. Новые картины, новые истории…

На третий день Дина сказала Ишвару:

— Если ты уверен, что вам хватит места на веранде, можно попробовать.

Несмотря на шум и стрекот «зингера», Ишвар услышал ее и резко остановил маховое колесо, с силой нажав на него рукой.

— Хорошо, что это швейная машина, а не легковая, — сказала она. — А то мигом бы отправил пассажиров в мир иной.

Ишвар со смехом вскочил со стула.

— Ом! Ом! Послушай! — крикнул он на веранду. — Дина-бай согласна. Иди сюда! Иди и благодари! — Тут он вдруг осознал, что сам еще этого не сделал. — Спасибо, Дина-бай. — И он соединил ладони у груди. — Вы опять помогли нам, и мы в неоплатном долгу.

— Это всего лишь попытка. Если все выйдет, тогда поблагодаришь.

— Выйдет, обязательно выйдет! Обещаю! Я был прав, когда говорил о кошке… и что котята вернутся… и тут тоже окажусь прав, поверьте. — Ишвар захлебывался от радости. — Главное — вы хотите нам помочь. Это все равно что получить благословение. Это важнее всего, самое важное.

Настроение в квартире резко изменилось к лучшему, и Ишвар, сидя за машинкой, все время улыбался.

— Все будет замечательно, Дина-бай, поверьте мне. Для всех нас. Она и вам будет полезной. Будет убирать дом, ходить на базар, готовить…

— Так тебе нужна жена для Ома или служанка? — В голосе Дины сквозила ирония.

— Нет, не служанка, — произнес Ишвар с упреком. — То, что она выполняет обязанности жены, не делает ее служанкой. Люди обретают счастье,

только исполняя свой долг.

— Не может быть счастья без равноправия, — сказала Дина. — Помни это, Ом, и не верь, если кто-то будет говорить иначе.

— Точно, — согласился Манек, стараясь скрыть необъяснимую печаль, вдруг накатившую на него. — А будешь себя плохо вести, Баччан накажет тебя зонтиком с пагодой.

Дина чувствовала, что согласие по поводу веранды как бы узаконило ее роль в женитьбе Ома и предоставило ей определенные права. Последнее время у Ома все складывалось хорошо. Он перестал чесаться, волосы выглядели здоровыми, их больше не портило пахучее кокосовое масло. Последнее было заслугой Манека — он терпеть не мог вида засаленных волос.

Медленно, но верно Ом многое перенял у Манека — прическу, небольшие усики, стиль одежды. Недавно он сшил себе расширенные книзу брюки, позаимствовав как образец такие у Манека. Благодаря мылу «Синто» и гигиенической пудре «Лакме», он даже пах, как Манек. Манек тоже кое-чему научился у Ома: теперь он носил в жару сандалии, а не туфли с носками, от которых к концу дня потели ноги.

Но общие привычки только подчеркивали

различие между ними: Манек был крепкий, ширококостный, а Ом худенький, как птенчик. «Если уж кому и жениться, — думала Дина, — то, скорее, Манеку, а не Ому, восемнадцатилетнему худышке».

Дина в очередной раз задумалась о причине его болезненной худобы, заметной, когда он шнырял по квартире, и особенно бросавшейся в глаза вечерами на кухне, когда она любовалась, как ловко он месит обсыпанными мукой руками тесто и раскатывает чапати. Скалка творила волшебство в его руках. Его умение и радость, с какой он готовил, действовали гипнотически. Дине тогда хотелось бросить все дела и просто стоять и смотреть на него.

Она наблюдала за Омом все время, пока он жил в ее квартире. Он ел с удовольствием и помногу — совсем не как птенчик. То есть, было ясно — он худой не из-за недоедания. И Дину снова стали мучить прошлогодние подозрения.

— Так дело не пойдет, — сказала она Ишвару. — Благодаря тебе, юноша берет на себя большую ответственность. Но каким мужем и отцом он будет с желудком, набитым глистами?

— Почему вы так в этом уверены, Дина-бай?

— Он жалуется на головные боли и чешет ин-

тимные места. Ест много — а в результате кожа и кости. Типичные признаки.

На следующий день она дала Ишвару темно-коричневую бутыль с глистогонным средством, купленным ею в аптеке.

— Лучшего подарка к свадьбе мне не подобрать.

Розовую жидкость надо было проглотить за один раз. Ишвар внимательно все оглядел, открутил крышку и понюхал — запах был не из приятных. «Но как хорошо, — подумал он, — если Ом вылечится перед свадьбой».

— А если дело не в глистах?

— Ничего страшного. Лекарство не навредит. Подействует как слабительное. Пусть вечером поголодает, а на ночь его выпьет. Вот здесь на наклейке все написано.

Но Ишвар не настолько хорошо знал английский, чтобы разобрать что-то помимо терминов, связанных с шитьем, вроде «лифа», «рукава», «воротничка», «талии». Он просто пообещал, что заставит племянника выпить всю дозу перед сном.

Самым сложным было убедить Ома отказаться от ужина.

— Какая несправедливость! — жаловался он. —

Заставить голодать повара, который испек для вас чапати!

— Ты ешь — и глисты едят. Им тоже надо поголодать у тебя в желудке. А когда ты выпьешь лекарство, они с жадностью набросятся на него — и передохнут.

Манек сказал, что видел фильм, в котором врач становится совсем маленьким, проникает в тело пациента и убивает болезнь.

— Я тоже мог бы взять крошечное ружье и перестрелять твоих глистов.

— Конечно, — сказал Ом. — Или взять крошечный зонтик и заколоть всех.

— Ты кое-что забыл, — напомнил Ишвар. — Если будешь таким маленьким, то глисты в желудке покажутся тебе кобрами или питонами. Сотни таких тварей будут кишеть вокруг, извиваться, шипеть.

— Я как-то об этом не подумал, — сказал Манек. — Проехали. Путешествие отменяется.

На следующее утро Дина отследила первые семь походов Ома в туалет, а потом потеряла им счет.

— Я умираю, — простонал он. — От меня ничего не останется.

Под вечер юноша наконец вышел из уборной

шатаясь от слабости, но счастливый.

— Вышел! Похож на маленькую змею!

— Он был живой или дохлый?

— Отчаянно ворочался.

— Выходит, лекарство его не прикончило. Какой сильный паразит! Большой?

Ом на секунду задумался и вытянул руку.

— Вот такой, — и он показал расстояние от кончиков пальцев до запястья. — Дюймов восемь примерно.

— Теперь понимаешь, почему ты такой тощий? Эта гнусная тварь и ее детеныши съедали весь твой рацион. В твоем желудке сидели еще сотни маленьких желудочков. А мне никто не верил, когда я твердила: это глисты. Ничего, теперь ты быстро наберешь вес. Скоро будешь такой же крепкий, как Манек.

— У нас есть три недели, чтобы сделать из тебя сильного мужа, — сказал Манек.

— И отца полдюжины сыновей, — прибавил Ишвар.

— Не давай плохих советов, — возразила Дина. — Не больше двух. Предел — трех. Разве вы ничего не слышали о планировании семьи? И запомни, Ом, всегда относись к жене с уважением. Не ругайся, не кричи и рукам воли не давай.

И будь уверен — я не потерплю керосиновых плиток на веранде.

Ишвар понял ее намек, хотя тот был очень завуалированный.

— Нет, в нашем сообществе не приняты самосожжения невест и самоубийства из-за наследства, что случается в корыстных высших кастах, — сказал он.

— Вот как? А как у вас относятся к детям мужского и женского пола? Есть предпочтения?

— Мы не можем изменять эти вещи. Все в руках Бога.

Манек слегка подтолкнул локтем Ома и прошептал:

— Вовсе не в руках Бога, а в твоих штанах

Ому понадобился день, чтобы прийти в себя от глистогонного. А уже следующим вечером Манек предложил отпраздновать возвращение аппетита друга на берегу кокосовой водой и бхел пури.

— Ты портишь моего племянника, — сказал Ишвар.

— Вовсе нет. Я угощаю его впервые. Раньше все поедал его ручной глист.

Ишвар смотрел на мужчину в дверях, стараясь понять, кто стоит перед ним: голос был знакомый, но лица он не узнавал. А потом отпрянул в

ужасе — внешне изменившийся мужчина оказался сборщиком волос. Голова была тщательно выбрита и блестела, усы он тоже сбрил.

— Ты! Откуда тебя принесло? — Ишвар прикидывал, что лучше — послать его куда подальше или вызвать полицию.

Раджарам стоял с опущенной головой, не поднимая глаз.

— Вот, решил заскочить, — сказал он. — Давно не виделись, хотел узнать, работаете ли вы еще здесь.

— А куда делись твои длинные волосы? — спросил Ом, и Ишвар неодобрительно прищелкнул языком. Ему не хотелось, чтобы племянник общался с убийцей.

— Хорошо, что вы спросили об этом, — сказал Раджарам, поднимая голову. У него были пустые глаза — в них не было огня безжалостного предпринимателя. — Вы мои единственные друзья. Я нуждаюсь в вашей помощь. Но мне очень стыдно… я так и не вернул вам долг.

Ишвар с трудом сдерживал отвращение. Впутаться в криминальную историю за несколько дней до поездки за невестой — это плохой знак. Если от этого убийцы можно избавиться за несколько рупий, он денег не пожалеет. Он от-

ступил назад, дав возможность Раджараму войти на веранду.

— Так что случилось на этот раз?

— Сплошные неприятности. Ничего, кроме них. С тех пор, как разрушили наши хижины, моя жизнь превратилась в цепь бед. Я готов отказаться от этого мира.

«Туда тебе и дорога», — подумал Ишвар.

— Извините, — вмешалась Дина, — я не очень хорошо вас знаю, но как парси говорю: самоубийство — большой грех, людям нельзя выбирать время своей смерти. Тогда можно было бы выбирать и время своего рождения.

Уставившись на ее волосы, Раджарам ответил не сразу.

— Выбор конца не имеет ничего общего с выбором прихода в мир. Они независимы друг от друга. Впрочем, в любом случае вы меня не поняли. Я имел в виду, что хочу отказаться от материального мира, стать санньяси[132], проводить жизнь, медитируя в пещере.

Дина отнеслась к этому как к такому же неправильному выбору, как и самоубийство.

---

[132] Примечания: 132

Санньяси — человек, принявший санньясу, этап жизни в индуизме, характеризующийся отказом от материальной жизни и сосредоточением на духовном.

— Я не согласен, — заявил Манек.

— Манек, прошу, не перебивай меня, — попросила Дина и снова повернулась к Раджараму. — А как поживает мой набор для парикмахера? Еще работает? Он сделан в Англии.

Мужчина побледнел.

— Да, прекрасно работает.

В присутствии Манека и Дины Раджарам перестал говорить.

— Могу я пригласить своих друзей на чашечку чая? Как называется то место, куда вы ходите? «Арам»?

— «Вишрам», — ответил Ишвар и порылся в кармане, прикидывая, хватит ли денег на чай. Хотя приглашение исходило от сборщика волос, но на него рассчитывать не приходилось.

Не говоря ни слова, все трое дошли до угла и сели в кафе за стоявший в отдалении столик. Повар помахал им засаленной рукой: «Пришли новые истории, — крикнул он радостным голосом. — Что расскажете на этот раз?» Портные рассмеялись и покачали головами.

— Только то, что жаждем твоего необыкновенного чая, — сказал Ишвар. — Наш друг пришел издалека повидаться с нами.

Раджарам неловко оглядывался по сторонам:

он забыл, какое маленькое и открытое это кафе. Но его радовало, что шум работающих плит дает возможность поговорить без свидетелей.

— Что это за бред о санньяси? — спросил Ом.

— Я абсолютно серьезен. Мне хочется уйти от этого мира.

— А как же работа парикмахера?

— Она и положила начало проблеме. С первого дня пошли неудачи. За годы сбора волос я утратил навыки брадобрея.

Ишвар не собирался верить ничему, что говорил убийца.

— Ты хочешь сказать, что разучился стричь?

— Хуже того. Когда клиент подходит ко мне на улице и просит подровнять волосы, он уходит от меня почти лысым.

— Почему?

— Что-то находит на меня. Вместо того чтобы здесь отрезать, там убавить, словом, придать форму, я стригу наголо. По-своему, это даже забавно. Некоторые клиенты такие приятные и милые, что, когда я подношу им зеркало, говорят: «Спасибо, очень хорошо». Возможно, они щадят мои чувства, не говоря, что я плохой парикмахер. Но большинство клиентов недобрые люди. Они громко ругаются, отказываются платить,

грозятся избить меня. А я просто не могу вовремя остановиться, срабатывает инстинкт сборщика волос. Я превращался в монстра. Прошел слух о маньяке с ножницами, и рядом с моим стулом никто больше не останавливался. Выбора не было. Пришлось снова заняться сбором волос. Но тут тоже возникла проблема — негде было хранить пакеты с дешевыми клочками волос, скопленными за время работы. В вашем сундуке им тоже не нашлось бы места. Нужен был небольшой склад. Помните мою хижину в поселке? Там все было завалено волосами.

Раджарам в отчаянии заломил руки и покачал головой.

— Если б каждую неделю добывать по косице в двенадцать — четырнадцать дюймов, я мог бы прожить. Этого хватило бы на еду раз в день. Но мне не везло.

— А как же мешочки, которые ты оставил у Шанкара? — перебил его Ом. — Там были длинные волосы.

— Это было позже. Имейте терпение, я рассказываю все по порядку. — Раджарам с тоской посмотрел вдаль, словно увидел там парад длинноволосых красоток. — Никогда не понимал, почему женщины не хотят расставаться с длин-

ными волосами. Красиво — не спорю, но как трудно ухаживать.

Он отхлебнул чаю и облизнул губы.

— Но я не сдавался. Некоторое время не сдавался. Я предлагал нищим, бродягам и пьяницам бесплатную стрижку.

Поздно вечером, когда пьяная возня заканчивалась, он подходил к кому-нибудь с длинными волосами. Некоторые клевали на мелкую монетку. А тех, которые валялись без сознания, или слабо понимали, что происходит, он стриг без разрешения.

Но и это рискованное предприятие провалилось. Слишком низким было качество волос. Агент сказал, что такие грязные, в колтунах волосы ценятся не больше, чем отходы уличных парикмахеров. К тому же после принятия программы благоустройства, когда полиция стала рыскать по улицам, выискивая нищих, стричь их стало просто опасно.

Голодный и бездомный, Раджарам жадно смотрел на проходящих женщин, красивые, тяжелые косы словно дразнили его — ведь эти женщины носили на голове целое состояние. Иногда он шел за какой-нибудь хорошо одетой светской дамой, видя в ней подходящую кандидатуру для салона

красоты — а вдруг она собралась отстричь волосы. Но все эти женщины приводили его к домам их друзей, или в клиники, или к астрологам и целителям, или к ресторанам и магазинам женской одежды, и никогда — в парикмахерскую.

Он приглядывался и к длинноволосым мужчинам — хиппи, иностранцам и местным, — бородатым, увешанным бусами. Иностранцы носили, как индийцы, сандалии, свободные рубашки без ворота и пижамы. Местные неуклюже передвигались в кедах, расклешенных брюках и футболках. Но воняло от всех одинаково. Раджараму было интересно, сколько могут стоить их белокурые или рыжие шевелюры, но он никогда их не преследовал, понимая, что стричься они точно не будут.

Жаль, размышлял он, что волосы так прочно соединены с головой — украсть невозможно. Они защищены надежней, чем плотно прижатая к телу сумочка или толстый бумажник в узких брюках. Самый искусный карманник тут бессилен. Удивительно, что такой нежный, почти воздушный материал, как волосы, так крепко пригнан к голове. По внедренным в скальп корням их можно сравнить с мощным баньяном, вросшим в землю. Конечно, если вдруг не начнется процесс

облысения, и все волосы выпадут.

Раджарам рассказал портным, что в свободное время мечтал стать первым, кто сможет преодолеть естественное желание волос не покидать голову. Можно изобрести химическое вещество, которое, будучи распыленным на голове жертвы, уничтожит корни, оставив сами волосы незатронутыми. Или прочитать заклинание, от которого тот, против кого оно направлено, впадет в ступор, а волосы сами спадут с головы Ведь от древних ведических шлок, читаемых садху, могли вспыхнуть дрова или полить дождь.

Изнывая от голода, он пришел к выводу, что в действительности не надо ничего изобретать или применять магическую силу: подойдет и несколько измененная техника карманников. В толпе можно применить их метод быстрого и аккуратного срезания сумок. Только вместо остро наточенной бритвы ему нужны хорошо наточенные ножницы. Одно быстрое движение — и волосы у него.

В то же время серьезно изменились и воззрения Раджарама. Теперь он полагал, что обчистить карманы и срезать без спросу волосы — этически не равноценные поступки. Первое — преступление, при котором жертва лишается денег. А

второе — благодеяние, облегчение бремени, уничтожение приюта для вшей, оно сохранит жертве время и силы — не надо будет расчесывать голову, не говоря уже о бессмысленных тратах на шампуни и лосьоны для волос. «Жертва» в данном случае не совсем правильное название. Точнее будет сказать «бенефициария». Только тщеславие мешает людям осознать собственную пользу, и тут им надо помочь. Кроме того, эта утрата временная — волосы отрастут снова.

— Тогда я стал серьезно тренироваться, — сказал Раджарам, поглаживая лысую голову, в то время как портные ерзали на скамье в «Вишраме», молча слушая рассказ сборщика волос. — Я ездил по окраинам, пока не нашел подходящее для практики место в одном безлюдном районе.

Там, вдали от людских глаз он набил газетами мешок, придав ему вид человеческой головы, и подвесил на бечевке к суку. Будучи легким, мешок раскачивался при малейшем прикосновении. К нему он прикрепил большое количество шнурков. И стал учиться срезать их у самой головы, не покачнув при этом мешок. Ради разнообразия Раджарам иногда плел из шнурков косички, делал «хвостики» или распускал каскад локонов.

По мере совершенствования этот процесс все больше приближался к реальной ситуации. Теперь Раджарам держал под косичкой пакет, чтобы отрезанные волосы туда падали вместе с ножницами, а он мгновенно, одним движением закрывал пакет. Он проделывал это упражнение в тесном пространстве, стремясь приучить руки работать в толпе. И только, когда они стали достаточно быстрыми и послушными, Раджарам вернулся в толчею городских улиц и базаров.

— Зачем изводить себя такими безумными тренировками? — спросил Ишвар. — Ну, рухнул твой парикмахерский бизнес, разве обязательно возвращаться к сбору волос — можно ведь заняться чем-то другим. Собирать газеты, коробки от ланча, бутылки?

— Я задавал себе тот же вопрос. И отвечал: да. Возможностей было много. На худой конец я мог стать нищим. Даже это было бы лучше той дороги, на которую я вступил. Теперь это понятно. Но тогда я был как слепой. Чем труднее доставались длинные волосы, тем отчаяннее мне хотелось преуспеть в этом, словно от этого зависела жизнь. И к тому же мой план не казался таким уж безумным.

На практике оказалось, что отработанная си-

стема работает отлично. С тряпичным мешочком и ножницами он вливался в толпу, осторожно выбирал жертву (или бенефициария), не нервничая и не жадничая. Если на подходящей голове были две косички, он не стремился отхватить обе — его устраивала и одна. И никогда не поддавался соблазну резать ближе к затылку — лишний дюйм или два могли привести к провалу.

На базаре Раджарам держался подальше от покупательниц, приходящих сюда со служанками, какими бы роскошными ни были у них волосы. Избегал он и женщин с детьми — отпрыски всегда непредсказуемы. Дожидались ножницы женщин одиноких, обычно бедно одетых; поглощенные покупкой овощей для семьи, они торговались, сбивая цены, или придирчиво следили за весами продавца, боясь, что их обвесят.

Они-то и попадали в ловушку. Среди толпящихся покупателей наточенные ножницы Раджарама не привлекали никакого внимания. Он мигом отрезал косичку, та падала в открытый мешочек, и Раджарам исчезал, избавив еще одно человеческое существо от ноши, которая незаметно тянула к земле.

На автобусных остановках Раджарам выбирал женщину, внимание которой было приковано к

сумочке, она стискивала ее под мышкой, хотя кожа или пластик обжигали и без того распаренную кожу. Пятна пота симптомами эпидемии расползались по блузке. Раджарам старался затеряться среди других пассажиров — усталых работяг, возвращавшихся домой. На конечной остановке люди толпились на выходе, но озабоченная женщина не торопилась выйти, и ножницы успевали спокойно сделать свое дело.

Раджарам никогда не работал дважды на одном рынке или на одном автобусном маршруте. Это было слишком рискованно. Однако он часто возвращался на место преступления (или благодеяния) послушать, что там говорят. Первое время разговоров о краже волос вообще не было. Наверное, женщины были слишком растеряны, чтобы поднимать шум. А может, им не верили. Или считали, что дело не слишком серьезное.

Однако со временем слухи о потерянных или украденных волосах все же стали распространяться и носили они, скорее, насмешливый характер. В одном анекдоте, обошедшем многие табачные лавки, говорилось, что при чрезвычайном положении, когда стали сносить трущобы, вывелась новая порода городских грызунов, которая предпочитала теперь не гниющие отходы, а

женские волосы. В доках рабочие, разгружавшие суда, восхваляли подвиги таинственного охотника за волосами, убежденные, что это дело рук брата из низшей касты, мстящего представителям высших сословий за долгие годы угнетения, когда те отнимали, насиловали и брили наголо простых женщин. В чайных заведениях и ресторанах «Ирани» интеллигенция с издевкой говорила, что программа по ликвидации трущоб открыла большие возможности для бюрократической тупости: одна опечатка в правительственном документе превратила «космическую» политику в «косметическую», и теперь горе-умельцы уничтожают волосы с тем же пылом, что раньше сносили трущобы. Упоминали также (как без этого!) и иностранное влияние: якобы это дамы из ЦРУ распространяют выдумки про исчезнувшие шевелюры, чтобы посеять панику.

— Слыша такие шуточки, я успокоился, — сказал Раджарам. — Моя уверенность росла, и я подумывал о расширении бизнеса.

Хиппи, которых он раньше считал прекрасными, но недоступными объектами для своей деятельности, стали представляться теперь вполне заслуживающими внимания. Он открыл для себя, что в утренние часы они валяются в

наркотическом сне недалеко от того места, где покупают гашиш.

Срезать волосы у бесчувственных иностранцев было детской забавой. Если кто-то из них открывал глаза и видел, как товарища лишают волос, то считал это галлюцинацией, глупо хихикал, бормотал что-то вроде «классно, мужик» или «вот это круто» и, почесав в штанах, снова погружался в сон. Однажды Раджарам срезал волосы даже у трахавшейся пары. Сначала у мужчины, который был сверху, а потом и у женщины, забравшейся на своего партнера. Их перемещения нисколько не помешали опытной руке сборщика волос. «О боже! — воскликнул мужчина, восхищенный видением. — Вон там! Я вижу Каму, он готовит тебя к нирване!» А женщина пробормотала: «Малыш, это мгновенная карма!»

Раджарам чувствовал, что его дела наконец идут на лад. Он приветствовал нашествие туристов в отличие от консервативной части общества, жаловавшейся на дегенеративных американцев и европейцев, передающих отвратительные привычки и плохие манеры впечатлительной молодежи.

Раджарам только радовался, когда в город стекались туристы с волосами по плечи или того

длиннее.

Приблизительно в это время стали возвращаться на насиженные места нищие: закон о благоустройстве исчерпал свои шизофренические проявления и пошел на убыль. Острый глаз сборщика волос мгновенно это приметил. Но бизнес его процветал, и Раджарама не интересовали путаные, грязные волосы бродяг. Некоторые по привычке подзывали его с просьбой бесплатно подстричь, но он оставлял эти просьбы без внимания.

— Если б я и дальше игнорировал их, — тяжело вздохнул Раджарам, — моя жизнь сложилась бы иначе. Но наша судьба определена свыше. Именно нищие привели меня к краху, а не красивые женщины на базаре, к которым я боялся приблизиться. И не накуренные хиппи, которые, я боялся, могли меня поколотить. Нет, то были двое беспомощных бродяг.

Раджарам замолчал, бросив взгляд на кассира (по совместительству официанта), улыбавшегося им из-за прилавка в надежде, что его пригласят послушать новую историю. Но портным было не до него.

— Мы слышали про нищих, — произнес тихо Ишвар. — Но почему ты их убил?

— Так вы знаете? — воскликнул в ужасе Раджарам. — Ну, конечно! Хозяин Нищих… только я этого не делал! То-есть — сделал… но по ошибке! — Он закрыл лицо руками, не в силах выдержать взглядов друзей. Затем выпрямился и потер нос. — От стола пахнет. Пожалуйста, помогите мне! Пожалуйста! Не дайте…

— Успокойся, все в порядке, — сказал Ишвар. — Хозяин Нищих ничего о тебе не знает. Он только сказал, что у него убили двух нищих и срезали волосы. Мы сразу подумали о тебе.

Казалось, Раджарам обиделся.

— Убить мог другой сборщик волос. Их сотни в городе. Почему вы сразу подумали обо мне? — Он нервно сглотнул. — Так вы ничего не сказали ему обо мне?

— Это не наше дело.

— Слава богу. Я не желал нищим вреда. Произошла чудовищная ошибка, поверьте.

Однажды вечером, совершая обычный обход, Раджарам наткнулся на двух нищих, мужчину и женщину, они спали под портиком, поджав колени к пустым животам. Он прошел бы мимо, но тут луч от фонаря осветил их волосы. Прекрасные кудри таинственно и нежно мерцали — такого сияния он не встречал во время своих поисков.

Именно о таких волосах мечтают служащие рекламных агентств. Клиенты будут сходить с ума, желая добиться такого же эффекта; блеск этих волос будет способствовать лучшей продаже мыла «Шикакай» и кокосового масла для волос с ароматом «Тата».

«Как странно, — думал Раджарам, — что такое сокровище украшает головы двух жалких нищих». Он опустился на колени и нежно прикоснулся кончиками пальцев к сияющим завиткам — мягким, как шелк. Не в силах сопротивляться порыву, он запустил руку в густые волосы, наслаждаясь их текстурой. Его пальцы застыли в сладостной муке, словно познали секрет блеска и нежности этих волос.

Нищие пошевелились, нарушив очарование. Раджарам вспомнил о своих профессиональных обязанностях. Вытащив ножницы, он приступил к работе, начав с женщины. Впервые за все время он почувствовал жалость. Преступление — разлучать такие прекрасные волосы с корнями — их волшебный блеск исчезнет, как свежесть сорванного цветка.

Кудри остались у него в руке. Скрутив волосы потуже, Раджарам положил их в мешок. Затем занялся волосами мужчины. Те были не хуже

локонов женщины — различить невозможно.

Как только сборщик волос закончил свое дело, проснулась женщина. Она увидела рядом с собой мужчину на корточках — ножницы сверкали в темноте как смертельное оружие. Женщина испустила истошный крик, разбудив мужчину, который сразу же завопил как резаный.

— Эти крики вызвали во мне смертельный ужас, — сказал Раджарам, поежившись, словно он все еще слышал их. — Я не сомневался, что сейчас явится полиция и забьет меня до смерти. Я умолял нищих замолчать. Все хорошо, говорил я. У меня нет злых умыслов. Я даже отрезал прядь своих волос, чтобы показать безвредность моих действий. Потом опустошил карманы, осыпав их банкнотами и монетами. Но они не умолкали. Кричали и кричали! Я потерял голову.

В панике он поднял ножницы и нанес удар. Сначала ударил женщину, потом — мужчину. Он бил в горло, грудь, желудок — в места, участвующие в процессе дыхания и порождающие эти ужасные звуки. И не прекращал истязать плоть до тех пор, пока не воцарилось молчание.

Никто не подошел узнать, что происходит. На улицах привыкли к громким крикам одиноких безумцев и воплям разочарованных алкашей.

На другой стороне улицы кто-то истерически засмеялся, залаяли собаки, ударил колокол храма. Раджарам покинул место, стараясь идти быстро и в то же время не привлекать внимания.

Позже он выбросил все — ножницы, окровавленную рубашку и волосы. При первом удобном случае побрил голову и избавился от усов. Ведь люди наверняка опишут его, когда их будет расспрашивать полиция: слишком часто он бывал в тех краях — стриг и собирал волосы.

— Я не чувствую себя в безопасности, — сказал Раджарам. — Прошли месяцы, а полиция все еще ищет меня. Что они прицепились к этому случаю — каждый день совершаются сотни преступлений. — Чай в чашке остыл, и, отпив его, он состроил гримасу. — Ну вот, теперь вы знаете все о моем горестном существовании. Ну и как, поможете мне?

— Каким образом? — удивился Ишвар. — Может, тебе лучше сдаться? Ситуация безнадежная.

— Надежда есть, — Раджарам замолчал и придвинулся ближе, не спуская с портных горящих глаз. — Как уже было сказано, я хочу расстаться с этим миром тревог и страданий. Мне хочется вести простое существование санньяси. Долгими часами медитировать в холодной и темной

гималайской пещере. Спать на жесткой постели. Вставать с солнцем, а ложиться со звездами. Дождь и ветер, какими бы сильными ни были, не потревожат мою омертвевшую плоть. Я выброшу расческу, и мои волосы и борода станут длинными и спутанными. Крошечные насекомые обретут в них мирное убежище, и станут ползать и кусаться, сколько им захочется, потому что я не трону их.

Ишвар поднял брови, а Ом закатил глаза, но Раджарам ничего не заметил. Он подчеркнуто медленно отодвинул чашку, словно то был начальный этап отречения. Романтический образ аскета подстегивал воображение Раджарама — перед его глазами предстала следующая картина.

— Я иду босиком, подошвы и пятки мои покрываются трещинами, из порезов и ран сочится кровь, и никто не смажет их бальзамом или целебной мазью. Кишащие в темных зарослях змеи не пугают меня. Бродячие собаки в чужих городах и далеких деревнях кусают меня за ноги. Я прошу поесть. Дети, а иногда и взрослые смеются и забрасывают меня камнями. Их пугает выражение моего лица, мой безумный отрешенный взгляд. Бывает, я иду голодный и почти нагой. Спотыка-

юсь на каменистых равнинах и скатываюсь вниз по крутым склонам. Но я никогда не ропщу.

Раджарам смотрел вдаль, мимо портных, глаза его затуманились — он мысленно уже начал свое путешествие. Похоже, ситуация доставляла ему удовольствие — он словно планировал летний отдых. На кухне закончилось топливо, и без рева плиты стало тихо.

Тишина спугнула мечты Раджарама, он снова оказался в уединение «Вишрама» у дурно пахшего стола. Повар пошел в глубину помещения за канистрой керосина. Вставив воронку, он наполнил топливом печку.

— Мирская жизнь довела меня до беды, — сказал Раджарам. — Так происходит со всеми. Только не столь очевидно, как в моем случае. Теперь я полагаюсь на вашу милость.

— Но мы ничего не знаем о санньяси, — проговорил смущенный Ишвар. — Что ты хочешь от нас?

— Деньги. На железнодорожный билет до Гималаев. Если удастся выскользнуть из лап полиции, у меня еще есть надежда на возрождение.

Они вернулись домой. Раджарам ждал у дверей, пока Ишвар, войдя в квартиру, просил у Дины выдать из его сбережений деньги, которых хватило

бы на железнодорожный билет третьего класса в поезде «Фронтьер Мейл».

— Деньги твои, и не мне указывать тебе, на что их тратить, — сказала Дина. — Но если ваш друг решил отойти от мирских дел, зачем ему билет? Он может идти пешком и просить подаяния, как другие садху.

— Вы правы. Но это займет много времени. Ему не терпится приступить к спасению души.

Ишвар передал деньги Раджараму, ждущему его на веранде. Тот пересчитал их и со смущением произнес: «А еще десять рупий не дашь?»

— Для чего?

— На спальное место. Неудобно всю ночь сидеть во время такого длительного путешествия.

— Ну уж нет, — Ишвар с трудом удержался, чтобы не отнять уже данные деньги. — Больше дать не можем. Но, если опять окажешься в городе, заходи, выпьем по чашке чая.

— Сомневаюсь. У санньяси нет выходных. — И невесело засмеявшись, Раджарам ушел.

Интересно, увидят ли они его снова, подумал Ом.

— Его привычка занимать деньги утомительна, но человек он интересный. Всегда приносил нам последние новости.

— Не беспокойся, — сказал Ишвар. — Раджараму везет: к его приезду все пещеры окажутся заняты. И он вернется к нам с рассказом, что в Гималаях его ожидала вывеска: «Нет свободных мест».

Глава четырнадцатая. Снова одиночество

Вытирая пыль, смахивая частицы волокна и откладывая в сторону обрезки ткани, Дина то и дело чихала. При каждом чихе мельчайшие отходы взлетали. Последние платья она передала в «Оревуар» и попросила у миссис Гупта шестинедельный перерыв.

Дина с любопытством ждала, что принесет ей приближающаяся изоляция. «Вроде курсов подготовки к одиночеству», — думала она. Ни портных, ни жильца — ей останется только предаваться воспоминаниям, перебирать одно за другим, как коллекцию монет — одни сверкающие, другие тусклые, третьи рельефные. Если она забыла, как жить одной, ей будет трудно.

Дина отобрала лучшие лоскуты для одеяла, а те, что остались, сложила на нижнюю полку. Швейные машины еще раньше сдвинули в угол, положив сверху табуретки, так что теперь рядом с кроватью стало больше места. Сундук портных стоял на веранде, полностью упакованный. Ненужные вещи они положили в картонные

коробки.

До отъезда оставалось еще два дня, с делами было покончено, и время текло для них непривычно медленно, оно было какое-то бесформенное, словно порвались швы, и, если сравнивать время с палаткой, оно то провисало, то опять вздымалось.

После ужина Дина возобновила работу над покрывалом. Чтобы получился нужный размер — семь на шесть, не хватало еще двух квадратных футов. Ом сидел на полу, массируя дяде ступни. Глядя на них, Манек задумался: интересно, что почувствовал бы он, массируя ноги отцу.

— Покрывало отлично смотрится, — сказал Ом. — Наверное, закончите к нашему возвращению.

— Может быть, если наберу подходящие куски из старого материала, — ответила Дина. — Но я не люблю повторений — это скучно. Подожду новые ткани. — Взяв лоскутное одеяло за противоположные концы, они с Омом развернули его. Оно было аккуратно простегано — словно пересечено симметричными колоннами муравьев.

— Как красиво! — восхитился Ишвар.

— Такое каждый может смастерить, — скромно отозвалась Дина. — Это всего лишь лоскуты,

оставшиеся после вашей работы.

— Но так соединить эти кусочки — вот в чем талант.

— А ну, взгляни, — обрадовался Ом. — Поплин из наших первых платьев.

— Ты помнишь? — Дине было приятно это слышать. — А как быстро вы сшили те первые платья. Я решила, что нашла двух гениев.

— Пустые желудки придали ускорение нашим пальцам, — засмеялся Ишвар.

— А потом нам дали желтый ситец в оранжевую полоску. И тут у меня начались проблемы с этим юношей. Он спорил и сопротивлялся по всякому поводу.

— Я? Спорил? Да никогда.

— А я помню эти синие и белые цветы, — сказал Манек. — Они были на юбках, которые вы шили в день моего вселения.

— Ты уверен?

— Да, в этот день Ишвар и Ом еще не вышли на работу — их силой увезли на митинг премьер-министра.

— Правда. А эту тонкую ткань ты помнишь, Ом?

Юноша покраснел, притворившись, что не помнит.

— Вспоминай, — настаивала Дина. — Как ты мог забыть? Именно ее ты всю закапал, когда поранился ножницами.

— Я не помню, — сказал Манек.

— Это случилось до твоего появления. Шифон чуть не свел Ома с ума. Трудно было подгонять рисунок — он так скользит.

Ишвар наклонился и указал квадратный кусочек батиста.

— Видите его? В день, когда мы начали работать с этим материалом, по приказу правительства разрушили наш дом. Мне грустно всякий раз, когда я смотрю на него.

— Ну-ка, дай мне ножницы, я вырежу и выброшу этот кусок, — пошутила Дина.

— Нет, Дина-бай. Пусть остается, он хорошо здесь смотрится. — Ишвар провел рукой по батисту, вспоминая прошлое. — Говорить, что какой-то кусок вызывает грусть бессмысленно. Ведь он соединен с другим — счастливым — тогда вы пустили нас на веранду. А вот этот напоминает о чапати. А этот фиолетовый — о масала вада, когда мы стали вместе готовить. И не надо забывать о жоржетовом лоскуте — он появился, когда Хозяин Нищих спас нас от бандитов.

Ишвар отступил назад, явно довольный собой,

словно доказал сложную теорему.

— Надо помнить одно — целое покрывало важнее, чем любой из отдельных кусков.

— Да, да! — воскликнули юноши и зааплодировали.

— Звучит мудро, — похвалила Дина.

— Это философия или подделка под нее?

Сделав вид, что обиделся, Ишвар взлохматил волосы племяннику.

— Что ты наделал? Я должен выглядеть хорошо перед смотринами. — Ом вытащил расческу, восстановил пробор и пригладил завитки.

— Мама сматывала остатки ниток в клубок, — сказал Манек. — Когда я был маленьким, мы играли в игру — распутывали его и вспоминали, куда пошли нитки.

— Давайте поиграем так с покрывалом, — предложил Ом. Они с Манеком начали с дальнего угла. Переходя хронологически от лоскута к лоскуту, они восстанавливали цепь своих побед и поражений, пока не подошли к незаконченной стороне.

— Мы уперлись в пропасть, — сообщил Ом. — Конец пути.

— Придется подождать, — сказала Дина. — Все зависит от того, какую ткань получим на следу-

ющий заказ.

— Так что ждем, господин. Раньше, чем ты увидишь этот угол, наше будущее может стать нашим прошлым.

Легко слетевшие с уст Ишвара слова словно окатили Манека ледяным душем, радость его померкла. Будущее становилось прошлым, все исчезало в пустоте; оглядываясь назад, хочешь обрести нечто, а тебе достается — что? Обрывок нитки, лоскут ткани, тень счастливых дней. Если б можно было все изменить — превратить прошлое в будущее и поймать его на постоянно меняющейся линии настоящего…

— Ты меня слышишь? — спросила Дина. — У тебя хорошая память? Можешь вспомнить все, что происходило в этом году, не глядя на одеяло?

— Мне кажется, прошло больше года, — сказал Ом.

— Не говори глупости, — возразил Манек. — Как раз наоборот.

— Ну, приехали, — вмешался Ишвар. — Время не может быть короче или длиннее. Оно не имеет ни длины, ни ширины. Вопрос в том, что произошло за этот отрезок времени. Наши жизни соединились.

— Как эти лоскуты, — сказал Ом.

Манек прибавил, что это покрывало не должно иметь конца.

— Нужно его продолжить, тетя. Пусть оно будет больше.

— Ну вот, ты опять несешь чепуху. Что мне делать с гигантским одеялом? Не путай меня со Всемогущим Богом.

Утром Дина понемногу успокоилась. Водные процедуры завершились, вчерашняя посуда была тщательно отмыта, белье выстирано. Без стрекота и постукивания «зингеров» весь оставшийся день представлялся пустым. Дина сидела и смотрела, как Манек завтракает — сегодня позже обычного.

— Надо было вам поехать с Ишваром и Омом, — старался он поднять женщине настроение. — Помогли бы им выбрать жену.

— Ты опять пытаешься острить?

— Вовсе нет. Не сомневаюсь, они были бы этому рады. А вы стали бы членом комитета по выбору невесты. — Манек поперхнулся, с трудом удержав еду во рту.

Дина постучала ему по спине, пока он не продышался.

— Тебя не учили, что нельзя говорить с набитым ртом?

— Это мне за Ишвара. Не стоило высмеивать его благородный порыв.

— Бедняга. Надеюсь, он знает, что делает. И надеюсь, что избранница поладит с нами.

— В этом я не сомневаюсь. Ом не выберет сварливую и недружелюбную жену.

— Это правда. Но у него может не быть выбора. В запланированных свадьбах все решают астрологи и родственники. А потом женщина становится собственностью семьи мужа, где ее ни во что не ставят и жестоко с ней обращаются. Эта ужасная система превращает милых девушек в злобных ведьм. Но одну вещь ей придется уяснить: здесь мой дом, и она должна будет вести себя соответственно — как ты, Ишвар и Ом. Или нам придется разбежаться.

Дина замолчала, осознав, что она говорит как свекровь.

— Давай, доедай яйцо, — сменила она тему. — Завтра у тебя последние экзамены?

Манек кивнул, продолжая жевать. Дина начала убирать со стола.

— Ты сохранил за собой место?

— Да, сохранил, — ответил Манек, собирая библиотечные книги. — Я скоро вернусь, не сдавайте никому мою комнату, тетя.

С почтой пришло письмо от родителей Манека. Он вскрыл конверт, передал Дине чек и стал читать письмо.

— Надеюсь, родители здоровы? — спросила Дина, заметив, что взгляд Манека затуманился.

— Да, с ними все в порядке. Все как обычно. Но пошли жалобы. Пишут: «Почему ты остаешься в университете еще на три года? Дело не в деньгах. Просто мы будем скучать по тебе. Кроме того, много работы в магазине, нам одним не справиться, надо бы тебе помочь». — Манек отложил письмо. — Если я вернусь, у нас с папой опять начнутся разногласия.

Дина заметила, как он сжал кулаки, и положила руку ему на плечо.

— Родителям тоже трудно приходится. Но они не падают духом.

Манек передал ей письмо, и она дочитала его до конца.

— Манек, думаю, тебе надо исполнить просьбу мамы и навестить семейство Содавалла. Ты ни разу не зашел к ним за целый год.

Юноша пожал плечами, состроил гримасу и ушел к себе. Вышел он оттуда с коробкой под мышкой.

— Ты берешь шахматы с собой в университет?

— Они не мои — друга. Хочу сегодня вернуть.

По дороге на автобус Манек обдумывал родительское письмо — смятение отца, переживания матери, их сомнения и страхи читались между строк. Может, все так и есть? И на этот раз все сложится хорошо, может, его годовое отсутствие помогло отцу уяснить произошедшие в жизни перемены?

Манек специально прошел мимо «Вишрама», чтобы поздороваться с Шанкаром. Нищий его не заметил — он сосредоточенно, вытянув шею, смотрел за угол. Манек склонился к нему, и тогда Шанкар узнал его и приветствовал постукиванием банки по платформе.

— Привет! Как поживаешь? Мои друзья уехали благополучно?

— Да, вчера отбыли.

— Как это замечательно! У меня сегодня тоже особый день. Парикмахер Хозяина придет побрить меня. Жаль, что нет Ишвара и Ома. Они порадовались бы, увидев меня чисто выбритым.

— Я еще не уезжаю и приду завтра взглянуть на тебя, — обещал Манек и продолжил путь на автобус.

Шанкар проводил глазами Манека, пока тот не скрылся за углом и стал опять напряженно дожи-

даться парикмахера. Тележка неподвижно стояла у края тротуара. Банка для подаяния оставалась пустой, не звучал и обычный напев Шанкара. Нищий ничего не делал, чтобы привлечь внимание потенциальных жертвователей. Все его мысли были сосредоточены на предстоящем шикарном обслуживании — сам личный парикмахер Хозяина займется его внешним видом.

Шанкар не знал, что еще утром парикмахер отклонил это предложение. Бритье на улице — не его профиль, сказал он Хозяину и предложил другую кандидатуру.

— Возьмите Раджарама. Бреет хорошо и дешево, работой на улице не гнушается.

— Намаскар, — сказал Раджарам.

— Хочу, чтоб ты знал, — сказал ему Хозяин. — Шанкар хоть и нищий, но мне очень дорог. Мне надо, чтоб его обслужили по высшему разряду. Не хочу тебя обидеть, но у меня в отношении тебя есть некоторые сомнения. Что может знать лысый человек о волосах?

— Вопрос некорректный, — ответил Раджарам. — У нищего тоже нет денег. Но он знает, как их добывать.

Хозяину понравился ответ, и он дал свое согласие. Так Раджарам появился возле «Вишрама»,

вооруженный набором для парикмахера.

Шанкару показалось, что он уже где-то видел этого мужчину.

— Где мы могли видеться, господин?

— Первый раз тебя вижу, — поспешил положить конец этому разговору Раджарам, которому не давала покоя связь нищего с его заготовками волос. Оставаться в городе было опасно, он это знал, но ему казалось, что будет надежнее отправиться в Гималаи в традиционном одеянии санньяси. Оранжевый халат, четки, резная деревянная бхикша[133] — все это стоило денег. Обещанное Хозяином вознаграждение за работу могло помочь.

Раджарам обмотал шею нищего белой салфеткой и стал взбивать мыло кистью для бритья. Шанкар склонился к стакану, чтобы понюхать идущий оттуда аромат и чуть не потерял равновесия. Раджарам удержал его. «Сиди спокойно», — велел он нищему тоном, не допускающим возражений.

Шанкар привык к грубому обращению, и эти слова не смогли испортить ему хорошее настроение.

---

[133] Примечания: 133
Бхикша — сосуд для приношений.

— Похоже на крем, — сказал он, увидев вздувшуюся пену.

— Почему бы тебе не попробовать? — Раджарам смочил нищему щеки и стал наносить мыльную пену. От небрежных ударов помазка немного пены угодило в открытый рот Шанкара. К тому же, намыливая верхнюю губу, Раджарам по своей вечной торопливости забыл зажать нищему ноздри. Открыв бритвенный прибор, он стал точить бритву.

Шанкару понравился свистящий звук.

— А ты не можешь случайно порезать клиента? — спросил он.

— Резал — и не раз. У некоторых мужчин такая неровная кожа, что трудно не зацепить бритвой. А полицейские по закону не могут арестовать брадобрея из-за несчастного случая.

— Ты уж смотри не ошибись со мной, у меня шея ровная. А то Хозяин тебя накажет!

Несмотря на браваду, Шанкар сидел тихо, весь напряженный, дожидаясь, пока бритва завершит свое опасное путешествие по лицу. Раджарам стер с его щек остатки пены, оставленные бритвой, а затем обработал порезы квасцовым камнем.

— Дай мне зеркало, — потребовал Шанкар, чувствуя жжение и боясь, что бритва могла по-

резать его.

Раджарам дал ему зеркало. Нищий взволнованно оглядел свое лицо, но камень остановил кровотечение, не оставив следов.

— Теперь перейдем к массажу. Хозяин велел его обязательно сделать. — Раджарам выдавил из тюбика немного крема и нанес его на лицо Шанкара.

Шанкар замер, не зная, что его ждет. Однако сопротивляться не стал, и его голова моталась в такт похлопывающим и поглаживающим движениям. А когда пальцы брадобрея массировали его щеки, прогуливались под глазами и вокруг носа, пощипывали лоб и виски, он даже мычал от удовольствия, чувствуя, как отступают боль и страдания.

— Еще чуть-чуть, — попросил он, когда Раджарам остановился и стал вытирать руки. — Одну минутку, прошу, это было так чудесно.

— Нет, хватит, — сказал Раджарам, морща нос. Он не любил делать массаж даже в расцвете своей карьеры, когда у него стриглись и брились приличные люди. Перед тем как взять в руки ножницы и гребешок, он размял пальцы.

— Теперь подстрижемся, — сказал Раджарам.

— Нет, я хочу другого.

— Хозяин сказал мне, что делать. — Раджарам наклонил голову нищего, чтобы подровнять затылок, — ему не терпелось поскорей закончить и уйти.

— Э, нет, так не пойдет! — завизжал Шанкар. — Говорю тебе, мне этого не надо. Мне нравятся длинные волосы. — Нищий даже потряс банкой, чтобы привлечь внимание брадобрея, но монет не было, и внутри ничего не зазвенело. Тогда он стукнул банкой по тротуару.

Прохожие замедляли ход, с интересом поглядывая на обоих, и тогда Раджарам перестал спорить с нищим, боясь привлечь излишнее внимание.

— Не бойся, я подстригу тебя очень аккуратно. Будет красиво.

— Мне все равно, как это будет! Я просто не хочу стричься!

— Пожалуйста, не кричи. Скажи, чего ты хочешь, я все сделаю. Массаж головы? Лечение от перхоти?

Шанкар вытащил из-под платформы сверток.

— Ты ведь специалист по волосам?

Раджарам кивнул.

— Я хочу, чтобы ты приделал это к моим волосам. — И Шанкар передал ему сверток.

Раджарам развернул его и задрожал от страха,

оттуда выскользнули две красивые косицы.

— Ты хочешь, чтобы я привязал их к твоим волосам?

— Не совсем так. Хочу, чтобы они росли из моей головы.

Раджарам растерялся. В бытность парикмахером он исполнял необычные просьбы клиентов: стриг бородатую женщину из цирка; делал короткие косички на интимных местах у жиголо; выдумывал художественные прически проституткам, обслуживающим министров и крупных дельцов; брил (с завязанными глазами в интересах скромности) промежность жены представителя высокой касты, который не хотел, чтобы она оскверняла себя этим низким занятием. Со всеми этими задачами Раджарам справлялся достаточно профессионально. Но просьба Шанкара была невыполнима.

— Это невозможно, — сказал он уныло.

— Ты должен, должен, должен! — визжал Шанкар. Чрезмерное внимание к нему Хозяина в последнее время, похоже, испортило этого кроткого, безропотного человека. Он отказывался слушать объяснения парикмахера. — Розу можно пересадить! — вопил он. — Так пересади мне волосы! Ты ведь мастер! А то я пожалуюсь Хозяину!

Раджарам умолял его говорить тише и спрятать на время волосы — завтра он принесет специальное оборудование для этой сложной работы.

— Но я хочу сейчас, — закричал Шанкар. — Хочу, чтоб уже сегодня у меня были длинные волосы.

Официант-кассир из «Вишрама» наблюдал за сценой из дверей, к нему присоединился и повар. Прохожие тоже все чаще останавливались, с интересом ожидая, что последует дальше. Потом продавец лотерейных билетов припомнил о зарезанных несколько месяцев назад нищих — именно из-за волос. «Какое совпадение, — сказал он, — что две толстые косы оказались у этого попрошайки».

Люди стали высказывать предположения. Возможно, существует какой-то ритуал у нищих, требующий человеческих жертв. А может, этот нищий — психопат. Некоторые вспомнили жуткого серийного маньяка Рамана Рагхава[134], убийство нищих было столь же жестоким и кровавым, как и его преступления.

Дрожа от страха, Раджарам поспешил отодви-

---

[134] Примечания: 134

Раман Рагхав (1929–1995) — самый знаменитый серийный убийца в истории Индии, в 1960-х гг. пойман, получил пожизненный срок и умер в тюрьме.

нуться от Шанкара. Он собрал инструменты и бочком стал постепенно протискиваться в обступившую нищего толпу. И при первой возможности улизнул.

Люди все плотнее окружали Шанкара. Ему стало страшно. Теперь он жалел, что затеял с брадобреем ссору. Как он мог забыть главное правило человека, живущего подаянием: нищие могут позволить себе быть на виду, это необходимо, но их голоса должны быть тихими — особенно если они не просят милостыню, а просто говорят.

Толпа возвышалась над Шанкаром, загораживая солнце, и он почувствовал приступ клаустрофобии. Тротуар стал темным. Шанкар попробовал привлечь толпу на свою сторону и затянул песнь нищего, просящего подаяние. Забинтованной култышкой он постоянно касался лба. Но это не сработало. Ситуация становилась все более угрожающей.

— Где ты стянул эти волосы, жулик? — крикнул кто-то.

— Мне их дали друзья, — жалобно оправдывался Шанкар, испуганный и одновременно оскорбленный таким обвинением.

— Гнусный убийца!

— Просто чудовище! — с изумлением произ-

нес другой, и в его голосе сквозило отвращение, смешанное с восхищением. — А какая ловкость! Совершить такое ужасное преступление, будучи безногим и лишенным пальцев!

— Может, он просто прячет ноги и пальцы. Такие умельцы все могут.

Шанкар заливался слезами, говоря, что не сделал ничего плохого, он хороший нищий, никому не мешает и стоит всегда, где положено.

— Да убережет вас бог, добрые люди! Выслушайте меня… Я всегда здороваюсь с теми, кто проходит мимо. Улыбаюсь, даже когда мне больно! Кое-кто из нищих ругается, когда мало подают, а я всегда благодарю, независимо от того, крупная монета или мелкая падает в мою банку. Спросите, кого хотите!

Подошел полицейский, посмотреть, что за шум. Он наклонился, и Шанкар разглядел его лицо среди леса ног. Толпа расступилась, чтобы стражу порядка было лучше видно. Шанкар решил, что пора действовать. Он оттолкнулся от тротуара и пролетел сквозь открывшийся проход.

В толпе засмеялись — так забавно калека припал к земле и что есть сил работал культями.

«Тот, кто управляет машиной»[135], — произнес кто-то, вызвав новый прилив смеха у тех, кто помнил старый фильм.

— Гран-при среди нищих, — поддержали другие.

Через сто ярдов от «Вишрама» для Шанкара началась неведомая территория. Здесь тротуар имел довольно крутой наклон, и колеса тележки завертелись быстрее. На такой большой скорости было невозможно повернуть за угол. Но Шанкар об этом даже не подумал. Главное — он оторвался от этой ужасной толпы.

Оказавшись на краю тротуара, он вскрикнул. Тележка пролетела какое-то расстояние и приземлилась прямо на перекрестке с оживленным движением.

Манек остановился на лестнице между заляпанными паном перилами и стеной, вымазанной бог знает чем. Пока он поднимался по лестнице общежития, к нему вернулось старое отвращение к этому месту. Всюду валялись пустые пачки от сигарет, разбитые лампочки, почерневшая кожура бананов, куски чапати в газетной бумаге, корки апельсинов. «Интересно, уборщик сегодня

---

[135] Примечания: 135

«Тот, кто управляет машиной» — индийский фильм-комедия 1958 г.

опоздал, или уже с утра так много набросали», — подумал Манек.

Он не ожидал застать Авинаша, но решил все равно оставить шахматы у кого-то, а может, на вахте в холле. На своем этаже, проходя мимо туалетов, он задержал дыхание. Зловонный запах ясно давал понять, что канализацию так и не привели в порядок, а вонь была такая сильная, что, казалось, застревала в горле.

Его комната была не занята, дверь не заперта. С его отъезда в ней никто не жил, она была такой, какой он ее оставил. Манек вдруг испытал страх раздвоения личности: одна его половина все еще жила здесь, другая — у тети Дины. Четыре ножки кровати, отодвинутой на фут от стены, стояли в банках с водой. Придуманный Авинашем прием для борьбы с клопами работал отлично. Авинаш любил шутить, что после жизни на мельнице он знает о тараканах и клопах почти все, а то, чего не знает, не имеет значения.

Манек подошел ближе, почти веря, что в банках осталась вода. Но в них не было ничего, кроме коричневатых яиц тараканов, дохлой моли и сонного паука. Высохшая вода оставила круги на деревянных ножках. Словно водяной знак: здесь жил Манек. Письменный стол и стул, свидетели

былых шахматных сражений, стояли у окна, куда их передвинули, чтобы доставалось больше света. Казалось, это было очень давно.

Манек вышел из комнаты и бережно закрыл дверь в прошлое. К его удивлению, из соседней комнаты доносились звуки. Что скажет Авинаш, когда увидит его? Что он скажет Авинашу? Он собрался с духом — нельзя выглядеть взволнованным или неуверенным.

Манек постучал.

Дверь отрыли. На него удивленно смотрели пожилые супруги. У обоих были седые волосы; мужчина с впалыми щеками надрывно кашлял, у женщины были красные глаза. «Должно быть, родители Авинаша», — решил Манек.

— Здравствуйте! Я друг Авинаша. — Может, они дожидаются сына, который ненадолго вышел? — Вы его ждете?

— Нет, — тихо произнес мужчина. — Уже не ждем. Все кончено. — Старики медленно подались назад, сутулясь под невидимым бременем, и как бы приглашая его войти. — Мы родители Авинаша. Сегодня его кремировали.

— Простите? Что сделали?

— Кремировали. После долгого ожидания. В течение нескольких месяцев мы разыскивали

нашего сына. Ходили по разным полицейским участкам, молили о помощи. Никто не помог нам.

Голос мужчины задрожал, он замолчал, с усилием взяв себя в руки.

— Четыре дня назад нам сказали, что тело его в морге. Нас пригласили на опознание.

Мать разрыдалась, прикрыв лицо уголком сари. Пытаясь утешить жену, отец зашелся кашлем. Он нежно коснулся пальцами ее руки. Где-то в коридоре хлопнула дверь.

— Но что… я хочу сказать… ничего, никто… — залепетал Манек. Отец положил руку ему на плечо.

Манек откашлялся и заговорил снова.

— Мы были друзьями. — Родители закивали, словно нашли утешение в его невнятных словах. — Но я не знал… что случилось?

Теперь заговорила мать, ее дрожащий голос был еле слышен.

— Мы тоже ничего не знаем. Приехали сюда сразу после кремации. Слава Всевышнему, церемония прошла хорошо. Дождя не было, и погребальный костер горел ярко. Мы остались там на всю ночь.

Отец кивнул.

— Нам сказали, что тело нашли много месяцев назад на железнодорожном полотне. Опознать его не смогли. Сказали, что он выпал из скорого поезда. Будто свисал с подножки или ехал на крыше. Но Авинаш был осторожный, он никогда такого не делал. — На его глазах снова выступили слезы, он замолк и утер их. Теперь жена легко коснулась пальцами его руки.

Но он смог продолжать.

— Наконец, после долгого времени мы увидели нашего сына. На интимных местах тела были ожоги, а когда мать поднесла его руку к своему лбу, стало видно, что на пальцах нет ногтей. Мы спросили в морге, как такое могло случиться от падения с поезда. Все может случиться, ответили они. Никто не помог нам.

— Нужно подать жалобу, — сказал Манек, с трудом сдерживая слезы. — Нужно… самому министру. Губернатору, я хотел сказать. Или комиссару полиции.

— Мы подали жалобу. В полиции внесли ее в регистрационную книгу.

Родители продолжили собирать вещи сына. Манек беспомощно смотрел, как они благоговейно складывают в чемодан одежду, учебники, бумаги, поднося прежде некоторые к губам. В

комнате стояла тишина, почти не нарушаемая их легкими шагами.

— А о своих трех сестрах он вам рассказывал? — неожиданно спросила мать. — Когда они были малышками, он помогал мне за ними ухаживать. Ему очень нравилось их кормить. Иногда они кусали его за пальцы, он смеялся. Авинаш вам это рассказывал?

— Он все мне рассказывал.

Через несколько минут родители собрались уходить. Манек настоял на том, чтобы снести вниз чемодан, радуясь, что эти действия могут удержать его от рыданий. Благодарность стариков только усилила сознание того, как мало он может сделать, чтобы помочь им справиться с горем. Ему вспомнился первый день, когда на его пороге появился Авинаш с «Флитом». Они боролись с тараканами. Играли в чекерс[136]. Рассказывали истории из своей жизни. А теперь он мертв.

Манек распрощался со стариками и направился в учебный корпус. И тут вдруг вспомнил, что шахматы так и остались у него. Он поспешил к воротам. Но родителей Авинаша нигде не было

---

[136] Примечания: 136

Чекерс — английские шашки, разновидность игры в шашки.

видно. «Какой же я дурак, — подумал он, — эти шахматы — бесценное воспоминание, они были бы им дороги. Ведь Авинаша наградили этими шахматами за победу на турнире».

Манек машинально повернул назад и снова оказался в холле общежития. Там он остановился и понял — шахматы каким-то образом надо вернуть родителям. Он почувствовал себя вором, лишившим несчастных утешения. Чем дольше он держит шахматы у себя, тем сильнее увеличивает их боль. Задача вернуть шахматы стала для него первоочередным делом, вопросом жизни и смерти. Он поднимался по лестнице, а слезы лились у него по щекам, вызвав любопытство у группы проходивших студентов. Кто-то свистнул и прокричал что-то неразборчивое. Потом послышалась песенка: «Не плачь, малыш; мама даст тебе кишмиш; а отец лукум подарит; бабка плов тебе наварит».

Манек проскользнул в свою комнату и сел на старомодную кровать. Может, в комнате Авинаша осталось что-нибудь в корзине для бумаг — старый конверт или листок с адресом. Он пошел взглянуть, но ничего не нашел. Ни клочка бумаги. Надо узнать адрес родителей и послать им шахматы. Можно бы расспросить на этаже, но

эти ублюдки непременно затеют с ним в коридоре какую-нибудь унизительную игру, заставят ходить по разным комнатам и выставят дураком.

Прижав шахматы к груди, Манек закрыл глаза и попытался сосредоточиться. Найти адрес. Но это ведь просто — надо пойти в деканат. Там, конечно, знают адрес. И он отправит шахматы родителям Авинаша.

Манек открыл глаза и посмотрел сквозь слезы на коричневую коробку из клееной фанеры. Ему вспомнился тот день в столовой: игра белыми, мат в три хода, а потом вдруг стало рвать вегетарианцев. Воспоминание заставило его улыбнуться. «Революция из-за отрыжки», — сказал тогда Авинаш. И попросил его присмотреть за шахматами.

Авинаш никогда не просил их вернуть. То был его подарок. Игра, подобная жизни. Будет неправильно расстаться с этим шахматами. Он сбережет их. Они всегда будут с ним.

* * *

Дина уговаривала Манека оставаться спокойным: взяв билет, мысленно прочитать мантру

Ашем Воху[137], а перед тем, как начать писать ответ, прочитать ее еще раз.

— Не то чтоб я была такой уж верующей, — сказала она. — Отнесись к этому как к страховке. Мне помогает. Удачи тебе.

— Спасибо, тетя. — Манек открыл дверь, чтобы уйти, и чуть не столкнулся с Хозяином Нищих, который уже подносил указательный палец к звонку.

— Извините меня, — сказал Хозяин. — Я пришел с плохими новостями. — Вид у него был измученный, глаза покраснели от слез. — Могу я видеть портных?

— Они уехали два дня назад.

— Да, конечно. Я забыл — сватовство. — Выглядел он так, будто сейчас потеряет сознание.

— Входите, — сказала Дина.

Хозяин вошел на веранду и, захлебываясь от рыданий, сказал, что Шанкар погиб.

Неверие в случившееся, дающее время, чтобы справиться с шоком, пришло на помощь Манеку.

— Но мы говорили с ним три дня назад, все трое — Ишвар, Ом и я, когда ходили в «Вишрам» пить чай. А вчера утром он рассказывал мне, что

---

[137] Примечания: 137

Ашем Воху — вторая главная мантра зороастризма, помогает нуждающимся в помощи.

к нему придет парикмахер. Он был здоровый и веселый, разъезжал на тележке, как обычно.

— Да, только до вчерашнего утра.

— А что произошло?

— Ужасный случай. Он потерял контроль над тележкой. Скатился с тротуара… прямо под двухэтажный автобус. — Хозяин нервно сглотнул и прибавил, что сам не был свидетелем трагедии, но Шанкара опознал. — За все годы, что я веду свое дело, мне довелось много чего повидать. Но ничего ужаснее этого я не видел. Шанкара и тележку раздробило и смяло целиком — их невозможно разделить. Извлечь дерево и колеса из плоти означает еще больше изуродовать его несчастное тело. Их кремируют вместе.

Оба замолчали, представив себе эту внушающую ужас картину. Хозяин не выдержал и залился слезами. Из-за тщетных попыток удержать рыдания его охватила дрожь.

— Нужно было открыться ему, сказать, что мы братья. Я слишком долго ждал. А теперь уже слишком поздно. Если б только на платформе установили тормоза… Я думал об этом, но мысль показалась мне глупой. Ему не надо было быстро ездить — не скорый поезд или что-то вроде того. Может, стоило убрать его с улицы.

— Не вините себя, — сказала Дина. — Вы действительно хотели сделать для него как лучше.

— Вы думаете? Правда? Но как я могу это знать?

— Он был замечательным человеком, — сказал Манек. — Ишвар и Ом рассказывали, как заботливо он ухаживал за ними во время их болезни в рабочем лагере. Вы не знали его, тетя, но он во многом был похож на всех нас. Иногда даже забавно шутил.

— У меня такое ощущение, что мы были знакомы. Ишвар и Ом сняли с него мерки и описали его, помнишь? Я сшила для него особый жилет.

— Это было очень любезно с вашей стороны, — сказал Хозяин и снова разрыдался, вспомнив, как порвал и испачкал новую одежду ради успеха предприятия.

— Хотите воды? — спросила Дина. Мужчина кивнул, и Манек принес стакан.

Выпив воды, Хозяин наконец обрел самообладание.

— Я хотел пригласить портных на кремацию Шанкара. Она состоится завтра в четыре часа. Они были его единственными друзьями. Там будет много нищих, но Ишвар и Ом были бы почетными гостями. — Он вернул пустой стакан.

— Я приду, — сказал Манек.

Заплаканные глаза Хозяина просияли от удивления.

— Правда придете? Я вам так благодарен. — Он пожал Манеку руку. — Похоронная процессия двинется от «Вишрама». Я подумал, что это подходящее место для сборов — из уважения к Шанкару. Как вы думаете? Ведь это его последнее пристанище?

— Я приду туда.

— А как твой экзамен? — спросила Дина.

— Он закончится в три.

— А как насчет того экзамена, что будет через день? — Дине хотелось отговорить Манека от этой затеи. Ей было не по себе от его решения пойти на кремацию нищего. — Разве тебе не нужно сразу вернуться домой и засесть за учебники?

— Сразу после кремации так и сделаю.

— Простите, я на минутку, — сказала Дина и вышла с веранды. — Манек, — позвала она юношу из задней комнаты. Он пожал плечами и вышел за ней.

— Что за ерунда? Почему тебе надо туда идти?

— Потому что я так хочу.

— Мне не до шуток! Ты знаешь, как я боюсь этого человека и мирюсь с его обществом только

потому, что он оберегает квартиру. Нет необходимости устанавливать с ним близкие отношения.

— Не хочу с вами спорить, тетя. Но на кремацию я пойду.

Дину озадачила его решимость, но она отнесла ее на счет напряжения перед экзаменами.

— Хорошо. Вижу, тебя не остановить. В таком случае я пойду с тобой. — «Все-таки какой-никакой пригляд», — подумала она.

Они вернулись на веранду.

— Мы обсудили завтрашний день, — сказала Дина. — Я тоже пойду на кремацию.

— Как замечательно! — обрадовался Хозяин. — Не знаю, как вас благодарить! Я тут подумал — в каком-то смысле хорошо, что Ишвар и Ом уехали два дня назад. Печаль омрачила бы свадьбу. А такое событие, как и смерть, случается лишь однажды.

— Как верно сказано, — согласилась Дина. — Хорошо если бы все это понимали. — Ее удивило, как точно его слова отражали ее собственные мысли.

Хозяин Нищих разрешил всем своим подопечным не работать в день кремации. Собрание на тротуаре хромых, слепых, безруких, безногих, увечных, с изуродованными лицами людей не

могло не привлечь много народу. Все интересовались, не открыла ли какая-нибудь больница из-за недостатка места здесь свое отделение.

Дина и Манек присоединились к Хозяину, который пил чай в «Вишраме».

— Только взгляните на этих зевак, — сказал он с отвращением. — Для них это цирк.

— И никто не бросил ни одной монетки, — отметила Дина.

— Ничего удивительного. Жалость отвешивается в малых дозах. А когда много нищих собралось в одном месте, все делают вот так, — и он приложил к глазам кулаки, словно держал бинокль. — Для них это ярмарочное представление. Люди забывают, насколько уязвимы они сами, несмотря на свои рубашки, туфли и портфели; ведь безжалостный мир в мгновенье ока может лишить их всего, и тогда они окажутся в том же положении, что и мои нищие.

Манек слушал неумеренную болтовню Хозяина, пытавшегося скрыть за словами боль. Почему люди стесняются своих чувств? Будь то ярость, любовь или горе — они всегда стараются выдать их за что-то другое. А некоторые еще претендуют на то, что их чувства сильнее и глубже, чем у остальных. Небольшое раздражение выдают за

приступ сильного гнева, а где достаточно улыбки или короткого смешка разражаются истерическим смехом. И то и другое бесчестно.

— Равнодушие людей, — сказал Хозяин, — объясняется еще одним важным фактором. В нашем бизнесе, как и в остальных, все решают три вещи — местоположение, местоположение и еще раз местоположение. Если всех этих нищих поставить не у «Вишрама», а около главного храма или места паломничества, деньги потекут рекой.

Тело Шанкара лежало на похоронных носилках из свежего бамбука у задней двери «Вишрама» рядом со складским помещением, где хранились тарелки, кухонная утварь, лишние плиты и топливо. Хозяин объяснил, что лицо покойного закрыли, потому что вынести такое зрелище было невозможно. Изуродованное тело закрывала простыня, а поверх нее лежало покрывало из свежих цветов — роз и лилий.

Глядя на погребальное ложе, Манек подумал, что, возможно, похоронная процессия началась для родителей Авинаша от морга. А может, им разрешили взять тело домой для вознесения молитв? Наверное, все зависит от сохранности тела и от того, как долго оно способно находиться при комнатной температуре. В не кондиционирован-

ном мире. Где все кончается плохо.

— Любезно со стороны работников «Вишрама» позволить Шанкару лежать здесь перед последней дорогой, — сказала Дина.

— Любезность здесь ни при чем. Я хорошо заплатил повару и официанту. — Хозяин вытянул шею и, посмотрев в окно, помахал только что подошедшим четырем мужчинам. — Ну все. Можно начинать.

Этих мужчин, носильщиков с вокзала, Хозяин нанял, чтобы нести носилки.

— У меня не было выбора, — оправдывался он. — Я единственный родственник. Конечно, я буду время от времени подставлять свое плечо, ради уважения к брату, но никто из нищих сделать это не сможет. Все они слабые. Если они возьмутся, носилки могут рухнуть.

Для Шанкара он ничего не пожалел — закупил лучшие благовония, масло и сандаловое дерево. Все это дожидалось своего часа на месте погребения, там же ждал их опытный махапатра, проводящий погребальные церемонии. Заготовили также корзины с лепестками роз, чтобы плакальщики осыпали ими носилки во время долгого пути. После окончания траурной церемонии Хозяин должен сделать пожертвование

храму от имени Шанкара.

— Меня беспокоит только одна вещь, — сказал он. — Как бы остальные нищие не решили, что подобного пышного прощания удостоится каждый из них.

После четырех часов к месту кремации двинулась самая медленная процессия, когда-либо шедшая по улицам города. Большинство калек передвигались с черепашьей скоростью. Некоторые из-за уродств шли, почти прижавшись к земле, и использовали плечи, как рычаги. Другие ползли на боку, как крабы. Были и такие, что, сложившись пополам, шли на четвереньках с задранными кверху задами, похожими на горбики верблюдов. По негласному соглашению процессия еле плелась, но настроение у всех было хорошее — нищие смеялись и болтали между собой, получая удовольствие от новых впечатлений, так что создавалась иллюзия скорее праздника, а не похорон.

— Как грустно, — произнесла с неодобрением Дина. — Случилась смерть, а траура нет.

— Что вы хотите, тетя? — сказал Манек. — Они, возможно, завидуют Шанкару. — «А впрочем, какое значение имеет траур», — думал он. Мог и он лежать на погребальных носилках, и ничего в

мире не изменилось бы.

Хозяин перемещался вдоль колонны, как линейный монитор, следя, чтобы не было бессмысленных задержек. Когда он оказался у конца процессии, Дина его позвала.

— Ни Манек, ни я никогда не были на индуистских похоронах, — призналась она. — Как нам себя вести?

— Естественно, — ответил Хозяин. — Своим присутствием вы оказали честь Шанкару. Пуджари произнесёт молитвы. Я поднесу огонь к погребальному костру, а в конце расколю череп, потому что у Шанкара не было сына.

— А это не тяжелое зрелище? Мне говорили, что запах очень сильный. И действительно видно, как горит плоть?

— Да, но не беспокойтесь. Это прекрасное зрелище. Вы уйдете с легким сердцем, чувствуя, что Шанкара достойно проводили в вечность, где, надеюсь, платформа ему больше не понадобится. После погребального костра я всегда испытываю подъем — ощущение завершенности, спокойствия, совершенного баланса между жизнью и смертью. Именно поэтому я иногда хожу на кремацию чужих людей. Если у меня есть свободное время и я вижу похоронную процессию, я присо-

единяюсь к ней.

И он заторопился к началу колонны, чтобы успокоить недовольных полицейских. Еле плетущиеся нищие раздражали постовых, на взгляд блюстителей порядка, скорость калек была слишком уж ничтожная. «Пошевеливайтесь!» — то и дело покрикивали они. Их вообще раздражало любое медленное движение — будь то машины, повозки, бродячие собаки или люди. Исключение составляли разве только коровы. Горя желанием поскорее перевести колонну через оживленный перекресток, они махали руками, свистели, кричали и просили, жестикулировали, бросали угрожающие взгляды, хватались за головы и размахивали кулаками. Но все эти отработанные приемы ни к чему не приводили: несуществующие конечности не реагировали — каким бы резким ни был свист или яростным жест.

Носильщики при вокзале, привыкшие быстро передвигаться с тяжелым багажом, тоже с трудом приспосабливались к необычной скорости колонны. Как только слова гимна «Ram naam satya hai!»[138] начинали звучать тише, носильщики понимали, что вырвались вперед и останавлива-

[138] Примечания: 138

«Имя Рамы — истина!» — гимн, исполняемый во время прохождения похоронной процессии.

лись, пережидая, когда расстояние сократится.

На полпути к месту кремации, после часа изматывающего шествия, небольшой полицейский отряд в касках, размахивая дубинками, без всякого предупреждения преградил путь колонне. Мужчины, державшие носилки, шарахнулись в сторону, и труп Шанкара скатился вниз. Визжа от ужаса, нищие попадали на землю. Розовые лепестки из полдюжины корзин покрыли мостовую нежным покровом.

— Теперь понимаешь? Вот почему мне не хотелось тебя отпускать, — проговорила тяжело дыша Дина, когда они с Манеком добежали до тротуара. — Неспокойные времена — беда приходит без предупреждения. Что делают эти идиоты полицейские? Почему они бьют нищих?

— Может, опять хватают людей для трудовых лагерей? Как было с Ишваром и Омом?

Затем так же внезапно полицейский отряд прекратил бесчинствовать. Главный полицейский извинился перед Хозяином за нарушение священного таинства.

— Я сам благочестивый человек и уважаю религиозные обряды. Произошла досадная ошибка. Все это по невежеству.

По его словам, до них дошла информация, что в

городе проходит с непонятными политическими целями издевательская похоронная церемония, которая, скорее всего, нарушает закон о чрезвычайном положении. Особенное подозрение вызвал тот факт, что в церемонии участвует много нищих.

— Решили, что переодетые политические активисты устроили уличное представление, изобразив членов правительства в виде плутов и мошенников, паразитирующих на обнищании нации. Сами знаете, как это бывает.

— Объяснимая ошибка, — согласился Хозяин, приняв извинение. Его больше обеспокоила беспечность тех, кто готовил носилки — они явно проявили небрежность, привязывая тело Шанкара — слишком уж легко оно скатилось. В то же время он понимал, что вина работников простительна: вряд ли они имели дело с такими сложными останками.

Все еще испытывающий смущение начальник продолжал извиняться:

— Увидев настоящий труп, а не какую-то символическую куклу, мы сразу поняли свою ошибку. Нам очень жаль. — Начальник снял черную с козырьком фуражку. — Разрешите еще раз принести наши извинения.

— Спасибо, — сказал Хозяин, и они обменялись рукопожатием.

— Поверьте, виновные будут наказаны, — обещал начальник, в то время как его подчиненные пытались собрать и положить на носилки то, что упало на дорогу.

Желая загладить вину, он настоял, чтобы до места кремации носилки сопровождал полицейский эскорт. Помимо приведения в порядок положения тела, полицейским было приказано заново наполнить корзины разбросанными по асфальту розовыми лепестками.

— Не беспокойтесь, — заверил он Хозяина. — Теперь мы в полном порядке дойдем до места.

Когда процессия покинула место столкновения с полицией, у тротуара остановился автомобиль, и водитель просигналил.

— О нет, — сказала Дина. — Это мой брат. Наверно, едет домой с работы.

Нусван помахал ей с заднего сиденья и опустил окно.

— Ты участвуешь в погребальной процессии? Не знал, что у тебя есть друзья среди индуистов?

— Есть, — ответила Дина.

— А кого хоронят?

— Нищего.

Нусван расхохотался, потом посерьезнел и вышел из машины.

— Не надо шутить по серьезному поводу. — А сам подумал: «Должно быть, покойник важная персона, раз процессию сопровождает полицейский эскорт. Какая-нибудь шишка из «Оревуар» — управляющий совета директоров или главный менеджер». — Перестань дурачиться. Кто это?

— Говорю тебе — нищий.

Нусван открыл и закрыл рот: открыл — в раздражении, а закрыл — в ужасе, осознав характер процессии. Он понял, что сестра не шутит.

Потом снова открыл рот, но не мог произнести ни слова, и тогда Дина сказала ему:

— Закрой рот, Нусван, а то птичка залетит.

Брат послушно закрыл рот, не в силах поверить в происходящее.

— Ясно, — сказал Нусван. — И все эти нищие — друзья покойного?

Дина кивнула

Ему хотелось задать не менее дюжины вопросов. Почему так хоронят нищего? С полицейским эскортом? Почему они с Манеком пришли на эти похороны? Кто за это платит? Но с этим можно немного обождать.

— Садись, — и Нусван открыл дверцу автомо-

биля.

— Что ты имеешь в виду говоря «садись»?

— Залезай, не спорь. Оба забирайтесь в машину. Отвезу вас домой. — Нусвану припомнились накопившиеся более чем за тридцать лет обиды. А теперь еще и это. — И больше ни шагу в этой процессии! Подумать только — пойти на похороны нищего! Как низко надо пасть! Что скажут люди, если увидят мою сестру…

К ним подошли Хозяин и главный полицейский.

— Этот мужчина пристает к вам?

— Нет. Это мой брат. Он приносит свои соболезнования в связи со смертью Шанкара, — сказала Дина.

— Спасибо, — поблагодарил Хозяин. — Может, присоединитесь к нам?

— Э… э… — промямлил Нусван. — Я очень занят. Извините, в другой раз. — Он торопливо залез в машину и плотно закрыл дверцу.

Они помахали ему вслед и вернулись на свои места. Много времени это не заняло: колонна за эти минуты продвинулась всего метров на десять. Хозяин направился к началу колонны и сменил у гроба одного из носильщиков.

— Забавная встреча, — сказала Дина Манеку. —

Думаю, сегодня ему будут сниться кошмары. Погребальные костры и уносящаяся с дымом его репутация.

Манек улыбнулся, но его мысли были поглощены другой кремацией, случившейся три дня назад. Вот где ему нужно было присутствовать. Там была резко нарушена череда ухода из жизни поколений. Мужчина со впалыми щеками, отец Авинаша, поднес огонь к погребальному костру. Треск хвороста. Дым заволакивает глаза. А языки огня, словно играя, щекочут труп. Огонь сгибает его в дугу, словно пытается усадить… — говорят, это знак, что дух сопротивляется. Авинаш часто сгибался, когда играл в шахматы, откидывался назад на кровати, поворачивая голову к доске. А чтобы взять фигуру и сделать ход, опирался на локоть.

Шахматы. А потом костер.

Время шло медленно, словно потеряло интерес к миру. Дина пропылесосила мебель и швейные машины в углу комнаты. «Нет ничего печальнее молчащих “зингеров”», — подумала она.

Она снова занялась одеялом. Выпрямляла швы, подравнивала лоскуты, исправляла то, что не радовало глаз. Вечернее солнце сквозь стекло вентилятора покрывало пятнами квадраты на

ее коленях.

— Сдвиньте покрывало левее, — попросил Манек.

— Зачем?

— Хочется увидеть желтый кусок, когда на нем играет солнце.

Прищелкнув языком, Дина сделала, как он просил.

— Как красиво!

— А помнишь, с каким сомнением ты смотрел вначале на мою работу?

Манек смущенно засмеялся.

— Что я знал тогда о цвете и выкройках!

— Зато теперь ты большой знаток, так ведь? — Дина переложила на колени другой конец покрывала.

— Покроете им свою кровать, когда закончите?

— Нет.

— Хотите продать его, тетя?

Она покачала головой.

— Можешь хранить секрет? Это будет свадебный подарок Ому.

Манек так обрадовался, будто сам делал этот подарок. Лицо юноши выдавало, как тронул его поступок Дины.

— Не печалься, — пошутила она. — На твою

свадьбу я сошью не хуже.

— Я только радуюсь. Это замечательная идея.

— Но смотри, не проболтайся раньше времени Ишвару и Ому. Я закончу одеяло, когда они снова начнут шить, и мы получим от «Оревуар» новые ткани. А пока — ни слова.

Манек закончил сдавать экзамены. Он понимал, что некоторые почти провалил, и молился, чтобы с такими оценками его взяли на следующий, трехгодичный курс.

Дина спросила о его успехах и услышала в ответ, что все хорошо.

Однако голос юноши звучал не слишком уверенно.

— Дождемся результатов, и тогда будет видно.

В последний вечер под напором Дины Манек выполнил просьбу матери и нанес визит родственникам. Два часа он провел в обществе словоохотливого семейства Содавалла, отбиваясь от множества закусок и разнообразных холодных напитков.

— Спасибо, я уже поел, — говорил он.

— В следующий раз приходи натощак, — настаивали родственники. — Не лишай нас удовольствия угостить тебя. — Закуски убрали, но Манеку предложили посмотреть вместе фильм

по телевизору, а потом поужинать и остаться у них ночевать.

— Прошу извинить, но мне придется уйти, — сказал Манек, когда почувствовал, что провел достаточно времени в гостях. — Мне завтра рано вставать.

Вернувшись домой, он обвинил Дину в зря потраченном вечере.

— Больше никогда туда не пойду, тетя. Они говорят без остановки и ведут себя как маленькие дети.

— Не будь злым. Это семья твоей матери.

Дина помогла ему снять со шкафа пустой чемодан и протерла тот от пыли. Глядя как Манек укладывает вещи, она то и дело вмешивалась — давала советы, инструкции, что-то напоминала: это не забудь, то возьми, сделай вот это.

— А главное — будь ласков с родителями, не спорь с ними. Они так истосковались по тебе за год. Пусть каникулы доставят всем радость.

— Спасибо, тетя. И пожалуйста, не забывайте кормить кошек.

— Ну, конечно. Буду готовить им самое вкусное. Нужно подавать им столовые приборы? Или они едят лапками?

— Поберегите, тетя, столовые приборы для бу-

дущей невестки. Она приедет через три недели.

Дина сделала вид, что собирается его отшлепать.

— Жаль, мама не наказывала тебя как следует в детстве.

На следующий день рано утром Манек обнял ее на прощанье и уехал.

Дина не ожидала, что так остро почувствует возвращение одиночества. В течение долгих лет она спокойно принимала это неизбежное состояние, считая, что оно приносит мир и покой. И разве возможно почувствовать снова одиночество, прожив в нем бóльшую часть жизни? Разве сердце и разум ничему не научились?

Она без конца всматривалась в календарь — оставалось три недели до возвращения Ишвара и Ома и еще три до приезда Манека.

Дни тянулись медленно. Дина решила, что сейчас самое время сделать генеральную уборку. В каждой комнате ей слышалось эхо добродушного подшучивания портных, оно преследовало ее, когда она отчищала кухню, смахивала пыль с потолка щеткой с длинной ручкой, мыла окна и вентиляторы, драила полы.

В шкафу у Манека она увидела шахматы его друга. «Вернет, когда начнется учеба», — решила

Дина.

Она освободила свой шкаф — полностью, кроме самой нижней полки. Вытерла его изнутри, перебрала одежду, сложила стопкой оставшиеся куски материи из «Оревуар». Одежду, которую уже не носила, положила отдельно. Пригодится жене Ома. Конечно, если подойдет размер. И вообще, смотря какой она человек.

Потом принялась за нижнюю полку, забитую обрезками после рабочих дней — крошечными лоскутами, годными разве что на изготовление прокладок. Дина зарылась руками в эту гору мелких отходов и рассмеялась. Здесь материала лет на пятьдесят хватит. Столько прокладок ей не понадобится. Собрав в мешок разумную долю лоскутов, Дина решила выбросить остальные.

Но потом ей снова пришла на ум жена Ома. Молодой и здоровой женщине они могут пригодиться. «Лучше пока сохранить все», — подумала она и с радостью запихнула тряпки обратно на полку.

Большая уборка облегчила дни ожидания. Дина задумалась и о веранде, на которой вскоре будут жить молодожены и дядя. «Теперь одним постельным бельем не обойдешься», — решила она, и стала шить новые простыни из оставшегося

материала «Оревуар».

Педаль машины Ишвара была для нее тяжеловата — она никогда раньше не шила на этой модели «зингера». Дина пересела за ручную машинку тети Ширин, и тогда шитье стало удовольствием. С каждым новым швом она радовалась, что у нее есть материя для таких важных нужд.

Еще ее беспокоила картина спящих на веранде Ишвара, Ома и его жены. Представить не могу, чтобы в мою первую брачную ночь в одной комнате со мной и Рустамом спали бы дядя Дараб и тетя Ширин.

Все, что ей удалось придумать — это протянуть посреди веранды занавеску. Дина измерила расстояние, потом сшила вместе самые прочные куски ткани из остатков. Лучше символическая стена, чем никакая.

Дина надеялась, что Ишвар и Ом оценят ее усилия. Она сделала все, что смогла. Если молодая жена будет так же стараться, они поладят.

Два гвоздя, бечевка — и вот видимость перегородки готова. Дина отступила, разглядывая занавеску с обеих сторон. «В жизни бедняков много символического», — решила она.

Глава пятнадцатая. Планирование семьи

Стоило портным вытащить из вагона дорожный сундук, как к ним тут же поспешила худая бородатая фигура.

— Наконец-то вы здесь! — И мужчина захлопал от радости в ладоши.

— Дядя Ашраф! А мы собирались устроить тебе сюрприз, заявившись в мастерскую! — Оттащив вещи в сторону, они пожимали друг другу руки, обнимались и заливались смехом, причиной которого была радость от встречи.

Ишвар и Ом были единственными, кто вышел на этой остановке. Два носильщика, отдыхавшие рядом с водопроводным краном, даже не пошевелились: инстинкт подсказывал, что их услуги здесь не потребуются.

Шум двигателя вскоре пробудил станцию от сна. К поезду заторопились продавцы фруктов, холодных напитков, чая, пакоры, фруктового мороженого, темных очков, журналов — воздух наполнился громкими криками.

— Пойдем отсюда, — сказал Ашраф. — Поедем

домой, вы наверно устали. Сначала перекусим, а потом вы расскажете, каких чудес насмотрелись в большом городе.

Рядом женщина с небольшой корзинкой винных ягод протяжно тянула: «Инжир!» Когда мужчины проходили мимо, крик звучал зазывающе, но они не остановились, и тогда в нем послышался упрек. Однако ее крик не прервался, теперь она шла вдоль поезда, в окнах которого портретами застыли пассажиры. Она медленно двигалась вдоль вагонов, удерживая корзину на бедре, где та покачивалась как ребенок. Проводник дал предупреждающий свисток, пробудив спящую рядом с путями рыжеватого цвета дворняжку. Та лениво почесала за ухом, сморщив морду, как бреющий лицо мужчина.

— Дядя, ты гений, — сказал Ом. — Мы ведь не писали, когда приедем, а ты все-таки пришел. Как ты догадался?

— Да никак, — засмеялся Ашраф. — Я просто ждал вас на этой неделе. А поезд каждый день приходит в одно и то же время.

— Так ты встречал нас каждый день? А как же твой магазин?

— Сейчас мало работы. — И он потянулся к багажу, желая помочь. Рука его, вся в венах,

непроизвольно тряслась. Снова прозвучал звонок, и поезд прогромыхал мимо них. Продавцы мгновенно испарились. Теперь станция стала похожа на покинутый дом — не спящий, а именно оставленный.

Но эта пустота оказалась временной. Из тени навесов и сараев выползли тощие фигуры. Одетые в тряпки и изнемогающие от голода люди спустились с платформы на рельсы и пошли по шпалам, высматривая, не осталось ли чего после ушедшего поезда, и время от времени наклонялись, подбирая объедки. Если две руки хватались за одну добычу, завязывалась драка. Дерево и гравий на тех местах, где наверху располагались туалеты, были мокрыми, дурно пахли, и над ними вились мухи. Армия оборванцев подбирала бумагу, остатки еды, пластиковые пакеты, крышки и пробки от бутылок — все это, бездумно выброшенное из поезда, представляло для них ценность. Находки они складывали в мешки из дерюги, потом снова ускользали в тень, сортировали собранное и дожидались следующего поезда.

— Выходит, город вас хорошо принял? — сказал Ашраф, когда они перешли улицу. — Вид у обоих преуспевающий.

— У тебя просто добрый взгляд, дядя, — ответил Ишвар. Вид трясущихся рук Ашрафа расстроил его. Кроме того, за время отсутствия портных дядя очень ссутулился. — Но мы и правда не жалуемся. А как вы здесь поживаете?

— Для моих лет неплохо. — Ашраф выпрямился, похлопал себя по груди, однако сутулость тут же снова вернулась. — А как ты, Ом? Ты так не хотел ехать. А сейчас посмотришь на тебя — кровь с молоком.

— Это потому что глисты ушли. — И Ом рассказал во всех подробностях, как глистогонное средство победило паразитов.

— Ты не видел дядю полтора года, а рассказываешь только о своих глистах.

— А почему нет? — сказал Ашраф. — Здоровье — важная вещь. Здесь ты никогда не найдешь такого лекарства. Еще один повод быть счастливым.

Ишвар и Ом замедлили шаги на углу рядом с гостиницей, но Ашраф потащил их дальше к своему магазину.

— Зачем тратить деньги за кровать с клопами? Оставайтесь у меня.

— Зачем вас утруждать?

— Но я настаиваю — в моем доме и проведем все

свадебные приготовления. Окажите мне честь. Последний год мне так одиноко.

— А тетя Мумтаз не будет против? — спросил Ом. — Ее надо спросить.

Улыбка исчезла с лица Ашрафа.

— Вы что, не получили мое письмо? Моя Мумтаз умерла месяцев через шесть после вашего отъезда.

— Что? — Портные остановились, уронив багаж. Чемодан с грохотом приземлился.

— Осторожней! — Ашраф наклонился, чтобы его поднять. — Но я писал вам — на адрес Наваза.

— Он нам ничего не передал, — с негодованием произнес Ом.

— Может, письмо пришло позже, когда мы перебрались в поселок.

— Он мог бы принести.

— Верно. Но кто знает, получил ли он сам письмо.

Прекратив бессмысленную череду предположений, портные бросились обнимать Ашрафа, трижды расцеловали его, чтобы утешить его и себя.

— Не получив ответа, я встревожился, — сказал Ашраф, — и подумал, что вы, наверно, очень

заняты поиском работы.

— Несмотря на занятость, мы тут же ответили бы, — заверил его Ишвар. — И сами бы приехали. Ужасно! Нам следовало присутствовать на похоронах, она была мне как мать, нам не следовало уезжать…

— Не говори глупости. Кто может знать будущее?

Они двинулись дальше, и Ашраф рассказал им о болезни, которой заболела и от которой впоследствии умерла тетя Муртаз. Когда он рассказывал о своей потере, становилось ясно, почему он каждый день встречал их на вокзале: Ашраф пытался обхитрить время, великого мучителя.

— Как странно! Когда была жива моя Муртаз, я мог весь день просидеть один — шил или читал. А она была где-то в глубине дома, всегда занятая стряпней, уборкой или чтением молитв. Но одиночество тогда не чувствовалось, время текло легко и свободно. Достаточно было просто знать, что она есть. А сейчас мне ее так не хватает. Время ненадежная вещь — когда хочешь, чтобы оно проносилось быстро, оно еле плетется. И какое переменчивое! Время может быть прочным шпагатом и связывать наши жизни в букеты лет и месяцев. Или резинкой, растягивающейся по

нашему желанию. Время может быть красивой лентой в волосах девочки. Или морщинами на коже, крадущими свежесть твоего лица и красоту волос. — Ашраф вздохнул и печально улыбнулся: — Но в конце жизни время превращается в петлю, и она медленно затягивается на твоей шее.

Ишвара переполняли тревожные эмоции — чувство вины, боль, предчувствие собственной старости, поджидающей его. Ему хотелось, чтобы дядя Ашраф знал: они никогда больше не оставят его одного, но вместо этих слов он произнес: «Мы хотели бы сходить на могилу тети Мумтаз».

Эта просьба растрогала Ашрафа.

— На следующей неделе годовщина со дня ее кончины. Мы можем пойти туда вместе. Но вы проделали такой долгий путь ради радостного события. Давайте поговорим теперь о нем.

Ашраф старался не дать печальному известию омрачить надежды друзей. Предварительные переговоры с каждой из четырех семей состоялись три дня назад.

— Некоторых поначалу смутило, что вашими делами занимается мусульманин.

— Как такое возможно? — возмутился Ишвар. — Разве они не знали, что мы одна семья?

— Сначала не знали, — ответил Ашраф. — Но те, которые были свидетелями наших многолетних отношений, объяснили им, что нет причин для беспокойства. Так что теперь договоренность достигнута. Жених, должно быть, в нетерпении. — Он шутливо ткнул Ома в живот. — Нужно немного подождать. Иншалла, все будет хорошо.

— А я не волнуюсь, — сказал Ом. — Расскажи нам, что нового в городе.

— В основном все по-старому. Вот открыли Центр планирования семьи. Но это, думаю, вам не интересно, — тихо засмеялся Ашраф. — А так ничего не изменилось — ни хорошее, ни плохое.

Когда впереди замаячила знакомая улица и вывеска ателье «Музаффар», Ом от волнения убыстрил шаги. Он вырвался вперед, здороваясь со скобянщиком, продавцом зелени, мельником, угольщиком, стоявших на пороге своих домов и радостно приветствовавших старых друзей, все желали им успеха в благом начинании.

— Скажите, когда проголодаетесь, — предупредил Ашраф портных. — Я приготовил рис и чечевицу. А также ваш любимый салат из манго.

Ом облизнулся.

— Как хорошо вернуться домой.

— Да, — согласился Ишвар. — Дина-бай — хо-

рошая женщина, мы с ней ладим, но здесь все по-другому. Это — дом. Здесь можно расслабиться. А в большом городе, выходя на улицу, я всегда настороже.

— Ты просто никак не забудешь про наши испытания. Забудь — все давно прошло.

— Какие испытания?

— Ничего особенного, — ответил Ишвар. — Потом тебе расскажем. А сейчас можно и поесть, а то рис и чечевица засохнут.

Они засиделись в мастерской допоздна. Рассказывая свою историю, Ишвар и Ом старались смягчить особенно тяжелые моменты. Портные делали это инстинктивно, желая избавить дядю Ашрафа от излишних переживаний: они видели, как он морщится от боли, слушая их рассказ.

Около полуночи Ом стал клевать носом, и Ашраф предложил всем ложиться спать.

— Я могу слушать вас всю ночь — моей старой голове много сна не надо. Но вам непременно нужно отдохнуть.

Ишвар отодвинул в сторону стулья, освободив место на полу, но Ашраф остановил его.

— Не надо стелить здесь. Есть место наверху. Пойдемте со мной.

Все трое поднялись по лестнице на второй

этаж.

— Когда-то здесь было так хорошо. Мумтаз, мои четыре дочери, два ученика. Как славно мы жили.

Ашраф достал из сундука пахнувшие нафталином одеяла и простыни.

— После замужества и отъезда дочерей моя Мумтаз все убрала сюда. Она была очень аккуратная — каждый год проветривала постельное белье и прокладывала его новыми шариками от моли.

Ом заснул сразу же, как только голова его коснулась подушки.

— Он напомнил мне тебя и Нараяна, когда вы приехали сюда еще мальчуганами, — прошептал Ашраф. — После ужина вы спустились вниз, расстелили там матрасики. И уснули быстро и спокойно, словно у себя дома. Это наполнило меня счастьем.

— Вы с тетей Мумтаз так заботились о нас, что нам казалось — мы по-прежнему живем дома. — Двое мужчин еще некоторое время предавались воспоминаниям, но потом все же выключили свет.

Ашраф решил подарить Ишвару и Ому новые рубашки.

— Сегодня днем этим займемся, — сказал он.

— Что ты, дядя! Это уж слишком!

— Вы обидите меня, если откажетесь от подарка, — запротестовал Ашраф. — Для меня женитьба Ома — важное событие. Позвольте мне сделать, что я хочу. — Новые рубашки предполагалось надеть в дни знакомств с четырьмя потенциальными невестами. Свадебный же наряд следовало позже обсудить вместе с семьей избранницы.

Ишвар сдался, но при одном условии — они с Омом помогут шить рубашки. Недопустимо, чтобы дядя трудился один за швейной машиной.

— Никому не придется шить, — сказал Ашраф. — На рынке открыли магазин готового платья. Он и похитил наших клиентов. Вы что, забыли? Из-за этого вы и уехали.

Ашраф рассказал, как постепенно от них ушли даже постоянные клиенты — еще те, которые шили одежду у его отца.

— Низкие цены, как дым в ветреный день, унесли дружбу двух поколений. Деньги — ужасное зло. Вы вовремя уехали — здесь нет будущего.

Вскоре Ом заговорил о другой причине, заставившей их покинуть город, о которой пока предпочитали молчать.

— А как там тхакур Дхарамси? Ты о нем ничего не сказал. Этот дьявол еще жив?

— Его сделали главой Центра планирования семьи.

— И чем он там занимается? Убивает младенцев, чтобы сократить население?

Его дядя и Ашраф обменялись беспокойными взглядами.

— Думаю, наши люди должны объединиться и убить эту собаку.

— Не говори глупости, Омпракаш, — остановил его Ишвар. Приглушенный временем гнев племянника готов был вновь вспыхнуть, и это пугало Ишвара.

Ашраф взял Ома за руку.

— Мой мальчик, этот дьявол очень силен. С введением чрезвычайного положения его влияние вышло за пределы деревни и достигло наших мест. Он большой человек в партии «Прогресс», ему прочат пост министра после следующих выборов. Теперь он хочет выглядеть респектабельным членом общества и не связывается с криминалом. Если ему надо кому-то навредить, он не зовет бандитов, а просто дает поручение полиции. Те хватают несчастного, избивают его, а потом выбрасывают на улицу.

— Зачем мы тратим время, разговаривая об этом негодяе? — сердито проговорил Ишвар. — Мы здесь по радостному поводу, нам нет до него дела. Пусть Всевышний решает его судьбу.

— Золотые слова, — согласился Ашраф. — А сейчас пойдем покупать рубашки. — Он повесил на дверь вывеску, что мастерская откроется в шесть. — Можно было и не вешать — все равно никто не придет. — Ему никак не удавалось закрыть металлическую решетку, и Ом поспешил на помощь. Решетку заедало, приходилось отводить ее назад, трясти ее и снова двигать вперед.

— Ее надо смазать, — задыхаясь, проговорил Ашраф. — Как и мои старые кости.

К рынку они шли по грязной дороге, ступая по затвердевшей сухой земле, мимо складов с зерном и лачуг работников. Сандалии их похрустывали, поднимая пыль.

— У вас в городе были дожди?

— Еще какие! — ответил Ишвар. — Несколько раз заливало улицы. А у вас?

— Почти не было. Над нами дьявол раскрыл зонтик. Надеюсь, хоть теперь наконец его закроет.

Путь на рынок проходил мимо нового Центра планирования семьи, и Ом, замедлив шаг, заглянул туда.

— Так, ты говоришь, тхакур Дхарамси здесь главный?

— Да. И Центр приносит ему большую прибыль.

— Как это? Мне казалось, правительство платит тем, кто соглашается на операцию.

— Разбойник кладет все деньги себе в карман. Крестьяне тут беспомощны. Будешь жаловаться — только навлечешь беду на свою голову. Когда тхакур шлет отряд на поиски добровольцев, несчастные крестьяне или их жены покорно идут на операцию.

— Рама Всемогущий! Если такой дьявол процветает, значит, мир вступил во мрак Кали-юга.

— И вы мне затыкаете рот, — презрительно заявил Ом. — Убить эту тварь — самый разумный способ покончить с Кали-юга.

— Успокойся, мальчик мой, — сказал Ашраф. — Тот, кто плюет паном в потолок, от него же и ослепнет. Наказание обязательно настигнет негодяя — не в этом мире, так в следующем.

Ом закатил глаза.

— Это утешает. И сколько же денег он имеет с этого места? Премии за операции не очень большие.

— Но это не единственный его источник. Когда

клиентов доставляют в клинику, он ими торгует.

— Что это значит?

— Государственным служащим тоже надо участвовать в акции. Если они не отчитаются за назначенную квоту, им срезают жалованье. Поэтому тхакур приглашает в больницы учителей, менеджеров по развитию бизнеса, сборщиков налогов, санинспекторов. Всех, кто готов заплатить, чтобы откупиться от операции за счет крестьян. Тот, кто предложит цену больше, сразу регистрируется как прошедший лечение.

Ишвар горестно покачал головой.

— Давайте уйдем отсюда. — И он закрыл руками уши. — Не хочу больше слышать об этом.

— Не могу упрекать тебя за это, — сказал Ашраф. — Слышать такое — все равно что пить яд. Я чувствую себя отравленным. И каждый день молюсь, чтобы темные тучи развеялись над нами, чтобы вернулась справедливость в нашу заблудившуюся страну.

Когда они уже отходили от Центра, в дверях появился один из сотрудников.

— Пожалуйста, заходите, — пригласил он. — Никакой очереди, дежурит доктор, и мы можем провести операцию прямо сейчас.

— Прочь руки от моего мужского достоин-

ства, — сказал Ом.

Сотрудник стал устало объяснять, что после вазэктомии человек не перестает быть мужчиной, что все это пустые слухи — врач даже не прикасается к самому органу.

— Все в порядке, — сказал Ашраф. — Мы знаем. Молодой человек просто пошутил. — Портной дружелюбно помахал сотруднику, и мужчины продолжили путь.

Рядом с магазином, под навесом, на проволочных вешалках развевались комплекты — рубашка и брюки, похожие на безголовые пугала. Основной товар лежал в картонных коробках на полках. Узнав размеры портных, продавец извлек несколько рубашек. Ом скривился.

— Вам не нравится?

Ом покачал головой. Отодвинув в сторону коробки, продавец показал им другие фасоны и с беспокойством следил за покупателями.

— Вот эта неплохая, — сказал Ишвар, жалея работника. Он осмотрел клетчатую рубашку с коротким рукавом. — У Манека есть такая.

— Но взгляни, как плохо пришиты пуговицы, — возразил Ом. — Одна стирка — и поминай как звали.

— Если понравилась рубашка — бери, — сказал

Ашраф. — Пуговицы я закреплю.

— Позвольте, я еще вам покажу, — предложил продавец. — В этой коробке рубашки по специальным выкройкам — лучшие из коллекции «Либерти Гармент». — Он разложил на прилавке с полдюжины рубашек. — Сейчас в моде полоски.

Ом вытащил из прозрачного пластикового пакета голубую рубашку в темно-синюю полоску.

— Посмотрите, — произнес он с отвращением, разворачивая рубашку. — Карман пришит криво, полоски не подогнаны одна к другой.

— Вы правы, — согласился продавец, раскрывая другие коробки. — Но я не шью одежду, а только продаю. Что поделать? Никто теперь не гордится хорошей работой.

— Верно, — поддержал его Ишвар. — Такое теперь повсюду.

Так, поругивая нынешние времена, они все же нашли подходящие рубашки. Продавец аккуратно сложил их в прежнем порядке и снова засунул в прозрачный пакет. Целлофан громко шелестел. Иллюзия ценности и хорошего качества была соблюдена, а бечевка и оберточная бумага надежно оберегали покупку. Продавец откусил нужный кусок бечевки от большой катушки.

— Приходите еще! Буду рад обслужить вас.

— Спасибо, — сказал Ашраф.

Стоя на улице, они обсуждали, что делать дальше.

— Можно походить по базару, — предложил Ом, — вдруг встретим знакомых.

— У меня план лучше, — сказал Ашраф. — Базарный день завтра. Пойдем утром. Все из деревни съедутся, встретите много друзей.

— Отличная мысль, — поддержал его Ишвар. — А сейчас позвольте перед возвращением домой угостить вас паном.

— Надеюсь, вы не привыкли к нему? — неодобрительно спросил Ашраф.

— Нет, нет. Просто сегодня особый день — мы так давно не виделись.

Возвращаясь в ателье «Музаффар» и дожевывая смесь из ореха бетель и табака, они снова прошли мимо Центра планирования семьи. Там Ашраф сплюнул в канаву и указал на припаркованный автомобиль.

— Это новая машина тхакура Дхарамси. Он, должно быть, внутри, подсчитывает свои жертвы.

Ишвар сразу повлек спутников на другую сторону улицы.

— Куда ты бежишь? — сказал Ом. — Мы не

должны бояться этой собаки.

— От греха подальше.

— И то верно, — согласился Ашраф. — Зачем лезть на рожон!

Как раз в эту минуту тхакур Дхарамси вышел из здания, и Ом бесстрашно направился к нему навстречу. Ишвар попытался оттащить юношу назад, но кожаные подошвы сандалий Ома заскользили по тротуару. Ом почувствовал себя дураком. Дядя добился своего, а его смелое поведение обернулось унижением перед тхакуром.

Ом сплюнул.

Жвачка красной аркой пролетела несколько футов и смачно шлепнулась между ним и тхакуром. Тот остановился. Сопровождавшие его два телохранителя ждали приказаний. Бывшие поблизости люди молниеносно скрылись из виду, боясь стать свидетелями того, что могло произойти.

— Я знаю, кто ты, — тихо сказал тхакур, забрался в машину, захлопнул дверцу и отъехал.

На пути домой испуганный Ишвар дал волю своему гневу.

— Ты сошел с ума! Безумец! Если жить не хочешь, выпей лучше крысиный яд. Ты приехал на свадьбу или на похороны?

— На мою свадьбу и на похороны тхакура.

— Перестань умничать! Тебе стоит влепить пощечину!

— Не задержи ты меня, я плюнул бы ему прямо в лицо.

Ишвар уже замахнулся, чтобы ударить племянника, но Ашраф остановил его.

— Что сделано, то сделано. Но с этих пор надо избегать этого дьявола.

— Я его не боюсь, — заявил Ом.

— Конечно, не боишься. Просто нам не нужны неприятности перед свадебными приготовлениями. Нельзя, чтобы тень тхакура омрачила нашу радость.

Слова Ашрафа смягчали, словно бальзам, боль Ишвара. Но время от времени ужас вновь охватывал его, и тогда он взрывался, возмущаясь неразумностью племянника.

— В душе герой, а мозгов — ноль. А я еще, дурень, купил тебе пан. Как тебя называла Дина-бай? Ослом с дурным характером? Где твое чувство юмора, где шутки? Без Манека ты разучился смеяться, радоваться жизни.

— Взял бы его с собой, если он так тебе нравится? Я бы остался дома.

— Какие глупости ты говоришь. Мы приехали

всего на несколько дней. Скоро вернемся на работу. Неужели трудно вести себя нормально такое короткое время?

— То же самое ты говорил в городе. Что мы там будем недолго и скоро вернемся в родные места.

— Вот как? Разве я виноват, что в городе так трудно скопить деньги?

Вскоре они прекратили препираться: дядя Ашраф мог понять из перепалки, сколько всего им пришлось пережить, а они его берегли.

На рынке утром было больше шума, чем обычно, потому что Центр планирования семьи рекламировал свою деятельность, расположившись в одной из палаток, и громкоговорители работали на полную мощность. Над дорогой были натянуты транспаранты, предлагавшие принять участие в акции. Повсюду были обычные приметы ярмарок — воздушные шарики, цветы, мыльные пузыри, цветные фонарики, праздничные закуски, предназначенные для привлечения сюда горожан и приезжих из деревень. Песни из кинофильмов прерывали частые объявления о необходимости национального контроля за рождаемостью. А также обещания процветания и счастья для тех, кто пойдет на стерилизацию, и щедрого вознаграждения за вазэктомию и туб-

эктомию.

— А где проводятся операции? — заинтересовался Ом. — Прямо здесь?

— А зачем тебе? Ты хочешь посмотреть или что?

Ашраф сказал, что у Центра есть палатки за городом.

— Здесь подрежут, тут убавят, несколько стежков — и делу конец.

— Похоже на работу портных.

— Но мы, портные, гордимся своим трудом. Мы с бóльшим уважением относимся к тканям, чем эти чудовища — к людям. То, что они делают, — национальный позор.

Недалеко от палатки мужчина продавал средства от импотенции и бесплодия.

— А около этого мошенника толчется народу больше, чем у Центра, — сказал Ишвар.

Зачесанные назад черные лоснящиеся волосы окружали ореолом лицо мужчины, на плечи была наброшена звериная шкура, оставляя грудь голой. Крепкий ремень перетягивал правое плечо, отчего вены вздулись по всей руке, создавая иллюзию силы. Он хвастливо выставлял напоказ огромные, тугие мускулы — как бы иллюстрацию к половой мощи.

На циновке перед ним стояло несколько кувшинов, наполненных травами и измельченной корой. И чтобы люди не приняли его за обычного аптекаря, торгующего на открытом воздухе, мужчина разложил вокруг себя мертвых ящериц и змей, наполнив экспозицию природной витальностью, наэлектризованностью рептилий. В углу стоял человеческий череп, а в центре циновки находилась голова медведя с огромными, мерцающими глазами и широко раскрытой пастью. Этот трофей изрядно поистерся в разных передрягах, потерял два зуба и теперь на их месте стояли маленькие деревянные конусы, выкрашенные в белый цвет. Эти смешные зубки не сочетались со свирепым выражением медвежьих глаз, от чего создавалось впечатление клоунады.

Продавец указывал палочкой на карточки с перечислением симптомов и лекарственных снадобий и на диаграммы, похожие на чертежи электрических цепей. Посредине рассказа он ухватил край своего дхоти и стал поднимать — сначала открыв икры, потом колени и наконец мускулистые бедра. Его бронзовая кожа сверкала на солнце. В отличие от волосатой груди, ноги мужчины были совершенно лишены волосяного покрова. Затем, чтобы наглядно подкрепить

сказанное, он несколько раз шлепнул себя по упругим бедрам. Звук был четкий и сильный, словно хлопок ладоней.

Его метод заключался в чередовании вопросов и ответов: «У тебя есть трудности в зачатии ребенка? Твой член не хочет вставать? Или спит и не желает просыпаться?» — На этих словах палочка продавца безутешно сникала. — «Не бойся, лечение есть! Он станет подниматься, как солдат по приказу! Раз, два, три — оп!» — И палочка взмывала вверх.

В толпе кто-то хихикал, кто-то хохотал во весь голос, были и такие, что презрительно морщились.

— А может, он встает, но недостаточно? Гнется? Налево — как марксистско-ленинская партия? Или направо — как фашисты Сангха? Или болтается посредине, как партия Конгресса. Не бойтесь — все поправимо! Он никак не твердеет, сколько его не три и не массируй? Нанеси мою мазь, и он станет жестким, как сердце у власти! С этой волшебной мазью, сделанной из органов животных, исчезнут все твои трудности! Она превратит всех мужчин в машинистов! Пунктуальных, как поезда при чрезвычайном положении! Вперед-назад, ты будешь работать как поршень каждую ночь!

Рельсы запросят пощады! Наноси эту мазь раз в день, и твоя жена будет гордиться тобой! А если будешь наносить дважды, она поделится тобой со всем кварталом!

Последняя фраза вызвала громовой хохот у всех молодых мужчин. Женщины прятали улыбки, прикрываясь ладошками, у некоторых смех все же вырывался, если им не удавалось совладать с собой. Угрюмые блюстители нравственности с видимым отвращением уходили.

Продавец взял в руки оскалившийся череп и поднял его над головой.

— Если б я натер моей мазью голову этого парня, он тоже стал бы резвиться. Но я не осмелюсь делать это при дамах — боюсь за их добродетель. — Толпа радостно зааплодировала.

Мужчина еще долго развивал эту тему, а потом перешел к женским проблемам. Теперь он выступал адептом плодовитости.

— Ты печальна, потому что у соседки больше детей, чем у тебя? Тебе нужны лишние руки, которые помогали бы в бесконечных полевых работах, носили воду, заготавливали дрова? Тебя тревожит старость — кто позаботится о тебе, беспомощной, ведь у тебя нет сына? Не бойся! От этого напитка у тебя родятся сильные дети! Одна

ложка в день, и ты подаришь мужу шестерых сыновей! Две ложки, и твое чрево родит армию!

Хотя около продавца толпилось много народа, но собственно покупателей было мало. Большинство откровенно развлекались. Кроме того, купить на людях снадобье означало признать свою мужскую несостоятельность. Покупки совершались после окончания представления, когда отходили любители развлечений.

— Собираешься что-то здесь купить? — Ишвар насмешливо ткнул пальцем в бок Ома, который с мрачным видом внимал продавцу.

— Мне такая ерунда не требуется.

— Конечно, не требуется, — согласился Ашраф, обнимая Ома за плечи. — Иншалла, сынки и дочки появятся в срок.

Они ходили по базару, пока не нашли прилавки чамаров.

— Будем стоять и молчать, — сказал Ом. — Посмотрим, скоро ли они нас узнают.

Мужчины притворились, что рассматривают сандалии, бурдюки, кошельки, пояса, ремни для правки бритв, упряжь. Крепкий запах выделанной кожи витал в воздухе, вызывая забытые воспоминания. Потом кто-то из деревенских признал их.

Изданный вопль восторга подхватили остальные. Портных приветствовали с воодушевлением. Их обступили, и пошли разговоры. Каждому хотелось что-то рассказать, о чем-то расспросить.

Ишвар и Ом узнали от крестьян, что Гамбхир, закадычный друг Дукхи, которому в свое время залили в уши расплавленный свинец, недавно умер. Несмотря на то что уши его не переставали болеть, умер он от заражения крови, порезав ногу ржавой косой. Амба, Пьяри, Падма и Савитри, уже старухи, были живы. Они больше всех помнили семью портных и часто рассказывали, как ездили на автобусе с Рупой, Дукхи и многими другими на смотрины невесты Нараяна.

Отдав дань усопшим и поговорив о стариках, заговорили о текущих делах. Новости о предстоящих смотринах невест для Ома быстро распространились среди чамаров. Двое мужчин усадили Ома на плечи, чествуя как героя, словно свадьба уже состоялась. Не было человека, который не поздравил бы юношу. Ом был очень смущен и в первый раз не нашелся, что ответить, зато его дядя так и светился от счастья и всех благодарил.

Для тех, кто знал отца Ома, это событие было

особенно значительным. Они радовались, что линия Нараяна, замечательного тем, что он выбился из чамаров в портные и пошел против представителей высших каст, не прервется.

— Мы возносили молитвы, чтобы его сын когда-нибудь вернулся на родину, — говорили они, — и наши молитвы услышаны. Ом должен продолжить дело отца. И внуки тоже.

Ишвар понимал, что необдуманные пожелания односельчан могут принести только вред. У него еще не прошел страх, вызванный вчерашним глупым поведением Ома при встрече с тхакуром Дхарамси. Он резко охладил пыл доброжелателей.

— В ближайшее время мы не вернемся. У нас хорошая работа в городе. Омпракаша там ждет замечательное будущее.

Чамары вспомнили то время, когда Ишвар и его брат впервые уехали из деревни и поступили учениками в «Музаффар». Они рассказывали Ому, каким замечательным портным был его отец, и Ашраф, гордый своим учеником, согласно кивал.

— Он творил чудеса, — говорили крестьяне. — Выброшенные обноски жирного землевладельца он с помощью швейной машины и своего мастер-

ства превращал в новенькую одежду для нас. А из наших лохмотьев шил костюмы, достойные короля. Такого человека никогда больше не будет. Такого щедрого, такого смелого.

Ишвар еще раз сменил тему, беспокоясь об эффекте, который могли произвести на племянника эти слова.

— С тех пор как мы приехали, дядя Ашраф только и делает, что предается воспоминаниям. Расскажите что-нибудь о том, что сейчас происходит.

Так Ишвар и Ом узнали, что речка пересохла, а в ее русле обнаружили округлый камень, обладающий целебными свойствами. А в соседней деревне, когда скончался медитировавший под деревом садху, на коре дерева появилось изображение божества Ганеша[139]. В другом месте во время религиозной процессии один человек впал в транс и объявил, что женщина из бхилов[140] — ведьма, и все беды общины из-за нее. Женщину забили до смерти, и все стали ждать лучших времен, но ничего, к сожалению, не изменилось.

Не дожидаясь, когда беседа опять откатится к

---

[139] Примечания: 139
Ганеша — бог мудрости и благополучия в индуизме.

[140] Примечания: 140
Бхилы — народность в Центральной Индии, имеет свой язык.

прошлым событиям, Ишвар сказал:

— Если все пойдет хорошо, ждем вас на свадьбу. — И чамары проводили портных радостным смехом и одобрительными восклицаниями.

Мужчины прошли в овощной отсек рынка, где Ишвар купил горох, кориандр, шпинат и лук.

— Сегодня приготовлю еду я.

— И специалист по чапати тоже порадует нас своим искусством, — сказал Ашраф, снова обнимая Ома. Ему приходилось сдерживаться, чтобы постоянно не трогать и не обнимать этих двух мужчин, один из которых был ему как сын, а другой — как внук. Он гнал от себя мысли о неминуемом расставании после окончания торжеств, связанных со свадьбой.

— Зайдем еще в один магазин — и домой, — сказал Ишвар. В лавке с религиозными товарами он купил дорогие четки. — Небольшой подарок от нас, — прибавил он. — Надеемся, они понадобятся тебе еще долгие годы.

— Иншалла, — поблагодарил их Ашраф и поцеловал янтарные четки. — Вы выбрали правильный подарок для меня.

— Это я придумал, — не выдержал Ом. — Мы заметили, что ты стал чаще молиться.

— Предчувствие смерти и старость подталки-

вают к этому всех. — Ашраф остановил продавца, который свертывал из газеты пакетик для четок. — В этом нет необходимости, — сказал он и намотал на пальцы бесценный подарок.

Рядом продавец сладостей зазывал покупателей: «Сладкая вата! Сладкая вата!»

— Возьму, пожалуй, одну, — сказал Ом.

— Бери больше, бери две! — Его латунный колокольчик звякнул.

Ишвар поднял один палец, и продавец включил аппарат.

Мужчины смотрели, как в середине что-то зажужжало, выбрасывая розовые клочки, а продавец запустил в контейнер палочку, наматывая на нее пушистую сладость. Когда шар достиг размера человеческой головы, он выключил автомат.

— Вы хоть знаете, как это работает? — спросил Ашраф. — Внутри сидит большой паук, который ест сахар и розовую краску. По команде продавца он начинает плести паутину.

— Точно, — сказал Ом и ласково провел по подбородку старика, коснувшись его шелковистой седой бороды. — Ты свой йогурт тоже так делаешь?

Был почти полдень. Пустые грузовики, про-

ехав с грохотом по главной улице, парковались у базарной площади. Никто не обращал на них внимания. В этот день недели движение было особенно оживленным.

— Хотите попробовать? — предложил Ом, протягивая вату.

Ишвар отказался. Но Ашраф решился и смело преодолел препятствие в виде усов. Отдельные кусочки все же застряли — розовые на белом, и это рассмешило Ома. Он подвел Ашрафа к витрине магазина, где продавали сари, и указал на испачканную бороду.

— Красиво смотрится, дядя. Можешь создать новый стиль.

— Теперь ты понимаешь, почему это называется «вата», — сказал Ашраф, вытаскивая сладкие нити из усов.

Ишвар с удовольствием наблюдал эту сцену и счастливо улыбался. «Несмотря ни на что, жизнь — хорошая штука», — подумал он. Разве можно жаловаться на жизнь, когда их с Омом судьба наградила дружбой с такими людьми, как дядя Ашраф, Дина-бай и Манек.

К площади подъехали еще грузовики, они заняли все подъезды к базару. Это были закрытые мусоровозы с откидывающимся задним бортом.

— Что это они так рано приехали? — удивился Ашраф. — Торговля на рынке еще не скоро закончится — уборка территории начнется ближе к вечеру.

— Может, шоферам надо тоже что-то купить.

Неожиданно взревели сирены, и к площади подкатили полицейские автофургоны. Толпа расступилась. Машины остановились в центре площади, и из них попрыгали полицейские, которые заняли позиции по всей площади.

— Отряд полицейских на рынке? — недоверчиво спросил Ишвар.

— Что-то случилось, — ответил Ашраф.

Покупатели растерянно наблюдали за происходящим, но тут полицейские двинулись вперед и стали хватать людей. Ничего не понимающие задержанные сопротивлялись и кричали: «Сначала объясните нам! В чем мы виноваты? Вы не имеете права — вот так хватать людей! Сегодня базарный день, мы можем здесь находиться!»

Полицейские все так же молча и безжалостно продолжали делать свое дело. Тех, кто оказывал сопротивление, хлестали бамбуковыми палками. Рынок охватила паника, люди толкали друг друга, молили о пощаде или дрались с полицейскими, стремясь пробиться сквозь кордон. Но

площадь была надежно оцеплена. Тех, кто пытался выбраться из ограждения, загоняли обратно в руки полиции.

Все крушили вокруг — палатки и прилавки, опрокидывали корзины, разносили ящики. За считаные секунды площадь усеяли помидоры, лук, глиняные горшки, мука, шпинат, кориандр, чили — оранжевые, белые и зеленые пятна, все это было скинуто со стоящих прежде ровными рядами прилавков и хаотично разбросано вокруг. Чучело медведя перевернули вверх ногами, при этом он потерял еще несколько зубов, а дохлые ящерицы и змеи пережили вторую смерть. Крики людей перебивала музыка из Центра планирования.

— Идите быстро за мной, — сказал Ашраф. — Я знаю, где укрыться. — Он подвел их ко входу в магазин торговца текстилем, который иногда посылал потенциальных клиентов в «Музаффар». Магазин был закрыт, и Ашраф позвонил в дверь. Никто не отвечал.

— Не беспокойтесь. Постоим здесь, пока все не успокоится. Наверное, полиция ищет в толпе преступников.

Но полицейские хватали всех подряд. Стариков, молодых людей, женщин с детьми — всех тащили

в грузовики. Мало кому удавалось ускользнуть, большинство из бывших на рынке людей загнали, как кур в курятник. Им ничего не оставалось делать, как ждать, чтобы кто-то разобрался в этом деле.

— Взгляните, — сказал Ашраф, — в этом углу стоит только один сержант. Если быстро побежать, можно проскочить.

— А как же ты?

— Меня не тронут. Встретимся позже в магазине.

— Мы не сделали ничего плохого, — сказал Ишвар, отказываясь оставить дядю одного. — Нечего нам убегать, как воришкам.

Они смотрели с крыльца, как полицейские продолжают отлавливать людей, мечущихся среди рассыпавшихся фруктов, зерна и разбитого стекла. Кто-то споткнулся, упал на осколки и поранил лицо. Полицейский потерял к упавшему интерес и вцепился в новую жертву.

— О, Рама Всемогущий! — воскликнул Ишвар. — У него течет кровь. А его бросили. Что творится?

— Не удивлюсь, если за всем этим стоит дьявол Дхарамси, — сказал Ашраф. — Это его мусоровозы.

Грузовики наполнились, число людей на пло-

щади изрядно сократилось. Полицейским стало труднее ловить оставшихся. Вскоре к портным подошли шестеро стражей порядка.

— Эй, вы трое! Быстрей в грузовик!

— Но почему, господин полицейский?

— Без разговоров! А ну, поторапливайтесь! — Один полицейский замахнулся палкой.

Ашраф закрыл лицо руками. Полицейский сдернул четки с его пальцев, и бусины покатились по земле.

— Ой! — крикнули хором двое остальных, поскользнувшись на скользких бусинах. Увидев падение товарищей, полицейский гневно хлестнул старика палкой.

Ашраф со стоном медленно осел на землю.

— Оставьте его, пожалуйста, это ошибка, — взмолился Ишвар. Они с Омом опустились на колени, бережно придерживая голову Ашрафа.

— Встать, — приказал полицейский. — С ним все в порядке — одно притворство. Я легонько его ударил.

— Но у него кровь из головы идет.

— Просто ссадина. А ну-ка двигайтесь! Залезайте в грузовик.

Портные не обратили внимание на приказ полицейского, всецело занятые Ашрафом. Тогда

полицейский с силой пнул каждого в живот. Мужчины застонали и ухватились за ребра. Полицейский снова занес ногу, и тогда портные встали. Он толкал их к грузовику.

— А как же дядя Ашраф? — воскликнул Ишвар. — Вы что, оставите его лежать на тротуаре?

— Не повышай на меня голос. Я тебе не слуга. А то сейчас схлопочешь по морде!

— Простите, господин полицейский, пожалуйста, простите! Но дяде плохо, я хочу помочь ему.

Полицейский повернулся и посмотрел на несчастного старика. Кровь стекала по редким седым волосам и медленно капала на край тротуара. Но у полицейских была инструкция — потерявших сознание с собой не брать.

— О нем позаботятся другие — это не ваша забота, — сказал он и впихнул портных в грузовик.

К брошенной Омом вате подошла собака и принюхалась. Липкая паутина приклеилась к собачьей морде. Животное стало испуганно сдирать розовое вещество лапой, что очень рассмешило ребенка в грузовике, сидящего на коленях у матери. Грузовики были полностью заполнены, и полицейские прекратили облаву. Оставшиеся на площади люди неожиданно обрели свободу.

Стерилизационный лагерь находился недалеко от города. С десяток палаток были разбиты на краю поля, кое-где там торчала солома — следы недавно собранного урожая. Приезд мусоровозов приветствовался такими же транспарантами, шарами и песнями, какие были и на базаре. Когда грузовики остановились на открытом поле между палатками и полевым госпиталем с дизель-генератором испуганный вой людей внутри заметно усилился.

Две палатки были больше и крепче остальных, к ним от генератора тянулись электрические кабели. Рядом с натянутым брезентом стояли красные газовые баллоны. Внутри палаток стояли офисные столы, покрытые синтетическими простынями, они предназначались для операций.

Главный военный врач лагеря поморщился от вони, идущей от мусоровозов. В них въелся едкий запах от обычного груза.

— Подождите минут десять, пока мы допьем чай, — сказал он полицейским. — А потом приводите каждый раз четверых — двух мужчин и двух женщин. — Он понимал, что с этим количеством оперирующие доктора справятся, а если брать больше, может начаться паника.

— А нам никто чаю не предлагает, — пожало-

вался полицейский коллегам. — И эта дурацкая музыка совсем задолбала. Гоняют одну песню снова и снова.

Через полчаса полицейские получили «добро» на начало действий. Из ближайшего грузовика вытащили четверых и поволокли их, вопящих, к двум главным палаткам и — дальше, к операционным столам.

— Не сопротивляйтесь, — сказал врач. — Если нож в моей руке дрогнет, — вам будет хуже. — Испуганные люди молча повиновались.

Полицейские внимательно следили за тем, что происходит в палатках, стремясь не срывать график поступлений новеньких на операцию. Но некоторые полицейские не умели читать и создавали путаницу, направляя, например, женщин на вазэктомию. Это было объяснимо: обе палатки были одинаковые, медицинский персонал в белых халатах — тоже, а названия были написаны от руки.

— Мужчины — налево, женщины — направо, — постоянно напоминали врачи. Их раздражение росло, они подозревали, что путаница создается нарочно — может, это своеобразный полицейский юмор. Наконец ассистент подправил объявления. Черным маркером он нарисовал

на них фигурки — вроде тех, что изображены на общественных туалетах. На голове мужчины тюрбан, женщины в сари и с длинной косой. Теперь спутать палатки было трудно, и полицейские могли работать четко.

В процессе стерилизации одна женщина пыталась урезонить врача: «Я старуха. Лоно мое пусто, в нем нет больше яиц. Зачем тратить на меня время?»

Врач подошел к представителю власти, подсчитывающему число проведенных операций.

— Эта женщина уже не детородного возраста, — сказал он. — Ее можно вычеркнуть.

— У вас есть медицинское заключение?

— Конечно, нет, — ответил врач. — Здесь нет необходимого оборудования, чтобы это засвидетельствовать.

— Тогда оперируйте! Эти люди иногда врут про возраст. И внешность у них обманчивая. Жизнь их такая, что в тридцать они выглядят на шестьдесят — усыхают на солнце.

Через два часа после начала работы к полицейским прибежала медсестра:

— Пожалуйста, не посылайте пока к нам женщин. В нашей палатке возникла техническая проблема.

Пожилой человек, воспользовавшись ситуацией, обратился к медсестре:

— Прошу вас, — с плачем просил он, — прооперируйте меня, у меня уже трое детей. Но не трогайте сына, ему всего шестнадцать. Он еще не женат. Пожалейте его!

— Я ничего не решаю, поговорите с доктором, — ответила медсестра и заторопилась обратно в палатку — справляться с технической проблемой. Сломался автоклав, и ей приходилось самой кипятить воду для дезинфекции инструментов.

— Вот видишь, я прав, — шепнул Ишвар Ому, обнимая его трясущимися руками. — Доктор отпустит тебя, слышал, что говорила медсестра. Нужно просто сказать ему, что у тебя еще нет детей.

В грузовике рядом с портными сидела женщина, она спокойно кормила ребенка, не обращая внимания на суету и волнения вокруг. Женщина тихо напевала песенку и покачивала, убаюкивая, ребенка.

— Подержите его на руках, когда подойдет моя очередь? — попросила она Ишвара.

— Конечно, не волнуйся, сестра.

— Да я не волнуюсь. Я жду операции. У меня уже пять детей, и муж не хочет на этом останавли-

ваться. Но теперь у него нет выбора — так решило правительство. — И женщина снова запела:

— Баю-бай, спи мой маленький Нараян…

Наконец подошла ее очередь, и женщина отняла ребенка от груди. Малыш отпустил набухший сосок, издавший нежный хлопок. Ом смотрел, как женщина прикрывает грудь холи. Ишвар с готовностью взял на руки ребенка. Мать еще не успела ступить на землю, как малыш заплакал.

Ишвар кивнул женщине, как бы говоря, что все будет хорошо, нежно покачивая ребенка. А Ом в это время строил смешные рожи, чтобы его развлечь. Потом Ишвар стал напевать, подражая материнской песне: «Баю-бай, спи мой маленький Нараян».

Ребенок перестал плакать. Портные обменялись торжествующим взглядом. Через несколько минут по лицу Ишвара покатились слезы. Ом отвернулся — он знал причину этих слез.

Из-за помех с оборудованием работа шла медленно и затянулась дольше шести часов вечера — обычного конца операционного дня. Второй автоклав тоже сломался. Около семи часов приехал старший администратор из Центра с личным ассистентом.

Полицейские шаркнули ногами и стояли как

вкопанные пока администратор осматривал лагерь. Администратор, увидев, как много еще народу в грузовиках, выразил недовольство. Затем подошел к врачам, стоящим у газовых горелок и дожидавшимся, когда закипит вода, и высказал все, что о них думал.

— Хватит зря тратить время! — рявкнул он, не отвечая на приветствие. — Похоже, вы утратили чувство долга! Там еще несколько десятков людей ждут операции. Чай может приготовить и слуга.

— Воду мы кипятим не для чая. Нужно стерилизовать инструменты. Автоклав не работает.

— Инструменты и так чистые. Сколько еще вы собираетесь кипятить воду? Главное в нашей программе — рациональность, цели должны сообразовываться со средствами. Кто заплатит за весь этот газ? — Администратор пригрозил доложить обо всем высшему руководству — тогда им не стоит ждать продвижений по службе, да и жалованье понизят.

Врачи продолжили работу с частично обработанными инструментами. Они слышали, как в такой же ситуации пострадали их коллеги.

Администратор еще некоторое время находился в палатке, проверил, сколько времени тратится на одну операцию, и сказал, что надо

процесс ускорить.

— Слишком медленно идет дело, — сказал он личному ассистенту. — Обычное чик-чик здесь превращают в нечто грандиозное.

Перед отъездом он прибег к самому вескому аргументу:

— Запомните, сам тхакур Дхарамси приедет сегодня проверить вашу работу. Не будет доволен — считайте, что вы уволены.

— Да, сэр, — ответили хором врачи.

Довольный ответом, администратор направился в другие палатки. Личный ассистент все время находился рядом, словно переводчик, а его лицо как бы служило живой иллюстрацией к словам начальника.

— Нужно держать докторов в узде, — сказал ему администратор. — Если дать им право самим бороться с угрозой перенаселения, нация задохнется, погибнет — настанет конец нашей цивилизации. Нам предназначено следить, чтобы война была выиграна.

— Да, сэр, вы абсолютно правы, сэр, — сказал ассистент, польщенный, что начальник поделился с ним мудрым выводом.

Солнце уже заходило за горизонт, когда подошла очередь портных. Ишвар умоляюще сказал

полицейскому, цепко державшему его за руку:

— Господин полицейский, произошла ошибка. Мы не местные, мы приехали из большого города — мой племянник собирается жениться.

— Я ничего не могу сделать. — И полицейский прибавил шаг.

Ишвар еле поспевал за ним, боясь, что иначе его поволокут.

— Я могу поговорить с начальником? — спросил он задыхаясь.

— Здесь доктор начальник.

Уже в палатке Ишвар робко обратился к врачу:

— Господин доктор, произошла ошибка. Мы здесь не живем.

Измученный мужчина ничего не ответил.

— Господин доктор, вы как отец родной нам, бедным людям. От вас зависит наше здоровье. Я тоже считаю, что планирование рождаемости важно для страны. Я не собираюсь жениться, господин доктор, сделайте мне операцию. Я буду вам благодарен, но не трогайте моего племянника, его зовут Омпракаш и у него скоро свадьба. Пожалуйста, выслушайте меня, господин доктор, прошу вас.

Портных швырнули на столы и стянули с них штаны. Ишвар заплакал.

— Пожалуйста, доктор! Только не режьте племянника. Лучше мне все отрежьте. А племянника не трогайте! У него скоро свадьба.

Ом молчал, подавляя в себе унизительные просьбы о пощаде. Ему хотелось, чтобы дядя вел себя более достойно. Ветер слегка шевелил брезентовый потолок. Ом оцепенело слушал, как поскрипывают натяжные канаты, и смотрел на качающиеся лампочки.

Уже стемнело, когда медсестры помогли портным сойти со столов.

— Ой! — воскликнул Ом. — Больно!

— Еще несколько часов боль будет ощущаться — это нормально, — сказал врач.

Их повели, хромающих, по темному полю в послеоперационную палатку.

— А зачем нас здесь держат? — спросил Ишвар. — Разве нельзя идти домой?

— Можно, — сказала медсестра. — Но лучше немного отдохнуть.

Через несколько шагов боль усилилась, портные решили последовать совету сестры и легли на соломенные матрасы. Никто не обращал внимания на слезы Ишвара — горе и слезы были здесь обычным делом. Им дали воды и по два печенья.

— Все кончено, — плакал Ишвар, отдавая свои печенья Ому. — Теперь ни одна семья не отдаст нам свою дочь.

— Наплевать!

— Глупый мальчишка! Ничего ты не понимаешь! Я подвел твоего отца! Наш род оборвется. Это конец всему, все погибло!

— Может, для тебя погибло. Но у меня есть достоинство. Я не стану плакать, как малый ребенок.

Лежащий на соседнем тюфяке мужчина внимательно прислушивался к их разговору. Приподнявшись на локте, он сказал:

— Не плачь, брат! Я слышал, что эта операция обратима.

— Как это возможно? После того, как подрезали яички?

— Говорю, брат, возможно. Специалисты в больших городах могут все восстановить.

— Ты уверен?

— Абсолютно. Только это стоит дорого.

— Слышишь, Ом? Мы вылечим тебя. — Ишвар утер слезы. — Пусть дорого — заработаем. Будем шить для Дины-бай днем и ночью.

Ишвар повернулся к благодетелю, подарившему им надежду.

— Да возблагодарит тебя Всевышний! Может, и сам вылечишься.

— Мне не надо, — ответил мужчина. — У меня четверо детей. Год назад я сделал операцию по собственному желанию. А эти звери сегодня сделали мне ее повторно.

— Это все равно, что второй раз казнить мертвеца. Они что, тебя не послушали?

— Что можно сделать, брат, когда образованные люди ведут себя как дикари. Как с ними говорить? Когда сильные мира сего теряют разум, надежды нет. — Почувствовав резкую боль в промежности, мужчина снова лег.

Ишвар утер глаза и тоже лег. Дотянувшись до соседнего матраса, он погладил племяннику руку.

— Мальчик мой, оказывается, выход есть, не волнуйся. Вернемся домой, восстановим тебе семя и приедем жениться уже на следующий год. Тобой заинтересуются другие семьи. Может, к тому времени уже не будет чрезвычайного положения, и к правительству вернется благоразумие.

Раздался звук, будто открыли водопроводный кран, и оттуда полилась вода — кто-то мочился рядом с палаткой. Сильная струя била по земле, и

это разозлило дважды прооперированного мужчину. Он вновь приподнялся на локте.

— Слышите? Говорю вам, они животные. У этих полицейских не хватает воспитания, они не могут отойти для этой цели в сторону.

Последние операции врачи заканчивали поздним вечером. В это время и приехал тхакур Дхарамси. Полицейские и работники Центра дружно кланялись ему, стремились первыми коснуться его ступни. Быстро переговорив с докторами и сестрами, он прошелся по палатам, и, приветствуя пациентов, благодарил их за участие в важном проекте.

— А ну, отвернись поскорее, Ом, — быстро шепнул Ишвар, видя, что тхакур приближается к их ряду, — закрой лицо, притворись что спишь.

Тхакур Дхарамси остановился у изножья матраса и внимательно вгляделся в Ома. Потом пробормотал несколько слов работнику, стоящему рядом. Тот отошел, но вскоре вернулся с одним из докторов.

Тхакур тихо заговорил с врачом. Тот в ужасе отпрянул, качая головой. Тхакур настаивал. Врач побледнел.

Вскоре пришли две медсестры и помогли Ому подняться на ноги.

— Но я хочу отдохнуть, — протестовал юноша. — Мне еще больно.

— Доктор хочет тебя осмотреть.

— Зачем? — закричал Ишвар. — Ему уже сделали операцию! Что вам еще нужно?

В операционной палатке врач стоял спиной ко входу, дожидаясь, чтобы вода хорошо прокипела. На дне стерилизатора лежал скальпель, сверкая под пузырьками воды. Врач сделал знак сестрам — положить пациента на стол.

— Рак яичек, — сказал он, почувствовав необходимость объяснить им свои действия. — Тхакур любезно разрешил провести бесплатную операцию по удалению опухоли. — Дрожащий голос врача говорил о том, что он лжет.

С Ома сняли штаны во второй раз. К его носу приложили тряпку с хлороформом. Он попытался сорвать ее, но быстро обмяк. Врач ловко отсек яички, зашил рану и наложил тугую повязку.

— Не отправляйте этого пациента домой вместе с другими, — сказал он. — Ему следует провести здесь ночь. — Ома накрыли одеялом и отнесли на носилках в послеоперационную палатку.

— Что с ним сделали? — воскликнул Ишвар. — Он ушел отсюда на своих ногах. А принесли его без сознания! Что вы сделали с моим племян-

ником?

— Тише, — предостерегли его, скатывая Ома с носилок на матрас. — Он был очень болен, и доктор сделал бесплатную операцию, чтобы спасти ему жизнь. Нужно не кричать, а радоваться и благодарить. Не беспокойтесь — когда он проснется, с ним все будет в порядке. Доктор сказал, чтобы он отдыхал здесь до утра. Вы тоже можете остаться.

Ишвар подошел к племяннику, чтобы убедиться во всем самому. Ему хотелось услышать голос юноши. Но тот крепко спал и не отвечал дяде. Откинув одеяло, Ишвар стал его разглядывать — руки, пальцы рук и ног были целы. Осмотрел спину — никаких кровавых следов от ударов. Рот, язык, зубы — все в норме. Страх понемногу уходил — может, тхакур оставил племянника в покое.

Но тут он увидел кровь на брючинах. Может это от предыдущего надреза? Ишвар взглянул на свои брюки. Крови не было. Дрожащими руками он расстегнул брюки Ома и увидел большую повязку. Он помнил, что ему самому наложили только марлевую салфетку. Потрогав повязку Ома, он ничего под ней не почувствовал. Нервно сглотнув, Ишвар осторожно ощупал всю повязку, надеясь обнаружить под ней яички, — должны ведь они быть.

И тогда он взвыл.

— О, Рама Всемогущий! Только взгляните! Вот что они сделали с моим племянником! Его превратили в евнуха!

Кто-то пришел из главной палатки и приказал не шуметь.

— Опять ты? Сказали же тебе, что парень был очень болен, у него образовалась большая опухоль на причинном месте, могла начаться гангрена, пришлось все удалить.

К этому времени дважды прооперированный мужчина уже ушел. Оставшиеся пациенты были заняты своими болячками — кого-то тошнило, у кого-то кружилась голова. Почувствовав себя лучше, они поднимались и робко расходились по домам. Утешать Ишвара было некому.

Ночью, оставшись один, он стонал и плакал, потом на несколько минут проваливался в сон, и снова плакал. Ом очнулся после хлороформа в полночь, его вырвало, и он снова впал в забытье.

* * *

После отъезда полиции дядю Ашрафа отправили в местную больницу, а о случившемся сообщили родственникам с лесного склада. Несколько часов спустя старик умер. Больни-

ца, следуя последним распоряжениям, назвала причину смерти несчастным случаем: «Смерть наступила в результате случайного падения и удара головой о бордюр». Родственники на следующий день похоронили Ашрафа подле тети Мумтаз. В это время Ишвар и Ом только возвращались из стерилизационного лагеря.

Ишвар ощущал всего лишь небольшую болезненность в паху. Но Ом чувствовал себя очень плохо. Стоило ему сделать несколько шагов, как кровотечение возобновлялось. Дядя пытался тащить его на спине, но от этого юноше становилось еще хуже. Только на руках Ишвара ему было удобно, но мужчине это давалось с трудом. Через каждые десять метров он останавливался, клал племянника на землю и переводил дух.

Ближе к полудню рядом с ними остановился мужчина с пустой тележкой. «Что с парнем?» — спросил он.

Ишвар все рассказал, и мужчина предложил свою помощь. Вдвоем они подняли Ома на тележку. Мужчина снял тюрбан и положил под голову юноше. Катить тележку было нетрудно, но из-за плохой, в колдобинах, дороги двигались они очень медленно. Каждый толчок, как ножом, пронзал Ома, и его сдавленные крики сопровож-

дали их весь путь.

К «Музаффару» они пришли уже в сумерки. Мужчина отказался от денег. «Мне все равно надо было в эту сторону», — сказал он.

В доме находился работавший на складе племянник, он остался сторожить магазин.

— У меня печальные новости, — произнес он при встрече. — Дядя скончался в результате несчастного случая.

Портные были настолько измучены, что не смогли оплакать потерю и даже в полной мере ее осознать. События вчерашнего дня на базарной площади смешались с прочими трагедиями в их жизни.

— Спасибо, что пришли сообщить нам об этом, — механически проговорил Ишвар. — Я приду на похороны, и Ом тоже придет, если почувствует себя лучше.

Мужчине пришлось четыре раза повторять, что дядю Ашрафа уже похоронили, прежде чем до них это дошло.

— Не тревожьтесь — вы можете жить здесь, пока не поправитесь, — сказал родственник. — Я еще не решил, как поступить с домом. И, пожалуйста, дайте мне знать, если вам что-то понадобиться.

Портные легли на пустой желудок — есть не хотелось. Чтобы не взбираться на второй этаж, Ишвар расстелил матрасы внизу, рядом с прилавком. Ночью Ом метался в бреду.

— Нет, не надо ножницы дяди Ашрафа! Дайте зонтик! Я врежу этим бандитам по первое число!

Ишвар в страхе проснулся и на ощупь нашел выключатель. По простыне расползлось темно-красное пятно. Он очистил рану Ома и всю оставшуюся ночь просидел рядом, следя, чтобы повязка не сползла снова.

Утром он частично волоком, частично на руках доставил Ома в благотворительный медицинский пункт. Кастрация вызвала у врача отвращение, но не удивление. Время от времени к нему попадали жертвы кастового насилия из ближайших деревень, и найти управу на инициаторов этих преступлений не удавалось. «Недостаточно оснований для открытия дела» — была обычная отписка, даже если потерпевший потерял палец, руку, нос или ухо.

— Вам повезло, — сказал врач. — Операция проведена грамотно и рана хорошо зашита. Парню надо недельку полежать, и все будет хорошо. — Врач продезинфицировал рану и наложил новую повязку. — Не разрешайте ему ходить, иначе

может снова открыться кровотечение.

Ишвар заплатил врачу из денег, отложенных на свадьбу, и спросил, хотя заранее знал ответ: «А детей он сможет иметь?»

Врач покачал головой.

— Но ведь сам член остался?

— Отрезано то, где вырабатывается семя.

Помня слова врача, Ишвар всю дорогу, шатаясь, нес племянника на руках и дома аккуратно уложил на кровать. Он нашел подходящий сосуд, чтобы Ом мог мочиться, не ходя в уборную. Соседи дяди Ашрафа избегали портных. В небольшой кухоньке, где когда-то тетя Мумтаз готовила еду на семью из шести человек и еще на двух учеников, теперь стряпал незамысловатые блюда Ишвар. Даже дорогие воспоминания детства не могли его утешить. Портные молча поглощали пищу у изголовья кровати Ома.

Через неделю Ишвар вновь отнес племянника к врачу. Жертв вазэктомии легко было определить на улице по пятнам гноя у паха, особенно если на них была легкая одежда.

— Он почти здоров, — сказал врач. — Теперь ему можно ходить — но осторожно. — Денег за второй визит он не взял.

Из медицинского пункта портные тихонько

добрели до полицейского участка и сказали, что хотят написать жалобу.

— Моего племянника сделали кастратом, — сказал Ишвар, не в силах сдержать рыданий.

Дежурный офицер смутился. Он решил, что произошла новая межкастовая стычка — очередная головная боль для полиции.

— Кто это сделал?

— Врачи из Центра планирования.

Полицейский облегченно вздохнул.

— Это нас не касается. Обращайтесь в Центр планирования. Пусть сами разбираются.

«Скорее всего, — подумал полицейский, — там опять спутали стерилизацию с кастрацией. Визит в Центр прояснит ситуацию».

Покинув полицейский участок, портные медленно поплелись в Центр планирования семьи. Ишвар был рад, что не надо спешить. За последние три дня у него очень усилилась боль в паху, на которую раньше он не обращал внимания, переживая за племянника.

Ом заметил необычную походку дяди и спросил, в чем дело.

— Ничего особенного. — Ишвар поморщился от боли, которая волнами распространялась по его ногам. — Побаливает после операции. Скоро

пройдет. — Но сам понимал, что ему становится хуже — утром он заметил, что стали опухать ноги.

В Центре, как только Ишвар произнес слово «евнух», его отказались дальше слушать.

— Убирайтесь, — приказал офицер. — Мы сыты по горло невежеством людей. Сколько раз объяснять? Стерилизация не имеет ничего общего с кастрацией. Почему вы не ходите на наши лекции? Почему не читаете наши брошюры?

— Я понимаю разницу, — сказал Ишвар. — Взгляните сами, и вы увидите, что сделал ваш доктор. — Он дал знак Ому, чтобы тот спустил штаны.

Но когда Ом стал расстегивать пуговицы, офицер подбежал и удержал его за пояс.

— Я запрещаю раздеваться в моем офисе. Я не доктор. И меня не интересует, что находится в ваших штанах. Если мы вам поверим, тогда все кастраты в стране сбегутся сюда, обвиняя нас в своих бедах и стараясь выманить как можно больше денег. Знаем мы эти фокусы. Это приведет к тому, что работа Центра остановится, и страна погибнет под тяжестью неуправляемого роста населения. А теперь вон отсюда, пока я не вызвал полицию.

Ишвар умолял его не делать этого или хотя бы мельком взглянуть, что сделали с племянником. Ом шептал дяде на ухо, умоляя того не плакать. Офицер угрожающе двинулся на них. Портные попятились. После того, как они оказались на улице, дверь тут же закрыли, повесив объявление «Закрыто на обед».

— Неужели ты и правда думал, что нам помогут? — сказал Ом. — Разве тебе не ясно? Мы для них значим не больше животных.

— Заткнись! — оборвал его Ишвар. — Все из-за твоей глупости.

— Вот как! Значит, из-за моей глупости мне отрезали яйца? И в стерилизационный лагерь привезли по моей вине? Это все равно бы произошло. На базаре схватили всех. Если уж на то пошло, это твоя вина. Ты был одержим мыслью приехать сюда и найти мне жену. А могли бы жить в безопасности на веранде Дины-бай.

Глаза Ишвара наполнились слезами.

— Ты хочешь сказать, что нам следовало прятаться на веранде до конца наших дней? Что за жизнь, что за страна такая, если нельзя ездить, куда мы хотим? Разве грех посетить родные места? Женить племянника? — Не в силах сделать больше ни шага, он сел на тротуар, весь дрожа.

— Ну, пойдем же! — сердито прошептал Ом. — Не устраивай спектакль на улице! Стыдно!

Но дядя продолжал плакать, и Ом сел рядом с ним.

— Я не то хотел сказать, твоей вины тут нет, не плачь.

— Эта боль… — Ишвара била дрожь. — Она везде… И такая сильная… Я не знаю, что делать.

— Пойдем домой, — мягко произнес Ом. — Я помогу тебе. Дома ты отдохнешь, положив выше ноги.

Они поднялись, и Ом помог хромающему Ишвару, который еле волочил ноги и трясся от боли, добраться до дома дяди Ашрафа. Хороший сон должен исцелить эту боль, решили они. Ом постелил удобную постель для дяди и потом массировал ему ноги. Так они и уснули, и племянник даже во сне держал ступни Ишвара.

Через неделю ноги Ишвара так распухли, что стали похожи на две колонны. Лихорадка сжигала его тело. Ноги почернели от паха до коленей. Портные опять пришли в Центр и робко заглянули внутрь. К счастью, там в это время находился врач, а офицера, с которым они говорили в прошлый раз, поблизости не было.

— Операцию сделали хорошо, — сказал врач,

небрежно посмотрев шов. — Боль в ногах с ней не связана. В твоем теле есть инфекция, которая вызвала опухоль. Тебе надо в больницу.

Решив, что имеет дело со знающим человеком, Ишвар рассказал о кастрации племянника, и тот мгновенно сменил тон.

— Уходите! — приказал врач. — Не хочу слушать эту чепуху — прочь с глаз моих!

Портные отправились в больницу, где Ишвару назначили курс лечения — пить таблетки четыре раза в день в течение двух недель. Температура в результате упала, но с ногами лучше не становилось. В конце лечения он совсем не мог ходить. Чернота расползалась по ногам все ниже, как чернильное пятно, и достигла ступней, это напомнило Ишвару, как он красил с отцом и другими чамарами кожу, и краска пропитывала его кожу.

Ом разыскал на рынке мужчину, который доставил его домой на тележке, и попросил помочь еще раз.

— На этот раз беда с моим дядей. Он не может ходить, его надо отвезти в больницу.

Мужчина разгрузил тележку с луком. Несколько луковиц раздавило при перевозке, и острый запах пропитал воздух. Мужчина утер глаза, взва-

лил на плечи мешок и отнес лук на склад. Глаза заслезились даже у Ома, хотя он стоял в стороне.

— Ну вот, я готов, — сказал через двадцать минут человек с тележкой. Он очистил тележку от пыли, и они поехали за Ишваром в «Музаффар». Тележку поставили у самого входа и положили на нее портного. Соседи следили из-за занавесок, как расшатанную тележку покатили в сторону больницы.

Мужчина ждал, пока Ом искал приемный покой.

— Таблетки не помогли, — сказал дежурный врач после осмотра. — Слишком сильная инфекция. Ноги придется ампутировать, чтобы остановить гангрену. Только так можно спасти ему жизнь.

На следующее утро Ишвару отрезали почерневшие ноги. «За обрубками надо несколько дней наблюдать, чтобы убедиться в нераспространении инфекции», — сказал врач. В больнице Ишвар провел два месяца. Ом приходил к нему утром и оставался на весь день.

— Нужно послать письмо Дине-бай, — постоянно напоминал Ишвар племяннику. — Объясни ей, что случилось, она ведь волнуется.

— Хорошо, — отвечал Ом, но сесть за письмо

не решался. А что писать? Как объяснить, что с ними случилось, на бумаге?

Прошло два месяца, и мужчина с тележкой опять подъехал к больнице и помог отвезти Ишвара в «Музаффар».

— Моя жизнь кончена, — плакал Ишвар. — Просто бросьте меня в реку возле нашей деревни. Не хочу быть тебе обузой.

— Перестань, дядя, — пристыдил его Ом. — Не говори ерунду. Как можешь ты говорить, что жизнь кончена? Вспомни Шанкара! У него даже пальцев не было. А у тебя две руки, ты можешь шить. У Дины-бай есть старая ручная машинка — будешь на ней шить, когда вернемся.

— Ты с ума сошел, мальчишка! Я не могу сидеть, не могу шевелиться, а ты говоришь о шитье!

— Дайте знать, если вам понадобится перевозка, — сказал хозяин тележки и быстро прибавил: — Теперь я буду с вас брать стоимость автобусного билета.

— Мы заплатим, не волнуйся, — успокоил его Ом. — Дяде придется ездить в больницу. А через несколько недель, когда он окрепнет, ты отвезешь нас на вокзал. Мы скоро вернемся в наш город.

Выздоровление шло медленно. Деньги закан-

чивались. Ишвар плохо ел, а по ночам у него поднимался жар и мучили кошмары. Он часто просыпался в слезах. Ом его утешал, спрашивал, чего бы ему хотелось.

— Помассируй мне ноги — очень болят, — всегда просил дядя.

Однажды вечером их навестил племянник дяди Ашрафа, работавший на складе. Он нашел покупателя на магазин.

— Мне жаль беспокоить вас. Но кто знает, поступит ли еще такое предложение? — Племянник предложил им временное жилье в сарае или в хижине, уверяя, что на складе всегда отыщется место.

— Нет, не стоит, — сказал Ом. — Мы вернемся в город и снова начнем шить.

На этот раз Ишвар согласился с ним. Он чувствовал, что лучше уехать, чем оставаться здесь, где их преследовали одни несчастья. Каждый день приносил унижения — знавшие их люди, особенно соседи, внимательно следили за их поездками в больницу, шептались между собой и отводили глаза, когда видели подъезжавшую тележку.

— Можешь оказать нам последнюю услугу? — спросил Ом племянника Ашрафа. — Попроси

плотника у вас на складе соорудить тележку на колесиках для моего дяди.

Племянник сказал, что сделать это будет несложно. Уже на следующий день он доставил тележку портным. Впереди у нее был крюк и веревка — так Ом мог везти дядю.

— Веревка не нужна, — настаивал Ишвар. — Я сам буду катить тележку руками, как Шанкар. Хочу быть самостоятельным.

— Ладно, посмотрим.

Веревку сняли, и Ишвар начал тренироваться в доме. Ему предстояло научиться владеть своим новым телом — сохранять равновесие без опоры ног. Его неуверенность возрастала. Он был слишком слаб, чтобы управлять тележкой. О поездках по улице не могло быть речи.

— Надо потерпеть, — говорил Ом. — Окрепнешь — и у тебя все получится.

— Какое уж тут терпение! — рыдал навзрыд Ишвар. — От терпения мои ноги не вырастут. — В результате, сдавшись, согласился, чтобы веревку вернули на место.

Прошло четыре месяца со дня приезда портных для устройства свадьбы, и вот теперь они снова направлялись на вокзал, чтобы пуститься в обратный путь. По дороге портные заехали

попрощаться с дядей Ашрафом и тетей Мумтаз и постояли у их могил.

— Я завидую им, — сказал Ишвар. — Они обрели покой.

— Опять ты говоришь глупости, — упрекнул его Ом, поворачивая тележку, чтобы ехать дальше.

— Можно еще немного побыть здесь?

— Нет, нам пора. — Ом потянул за веревку, и тележка, дернувшись, покатилась по кладбищенской земле. «Какой дядя легкий, — подумал Ом, — совсем, как ребенок, тележка сама едет».

Глава шестнадцатая. Круг замкнулся

Первое, что увидела Зенобия, когда Дина открыла ей дверь, было лоскутное покрывало, разделявшее веранду пополам.

— Ты что, затеяла стирку? — захихикала подруга. — Или отнимаешь работу у дхоби?

— Нет, это комната для новобрачных, — ответила Дина, покатываясь со смеху. Пошла четвертая неделя вынужденного одиночества, которое она с трудом переносила, и визит подруги принес большое облегчение.

Зенобия нашла шутку презабавной, хотя не поняла ее смысл. Подруги перешли в гостиную. И вот тогда между приступами смеха она узнала, почему покрывало оказалось на веранде.

— Портные должны вот-вот вернуться, — сказала Дина. — Конечно, покрывало недостаточно толстое, чтобы скрыть шумную возню новобрачных, но ничего лучше я не смогла придумать.

Теперь ситуация перестала казаться Зенобии забавной. Она смотрела на Дину как на сумасшедшую.

— Как ты изменилась! Ты хоть слышишь, что говоришь? Только год назад тебя смущал невинный жилец. Потребовалось время, чтобы убедить тебя, что сын Абан Кохлах не несет угрозы ни тебе, ни твоей квартире.

— И ты была абсолютно права — Манек прекрасный юноша. Через две недели он вернется. Рассмотри покрывало, я его сама сделала. Это свадебный подарок Ому.

Оставив это сообщение без внимания, Зенобия продолжала:

— Неожиданно ты осмелела, пустила сюда жить портных. Это было неправильно. А теперь ты разрешаешь привезти сюда жену. Ты пожалеешь об этом, поверь мне. В результате у тебя поселится здесь полдеревни. И освободиться ты от них не сможешь. А квартира превратится в свинарник — ведь гигиенические навыки у этих людей практически отсутствуют.

Этот мрачный прогноз развеселил Дину, но теперь она смеялась одна. Чтобы успокоить подругу, она заговорила серьезно:

— Они никогда не использовали меня. Ишвар — настоящий джентльмен. А Ом — добрый, умный юноша — такой же, как Манек. Правда, ему меньше повезло.

Зенобия провела у подруги еще полчаса, и все это время она изо всех сил старалась убедить Дину изменить ее решение.

— Не глупи, рассчитай их. Всегда можно найти новых портных. Уверена, миссис Гупта поможет нам.

— Не в этом дело. Я не прогнала бы их, даже если б они не работали на меня.

К тому времени, когда Зенобия поняла, что ничего не добьется, она полностью эмоционально выложилась. Чтобы сохранить лицо, она в гневе удалилась.

Дрожащими руками Дина вскрыла письмо Манека.

«*Дорогая тетя*, — прочла она. — *Надеюсь, вы в добром здравии и в хорошем настроении, в каком все мы пребывали перед расставанием. Мама и отец шлют вам приветы. Они говорят, что очень скучали и рады видеть меня.*

Пришло письмо из университета. К сожалению, мои результаты оказались недостаточно хороши, и мне отказали в дальнейшем обучении. Так что придется ограничиться свидетельством о прохождении только одного года обучения».

Дина понимала, к чему все клонится, но продолжала читать, стараясь не замечать возникшей

болезненной пустоты в животе.

«Видели бы вы, что тут началось, когда пришло это известие. Если помните, сначала родители были против того, чтобы я учился еще три года, а теперь вдруг переполошились. «Что ты собираешься делать, — повторял отец, — все кончено, этот молодой человек даже не понимает, что это очередная катастрофа. Вся моя жизнь — цепь катастроф. Я думал, мой сын изменит эту закономерность, но я заблуждался: линии на моей ладони все те же, перемены невозможны, такова моя судьба, против нее не попрешь».

Помните, какие сцены разыгрывал Ишвар, склоняя Ома к женитьбе? Так вот, тетя, это еще цветочки по сравнению с тем, что выслушал я от отца. Не надо было посвящать их в мои планы — остаться еще на три года в университете.

К счастью, когда скандалы пошли на спад, друг родителей принес хорошие новости. У бригадира Гревала есть знакомые в тех арабских странах в районе Персидского залива, где деньги растут на деревьях. Он пообещал мне хорошую работу в компании Дубая, занимающейся рефрижераторами и кондиционерами. Бригадир считает, что у него отменное чувство юмора. Он говорит, что в Дубае у каждого жителя есть эти вещи — надо

охлаждать палатки в пустыне. А учитывая, что песчаные бури и самумы то и дело портят это оборудование, в нем ощущается постоянная потребность и требуется текущий ремонт.

Во многом благодаря оригинальному чувству юмора бригадира Гревала, я решил согласиться на работу. Если я поеду в Дубай, то хотя бы не буду слушать его шутки. А что касается жалованья, пособия на оплату жилья и прочих бонусов, условия фантастические. Говорят, что там можно сколотить небольшое состояние за четыре года, а за пять лет — уж наверняка. Может быть, вернувшись, я смогу начать собственное дело в этой области. Или еще лучше — откроем фирму по производству одежды. Учитывая мой опыт в прошедшем году, я буду, конечно, хозяином. (Ха-ха — это просто шутка!)».

Читать было трудно — Дину душили слезы. Она глубоко вздохнула и несколько раз поморгала глазами.

«Через три недели я должен уже быть в Дубае, поэтому мама с ног сбилась, готовя вещи к отъезду. Такую же картину я видел в прошлом году, уезжая в университет. И отец ведет себя так же, как прежде. С моего возвращения он ни разу тол-

ком со мной не поговорил, хотя я делал все, как он хотел. Теперь он всем своим видом показывает, что я бросаю и его и наш магазин. Словом, хочет и рыбку съесть и в воду не лезть. Если он будет управлять магазином по-прежнему — хорошего не жди. А когда я что-то предлагаю, он смотрит на меня почти трагическим взглядом. Без меня ему будет лучше, я не доставляю ему радости. Я понял это в тот день, когда он отправил меня в частную школу.

Пожалуйста, передайте Ому, как мне жаль, что я не увижу его жену. Я уверен, что она будет счастлива с такой чудесной свекровью. (Ха-ха! — опять шучу, тетя.) Надеюсь, на следующий год, когда у меня будет отпуск, заехать к вам и всех повидать.

И в конце я хочу поблагодарить вас за то, что так радушно приняли меня и заботились, как о родном сыне». — Следующее предложение было вымарано, но Дине удалось разглядеть два слова «счастливейшие» и «жизни».

Дальше ничего особенного не было. «*Желаю успеха в швейном деле. С любовью к Ишвару, Ому и, конечно, к вам».*

Ниже он приписал: *«Я попросил маму выписать вам чек за три месяца, ведь я не предупредил вас*

о том, что съезжаю. Надеюсь, все в порядке. Еще раз спасибо».

Слова поплыли у нее перед глазами. Дина сняла очки и утерла слезы. Какой чудесный юноша! Как она будет жить без него? Без его подтрунивая, постоянной болтовни, без утренней улыбки, неизменного желания прийти на помощь, его смешной заботы о кошках — пусть его мысли о жизни и смерти несколько мрачноваты. И какой щедрый чек — наверняка, это он уговорил мать его выписать.

«Нельзя грустить и быть эгоисткой, — подумала Дина. — Надо радоваться, что Манеку улыбнулась удача. Он прав — многие наживают состояние, поработав в этих богатых нефтяных странах».

Через два дня после получения письма Дина отправилась в салон красоты «Венус». Появившийся из глубины салона администратор уведомил ее, что Зенобия занята с клиентом.

— Пожалуйста, подождите в приемной, мадам.

Дина села рядом с каким-то засыхающим растением, взяла засаленный номер журнала «Уименз Уикли» и улыбнулась про себя. Зенобия давала ей понять, что все еще дуется на нее из-за жены Ома, иначе выбежала бы сразу, держа в руках расческу

и ножницы, запыхавшись, поздоровалась бы и только тогда убежала.

Прошло сорок пять минут до момента, когда Зенобия вышла, сопровождая клиентку до двери. Женщина с замысловатой прической была не кто иная, как миссис Гупта.

— Какой сюрприз, миссис Далал! — сказала она. — Вы на укладку к Зенобии? — Несмотря на улыбку, вздернутый левый уголок губы говорил, что такая мысль была ей неприятна.

— Конечно, нет! Здешние цены мне не по карману. Просто заскочила поболтать.

— Надеюсь, такие услуги стоят здесь дешевле, чем уход за волосами, — захихикала миссис Гупта. — Но я не жалуюсь. Зенобия — гений. Только посмотрите, какое чудо она сотворила сегодня. — Женщина медленно повела головой справа налево и обратно, а потом замерла, уставившись на потолочный вентилятор.

— Просто великолепно, — поспешила с похвалой Дина, зная, что иначе миссис Гупта будет находиться в такой позе так долго, пока не услышит комплимент.

— Спасибо, — жеманно поблагодарила женщина и снова повела головой. — А когда я снова увижу вас в «Оревуар»? Ваши портные верну-

лись?

— Думаю, мы начнем на следующей неделе.

— Надеюсь, после свадьбы они не устроят себе медовый месяц. А то население еще больше увеличится. — Миссис Гупта снова захихикала, с удовольствием оглядывая себя в зеркале над столом администратора. Проведя рукой по волосам, она неохотно удалилась — отражение в зеркале доставляло ей большое удовольствие.

Оставшись наедине с подругой, Дина иронически улыбнулась, как бы разделяя с Зенобией мнение о миссис Гупта. Но подруга обдала ее холодом.

— Ты хочешь что-то спросить?

— Да. Я получила письмо от Манека Кохлаха. Ему больше не нужна комната.

— Ничего удивительного, — фыркнула Зенобия. — Должно быть, сыт по горло жизнью с портными.

— На самом деле они хорошо ладили. — Дина понимала, что эти слова не дают представления об их настоящей жизни. Но что можно сказать? Разве Зенобия поймет, до какой степени Манек и Ом стали неразлучны? Или что Ишвар относился к обоим как к своим сыновьям? Что они вчетвером готовили еду и вместе ели? Поочеред-

но убирались, стирали и покупали еду, вместе смеялись и тревожились? Что они заботились о ней и уважали больше, чем некоторые из ее родственников? Что за эти последние несколько месяцев она наконец почувствовала, что живет в семье?

Но как это объяснить! Зенобия назовет ее глупой теткой, которая навыдумывала бог знает что, украсив финансовую необходимость сентиментальным флером. Или обвинит портных в манипулировании ею при помощи лести и угодничества.

Поэтому Дина просто прибавила:

— Манек не вернется, потому что ему предложили выгодную работу в Персидском заливе.

— Неважно, почему это случилось — теперь надо искать ему замену.

— Поэтому я и пришла. У тебя есть кто-нибудь на примете?

— Прямо сейчас нет. Но буду иметь в виду. — Зенобия поднялась, чтобы вернуться к работе. — Это будет нелегко. Тот, кто увидит твое лоскутное покрывало и портных на веранде, сразу сбежит.

— Не беспокойся. Покрывало я уберу. — Дина верила, что подруга скоро смягчится: с Зенобией всегда так — подуется несколько дней, и у них

снова воцаряется мир.

Вернувшись домой, Дина еще раз осмотрела комнату Манека — ни пылинки. Пора перестать считать ее комнатой прежнего жильца. Когда она здесь пылесосила и мыла, ей попались на глаза шахматы в комоде. «Переслать их Манеку? Но когда посылка дойдет, он будет уже в Дубае. Лучше оставить до следующего года, когда он их навестит».

Эта мысль ей понравилась, и она засунула коробку в свои вещи в рабочей комнате. Ей казалось, так будет надежнее, и Манек точно появится в срок. Этим она устраняла другую, мучительную мысль, что он может никогда больше к ней не приехать.

Вечером она подошла к окну и покормила кошек, называя их по кличкам, которые придумал Манек.

* * *

Прошло шесть недель, а Дина все еще терпеливо ждала портных и бросалась на каждый звонок, надеясь, что это вернулись Ишвар и Ом. Но вместо них пришел агент из магазина за очередным взносом за «зингеры».

— Портные должны приехать на следующей

неделе, — неуверенно проговорила Дина. — Сами понимаете, свадьба не делается в один день.

— Срок давно прошел, — сердито сказал мужчина. — Меня уже ругают в компании, что я до сих пор не собрал деньги. — Но он согласился подождать еще неделю.

Вечером того же дня в дверь снова позвонили. Дина побежала на веранду.

Пришел Хозяин Нищих. Он принес свадебный подарок — алюминиевый чайник, и был разочарован тем, что портные еще не вернулись.

— Надеюсь, на следующей неделе они объявятся, — сказала Дина. — Экспортная компания тоже недовольна.

— Хорошо, тогда принесу подарок в следующий четверг.

Дина понимала: он ждет очередного взноса, как и агент из магазина.

— Надеюсь, проблем с домовладельцем не будет из-за задержки денег? Если нужно, я могу внести сумму за них прямо сейчас.

— Не надо. Я слежу за квартирой, не волнуйтесь. Когда я имею дело с такими хорошими людьми, то не так жестко придерживаюсь сроков. Вы пришли на похороны Шанкара. Такого я не забываю.

Хозяин сделал пометку в блокноте и закрыл

кейс.

— Вчера я наконец внес пожертвование в храм в память о Шанкаре. Священник провел пуджу и звонил в колокол. В моей душе воцарился мир. Возможно, для меня пришло время завершить бизнес и предаться медитации и молитве.

— Вы серьезно? А что будет с вашими нищими? С портными, со мной?

Хозяин устало кивнул.

— В этом все дело. Из-за житейских обязанностей приходится сдерживать духовные порывы. Не беспокойтесь, я не забуду своих подопечных. — Когда он уходил, цепочка от кейса звякнула на его запястье. Дина заметила на ней ржавчину.

Уверенность, которую она обрела после его серьезного обещания, быстро улетучилась. После двух утренних визитов беспокойство, которое она тщательно загоняла внутрь, вдруг вырвалось на свободу и стало бродить вокруг кругами, как хищник. Теперь она была уверена, что отсутствие портных не просто обычная задержка. Даже открытки не прислали. Что могло помешать написать несколько слов: «Простите нас, Дина-бай, но мы решили поселиться в деревне: Ом с женой так захотели». Всего несколько строчек. Неужели это так трудно? Зенобия права, глупо доверять

таким людям. Ее использовали и выбросили за ненадобностью.

В довершении всего звонок прозвонил в третий раз. Дина открыла дверь, даже не поставив ее на цепочку. При ярком солнце предусмотрительность казалась излишней. Но за дверью оказался пугающий призрак.

— Ой! — вскрикнула испуганная Дина. Казалось, истощенный мужчина со свежими шрамами на лбу и диким взглядом восстал из самого гроба.

Дина силилась захлопнуть дверь. Но мужчина заговорил, и ей стало не так страшно.

— Не пугайтесь, госпожа, — задыхаясь, проговорил он. — Вреда я вам не принесу. — Голос его звучал как жалобный скулеж раненого существа, хрип больных легких. — Портные здесь работают? Ишвар и Омпракаш?

— Да.

Было видно, что мужчина почувствовал облегчение.

— Извините, могу я их видеть?

— Они уехали на несколько дней, — ответила Дина, отступая назад — от мужчины плохо пахло.

— А вернутся они скоро? — мужчина отчаянно

подыскивал слова.

— Может быть. А кто вы?

— Их друг. Мы жили в одном поселке, пока правительственные силы не разрушили его.

На какое-то мгновение Дине показалось, что это Раджарам — тот, кто хотел удалиться от мира и стать отшельником. Она видела его не больше двух раз — неужели трудности отшельнической жизни так изменили его?

— А вы не сборщик волос? — спросила она.

Мужчина покачал головой.

— Я хозяин обезьян. Только мои обезьянки погибли. — Он приложил пальцы ко лбу, аккуратно касаясь болезненных шрамов. — Портные говорили мне, что работают в этом районе. Со вчерашнего дня я обошел все дома на этой улице, стучался в каждую дверь. И вот нашел — а их нет. — Казалось, мужчина сейчас разрыдается. — Ишвар и Ом по-прежнему имеют дело с Хозяином Нищих?

— Думаю, да.

— А вы знаете, где он живет?

— Нет. Хозяин сам приходит сюда за деньгами. Кстати, он заходил сегодня.

Глаза мужчины загорелись.

— Давно? Куда он пошел?

— Не знаю. Он был несколько часов назад — утром. — Надежда потухла на лице мужчины. «Словно свет выключили», — подумала Дина.

— У меня к нему важное дело. А я не могу его найти.

Было больно смотреть на его истощенное тело, слышать отчаяние в голосе.

— Хозяин придет сюда в ближайший четверг, — вырвалось у Дины.

Хозяин обезьян снова коснулся лба и поклонился.

— Пусть боги благословят вас и пошлют исполнение ваших желаний за то, что вы помогли такому несчастному, как я.

Агент из магазина пришел на следующей неделе и сказал, что не может больше ждать. Ожидая извинений, он решил на этот раз проявить твердость.

— Вам и не нужно ждать, — оборвала его Дина. — Забирайте швейные машины! Я не потерплю их больше в своем доме.

— Благодарю вас, — сказал удивленный агент. — Завтра утром пришлем за ними фургон.

— Вы что, не слышите меня? Я сказала — сейчас. Если через час машинки еще будут здесь, я выброшу их из квартиры и оставлю прямо на

улице. — Испуганный агент торопливо попросил по телефону срочно прислать какое-нибудь транспортное средство.

Избавившись от швейных машин, Дина почувствовала себя лучше. Пусть негодники увидят, вернувшись, что «зингеров» больше нет. Это будет для них хорошим уроком.

Теперь Дина ждала Хозяина Нищих с его свадебным подарком. В общении с ним она тоже решила сменить тактику и объявить, что портные сбежали. Он не смирится с потерей регулярных платежей и достанет портных из-под земли.

Но в назначенный день Хозяин не пришел. «Как это на него не похоже, — подумала Дина, когда стемнело. — Неужели он вместе с портными задумал недоброе, решив выселить ее и завладеть квартирой?» От волнения воображение ее разыгралось, на следующее утро она была сама не своя, но тут робкий стук в дверь донес до нее правду.

Разочарование, предательство, радость, боль, надежда — все приходило к ней через эту дверь. Дина прислушалась — не раздастся ли звяканье цепочки Хозяина. Ни звука. И потом еще один — такой же тихий стук. Кто бы это ни был, он не хотел звонить. Дина приоткрыла дверь, держа ее на цепочке.

В просвете замаячил клочок седой бороды, и раздался голос:

— Сестра, впустите меня, пожалуйста! Если кто-то из конторы увидит, что я здесь, меня ждет наказание. К вам нельзя приходить!

Дина неохотно сняла цепочку и позволила Ибрагиму войти.

— Что все это значит? Почему вам нельзя приходить? Ведь вы сборщик ренты.

— Теперь уже нет. Домовладелец на прошлой неделе уволил меня. По его словам, я неаккуратно отношусь к собственности фирмы и испортил много папок. Он достал канцелярскую книгу, где было указано, что за сорок восемь лет службы я износил семь папок: одну кожаную, три клеенчатых и три пластиковых. Семь — это предел, сказал домовладелец. Семь папок — и тебя выгоняют.

— Какая несправедливость, — возмутилась Дина. — Вы всегда бережно относились к своим папкам — держали в чистоте, аккуратно открывали и закрывали. Разве ваша вина, что они покупают самые дешевые образцы, которые разваливаются через несколько лет.

— Ему был нужен повод, чтобы от меня избавиться. Я знаю настоящую причину.

— Что за причина?

Старик помолчал, словно прикидывал, стоит ли делиться с Диной своими соображениями, а потом вздохнул.

— Дело в том, что я не вкладываю прежнего пыла в свою работу. Теперь я не так жесток с жильцами. Не угрожаю им, не запугиваю. Нет во мне прежнего огня. И потому я стал не нужен.

— Ну так попробуйте быть тверже. Употребляйте соответствующие выражения или что-нибудь в этом роде.

Старик покачал головой.

— Когда азарт уходит, он больше не возвращается. Я утратил его здесь, в вашей квартире, сестра. Вы не помните? Это произошло несколько месяцев назад, когда я привел к вам бандитов. После того, что случилось, малый ребенок меня не испугается. И я благодарен Аллаху за это.

Дине припомнился ужас, который он навлек на них тем вечером, но зла уже не было — напротив, она почувствовала что-то вроде ответственности за судьбу Ибрагима.

— Вы не нашли другую работу?

— В моем возрасте? Кому я нужен?

— Тогда на что будете жить?

Мужчина стыдливо уставился в пол.

— Кое-кто из жильцов помогает. У меня по-

явилось несколько друзей. Я стою у дома, и они дают… оказывают мне помощь. Но не в этом дело, сестра, я пришел по другой причине. Хочу предупредить — домовладелец готовит вам подлость. Вы в опасности.

— Я не боюсь этого негодяя. Мы под защитой Хозяина Нищих.

— Но, сестра, его уже нет.

— Что вы такое говорите? Вы в своем уме?

— Его убили вчера. Я как раз стоял у дома и все видел. Это было ужасно. — Ибрагим затрясся и покачнулся. Дина усадила его на стул.

— Теперь сделайте глубокий вдох и все расскажите, — сказала она.

Ибрагим глубоко вдохнул.

— Вчера утром я стоял с железной банкой у ворот, ожидая помощи от жильцов — от друзей, я хотел сказать. Все произошло на моих глазах. В полиции сказали, что я главный свидетель, и забрали в участок, чтобы снять показания. Я просидел там до вечера, отвечая на вопросы.

— Кто убил Хозяина?

Ибрагим сделал еще один глубокий вдох.

— Какой-то доходяга. Он прятался у ворот за каменной колонной. Увидев Хозяина, он прыгнул на него со спины, повалил и хотел пырнуть

ножом. Но от слабости не смог нанести сильный удар — нож даже не вошел в тело. Любой увернулся бы от такого хиляка.

— Но почему тогда этого не сделал Хозяин?

— Это был не его день.

Хозяин нес с собой набитый монетами кейс, прикрепленный цепочкой к запястью — он только что обошел своих нищих. Тяжесть монет не давала подняться, одна рука была неподвижна — он оказался в западне. Свободной рукой он отбивался как мог, молотил ногами, но худосочный убийца, оседлав его спину, методично делал свое дело, пытаясь пробить одежду и кожу, войти в плоть и пронзить сердце.

— Поначалу все выглядело даже забавно. Доходяга словно играл с пластиковым ножиком и надувной игрушкой. Но время было на его стороне, и в конце концов Хозяин затих. Тот, кто жил за счет крох, что подают беззащитным калекам, погиб под тяжестью милостыни. Вот так, сестра, иногда и в нашем мире торжествует справедливость.

Дине припомнились нищие, много нищих на похоронах Шанкара. Да, теперь они свободны. Но какая им польза от этой свободы? Разбросанным по жалким городским тротуарам, осиротевшим,

лишенным опеки — не было ли им лучше под присмотром Хозяина?

— Он был не таким уж плохим человеком, — сказала Дина.

— Кто мы такие, чтобы судить — хорош он или плох? Просто на этот раз чаши весов сравнялись. Скажу вам честно, сестра, когда вчера утром я увидел, как Хозяин Нищих приближается к нашему дому, у меня появилось желание просить его о помощи — найти мне какое-нибудь прибыльное местечко. Но убийца добрался до него первым.

— Он хотел украсть деньги?

— Нет, деньги его не интересовали. Тогда он отрубил бы кисть. Нет, убийца отбросил нож и закричал, что он циркач, у него был номер с обезьянами, а Хозяина он убил из мести.

Дина побледнела и опустилась на стул. Ибрагим с трудом оторвался от своего и взял женщину за руку.

— Что с вами, сестра?

— У того, кто назвал себя циркачом, был шрам на лбу?

— Кажется, да.

— Он приходил ко мне на прошлой неделе, хотел встретиться с Хозяином по какому-то делу. Я сказала, что он придет в четверг — то есть вче-

ра. — Дина сложила пальцы в кулак и приложила ко рту. — Я помогла убийце.

— Не говорите так, сестра. Как вы могли знать? — Старик похлопал ее по руке, ногти у него были грязные. Несколько месяцев назад такое прикосновение вызвало бы у нее отвращение. А сейчас она была ему рада. Его сморщенная кожа, похожая на чешую безобидной рептилии, пробудила в ней изумление и жалость. «И почему я так его ненавидела, — спросила себя Дина. — Человек может вызывать только чувство изумления из-за его способности выживать и жалости, когда это у него не получается. И, наверное, Манек был прав, когда говорил, что все кончается плохо».

— Не вините себя, сестра. — Старик снова похлопал ее по руке.

— Почему вы упорно зовете меня «сестрой»? Ведь я вам в дочери гожусь.

— Хорошо. Буду звать «дочкой». — Старик улыбнулся, и эта улыбка была неформальная. — Ведь владелец обезьян в любом случае нашел бы и убил Хозяина — с вашей помощью или без. В полиции говорят, что он психически больной — убежать от полицейских даже не пытался, просто стоял и нес какой-то вздор: якобы когда он лежал без сознания, Хозяин украл двух его

детей, ослепил их, отрезал кисти, искривил позвоночники и сделал из них нищих. Но теперь предсказание сбылось — и он отомстил негодяю. Кто знает, какие демоны вселились в беднягу и помутили его разум!

Старик снова погладил руку Дины.

— Теперь, когда Хозяина Нищих нет, домовладелец постарается вас выселить. Я пришел предупредить вас.

— Разве я смогу противостоять его бандитам?

— Нужно опередить его. У вас есть немного времени. Теперь в квартире нет портных и жильца, поэтому надо еще найти, к чему придраться. Наймите адвоката и…

— У меня нет денег на дорогого адвоката.

— Подойдет и дешевый. Он должен…

— Но как я его найду?

— Идите в суд. Он сам вас найдет. Как только пройдете ворота, адвокаты сбегутся к вам.

— И что дальше?

— Поговорите с ними, выберите того, кого сможете нанять. Скажите, что нужно найти управу на домовладельца, чтобы с его стороны прекратились угрозы и прочие формы агрессии и восстановился статус-кво…

— Разрешите я это запишу. Иначе забуду. —

Дина взяла бумагу и карандаш. — Думаете, это поможет?

— Если поторопитесь. Не тяни времени, дочка. Иди — иди прямо сейчас.

Дина порылась в сумочке и достала пять рупий.

— Это пока не найдете работу, — сказала она и сунула бумажку в его чешуйчатую руку.

— Нет, я не могу взять у вас деньги — вам и так досталось.

— Неужели дочь не может помочь старому отцу?

Старик со слезами взял деньги.

За воротами суда сложился импровизированный шумный базар, здесь люди, проводившие долгие часы, дни, недели и даже месяцы в надежде найти справедливость, могли купить еду. Тех, кто здесь уже прижился, можно было легко узнать — они приходили сюда с пакетами припасов, стояли в стороне и громко жевали. Около мужчины, который жарил пирожки с овощами, собралась большая толпа. «Неудивительно, — подумала Дина, — запах очень соблазнительный». Рядом на большом куске льда охлаждался ананас. Отводя глаза от брызжущего сока, женщина отрезала от ананаса длинным острым ножом

тонкие круглые ломтики, восхитившие Дину своим безукоризненным видом.

В центре толпы у здания суда расположились машинистки. Они сидели, поджав ноги, словно находились в храме, и печатали за столиками на красавцах «ундервудах» документы для истцов и просителей. Рядом продавали нужного размера бумагу, скрепки, папки, красные ленты для перевязки документов, синие и красные карандаши, ручки и чернила.

Представители разных юридических профессий в черных пиджаках рыскали в толпе в поисках клиентов. Дина избегала их, решив сначала оглядеться в новой обстановке. «Нет, спасибо», — отвечала она тем, кто предлагал свою помощь.

Около главного здания толпа все больше сгущалась, создавая ощущение надвигающегося хаоса. Людей выносило из дверей или вносило внутрь; оказавшиеся в здании что-то объясняли, жестикулируя, сотрудникам, а оставшиеся на улице громко требовали, чтоб счастливцы, попавшие внутрь, поскорее оттуда выметались. Время от времени кто-нибудь ронял бесценные документы, а когда пытался поднять их, завязывалась драка, во время которой терялись другие

вещи, вроде носовых платков, сандалий, шапочек, шарфов.

Одна большая волна внесла все-таки Дину в здание. Она оказалась в коридоре, где люди также находились в постоянном движении, переходя из одной комнаты в другую, поднимаясь и спускаясь по лестнице. Казалось, всех охватила эпидемия дезориентации. В залах и коридорах стоял неумолчный шум. Иногда это был ровный гул, перемежающийся взрывными криками протеста. Дина не понимала, как в такой обстановке можно вести судебные процессы.

Некоторое время она постояла в дверях помещения, где шло судебное разбирательство. Судья невозмутимо вел процедуру. Выступал защитник. Не было слышно ни слова. Только жестикуляция и движение на горле сухожилий говорили о том, что он произносит речь.

Временами люди в коридорах замирали и, не зная куда идти, выкрикивали какое-то имя или номер. Иногда они разбивались на группы и шли в разных направлениях, не переставая кричать то же самое. «Может, что-то давало сбой и шло не так в судебной системе, — думала Дина. — Может, началась забастовка? Или уборщики, клерки и секретари сообщили по телефону, что заболели,

оттого и возникла такая неразбериха?»

Дина приняла решение идти за одной семьей, которая, как ей показалось, знала, что делать. Она торопливо шла за ними, прислушивалась к тому, что они говорили, следила за направлением их глаз. После такого тщательного изучения их действий перед ней из кажущегося беспорядка и суматохи начинал вырисовываться некий замысел. Все было похоже на шитье нового платья. Выкройки тоже казались бессистемными клочками бумаги, пока их не складывали в определенном порядке.

Она осознала, что вся эта безумная суматоха составляет часть обычного дня в суде. Толкотня в коридорах объяснялась поисками доски объявлений, где было расписано, в какой комнате будет слушаться то или иное дело. Подозрительные группы людей по углам являлись посредниками, согласовывающими суммы услуг. Люди, выкрикивающие имена, были адвокатами, ищущими клиентов или, напротив, тех, чьи дела были на подходе. После месяцев или даже лет ожидания бешенство тяжущихся сторон было понятно. Ничего не могло быть ужаснее ситуации, когда в решающий момент заседание откладывалось из-за того, что адвокат уходил в туалет или выпить

чаю, не предупредив клиента.

Как только Дина нащупала нить порядка в этом хаосе, она почувствовала себя уверенней. Выйдя из здания, она стала присматриваться к адвокатам. Некоторые стояли с написанными от руки объявлениями, указывающими их специализацию: *дела о разводе; составление завещаний и их официальное утверждение; продажа почек; быстрое составление заявлений и правильное использование английского языка.*

Некоторые предпочитали выкрикивать свои предложения как продавцы на базарах: «Заверенные копии. Всего пять рупий! Письменные показания — пятнадцать рупий! Все случаи, все правонарушения, низкие цены!»

Дина остановилась рядом с адвокатом, на доске объявлений которого первым номером значилось: *разногласия по поводу ренты — только 500 рупий.* Она уже собиралась с ним заговорить, как на нее, почувствовав потенциального клиента, надвинулась целая орда мужчин в черных пиджаках. Некоторые пиджаки из-за стирок выглядели скорее серыми, чем черными.

Адвокаты боролись за ее внимание, однако пытались сохранить достоинство, делая вид, что конкуренции между ними нет. Професси-

ональное соперничество не омрачало их лиц — ни насупленных бровей, ни сердитого слова. Каждый, казалось, не замечал присутствия остальных, но всячески старался обратить на себя внимание.

Один выступил вперед, тряся перед Диной свидетельствами своей компетенции.

— Мадам, пожалуйста, только взгляните — вот диплом известного университета! Много нечестных людей притворяется юристами! Поэтому, когда выбираете кого-то, всегда интересуйтесь его квалификацией.

— Специальное предложение! — орал кто-то из заднего ряда. — Никаких дополнительных денег за печатание документов — все включено.

Адвокаты тесно окружили Дину. Испуганная излишним вниманием, она старалась выбраться из обступившей ее толпы.

— Извините меня, прошу…

— В чем ваше дело, мадам? — выкрикнул кто-то, вставший на цыпочки, чтобы его было видно. — Я разбираюсь и в уголовных, и гражданских делах одинаково хорошо.

Брызги слюны долетели до ее щеки и очков. Дина вздрогнула от отвращения и предприняла новую попытку освободиться. В толкотне кто-то

ухватил ее за ягодицы, а кто-то другой ощупал грудь.

— Негодяи! Бесстыжие негодяи! — Она расталкивала всех локтями и раза два даже пнула кого-то ногой, пока мужчины расступились. «Жаль, не прихватила с собой зонтик, — подумала она, — вот бы задала им жару».

Руки Дины дрожали, и ей стоило труда не сбиться с шагу. Она отошла в малолюдную часть двора у стены. Адвокатов здесь не было, и царила тишина. Вдоль огороженной территории стояли деревянные скамейки. Люди отдыхали на траве, дремали, положив под голову сандалии, чтоб было удобней и ради сохранности обуви. Кое-кто ел ланч из контейнера из нержавеющей стали. Мать чистила перочинным ножиком ребенку саподиллу[141] и кормила его сладкой коричневой мякотью. В знойном воздухе музыка из транзистора тихо жужжала, как стрекоза.

На потрескавшейся скамье сидел мужчина и смотрел на манговое дерево. Трое мальчишек кидали камни, стараясь попасть в твердый зеленый плод, а их родители дремали на лужайке. Их усилия увенчались успехом — одно манго упало

[141] Примечания: 141

Саподилла — очень сладкий тропический фрукт, по форме напоминает картофель.

на землю. Мальчики поочередно откусывали от него, морщась от кисловатого вкуса. С закрытыми глазами, содрогаясь от удовольствия, они вонзали зубы в плод, наслаждаясь его терпкой мякотью.

Мужчина на сломанной скамье кивнул и улыбнулся своим воспоминаниям, вызванным детскими забавами. Карман его рубашки был полон ручек, заключенных в пластиковый корпус. У ног стоял картонный прямоугольник площадью пятнадцать на десять дюймов, подпертый кирпичом.

Дина из любопытства подошла ближе и прочла надпись на картоне: Васантрао Валмик — В.А.Л.П.С. «Странно, — подумала Дина, — адвокат, а сидит здесь в бездействии и, похоже, этому рад. А так как на нем и пиджака черного нет, у него мало шансов на успех».

— От имени представителей моей профессии разрешите принести извинения за безобразное зрелище у входа в суд, — сказал мистер Валмик.

— Принимаю с благодарностью, — ответила Дина.

— Это я должен благодарить вас за то, что принимаете извинения. Позор! Я видел отсюда, как они напали на вас. — Мужчина расправил ноги, задел носком картонку, та упала. Он поправил

картонку и снова закрепил ее кирпичом.

— С этой скамьи я много чего вижу каждый день. И ничто меня не радует. А чего можно ждать, когда судейство передано глупцам, а лидеры страны, отказавшись от мудрости и гуманного правления, превратились в трусов, стремящихся к власти и богатству. Наше общество прогнило сверху донизу.

Адвокат подвинулся на край ветхой скамейки, уступая Дине место на более надежной стороне.

— Присядьте, пожалуйста.

Дина села — на нее произвели большое впечатление слова и манеры незнакомца. Она чувствовала, что тот находится не на своем месте. Ему больше подошел бы со вкусом обставленный кабинет, стол из красного дерева, кожаное кресло и шкафы, полные ученых книг.

— На этой стороне спокойно, — сказала она.

— Да, и это замечательно. Семьи мирно отдыхают, пока Жернова Правосудия перемалывают их просьбы. Кто поверит, что этот чудный уголок на самом деле — жалкий театр, полный злобы и мести, потрескавшаяся сцена, где разыгрываются трагедии и фарсы? Кажется здесь — место для пикника, а не для сражения. Несколько месяцев тому назад я был свидетелем родов — женщина

родила прямо здесь, и все прошло хорошо. Она не хотела ехать в больницу, боялась, что отложат ее дело. Она была моей клиенткой. И мы выиграли процесс.

— Так вы практикующий адвокат?

— Вот именно, — и он указал на объявление. — И притом квалифицированный. Хотя давным-давно, много лет тому назад, когда я был в колледже, мои однокурсники говорили, что учиться мне необязательно — я и так уже Л. П. С.

— А что это такое?

— Лорд Последней Скамейки, — ответил мистер Валмик улыбаясь. — Они наградили меня таким титулом, потому что я всегда сидел позади — оттуда я всех и все видел. И должен признаться, эта позиция позволила мне гораздо больше узнать о человеческой природе, чем лекции профессоров.

Он дотронулся до связки ручек в кармане рубашки, как бы желая убедиться, что они на месте и готовы к работе. Ручки ощетинились в пластиковом контейнере, словно трепещущие стрелы.

— И вот я здесь с новой степенью — Л.П.С., Лорд Последней Скамейки. И мое образование продолжается. — Он засмеялся, и Дина из вежливости к нему присоединилась. Шаткая скамейка задрожала.

— Но почему вы, мистер Валмик, не стараетесь заполучить клиентов, как другие адвокаты?

Адвокат поднял глаза на манговое дерево и сказал: «Я считаю такое поведение грубым, совершенно *infra dig*[142]». И тут же прибавил: «ниже моего достоинства», боясь, что Дина может счесть использование латинизма снобизмом.

— Но, сидя здесь, вы много не заработаете.

— Мне хватает. Капает понемногу. В конце концов люди находят меня. Вот такие, как вы, у которых вызывают отвращение эти грубияны от закона и вульгарная реклама. Конечно, не все они так плохи — некоторые просто отчаянно нуждаются в работе. — Он добродушно помахал проходившему мимо клерку и снова дотронулся до ручек. — Даже будь я способен на столь вульгарное поведение, мои голосовые связки не позволят мне участвовать в этом громогласном конкурсе. У меня серьезное заболевание связок. Если сильно повышу голос, могу потерять его окончательно.

— Какое несчастье!

— Не такое уж большое! — успокоил женщину Валмик. Искреннюю симпатию он считал боль-

---

[142] Примечания: 142
Унизительный *(лат.)*

шой драгоценностью и не поощрял ее излишнее расточительство. — Нет, это мне не мешает. Сейчас не требуется, чтобы голос адвоката зычно разносился по залу, окутывая судью и присяжных паутиной искусного словоблудия. — Он издал смешок. — Теперь не требуется Кларенс Дэрроу[143], да и «Обезьяньих процессов»[144] больше нет. Хотя обезьян достаточно, они есть в каждом зале суда, готовые за бананы и арахис защищать что угодно.

Адвокат тяжело вздохнул — сарказм сменился печалью.

— Что можно сказать, что можно думать, мадам, о состоянии нации, когда высший суд страны отрицает явную вину премьер-министра, когда все это, — и он показал на внушительное каменное здание, — превращается в цирк с дешевыми фокусами вместо того, чтобы дать жизнь чистому дыханию закона во имя могущества нации.

Тронутая его искренней болью Дина спросила: «Но почему Верховный суд допускает это?»

---

[143] Примечания: 143

Кларенс Дэрроу (1857–1938) — американский юрист и один из основателей Американского союза гражданских свобод.

[144] Примечания: 144

Обезьяний процесс — судебный процесс в штате Теннесси над школьным учителем Джоном Скоупсом, которого обвинили в нарушении антидарвинистского закона.

— Кто знает, мадам. Почему вокруг болезни, голод и страдания? Мы не можем ответить на «почему», а только на «как», «где» и «когда». Премьер-министр проиграла выборы, и закон тут же подправили. Ergo[145], она не виновна. Мы, простые смертные, должны смириться: прошлое находится вне нашей досягаемости, зато премьер-министр может обращаться с прошлым как пожелает.

Мистер Валмик внезапно замолк, вдруг осознав, что слишком увлекся своими измышлениями, в то время как рядом сидит потенциальный клиент.

— А что у вас за дело, мадам? Похоже, вы из местных ветеранов.

— Нет. Прежде я никогда не была в суде.

— Тогда вам можно позавидовать, — пробормотал мужчина. — Не хочу показаться любопытным, но неужели вы нуждаетесь в адвокате?

— Да. Дело касается моей квартиры. Проблемы начались девятнадцать лет назад после смерти моего мужа. — Дина рассказала мистеру Валмику все — первые претензии домовладельца через несколько месяцев после гибели Рустама в день

---

[145] Примечания: 145
Следовательно *(лат.)*

их третьей годовщины, появление в доме портных и жильца, агрессивное поведение сборщика арендной платы, угрозы бандитов, покровительство Хозяина Нищих, его смерть.

Мистер Валмик сложил пальцы домиком и внимательно слушал. Он не шевелился и даже не сделал попытки прикоснуться к любимым ручкам. Дину поразило, как увлеченно он ее слушал — почти так же увлеченно, как прежде говорил.

Дина закончила, и адвокат разжал пальцы. Потом заговорил своим тихим голосом с легким намеком на хрип.

— Ситуация очень сложная. Понимаете, мадам, иногда кажется, что быстрее и эффективнее действовать *ex curia*[146]. Видя ее замешательство, он прибавил: — «То есть в обход закона. Но в конце это приводит к еще большим проблемам. Да, в наши дикие времена бандиты ужасно расплодились. Они правят балом. И кто осудит вас за то, что вы прибегли к их услуге? Кто захочет войти в запачканный Храм Справедливости, где покоится сама Справедливость, зарезанная ее же стражами? А теперь ее убийцы глумятся над священным таинством, продают ее тому, кто

---

[146] Примечания: 146
Во внесудебном порядке (*лат.*).

назначит бóльшую цену.

Дине захотелось, чтобы мистер Валмик перестал говорить в этой высокопарной манере. Поначалу она нравится, но потом утомляет. «Как же люди любят произносить речи, — подумала она. — Помпезностью и риторикой заражена вся нация — от министров до адвокатов, от налоговика до сборщика волос».

— Так, по-вашему, надежды нет? — перебила его Дина.

— Надежда есть всегда, она противовес отчаянию. Иначе мы бы погибли.

Мистер Валмик вынул из портфеля блокнот, любовно выбрал одну из многих ручек и начал писать.

— Будем надеяться, что тень справедливости еще бродит вокруг, желая помочь нам. Если приличный судья ознакомится с вашей жалобой и наложит запрет на всякие операции с квартирой, вас не тронут до начала судебного разбирательства. Как ваше имя, мадам?

— Миссис Далал. Дина Далал. А сколько вы берете за услуги?

— Сколько сможете заплатить. Поговорим об этом позже. — Он занес в блокнот фамилию домовладельца, адрес конторы и еще кое-какие

существенные детали. — Мой совет — не оставляйте квартиру без надзора. Закон в девяти из десяти случаев на стороне владельца имущества. А бандиты в сущности трусы. Кто-нибудь может с вами пожить какое-то время — родственники или друзья?

— У меня никого нет.

— Значит, никого? Извините за вопрос. — Мистер Валмик замолчал, а потом разразился жутким приступом кашля. — Простите, — прохрипел он. — Видно, я уже израсходовал свою квоту на сегодняшний день.

— О боже, — испугалась Дина. — Кашель у вас и правда плохой.

— И это еще после лечения. — Голос адвоката прозвучал с оттенком некоторого самодовольства. — Слышали бы вы, как я говорил год назад. Пищал, как мышь.

— Но что послужило причиной этому? Несчастный случай или что-то другое?

— Как вам сказать, — вздохнул он. — Наша жизнь — всего лишь цепь случайностей, брящающая цепь непредвиденных событий. К величайшему несчастью, зовущемуся жизнью, мы случайно или сознательно прибавляем новые беды.

«Ну вот, опять завелся», — подумала Дина. Но его слова звучали достоверно. И ее опыт это доказывал. Ее тоже всегда преследовал случай: смерть отца, когда ей было двенадцать. А какую роль случай играл в жизни портных! Или взять Манека — думал вернуться, а едет в Дубай. Возможно, она никогда больше его не увидит, как и Ишвара с Омом. Внезапно они вошли в ее жизнь, внезапно из нее и вышли.

Тем временем мистер Валмик, желая подробно ответить на ее вопрос, ласково провел по своим драгоценным ручкам и начал рассказ. В этой его привычке Дине виделось что-то неприличное. Конечно, лучше трогать ручки, чем чесать яйца, как делают некоторые мужчины, беспричинно двигая их справа налево.

Гортанным голосом начал он рассказ о деятельном молодом студенте, учившемся на юридическом факультете, чьи таланты отмечали преподаватели и который, получив звание барристера, вдруг возжаждал тишины и покоя и нашел их в работе корректора.

— В течение двадцати пяти лет я наслаждался цивилизованным обществом слов, но все это закончилось в тот день, когда мои глаза поразила аллергия, и весь мой мир перевернулся.

Резкие звуки, выходящие из горла мужчины, были настолько искажены, что Дина с трудом его понимала. Но ее уши постепенно приспособились к необычному тембру и рваной интонации его голоса. Ей стало ясно: хотя мистер Валмик изображает жизнь как цепь случайностей, в самой его манере опытного рассказчика не было ничего случайного. Предложения лились как идеальные швы, и целое сохраняло форму, хотя, казалось, он не обращал внимания на отдельные стежки. Понимал ли он, что приводит в определенный порядок события? Может, и не понимал — может, сам рассказ выстраивал форму. Может, людям свойственно приводить в порядок события своих беспорядочных жизней, обладая неким секретным оружием, вроде антител в крови.

Рассказывая, мистер Валмик машинально вытащил авторучку, открутил колпачок и приложил перо к носу. Дина со смущением следила, как он поочередно подносил перо то к одной, то к другой ноздре и глубоко вдыхал запах чернил.

Ощутив прилив сил, он продолжил:

— И мне пришлось ради хлеба насущного связаться с шумным миром протестного движения. Моей новой профессией стало написание лозунгов и их выкрикивание. Это и стало причиной

разрушения моих связок.

Рассказ адвоката вызвал в памяти Дины ее лоскутное покрывало. Свадебный подарок Ому. Мистер Валмик тоже по-своему сшивал из отдельных фрагментов словесное покрывало, которое преподносил ей. Он казался фокусником, вытаскивающим изо рта бесконечную череду шелковых платков.

— Но тут меня поджидал очередной случай — я познакомился с одним старшиной. Тот еще горлопан был. Он орал, даже когда в том нужды не было. Его луженой глотке крик шел только на пользу, и я наконец дал своей отдохнуть.

Мистер Валмик прервал речь и предложил Дине леденцы от кашля. Дина отказалась, а он положил леденец в рот.

— У меня было множество планов, я хотел открыть отделения фирмы во всех больших городах. В своих мечтах я уже купил вертолет и набрал команду из тех, кто умеет сочинять лозунги. Если где-то возникали забастовки или прочие протестные движения, один звонок — и мои люди спускались на парашютах с готовыми транспарантами.

Зажегшийся в его глазах предпринимательский блеск неохотно потух.

— К несчастью, правительство запретило на время чрезвычайного положения марши и демонстрации. И потому с прошлого года я сижу на этой сломанной скамье с дипломом юриста в руках. Круг замкнулся.

Он разгрыз леденец — видимо, ему надоело мусолить его во рту.

— Как много я потерял, пока описывал этот круг — цель, одиночество, слова, зрение, голосовые связки! Да, главное в моей жизни — это утраты. Но разве нельзя сказать то же самое и о жизни других людей? Утрата — понятие сущностное. Она неотъемлемая часть той катастрофы, что именуется жизнью.

Дина неуверенно кивнула.

— И обратите внимание, я не жалуюсь. Благодаря какой-то необъяснимой универсальной силе, мы утрачиваем не самые важные вещи и сбрасываем их, как змеи сбрасывают кожу. В основе жизненного процесса — утраты, и они не прекращаются до тех пор, пока в нас не остается только чистый экстракт человеческого бытия.

Последние слова адвоката задели Дину за живое. Они звучали полной бессмыслицей.

— У змеи под старой кожей находится новая, — резко сказала она. — Я предпочла бы не терять

квартиру — вряд ли на ее месте возникнет новая.

У мистера Валмика был такой вид, словно его только что нокаутировали. Но он быстро пришел в себя и улыбнулся, оценив ее аргумент:

— Очень хорошо. Действительно хорошо, миссис Далал. Я привел плохой пример. И вы меня поймали. Очень хорошо. И с юмором у вас отлично. Один из недостатков моей профессии в том, что в ней совсем не задействован юмор. Закон — суровая вещь, тут не до улыбок. Но правосудие — другое дело. Здесь есть место для остроумия, эксцентрики, доброты и заботы.

Мистер Валмик поднял картонку и убрал ее, а кирпич запихнул под лавку, на случай если он еще понадобится. Отряхнув руки от красной пыли, он заявил:

— Сейчас я пойду писать прошение, составленное из слов и страсти.

Эти странные слова заставили Дину внимательно присмотреться к адвокату. Она задала себе вопрос: а правильный ли она сделала выбор?

— Не обращайте на меня внимания, — сказал мистер Валмик. — Это Йейтс. Его стихи созвучны этому позорному чрезвычайному положению. Все распадается, центробежные силы очень

сильны, весь мир охвачен анархией и прочими подобными вещами.

— Да, — согласилась Дина. — И все кончается плохо[147].

— А вот это звучит слишком пессимистично для мистера Йейтса, — сказал адвокат. — Он никогда бы такого не написал. Пожалуйста, приходите послезавтра в мой офис, и я вас со всем ознакомлю.

— В офис? Куда именно?

— Сюда, — рассмеялся он. — Эта сломанная скамья — и есть мой офис. — И нежно погладил ручки, снова положенные в пластиковый контейнер. — Миссис Далал, благодарю, что выслушали меня. Немногие в наши дни способны на это. Последний раз меня год назад выслушал студент университета, когда мы оба совершали долгую поездку на поезде. Еще раз благодарю.

— Не за что, мистер Валмик.

После его ухода новая группа мальчишек занялась охотой за редкими плодами манго. Было смешно смотреть, как они стараются. Дина посидела на лавке еще несколько минут и пошла домой.

---

[147] Примечания: 147

Из афоризмов Лу Холтца (род. 1937) — известного американского спортсмена и писателя. («Все кончается плохо или не кончается никогда»).

Констебль, сержант полиции и еще двое мужчин вели спор по поводу висячего замка на входной двери. Дина часто проигрывала в воображении эту сцену, и потому шока не испытала. Одна часть жизни заканчивалась, другая начиналась. «Подошло время последней главы, — подумала она. — Новый клочок в лоскутном одеяле».

Дина узнала двух мужчин — бандитов из охраны домовладельца. Теперь после встречи с Хозяином Нищих кисти их рук выглядели иначе — страшно изуродованные, деформированные пальцы разной длины, как на детском рисунке. Человек умер, а дела его живут.

— Что происходит? Что вам здесь надо? — спросила она, словно ничего не понимая.

— Я сержант Кезар, мадам, — ответил полицейский, вытаскивая большие пальцы из-под ремня, куда он засунул их для пущей важности, разговаривая с бандитами. — Простите за беспокойство. У меня приказ на ваше выселение.

— Вы не имеете права. Я только что разговаривала со своим адвокатом, он готовит прошение о судебном запрете.

Лысый бандит осклабился.

— Прости, сестра, но мы тебя опередили.

— Что значит опередили? — Она повернулась

к сержанту. — Здесь не скачки. Я имею право обратиться в суд.

Сержант печально покачал головой. В силу своей профессии он давно имел дело с бандитами и не мог дождаться того дня, когда их можно будет упрятать за решетку.

— Откровенно говоря, мадам, я ничем не могу вам помочь. Иногда закон работает по принципу «гонки в мешках». Выселение неизбежно. Прошение подадите позже.

— Но это все равно что биться головой о стену.

Бандиты согласно кивнули — с некоторым даже сочувствием.

— Обращаться в суд бессмысленно. Споры, отсрочки, свидетельские показания, доказательства. Уйму времени займет. Все эти глупости не проходят при чрезвычайном положении. — Пока один бандит это говорил, его товарищ гремел замком, напоминая, что надо делать дело.

— Пожалуйста, мадам, откройте дверь, — попросил сержант Кезар.

— А если я откажусь?

— Тогда мне придется сломать замок, — грустно сказал он.

— И что будет, когда я ее открою?

— Квартиру освободят от всего лишнего.

— Что?

— От всего лишнего, — проговорил сержант громче. — Ваша квартира должна быть пустой.

— Все выбросят на улицу? Но почему? Почему они ведут себя как звери? Дайте мне хотя бы день или два на сборы.

— Это решает домовладелец.

— Время истекло, — сказал лысый бандит. — Как представители домовладельца мы не можем задерживать процесс.

Сержант Кезар повернулся к Дине.

— Не беспокойтесь, мадам. С вашей мебелью ничего не случится. Я прослежу, чтобы с ней обращались аккуратно. Констебль ее посторожит. Если хотите, я пришлю вам грузовик.

Дина порылась в сумочке, вытащила ключ и отперла дверь. Бандиты так и норовили первыми шмыгнуть в квартиру, словно боялись, что дверь может снова захлопнуться перед их носом, но рука сержанта преградила путь. Он задержал бандитов, словно постовой на переходе.

— Только после вас, мадам, — и сержант вежливо наклонился, пропуская Дину вперед.

Первое, на что бандиты обратили внимание, были картонные коробки с вещами портных в углу веранды. Их они решили вынести первыми.

— Это не мои коробки. Мне они не нужны, — вырвалось со злобой у Дины. Ее ярость была направлена против отсутствующих — ее бросили, это из-за *них* она одна терпит унижения.

— Не ваши? Тогда мы заберем их себе.

Дина убирала одежду и разные безделушки в ящики шкафов и комодов, стараясь опередить бандитов, начавших выносить мебель. Сержант Кезар топтался рядом, выражая желание помочь.

— Мадам, вы решили что-то насчет перевозки?

— Пойду в «Вишрам» и позвоню оттуда брату. Он пришлет грузовик от своей конторы.

— Хорошо. А с этих двух я глаз не спущу. Чем я еще могу помочь, пока вы ходите, мадам?

— И вы не боитесь помогать преступнице?

Сержант грустно покачал головой.

— На самом деле, мадам, преступники — эти двое и еще домовладелец.

— А на улицу выбрасывают меня.

— Мы живем в сумасшедшем мире. Никогда бы не согласился на такую работу, если б не семья, которую надо кормить. Особенно сейчас, когда доктора нашли у меня язву. Все началось, когда ввели чрезвычайное положение. Сначала я решил, что у меня просто повышенная кислот-

ность. Но диагноз подтвердился, и скоро меня прооперируют.

— Мне очень жаль.

Дина нашла на кухонной полке отвертку и протянула сержанту.

— Если хотите, можете свинтить с двери табличку с моим именем.

Сержант радостно взял отвертку.

— Конечно. Я буду счастлив, мадам. — И он пошел на лестничную площадку, радуясь, что хоть чем-то загладит свою вину, и скоро оттуда донеслось его пыхтение — сержант с трудом отвинчивал потускневшую латунную табличку.

— Что? — раздался гневный крик Нусвана в трубке. — Выселена? И ты звонишь, когда мебель уже на улице? Копаешь колодец, когда дом охвачен огнем?

— Все произошло неожиданно. Ты можешь прислать грузовик?

— А у меня есть выбор? Это мой долг. Кто еще тебе поможет, если не я?

Когда Дина вернулась, мужчины почти закончили свое дело. Осталось вынести с кухни горшки, сковородки и плиту. Констебль, стоя на тротуаре, охранял вещи. Сложенные вместе пожитки занимали немного места — с трудом

представлялось, что они могли заполнить три комнаты и двадцать один год ее жизни.

Сержант Кезар почувствовал облегчение, узнав, что дело идет к концу.

— Вам еще повезло, мадам, вам хотя бы есть куда ехать. Я ежедневно сталкиваюсь со случаями, когда люди вынуждены остаться на улице. Так и лежат на тротуарах измученные, потерянные, побитые жизнью. Удивительно, как быстро привыкают они использовать картонки, пластик и газеты в повседневной жизни.

Сержант предложил Дине обойти все комнаты, прежде чем расстаться с квартирой.

— Вы уверены, что не хотите взять эти коробки на веранде? — тихо спросил он.

— Они не мои, и там, насколько я знаю, просто барахло.

— Учтите, мадам, все оставшееся в квартире автоматически переходит к домовладельцу.

— То есть к нам, — заявили бандиты, забирая коробки. Входную дверь закрыли и навесили новый замок. Сержант Кезар завершил все формальности, подписав документы в трех экземплярах.

Потом бандиты занялись коробками, с нетерпением ожидая наживы.

— Подожди секунду, — сказал лысый, извлекая

из коробки пригоршню черных волос. — Что это еще за хлам?

— Почему хлам? — засмеялся приятель. — Тебе волосы — ох как! — нужны!

Лысому это не показалось смешным.

— Посмотрим, что в другой коробке.

Сержант Кезар минуту смотрел на них, а потом положил руки на пояс. Он был готов к дальнейшим действиям. Сержант помнил об убийстве двух нищих — печально известное дело «охотника за волосами». Вот шанс, которого он ждал всю жизнь. На всякий случай он расстегнул кобуру и тихо дал инструкции констеблю.

— Простите, — вежливо обратился он к бандитам, — но вы оба арестованы за убийство.

Бандиты расхохотались:

— Ха-ха! Сержант Кезар шутит.

Но когда констебль ловко надел на них наручники, они завопили, что шутка зашла слишком далеко:

— Что вы такое говорите? Никого мы не убивали!

— Да нет, убили — двух старых нищих. Дело *prima facie*[148]. У убитых нищих срезали волосы

---

[148] Примечания: 148

Prima facie — ясно с первого взгляда *(лат.).*

и унесли с собой. И вот я вижу эти волосы у вас в руках. Все понятно.

— Но мы их нашли здесь. Ведь вы видели, как мы открыли коробку.

— По правде говоря, я этого не видел.

— Но вы не были свидетелем убийства? Откуда вы знаете, что это те самые волосы?

— Пусть это вас не волнует. Как вы сами сказали, такие глупости, как улики, теперь не важны. У нас есть более важные вещи — чрезвычайное положение и закон о внутренней безопасности.

— Какой закон? — поинтересовалась Дина.

— О внутренней безопасности. Очень полезный закон. Он позволяет держать подозреваемого без суда до двух лет. По ходатайству органов срок можно увеличить. — Любезно улыбнувшись Дине, сержант снова повернулся к бандитам. — Чуть не забыл — вы вправе хранить молчание, но если решите так поступить, мои парни в участке с удовольствием пересчитают вам ребра, и тогда вы во всем признаетесь.

Констебль заломил бандитам руки в наручниках за спину. Но сержант Кезар не торопился. Он положил волосы назад в коробку.

— Вещественное доказательство, — сказал сержант Дине. — Не волнуйтесь, мадам, я дождусь

приезда грузовика. Кто знает, сколько может пропасть вещей, если мы уедем! Только проводив вас, я отвезу этих негодяев в участок.

— Большое спасибо, — ответила Дина.

— Не за что. Благодаря вам мне улыбнулась удача. — Сержант дотронулся до кобуры, желая удостовериться, что все в порядке. — Вам нравятся фильмы Клинта Иствуда? «Грязный Гарри», к примеру?

— Никогда их не видела? Хорошие фильмы?

— Потрясающие. Очень динамичные. — Сержант прибавил с мечтательной улыбкой: — Грязный Гарри — отличный полицейский. Он добивается справедливости, даже когда закону это не под силу. — Понизив голос до шепота, он спросил: — Кстати, мадам, как эти волосы попали на веранду?

— Точно не скажу. Здесь жили двое портных, работали на меня, у них был друг, сборщик волос, и — больше я ничего не знаю — они все куда-то исчезли.

— Много людей исчезает во время чрезвычайного положения, — отозвался сержант, качая головой. — Но вы могли, сами того не зная, связаться с маньяками. Благодарите судьбу, что вышли из такой ситуации невредимой.

— Но тогда эти двое бандитов невиновны?

— По сути виновны — в других преступлениях. Тюрьмы они в любом случае заслуживают, мадам. Что-то вроде дебита и кредита, двойной бухгалтерии. Кстати, Грязный Гарри именно так и рассуждал. Для него главное — результат.

Дина кивнула, глядя на стаю ворон, копошившихся в сточной канаве по другую сторону улицы. Они толкались и ссорились из-за лакомых кусочков. Наконец подъехал грузовик.

— У вас есть дети? — спросила Дина сержанта, пока люди Нусвана грузили мебель.

— О да, — с гордостью ответил он, довольный ее вопросом. — Две дочери. Одной — пять, другой — девять.

— Они ходят в школу?

— Да. Старшая еще берет уроки игры на ситаре, раз в неделю после школы. Дорого, но ради этого я беру подработку. Ведь дети — наше единственное сокровище, правда?

Когда вещи погрузили в грузовик, Дина села в кабину рядом с водителем и поблагодарила сержанта Кезара за помощь.

— Рад был помочь, — ответил он. — Желаю вам всего хорошего!

— И вам того же. Надеюсь, ваша операция прой-

дет хорошо.

Шофер подал немного назад, чтобы развернуться на узкой дороге. Грузовик выехал из ворот, и Дина увидела стоящего у колонны Ибрагима с банкой в руках.

Когда грузовик проезжал мимо, старик попытался приложить руку к феске, но боль в плече помешала. Он просто коснулся воротничка шервани и помахал вслед.

— Простите, что задержался, — сказал Нусван, целуя Руби в щеку и обнимая сестру. — Все эти бесконечные заседания. — Он почесал бровь. — Грузовик все доставил?

— Да, спасибо, — поблагодарила Дина.

— Надеюсь, твои нищие, и портные, и жилец сказали тебе «Оревуар»[149]? — Он засмеялся своей шутке.

— Прекрати, Нусван, — сказала Руби. — Будь добрее — она столько всего вынесла.

— Я просто пошутил. Я рад, что Дина с нами.

Голос брата стал мягче, в нем звучали подлинные чувства.

— Много лет подряд я молился, чтобы ты верну-

---

[149] Примечания: 149

Игра слов: название фирмы, где работала Дина, и «до свидания» на французском звучат одинаково.

лась домой. Мне было больно, что ты предпочла жить одна. Ведь только семья поможет, когда весь мир ополчится на тебя.

Нусван сглотнул комок, застрявший в его горле, и Дина почувствовала себя растроганной. Она помогла Руби накрыть на стол, принесла кувшин с водой и расставила стаканы. Те стояли на том же месте в буфете. «Ничего здесь не изменилось за все эти годы», — подумала Дина.

— Никаких больше унижений! Никаких нищих и портных! — заявил Нусван. — В этом нет нужды — теперь тебе не придется заботиться о деньгах. Просто помогай по дому — больше ничего не надо.

— Нусван, — одернула его Руби. — Дина всегда помогала мне. Уж лентяйкой ее не назовешь.

— Да знаю я, — засмеялся он. — Она упрямица, а не лентяйка.

После ужина они осмотрели вещи, вывезенные из квартиры. Нусван пришел от них в ужас.

— Где ты откопала это старье?

Дина пожала плечами. Необязательно отвечать словами. Этой полезной вещи ее научил Манек.

— Для такого хлама здесь нет места. Только взгляни на этот уродливый обеденный стол. А диван, похоже, еще со времен Адама. — Нусван

пообещал, что на днях вызовет старьевщика, и они избавятся от этого барахла.

Дина не спорила с братом. И не говорила о воспоминаниях, которые хранят старые вещи.

Нусвана удивила перемена в сестре. Дина была слишком покорной, слишком кроткой и тихой — совсем не такой, как раньше. Его это даже пугало. А что, если она притворяется? И когда он успокоится, выдаст что-нибудь в своем прежнем духе.

Вещи Дины перенесли в гардероб, стоящий в ее прежней комнате.

— Она всегда ждала тебя, — сказала Руби. — А вот гардероб твоего отца. Я рада, что ты вернулась.

Дина улыбнулась. Сняв чехол с матраса, она убрала его в гардероб, а в изножье кровати положила свое лоскутное одеяло.

— Какое красивое! — восхитилась Руби, развернув его. — Просто роскошное! А что с этим уголком? Почему он не закончен?

— Не хватило материала.

— Какая жалость! — Руби задумалась на мгновение. — А знаешь, у меня есть немного красивой ткани. Как раз хватит, чтобы закончить.

— Спасибо. — Но для себя Дина решила, что все оставит как есть.

Ночью, лежа в постели под этим одеялом, Дина перечисляла в уме множество событий, соединенных вместе лоскутами, которые она сшивала с помощью иголки, нитки и любви. Если что-то забывалось, одеяло само подсказывало ей ответ. Свет, падающий из открытого окна, был достаточно яркий — его хватало, чтобы рассмотреть пестрые клочки. Запечатленная в одеяле история ее жизни.

Однажды ночью Нусван и Руби постучали в ее дверь и вошли без спроса. Она как раз находилась где-то в середине истории.

— Дина? Тебе что-то нужно?

— Нет.

— С тобой все в порядке?

— Конечно.

— Нам послышались голоса, — сказала Руби. — Мы подумали, что ты разговариваешь во сне — может, сон плохой приснился или еще что.

Так Дина узнала, что теперь она не мысленно обращается к прошлому, а проговаривает его вслух.

— Нет, я просто молилась. Простите, что побеспокоила вас.

— Ничего, — ответил Нусван. — Но я не разобрал, какую ты читала молитву. Надо тебе взять

уроки дикции у приемника дастура «Обними меня» в храме огня.

Посмеявшись этой шутке, супруги вышли из спальни.

— Помнишь, какой она была после смерти Рустама? Почти каждую ночь выкрикивала его имя, — прошептал Нусван.

— Это было так давно. С чего бы ей опять волноваться из-за этого?

— Возможно, она так и не сумела это пережить.

— Да. Наверное, от некоторых вещей оправиться невозможно.

Оставшись одна, Дина сложила лоскутное одеяло. Его узоры вызывали из молчания непрошеные слова — значит, его нужно убрать навсегда. Дину пугала исходящая от него магия — не известно, куда она могла ее привести. Ей не хотелось испытывать судьбу.

Нусван перестал дразнить Дину — она никак не реагировала, и ему стало неинтересно. Иногда, сидя в своей комнате, он вспоминал свою прежнюю, упрямую, несдержанную сестренку и жалел, что ее больше нет. «Да, — вздыхал он, — вот что делает жизнь с теми, кто не усваивает ее уроки — она ломает их и укрощает дух. Однако

теперь Дине хотя бы не придется трудиться из последних сил — о ней есть кому позаботиться».

Вскоре уволили служанку, которая приходила по утрам убираться, протирать полы и пылесосить. Нусван объяснил это тем, что «негодяйка хотела больше денег, ссылаясь на то, что в доме стало больше жильцов».

Дина намек поняла и взяла уборку на себя. Женщина поглощала в себя все, как огромная губка, а оставшись одна, отжимала себя насухо, и процесс возобновлялся.

Теперь Руби подолгу отсутствовала. Правда, перед уходом всегда осведомлялась, не нужна ли ее помощь. Дина не удерживала золовку, ей нравилось быть дома одной.

— Благодаря Дине, я теперь могу восстановить свое членство в клубе «Уиллингтон», — сказала Руби как-то вечером Нусвану. — Прежде на это не хватало денег.

— Дина — одна на миллион, — согласился муж. — Я всегда это говорил. Да, у нас были стычки и споры, правда, Дина? Особенно относительно замужества. Но меня всегда восхищали твоя сила и упорство. Никогда не забуду, с каким мужеством ты перенесла гибель Рустама на третью годовщину вашей свадьбы.

— Нусван! Ну зачем вспоминать об этом за обедом и волновать бедняжку Дину?

— Виноват, виноват! — И Нусван послушно поменял тему, переключившись на чрезвычайное положение. — Проблема в том, что из него ушло первоначальное эмоциональное напряжение. Ушел страх, который дисциплинировал людей, делал их пунктуальнее и трудолюбивее, этот страх ушел. Правительству надо что-то предпринять, чтобы оживить программу.

Теперь за обедом не поднимался вопрос о ее замужестве. «В сорок три года вопрос исчерпан — товар залежался», — сказал Нусван жене.

Воскресными вечерами они играли в карты.

— А ну, поторапливайтесь, — созывал Нусван женщин ровно в пять. — Пришло время карт.

Брат неукоснительно соблюдал этот ритуал, который хоть как-то поддерживал в нем мечту о крепкой семье. Иногда, если заходил гость, они вчетвером играли в бридж. Но чаще всего игроков было трое, и они часами играли в рамми под давлением Нусвана, видевшего в этом признак семейного счастья.

— Вы знаете, что Индия — родина карт? — спрашивал он.

— Что ты говоришь? — восклицала Руби. Зна-

ния Нусвана всегда ее потрясали.

— Да. И шахмат тоже. Существует теория, что игра в карты ведет происхождение от шахмат. Европа познакомилась с картами только в тринадцатом веке через Ближний Восток.

— Невероятно, — сказала Руби.

Нусван сбросил карты лицевой стороной вниз и объявил:

— Рамми.

После объявления комбинации Нусван стал анализировать ошибки других игроков.

— Нельзя было сбрасывать червового валета, — сказал он Дине. — Поэтому ты и проиграла.

— Решила рискнуть.

Нусван собрал карты и стал тасовать.

— Кто сдает? — спросил он.

— Я, — ответила Дина и взяла колоду.

Эпилог: 1984

Ранним утром самолет из Дубая с большой задержкой доставил Манека на родину. Как молодой человек ни старался выспаться в самолете, ему не удалось — мешали вспышки на экране: в туристическом салоне смотрели фильм. И вот теперь он с заспанными глазами стоял в очереди на таможенный досмотр.

Аэропорт расширялся, и пассажиров согнали во временную конструкцию из рифленого железа. Перестройка, как вспомнилось Манеку, началась здесь еще восемь лет назад, когда он только летел в Дубай. Жаркие волны, ударяясь о раскаленный металл конструкции, рикошетом били по людям. Запахи пота, сигаретного дыма, дешевого одеколона и дезинфекции носились в воздухе. Люди обмахивались паспортами и таможенными декларациями. Кто-то потерял сознание. Два служителя пытались привести мужчину в чувство, посадив у работающего вентилятора на столе таможенного офицера. Послали за водой.

После небольшого перерыва возобновилась проверка багажа. Стоящий сзади пассажир жа-

ловался на медлительность таможенников, и Манек пожал плечами:

— Может быть, им сообщили, что сегодня из Дубая везут большую порцию контрабанды.

— Да нет, здесь все время так, — сказал мужчина. — Особенно если рейсы с Ближнего Востока. Ищут драгоценности, слитки золота, электронику. — Мужчина объяснил рвение таможенников тем, что правительство недавним указом установило размеры бонуса таможенникам, изловившим контрабанду. — Так что теперь они землю носом роют.

Офицер, осматривая багаж Манека, запустил руки под одежду и шарил там. «А вдруг нельзя было провозить мышеловку», — подумал Манек. Изрядно все перерыв, офицер вытащил руки и неохотно пропустил молодого человека.

Манек прижал вещи и закрыл чемодан. Выйдя на улицу, подозвал такси и попросил отвезти его на железнодорожный вокзал. Водитель отказался туда ехать.

— Это как раз район беспорядков. Там опасно.

— Что за беспорядки?

— Разве вы не знаете? Там бьют, режут и сжигают живьем.

Манек не стал пререкаться с шофером и подо-

шел к другому таксисту. Однако все отказывались ехать, ссылаясь на вооруженные столкновения. Некоторые советовали ему провести какое-то время в гостинице, пока ситуация не прояснится.

Расстроенный Манек предложил очередному водителю дополнительное вознаграждение.

— Я удвою сумму на твоем счетчике. Мне надо срочно домой. У меня умер отец. Если опоздаю на поезд, пропущу похороны.

— Дело не в деньгах, господин. Ваша жизнь и моя стоят намного больше. Ладно, садитесь, сделаю, что смогу. — Таксист щелчком включил счетчик.

Такси с трудом выбралось из ряда машин, занявших подъезды к аэропорту, и вскоре они уже ехали по шоссе. Иногда, отрываясь от дороги, водитель поглядывал на пассажира в зеркало заднего вида. Манек поймал его взгляд.

— Вам следовало бы сбрить бороду, господин, — сказал шофер. — Вас могут принять за сикха[150].

Манек очень гордился своей бородой, и ему было все равно, за кого его примут. Бороду он

---

[150] Примечания: 150

В июне 1984 года по приказу премьер-министра страны Индиры Ганди была уничтожена база сикхских сепаратистов в Золотом храме. Эта операция привела к росту сикхского терроризма и стала причиной убийства в том же году самой Индиры Ганди.

начал отращивать два года назад и все это время тщательно заботился о ней.

— Почему меня должны принять за сикха? Тюрбана на мне нет.

— Многие сикхи теперь не носят тюрбаны, господин. Но без бороды было бы безопаснее.

— Безопаснее? Почему?

— Разве вы не знаете? Сейчас повсюду убивают сикхов. Уже три дня жгут их магазины и дома, режут юношей и мужчин. А полиция только суетится и делает вид, что охраняет места их поселений.

Шофер переехал на крайнюю левую полосу — их нагоняла колонна армейских грузовиков. Он обратился к Манеку через плечо, стараясь перекричать грохот машин: «Это Войска пограничной безопасности. В газетах писали, что они войдут сегодня в город».

Колонна проехала, и таксист заговорил нормальным голосом.

— Погранвойска — наши лучшие военные силы. Первая линия защиты против агрессора. А сейчас им приходится охранять границы между нашими городами. Какой позор для страны!

— Но почему только сикхов?

— Не понял, господин.

— Ты сказал, режут сикхов.

Таксист недоверчиво посмотрел в зеркало. Пассажир что, прикидывается несведущим? Но, подумав, решил, что вопрос задан всерьез.

— Все началось три дня назад, когда убили премьер-министра. Ее застрелил охранник из сикхов. То, что происходит, — ответная месть.

Шофер обернулся к Манеку.

— Где вы были, господин, если не слышали о случившемся?

— Про убийство я знаю, но про волнения не слышал. — Манек смотрел на трещины в виниловой обивке сиденья перед ним и на потертый воротничок шофера. На шее мужчины зрели небольшие чирьи. — Я был очень занят, торопился, чтобы приехать вовремя на похороны отца.

— Понимаю, — сочувственно произнес таксист. — Нелегко вам. — Он свернул в сторону, чтобы не сбить собаку, рыжеватую дворняжку, облезлую и тощую.

Манек посмотрел в заднее окно — жива ли собака. Но шедший сзади грузовик ее задавил.

— Дело в том, что я отсутствовал восемь лет, — сказал он — словно извинялся.

— Да, это большой срок, господин. Выходит, вы уехали еще при чрезвычайном положении

— до выборов. Для простых людей, правда, мало чего изменилось. Правительство по-прежнему разрушает хижины и целые поселки. Говорят, в деревнях колодцы разрешают рыть, только если определенное количество жителей прошли стерилизацию. И фермеры получают удобрения тоже только после операции. Каждый день — что-то новенькое придумывают. — Шофер предупреждающе посигналил кому-то ехавшему сзади. — Вы слышали о штурме Золотого храма?

— Да. Такое событие трудно пропустить, — сказал Манек. Таксист, видимо, считает, что он прибыл с Луны. Последовало молчание, и Манек подумал, что действительно немного знает о том, что здесь произошло за последние годы. Какие еще трагедии и фарсы разыгрались на родине, пока он занимался охлаждением жаркого воздуха пустыни?

Он постарался вызвать шофера на разговор:

— Что ты думаешь о штурме Золотого храма?

Таксисту польстило, что пассажир интересуется его мнением. Ближе к столице он свернул с шоссе. Они проехали мимо сгоревшей машины, ее колеса торчали вверх.

— Я выбрал дальний путь на вокзал, господин. На некоторых дорогах лучше не ездить. — И толь-

ко после этого объяснения перешел к ответу на вопрос Манека. — Премьер-министр сказала, что в Золотом храме засели сикхские сепаратисты. Штурм храма был всего несколько месяцев назад. Однако проблема возникла гораздо раньше, и это важно.

— Какая проблема?

— Та же, что и все проблемы премьер-министра. Все из-за ее злодеяний — в Шри-Ланке, Кашмире, Ассаме, Тамил Наду. В Пенджабе она помогала группе, выступавшей против местного правительства. Впоследствии эта группировка, борясь за отделение и создание Халистана[151], стала такой влиятельной, что принесла премьер-министру одни неприятности. Оружие, которое она им поставляла, обернулось против нее самой. Как это говорится: «За что боролась…»

— «… на то и напоролась», — закончил Манек.

— Вот именно, — сказал таксист. — А затем она усугубила проблему, приказав армии атаковать Золотой храм и схватить террористов. Солдаты ворвались внутрь на танках с автоматами, как заправские бандиты. Разрушали и оскверняли святыни. А ведь это для сикхов священное место,

---

[151] Примечания: 151

Халистан — непризнанное сикхское государство на территории индийского штата Пенджаб.

их чувства были оскорблены.

Манека тронула горечь его слов.

— Она создала монстра, — продолжал шофер, — а монстр уничтожил ее самое. А теперь этот монстр пожирает невинных. Резня продолжается уже три дня. — Руки его вцепились в руль, голос задрожал. — Они льют на сикхов керосин и поджигают. Хватают мужчин, вырывают или отсекают саблями бороды, а потом убивают. Целые семьи сгорают в своих домах.

Шофер провел рукой по рту, глубоко вздохнул и продолжил рассказ о побоище, которое видел своими глазами.

— И подумайте, господин, все это в нашей столице. Массовая резня происходит при бездействии полиции и болтовне политиков, которые твердят, что народ просто взбудоражен, а ведь здесь — открытая месть за убийство лидера. Гнусные шакалы, — тьфу! — И он сплюнул через окошко.

— Мне казалось, народ не очень любил премьер-министра. Почему такая реакция?

— Вы правы, господин, простой народ ее не любил, хотя в своем белом сари она походила на ангела. Но, даже если б ее любили, неужели вы думаете, что обычные люди устроили бы этот

погром? Нет, это работа криминальных банд, оплаченная ее партией. Некоторые чиновники даже помогают бандитам, дают им списки адресов, где проживают сикхи и где располагается их бизнес. Иначе разве смогли бы убийцы действовать так эффективно и точно в таком большом городе?

Они проезжали улицы, где тлели руины, а вдоль дороги валялись груды камней. Женщины и дети сидели посреди развалин, некоторые плакали, другие бессознательно озирались вокруг. Лицо шофера исказилось, и Манек подумал, что тот боится.

— Не тревожься, — сказал он. — У тебя не будет неприятностей из-за моей бороды. Если нас остановят, я им сразу скажу, что я парс и покажу судру и кусти[152].

— Но они могут попросить и мою лицензию.

— И что?

— А вы не догадались? Я сикх — два дня назад сбрил бороду и отрезал волосы. Но кару не снимаю. — Мужчина поднял руку, открыв стальной

[152] Примечания: 152

Судра — священная сорочка, которую надевают на ребенка, когда ему исполняется шесть лет и три месяца; тогда же надевают и священный пояс — кусти. Посредством этом церемонии ребенок приобщается к зороастрийской религии.

браслет на запястье.

Манек внимательно всмотрелся в лицо шофера, и очевидное вдруг открылось ему: на непривычном к бритве лице мужчины были порезы. И тогда все, о чем рассказывал шофер, — об увечьях, избиениях, обезглавливании людей и о прочих бесчисленных преступлениях бандитов: о ломаемых костях, терзаемой плоти, кровопролитии — все, что слушал Манек отстраненно, теперь воочию предстало перед ним благодаря этим порезам. Запекшаяся кровь на щеке и подбородке говорила о том, что ее пролилось много, порезы были особенно заметны на бледном, только что побритом лице.

Манека затошнило, стало зябко, на лбу проступил пот.

— Негодяи, — проговорил он сдавленным голосом. — Надеюсь, их поймают и повесят.

— Настоящие убийцы останутся безнаказанными. За голоса и власть они расплачиваются человеческими жизнями. Сегодня жертвы — сикхи. В прошлом году — мусульмане. До этого — хариджане. Настанет день, и вас не спасут судра и кусти.

Такси подъехало к вокзалу. Манек посмотрел на счетчик и протянул двойную плату, но шофер

отказался от лишних денег.

— Ну пожалуйста, — сказал Манек, — пожалуйста, возьми. — Он настойчиво совал таксисту деньги, словно они могли помочь тому пережить творившийся ужас, и таксист наконец взял их.

— Почему бы тебе не снять кару и не спрятать ее на какое-то время? — спросил Манек.

— Браслет не поддается. — Мужчина показал, что браслет не снять. — Хотел было его спилить, но нужен надежный мастер, чтобы не проболтался кому не надо.

— Дай-ка я попробую. — Взяв шофера за руку, Манек крутил и тянул браслет, но тот не проходил дальше основания большого пальца.

Мужчина засмеялся.

— Держит не хуже наручников. Я взят в плен своей религией — счастливый заключенный.

— Тогда хотя бы надень рубашку с длинными рукавами. Пусть запястья не будут видны.

— Иногда приходится высовывать руку из машины — на поворотах. Иначе остановит дорожная полиция за неправильную езду.

Манек сдался и отпустил кару. Шофер взял его руку и крепко пожал ее обеими руками.

— Счастливого пути! Берегите себя! — сказал он.

Увидев сына, Абан разрыдалась. Как радостно видеть его снова, говорила она, но почему он ни разу за восемь лет не приехал домой — может, на что-то обиделся, может, думал, что его тут не ждут? Говоря это, она обнимала его, гладила по щекам, проводила рукой по волосам.

— Твоя борода мне нравится, — с некоторым сомнением похвалила мать. — Она тебе идет. Жаль, ты не прислал нам фотографию — отец бы тоже посмотрел. Но он и так все видит с небес.

Манек молчал и слушал. Не было ни одного дня за время долгой разлуки, чтобы он не вспоминал родной дом и родителей. В Дубае он чувствовал себя как в западне. Так чувствовала себя там и молодая женщина, которую он однажды увидел, когда делал профилактику холодильника на дому. Она приехала в Дубай работать прислугой, польстившись на хорошие деньги.

— Что с тобой, Манек? — взывала к сыну миссис Кохлах. — Тебе больше не нравится жить в горах? Ты считаешь, что у нас слишком скучно?

— Нет! Здесь очень красиво! — ответил Манек, рассеянно гладя ее руку. Он все думал, что стало с той женщиной. Ее чрезмерно загружали работой, мужчины из того дома постоянно заигрывали с ней, на ночь ее запирали, паспорт отобрали сразу.

Она заговорила с ним на хинди, чтобы не понял хозяин, и умоляла ей помочь. Манек не успел ничего ответить — женщину позвали на кухню. Все, что он смог для нее сделать, не вступая в конфликт с властями, — это анонимно позвонить в индийское консульство.

Если сравнивать его с той несчастной женщиной, насколько он ее счастливее, думал Манек. Тогда почему он чувствует себя таким беспомощным даже дома?

И сейчас, глядя на плачущую мать, он понимал, что ему нечего ей ответить — ведь он и сам не знал ответа. Он мог только привычно сослаться на занятость, загруженность работой, недостаток времени, то есть повторять те пустые слова, которые писал в ежегодном послании к ней.

— Нет, назови мне настоящую причину, — настаивала мать. — Ладно, поговорим завтра, когда ты придешь в себя. Бедный отец, он так скучал по тебе и все-таки никогда не жаловался. Но это его мучило, я знаю.

— Теперь ты скажешь, что раком он заболел из-за меня.

— Нет! Я этого не говорила! Слышишь, не говорила! — Сжимая его лицо в своих руках, мать повторяла это снова и снова, пока не убедилась,

что сын верит ей. — Отец однажды сказал, что для него самым худшим днем в жизни был тот, когда он позволил бригадиру Гревалу убедить себя в том, что работа на Ближнем Востоке — то, что тебе нужно.

Они сидели на крыльце, и мать рассказывала о подготовке к похоронам. Утром придут дастуры из ближайших храмов, хотя путь оттуда не близкий. Она с трудом уговорила двух дастуров провести церемонию. Многие отказались, узнав, что предполагается кремация, сославшись на то, что оказывают услуги только зороастрийцам, которые находят упокоение в «башнях молчания» — родные даже везут их для этого на поезде.

— Какие ограниченные эти люди, — качала головой мать. — Кремация — воля твоего отца, но многие люди просто не могут себе позволить перевозить тело. И что священнослужители откажут им в молитвах?

Она пояснила, что кремация не будет проводиться на открытом воздухе. Заказали электрокрематорий — это более достойно. Отец ни на чем не настаивал, так что все эти детали не важны.

Со дня смерти отца магазин оставался закрытым. Мать предполагала открыть его на следующей неделе и дальше торговать как обычно.

— Ты как, планируешь вернуться сюда? — робко спросила мать, боясь, как бы он не подумал, что она лезет не в свое дело.

— Я пока не думал об этом.

Дневной свет стал тускнеть. Манек следил за ящерицей, неподвижно застывшей на камне. Иногда ее изящное тело вытягивалось стрелой, чтобы поймать муху.

— Тебе хорошо в Дубае? Работа интересная?

— Нормальная.

— Расскажи мне о ней больше. Ты писал, что работаешь менеджером?

— Инструктором. Возглавляю ремонтную группу по кондиционированию и холодильным установкам.

Мать кивнула.

— А Дубай — какой он?

— Красивый. — Манек хотел прибавить что-то еще, но понял, что ничего не знает об этом городе и не стремится узнать. Люди, обычаи, язык — все было чужим для него — таким же, как и восемь лет назад. Он так и не прижился на новом месте. — Там много больших отелей. Сотни магазинов продают золотые украшения, стереоустановки и телевизоры.

Мать снова кивнула.

— Наверное, там очень красиво. — Она прямо физически ощущала, как он несчастлив, и чувствовала, что сейчас уместно будет опять спросить, не собирается ли он домой.

— Ты знаешь, что магазин твой. Если захочешь вернуться, бери его в свои руки, модернизируй. Делай все, что хочешь. Можешь продать его и вложить деньги в бизнес по кондиционированию и рефрижерации.

Манек чувствовал себя несчастным от ее неуверенного голоса. Мать боится разговаривать с собственным сыном — неужели он такой страшный?

— Я еще не думал об этом, — повторил он.

— Не торопись, спешки нет. Все в твоих руках.

Ее попытка успокоить его заставила Манека поморщиться. Лучше бы она сказала, что его поведение и долгое отсутствие отвратительны, как и его редкие и небрежные письма. Ну а если б сказала — стал бы он защищаться? Приводил бы доводы, объяснял, какими бесцельными кажутся ему все действия? Нет. Ведь тогда она опять заплакала бы и потребовала подробностей, а он велел бы ей не лезть в его дела.

— Я вот подумала, — сказала миссис Кохлах, переходя к более спокойной теме. — Тебя так

долго не было, может, все-таки воспользуешься случаем и навестишь родственников. Все в семье Содавалла мечтают снова тебя увидеть.

— Далеко ехать. У меня не так много времени.

— Всего два-три дня. Заодно поздороваешься с дамой, у которой жил, когда учился в университете. Она будет рада повидаться с тобой.

— Уверен, она давно меня забыла.

— Не думаю. Если б не она, ты не получил бы свидетельства о прослушанном курсе. Тебе не понравилось в общежитии, ты даже хотел вернуться домой, помнишь? Своим успехом ты обязан Дине Далал и ее гостеприимству.

— Я помню. — Слово «успех» заставило его поморщиться.

Сгустились сумерки, и ящерица, за которой он наблюдал, теперь слилась с каменной стеной. Только при движении ее было хорошо видно. Но ящерица, похоже, насытилась, она больше не охотилась на мух, а животик ее заметно раздулся.

— Манек! — Мать ждала, когда он повернется к ней. — Манек, почему ты так далеко?

Он сузил глаза, всматриваясь в ее лицо. Мать обычно не задавала таких пустых вопросов.

— Потому что работаю в Дубае.

— Я говорю не о физическом расстоянии, Ма-

нек.

Ее слова заставили его почувствовать себя полным дураком.

— Пора ужинать, — сказала мать, легко коснувшись его плеча, и пошла в дом.

Манек прислушался к доносящимся с кухни звукам — таким же робким, как и слова матери. Горшки, сковородки, тихие, равномерные удары по доске — это мать что-то шинкует. Вода, льющаяся из крана. Стук задвижки — мать закрыла окно, чтобы вечерняя сырость не проникла в дом.

Манек нервно заерзал на стуле. Звуки с кухни, ночная прохлада, зарождающийся туман в долине — все это всколыхнуло воспоминания в его утомленном мозгу. Утро в детстве — пробуждение, и вот он уже стоит у окна своей комнаты, откуда открывается величественный вид на горы, смотрит на снежные вершины, восходящее солнце, на фантастическую пляску тумана, рвущегося на пиках гор. Мама тем временем готовит завтрак, а отец идет открывать магазин. Запах тостов и яичницы дразнит и зовет к столу, он сует ноги в холодные шлепанцы, испытывая удовольствие от пробежавших по телу мурашек, быстро чистит зубы и бежит по лестнице вниз. Обняв маму, он удобно устраивается на своем

стуле. Вскоре, потирая руки, приходит отец; еще на ногах он пьет большими глотками чай из своей особой чашки и перед тем, как сесть за стол, бросает взгляд за окно на долину, и только потом садится завтракать и опять пьет чай, и мама говорит…

— Манек, становится прохладно. Принести пуловер?

Вмешательство извне сбивает воспоминания — они рушатся, как карточный домик.

— Я скоро приду, — отзывается он, раздраженный тем, что ему помешали, будто в противном случае он мог удержать, восстановить, вернуть те прежние времена. Ящерица все еще сидела, прижавшись к камню, теперь она совсем слилась с ним. Манек принял решение уйти в дом, когда ее станет совсем не видно. Ему была неприятно это пресмыкающееся, его цвет, форма головки. Как противно двигается ее острый язык! Как безжалостна она к мухам. Так время жестоко крадет человеческие усилия и радость! Время — величайший гроссмейстер, которого невозможно переиграть. Из его раздувшегося чрева пути назад нет. Манеку захотелось убить противную ящерицу.

Он взял стоявшую на крыльце трость, размах-

нулся и ударил по камню. Трость издала глухой звук. Манек отступил назад, разглядывая пол под ногами, чтобы добить ящерицу, если нужно. Но под ногами ничего не было. На стене тоже пусто. Выходит, он просто рассекал воздух.

Теперь он почувствовал облегчение, что не убил ящерицу. Интересно, когда она успела улизнуть, обманув его и оставив на камне свою призрачную тень? Он присмотрелся к камню вблизи. Потом провел по поверхности пальцами, ища неприметное отверстие. Что-то должно быть — выбоина, трещина или ямка — то, что трудно рассмотреть.

Но очертания ящерицы понемногу улетучивались из его памяти. Как Манек ни старался, он не мог вспомнить прежнюю картину. Вслед за живой ящерицей ушла и память о ней.

* * *

На следующее утро после кремации Манек с матерью, взяв деревянный ящичек, отправились в горы, чтобы развеять прах отца там, где он любил бродить. Отец хотел, чтобы прах разбросали на большом пространстве, насколько можно больше охватив любимые им места. «*Если нужно, возьми в помощь служанку,* — шутил он. — *Не*

высыпай меня на одном месте».

— Думаю, отец хотел, чтобы я хоть раз совершила с ним долгую прогулку, — сказала миссис Кохлах, утирая тыльной стороной руки слезы. Пальцы она оставила сухими — для праха.

Манек пожалел, что редко сопровождал отца в его походах. Как было бы хорошо, если б он сохранил детский восторг и пыл в поздние годы, когда отец особенно в нем нуждался. А он, напротив, приходил в замешательство, видя энтузиазм отца, его растущую любовь к ручейкам, птицам и цветам, юношу смущали разговоры горожан о странностях мистера Кохлаха, гладящего камни и деревья.

Утро было тихим. Ни ветерка, который помог бы развеять прах. Манек и мать ходили большими кругами, поочередно запуская пальцы в коробку и разбрасывая серый пепел.

После того, как они рассыпали половину праха, Абан Кохлах вдруг испытала чувство вины, решив, что они делают это не так тщательно, как хотел муж. Она отважилась подняться на опасную высоту, бросила пригоршню праха в прерывисто ниспадающий водопад и в почти недоступные горные цветы, кое-что высыпала у дерева, растущего над пропастью.

— Тут было любимое место отца, — сказала мать. — Он часто рассказывал мне про это дерево, его удивляло, как оно смогло тут вырасти.

— Будь осторожна, мама, — волновался Манек. — Скажи мне, где еще ты хочешь рассыпать прах, не ходи по краю.

Но женщине казалось, что нужно все сделать самой, и она продолжала все выше взбираться по крутым тропам. И то, чего боялся Манек, случилось. Она неудачно поставила ногу и заскользила вниз.

Манек подбежал к месту, где мать сидела, потирая колено.

— Ох! — сказала она, поднимаясь и пытаясь идти.

— Не вставай, мама, — сказал он. — Подожди меня здесь. Я пойду за помощью.

— Все в порядке. Я могу ходить. — Мать сделала два шага и вновь опустилась на землю.

Манек аккуратно засунул коробку с прахом за камень и выбежал на основную тропу, откуда стал звать на помощь. Не прошло и тридцати минут, как собралась группа друзей и соседей во главе с внушительной миссис Гревал.

После смерти бригадира Гревала его жена взяла на себя роль лидера. Где бы ни оказывалась

миссис Гревал, она автоматически начинала руководить процессом. Большинство ее подруг охотно с этим мирились, ведь тогда на них приходилось меньше работы — будь то организация праздничного обеда или пикника.

Прикинув на глаз состояние миссис Кохлах, миссис Гревал послала за двумя носильщиками, которые в настоящее время работали официантами в пятизвездочной гостинице. Прежде эти двое носили в кресле с длинными ручками по горным дорогам и тропам престарелых туристов или инвалидов, приехавших полюбоваться прекрасными видами. Но с постройкой новой широкой дороги, по которой стал ездить автобус с туристами, носильщики остались не у дел.

Мужчины с радостью извлекли из хранилища кресло для миссис Кохлах. Манек спросил, можно ли им доверить мать, не потеряна ли у них квалификация после многих лет работы в гостинице, где весь путь был от кухни до столовой.

— Не волнуйтесь, господин, — ответили мужчины. — Работа носильщиков — наша семейная традиция, она у нас в крови. — Было видно, что они рады возможности вернуться к старой работе.

— Манек, ты можешь остаться и закончить

наше дело? — спросила миссис Кохлах, когда ее усаживали в кресло.

— Ну, конечно, останется, — решила за него миссис Гревал. — Как только развеешь остатки праха, Манек, присоединяйся к нам. Твоя мамочка будет со мной в безопасности.

Она дала знак носильщикам, те подняли кресло, положили длинные ручки на плечи и двинулись в путь, демонстрируя полную синхронность. Их руки и ноги работали как хорошо смазанные части одного механизма, они искусно лавировали между препятствиями, не доставляя пассажирке никаких неудобств. Манеку все это напомнило работу паровой машины, которую однажды продемонстрировал ему отец… Он поднял сына на вокзале поближе к паровозу, машинист дал свисток… и тут оси, рычаги и поршни рванулись и заработали в мощной, гремящей симметрии…

— Видел бы меня сейчас Фарух, — сказала миссис Кохлах, улыбаясь сквозь слезы. — Развеяв прах мужа, жена возвращается домой в паланкине. Как бы он смеялся над таким несоответствием.

Манек видел, как носильщики скрылись за поворотом, и тогда достал спрятанную за камнем коробку. Он возобновил разбрасывание праха.

Понемногу поднялся ветер. Прежде лениво ползущие облака теперь мчались по небу, их тени омрачали долину. Манек раскрыл пальцы, и ветер унес с собой пепел. Он поскреб коробку изнутри, перевернул и постучал по ней сверху. То, что еще там оставалось, улетело навстречу неизвестности.

Время от времени миссис Гревал, идущая следом за носильщиками, делала замечания.

— Поосторожнее, здесь низкая ветка. Вы ведь не хотите, чтобы миссис Кохлах ушиблась.

— Не беспокойтесь, госпожа, — отвечали они, тяжело дыша. — Мы еще не забыли нашу работу.

— Ну-ну, — с сомнением произнесла миссис Гревал. — Будьте внимательны — впереди большой камень, не споткнитесь.

Тут миссис Кохлах вступилась за носильщиков.

— Не стоит волноваться, они знают свое дело. Мне очень удобно.

Когда носильщики спустились с горной тропы и ступили на городскую дорогу, идущие следом друзья и соседи разразились в их честь аплодисментами. Прошло много лет с тех пор, как это кресло последний раз несли по улицам города. Тень прошлого восторженно приветствовали

все жители, встречавшиеся на пути процессии. Многие присоединялись к ней, увеличивая число участников стихийно возникшего торжества.

Иногда процессии приходилось останавливаться, пропуская грузовики и автобусы. После пятой остановки миссис Гревал взбунтовалась:

— Хватит с нас этих задержек, — сказала она. — А ну-ка все переходим дорогу. Не будем никого пропускать. Во всяком случае, сегодня. Миссис Кохлах имеет на это право. У нее сегодня особый день. Транспорт может подождать.

Все с этим согласились, и в течение тридцати пяти минут процессия гордо шествовала по городу, а сзади тянулся длинный хвост из автомобилей, водители которых нервно гудели и кричали. Миссис Гревал долго не обращала на них внимания, решив не унижаться и не стараться перекричать эту дешевую какофонию. Но потом, не выдержав, остановилась и крикнула: «Имейте совесть! Эта женщина — вдова!»

Примерно через час спасательный отряд благополучно доставил миссис Кохлах домой, где ее усадили в удобное кресло и наложили лед на колено. Миссис Гревал села напротив — на стул с прямой спинкой и не сходила с него, как часовой. Она не ушла вместе со всеми, твердо заявив: «В

день после похорон нельзя оставаться одной».

Миссис Кохлах забавляла ее манера держаться, но она была благодарна бригадирше за компанию. Они вспоминали славные времена расцвета магазина, чаепития и обеды, военные поселения. Как прекрасна тогда была жизнь, каким свежим и целебным был воздух! Если ты устала или почувствовала недомогание, достаточно было выйти из дома, глубоко вдохнуть, и тебе сразу становилось лучше — без всяких таблеток и витаминов.

— Теперь все изменилось, — сказала миссис Гревал.

Как раз в эту минуту вошел Манек, и последовало неловкое молчание. Ему стало интересно, о чем они тут рассуждали.

— Ты очень быстро вернулся, — заметила миссис Гревал. — У молодых — крепкие ноги. Ты развеял оставшийся пепел?

— Да.

— Уверен, что все сделал правильно, Манек? — спросила мать.

— Да.

Снова воцарилась пауза.

— А что ты делал в Дубае? Помимо того что отращивал бороду? — пошутила миссис Гревал.

Манек улыбнулся.

— Молчишь? Видно, дело секретное. Надеюсь, сколотил состояние.

Манек снова улыбнулся. Через несколько минут миссис Гревал ушла, сказав, что ее присутствие больше не требуется.

— Теперь ты сам в силах позаботиться о матери, — прибавила она со значением.

Манек сменил повязку со льдом и предложил сделать сандвичи с сыром.

— Сын не был дома восемь лет, а я не могу даже накормить его, — расстроилась мать.

— Какая разница, кто приготовит сандвичи?

Мать, почувствовав напряжение в его голосе, замолчала, но потом начала снова:

— Не сердись, Манек. Не молчи, скажи, что тебя тяготит?

— Мне нечего сказать.

— Мы оба тяжело переносим смерть отца. Но причина не только в этом. Мы знали, что это случится с того времени, как ему поставили диагноз. Что-то еще тревожит тебя, я это чувствую.

Она ждала ответа, глядя как сын режет хлеб, но его лицо оставалось бесстрастным.

— Может, это оттого, что ты не приехал, пока он был жив? Не тревожься — это не твоя вина. Отец понимал, что тебе трудно вырваться.

Манек отложил нож и повернулся к матери.

— Ты действительно хочешь знать настоящую причину?

— Да.

Он опять взял нож и стал аккуратно нарезать хлеб. Голос его звучал ровно:

— Вы отослали меня от себя — ты и отец. А потом я не смог вернуться. Вы потеряли меня, а я потерял — все.

Мать с трудом доковыляла до стола и взяла сына за руку.

— Взгляни на меня, Манек, — сказала она, заливаясь слезами. — Это неправда. Ты всегда был главным для нас — для меня и для отца. Все, что мы делали, мы делали для твоего блага. И искренне верили в это.

Манек осторожно высвободил руку и продолжал делать сандвичи.

— Как можешь ты говорить такие жестокие вещи, а потом молчать? Ты всегда упрекал отца в склонности к драматизму. Но сейчас сам следуешь его примеру.

Манек явно не собирался ничего обсуждать. Мать, прихрамывая, ходила за сыном по кухне, не спуская с него умоляющего взгляда.

— Какой смысл в моей помощи и сандвичах,

если ты продолжаешь травмировать свое колено? — раздраженно произнес он.

Мать покорно села, дожидаясь, когда сын закончит и поставит еду на стол. Пока они ели, она украдкой, стараясь чтобы он не заметил, наблюдала за ним. Небо стало темнеть. Манек помыл тарелки и поставил сохнуть. Мощный удар грома прогремел над долиной.

— А нам повезло, — сказала мать, прислушиваясь к шуму начавшегося дождя. — Поднимусь к себе — отдохну. Закрой, пожалуйста, окна, если дождь усилится.

Манек кивнул и помог матери подняться по ступенькам. Та улыбалась, превозмогая боль, и радостно опиралась на его плечо, гордясь его силой и стойкостью.

Мать легла в постель, а Манек спустился вниз и подошел к окну, глядя на огненные разряды молний и наслаждаясь раскатами грома. В Дубае он скучал по дождям. Долину постепенно окутало покрывало тумана. Манек беспокойно ходил по комнате, а потом решительно направился в магазин.

Он осмотрел то, что находилось на полках, получая удовольствие от вида наклеек с названиями фирм на банках и коробках — того, что он так

давно не видел. Но каким маленьким и жалким показался ему сам магазин, бывший для него раньше центром вселенной. Как далеко он ушел от него! Так далеко, что возвращение казалось немыслимым. Что держало его вдали все это время? Конечно, не чистый и сверкающий Дубай!

Манек спустился в подвал, где дремал в бездействии аппарат для закупоривания бутылок. Паутина обволокла его саваном. Как писали родители, «Кохлах-колу» почти не брали — в последнее время расходилось не больше дюжины бутылок в день, и покупали только верные друзья и соседи.

Он бесцельно бродил между пустыми бутылками и деревянными ящиками. В углу погреба лежала кипа истлевших от времени газет, почти не видная за джутовыми мешками. Манек провел рукой по грубой мешковине, ощущая колючую поверхность ткани и вдыхая неповторимый запах древесины. Газеты были десятилетней давности и сложены не по порядку. «Странно, — подумал Манек, — ведь отец складывал их аккуратной стопкой, заворачивал в них товар или делал пакетики. Должно быть, перепутались».

Он решил взять газеты наверх — просмотреть. Чтение старых газет — подходящее занятие в

сумрачный, дождливый день.

Манек устроился в кресле у окна и раскрыл пожелтевшие, пыльные страницы первой газеты. Она относилась ко времени выборов, когда отменили чрезвычайное положение и премьер-министр проиграла оппозиции. В газете писали о злоупотреблениях в период чрезвычайного положения, приводили свидетельства пыток заключенных и бесчисленных смертей в тюрьмах. Редакционные статьи, не имевшие никакой позиции во время режима, теперь требовали создания специальной комиссии для расследования злоупотреблений и наказания виновных.

Многословие статьи раздражало, и Манек взял другую газету. Споры нового правительства о том, как поступить с бывшим премьер-министром, были скучны и неинтересны. Разнообразие внесла только статья, приводящая слова одного министра: «Она должна понести наказание. Это страшная женщина, порочная, как Клеопатра». Единственным единодушным решением этого недееспособного правительства было запрещение в стране «кока-колы» из-за отказа производителей поделиться секретной формулой состава и из-за предпочтения этого напитка местным. Благодаря разным подходам и ухищрениям

решение удовлетворило всех национальных изготовителей напитков.

Манек пролистал еще несколько газет и узнал, что за это время правительство выдохлось в бесконечных спорах — пришлось назначить новые выборы. Экс-премьер была готова избавиться от ненужной приставки и вернуться к власти. Теперь редакционные статьи изменили направление, приняв по отношению к ней раболепный тон, обычный при чрезвычайном положении. Один писака подобострастно высказался в таком духе: «Похоже на то, что премьер-министр является воплощением нескольких божеств. Вне всякого сомнения, она обладает потенциальной силой, сосредоточенной в основании позвоночника, там пробуждается Кундалини Шакти[153] и выводит ее за грань обычных возможностей». В высказывании не было никакой иронии, оно было частью длинного панегирика.

Пресытившись политикой, Манек развернул спортивные страницы. Здесь были фотографии с крикетных матчей, снабженные саркастическим замечанием капитана австралийской команды, удивленного тем, как это «кучка нищих из страны

---

[153] Примечания: 153

Кундалини Шакти — в йоге и эзотерике название энергии, Силы Жизни.

третьего мира, решила, что может играть в крикет?» Дальше следовали снимки фейерверков, праздника и ликования, когда «кучка нищих» обыграла Австралию.

Манек стал быстрее пролистывать газеты. Через какое-то время даже фотографии стали казаться ему одинаковыми. Крушение поезда, наводнения, обрушение моста, министры, увенчанные венками, министры, произносящие речи, министры, посещающие места природных катаклизмов с человеческими жертвами. Он листал газеты, поглядывая в окно, за которым разыгралась стихия — бешеный ливень, гнущийся под напором ветра гималайский кедр, копья молний.

Но вот что-то в газете привлекло его внимание. Манек вернулся назад, чтобы взглянуть еще раз. На фотографии с большого вентилятора свисали три молодые женщины. На них были холи и нижние юбки. Один конец сари у каждой был привязан к лопасти вентилятора, другой — обернут вокруг шеи. Головы свесились на грудь. Руки болтались, как у тряпичных кукол.

Манек прочитал статью о случившемся. Глаза его постоянно возвращались к запечатленной сцене. Все трое были сестры — пятнадцати,

семнадцати и девятнадцати лет, и повесились они в отсутствие родителей. Свой поступок они объяснили в записке. Девушки знали, что отец страдает из-за отсутствия денег на их приданое. После долгих волнений и споров они все-таки решились на этот шаг, не желая, чтобы родители стыдились трех незамужних дочерей. Они умоляли родителей простить их за причиненное горе, но другого выхода не было.

Манек не мог оторвать взгляд от фотографии — зрелище было неприятное, жалкое и сводящее с ума своей неподвижностью. Ему показалось, что все три сестры были разочарованы, словно они ожидали чего-то большего от своего действия, чего-то большего, чем смерть, а оказалось, ничего другого нет. Манек непроизвольно восхищался их мужеством. Какая должна быть сила воли, чтобы снять с себя сари и обмотать один конец вокруг шеи! А может, напротив, это было легко из-за точного расчета, логики и здравомыслия.

Манек оторвал глаза от фотографии, чтобы дочитать статью. Встречавшийся с родителями журналист писал, что горе было выше сил пожилой четы: во время чрезвычайного положения они потеряли при невыясненных обстоятельствах еще и старшего сына. Полиция уверяла: то

был несчастный случай на железной дороге, но родители видели в морге раны на теле юноши. По словам журналиста, эти раны по виду напоминали те, что получают при пытках. «Более того, учитывая политическую ситуацию во время чрезвычайного положения и то, что их сын Авинаш был активным членом Студенческого союза, не вызывает сомнений: мы имеем дело еще с одним случаем преступного убийства при содействии полиции». Далее в статье говорилось о парламентском расследовании случаев произвола при чрезвычайном положении, но Манек дальше не читал.

Авинаш!

Дождь стучал по крыше и проникал в дом через окна. Манек пытался сложить выцветшую газету аккуратно по сгибу, но его руки дрожали, и она осталась лежать, скомканная, на его коленях. В комнате было душно. Он с трудом поднялся с кресла. Пахнувшая гнилью и плесенью газета соскользнула на пол. Манек вышел на крыльцо, жадно вдыхая свежий, пропитанный влагой воздух. Ветер ворвался в открытую дверь, упавшие листы газеты разлетелись по комнате, шторы вздулись. Манек закрыл дверь, потоптался на сыром крыльце, а потом шагнул под дождь, слезы

струились по его лицу.

Одежда на нем вымокла за считаные секунды, мокрые волосы прилипли ко лбу. Манек обошел дом — спустился по склону на задний двор, прошел вперед и поднялся с другой стороны. Сквозь стену дождя были видны стальные тросы, удерживающие фундамент дома. Надежные тросы, они служили уже четвертому поколению. Но Манек мог поклясться, что за время его отсутствия дом немного съехал. *Дом с суицидальными наклонностями*, сказал бы Авинаш. Если так и дальше пойдет, и дом будет понемногу сползать еще и еще — в конце концов он разом сорвется с якорей и полетит стремительно вниз по склону. А что? Вполне вероятно. Сейчас все теряет опору, скользит и пропадает безвозвратно.

Манек пошел по дороге от городской площади, теперь он почти бежал. Он не замечал, что на него смотрят. Перед его глазами стояла фотография. Три сари, стянутые на хрупких шейках… Три сестры Авинаша… Ему нравилось кормить их в детстве, а они в шутку покусывали его пальцы. Бедные родители… Какой смысл в этой жизни? Где был в это время Бог, этот глупец? Он что, не видит разницы между добром и злом? Не имеет представления о простом равновесии? Если б Он

управлял корпорацией, Его давно бы уволили за такие просчеты. Как Он позволил сотворить такое… со служанкой в Дубае, с тысячами сикхов, убитых в столице, с бедным таксистом, который не может снять кару?

Манек взглянул на небо. Прах отца, развеянный утром. Теперь он залит дождем, смыт навсегда. Эта мысль была невыносима — значит, не останется ничего… и мамы, не говоря обо всем остальном…

Он бежал по тропе, скользя и спотыкаясь, в надежде найти место, зеленое, полное счастья, спокойствия, где мог бы гулять отец, здоровый и уверенный в себе, положив руку на плечо сына.

Манека заносило в грязи, и, чтобы удержать равновесие, он широко развел руки. Теперь он испытывал то же отчаяние, что и отец, понимавший, что привычный мир рушится, долины теряют прежнюю красоту, леса исчезают. «Отец был прав, — думал он, — горы действительно умирают, а я был настолько глуп, что верил в вечность гор и неизменную молодость отца. Если б я серьезно поговорил с ним. Если б он позволил мне это».

А сейчас отцовский прах мокнет под холодным, проливным дождем. Манек побежал к тому

месту, где утром опустошил коробку. Задыхаясь, он бежал, задерживаясь на тех местах, где утром останавливалась мать, но нигде не видел следов серого пепла. Тяжелое дыхание перешло в рыдания, он разгребал листья, отшвыривал ногой камни, отодвигал сломанные ветки.

Ничего. Он опоздал. Манек споткнулся и упал на колени, его руки увязли в грязи. Безжалостно лил дождь. Манек почувствовал, что не в силах подняться. Закрыв лицо грязными руками, он плакал, и плакал, и плакал.

Легко ступая по грязи, к Манеку приблизилась собака. Из-за шума дождя он не слышал как она подошла. Собака обнюхала его. Он вздрогнул и, почувствовав прикосновение к руке собачьей морды, отнял ладони от лица. Может, она из тех бродячих собак, которых подкармливал отец на крыльце? Манек погладил собаку, ощутив под рукой на боку гноящуюся рану. Интересно, сохранилась ли на полке под прилавком мазь, которой отец лечил бродячих собак?

Ливень пошел на убыль. Манек поднялся, вытер руки мокрой листвой и посмотрел в сторону гор. В тучах наметились просветы, в тумане кое-где проступила долина.

Дождь почти закончился, а он все стоял на од-

ном месте. Прикосновение капель стало легким, как человеческое дыхание. Манек вернулся туда, где над обрывом росло одинокое дерево. Собака некоторое время тащилась за ним. Боль заставляла ее хромать, инфекция, возможно, проникла в кость. Манек подумал, что собаке осталось жить несколько недель, не больше. Кто теперь после смерти отца будет присматривать за ней?

На глазах снова выступили слезы. Он направился в сторону дома. После дождя образовалось множество ручейков; стекая с гор, они соединялись с большими потоками и питали стихийно возникавшие водопады. Завтра все зазеленеет, и в воздухе повеет свежестью. Манек представил, как эти сверкающие горные воды подхватят прах отца и исполнят его желание — они разнесут его повсюду, что не под силу рукам человеческим, но доступно мощным силам природы. Отец будет везде, неотделимый от мест, которые он так сильно любил.

Закутавшись в кашемировую шаль, миссис Кохлах беспокойно смотрела с крыльца на дорогу. Она сильно нервничала. Увидев Манека, она стала яростно махать ему рукой. Он ускорил шаг.

— Манек! Где ты был? Я проснулась, а тебя нет. И еще дождь такой сильный, я страшно развол-

новалась. — Она обняла его. — Видел бы ты себя! Промок до нитки! Все лицо в грязи — и одежда! Что случилось?

— Все хорошо, — мягко сказал Манек. — Я в порядке. Просто захотелось пройтись. Ну и оступился, — прибавил он, объясняя тем самым, откуда грязь.

— Ты вылитый отец — как и он, совершаешь сумасбродные поступки. Он тоже любил гулять под дождем. Пойди, скорее, переоденься, а я тем временем приготовлю чай и бутерброды. — Дождь, казалось, унес с собой все прошедшие годы. Он снова был ее мальчиком, промокшим и беспомощным.

— Как твое колено?

— Гораздо лучше. Лед помог.

Манек поднялся к себе в комнату, помылся и переоделся в сухую одежду. Когда он спустился вниз, чай уже был готов. Мать положила две ложки сахара ему и одну — себе. Чай она подала ему в отцовской чашке и, перед тем как передать, размешала сахар.

— Помнишь, что первую чашку отец всегда выпивал на ногах, расхаживая по кухне?

Манек кивнул.

Мать улыбнулась.

— Ужасно мешал мне готовить завтрак. Но в последние годы все изменилось. Он просто входил и садился за стол. — Она повернулась на стуле и, склонившись к Манеку, легким движением дотронулась до его головы.

— Посмотри, у тебя с волос капает.

Мать достала из комода салфетку и стала вытирать волосы сына. От ее энергичных коротких и быстрых движений голова Манека раскачивалась взад-вперед. Он уже хотел запротестовать, но тут почувствовал, что расслабляется, и не остановил мать. Его глаза закрылись сами собой. Ему припомнились массажисты, которых восемь лет назад они с Омом видели на берегу. Клиенты сидели на песке, а они массировали, растирали и поколачивали их головы. Волны разбивались о берег, дул легкий вечерний ветерок. В воздухе плыл нежный запах жасмина, он доносился от продавцов, продающих веточки с молочно-белыми цветками для женщин, которые вплетали их в косы.

— Наверное, я навещу все-таки родственников. И тетю Дину тоже. — От проворной работы матери над мокрыми волосами в голосе Манека зазвучало своеобразное вибрато.

— Какой смешной у тебя голос! Будто говоришь

и одновременно полощешь рот. — Мать засмеялась и убрала салфетку. — Когда ты поедешь?

— Завтра утром.

— Завтра? — Ей показалось, что это — повод поскорее уехать от нее. — И когда возвращаешься?

— Думаю, оттуда лететь сразу в Дубай. Так удобнее.

Мать не смогла скрыть своего огорчения, но Манек, похоже, ничего не заметил. Теперь она с трудом разбирала его слова, словно между ними уже протянулось огромное расстояние.

— Я хочу быстрее приступить к работе, — продолжал Манек, — и сразу оповестить начальство, что хочу уволиться — пусть скажут, когда они готовы меня отпустить.

— Так ты уволишься? И что потом?

— Я решил вернуться и обосноваться здесь.

У нее сильно забилось сердце.

— Прекрасный план, — сказала мать, сдерживая, насколько возможно, эмоции, готовые ее захлестнуть. — Ты можешь продать магазин и открыть свое дело…

— Нет. Я возвращаюсь сюда, ради магазина.

— Отец был бы рад.

Манек отошел от стола и подошел к окну. Не все всегда кончается плохо — и он докажет это.

Первым делом навестит друзей. Ома, который, наверняка, счастливо женат, его жену и двух-трех малышей, не меньше. Интересно, как их зовут. Мальчика, конечно, Нараяном. И Ишвара, гордого двоюродного деда, радостно улыбающегося при взгляде на свою швейную машину, и воспитывающего малышню: нельзя подходить близко к вращающейся ручке и быстро скачущим иголкам. И тетю Дину, присматривающую за шитьем одежды на экспорт в своей маленькой квартире, управляющую домом и распределяющую обязанности на кухне.

Да, он увидит все это собственными глазами. Пусть в мире много страдания, но и радости достаточно — да, надо только лучше вглядеться. Скоро он вернется, возглавит магазин и наладит производство «Кохлах-колы». И тросы, держащие фундамент, надо будет укрепить. Обновить дом. Поставить новый аппарат для закупорки бутылок. Денег он скопил достаточно.

Миссис Кохлах подошла к сыну и тоже встала у окна. Его руки так сильно вцепились в подоконник, что побелели костяшки пальцев. «Сильные руки — как у отца», — подумала она.

— Снова находят тучи, — сказал Манек. — Ночью опять польет дождь.

— Да, — согласилась мать, — и значит, завтра все будет зеленым и свежим. Чудесный будет денек!

Манек обнял мать, как всегда обнимал по утрам в детстве, хотя сейчас был вечер. Ее счастливый вздох был еле слышен. Она крепко и одновременно нежно сжала обнимавшую ее руку.

Дождь повсюду сопровождал Манека — в горной местности, и на равнине, и все тридцать два часа, что он ехал в поезде на юг. Он чуть не опоздал на поезд — автобус, идущий от городской площади до вокзала, увязал в грязи. Вчерашний день не выполнил своего обещания — он не подарил людям солнечную погоду и роскошную, напоенную влагой зелень: дождь по-прежнему лил не переставая. Но в конце пути, когда Манек выбрался из толчеи и шума вокзала, городские улицы сверкали чистотой после затяжного ливня.

Такси не было. Манек стоял у края тротуара. Все вокруг было в лужах — чемодан некуда поставить, и он просто переложил его из одной руки в другую.

Тут он заметил в плите трещину. Из нее лезли черви. Темно-красные нити скользили по мокрому от дождя тротуару. *Phylum Annelida.* Некоторых

давили пешеходы. Но на их место лезли десятки других, скользя по мокрой поверхности, переползая через мокрых сородичей.

Пока он ждал такси, время незаметно повернуло вспять, а тротуар превратился в ванную комнату тети Дины. То было первое утро в ее квартире, он слышал, как она его зовет, но не мог сдвинуться с места, глядя как копошащийся живой комок вползает сквозь сливное отверстие в ванну. Тетя потом его долго дразнила. Манек улыбнулся воспоминанию. Трещина почти освободилась от червей, последние из них благополучно перебрались в канаву.

Манек решил провести вечер с родственниками матери, чтобы уже покончить с этим делом. Тогда завтра он целиком отдастся встрече с тетей Диной, Ишваром и Омом.

Такси с шумом остановилось рядом. Шофер, выставив наружу локоть, выжидающе смотрел на Манека, предчувствуя приличный заработок.

— В «Гранд Отель», — сказал Манек, открывая дверцу.

Помывшись и сменив рубашку, Манек неохотно, но смиренно отправился к семейству Содавалла, где его ожидал пылкий прием. В течение вечера он покорно разрешал называть себя

Маком, стараясь уклоняться от объятий, похлопывания по спине и прочих любезностей, чувствуя себя призером на собачьей выставке.

— Какой удар мы пережили, узнав о смерти твоего папы, — говорили они. — Жаль, что вы так далеко живете — мы не смогли даже поехать на похороны.

— Ничего. Я все понимаю. — Манек вспомнил, как отец отзывался о Содавалла — в них нет огонька, они глуповаты, могут заговорить до смерти. А под конец и сам отец утратил природную живость, «огонек». Внезапно на Манека накатила усталость, визит утомил его. Он чувствовал — еще немного, и он может потерять сознание. Поднявшись, он откланялся.

— Я очень рад, что повидал вас.

— Останься у нас, проведем вместе вечер, — настаивали родственники. — Как будет приятно! Утром приготовим тебе омлет и запеченных креветок.

Манек решительно отказался.

— У меня вечером деловое свидание. И ранняя встреча за завтраком. Нужно возвращаться в гостиницу.

Такие вещи они понимали. Особенно поразил их деловой завтрак. Прощаясь, родственники

желали ему всего самого лучшего и просили приезжать почаще.

— Не лишай нас радости видеть тебя, — говорили они.

По пути в гостиницу Манек заехал в авиакомпанию и проверил бронирование. Служащий подтвердил заказ.

— Билет на послезавтра, сэр. Вылет в 11.35. Просьба прибыть в аэропорт до девяти.

— Спасибо, — поблагодарил Манек.

В гостинице он съел в ресторане жаркое из баранины. Просмотрел в холле газету, затем забрал ключи и пошел спать. Засыпая, он думал о тете Дине и вспоминал тот вечер, когда они в отсутствие Ишвара и Ома срочно дошивали платья для «Оревуар». Трудное было время!

Перестройка изменила место до неузнаваемости, и на какое-то мгновение Манек подумал, что не туда попал. Мраморные лестницы, охранник, облицовка из блестящего гранита, кондиционеры в каждой квартире, сад на крыше — словом, обычный многоквартирный дом превратили в роскошные апартаменты.

Он ознакомился с перечнем жильцов у главного входа. Проклятый домовладелец добился своего! Выселил тетю Дину — да, для нее все дей-

ствительно закончилось плохо. А портные? Где теперь работают они?

Выйдя на улицу, он снова попал в плен отчаяния, от яркого солнца застучало в голове. Возможно, тетя Дина подскажет, где найти Ишвара и Ома. Сама она может быть только в одном месте — у брата Нусвана. Но он не знал адреса. Хотя стоит ли узнавать — кто знает, обрадуется ли она ему? Адрес можно узнать в телефонной книге. Но под какой фамилией?

Манек силился вспомнить девичью фамилию тети Дины. Она ее как-то упоминала. Однажды, когда он, Ишвар и Ом сидели в гостиной, она стала рассказывать историю своей жизни. Случилось это после ужина, когда тетя, разложив покрывало на коленях, вшивала очередной лоскут. «*Никогда не оглядывайся с сожалением на прошлое*», — сказала она тогда. И еще что-то о блестящем будущем, утраченном… нет, омрачившемся еще в детстве, когда ее звали… Дина Шроф.

Манек зашел в аптеку и взял телефонный справочник. Было несколько Шрофов, но только один Нусван Шроф, и он записал адрес. Фармацевт сказал, что это недалеко, и Манек решил идти пешком.

Оставив привычный район, Манек вышел на незнакомую улицу. Он спросил дорогу у сидящего на краю тротуара плотника с инструментами в мешке. Большой палец у рабочего был плотно забинтован. На следующем перекрестке поверни направо, сказал тот, и потом иди мимо крикетного поля.

В конце поля стояла палатка, и толпился народ, хотя никакого матча не предвиделось. Над входом в палатку висело объявление: *Встреча с Бал Бабой. Даршан*[154] *возможен с 10 до 4, включая воскресенья и банковские каникулы.* «Трудная работа у божьего человека, — подумал Манек. — Интересно, что он делает — золотые часы из воздуха, слезы на глазах статуй или лепестки роз, падающие из женского декольте?»

Но имя наводило на мысль о «волосах»[155]. Манек спросил служителя у входа:

— А кто такой Бал Баба?

— О, Бал Баба — святой человек, — ответил тот. — Он вернулся к нам, проведя много лет в медитации на Гималаях.

---

[154] Примечания: 154

Даршан — созерцание божества, почитаемого человека или священного объекта.

[155] Примечания: 155

Бал — волосы *(хинди).*

— А что он делает?

— Бал Баба наделен особой божественной силой. Он рассказывает разные вещи, которые тебе надо знать. И для этого ему нужно всего лишь подержать в своих святых пальцах секунд десять несколько твоих волосков.

— И сколько это стоит?

— Сам Бал Баба ничего себе не берет, — с возмущением ответил мужчина, но потом прибавил с вкрадчивой улыбкой: — Однако пожертвования в любом, неограниченном количестве приветствуются Фондом Бал Бабы.

Манеку стало интересно, и он вошел внутрь. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, насколько тут все фальшиво. Он представил, как расскажет портным, что он увидел. Будет о чем посмеяться после восьми лет разлуки.

В самой палатке было меньше людей, чем снаружи. Всего несколько человек ждали своей очереди перед ширмой, за которой сидел очень-очень святой Бал Баба. Раз на каждого клиента тратится всего десять секунд медитации, много времени он здесь не потеряет, подумал Манек. Тут был самый настоящий конвейер — сначала даршан, потом консультация.

Манек встал в очередь, и скоро его вызвали. Си-

дящий за ширмой мужчина в желто-оранжевом халате был гладко выбрит и абсолютно лыс. Даже брови и ресницы были аккуратно удалены. Ни одного волоска на лице и на прочих частях тела, не покрытых халатом.

Несмотря на неестественно гладкий и сияющий облик святого человека, Манек сразу его узнал.

— А ведь ты Раджарам — сборщик волос!

— Что? — встрепенулся Бал Баба, с которого на мгновение сошла вся святость. Но он сразу овладел собой, вскинул голову и заговорил отчетливо, блаженно улыбаясь и украшая свою речь грациозными движениями рук и пальцев.

— Раджарам, сборщик волос, отрекся от прошлой жизни с ее радостями и горем, пороком и добродетелью. Для чего? Для того чтобы воплотиться в человеческий облик Бал Бабы и использовать свой скромный дар, указывая людям дорогу к мокше[156].

После этого манерного заявления святой человек сменил тон и, наклонив голову, спросил нормальным голосом:

— Ты кто?

---

[156] Примечания: 156

Мокша — в индуизме и джайнизме — освобождение из круговорота рождений и смертей и всех страданий и ограничений материального существования.

— Помнишь Ишвара и Ома? Портных, которые одалживали тебе деньги в прежнем воплощении? Тогда ты еще был при волосах. Я жил с ними в одной квартире. — Сборщик волос призадумался, и тогда Манек прибавил: — С тех пор я отрастил бороду — может, поэтому ты меня не узнаешь?

— Вовсе нет. Бал Бабу не обманешь ни новой прической, ни бородой, — величаво ответил тот. — Так что ты хочешь знать?

— Ты шутишь.

— А ты попробуй. Спрашивай о работе, здоровье, женитьбе, планах, жене, детях, образовании — о чем хочешь. Я на все вопросы отвечу.

— Ответы я знаю. Сам хочу задать вопрос.

Бал Баба неодобрительно посмотрел на Манека, его гладкое лицо омрачилось досадой — всякого рода загадочные высказывания он считал своей прерогативой. Пересилив себя, он снова засиял просветленной улыбкой.

— Немного подумав, я понял, о чем хочу спросить, — сказал Манек. — Как помочь человеку, у которого такая же лысая голова, как у тебя?

— Это просто. В Фонде Бал Бабы продается по приемлемой цене лосьон для роста волос, в цену не включены расходы по пересылке и правилам пользования. В его основе редкие гималайские

травы, его действие волшебно. Через несколько недель лысина зарастает густой шевелюрой. Потом человек приходит сюда, я беру у него несколько вновь отросших волосков и отвечаю на вопросы.

— И тебе никогда не хочется отрезать волосы? Для своей коллекции?

Бал Баба налился гневом.

— То было в другой жизни, с другим человеком. С этим покончено, разве не ясно?

— Понимаю. А тебе не хотелось навестить Ишвара и Ома после возвращения с Гималаев? Возможно, у них есть вопросы к тебе?

— Бал Баба не может позволить себе разгуливать по гостям. Он привязан к этому месту, чтобы у людей была возможность даршана.

— Ясно, — сказал Манек. — В таком случае не буду тратить твое драгоценное время. Тысячи людей ожидают своей очереди.

— Да обретешь ты блаженство покоя, — произнес Бал Баба, воздевая руку в возвышенном прощании. Но глаза его оставались злыми.

Манек решил вернуться сюда завтра утром вместе с Омом и Ишваром, благо его рейс был поздно вечером. Отличная будет шутка — собьют спесь с Бал Бабы. И заработают очки, припомнив

его былые деяния.

Выход был с другой стороны палатки, там за шатким столом, заваленным письмами и конвертами, сидел мужчина и что-то писал. Манек уставился на него, пытаясь понять, где они встречались. Затем взгляд его упал на пластиковый пакетик в кармане его рубашки, набитый карандашами и шариковыми ручками. И тут Манеку вспомнились поезд и пассажир с хриплым голосом.

— Простите, вы случайно не корректор?

— Был в прошлом, — ответил мужчина. — Васантрао Валмик к вашим услугам.

— Вам не узнать меня, потому что я отпустил бороду, но много лет назад мы ехали с вами в одном поезде — вы еще тогда собирались серьезно заняться лечением горла.

— Ни слова больше, — сказал мистер Валмик, сияя от удовольствия. — Я все прекрасно помню и никогда не забывал вас. Мы тогда говорили о многом, не так ли? — Он тихо засмеялся и закрутил колпачок на ручке. — Так редко встречаешь людей, которые умеют слушать. Большинство начинают нервничать, как только заводишь рассказ о своей жизни. Но вы были идеальным слушателем.

— Я получил тогда большое удовольствие. Ваш рассказ сократил время путешествия. Кроме того, ваша жизнь очень интересна.

— Вы очень добры. Но открою вам тайну: все жизни интересны.

— Только не моя.

— Вы ошибаетесь. Как-нибудь расскажите мне вашу жизнь от начала до конца — ничего не сокращая. Вы должны это сделать. Это очень важно.

Манек улыбнулся.

— Но почему?

Мистер Валмик раскрыл глаза от удивления.

— А вы не понимаете? Это важно, потому что помогает вам вспомнить, кто вы есть. Тогда можно двигаться дальше — без страха растерять себя в этом вечно меняющемся мире.

Он замолчал и дотронулся до кармана с ручками.

— Мне очень повезло: я рассказал мою историю дважды. Первый раз — вам в поезде, а второй раз — очаровательной даме во дворике при суде. Но с тех пор прошло много времени. Я жажду встретить нового слушателя. Да, когда рассказываешь свою жизнь, как бы восстанавливаешь себя.

— Каким образом?

— Не могу сказать, но чувствую это здесь. — И мистер Валмик приложил руку к карману рубашки.

Он что, чувствует это шариковыми ручками? Нет, конечно же, корректор имел в виду сердце.

— А чем вы сейчас занимаетесь, мистер Валмик?

— Я заведую почтовыми заказами Бал Бабы. Он делает предсказания и по почте тоже. Люди посылают ему свои волосы. Я открываю конверты, выбрасываю волосы, забираю деньги и пишу ответы на вопросы.

— Вам это нравится?

— По правде говоря, очень. Здесь неограниченные возможности. В ответах я могу использовать самые разные формы — эссе, прозаическую поэму, поэтическую прозу, афоризмы. — Погладив карман с ручками, он продолжил: — Мои любимые малышки трудятся изо всех сил, создавая один вымысел за другим, и эти вымыслы для адресатов реальнее, чем их настоящая печальная судьба.

— Рад был вас повидать, — сказал Манек.

— А когда мы встретимся снова? Вы должны рассказать мне все о себе.

— Может быть, завтра. Я собираюсь привести двух своих друзей к Бал Бабе.

— Прекрасно, прекрасно. До встречи.

У выхода служитель протянул Манеку латунную миску, в которой позвякивали монеты.

— Любое пожертвование приветствуется.

Манек бросил в миску несколько монет, чувствуя, что потратил их не зря.

В ответ на звонок Манека дверь слегка приоткрылась. Фигура с худыми, похожими на палки запястьями ничем не напоминала ту тетю Дину, с которой он расстался восемь лет назад. Восемь лет, разумеется, не могли пройти бесследно, но тут кто-то еще потрудился.

— Что вам надо? — спросила Дина, подаваясь вперед. Ее глаза казались крошечными точками под линзами вдвое толще тех, которые она носила при нем. Черные волосы почти не пробивались сквозь седину.

— Тетя, — проговорил Манек сдавленным голосом. — Это я, Манек.

— Кто?

— Манек Кохлах, ваш жилец.

— Манек?

— Я отпустил бороду. Поэтому вы не узнаете меня.

Дина подошла ближе.

— Да. У тебя борода.

Голос ее звучал равнодушно. «Глупо было ожидать чего-то от этой встречи», — подумал Манек.

— Я заезжал к вам на квартиру… но… вас там не застал.

— Иначе и быть не могло. Квартира не моя.

— Я очень хотел видеть вас, и портных, и…

— Нет больше портных. Входи. — Дина закрыла за ним дверь и пошла впереди, осторожно ступая и придерживаясь за стены и мебель в полутемной прихожей.

— Присаживайся, — сказала она, когда они вошли в гостиную. — Ты появился так неожиданно. Можно сказать — ниоткуда.

В ее голосе ему послышалось осуждение. Манек покорно кивнул — крыть было нечем.

— А бороду ты сбрей. Она похожа на туалетную щетку.

Манек засмеялся, и Дина тоже — коротким смешком. Он с радостью отметил прежние серебристые нотки в ее смехе, но этого было мало, чтобы преодолеть отчуждение. Комната, в которой они сидели, была богато обставлена. Дорогая старинная мебель, антикварный фарфор в стеклянных горках, изысканный персидский ковер на стене.

— Обещаю, тетя, в следующий раз бороды не

будет.

— Может, тогда я быстрее тебя признаю. — Дина хотела было поправить шпильку в волосах, но ей это не удалось. — Глаза совсем не видят. Морковки, которые ты заставлял меня есть, закончились. Мои глаза уже не спасти.

Манек неуверенно засмеялся, но Дина на этот раз его не поддержала.

— Ты долго не приезжал. Еще несколько лет, и я совсем ослепну. Даже сейчас я смутно вижу тебя.

— Я был далеко. Работал в Дубае.

— Ну и как там?

— Не знаю… пусто.

— Пусто?

— Пусто… как в пустыне.

— Но эта страна ведь и находится в пустыне. — Дина помолчала. — Ты не написал мне оттуда.

— Простите. Но я никому не писал. Это казалось… бессмысленно.

— Да. Бессмысленно, — повторила она. — Да и адрес мой изменился.

— А что случилось с квартирой, тетя?

Дина рассказала ему.

Манек наклонился и прошептал:

— А вам здесь хорошо? Нусван не огорчает вас? — И понизив голос еще больше: — Еды вам

хватает?

— Можешь не шептать, в доме никого нет. — Дина сняла очки, протерла их краешком юбки и снова надела. — Еды больше, чем мне надо.

Манек неуверенно заерзал на стуле.

— А как поживают Ишвар и Ом? Где они теперь работают?

— Они не работают.

— На что тогда они живут? У Ома ведь жена и дети?

— Нет у него ни жены, ни детей. Они теперь нищие.

— Простите, тетя, что вы сказали?

— Они оба нищие.

— Не может быть! Это невозможно! Я хочу сказать — как им не стыдно? Если нет портняжной работы, можно найти другую. Ведь…

— Как можешь ты судить, если ничего не знаешь? — оборвала его Дина.

Ее язвительный тон охладил его пыл.

— Пожалуйста, расскажите мне, что случилось.

Пока она говорила, холод ножом вошел в его тело, и он сидел, оцепенев, неподвижный, как статуэтки в стеклянной горке.

Когда она закончила рассказ, он по-прежнему

не шевелился. Дина наклонилась и потрясла его за коленку.

— Ты слушаешь?

Манек слегка кивнул. Слабые глаза женщины не уловили этого мимолетного движения, и она повторила свой вопрос уже с раздражением:

— Так ты слушаешь? Или я просто сотрясаю воздух?

На этот раз он заговорил.

— Да, тетя, я слушаю. — Голос его звучал безжизненно.

«И лицо такое же безжизненное», — подумала она.

— Ты не узнал бы их, если б увидел. Ишвар совсем усох — не потому что нет ног, он весь как-то съежился. А Ом, напротив, раздался. Последствие кастрации.

— Да, тетя.

— А помнишь, как мы вместе готовили?

Он кивнул.

— Помнишь котят?

Он снова кивнул.

Дина сделала еще одну попытку вдохнуть в него жизнь.

— Сколько сейчас времени?

— Половина первого.

— Если не торопишься, можешь увидеть Ишвара и Ома. Они придут сюда в час.

Голос молодого человека вибрировал от переполнявших его эмоций, но не тех, которых ждала Дина.

— Простите, я не могу остаться. — К отказу примешивался ужас, слова вылетали в спешке. — Понимаете, срочные дела… завтра уже улетаю, маминых родственников надо повидать, кое-что купить — да и в аэропорт. Может быть, в следующий раз.

— В следующий раз. Хорошо. Будем ждать следующего раза.

Они встали и направились к выходу.

— Подожди, — остановила его Дина у самых дверей. — У меня есть кое-что для тебя.

Так же осторожно ступая, она вернулась с коробкой в руках.

— Ты оставил ее в моей квартире.

Шахматы Авинаша.

— Спасибо. — Манек покачнулся, но голос его прозвучал спокойно. Он протянул руку, чтобы взять коричневую коробку, но вдруг замешкался.

— На самом деле они не нужны мне, тетя. Оставьте себе.

— А что мне с ними делать?

— Отдайте кому-нибудь… вашим племянникам?

— Ксеркс и Зарир не играют. Они всегда заняты.

Манек понимающе кивнул.

— Спасибо, — повторил он.

— Пожалуйста.

Манек покрутил коробку в руках, любовно погладил ее края.

— До свидания, тетя.

Дина молча кивнула. Манек наклонился к ней и легко чмокнул в щеку. Она подняла руку, как бы желая помахать вслед, отступила назад и стала закрывать дверь. Манек повернулся и торопливо поспешил по мощенной булыжником дорожке.

Услышав, как дверь захлопнулась, Манек остановился. Он был уже в конце дороги, под деревом. В зелени ветвей пела птица. Глядя на коробку, он слушал пение. На него что-то капнуло, и он поспешил отпрыгнуть. Пальцы нащупали на голове липкую слизь, он снял ее листьями и вытер пальцы. Теперь на дереве осталась только ворона, певчая птичка улетела. Интересно, кто из них постарался? Отец говорил, что помет вороны приносит исключительную удачу.

Манек взглянул на часы — без двадцати час.

Скоро появятся Ишвар и Ом. Если он задержится на несколько минут, то их увидит. И они увидят его. Но — что он им скажет?

Он стал ходить взад-вперед по тихой улице за домом. Дойдя до конца улицы, поворачивал и возвращался к дому Дины. Через какое-то время он увидел, как двое нищих появляются из-за угла. Один, безногий, сидел, тяжело обмякнув, на тележке с колесами. Другой тянул тележку, перекинув веревку через плечо. Лишний вес смотрелся на нем странно, словно одежда на вырост. Под мышкой он нес сломанный зонтик.

«Что я скажу им?» — в отчаянии подумал Манек.

Они подошли ближе, и тот, что сидел на тележке, встряхнул железную банку с монетками.

— Господин, подайте денежку, — робко попросил он.

«Ишвар, это же я, Манек! Неужели ты не узнаешь меня?» — слова бились в нем, но не находили выхода. — «Ну, скажи что-нибудь, — приказал он себе, — скажи скорей!»

Теперь стал клянчить милостыню и второй: «Подайте денежку, господин!» У него был высокий, пронзительный голос, смотрел он с вызовом и насмешкой. Нищие застыли выжидающе —

протянутые руки, позвякивающие монеты.

«Ом! Какое кислое у тебя лицо, друг! Ты забыл меня?»

Но слова любви и печали застыли у него на губах.

Безногий закашлялся и сплюнул. В слюне была кровь. Тележка покатилась дальше, и Манек увидел, что Ишвар сидит на подушке. Нет, то была не подушка, а что-то грязное и мятое, сложенное в несколько раз до размеров подушки. Лоскутное покрывало.

Подождите, хотел он крикнуть, подождите меня. Ему хотелось побежать следом, вернуться вместе с ними к тете Дине, сказать ей, что он передумал.

Но ничего этого он не сделал. Нищие свернули на мощенную булыжником дорожку и скрылись из вида. Только слышалось поскрипывание колес по неровным камням. Потом и оно стихло, и Манек продолжил путь.

Манек торопливо прошел мимо крикетного поля, мимо палатки Бал Бабы, мимо раненого плотника на обочине и замедлил ход, только оказавшись в знакомых местах. На гостинице «Вишрам» висела новая неоновая вывеска. Теперь бывшее второсортное кафе, прихватившее

соседние магазины, имело вид преуспевающего ресторана. Бессмысленно горящие на солнечном свете буквы издавали легкий жужжащий звук и вибрировали. «Заходите, ешьте, пейте, отличное кондиционирование, уют и комфорт» — гласило объявление под неоновой вывеской.

Манек вошел внутрь, и его сразу подвели к сверкающему стеклянной столешницей столику. Официант в аккуратной униформе подошел с большим меню на глянцевой бумаге. Манек положил шахматы на пустой стул рядом и заказал кофе.

Наступило время обеда, и в зале было много народу. Официант торопливо прошел мимо со стаканом воды:

— Кофе сейчас приготовят, господин. Подождите минуты две.

Манек кивнул. Из приемника, стоявшего на полке над кассой, лилась скучная инструментальная музыка, почти не слышная из-за шума в зале. Манек обвел взглядом соседние столики, за ними сидели офисные работники в рубашках типа сафари, галстуках, пиджаках, они быстро ели, а их беседа в сопровождении звякающих приборов касалась в основном превратностей бизнеса, денежных пособий, бюджета и продвижения по

службе. Клиенты были новые, не похожие на крестьян и потных рабочих, приходивших сюда поесть в прежние времена.

Принесли кофе. Манек положил сахару, долго его размешивал, немного отпил. Немедленно возник официант.

— Все в порядке, господин?

— Да, спасибо.

Официант поправил солонку и перечницу и с энтузиазмом протер поднос.

— Господин, теперь у власти сын премьер-министра. Как думаете, он будет хорошим правителем?

— Кто знает. Поживем — увидим.

— Верно. Все они говорят одно, а делают другое. — Официант отошел к другому столу, который покинули клиенты. Манек смотрел, как он собирает грязные тарелки, потом соединяет их со стопкой на соседнем столе, потом еще с одной и только после этого несет, пошатываясь, эту гору на кухню.

Официант скоро вернулся и глянул на полупустую чашку Манека.

— Будете есть, господин?

Манек покачал головой.

— У нас очень вкусное мороженое.

— Нет, спасибо. — Такое повышенное внимание действовало ему на нервы — вежливая улыбка шла в новом «Вишраме» в упаковке со всем остальным. Теперь он сидит в одиночестве. А в старый «Вишрам» всегда ходил вместе с Омом и Ишваром. Они сидели здесь днем за пропахшим едой столом. А за окном катался Шанкар, махая им култышками, он ерзал на тележке, позвякивая железной банкой. Потом его сожгли на погребальном костре. Молился священник, горел сандал, дымили благовония. Завершенность. В отцовой кремации этого не было — открытый огонь все-таки лучше. По крайней мере, для живых…

Группа клиентов, вставая из-за стола, шумно отодвинула стулья, их место тут же заняли новые. Они приветствовали обслуживающий персонал по именам. Очевидно, завсегдатаи. Манек взял в руки шахматы, открыл крышку и вытащил наугад фигуру. Пешка. Он покрутил ее в пальцах, отметив, что зеленое сукно у основания фигуры отстает.

Официант тоже это заметил.

— Купите клей «Кэмел», господин. Приклеит намертво.

Манек кивнул. Он допил кофе и положил пешку в коробку.

— Мой сын тоже играет в эту игру, — с гордостью произнес официант.

Манек поднял глаза.

— Вот как? У него есть шахматы?

— Нет, господин. Своих нет. Они слишком дорогие. Он играет только в школе. — Заметив пустую чашку, официант вновь предложил меню. — Уже два часа, господин, кухня скоро закроется. У нас вкусная курица карри, бирьяни[157]. Или закуски — рулет с бараниной, пакора, пури-бхаджи.

— Нет, только еще кофе. — Манек встал и пошел в глубину зала в поисках туалета.

Туалет был занят. Манек подождал в коридоре, откуда он хорошо видел кипучую деятельность на кухне. Помощник повара рубил мясо, шинковал овощи, мешал, взбалтывал, на лице у него выступил пот. Тощий мальчуган очищал тарелки от объедков, а потом замачивал их в раковине.

«Несмотря на весь лоск — хромированные поверхности, стекло и флуоресцентные лампы, кое-что осталось здесь и от старого «Вишрама», — подумал Манек, — плиты топят по-прежнему углем и керосином». Тут дверь туалета скрипнула, и он вошел внутрь.

---

[157] Примечания: 157
Рис с добавлением мяса, рыбы или овощей.

Когда он вышел, как раз освободился столик рядом с кухней. Манек решил сесть за него. Официант опрометью бросился к нему, чтобы напомнить, что кофе дожидается его на другом столе.

— Я выпью здесь, — сказал Манек.

— Здесь не самое лучшее место, господин. Шум и запахи с кухни будут вас беспокоить.

— Все хорошо.

Официант подчинился, принес кофе и шахматы, а потом удалился, чтобы обсудить с коллегами предпочтения и причуды клиента.

Кто-то крикнул на кухню, чтобы приготовили шиш-кебаб[158]. Помощник повара подкинул уголь в плиту, а когда он разгорелся, часть его выложил на жаровню. На шампуры нанизали куски баранины и печень. Огонь пылал вовсю — повара старались изо всех сил, раздувая его.

«Как любопытно разгораются эти угольки, — думал Манек, — они, словно живые, дышат и пульсируют». Сначала маленькие, чуть наполненные теплом, они постепенно накаляются докрасна, шипят и трещат, из них вырываются языки пламени, все превращается в жар, страсть,

---

[158] Примечания: 158
Шашлык *(хинди).*

меняется на глазах, угрожает, разрушает. И потом — спад. Мягкое тепло, уступчивость и наконец — неподвижность.

Часы обеда в «Вишраме» подошли к концу. После трех официант начал мягко намекать Манеку, что пора уходить, стараясь, чтобы намеки звучали шутливо.

— Все уже давно разбежались по офисам, господин, — говорил он с улыбкой. — Побаиваются хозяев. Но вы, наверное, сами большой босс — только вы позволили себе задержаться.

«Да, только я, — подумал Манек. — *Кто не спешит, тот опаздывает*».

— Вы в отпуске?

— Можно сказать и так. Дай счет, пожалуйста. — Манек снова бросил взгляд в сторону кухни. Печи не горели. Поварята убирали помещение, готовя его к ужину, когда приходят постоянные гости. Угли на жаровне превратились в золу.

Счет за два кофе составил шесть рупий. Манек оставил на блюдце десять и направился к выходу.

— Подождите, подождите, — закричал официант, догоняя его. — Господин, вы забыли бумажник. И еще игру.

— Спасибо. — Манек сунул бумажник в задний карман брюк и взял шахматы.

— Сегодня вы все забываете, — вежливо засмеялся официант. — Будьте внимательны, господин.

Манек улыбнулся и кивнул, затем открыл дверь и ступил из кондиционированной прохлады «Вишрама» прямо в объятья дневной жары.

Через какое-то время Манеку стало трудно двигаться по тротуару, и тут он осознал, что идет навстречу людскому потоку. Пока он бродил по городу, наступил вечер, и люди после работы высыпали на улицы, торопясь домой. Часы показывали пятнадцать минут седьмого. Манек повернул к железнодорожной станции, чтобы идти в одном направлении с большинством горожан.

Самое тяжелое время — час пик — миновало, но высокие потолки вокзала продолжали вибрировать от грохота поездов. К железнодорожной кассе тянулась очередь. Манеку припомнилась давно слышанная история о безбилетнике.

Он не стал стоять в очереди, а протиснулся в толпе к платформе. Согласно расписанию следующий поезд был экспресс, который здесь не останавливался.

Оглянувшись по сторонам, он увидел, что кто-то из пассажиров уткнулся в газету, кто-то возится с багажом, кто-то пьет чай. Мать крутила ухо своему ребенку, чтобы научить его уму-разуму. Послышался отдаленный гул, и Манек передвинулся ближе к краю платформы. Он смотрел на рельсы. И в ту, и в другую стороны они тянулись в бесконечность, а своим сверканием обещали счастье — эти серебристые ленты, легко касавшиеся гравия, соединяли друг с другом потемневшие, изношенные деревянные шпалы.

Манек обратил внимание на пожилую женщину в темных очках, стоявшую рядом. Может, она слепая? Тогда ей опасно находиться у края платформы — наверное, стоит помочь ей отойти подальше.

Женщина с улыбкой произнесла: «Идет скорый поезд, он здесь не остановится. Я сверилась с расписанием». И она сделала шаг назад, приглашая его движением руки последовать ее примеру.

Значит, не слепая, просто модная. Манек улыбнулся ей в ответ, но с места не сдвинулся, прижимая к себе шахматы. Экспресс уже показался вдали, как бы сглаживая изгиб путей. Шум усиливался, перерастая по мере приближения состава в грохот. Когда первый вагон достиг стан-

ции, Манек ступил с платформы на сверкающий серебряный путь.

Первой закричала пожилая женщина в темных очках. Затем резкий скрип пневматических тормозов заглушил все остальные звуки.

А он так и не расстался с шахматами Авинаша — последнее, что мелькнуло в сознании Манека.

Под деревом, где встречались мощенная булыжником дорожка и асфальтовый тротуар, Ом выпустил из рук веревку, и нищие расположились на отдых. В густой зелени над ними запела птица. Они поглядывали на ручные часы прохожих, у которых просили милостыню.

Ровно в час они съехали с тротуара и покатили по покрытой булыжником дорожке. Кустарник и садовая ограда дома Шрофов скрывали их от любопытных глаз соседей. Нищие направились сразу к черному ходу, держась ближе к стене, и тихо постучали в дверь.

Дина провела их в дом. Она налила каждому по стакану воды и, пока они пили, разложила чечевицу по простым тарелкам, которые Руби держала в буфете. Сколько времени она сможет вот так украдкой принимать их, скрывая эти посещения от Руби и Нусвана, подумала Дина.

— Вас никто не видел?

Они покачали головами.

— Ешьте быстрей, — сказала Дина. — Сегодня невестка придет раньше обычного.

— Очень вкусно, — похвалил Ишвар, осторожно удерживая тарелку на коленях.

Ом подтвердил слова дяди удовлетворенным бормотанием, однако прибавил:

— Чапати немного суховаты, не такие вкусные, как вчера. Наверно, не следовали моему рецепту?

— Этот парень считает себя умнее всех, — пожаловалась Дина.

— Ничего не поделаешь! — сказал, посмеиваясь, Ишвар. — Он чемпион по приготовлению чапати.

— Они вчерашние, — призналась Дина. — Новых я не пекла. У меня был гость. Никогда не догадаетесь — кто.

— Манек, — хором проговорили нищие.

— Мы видели его полчаса тому назад. И узнали, несмотря на то что он отпустил бороду, — сказал Ишвар.

— Поговорили с ним?

Нищие покачали головами.

— Он не узнал нас, — прибавил Ом. — Или не захотел узнать. Мы даже сказали ему: «Господин,

подай монетку!» — чтобы привлечь его внимание.

— За эти годы вы очень изменились. — Дина протянула им блюдо с чапати. — Берите еще. — Ишвар взял одну лепешку и половину отдал Ому.

— Я сказала, что вы придете в час, — продолжила Дина. — Предлагала подождать, но он куда-то спешил. Увидимся в следующий раз, сказал он.

— Хорошо бы, — сказал Ишвар.

Ом сердито пожал плечами.

— Тот Манек, которого мы знали, дождался бы нас.

— Да, — согласился Ишвар, добирая остатки с тарелки. — Но он уехал очень далеко. А когда далеко уезжаешь, меняешься. Расстояние — сложная вещь. Не будем его судить.

Дина с этим согласилась.

— Не забудьте, завтра — суббота, все дома. Вам нельзя приходить два дня. — Она положила грязные тарелки в раковину и открыла дверь, выпуская их на улицу.

— Ой, что это? — воскликнул Ишвар.

Нитка с лоскутного покрывала, на котором он сидел, намоталась на колесо.

— Дай-ка взглянуть. — Дядя повернулся при

помощи рук на один бок, и Ом вытащил из-под него покрывало. Был найден лоскут, из которого тянулась нитка.

— Вовремя заметили, — сказала Дина. — Иначе весь лоскут распустился бы.

— Это легко исправить, — вызвался Ишвар. — Дайте мне иголку, Дина-бай. Всего на минутку.

— Не сейчас. Я уже говорила, что невестка придет сегодня рано. — Однако Дина пошла в свою комнату и принесла катушку ниток с воткнутой иголкой. — Возьмите ее с собой. — Она снова открыла дверь. Не забудь зонтик. — И сунула зонтик под мышку Ому.

— Вчера он очень пригодился, — сказал тот. — Я ударил им вора, который пытался ограбить нас. — Ом накинул на плечо веревку и потянул тележку. Ишвар зацокал языком, как делают погонщики волов. А племянник, изображая вола, стал бить копытом и мотать головой.

— Прекратите дурачиться, — посетовала Дина. — Если будете вести себя так на улице, вам ничего не подадут.

— Трогай, мой верный друг, — сказал Ишвар. — Шевели копытами или дождешься у меня. — Тихо посмеиваясь, Ом затрусил прочь. Выехав на улицу, они перестали проказничать.

Закрыв дверь, Дина покачала головой. Этим двоим удавалось смешить ее каждый день. Как Манеку когда-то. Она вымыла две тарелки и поставила их в буфет, с них вечером поужинают Нусван и Руби. Потом вытерла руки и решила вздремнуть перед тем, как заняться приготовлением ужина.